

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН

Научно-координационный совет
«Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»
при Секции философии, политологии, социологии, психологии и права
Отделения общественных наук РАН

Пермский научный центр УрО РАН

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ
СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
РЕГИОНОВ РОССИИ**

Материалы
X Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
г. Пермь, 14–17 октября 2014 г.

Пермь 2014

УДК 316.334.52
ББК 60.59
С69

Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 459 с.

ISBN 978-5-7944-2375-4

В сборнике представлены материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», состоявшейся в Пермском государственном национальном исследовательском университете 14–17 октября 2014 г. Время проведения конференции совпало с двумя значимыми датами становления и развития социокультурной компаративистики российских регионов: 25 лет Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» и 10 лет осуществления региональных проектов «Социокультурные портреты регионов».

Сборник содержит свыше 70 текстов, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями университетов и научно-исследовательских институтов 22 регионов страны для обсуждения на двух пленарных заседаниях и шести круглых столах конференции. Впервые в центр внимания выдвинуты проблемы сбалансированности процессов модернизации регионов России, социокультурных и природно-ресурсных факторов этих процессов. Анализ проводится не только в рамках субъектов, но и в масштабе федеральных округов Российской Федерации. Даются также сопоставления с общероссийскими тенденциями и с индексами модернизации других стран. Показан рискогенный характер несбалансированности компонент модернизации, предложена стратегия поэтапной интегрирующей модернизации для регионов и всей России.

В приложении дан сокращенный перечень социологических исследований и публикаций участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (1990–2014 гг.).

Предназначено для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, средств массовой информации и всех интересующихся проблемами модернизации России и ее регионов.

Публикуется по решению оргкомитета конференции

Редакционная коллегия:

Н. И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель),
Л. А. Беляева, доктор социологических наук,
Н. А. Касавина, кандидат философских наук,
Е. А. Когай, доктор философских наук,
И. Ю. Макарихин, доктор физико-математических наук,
Е. Б. Плотникова, кандидат исторических наук,
Г. Ф. Ромашкина, доктор социологических наук

Проведение конференции и издание сборника ее материалов осуществлены при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-14014

ISBN 978-5-7944-2375-4

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лапин Н.И.</i> Предисловие.....	7
------------------------------------	---

Пленарные заседания 1 и 2

Общие вопросы модернизации федеральных округов и субъектов РФ

Социокультурные вызовы

и поэтапная интегрирующая стратегия модернизации России

<i>Беляева Л.А.</i> Социокультурные вызовы российской модернизации.....	12
<i>Лапин Н.И.</i> К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России.....	25
<i>Пилясов А.Н.</i> Региональные инновационные системы и сетевые структуры в региональном развитии (по результатам анализа четырех конгрессов Европейской ассоциации региональной науки: 2005–2008 гг.).....	43

Состояние и проблемы модернизации федеральных округов

<i>Бойко И.И., Харитонов В.Г.</i> Демографические процессы и модернизация в регионах ПФО.....	51
<i>Дулина Н.В., Каргаполова Е.В.</i> Модернизация регионов Южного федерального округа: оценка состояния и сценарии развития	55
<i>Касавина Н.А.</i> Компоненты модернизации центрального макрорайона ЦФО.....	61
<i>Когай Е.А.</i> Регионы Центрального Черноземья на пути к интегрированной модернизации.....	67
<i>Немировская А.В.</i> Актуальное состояние и условия модернизации регионов Дальнего Востока.....	74
<i>Немировский В.Г., Половинко В.С.</i> Сибирский федеральный округ. Состояние и проблемы социокультурной модернизации.....	83
<i>Половинко В.С., Иванов Д.С.</i> Сибирский федеральный округ. Предпосылки и условия модернизации.....	91
<i>Ромашкина Г.Ф.</i> Процессы модернизации в Уральском федеральном округе.....	101
<i>Ромашкина Г.Ф.</i> Уральский федеральный округ – вызовы ресурсного типа развития.....	112
<i>Стегний В.Н.</i> Соотношение критериев модернизации общества и региона.....	121
<i>Тарасов В.Т.</i> Регионы Приволжского федерального округа: стратегия модернизации в условиях неравномерного развития.....	125
<i>Шабунова А.А.</i> Устойчивая разновекторность процессов модернизации. Северо-Западный федеральный округ.....	130

Состояние и проблемы модернизации субъектов РФ

<i>Ганопольский М.Г.</i> Российские регионы: от схемы к образу.....	142
<i>Германов И.А.</i> Инновационная деятельность и структура ценностей населения в регионах России.....	148
<i>Давыденко В.А.</i> Социально-экономическая динамика Тюменского региона в мировом и общероссийском контексте.....	156

<i>Дергунова Н.В.</i> Общественно-политические факторы модернизации региона: опыт исследования в 2007–2013 гг.	164
<i>Плеханов Е.А.</i> Социокультурный портрет населения Владимирской области.....	170
<i>Плотникова Е.Б.</i> Инновационный потенциал в российских регионах: условия и факторы развития.....	177
<i>Юсупов М.М.</i> Факторы изменения социокультурных ценностей.....	180

Круглый стол №1

Социокультурные и природно-ресурсные факторы несбалансированности основных компонент модернизации

<i>Беккалиева А.Р., Каргаполова Е.В.</i> Астраханская область в условиях модернизации: опыт мониторингового исследования.....	184
<i>Лавренюк Н.М., Сарваров Л.В.</i> Информационная модернизация в стратегическом развитии предприятий Башкортостана.....	189
<i>Когай А.А.</i> Анализ данных развития Курской области на основе экономических показателей и индексов модернизации.....	192
<i>Комбарова Т.В.</i> Демографическое состояние Тюменского региона: факторы и перспективы..	199
<i>Кудинова Г.Э.</i> Экомодернизационные районы бассейнов рек Янцзы и Волги.....	204
<i>Ласточкина М.А.</i> Неравенство и социокультурные аспекты модернизации в регионах Северо-Западного федерального округа.....	210
<i>Мосин В.И.</i> Социокультурное развитие Тульской области в современных условиях.....	214
<i>Тарасова А.Н.</i> Человеческий капитал как фактор модернизационного развития региона.....	219
<i>Хачатрян Г.А.</i> Моногород: проблемы и перспективы развития (на примере г.Вольск Саратовской области).....	223
<i>Хачатрян Л.А.</i> Демографический фактор модернизации общества.....	227
<i>Ягафарова Д.Г.</i> Баланс региональных факторов в системе качества жизни населения Республики Башкортостан	231

Круглый стол №2

Завершение индустриальной модернизации и проблемы социокультурного благополучия населения

<i>Андреанова Е.В.</i> Социоструктурные факторы, влияющие на удовлетворенность условиями трудовой деятельности.....	237
<i>Арбитаило И.Я.</i> Социально-экономические особенности здравоохранения.....	243
<i>Ахмедзянова Р.М.</i> Уровень и качество жизни населения Тюменской области.....	246
<i>Козлов В.А., Немировская А.В.</i> Оценка собственного здоровья населением Восточной Сибири и Дальнего Востока.....	250
<i>Мостовая Е.Б.</i> Средний слой в составе населения Сибири.....	258
<i>Пасовец Ю.М.</i> Роль трудовых ресурсов в формировании качества экономики региона.....	265
<i>Петухов К.А.</i> Корпоративная социальная ответственность как фактор модернизации регионов России.....	270
<i>Слобожанин А.В.</i> Динамика социально-экономических показателей как фактор социокультурного благополучия Тульской области.....	274

Круглый стол №3
Информационная модернизация как фактор
эффективного использования человеческого потенциала регионов

<i>Дроздова Ю.А.</i> Символическое пространство через призму информационной модернизации региона (на примере Волгоградской обл.).....	278
<i>Кох И.А.</i> Роль и место интернет-технологий в развитии социальной инфраструктуры региона.....	283
<i>Лебединцева Л.А.</i> Информационная модернизация региона и ее влияние на развитие инновационных процессов (на примере Санкт-Петербурга).....	288
<i>Логинова Л.В.</i> Проблемы развития этнокультурного туризма как конкурентного преимущества региона (на примере Саратовской области).....	293
<i>Мажитова А.Р.</i> Уровень развития информационной модернизации Республики Башкортостан.....	297
<i>Степанова М.В.</i> Инновационная составляющая конкурентоспособности региона.....	303
<i>Яцкова Д.С.</i> Социокультурные детерминанты развития инновационной активности в регионе.....	308

Круглый стол №4
Структура ценностей, стиль жизни, самочувствие населения регионов
в контексте начинающейся информационной модернизации

<i>Воронова К.А.</i> Религиозные ценности в современном российском обществе.....	315
<i>Дулина Н.В., Токарев В.В.</i> Социальное самочувствие жителей как фактор модернизации региона.....	320
<i>Галкина Е.П., Кадничанская М.И.</i> Ценности молодежи в контексте социокультурной модернизации в Ульяновской области.....	326
<i>Каргаполов С.В.</i> Менталитет молодежи региона в условиях информационной модернизации.....	331
<i>Лысенко О.В.</i> Культурные основания социальной стратификации городского общества.....	337
<i>Маркова Ю.С.</i> Ценности современного студенчества.....	341
<i>Михалева А.В.</i> Этнокультурный ресурс Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов.....	346
<i>Немировский В.Г.</i> Социальное самочувствие населения как фактор эффективности модернизационных процессов в стране и регионе.....	350
<i>Петросян Д.И.</i> Информационные предпочтения молодежи как фактор модернизации региона.....	354
<i>Прокофьева А.В.</i> Социокультурные особенности формирования городской среды.....	361
<i>Терецук Е.А.</i> Ценностные ориентации населения Челябинской области.....	366
<i>Шабунин Д.М., Кудинова Г.Э.</i> Социальное самочувствие и оценка экологии региона жителями Самарской области.....	371
<i>Шамсутдинова Н.К.</i> Отражение процессов модернизации в социальном самочувствии населения.....	376

Круглый стол №5
Политико-культурные факторы неравномерного развития
процессов модернизации в регионах России

<i>Витковская Т.Б.</i> Эффективность местных элит и МСУ как фактор модернизации.....	380
<i>Власова Н.В.</i> Проблемы модернизации современных СМИ и их влияние на молодое поколение: региональный аспект.....	384
<i>Галактионова Н.А.</i> Территориальные бренды как фактор инвестиционной привлекательности региона.....	389
<i>Ковин В.С.</i> Региональный и локальный уровни электоральной идентичности как факторы политической модернизации региона.....	393
<i>Подвинцев О.Б.</i> Факторы отторжения губернаторов – «варягов» в субъектах РФ.....	399
<i>Прохоров Д.В.</i> Значение субъективных показателей развития социостратификационных процессов российского общества для государственного управления (на примере исследований среднего класса Самарской обл.).....	403
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Институционно-регулятивная сфера Чувашии. Состояние и перспективы.....	408
<i>Яковлева О.К.</i> Социальная рациональность как показатель качества взаимодействия отношений «регион – центр».....	410

Круглый стол №6
Новые компоненты инструментария
«Социокультурный портрет региона России»

<i>Винокуров А.И.</i> Социокультурный портрет России: культурное измерение.....	416
<i>Кузнецов А.Е.</i> Регионы становятся «нациями».....	418
<i>Скворцова О.В.</i> Портретные характеристики экономически активного населения с разным типом трудовой мотивации.....	424
<i>Чернега А.А.</i> Социальное конструирование туристических достопримечательностей как форма актуализации социокультурного потенциала территории.....	431

Приложение

Социологические исследования и публикации участников программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Сокращенный перечень. Составители: Л.А. Беляева, Н.И. Лапин).....	435
Сведения об авторах	453

ПРЕДИСЛОВИЕ

*В 2014 г. сошлись две даты, значимые для становления и развития социокультурной компаративистики российских регионов. Во-первых, 25 лет с начала проведения Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН опросов в рамках всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», который стал предпосылкой и первой формой осуществления программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (далее – Программа). Во-вторых, 10 лет с начала работы по созданию социокультурных портретов регионов России, которые служат основным способом реализации названной программы, а их результаты рассматриваются на ежегодных конференциях. Соответственно здесь и сегодня проходит **10-я ежегодная конференция.***

Каждая такая конференция, имеющая статус всероссийской научно-практической, проходит в одном из субъектов Российской Федерации по инициативе ведущего университета или научно-исследовательского института этого субъекта и предоставляет участникам Программы возможность взаимного обмена информацией о полученных результатах, дискуссий и уточнения векторов дальнейшего развития социокультурной компаративистики. По случаю круглой даты вспомним столицы 10 субъектов, в которых проводились наши конференции начиная с 2005 г.: это Москва, Тюмень, Курск, Чебоксары, Смоленск, Ульяновск, Казань, Уфа, Вологда и сегодня – Пермь. Огромное спасибо руководству этих регионов и отдельно – непосредственным организаторам конференций, ректорам университетов и директорам институтов, кафедрам и персонально их заведующим и сотрудникам, которые взяли на себя нелегкий груз ответственности и трудоемкой научно-организационной работы по подготовке и проведению конференций. Мы особо благодарны Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку Программы, в том числе проведения конференций и издания сборников. Кстати, **РГНФ готовится к своему 20-летию.** Также мы благодарны за поддержку конференции Региональному объединению работодателей Пермского края «Сотрудничество», его президенту Алексею Гурьевичу Андрееву и генеральному директору Василию Ивановичу Цыганкову, руководителям промышленных организаций и предприятий Пермского края, которые оказали финансовое содействие.

Сегодня мы выражаем искреннюю признательность губернатору Пермского края Виктору Федоровичу Басаргину, Правительству края, сотрудникам его администрации, ректору Пермского государственного национального исследовательского университета доктору физико-математических наук Игорю Юрьевичу Макарихину, Пермскому научному центру Уральского отделения РАН, кафедре социологии и политологии университета, ее заведующей Елене Борисовне Плотниковой, всем сотрудникам организационного комитета за инициативу по проведению данной конференции, за высокий уровень научно-организационной работы по ее подготовке, за выставки материалов по истории наших конференций, за уральское гостеприимство и возможность ознакомиться с историко-культурными достопримечательностями столицы Пермского края.

В связи с двумя круглыми датами ЦИСИ запросил от руководителей проектов краткие данные об исследованиях и публикациях по тематике Программы. Получились впечатляющие цифры: в 2005–2014 гг. выполнено около 70 социологических исследований, в ходе которых опрошены почти 80 тысяч респондентов и свыше 1500 экспертов; результаты исследований нашли отражение в более чем 1170 публикациях, в том числе в 110 коллективных монографиях и сборниках; авторами публикаций стали свыше 240 специалистов (докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, аспирантов и студентов), представляющих кафедры, лаборатории, центры ведущих университетов и научно-исследовательских институтов 24 регионов – субъектов Российской Федерации. Это результаты добровольной активности участников Программы.

Напомню также, что наша деятельность осуществляется под ненавязчивым, но авторитетным кураторством Научно-координационного совета при Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. Как Вы знаете, согласно закону о реорганизации РАН секции и научные советы при них сохранены и продолжают функционировать. Перед завершением конференции состоится очередное заседание нашего Научно-координационного совета, на котором мы обсудим и примем резолюцию об итогах и ближайших задачах нашей работы по Программе. Можно отметить как минимум два основных итога деятельности в рамках Программы: во-первых, создана **социокультурная компаративистика** российских регионов как новое направление научных исследований; во-вторых, возникла **волонтерская исследовательская организация**, по сути **сетевой институт социокультурной компаративистики регионов России**.

Можно выразить удовлетворенность этими результатами и уверенность в дальнейшем развитии социокультурных исследований. На конференцию представлены свыше 70 докладов из 22 регионов страны. Их содержание свидетельствует о продвижении многих авторов в изучении актуальных проблем социокультурной эволюции России и ее регионов. Отмечу главные вехи нашего общего восхождения по тропам социокультурной компаративистики за 10 лет и характер их отражения в материалах конференции.

На первом этапе (2005–2010 гг.) основное внимание было сосредоточено на апробации инструментария ЦИСИ «Социокультурный портрет региона России» для получения комплексной информации и на освоении портретного жанра ее анализа и представления заинтересованной общественности и органам управления. Сверхзадачу мы видели в том, чтобы осуществлять корректные сопоставления социокультурной эволюции различных регионов и делать на их основе обобщающие выводы.

Эти исходные установки были в достаточной мере реализованы во многих исследованиях и представлены в социокультурных портретах регионов. Как можно видеть из перечня публикаций, в первые три года существования Программы (2006–2008 гг.) на свет появились монографические портреты пяти регионов: Курской области (2006 г.), Тюменского региона (2007 г.), Республики Карелия (2007 г.), Пермского края и Тульской области (2008 г.). Затем были созданы портреты еще свыше 10 регионов, а некоторые из первых – повторно. Но пока этого нельзя сказать обо всех регионах, участвующих в Программе. В листе наших ожиданий – портреты Брянской, Новосибирской, Свердловской, Смоленской, Томской областей и ряда республик. Хотелось бы также увидеть портреты Москвы и Санкт-Петербурга, а со временем и ряда других регионов.

Подробный перечень исследований и публикаций, который представлен участникам конференции, свидетельствует о широком круге теоретических и прикладных результатов, полученных участниками Программы. Этот перечень также имеется на сайте Института философии РАН (см. страницу «Ученые Института // ЦИСИ»). Его краткий вариант представлен и в настоящем сборнике. Одним из основных наших результатов мы считаем эмпирическое доказательство исходной гипотезы о **невостробованности все еще значительного социокультурного потенциала россиян в экономической и общественно-политической жизни большинства регионов страны**. Факт такой невостробованности следует рассматривать как **комплексный социокультурный вызов** возникшему в России типу общества – вызов, требующий неотложной модернизации общества.

Здесь нет возможности останавливаться на других наших результатах, но целесообразно обратить внимание на представленное в данном сборнике *продолжение разработок* ряда аспектов, базовых для методологии социокультурного портрета и обогащающих понимание эволюции регионов. К примеру, это исследования факторов удовлетворенности условиями труда, проблем стратификации, среднего класса, ценностных ориентаций, социального самочувствия населения.

В 2011 г. мы обратили внимание на потребность и возможность конкретизировать получаемые результаты, актуализировать их интерпретацию и обеспечивать международную сопоставимость, соотнося их с проблемами и процессами **модернизации** в России и других

странах мира. Эта методологическая инновация потребовала от нас освоения инструментария Центра исследований модернизации АН Китая (руководитель – профессор Чуаньци Хэ), с помощью которого китайские коллеги с 2001 г. осуществляют мониторинг стадий и уровня модернизации в 130 странах, включая Россию. Были некоторые сомнения в обоснованности такого вектора исследований. Тем не менее в резолюции VII конференции (Казань) эта инициатива была поддержана. В большинстве региональных проектов многие сотрудники овладели новым инструментарием, усвоили социокультурно-модернизационное понимание региона и вошли во вкус исследований объекта, имя которому **социокультурная модернизация**.

Как видно из многих текстов сборника конференции, благодаря этому мы стали конкретнее и глубже понимать состояние и динамику не только процессов модернизации, но и в целом социокультурной эволюции регионов и всей страны как предпосылки и вызова российской модернизации. Также мы начинаем сознавать необходимость *поэтапной интегрирующей модернизации*, которая отвечает культурно-историческим особенностям России и ее регионов, традициям и ценностям ее населения.

Мы постепенно уясняем состояние технологических укладов, определяющих производительность труда и конкурентоспособность регионов, вникаем в социокультурное значение инновационных проектов – технических и организационных, глубже понимать роль трудовых ресурсов в формировании качества экономики и вообще человеческого капитала как фактора модернизационного развития региона. Мы начали конкретно анализировать структуру и уровень информационной модернизации, баланс региональных факторов качества жизни, в целом социокультурные особенности регионов как их конкурентные преимущества; а также лучше осознали *низкую патентную активность специалистов*, которые могли бы ее проявлять; под новым углом зрения начинаем рассматривать проблемы молодежи и в целом демографические процессы.

Мы более четко понимаем *неразвитость сферы услуг* как фактор, сдерживающий развитие регионов. При подготовке их портретов это побуждает нас изучать ассортимент предоставляемых услуг и долю населения, пользующегося теми или иными услугами, в том числе платными, а также причины их неиспользования. Это, в свою очередь, позволяет оценить потенциальный рынок конкретных видов услуг и потребность в развитии соответствующих производств. Таким образом, возникает стык социокультурных и маркетинговых исследований. Соответственно в портретах как таковых требуется конкретная картина таких процессов и факторов, которая сделает их более убедительными.

В 2013–2014 гг. в соответствии с методологией подготовки Социокультурного атласа модернизации регионов России в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №31¹ руководители и участники ряда региональных проектов осуществили развернутый диагноз состояний модернизированности регионов *в масштабе федеральных округов РФ*². При этом полезным стало выделение **основных компонент** модернизации: технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционально-регулятивной. Сделаны первые шаги по определению ближайших этапов стратегии интегрируемой модернизации макрорегионов. Это *наше новое серьезное продвижение*. Его результаты частично представлены в сборнике материалов данной конференции, а в ближайших номерах журнала «Социологические исследования» будет опубликован цикл статей наших коллег.

Целесообразно широко использовать этот опыт при дальнейшей работе по подготовке портретов регионов. Видимо, *назревает потребность в новой модификации нашего типового инструментария, соответствующей новым задачам.*

¹ См.: Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / отв. ред. акад. М.В. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

² Эту работу осуществили: по ЦФО – Н.И. Лапин, Е.А. Когай, Н.А. Касавина, А.А. Когай; по СЗФО – А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина; по ЮФО – Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова; по ПФО – В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; по УФО – Г.Ф. Ромашкина; СФО – В.Г. Немировский, В.С. Половинко; по ДФО – А.В. Немировская.

Как социогуманитарное научное направление или научная дисциплина, *социокультурная компаративистика* имеет научно-исследовательскую и учебно-просветительскую функции, а также прикладные задачи. В качестве наиболее актуальных в настоящее время целесообразно выделить две комплексные задачи, которые интегрируют обе названные функции и одновременно имеют прикладной характер:

– во-первых, ***диагностика состояний регионов как социокультурных сообществ***, основанная на комплексном их исследовании, включая использование системных методов диагностики;

– во-вторых, опирающееся на результаты диагностики ***выявление потребностей и коридоров возможностей социокультурного развития регионов*** в целях повышения благополучия населения и консолидации регионов, тем самым – повышения конкурентоспособности, безопасности и целостности России перед лицом новых вызовов в условиях глобализации.

Уточним: поскольку развитие в этих условиях осуществляется в большинстве стран мира путем их *непрерывной модернизации* как комплексного цивилизационного процесса, постольку речь идет, прежде всего, о диагностике состояний социокультурной модернизации российских регионов и о разработке возможных способов их перехода от первичной, индустриальной, стадии модернизации к вторичной, информационной, ее стадии. Решению этих задач должна способствовать наша X Всероссийская научно-практическая конференция – дважды юбилейная, а значит нацеленная на двойной эффект.

Руководитель программы
«Социокультурная эволюция России и ее регионов»,
председатель программного комитета X конференции,
член-корреспондент РАН
Н. И. Лапин

Пленарные заседания 1 и 2

Общие вопросы модернизации федеральных округов и субъектов РФ:

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПОЭТАПНАЯ ИНТЕГРИРУЮЩАЯ СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ**

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ РФ

УДК 316.422 (2Рос)

Л. А. Беляева, Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00338)

В статье поставлена проблема модернизации российского общества как необходимый ответ на внешние и внутренние вызовы. Этот ответ должен учитывать социокультурные особенности России и ее регионов, особенно в связи с пространственными характеристиками страны, состоянием ее народонаселения и миграционными процессами.

Ключевые слова: модернизация, внутренний вызов, ответ, пространство, народонаселение.

На пути модернизации российского общества встречается много проблем самого разного свойства. Среди них есть такие, которые носят системный характер и могут восприниматься как вызовы для модернизации страны и на них необходимо найти адекватные ответы, иначе модернизация как комплексный процесс перехода общества в современное, постиндустриальное состояние, не может состояться. С другой стороны, вызовы могут рассматриваться как потенциал или стимул развития в зависимости от того, насколько поняты эти проблемы и общество смогло перевести их в плоскость политико-социальных и экономических решений, определить их этапность и целевые установки. Как писал, А. Дж. Тойнби, «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста» [1, с. 118–119].

Прогресс общества, а в случае современной России – его модернизация, зависят от способности дать адекватный ответ на вызовы внешней среды и вызовы внутренние. Оставим в стороне геополитические вызовы внешнего характера, связанные с положением России в мире, отношениями со странами и международными организациями, сосредоточив свое внимание на внутренних вызовах. Хотя задачи модернизации возникают, как правило, а в истории России систематически как реакция на вызов Запада, (а теперь и Востока), реакция на внешние угрозы и обстоятельства конкуренции в эффективности развития. Они играют обычно более важную роль, чем внутренние вызовы, побуждающие к социально-экономическим и политическим преобразованиям.

Если рассматривать модернизацию как задачу, решить которую жизненно необходимо для страны, то проблемы, которые препятствуют ее решению можно рассматривать как внутренние вызовы, на которые нужно дать адекватный ответ. Этот ответ не может быть скоропалительным и исключает, по моему мнению, то, что называют *модернизационным прорывом*, а наоборот он требует систематической последовательной работы по созданию условий и стимулов развертывания процесса перевода страны в качественно новое состояние, приближающего его к развитым странам мира по жизненным условиям для населения, эффективной занятости трудоспособных, безопасности и правопорядка, обеспечение прав и свобод личности. Эти задачи не могут решаться в режиме рывка, прорыва, поскольку они затрагивают социальные формы жизни, которые обладают большой инерционной силой и требуют естественноисторического развития с приятием самим населением этих новых форм.

Внутренние вызовы можно условно разделить на три группы: вызовы, рождаемые природной средой; вызовы, определяемые качеством человеческого капитала и вызовы, исходя-

щие из состояния институциональной среды и социального капитала. Безусловно, проблема внутренних вызовов это комплексная проблема, охватывающая и объективные обстоятельства, связанные с уровнем предшествующего развития, и субъективные препятствия и возможности, рождаемые социокультурными особенностями и интересами населения, а также интересами и компетенциями правящей элиты.

Назову некоторые внутренние вызовы (каждый из них вызовов носит комплексный характер), не претендую на их ранжирование. На каждый из следующих вызовов нужен ответ в целях модернизации страны: необходимость смены вектора экономического развития с сырьевого на индустриальный и инновационный; повышение креативности управленческих решений и их направленность на задачи модернизации не только экономики, но и социальной и политической систем; оптимизация соотношения различных секторов экономики, в том числе производства, науки и образования в целях инновационного развития; преодоление складывающейся тенденции перехода к мобилизационному типу развития; совершенствование в стране социального капитала и сокращение огромной коррупции и неправовых практик; укрепление модернизационных ценностей у населения и элит; смягчение глубокой экономической дифференциации населения; выравнивание социальных шансов вертикальной мобильности молодежи из разных социальных слоев. Существуют и другие, не менее актуальные вызовы. На каждый из этих вызовов должен быть найден адекватный ответ, который не только решает конкретную проблему, но и выводит общество на новый уровень развития сейчас и в будущем. В противном случае не будет решаться, или решается очень медленно, со срывами, основная задача – модернизация страны. Неправильно, как часто это делается, сводить задачу модернизации только к инвестициям в какие-то проекты. Яркий пример – деятельность госкорпорация РОСНАНО, которая поглощает большие государственные ресурсы, но ее влияние на модернизацию экономики почти не заметно [2]. Имитация и формализм, преувеличенная роль государства – очень частые модернизационные ошибки, не изжитые в России до сего дня. Власть имущие думают, что заимствовав внешние формы, можно изменить общественные отношения в стране, сохранив при этом решающую роль государства в экономике и социальном развитии.

Среди социокультурных внутренних вызовов российской модернизации одно из важнейших мест занимает соотношение территории как пространства реализации человеческого капитала и народонаселения страны – обладателя данного капитала. В рамках этого вызова, мне кажется, достойны обсуждения следующие проблемы: давление пространственного фактора на развитие; миграция – внутренняя и внешняя; продолжающийся, но не законченный в России демографический переход.

Пространство России: препятствие или стимул модернизации?

Модернизация российского общества требует всемерного учета его пространственных характеристик. Россия одна из немногих «больших стран» [3], в которых пространство обусловливает многие процессы экономического и социокультурного развития. Внутреннее устройство страны, административное деление и соподчинение, внутренние и внешние коммуникации, самосознание граждан и их самоощущение масштабов территории, восприятие страны за рубежом и другие особенности внутреннего существования и внешнего взаимодействия зависят от пространственных характеристик. Длительное время Россия расширяла и осваивала пространство и это способствовало ее развитию. Сегодня эти процессы, кажется, затормозились (если не учитывать возвращение Крыма) и пространственное расширение уже не может стимулировать развитие страны, центр внимания переносится на внутреннее состояние территорий. Сейчас стоят другие задачи в работе с имеющимся пространством – обустроить его для гармонического, сбалансированного развития и более комфортной и благополучной жизни населения.

Большой размер страны оказывает как негативное, так и позитивное влияние на ее развитие. С одной стороны, протяженность территории России дает значительные природные

ресурсы во всем их разнообразии, но с другой, богатство этих ресурсов рождает соблазн использовать данное природой физическое богатство в ущерб производству и наращиванию других – рукотворных видов богатств и нефизических ресурсов – человеческих, культурных, социальных, для решения государственных задач и повышения благосостояния населения. По данным исследования, проведенного Всемирным банком, в России природных богатств в расчете на душу населения в 2 раза больше, чем в США, но существует значительное отставание по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т.д.) – от США отставание составляет более 5 раз. Еще больше разрыв в уровне нематериальных ресурсов общества, которые характеризуют уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской деятельности): он составляет 26 раз по сравнению с США [4]. В России переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии, вступление в конкурентные отношения с развитыми странами мира по этим показателям – постоянно обсуждаемая проблема и поставленная руководством страны задача, но она не получает пока удовлетворительного решения. Между тем в других странах мира, также обладающих огромными природными ресурсами – Канаде, Австралии, Чили, Норвегии, смогли использовать доходы от них на развитие других секторов экономики, в том числе на развитие институтов и социальной сферы – здравоохранения, образования, а также частного предпринимательства. Конечно, оценивая ресурсы и успехи модернизации страны, необходимо учитывать размеры России, беспрецедентную протяженность ее границ, суровый климат на почти 64% территории. Размеры пространства России до сих пор сохраняют за ней особое место в ряду стран и этот размер все более становится ее выдающейся характеристикой, когда другие показатели теряют вес по сравнению с другими странами. Эти экономико-географические характеристики страны тем не менее не связаны напрямую с весом и ролью России в мире, который зависит от многих факторов, в том числе от умелой внешней политики.

Огромные пространства России служат стимулом ее развития, в то же время постоянно лимитируют его масштабы и скорость. Пространство России часто бывает сильнее модернизаторов и реформаторов. Его строение и ритмику, районную систему (лестницу) с ее типоразмерами, инерцию и прочие свойства следует понимать и уважать. География вслед за историей предупреждает: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени. Волонтаристические крайности разрушительны ... и ведут к «кризисам размера» [5].

Большие размеры территории требуют дополнительных государственных затрат непроизводительного характера и сдерживают инвестиции в социальную сферу и экономику. Но эти объективные трудности, которые успешно преодолены в некоторых других странах со сходными климатическими и природными условиями, например, в Канаде [6], усугубляются в России тем, что здесь механизмы управления неадекватны реалиям сегодняшнего мира сложности [7], которые требуют нового, современного подхода к их решению и учета таких социокультурных характеристик пространственного развития, которые порождены начавшимися с 90-х гг. прошлого века изменениями схемы расселения, специализации экономики, системы управления, возникновением нерегулируемых миграционных потоков внутреннего и внешнего характера, демографическими проблемами и другими процессами.

Важной пространственной социокультурной характеристикой России, обуславливающей сложности ее модернизации, является ее асимметричная этнотерриториальная конструкция, когда одновременно существует этнокультурная гомогенность и гетерогенность [8, с. 127–128]. Русские составляют в России государствообразующую основу, включая более 80% всего населения страны. В большинстве ФО и также в большинстве субъектов федерации (82 региона из 88) русские составляют от более 50 до 95% населения. С другой стороны, в составе России даже после распада СССР остались крайне разнородные периферии и даже ядра (в случае народов Севера) различных культурных миров Евразии. Сохранились небольшие этнические ареалы вдоль границ (Северный Кавказ, Южная Сибирь, Север). И этого оказалось достаточно, чтобы создать парадоксальный образ моно—и многонационального

государства одновременно. Наличие сложной системы этнических периферий заставляет Россию учитывать национальный фактор в своей региональной политике. Последняя, в свою очередь, оказывается в прямой и очень сильной зависимости от уровня местного национализма, от исторических противоречий между русскими и другими народами, от амбиций национальных элит и т.п. [9, с. 116–122]. Асимметричность этнотерриториальной конструкции пространства оказывает свое влияние и на процессы модернизации регионов. Вследствие невозможности одновременного развития модернизации во всех регионах в силу ограниченности ресурсов и в условиях зависимости регионов от Центра, недостаточной четкой артикуляции местными элитами интересов периферийных регионов, этнические окраины исторически заметно отстают в уровне модернизации от других регионов. Модернизационное развитие страны оказывается также ассиметричным.

Массовые перемещения населения и модернизация

Влияние на социокультурную модернизацию пространственного фактора и ограниченность ресурсов обусловили характер локализации точек развития на территории страны, которыми стали почти везде центры регионов и крупные города. В их ряду такие исключительные территории развития как Москва и столичная область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Их притяжение для инвестиций, для молодых образованных жителей всей России усиливает эффект ассиметричного строения пространства. Сейчас более 86% валового регионального продукта производится в пяти ФО Европейской части страны и здесь же обитает 73,6% населения [10]. В настоящее время первые в истории России наблюдается процесс стягивания населения с Севера и Востока к наиболее заселенному европейскому Центру, остальная территория все более обретает статус периферии. В результате происходит снижение плотности населения на больших пространствах Востока и Севера, что препятствует модернизации этих регионов. Здесь присутствует так называемое «очаговое» расселение, концентрирующееся вокруг природных баз ресурсов, объектов инфраструктуры.

Стягивание населения к европейскому ядру ведет к усилению роли двух столиц и крупных (в основном миллионников) городов европейской части страны как центров модернизации. В азиатских регионах, которые продолжают терять население вследствие внутренней миграции, таких центров модернизации относительно меньше и расположены они на более значительном расстоянии, чем в Европейской части страны. Это формирует своего рода огромную «периферию периферий», усиливает поляризацию пространства страны. Создается своего рода эффект существования иерархии отдельных фрагментов социокультурного пространства России или даже присутствие нескольких социокультурных России. Происходившие в течение нескольких столетий изменения в разрезе центр – периферия, в масштабе мезо- и микрорайонов, сетей поселений разного ранга и статуса, общее расширение и растяжение пространства в допостсоветский период обернулось его сжатием, поляризацией и разрывами, вторичным демо-экономическим опустыниванием и социальной деградацией. Стране не хватило сил для разрешения этого противоречия и пружин внутренней самоорганизации, адекватной масштабу внутренних проблем и внешних амбиций сверхдержавы [11].

Неравномерность развития регионов и федеральных округов в результате усиления ассиметричности социального пространства страны наглядно демонстрируют процессы внутренней миграции населения. Населения всегда идет вслед за рабочими местами и качеством жизни при наличии свободы такого перемещения. К сожалению, внутренняя миграция недостаточно анализируется в современных публикациях. Внутренние миграции, несмотря на слабую подвижность населения по сравнению с западными странами, обрели четкие направления в России: основные потоки идут из регионов Дальнего Востока и Севера к европейской части страны и из малых городов в крупные.

Миграция это не простое движение населения по территории страны, это общественный процесс, ведущий к изменению демографической структуры населения территории, ее трудового потенциал, возрастной, образовательной структуры, этнического состава. В ре-

зультате современных миграционных процессов усиливается существующая диспропорция в распределении населения по территории страны, уменьшается плотность населения на малоллюдных и безлюдных пространствах. Начиная с 90-х гг. XX в. направление внутрисоссийских миграционных потоков поменялось на противоположное. «Западный дрейф» внутри страны был образован двумя потоками перемещений – из северных и восточных регионов в центральные и юго-западные, впервые за всю историю России наблюдалось снижение численности населения Дальнего Востока. В результате усугубилась проблема неравномерности плотности населения на территории страны, что наглядно демонстрирует карта плотности населения по муниципальным образованиям РФ (см. рис. 1) [12].

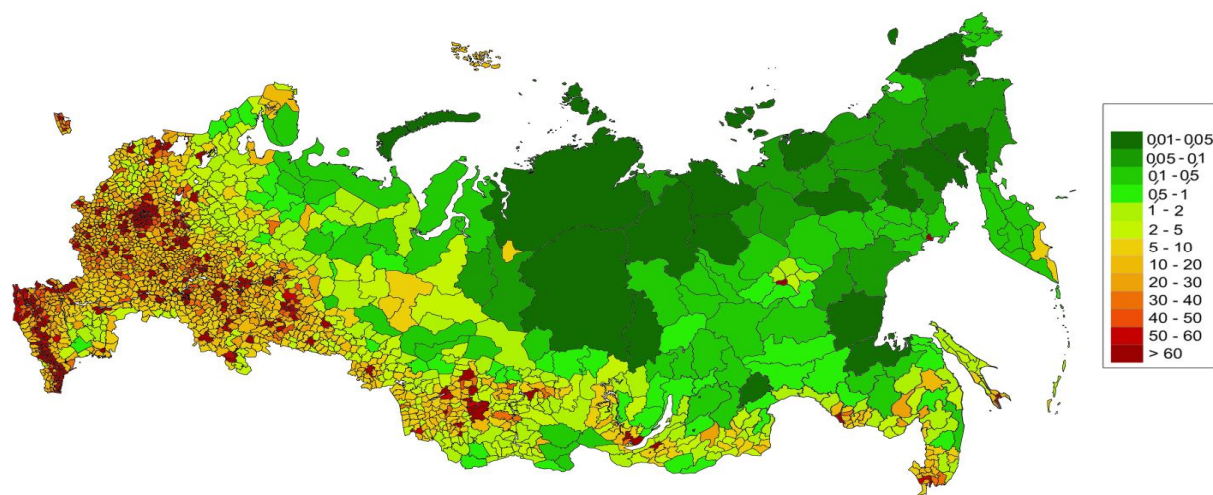

Рис.1 Плотность населения муниципальных образований в РФ [13]
(человек / кв.км, на 01.01.2013 г.)

Плотность населения по ФО различается в сотни раз. Даже если исключить из сравнений столичные города – субъекты федерации, плотность населения в регионах европейской части страны и в Азии отличается разительно (табл. 1. демонстрирует крайние показатели плотности населения в федеральных округах и в некоторых регионах). Самая большая плотность во вновь образованном Крымском ФО.

Таблица 1

Плотность населения в ФО и некоторых регионах России

Федеральные округа РФ	Плотность населения, чел/км ²	Субъект РФ	Плотность населения, чел/км ²
1. ЦФО	59,70	Москва	10644,3
2. ЮФО	33,18	Санкт-Петербург	3540,5
3. СЗФО	8,18	Московская область	157,2
4. ДВФО	1,01	Республика Ингушетия	118,7
5. СФО	3,75	Республика Северная Осетия-Алания	88,8
6. УФО	6,73
7. ПФО	28,68	Камчатский край	0,7
8. СКФО	56,27	Магаданская область	0,3
9. КФО	86,92	Республика Саха (Якутия)	0,3
		Ненецкий автономный округ	0,2
		Чукотский автономный округ	0,1

Источник данных: Предварительная оценка численности постоянного населения на 01.01.2013// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/PrPopul.xls.

Росту плотности населения восточных и северных регионов препятствует депопуляция и межрегиональная миграция. Свою лепту в изменение численности населения округов вносят и международная трудовая миграция, в основном из стран СНГ. Самые большие группы мигрантов в 2012 г. были из Узбекистана, Казахстана и Украины.

В таблице № 2 представлены коэффициенты миграционного прироста/убыли населения по федеральным округам в 2011 и 2012 гг. в целом, а также по городскому и сельскому населению [14]. Как можно видеть, в Центральном и Северо-Западном округах заметен прирост населения, в Южном и Уральском округах прирост снизился, а в остальных округах – Северо-Кавказском, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном наблюдаются отрицательные показатели миграционного прироста.

Таблица 2

Коэффициенты миграционного прироста по ФО
(миграционный прирост за год на 10 000 человек населения)

	Все население		Городское население		Сельское население	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Российская Федерация	22	21	45	44	-40	-45
Центральный федеральный округ	56	62	61	72	34	20
Северо-Западный федеральный округ	50	58	56	69	17	-
Южный федеральный округ	43	27	70	51	-3	-14
Северо-Кавказский федеральный округ	-34	-41	-10	-19	-56	-63
Приволжский федеральный округ	-4	-6	23	18	-70	-65
Уральский федеральный округ	31	19	56	44	-68	-83
Сибирский федеральный округ	1	-4	37	28	-91	-87
Дальневосточный федеральный округ	-28	-32	12	5	-148	-141

Источник информации: Демографический ежегодник России. 2013. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312.

Внутри каждого федерального округа большие показатели миграционного прироста показывают регионы с более высоким уровнем модернизации. Так, в Центральном округе это Московская область (коэффициент миграционного прироста 157), Москва (коэффициент 89); в Северо-Западном округе Ленинградская область (156) и Санкт-Петербург (148); в Южном округе – Краснодарский край (87); в Приволжском Федеральном округе – Нижегородская (21) и Самарская (16) области; в Уральском округе – Тюменская область (59) и Ханты-Мансийский автономный округ (32); в Сибирском округе Новосибирская (80) и Томская (45) области; в Дальневосточном округе все регионы показывают отрицательный прирост, максимальный отрицательный показатель в Магаданской области (-137). Особая ситуация в Северо-Кавказском округе, которую стоит специально объяснить. Здесь большой коэффициент миграционного прироста с 2011 г. по настоящее время показывает Республика Ингушетия (92) при отрицательных значениях коэффициента по округу в целом. В эту республику приезжают мигранты преимущественно из Узбекистана, Азербайджана, Казахстана. Из Казахстана все еще возвращаются на свою историческую родину на постоянное место жительства ингуши, потомки депортированных. Причины такого потока мигрантов, по оценкам представителей миграционной службы Ингушетии, доброжелательное отношение к ним местного населения, близость религиозных воззрений. Местные жители не проявляет никакой национальной неприязни, что нередко встречается в других регионах страны. Одна из причин та-

кого отношения состоит в том, что ингуши, перенесшие тяготы депортации 1944 г., помнят то хорошее, что было проявлено в отношении ингушей представителями этих регионов [15].

Нужно учитывать, что статистический учет мигрантов недостаточно полный, поскольку существует еще большой слой так называемых нелегальных мигрантов, в основном тех, которые не выехали из России после окончания оформленного срока пребывания на территории страны.

Другой тренд миграции в России – в направлении из сельской местности в города (табл. 2). Во всех округах кроме Центрального коэффициент миграционного прироста сельского населения отрицательный. В Центральном федеральном округе в половине регионов положительные значения коэффициентов миграции в сельской местности, и самый большой был в 2011 г. у Московской области (163) [16]. Привлекательность столичной агломерации для мигрантов как внутренних, так и внешних объясняется возможностями найти работу и заработок на развивающихся территориях, в том числе в столице [17].

В течение последних лет Россия принимает в год до 600 000 мигрантов, их общее число достигает, по разным оценкам, от 7 до 12 млн человек, т.е. от 5% до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное различие религиозных и культурных традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. В отличие от стран Евросоюза, где система социального государства оказывает помощь мигрантам и закрепляет тем самым их в странах ЕС (хотя и здесь имеются проблемы с культурной ассимиляцией), в России многие мигранты задерживаются, как правило, только на срок работы, позже уезжая в свою страну. Отсутствие перспектив для постоянного жительства, соединения с семьей не способствует повышению квалификации приезжих для занятия более престижного места на рынке труда, успешной адаптации к новому социокультурному окружению. Неблагоприятная социальная среда, риски проживания иммигрантов в России вызвали сокращение приезда в страну более квалифицированных работников, знающих русский язык. Сегодня на просторы России хлынули иммигранты из сельских районов среднеазиатских республик, плохо или совсем не знающие русского языка. Их простой и дешевый труд, полная зависимость от местных коррумпированных бюстителей порядка, работа на подпольных предприятиях, занятость в криминальном бизнесе порождают значительную напряженность в регионах. Проблема не может решаться только налаживанием межкультурного диалога и развитием толерантности, хотя они и способны оказать свое позитивное влияние. Ее глобальное решение возможно только путем модернизации производств с сокращением потребности в низкоквалифицированных работниках. Неограниченный доступ на рынок труда мигрантов из ближнего зарубежья выстраивает своего рода препятствия для реиндустриализации и модернизации экономики и не создает мотивации у руководителей предприятий для развития современных технологий. Исследования в регионах показали, что самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, в Новосибирской области (45%) – одном из наиболее развитых регионов России, самая меньшая доля – в Чувашии (11%), в регионе с меньшими доходами населения. Факторы, влияющие на отношения с приезжими в регионах многочисленны, и требуют специального углубленного анализа. Основным стимулом для приезда иммигрантов является социально-экономическая привлекательность региона. Чрезмерный поток приезжих вызывает рост напряжения в отношениях с местными жителями.

Другая ситуация складывается в регионах с сокращающимся населением на давно освоенных территориях Центра. Показательна в этом отношении Смоленская область, где существует значительный отток местного населения, прежде всего – молодежи.

На фоне депопуляции приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно. Это относится и к международной миграции и особенно к внутренним мигрантам с Кавказа. По данным опроса «Левада-центра», проведенного в 2013 г., 54% россиян считали, что в России нужно ограничить проживание «выходцев с Кавказа» [18, с. 197].

Между тем мигранты становятся системными элементами социальной структуры российского общества и постоянными участниками рынка труда. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. Дело в том, что мигранты нужны России не только как рабочая сила (тем более почти всегда сезонная), но и как полноценные граждане страны. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения мигрантов с коренными жителями, особенно с молодежью – одна из острейших проблем, нельзя также допускать доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах.

Необходима внятная миграционная политика, регулирующая поток мигрантов и исключающая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием их социокультурных ресурсов.

Свою негативную роль на развертывание модернизации в России оказывает эмиграция последних 20-ти лет. Она слабо изучена – ее масштабы, качественный состав, географические направления оцениваются весьма приблизительно. Но можно констатировать, что эта миграция в основном не имеет экономических мотивов, по крайней мере, этот мотив не является сегодня ведущим. Эмигрируют в основном представители среднего класса с хорошим образованием – от студентов до крупных ученых и артистов. Первые волны эмиграции в начале 90-х гг. создали плацдарм для последующих волн. По некоторым оценкам, выехало из страны около 2 млн. человек. Сейчас по 300 тыс. насчитывают диаспоры в Берлине и Лондоне, сколько в США и в европейских странах, неизвестно. Особенностью эмиграции является поддержание связей с Россией, сохранение российского гражданства, часто сохранение недвижимости, но возвраты на постоянное место жительства в Россию крайне редки. Как правило, возвращаются только те, кто достиг потолка карьеры и имеет хорошие предложения на Родине. Согласно социологическим данным, потенциал миграции из России вырос за последние 10 лет. Сегодня навсегда уехать из России хотели бы 13% населения, что в два раза больше, чем 10 лет назад, еще 35% готовы уехать за рубеж на заработки. Среди молодежи желающих уехать еще больше [19, с. 13]. Россия заняла на всемирном рынке место поставщика материальных ресурсов и образованных представителей среднего класса, одновременно продолжая двигаться в направлении деиндустриализации экономики и снижения уровня человеческого капитала.

Демографические проблемы и человеческий капитал в России

Существенным вызовом для модернизации страны является состояние демографических проблем, осознание их сложности и возможностей регулирования со стороны общества. Времена, когда можно было делать ставку на безграничные людские ресурсы России, безвозвратно ушли в прошлое. Современная модернизация, с учетом огромности пространства страны, возможна только при сбережении «человеческого капитала». Его показателями служат численность населения, его здоровье, ресурсы воспроизводства, образование, соотношение возрастных категорий, численности лиц рабочих и нерабочих возрастов, сельского и городского населения, другие характеристики. Россия с некоторым запаздыванием по сравнению в Европой продолжает находиться в так называемом демографическом переходе, – переходе от многовекового равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. И по своей сути, и по своим последствиям этот переход представляет собой подлинную революцию, которая кардинально обновляет, модернизирует тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений [20, с. 9].

Уже сейчас в России можно отметить некоторые итоги демографического перехода: за последние 20 лет было достигнуто равновесие между численностью родившихся и численностью умерших при низких показателях рождений (13,3 на 1000 человек населения) по сравнению, например, с 1960 г. (23,2) [21]. В результате в 2012 г. естественный прирост практически был нулевым. Наиболее важный достигнутый показатель – снизившийся коэффициент

младенческой смертности – более чем в 2 раза по сравнению с 1992 г. (табл. 3), что приблизило Россию к европейским странам по этому показателю (здесь коэффициент младенческой смертности менее 5).

Таблица 3

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения				
Годы	На 1000 человек населения			Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми
	родившихся	умерших	естественный прирост	
1992	10,7	12,2	-1,5	18,0
2002	9,7	16,2	-6,5	13,3
2012	13,3	13,3	-0,0	8,6
Городское население				
1992	9,8	11,5	-1,7	17,6
2002	9,4	15,4	-6,0	12,7
2012	12,8	12,8	0,0	8,1
Сельское население				
1992	13,2	14,1	-0,9	19,1
2002	10,5	18,2	-7,7	14,9
2012	14,7	14,8	-0,1	10,1

В 2013 г., по предварительным данным статкомитета, в России впервые с 1992 г. зафиксирован прирост населения, когда число зарегистрированных рождений было на 22 тыс. больше, чем зарегистрированных смертей. Оценки таких данных различные – от оптимистических до пессимистических. По мнению некоторых демографов, прирост в 2013 г. скорее случаен, чем закономерен. Самым мощным фактором, который привел к снижению числа смертей в России в 2013 г. является возрастная структура населения – сейчас в возрастах максимальной смертности находится самое малочисленное население в стране.

Естественный прирост населения может стать положительным в ближайшие годы, но лишь на непродолжительное время и на незначительном уровне. В этом Россия приблизилась к развитым европейским странам. Но у России есть существенное отличие от этих стран – свидетельствующее о незаконченном демографическом переходе, а именно – более высокая смертность населения и более высокая рождаемость, которая все же не восполняет убыль населения устойчиво. Так, в России коэффициент смертности в 2012 г. составлял 13,3 на тысячу человек населения, а в развитых европейских странах от 9,6 в Финляндии до 8,2 в Нидерландах; коэффициент рождаемости в России 13,3, в Финляндии 11,0, в Нидерландах 8,4 [22]. Такая низкая рождаемость характерна для стран на постиндустриальной стадии развития с высоким уровнем индивидуальной свободы в выборе жизненных стратегий, высоким стандартом социально-экономических условий жизни. Очевидно, что это и судьба России, если она будет осуществлять модернизацию.

Увеличение продолжительности жизни в стране в последние годы является большим достижением на фоне существующих недостатков в системе здравоохранения. В целом по населению ожидаемая продолжительность жизни составляет 70,24 лет, при том, что этот показатель у женщин на 11 лет больше, чем у мужчин. Развитые европейские страны опережают Россию на 8 – 10 лет (соответственно Австрия и Великобритания) в целом по населению, при этом разница продолжительности жизни между мужчинами и женщинами составляет только 5,6 и 4 года соответственно [23]. В России более высокий уровень смертности мужчин, чем женщин по всем причинам кроме болезней системы кровообращения. Но уровень смертности от этих болезней очень высокий – 714,7 у мужчин и 756,5 у женщин на 100000 человек. Самый большой отрыв мужчин от женщин в показателе смертности по внешним причинам – 3,9 раз (225 у мужчин и 58,1 у женщин) [24]. Не нужно пояснять, что это за внешние причины в России. Их устранение не только медицинская, но, скорее социокультурная проблема, проблема качества и образа жизни. В России велика смертность насе-

ления рабочих возрастов, высокая общая заболеваемость населения – в 2012 г. на каждую 1000 человек населения было зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни 703,9 человек [25, с. 75], велика доля в населении инвалидов – 13 082 тыс. человек в 2013 г. Каждый девятый человек в стране – инвалид, максимальная доля инвалидов в СЗФО – 111,9 человек на 1000 населения, минимальная – в ДВФО – 69,3 [26, с. 160–161]. Основные факторы столь высокой численности инвалидов – демографические, генетические, экологические, уровень развития здравоохранения, опасные и вредные производства, условия труда, уровень образования, уровень и качество жизни и т.д.

Таким образом, общая численность населения и ее динамика находятся под влиянием многообразных факторов, которые определяют естественное движение население и процессы миграция. Динамика численности населения в России за 1989-2013 гг. представлена на рис. 2. Резкое падение численности происходило с 1996 г. по 2006., когда население сократилось на 5 млн. 55 тыс. человек. Замедление темпов снижения произошло в 2007 г., в 2009–2010 численность стабилизировалась, а в 2011–2013 г. намечился некоторый рост [27].

Рис. 2. Численность населения в РФ (на 1 января, тыс. чел.)

Неустойчивость этого роста, его зависимость от внешней миграции (в основном низкоквалифицированных работников) заставляет признать, что демографические проблемы выходят на первый план в развитии страны по пути индустриализации и модернизации. По прогнозам, численность экономически активного населения с высоким уровнем человеческого капитала будет относительно снижаться, что будет ограничивать возможности экономического роста и модернизации. Уже сейчас фиксируется снижение индекса человеческого развития в России по сравнению с другими странами мира с 0,802 до 0,788 (2012 г.) [28, с. 15]. И хотя Россия поднялась с 58-го места на 55-е в мировом рейтинге по сравнению с 2007/2008 гг., но некоторые страны более активно совершенствовали образование, здравоохранение, культуру и добились больших успехов в развитии человека, подняв общую планку сравнений. Слишком «экономное» и неэффективное вложение в развитие человека и культуры и сегодня, и в долгосрочном плане способно оказать негативное влияние на развитие модернизации в стране.

При разработке долгосрочных стратегий развития необходимо принимать во внимание напряженность с демографическими ресурсами, их явный дефицит, который будет только усиливаться. По среднему варианту прогноза Госкомстата, население России с 2014 по 2030 г. уменьшится на 1 млн. 942 тыс. человек, при этом сократится численность трудоспособного населения с 59,3% до 54,6% от общей численности населения, что соответственно повысит коэффициент демографической нагрузки с 688 до 831 человека нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособных. При этом одновременно прогнозируется снижение есте-

ственного прироста до -4,6 на 1000 человек. Основным сглаживающим фактором депопуляции останется миграция, которая в 2030 г. составит 340,9 тыс. человек, а всего с 2010 до 2030 г. по среднему прогнозу Госкомстата в Россию иммигрируют 6,8 млн. человек [29].

Итак, сравнивая тенденции демографического развития в России и в европейских странах, можно увидеть близость следующих процессов: депопуляция, старение населения, увеличение демографической нагрузки, высокий уровень иммиграции. Эти процессы в России идут с отставанием и в другой экономической и социальной среде, чем та, которая существует в развитых странах Европы. Россия сталкивается с необходимостью учитывать все отмеченные тенденции демографического перехода и в то же время стоит перед вызовами своего огромного пространства, требующего объективно *большого* числа жителей. Эта проблема еще более актуализируется, если учесть что депопуляция в регионах идет, как правило, параллельно с социально-экономической стагнацией, когда недостаток свободных и подготовленных трудовых ресурсов останавливает реализацию масштабных проектов [30]. Осуществление модернизации в этих условиях более трудная задача, чем та, которую решали в свое время европейские страны. Для прохождения всех этапов, которые уже прошли развитые страны, необходимы достаточные демографические ресурсы, которые будут очень ограничены в России в предстоящие два десятилетия, а также, по прогнозам, и в дальнейшем. Из этих объективных обстоятельств следует вывод, к которым приходят сегодня большинство исследователей – для развития страны нужно переориентироваться с сырьевой модели развития, которая не обеспечивает необходимых темпов модернизации, на наукоемкую высокотехнологичную модель с сопутствующими этой переориентации социокультурными и управленческими изменениями.

Для развития такой модели необходим высокий уровень человеческого капитала, в том числе образования, особенно молодых поколений россиян.

Список литературы и примечания

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой. М.: Прогресс. Культура, 1996. 607 с. (Историческая библиотека). Первое изд.: Toynbee A.J. A study of history, 1934–1961. С. 118–119.

2. Сейчас 100% акций ОАО «РОСНАНО» закреплено в государственной собственности. По материалам проверки Счетной Палаты, расходы РОСНАНО за 2007–2012 гг. составили более 196 млрд. рублей. При этом расходы, сопутствующие деятельности компании в этот период активно росли. Так, за 5 лет израсходованы 6 млрд. рублей на административные и хозяйственные нужды, 5,3 млрд. рублей на размещение персонала (покупка и ремонт части здания), 4 млрд. рублей на различного рода консультационные и экспертные услуги, 560 млн. рублей на охранные услуги, 850 млн. рублей на транспортные услуги, 7 млрд. рублей на оплату труда и выплаты социального характера. Расходы на оплату труда в расчете на одного человека с 2007 по 2012 г. увеличились с 65 тыс. рублей до 593 тыс. рублей, или более чем в 9 раз. URL: <http://audit.gov.ru/activities/control/350/>.

3. Россия по территории самая большая страна мира, ее территория в 1,7 раза больше, чем Канады – второй по площади страны мира, в 1,8 раза больше площади каждой из таких стран как Китай и США. При таком размере территории по численности населения Россия занимает 9 место в мире (146 млн. человек) после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана и Бангладеш. Другой количественный показатель размерности страны – валовый внутренний продукт (ВВП) и этот же показатель на душу населения. По данным Всемирного банка Россия занимала в 2012 г. 8 место в мире по ВВП и 59 место по ВВП на душу населения. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

4. «Меняющееся богатство наций: измеряя устойчивое развитие в новом тысячелетии» (2011 г.). The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium, Environmental and development, World Bank, 2011. P. 179, 181. URL: <http://worldbank.org>.

5. Трейвиш А. И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир: автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. М.: МГУ, 2006.

6. Канада вторая по территории страна мира – имеет значительно меньшую плотность населения по сравнению с Россией – только 3,4, тогда как в России плотность 8,6 чел. на кв.км. В этих двух странах близкий климат и система расселения, которая сосредоточена в южной части страны, северные территории в Канаде еще менее заселены, чем в России. Но Канада занимала в 2013 г. 10-е место в мире по ВВП на душу населения (51871 долл. США), а Россия – 56 место (14924 долл. США)// Data refer mostly to the year 2013., International Monetary Fund. Accessed on 8 October 2013.

7. Рефлективные процессы и управление: Сб. материалов IX Международн. симп. (17–18 окт. 2013 г.) / отв. ред. В.Е.Ленский). М., ИФ РАН, 2013.

8. Туровский Р. Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // Логос, 2005, №1. С. 127–128.

9. Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая. 1993, №2. С. 116–122.

10. Сайт Росстата: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

11. Трейвиш А. И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир: автореф. дис. ... д. геогр. н. М.: МГУ, 2006.

12. С воссоединением Крыма с Россией Крымский Федеральный округ стал территорией с самой высокой плотностью населения – 86,92 чел/кв.км, превышая почти в 1,5 раза самые населенные ФО – Центральный и Северо-Кавказский.

13. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=62677303>.

14. По понятным причинам данные по Крымскому ФО пока не представлены в этой таблице.

15. Газета «Ингушетия». 2012. №69–70.

16. Данные приводятся за 2011 г. в связи с тем, что в 2012 г. границу Москвы были расширены и данные стали несопоставимы с 2011 г.

17. Следует учитывать, что статистика показывает только официально зарегистрированных мигрантов, а реальное их число в несколько раз больше.

18. Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М., 2013. С. 197.

19. Доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» / под ред. акад. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. М., 2013. С. 33. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>.

20. Демографическая модернизация России: 1900-2000 / под ред. Анатолия Вишневецкого. М.: Новое издательство, 2006. С. 9.

21. Демографический ежегодник. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm/.

22. Демографический ежегодник. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm/.

23. Россия и страны-члены Европейского Союза. 2012. Стат сб. М., 2012.

24. Демографический ежегодник. 2013. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn5.htm/.

25. Российский статистический ежегодник. 2012. С. 75.

26. Здравоохранение в России – 2013. М., 2013. С. 160–161.

27. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm.

28. Доклад о человеческом развитии. 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. N.Y., 2013. С. 15.

29. Предположительная численность населения российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. М., 2013. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

30. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-пресс, 2013. С. 558–559.

L. A. Belyaeva, Moscow

SOCIAL AND CULTURAL CHALLENGES OF RUSSIAN MODERNIZATION

The article posed the problem of modernization of Russian society as a necessary response to internal and external challenges. This response must take into account the socio-cultural features of Russia and its regions, particularly in relation to the spatial characteristics of the country, the state of its population and migration processes.

Key words: modernization, internal challenge, response, space, population.

УДК 316.422: 339.926

Н. И. Лапин, Москва

К ПОЭТАПНОЙ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Подытоживая результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» и социокультурных портретов 24-х регионов России, автор отмечает факт становления социокультурной компаративистики российских регионов как нового научного направления и выделяет актуальные задачи этого направления в контексте процессов модернизации. Первая задача – диагностика состояний модернизированной регионов, в том числе рискогенной иерархии модернизированной федеральных округов ФР. Вторая задача – выявление коридоров упускаемых возможностей модернизации, разработка стратегии поэтапной интегрирующей модернизации регионов и всей России.

Ключевые слова: социокультурная компаративистика, компоненты модернизации, иерархия модернизированной макрорегионов, стратегия интегрирующей модернизации, ее этапы.

Актуальные задачи социокультурной компаративистики в России

Одним из важных результатов деятельности участников программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» является становление социокультурной компаративистики российских регионов как нового научного направления социогуманитарных исследований. Как такое направление, или научная дисциплина **социокультурная компаративистика** имеет научно-исследовательскую и учебно-просветительскую функции, а также прикладные задачи. В качестве наиболее актуальных в настоящее время я выделяю две комплексные задачи, которые интегрируют обе названные функции и одновременно имеют прикладной характер:

– во-первых, **диагностика состояний регионов как социокультурных сообществ**, основанная на комплексном их исследовании;

– во-вторых, опирающееся на результаты диагностики **выявление потребностей и коридоров возможностей** социокультурного развития регионов: в целях повышения благополучия населения и консолидации регионов, тем самым – повышения конкурентоспособности и безопасности России перед лицом новых вызовов в условиях глобализации.

Уточню: поскольку развитие в условиях глобализации осуществляется в большинстве стран мира путем их *модернизации* как комплексного цивилизационного процесса, постольку речь идет прежде всего о диагностике состояний социокультурной модернизации российских регионов и о разработке способов их перехода от первичной, индустриальной стадии модернизации к вторичной, информационной ее стадии.

Это весьма сложные задачи. Сама их постановка стала возможной только в последнее время, на основе данных, которые мы получили с помощью инструментария наших китайских коллег из Центра исследований модернизации (ЦИМ) Академии наук Китая (руководитель центра, профессор Чуаньци Хэ). Мы по возможности адаптировали этот инструментарий к особенностям российской статистики и теперь уже достаточно конкретно сопоставляем состояние и динамику модернизации России и ее регионов в последние 10 лет со 130 странами мира.

Данный инструментарий, как и другие, не идеален. Мы видели это с самого начала, а теперь видим еще лучше. Он использует только статистические данные. В нем недостает индикаторов и индексов технико-технологической и институционально-регулятивной компонент модернизации. Это снижает возможности диагностики причин успехов или неудач стран и регионов в процессе модернизации. Вместе с тем, в данном инструментарии достаточно представлены социоэкономическая, отчасти и социокультурная компоненты. Это позволило китайским коллегам получать устойчивые временные ряды индексов двух стадий модернизации большинства стран мира. Очень важна также возможность фиксировать фазы эволю-

ции стран на каждой стадии, что позволяет конструктивно интерпретировать процессы. Инструментарий опубликован на английском языке и не вызвал возражений экспертов, в том числе на Первом международном форуме по модернизации (Пекин, 2013).

Наш опыт использования инструментария также подтверждает его сильные стороны. Как видно из текстов сборника нашей конференции, мы начинаем конкретнее и глубже понимать состояние и динамику не только процессов модернизации, но и в целом социокультурной эволюции регионов и всей страны – как предпосылки и вызова российской модернизации.

Мы начинаем уяснять состояние технологических укладов, определяющих производительность труда и конкурентоспособность регионов, вникать в социокультурное значение инновационных проектов – технических и организационных, глубже уяснять роль трудовых ресурсов в формировании качества экономики и вообще человеческого капитала как фактора модернизационного развития региона. Начали конкретно анализировать структуру и уровень информационной модернизации, баланс региональных факторов качества жизни, в целом социокультурные особенности как конкурентные преимущества регионов. Мы также лучше уяснили *низкую патентную активность специалистов*, которые могли бы ее проявлять, под новым углом зрения начинаем рассматривать проблемы молодежи и в целом демографические процессы.

Мы более четко понимаем *неразвитость сферы услуг* как фактор, сдерживающий развитие регионов. Это побуждает нас при подготовке портретов регионов изучать ассортимент используемых услуг и доли населения, пользующегося теми или иными услугами, в том числе платными, а также причин их неиспользования. Это, в свою очередь, позволяет оценить потенциальный рынок конкретных видов услуг и потребность в развитии производств соответствующих товаров и услуг, осуществить стык с маркетинговыми исследованиями. Соответственно, и в портретах требуется конкретная картина таких процессов и факторов. Это сделает портреты более убедительными.

В 2013–2014 гг., в соответствии с методологией подготовки Социокультурного атласа модернизации регионов России, в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №31, руководители и участники ряда региональных проектов осуществили развернутый диагноз состояний модернизированности регионов *в масштабе федеральных округов РФ*¹. При этом полезным стало выделение **основных компонент** модернизации: технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционально-регулятивной. Сделаны первые шаги по определению ближайших этапов стратегии интегрируемой модернизации макрорегионов. Это *новое наше серьезное продвижение*. Его результаты частично представлены в сборнике материалов нашей конференции, а в ближайших номерах журнала «Социологические исследования» будет опубликован цикл статей наших коллег.

Целесообразно широко использовать этот опыт при дальнейшей работе по подготовке портретов регионов; в том числе в общей характеристике региона найти способы, несмотря на недостаток статистических данных, оценить преобладающие виды *технологических укладов* и тенденции их эволюции. Видимо, *зреет потребность в новой модификации нашего типового инструментария, соответствующей новым задачам*.

Далее я предложу некоторые выводы, опираясь на диагностику процессов модернизации в федеральных округах, осуществленную в упомянутом цикле статей.

¹ Эту работу осуществили: по ЦФО – Н.И. Лапин, Е.А. Когай, Н.А. Касавина, А.А. Когай; по СЗФО – А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина; по ЮФО – Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова; по ПФО – В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; по УФО – Г.Ф. Ромашкина; СФО – В.Г. Немировский, В.С. Половинко; по ДФО – А.В. Немировская.

Вступление России в стадию вторичной модернизации и рискогенная иерархия модернизированной макрорегионов

Взглянем на карто-схемы состояний модернизированной регионов (субъектов РФ) в 2000 и 2010 гг. (рис. 1). На них различными штрихами представлены шесть состояний (типов) модернизированной².

Если проследить изменения штриховой гаммы карт от 2000 к 2010 г., то нетрудно заметить две тенденции.

Во-первых, в 2000–2010 г. заметно повысилось состояние модернизированной многих субъектов Российской Федерации и страны в целом. Вместе с тем, в динамике состояний модернизированной ряда регионов с 2008 г. произошло снижение качества этих состояний – перелом под воздействием наступившего кризиса.

Во-вторых, сохранилось многоцветье карт, которое демонстрирует **сохранение, нередко увеличение дистанций, а главное – устойчивую иерархию** состояний модернизированной регионов страны.

Сначала обратимся к первой тенденции.

Количественные значения динамики числа регионов по их состояниям модернизированной представлены в табл. 1. Нетрудно заметить, что кризисному 2008 г. предшествовало повышение состояний модернизированной большинства регионов; но с началом кризиса в 2008 г. эволюция многих регионов потеряла устойчивость. Заметно уменьшилось число регионов более высоких состояний модернизированной (типы 4, 5, 6), некоторые регионы вернулись из вторичной в первичную стадию модернизации; в 2008 г. Москва утратила высшее для России состояние, переместилась из типа 6 в тип 5 и оставалась в нем вплоть до 2010 г. Однако в целом **индекс первичной модернизации России повысился** с 97 до 99,8 баллов; достичь 100 баллов мешала сохраняющаяся недостаточность ожидаемой продолжительности жизни (98%).

В 2008–2010 гг. произошло **повышение фазовых значений** первичной модернизации России с 3,5 до 3,75, что означает вступление в четвертую фазу ПМ – переходную к ВМ. Таким образом, к 2010 г., Россия, в целом оставаясь модернизационно среднеразвитой страной (71 балл), **вступила в начальную фазу вторичной, информационной стадии модернизации** и поднялась с 31-го на 29-е место.

Из табл. 1 нетрудно также увидеть существенные различия между двумя стадиями модернизации в темпах распространения состояний (типов) модернизированной регионов. Если на стадии первичной модернизации, в ее фазах роста и зрелости, за 10 лет около 20 регионов поднялись из типа 1 в тип 2, затем – в тип 3, то дальнейшая динамика большинства регионов, находящихся в состоянии зрелой первичной модернизации (тип 3), *затормозилась*: они не смогли войти в фазу перехода к вторичной модернизации из-за высоких барьеров входа в эту фазу.³

² Характеристику этих состояний я дал в [3]. Добавлю, что понятие *состояние* активно используется в логике и методологии науки. Известный российский философ Ю.В. Сачков так охарактеризовал это понятие «Новой философской энциклопедии»: «СОСТОЯНИЕ – совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления или процесса в определенный момент (или интервал) времени... Понятие состояния является одним из ключевых для характеристики нелинейных систем и взаимодействий... Нелинейными являются практически все физические системы; еще более это характерно для химических, биологических и социальных систем, которым присущи качественные преобразования... Состояния систем изменяются под влиянием не только внешних воздействий, но и по внутренним основаниям. Акцент на этих внутренних основаниях находит выражение в том, что первостепенное внимание начинает уделяться таким понятиям, как неустойчивость, неравновесность, необратимость, самоусиление процессов, бифуркации, многовариантность путей изменения и развития» [13, с. 600–601].

³ Возможно, требуются дополнительные исследования обоснованности таких показателей для стран других континентов, в том числе для России, в условиях глобализации.

2010 г.

2000 г.

ДИНАМИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2000 - 2010 гг.)

ПМ : начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный Тип 1 (18; 9)	ПМ : зрелость; ниже среднего Тип 2 (45; 33)	ПМ : зрелость; средний, выше среднего Тип 3.(7; 23)	ВМ : подготовка; все средние Тип 4 (9; 11)	ВМ : начало; высокий, выше среднего, средний Тип 5 (3; 4)	ВМ : рост; высокий, выше среднего Тип 6 (1; 3)

Примечание: В скобках указана численность регионов федерального округа, относящихся данному типу модернизации в 2000, 2010 гг. соответственно.

Обозначения: ПМ - стадия первичной модернизации, ВМ - стадия вторичной модернизации.

После (:) - фазы стадий модернизации, после (;) - уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1. Калининградская, 2. Ленинградская, 3. Псковская, 4. Новгородская, 5. Смоленская, 6. Брянская, 7. Калужская, 8. Курская, 9. Орловская, 10. Белгородская, 11. Краснодарский, 12. Адыгея, 13. Карачаево-Черкесия, 14. Кабардино-Балкария, 15. Северная Осети-Алания, 16. Ингушетия, 17. Чеченская, 18. Дагестан, 19. Ставропольский, 20. Калмыкия, 21. Астраханская, 22. Воронежская, 23. Липецкая, 24. Тульская, 25. Московская, 26. Ярославская, 27. Владимирская, 28. Рязанская, 29. Тамбовская, 30. Пензенская, 31. Мордовия, 32. Нижегородская, 33. Ивановская, 34. Костромская, 35. Чувашия, 36. Ульяновская, 37. Марий Эл, 38. Татарстан, 39. Удмуртия, 40. Башкортостан, 41. Челябинская, 42. Курганская, 43. Алтай, 44. Кемеровская, 45. Хакасия, 46. Сахалинская, 47. Еврейская.

Рис. 1. Динамика состояний модернизированности регионов России. 2000, 2010 гг.

Таблица 1

Динамика распространения состояний (типов) модернизованности регионов России

Состояния (типы) модернизованности регионов	Число регионов				
	2000	2005	2008	2009	2010
Состояния (типы) модернизованности регионов на вторичной стадии модернизации					
6. Регионы, развивающие (развитые) информационную (вторичную) модернизацию (на картах – красный цвет)	1	2	1	2	3
5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие (оранжевый)	3	3	8	6	4
4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию (светло-зеленый)	9	9	12	9	11
Всего таких регионов	13	14	21	17	18
Состояния (типы) модернизованности регионов на первичной стадии модернизации					
3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации (оливковый)	7	12	20	25	23
2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (темно-синий)	45	40	29	32	33
1. Регионы, начинающие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (светло-коричневый)	18	17	13	9	9
Всего таких регионов	70	69	62	66	65
Всего регионов	83	83	83	83	83
Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).					

Чтобы преодолеть эти барьеры, необходимо не только завершить первичную модернизацию, но и создать условия для *системного перехода* к вторичной модернизации. Предполагается *эндогенное* восприятие обществом требований информационной стадии модернизации – *системное преобразование* структуры и способов функционирования индустриального общества и его экономики в информационные экономику и общество, качественное повышение роли образования, науки, инноваций, сферы услуг и т.п. Для России это означает не просто реиндустриализацию как восстановление прежнего уровня оборудования, а *неоиндустриализацию* на качественно ином уровне.

Другим препятствием развития в России вторичной, информационной модернизации является низкая сбалансированность, нередко высокая **разбалансированность** ее составляющих во многих регионах и в России в целом. С помощью индекса сбалансированности (ИСБ) модернизации получена следующая динамика (см. табл. 2): число регионов с низким уровнем ВМ-сбалансированности стремительно выросло, а число регионов более высоких уровней, начиная со среднего – значительно снизилось.

Таблица 2

Динамика числа регионов России по уровням сбалансированности вторичной модернизации (2000–2010 гг.)

Уровни	2000	2005	2008	2009	2010
Высокий (> 0,09)	8	3	4	1	2
Выше среднего (> 0,07; ≤0,09)	13	4	2	4	2
Средний (> 0,05; ≤0,7)	21	15	10	7	6
Ниже среднего (> 0,03; ≤0,05)	39	39	29	30	28
Низкий (≤0,03)	2	22	38	41	45
Всего	83	83	83	83	83
Таблица построена с помощью ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда)					

Наибольший вклад в разбалансированность процессов вторичной (информационной) модернизации вносят: малая доля жителей, подающих заявки на получение патентов, и низкий уровень ВВП на душу населения, при сравнительно большой доле занятых в сфере материального производства и недостаточной доле сферы услуг в ВВП.

История модернизации развитых стран демонстрирует такую социоэкономическую тенденцию: в процессе индустриальной модернизации сельское хозяйство всех стран, в течение многих столетий доставлявшее основную часть их ВВП, в индустриальных странах уже к 60-м гг. XIX в. уступило место промышленности, которая стала главным создателем ВВП этих стран; ныне, в ходе информационной модернизации этих стран основным создателем ВВП становится сфера услуг, в особенности производство и использование информационных технологий. Такое изменение доли вклада в ВВП страны каждого из трех секторов национального хозяйства (аграрного, индустриального, третичного – сферы услуг в широком смысле, включая информационные) можно назвать *социоэкономической модернизацией*⁴.

В последние 20 лет в России наблюдалась формально похожая тенденция. Именно в этом, социоэкономическом отношении Россия оказывается включена во всемирную модернизацию и даже приближается к развитым странам. Но в постсоветской России снижение доли аграрного и индустриального секторов в ВВП – результат не взаимосвязанного прогресса всех трех секторов, а разрушительной деиндустриализации 90-х гг. Произошла деформация содержания исторической тенденции.

Поскольку эта деформация не преодолена, то статистически фиксируемый в России рост социоэкономической модернизированности во многих социокультурных аспектах, прежде всего в ее человеческих измерениях дисфункционален. Основная дисфункция состоит в невостребованности культурного потенциала населения и использования его в качестве культурного капитала. Сохраняются контрасты материального положения различных категорий населения, его незащищенность от преступности и других социальных опасностей. Наряду с этим, *сжимается пространство общественно-политических свобод и прав граждан*. Такую дисфункциональность можно квалифицировать как *социокультурную квазимодернизацию*.

Теперь обратимся ко второй из отмеченных выше тенденций – сохранению, нередко и увеличению **дистанций** между состояниями модернизированности регионов страны, **воспроизводству иерархии** этих состояний, что провоцирует риски, опасные для целостности Российской Федерации.

Карто-схемы модернизированности федеральных округов (рис. 2) показывают, что, по сравнению с 2000 г., к 2010 г. **повысилось качество** модернизированности всех семи федеральных округов, находившихся в состояниях (типах) 1–3.

Однако, по сути, **лишь модифицировалась прежняя иерархия их модернизированности и увеличилась дистанция между некоторыми из них**. Южный и Северо-Кавказский ФО остались в низких состояниях (тип 2); вновь на одну ступень выше их оказались Приволжский, Сибирский и Дальневосточный ФО (тип 3); но все эти 5 ФО остались **на стадии первичной модернизации**. Вместе с тем, **на стадии вторичной модернизации** теперь находятся уже не один, а три ФО: не только Северо-Западный, но также Центральный и Уральский ФО, которые поднялись сразу на две ступени (соответственно, в типы 5 и 4); при этом Центральный ФО вышел на один уровень с Северо-Западным ФО, а Уральский ФО по-прежнему отстает от них, но дистанцировался от Сибирского и Дальневосточного округов (он поднялся в тип 4, а два зауральских округа – лишь в тип 3).

⁴ Данное понятие близко социоэкономической парадигме А.Этциони, который рассматривает экономику как адаптирующуюся к правилам социума. Оно отличается от понятия «социально-экономический».

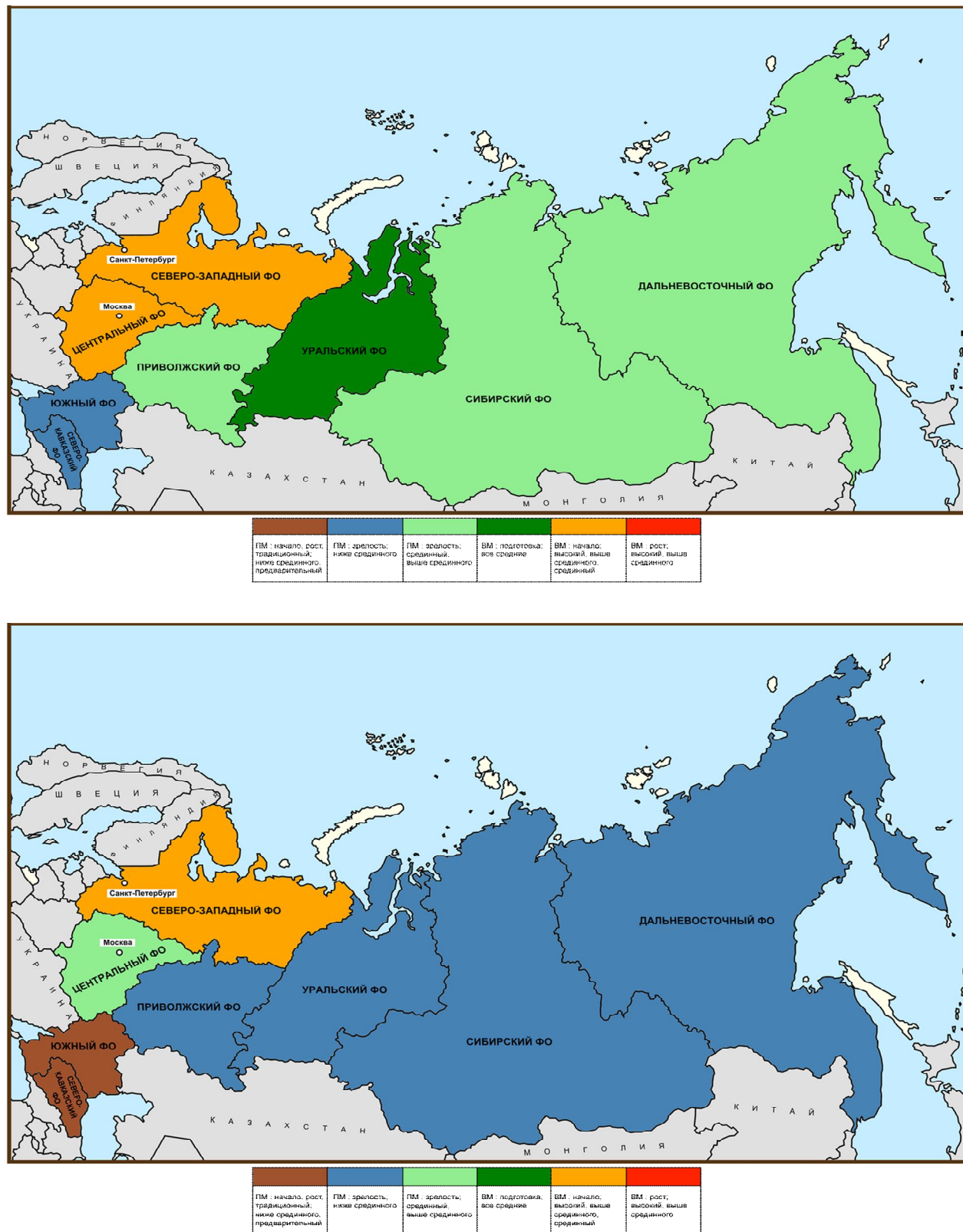

Рис. 2. Картосхемы модернизированности ФО РФ: внизу 2000 г., выше 2010 г.

Заметим, что дело не просто в неравномерности модернизации, а еще и в **сохранении иерархии дистанций** между состояниями модернизованности регионов при все еще низком состоянии (тип 2) низшего уровня этой иерархии. Конкретно такие различия представлены в табл. 3.

Анализ карто-схем и данных, представленных в табл. 3, позволил выделить **четыре модернизационных кластера федеральных округов России**, которые различаются состояниями модернизованности и векторами эволюции этих состояний.

Таблица 3

Модернизационные кластеры федеральных округов России*

Стадии модернизации, федеральные округа	Векторы динамики (2000-2010)	Уровни ИИСБ, 2010	Характер отклонений составляющих от ИИМ, 2010
ВТОРИЧНАЯ (ИНФОРМАЦИОННАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВМ)			
(4) Высокий модернизационный кластер			
Северо-Западный	Устойчивость ВМ (тип 5, фаза роста)	С	Опережают социальная и когнитивная составляющие
Центральный	Переход к ВМ (к типу 5, фаза роста)	В	Опережают социальная и когнитивная составляющие.
РОССИЯ	Переход к ВМ (к типу 5; фаза роста)	ВС	Опережает социальная составляющая
(3) Выше среднего модернизационный кластер			
Уральский	Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала)	НС	Опережает социальная составляющая
ПЕРВИЧНАЯ (ИНДУСТРИАЛЬНАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПМ)			
(2) Средний модернизационный кластер			
Приволжский	Повышение ПМ (к типу 3; фаза зрелости)	НС	Опережает социальная составляющая
Сибирский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости)	НС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Дальневосточный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости)	НС	Отстает когнитивная составляющая
(1) Низкий модернизационный кластер			
Южный	Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3, фазы роста и зрелости)	НС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Северо-Кавказский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 2, фаза роста)	Н	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса, или три составляющие модернизации: экономическая; социальная; когнитивная или знаниевая. фиксировано положение субиндексов относительно значений ИИМ: «опережает (выше)» или «отстает («ниже»)». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. Федеральные округа расположены аналогично хронологической нумерации двух стадий модернизации, снизу вверх: от хронологически ранних, начальных значений типов модернизованности к более поздним значениям, с более развитым их содержанием. Если динамика состояний повышающая, в правом столбце отмечены опережающие составляющие (выше ИИМ), а если динамика не повышающая или заторможенная, то отмечены отстающие составляющие (ниже ИИМ). Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).			

Прежде всего, это два кластера макрорегионов, находящихся на **первичной стадии модернизации**.

(1) **Низкий кластер** образуют Южный и Северо-Кавказский округа: их характеризует заторможенное, сравнительно поздно начавшееся повышение состояний первичной модернизации, лимитированное фазами роста или перехода к зрелости.

(2) **Средний кластер** составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа, которые, с запаздыванием, все же достигли третьей фазы первичной модернизации – фазы зрелости, но не преодолели барьера завершающей, четвертой ее фазы – фазы перехода к вторичной модернизации.

Еще два кластера образуют макрорегионы, находящихся на **вторичной стадии модернизации**.

(3) Кластер **выше среднего** представляет один Уральский федеральный округ. Благодаря нефтегазовым автономным округам и промышленной Свердловской области он уже к 2005 г. вошел в стадию вторичной модернизации и к 2010 г. сохранил эту позицию.

(4) **Высокий кластер** образуют Северо-Западный и Центральный федеральные округа, которые во многом благодаря своим столицам уже в 2000 и 2005 гг. вошли во **вторичную стадию социально-экономической модернизации** и находятся в фазах ее начала и роста.

Иерархия макрорегионов вовсе не означает, что в более высоких кластерах нет проблем дистанций между состояниями модернизованности регионов. Напротив, в высоком кластере (ЦФО и СЗФО) существуют весьма острые проблемы такого рода. Кратко отметим их, опираясь на полученные результаты.

Центральный федеральный округ (ЦФО) – самый многочисленный по числу регионов, он включает 18 субъектов Российской Федерации. Их совокупность сложилась на основе территорий (прежних княжеств), составивших историческое ядро российского государства, сельского хозяйства, промышленности, культуры. В 2010 г. субъекты округа создали около 36% ВРП Российской Федерации, дали более 33% всех поступлений налогов в бюджетную систему РФ, в том числе 27,7% – в федеральный бюджет [12, табл. 1.1, 1.5].

Здесь, на 3,8% территории страны проживают около 27% населения страны; в 2010 г. на долю ЦФО приходилось 27,5% занятых в российской экономике. Но и на территории ЦФО, как и во всей России, трудовые ресурсы распределены неравномерно: в столичной агломерации, городе Москве и Московской области, на 7,2% территории ЦФО проживают 48,5% его населения, или 13% всего населения страны [12, табл. 1.2].

В 2000–2010 гг. ЦФО в целом осуществил *быстрый переход* из фазы «зрелости» первичной модернизации (тип 3) в фазу начала вторичной модернизации (тип 5). *Двойным локомотивом* модернизации ЦФО стали регионы Московской агломерации: Москва, которая уже к 2000 г. вошла в стадию вторичной модернизации, и Московская область, которая в 2000–2005 гг. совершила быстрый переход из фазы зрелости ПМ в фазу роста ВМ (из типа 3 в тип 6). 12 из 18 регионов повысили состояние модернизованности.

Но это был разбалансированный подъем: из первичной стадии модернизации во вторичную перешли всего 4 региона, а 13 регионов остались на стадии первичной модернизации, 7 из них находятся в стагнации низких ее состояний. Вниз тянут ее экономическая и когнитивная составляющие. Сохранение такой динамики сулит **неприемлемую перспективу**: до середины нынешнего столетия – *стагнацию*, а в дальнейшем – *рецессию* процессов модернизации ЦФО как целого.

На территории ЦФО имеются две природно-хозяйственные зоны, которые образуют **два экономических макрорайона**: Центральный (прежде его называли Центрально-промышленный) – 12 регионов; и Центрально-Черноземный – 6 регионов. Имеются качественные различия между состояниями их модернизованности. 5 регионов **Центрально-промышленного макрорайона** находятся на стадии **вторичной модернизации** и характеризуются *быстрым развитием*; напротив, 7 регионов остаются на стадии первичной модернизации, при этом они эволюционируют *заторможенно* или вообще *стагнируют*. Еще

сложнее положение с модернизацией **Центрального Черноземья**: все 6 его регионов остались на стадии **первичной модернизации**, 5 из них – в начальных фазах, только Воронежская область достигла фазы зрелости.

Иными словами, на пространстве ЦФО существуют свои сравнительно отстающий **Юг** и продвинутый **Север**. При этом регионы отстающего Юга граничат с Донецкой, Луганской, Сумской, Харьковской областями Украины.

Анализ тенденций вторичной модернизации в регионах **Северо-Западного федерального округа** свидетельствует о сложившейся *устойчивой разновекторности* процессов в округе.

Большинство регионов СЗФО имеют *восходящие* тренды. Среди них сформировалась группа территорий с *высоким* уровнем модернизированности: Санкт-Петербург, Архангельская область, включая Ненецкий автономный округ, Республика Коми. Санкт-Петербург достиг высокого состояния модернизированности (тип 6); северная столица вносит существенный вклад в формирование высокого уровня модернизированности всего федерального округа.

Другая часть регионов предстает собой *депрессивную* группу. В Псковской, Вологодской, Новгородской областях наблюдается устойчивая стагнация низкого состояния индустриальной модернизированности (тип 2).

Образовалась группа территорий с *нисходящими* трендами модернизации (Мурманская область и Республика Карелия). Вследствие кризисных процессов развитие модернизации в этих территориях получило возвратный ход: если в 2000 г. они относились к стадии информационной модернизации (тип 5), то в 2008 – 2010 гг. соответствовали только фазе зрелой индустриализации (тип 3).

Напомню, что многие регионы СЗФО являются приграничными, преимущественно со странами Европейского союза, в том числе достаточно развитыми. Проблема менее развитого Севера приобретает в этом округе **Северо-Западный** вектор.

Непростые проблемы дистанций между модернизированностью разных регионов имеются в Сибирском и Дальневосточном макрорегионах Российской Федерации. Их границы с соседними государствами весьма протяженны. При этом часть российских регионов отстает в развитии.

Наличие больших социокультурных сообществ, существенно различающихся по статусу социоэкономической модернизированности, чревато социально-политическими рисками. Особенно чувствительны и рискоопасны такие ситуации, когда низкостатусный *приграничный субъект* Российской Федерации оказывается соседом зарубежного региона с более высоким социоэкономическим статусом или более интенсивным ростом. В связи с позицией США и Европейского союза в отношении Крыма и Украины актуализировались задачи повышения состояний модернизированности приграничных регионов России: таких регионов – 26, а их соседями являются 17 стран, в том числе более развитых или быстрее растущих.

Негативные для российских регионов приграничные различия служат почвой для активизации национал-сепаратистских настроений. Эти настроения, особенно если их носители финансируются извне, образуют мобилизационный потенциал для становления идеологических платформ и лозунгов, которые с помощью информационных технологий используются для рекрутинга активистов социально-политических групп и движений, вынашивающих планы отделения низкостатусных регионов от России.⁵

Продолжение и закрепление иерархии рискогенных дистанций между макрорегионами **неприемлемо** для Российского государства и его граждан, чревато угрозами его целостности. Имеются ли возможности преодолеть такие угрозы?

⁵ Технологии формирования и функционирования современных протестных движений весьма квалифицированно изложены в новой книге известного российского социолога, сторонника экологического активизма О.Н. Яницкого [15].

Какие имеются коридоры возможностей?

Коридоры возможных изменений России и ее регионов при движении по неизведанным дорогам истории имеют две ограничительные полосы: справа и слева. *Полоса справа* – своего рода исторический кювет, или запрет-табу на продолжение того экономического курса, который российское Правительство осуществляло последние четверть века; за пределами этого кювета перед Россией открываются просторы периферийных сырьевых территорий, которые обслуживают потребности исторически продвинутых стран «золотого миллиарда». *Полоса слева* – менее явный рубеж, отделяющий благие, но утопичные, нереализуемые намерения; попытки их осуществить означают выезд на встречную полосу и неминуемое лобовое столкновение-катастрофу.

Исследовательские задачи: прежде всего, *изучить* состояние и проблемы, потребности и возможности эволюции регионов и страны как социокультурных объектов. Макрорегиональные исследования свидетельствуют о наличии значительных возможностей развития регионов (например, в Сибирском ФО), которые остаются упущенными. Затем, на этой основе необходимо *предложить стратегии и проекты изменений*, которые соответствуют «коридору возможностей» эволюции регионов и в целом России, в согласии с ценностными ориентациями ее населения.

Это могут быть лишь эволюционные, поэтапные изменения. Стратегия поэтапной интегрирующей модернизации (о ней сказано ниже) может стать одним из способов таких изменений, основанных на реализуемых результатах социокультурных исследований. Можно выделить три основные группы требуемых результатов:

А. Социетальные, страновые:

- концепции и стратегии развития страны, общества в целом;
- предложения по улучшению институциональных правил регулирования общества и его подсистем;
- мегапроекты общестранового значения.

Б. Региональные:

- стратегии макрорегионов и регионов;
- межрегиональные проекты;
- региональные и местные муниципальные проекты.

В. Секторальные стратегии и проекты:

- Сельское хозяйство;
- Промышленность;
- Сфера услуг (без ИКТ);
- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Можно предположить, что реалистичность каждого результата *проверяется*, как минимум, его полезностью для получения хотя бы одного результата, относящегося к другой группе.

Российские специалисты в области социальных и гуманитарных наук имеют опыт получения результатов, относящихся к разным группам и видам. В гуманитарных науках наиболее распространены исследования концептуального характера, относящиеся к обществу в целом. Однако экономисты активно разрабатывают также стратегии и проекты странового, регионального и секторального масштабов. Наиболее системно эти работы велись в учреждениях РАН – в центральной ее части и в ряде отделений – Уральском, Сибирском, Санкт-Петербургском.

Можно привести несколько примеров предъявления экономистами своих результатов – концептуально-стратегических и институционно-регулятивных – в самое последнее время. 19 февраля 2014 г. на встрече с В.В. Путиным обсуждался доклад РАН «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» [6]. В марте с. г. в рамках Московского экономического форума – 2014 состоялась Пленарная дискуссия, участники которой пыта-

лись найти ответ на вопрос: есть ли у России, в контексте мировых трендов в экономике, несырьевое будущее? Академик РАН Е.М. Примаков вполне определенно заявил, что в условиях угроз экономических санкций важно сконцентрировать наше внимание на тех внутренних возможностях, которые в случае введения санкций помогут преодолеть внешние угрозы, привести к укреплению российской экономики. «Особую важность приобретает выбор альтернативы, на чем сделать упор в нынешних условиях: либо на финансовой консолидации, либо на экономическом росте. Этот выбор из теоретического, разделившего экономистов на два лагеря, стал жизненно значимым в практическом плане. Сегодня, казалось бы, выбор сделан. О нем твердо заявил президент В. Путин. По его словам, необходимо однозначно акцентировать внимание на экономическом росте и на этой основе сохранить его социальную ориентацию. Такой точки зрения придерживаются также академические и не только академические экономисты».

Этот вывод предполагает переориентацию макроэкономики на создание условий для экономического роста. Финансовая консолидация должна этому служить. «Но в действительности никакой заметной переориентации политики нашего правительства не наблюдается, – отметил академик. – Так, несмотря на неоднократные решения, не снижается ставка рефинансирования, в результате чего кредиты банков достигают заоблачных высот. Можно ли рассчитывать в таких условиях на ускоренный экономический рост, тем более что в случае применения экономических санкций против нашей страны неизбежно ухудшатся условия кредитования американскими и европейскими банками наших производителей?» [10].

В мае с.г., в рамках того же Форума, на итоговой секции «Налоговые стимулы для модернизации промышленности» эксперты внесли предложения по введению «разумных налогов для развития промышленности независимо от введения санкций» и по совершенствованию налоговой системы в целом [11].

Наши коллеги из ИСЭРТ РАН в подытоживающей монографии изложили результаты систематических расчетов возможных мер по увеличению поступлений в бюджетную систему РФ в ближайшие два-три года: на 14–18 трлн. рублей, или на 45–79%, а также совокупность предложений, направленных на корректировку проводимого курса экономической политики [1, с. 142–144, 149–150].

Надо признать, что мы, работающие в области социокультурной компаративистики, имеем немало возможностей подготовить конкретные предложения. Но пока не вошли во вкус этой работы, не освоили ее методы. Мы делаем правильные выводы о низкой востребованности культурного потенциала, об отставании когнитивной и инновационной составляющих процессов модернизации и другие. Но не доводим свои исследования до реальных проектов по преодолению такого отставания в своих и других регионах. А уже пора это делать. Наши зарубежные коллеги, прежде всего работающие в университетах, делают это вполне успешно. Так, на ежегодных европейских конгрессах *Всемирной ассоциации региональной науки* регулярно звучат доклады о разработках в области региональных инновационных систем (РИС), завершающиеся конкретными предложениями и проектами. Например, изучаются такие темы как «перетоки знания» (каналы распространения и «маршруты» нового знания); «исследовательская группа как ключевой игрок и получатель государственной поддержки»; соотношение удельных и абсолютных расходов на НИОКР в университетах, бизнесе и государственных учреждениях; создание инновационных «профилей» регионов; внутри-региональный анализ исследовательских сетей, размещения и инновационного поведения фирм традиционной (например, обрабатывающей) промышленности и новых видов деятельности (например, ИКТ-сектора) и др. [см. 9].

Как отмечают российские ученые из Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, с конца 90-х гг. *финская наука* «вооружилась множеством принципиально новых по структуре, содержанию, целям и приоритетам проектов развития сельской местности, связанных с генерацией и воплощением в жизнь идей нового сельского районирования... Финский аграрно-академический комплекс обращается к концепциям культурной географии, в результате чего в 1990-е гг. на смену идее «*меняющейся деревни*» пришла модель

«новой сельскости», необходимость которой во многом была обусловлена запросами экономической и культурной адаптации Финляндии к требованиям и нормам Евросоюза» [7, с. 76].

Более того, финская *сельская политика* добилась значимых результатов в сфере создания новых локальных структур и партнерских отношений путем участия в европейском проекте ЛИДЕР («Обеспечение связи между акторами для экономического развития сельских территорий») и создания ее местного аналога – национальной программы ПОМО. По программе «Приграничное сотрудничество в рамках Инструмента Европейского Соседства и Партнерства» в 2011–2013 гг. проект ЛИДЕР был апробирован в трех муниципальных районах республики Карелия и Ленинградской области, расположенных на побережье Ладоги. По оценке инициаторов этого *пилотного проекта*, в целом он был успешным, «но дальнейшее развитие в этом направлении требует более последовательной сельской политики российского государства и возможности участия местных жителей в разработке и реализации этой политики» [2, с. 122]. Видимо, «... получилось, как всегда».

Подчеркну: Приведенные примеры – не образцы для подражания, а лишь свидетельства того, какой характер имеют исследования специалистов за рубежом, особенно в университетах европейских стран, ориентированные на развитие регионов. Подобные исследования в России помогут выявить коридоры реализуемых возможностей модернизации российских регионов⁶. В русле таких возможностей следует рассматривать и предлагаемую стратегию поэтапной интегрирующей модернизации России и ее регионов.

Поэтапная интегрирующая модернизация

Чтобы минимизировать риски целостности страны и содействовать повышению благополучия ее населения, необходимо использовать стратегию *интегрирующей модернизации*⁷. Она означает такое координированное развитие первичной и вторичной стадий модернизации, которое нацелено не только на повышение их социоэкономической и социокультурной эффективности, но и на уменьшение дистанции между состояниями модернизованности регионов. Тем самым, она становится способом повышения межрегиональной консолидации России.

Для достижения этой цели необходимо конкретизировать понимание стратегии интегрирующей модернизации – как **поэтапной**, которая обеспечивает движение регионов от одного состояния (типа) модернизованности к следующему, смежному с ним, более высокому состоянию (типу). При формировании такой стратегии полезно сгруппировать шесть типов модернизованности регионов в три пары смежных, сравнительно легче координируемых типов регионов, а состояния каждой пары типов рассматривать как этап осуществления требуемой стратегии. Соответственно, получаем три ее этапа:

Этап 1 – преимущественно рост индустриальной модернизации и одновременное ее развитие на основе новой индустриализации (типы 1, 2);

Этап 2 – завершение индустриальной модернизации и переход к информационной ее стадии (типы 3, 4);

Этап 3 – рост и развитие информационной модернизации (типы 5, 6).

Отмечу своеобразие содержания термина *этап* в контексте стратегии модернизации. Это определенная *часть процесса* модернизации, которую я рассматриваю как *этап* данного процесса и одновременно как *этап стратегии* осуществления этого процесса. Наряду с дву-

⁶ Это предполагает, что часть участников проектов нашей Программы овладеет системной методологией и специальными методами диагностики, построения правдоподобных гипотез и способов позитивной эволюции регионов как социокультурных сообществ. Критический анализ методологии и ряда методов содержится в [4]. Заслуживает внимания метод *абдукции* как познавательной процедуры принятия объяснительных правдоподобных гипотез с использованием формализации из области многозначных логик и других диагностических процедур искусственного интеллекта [14].

⁷ В отличие от термина *интегрированная модернизация* (integrated modernization), который использует наш коллега, профессор Чуаньци Хэ (АН Китая), термин *интегрирующая модернизация* может иметь английский аналог *integrating modernization*.

мя стадиями модернизации (первичной и вторичной), которые выделил профессор Хэ (с этими стадиями определенно соотносятся названные выше этап 1 и этап 3), я ввожу опосредствующий, *синтезирующий* их **этап 2**, где решается самая трудная задача стратегии модернизации – *регулирование перехода* первой стадии во вторую (диалектика качественного преобразования). Речь идет не о заданном сверху хронологическом *периоде*, едином для всего пространства страны (наподобие советских пятилеток индустриализации), а прежде всего об этапе модернизации конкретных *регионов* (субъектов, федеральных округов РФ): следовательно, временные рамки этапа формируются снизу, по мере осуществления модернизации в тех регионах, которые находятся в соответствующих этому этапу состояниях модернизованности; при этом регионы стремятся достичь индикаторов государственной стратегии, а федеральные органы способствуют движению регионов, а при необходимости корректируют индикаторы с учетом реального движения регионов. Словом, это *гибкие этапы* стратегии, которая означает итеративное регулирование компонентов процесса (в модернизационных кластерах регионов) и его результата, дифференцированно по кластерам регионов и макрорегионов.

Таким образом, в рамках каждого региона этапы разделены во времени, но в масштабах макрорегионов и страны могут одновременно осуществляться все три этапа процесса модернизации и три этапа ее стратегии. Решающая роль в эволюции регионов принадлежит самим регионам, при координации со стороны администрации федеральных округов, а в общероссийском масштабе – со стороны федеральных органов власти.

В таблице 4 представлено распределение числа регионов России (кроме Крыма и Севастополя) по этапам интегрирующей стратегии, соответствующим типам модернизованности субъектов и модернизационным кластерам федеральных округов.

Таблица 4

Этапы стратегии интегрирующей модернизации
и распределение регионов по типам модернизованности регионов
и модернизационным кластерам федеральных округов
(в ячейках – число регионов, 2010 г.)

Этапы стратегии	Типы регионов	ФО, кластер 1		ФО, кластер 2			ФО, кластер 3	ФО, кластер 4		РФ, Всего
		Юж	С-К	П р	Сиб	ДВ	Урал	СЗ	Цн	
Этап 3	Тип 6	0	0	1	0	0	0	1	1	3
	Тип 5	0	0	1	0	0	1	0	2	4
Всего на этапе 3		0	0	2	0	0	1	1	3	7
Этап 2	Тип 4	0	0	0	1	3	2	3	2	11
	Тип 3	1	0	4	5	3	2	4	4	23
Всего на этапе 2		1	0	4	6	6	4	7	6	34
Этап 1	Тип 2	3	4	8	4	2	1	3	8	33
	Тип 1	2	3	0	2	1	0	0	1	9
Всего на этапе 1		5	7	8	6	3	1	3	9	42
ВСЕГО РЕГИОНОВ		6	7	14	12	9	6	6	18	83

Фаза подготовки осуществления стратегии. Желательно начать подготовку названной стратегии с формирования научно обоснованной *концепции* и наиболее эффективных первоочередных ее этапов⁸. Для подготовки проекта концепции необходим соответствующий *заказ* наиболее компетентным кафедрам, лабораториям университетов и институтам

⁸ На мой взгляд, значительный конструктивный потенциал заключает в себе *критический гуманизм* как деятельностно-предметный способ утверждения **реального гуманизма**, обоснованного в ранних произведениях К. Маркса [5, с. 7, 146]. При этом следует полнее осмыслить эволюцию теории и тактики *европейской социал-демократии* с 80-х гг. XIX в. до конца XX в.. Оригинальный анализ этой эволюции см. [8].

РАН экономического и социологического профиля. Вопреки консервативной позиции министерства финансов, должна быть законодательно закреплена материальная мотивация авторов реализуемых достижений и разработок, равно как и участников их осуществления.

Федеральные органы власти стимулируют заинтересованность регионов в модернизации: вводят правила бюджетного ее обеспечения (через целевые программы и др.), более справедливые и прозрачные правила получения и использования доходов в регионах, устраняя искусственные нормы «дотационности». Открывают каналы взаимной заинтересованности регионов в развитии горизонтальных взаимодействий, отраслевых и межотраслевых инновационных кластеров.

Региональные органы власти инициируют конкурсы на разработку и участие в реализации проектов стратегии модернизации.

Университеты и другие вузы, исследовательские институты начинают действовать в качестве экспертов-модераторов модернизационного процесса, инициируют и активно участвуют в разработке инновационных высокотехнологичных проектов. Это позволит достаточно быстро повысить востребованность интеллектуального, в целом культурного потенциала регионов, интенсифицировать процессы их модернизации.

Развитию *человеческого потенциала* будет способствовать **minimax-стратегия повышения благополучия населения в условиях социокультурной модернизации**. Согласно этой стратегии, необходимо, начиная с первого ее этапа, обеспечивать приоритет **минимизации человеческих ущербов**, прежде всего **человеческих бед**, которые негативно влияют на всю жизнедеятельность людей, снижают их человеческий потенциал, блокируют их участие в процессах модернизации. Вместе с тем, необходимо поэтапно **увеличивать социокультурные блага**, которые оказывают позитивное влияние на жизнедеятельность **максимально** большого числа населения, повышают его человеческий потенциал, участие в процессах модернизации.

Этап 1 – преимущественно рост и развитие новой индустриализации, шире – неоиндустриальной модернизации, означающей переход в зрелую фазу первичной модернизации. Его инициируют и осуществляют те регионы, которые находятся в фазах начала и роста первичной модернизации, на низком и ниже среднего ее уровнях, – то есть относятся к типам модернизованности 1 и 2. В 2010 г. во всех федеральных округах Российской Федерации имелись 42 таких региона. Требуется осуществить на первом этапе полное развитие в этих регионах четвертого и пятого технологических укладов. Прежде всего – развитие тех немногих регионов, которые в *единственном* числе имеются в своих федеральных округах в самых низких состояниях (В ЦФО это Тамбовская область, в Уральском ФО – Курганская область, в Дальневосточном ФО – Камчатский край), и тем самым содействовать повышению состояния модернизованности не только данных регионов, но и соответствующих округов. Именно этим регионам в первую очередь, а также другим регионам первого этапа модернизации должна быть адресована **minimax-стратегия повышения благополучия населения, прежде всего мерами по минимизации человеческих бед.**

Следовательно, на первом этапе интегрирующей модернизации государственные и частные инвестиции должны быть направлены не в только в регионы федеральных округов первого, низшего кластера, а в соответствующие регионы **всех** федеральных округов. Федеральные и региональные органы власти должны принять действенные меры по сокращению численности чиновников, блокированию коррупции и повышению прозрачности управления, углублению демократизации общественной жизни, утверждению ценностей труда и других компонентов индустриальной цивилизации.

Этап 2 – завершение неоиндустриальной модернизации и переход к информационной ее стадии. Этот наиболее сложный этап: он означает координируемое преобразование первичной стадии модернизации во вторичную, а конкретно – преодоление высоких барьеров четвертой, переходной фазы индустриальной модернизации и вступление в начальную фазу информационной стадии.

В данный этап включаются те 34 региона, которые уже находятся в фазах зрелости первичной модернизации и в начальных фазах вторичной модернизации (типы модернизованности 3 и 4). Кроме того, во многих из 42-х регионов, осуществляющих первый этап, по мере завершения данного этапа будут создаваться условия для включения во второй этап, т.е. число его участников будет расти и может превысить 60 регионов.

В регионы должны быть приоритетно направлены инвестиции в создание и развитие пятого, а также, по возможности, в начало шестого технологического укладов, включая модернизацию имеющихся (обычно импортных) информационных технологий, в рост доступности и качества образования, в развитие научных исследований, поддержку ценностей изобретательства, престижа заявок на получение патентов, в том числе на способы сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. При осуществлении *minimax-стратегии повышения благополучия населения акцент начнет сдвигаться в сторону увеличения благ, имеющих жизненное значение для максимального числа жителей соответствующих регионов.*

Этап 3 – преимущественно рост и развитие вторичной, информационной стадии модернизации. В этом этапе участвуют прежде всего те 7 регионов, которые уже находятся в соответствующих фазах вторичной модернизации (типы модернизованности 5 и 6). Они будут стремиться, преимущественно за счет собственных ресурсов возможно полнее сформировать в своей экономике не только пятый, но и шестой технологические уклады, а также вести инновационный поиск элементов новых укладов, чтобы войти в третью фазу информационной стадии модернизации – фазу ее развития. Вместе с тем, те из 60–70 регионов, которые успешно осуществили второй этап, будут добавляться к лидирующим регионам; их число будет расти, но не равномерно, а с учетом культурно-исторических особенностей каждого региона и федеральных округов.

Однако в целом, согласно стратегии интегрирующей модернизации, в ближайшие 5–10 лет в большинстве регионов России приоритетными станут процессы *новой индустриализации*. Они будут обеспечивать восстановление четвертого (на современном уровне), подготовку и распространение пятого и шестого технологических укладов, шире – *завершение первичной стадии модернизации (уже как неоиндустриальной) и начало перехода к информационной ее стадии*. Вовлекая ресурсы, полученные при реализации первых двух этапов, общество и его регионы освобождаются от устаревшего оборудования индустриальных технологических укладов, переживают урбанизацию нового типа, комплексную экологизацию («озеленение»). *При осуществлении minimax-стратегии повышения благополучия населения, по мере минимизации человеческих бед, становятся приоритетными инвестиции в создание благ, жизненно значимых для максимального числа граждан всей страны.*

Предварительные выводы

Пришло время поэтапных, но энергично-последовательных институционно-регулятивных действий, направленных на осуществление интегрирующей модернизации регионов и всей России. Уже на этапе 1 должна быть повышена социальная ответственность государственных корпораций. Россияне устали от квазипатриотичной рекламы Газпрома как национального достояния, продукция которого недоступна тысячам населенных пунктов и дачных поселков страны из-за непомерных цен на подключение к магистральным газопроводам.

Вслед за этим необходимо принять законодательные акты, повышающие социальную ответственность хозяев олигархического и иного крупного капитала и аффилированных с ним госслужащих. Эта ответственность может быть конкретизирована, например, в виде цивилизованного минимума нормы прибыли (в %), направляемой на оплату наемного труда. Или в виде инвестиционного минимума прибыли (тоже в %), направляемой в российские объекты предпринимательской деятельности и освобождаемой от налогов. Это будет стимулировать участие бизнеса в технико-технологической модернизации отраслей и регионов, позволит увеличить бюджет и повысить качество жизни населения.

Не менее важно наполнить конституционное положение о регионах как субъектах Российской Федерации справедливыми экономическими **правами регионов**: такими как обязательная регистрация налогооблагаемых бизнес-структур в тех же регионах, где они ведут свой бизнес; принятые в развитых странах нормы (в %) отчисления доходов регионов в федеральный бюджет. И в целом обеспечить необходимую прозрачность межбюджетных отношений федерального центра и регионов.

Осуществление стратегии поэтапной интегрирующей модернизации (например, по представленной выше схеме) позволит уменьшить модернизационные дистанции между субъектами и федеральными округами РФ, минимизировать социокультурные ущербы и человеческие беды, повысить жизненно значимые блага максимально широких слоев населения, тем самым – консолидировать социокультурное пространство России, снизить угрозы и риски ее государственной целостности.

Сегодня для нас, участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», **приоритетный характер приобретают исследования социокультурных факторов новой индустриализации регионов России, или неоиндустриальной ее модернизации** – ее вызовов и возможностей, разработки проектов по реализации возможностей утверждения общества реального гуманизма. Необходимы также теоретическое осмысление и практические разработки возможностей активного участия в этой деятельности **университетов** как субъектов социокультурной модернизации и инновационного развития регионов и всей страны.

Список литературы

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Вологда, ИСЭРТ РАН, 2014. 185 с.
2. Копотева И., Никула Й. От социальных инноваций к инновационным системам. LEADER на европейских и российских сельских территориях // Мир России. Социология. Этнология. М., 2014, №3.
3. Лапин Н.И. Хронотипология комплексных состояний (типов) модернизированности регионов // Проблемы социокультурной модернизации регионов России» / сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., Academia, 2013. Гл. 1.
4. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М., ЛЕНАНД, 2012. 1024 с. Раздел IX.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2.
6. Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. М., РАН, 2013.
7. Никулин А.М., Троцук И.В. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. Социология, Этнология. М., 2014, №3.
8. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, 2005. 688 с.
9. Пилясов А.Н. Региональные инновационные системы и сетевые структуры в региональном развитии // Настоящий сборник. Пермь, 2014.
10. Примаков Е.М. Реиндустриализация в мире. Новая промышленная политика против финансовых спекуляций и экономического застоя // Мир перемен, М., 2014, №2.
11. Разумные налоги для развития промышленности независимо от введения санкций // Мир перемен. М., 2014, №2. С. 29–30.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. Статистический сборник. М., Росстат, 2011.
13. Сачков Ю.В. Состояние // Новая философская энциклопедия. М., Мысль, 2001. Т. III.

14. Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспективы. М.: Новый Хронограф, 2013.

15. Финн В.К. Абдукция // Новая философская энциклопедия. М., Мысль, 2000. Т. 1.

N. I. Lapin, Moscow

TO INTEGRATING MODERNIZATION OF RUSSIAN REGIONS STEP-BY-STEP

Summing up the results of the all-Russian monitoring of the values and interests of the Russian population and the socio-cultural portraits of 24's regions of Russia, the author notes the development of socio-cultural research Russian regions as new scientific directions and highlights the challenges of this area in the context of the modernization processes. The first challenge is diagnosis of modernization-state regions, including risicogennoj modernization-state Federal districts of the Russia hierarchy. The second task is identifying corridors neglected link how to modernize, develop a step-by-step strategy of the modernization regions and all of Russia.

Key words: socio-cultural comparativistic, components of modernization, the macro-regions modernization-state hierarhy, the integrating modernization strategy, its stages.

УДК 332.1: 316.334.82

А. Н. Пилясов

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ
И СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ*
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА ЧЕТЫРЕХ КОНГРЕССОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ: 2005–2008 гг.)**

В статье представлены результаты анализа материалов четырех конгрессов Европейской ассоциации региональной науки. Определены важнейшие и наиболее актуальные направления теоретических и эмпирических исследований в сфере регионалистики. Применена количественная и качественная исследовательские стратегии. Даны рекомендации по повышению эффективности и актуальности ответственных исследований в данной области.

Ключевые слова: региональные инновационные системы, пространственные инновационные системы, сетевой анализ.

Проведя краткий макроанализ развития региональной науки в последние полвека, остановимся теперь на микроанализе ее развития в самые последние годы. Будем использовать для этого доклады четырех ежегодных конгрессов европейской ассоциации региональной науки (и материалы наших обзоров докладов этих конгрессов) [16, с. 48; 17, с. 64; 18, с. 75; 6, с. 45]: 45-го Конгресса 2005 г. в Амстердаме, 46-го Конгресса 2006 г. в Волосе, 47-го Конгресса 2007 г. в Серджи и 48-го Конгресса 2008 г. в Ливерпуле.

Первый вопрос, который нас интересует: какова тематическая структура докладов конгрессов? Углубленному анализу подвергались доклады европейских авторов на европейскую тематику, посвященные конкретным исследованиям современных региональных проблем. Поэтому в нашу выборку попадали не все содержащиеся на компакт-диске/флеш-памяти доклады, а около двух третей всех заявленных на Конгресс сообщений. Внутри этой выборки доминирующее положение всегда занимали доклады по *городской проблематике*, что вполне объяснимо. Именно в городах концентрируются институты новой экономики знания, именно города выступают локомотивами постиндустриальной трансформации, именно крупногородские, метрополитенские ареалы становятся новыми глобальными центрами экономической, финансовой и политической мощи.

Второе место по количеству докладов в разные годы занимали темы *региональной инновационной системы, регионального роста, региональных рынков труда*. При всей несхожести этих сюжетов их объединяет одна общая особенность. Это все направления, в которых прежде всего происходила смена старых исследовательских парадигм в последнее десятилетие. Действительно, работ по региональной инновационной системе еще 15–20 лет вовсе не было, а теперь их минимум полтора-два десятка на каждом конгрессе. Региональный рост в результате перехода с экзогенных на эндогенные модели по сути переоткрывается заново. Региональные рынки труда все чаще рассматриваются в аспекте концентрации и рассеивания человеческого капитала, креативного класса, что существенно отличается от прежней традиции (в индустриальное время рынок труда рассматривался преимущественно как поставщик трудовых ресурсов промышленным предприятиям и комплексам).

В тройку наиболее популярных тем также попадали доклады по *методологии регионального анализа*, сообщения, посвященные рождению и развитию фирм (прежде всего малых и средних) и вопросам развития транспортной инфраструктуры. В методологии пространственного анализа в последнее десятилетие был сделан ряд важных прорывов, связан-

* С любезного согласия автора публикуется с некоторыми сокращениями фрагмент из рукописи большой его статьи «Развитие мировой и европейской региональной науки».

ных с внедрением моделей новой экономической географии; методов анализа, основанных на интеграции количественной и качественной информации (социальный сетевой анализ, rough set analysis и др.); совмещенным использованием баз данных, в которых один и тот же объект исследования характеризуется с разных позиций. Тема фирм и предпринимательства присутствует на всех последних конгрессах (максимально активно – на Конгрессе в Серджи) в разных ипостасях: в аспекте рождений и передислокаций фирм, в аспекте региональных вариаций предпринимательской энергии; в увязке развития предпринимательства и регионального роста. Новизна разработки транспортных вопросов заключается теперь в том, что они все чаще рассматриваются в аспекте человеческого поведения в пространстве (например, поведение людей в дорожных пробках, как влияет введение платы за автодороги на поведение автолюбителей и др.)

Следующий аспект нашего анализа – *журнальные предпочтения докладчиков* основных тематических секций конгрессов. После масштабного опроса представителей европейского регионального сообщества, который несколько лет назад провел Гюнтер Майер [11], стало возможно определить семь самых популярных по частоте цитирования журналов региональной науки...

Используя эти данные, для самых крупных по числу докладов тематических секций Конгресса в Серджи мы провели анализ журнальных предпочтений участников. В целом безусловным лидером среди журналов является *Regional Studies*. Именно на его статьи самое большое количество ссылок в докладах участников Конгресса. Он доминирует и по большинству тем, кроме секции по городскому развитию – здесь естественным лидером является журнал *Urban Studies*, который исходно обращен лицом к этим проблемам. Второе место по числу ссылок в рубрике городских проблем также естественно занимает *Journal of Urban Economics*. Разработка темы регионального роста очень часто опирается на публикации журнала *Annals of Regional Science*, который по частоте ссылок занимает второе место (после *Regional Studies*). Исследования по теме предпринимательства и фирм в регионах опираются на публикации *Papers in Regional Science* (второе место по частоте ссылок, после *Regional Studies*) ...

Учитывая новизну для нас темы *региональной инновационной системы (РИС)*, настоятельную необходимость быстро освоить достижения мировой региональной науки в области региональной экономики знания, решено было специальное внимание при анализе уделить этой теме. Как же выглядит на конгрессах внутренняя структура этой тематической секции?

На основании анализа докладов Конгресса в Амстердаме можно выделить шесть основных рубрик внутри этой секции (табл. 1).

Таблица 1

Исследовательский поток внутри темы «региональная инновационная система»
(по данным обзора докладов Конгресса в Амстердаме, 2005 г.)

Подтема	Число докладов	Ключевое направление научной мысли
1. Инновации и региональный экономический рост/развитие	6	Ключевые специфичные местные факторы развития экономики знания. Индикаторы инновационной экономики и региональное развитие. Региональные профили инновационного процесса. ИКТ и производительность труда региональной экономики. Научеёмкие отрасли и региональное развитие
2. Перетоки знания (каналы распространения и «маршруты» нового знания)	6	Региональные типы и источники нового знания. Региональные факторы/условия перетоков знания. Патентные ссылки. Мобильность квалифицированных кадров. Институты экономических кластеров и местная инновационная система

Подтема	Число докладов	Ключевое направление научной мысли
3. Инкубаторы и университеты как мотор регионального инновационного процесса	3	Внутренние и внешние факторы роста региональных инкубаторов. Национальные программы развития инкубаторов. Институты высшего образования и региональная инновационная среда
4. Инновационная политика	3	Обособленность от промышленной политики. Исследовательская группа как ключевой игрок и получатель государственной поддержки. Сходства и различия национальной технологической политики
5. Моделирование и измерение инновационного потенциала	3	Уровень внедрения ИКТ: количество и структура Интернет-доменов. Матрица оценки инновационного потенциала регионов
6. Инновации – свидетельства из европейских регионов	4	Типовые ситуации в Финляндии, Ирландии, Португалии, Венгрии

Если мы определим основных классиков по частоте ссылок в секции РИС (аналогично ранее описанному алгоритму для секции городского развития), то обнаружится, что большинство этих имен для российских ученых неизвестно (табл. 2). Переведены только монографии и статьи Р. Нельсона и М. Портера. И здесь возникает важнейшая задача для российского сообщества экономико-географов и региональных экономистов: содействовать широкому узнаванию ставших уже классическими работ наших зарубежных коллег по самому прорывному, самому динамично развивающемуся в последние годы направлению региональных исследований: инновационному процессу внутри региона.

Таблица 2

Пул цитирования докладов по теме «Региональная инновационная система»
на Конгрессе в Володе, 2006 г.

Авторы	Число докладов	Общее число цитирований	Авторы	Число докладов	Общее число цитирований
1. Cooke P.	12	22	7. Audretsch D.B.	7	9
2. Anselin L.	9	10	8. Porter M.E.	7	9
3. Nelson R.R.	8	12	9. Boschma R.A.	6	7
4. Lundvall B-A.	8	11	10. Camagni R.	6	6
5. Feldman M.	8	10	11. Capello R.	5	6
6. Jaffe A.B.	7	11	12. Asheim B.	4	6
			13. Johansson B.	2	9

Европейская, американская, азиатская школы региональной науки неизбежно различаются по тематике своих исследований и применяемым методам анализа...

В европейских докладах сильнее акцент на роль социальных, культурных факторов в региональном развитии, региональную идентичность. Здесь меньше веры в силы рыночного саморазвития и потому сильнее разрабатываются темы региональной политики [19, с. 311]

Очень поучительны для российских исследователей доклады европейских коллег, посвященные *пространственным инновационным системам* (в том числе региональным). Максимальный пространственный охват обеспечило сравнительное исследование по географии инновационного процесса в США и Европе. Авторы установили, что в США генерирование инноваций обычно происходит в самодостаточных географических ячейках (например,

метрополитенские ареалы, университетские города), которые имеют собственные НИОКР, расположены в комфортной социально-экономической среде и потому способны привлечь высококвалифицированных профессионалов. С другой стороны, в странах Евросоюза этот процесс больше опирается на факторы близости к другим инновационным районам и способность регионов аккумулировать и трансформировать межрегиональные потоки знания в инновации. Мобильность человеческого капитала, ввиду существенных институциональных и культурных барьеров, в отличие от США, не имеет здесь определяющей роли. В Европе городские агломерации являются лучшим драйвером инноваций, чем высокая отраслевая специализация регионов [3].

Определение роли пространственных факторов в инновационной деятельности является темой многих докладов последних европейских конгрессов. Эта задача выполняется путем сравнительного анализа инновационных систем регионов Евросоюза и проведения их типологии [14]; сопоставления данных региональных инновационных индикаторов, например, удельных и абсолютных расходов на НИОКР в университетах, бизнесе и государственных учреждениях и создания в результате инновационных «профилей» европейских регионов [1]; внутрирегионального анализа исследовательских сетей, размещения и инновационного поведения фирм традиционной (например, обрабатывающей) промышленности и новых видов деятельности (например, ИКТ-сектора). Европейские ученые очень изобретательно используют новые для нас информационные источники (например, патентную статистику); объекты анализа (например, исследовательские, соавторские, научно-производственные, межфирменные сети); плодотворно разрабатывают концепцию перетоков знания для подчеркивания влияния пространственного фактора на ход и результаты инновационного процесса. К числу наиболее изученных каналов, по которым распространяется новое экономическое знание в регионе, относятся взаимодействия (партнерства) между университетами и промышленными фирмами, а также рождение новых бизнесов.

В одном из докладов излагаются результаты исследования 109 европейских регионов во Франции, Германии, Италии, Испании и Великобритании на основе анализа исследовательских сетей (по проектам, финансируемым в рамках Пятой рамочной программы ЕС) и данным патентной статистики Европейского патентного бюро. Авторы приходят к выводу, что новое знание создается внутри критических ядер (фирм и университетов), которые в определенных местах тяготеют друг к другу (размещаются совместно), таким образом, определяя рождение и развитие высокотехнологичных кластеров, инновационных промышленных районов, наукоёмких центров [10].

Другая работа посвящена анализу исследовательской сети Германии – на примере изучения перетоков знания внутри 23 немецких систем исследователей, которые объединяют почти 600 участников, и включают в себя обрабатывающие и сервисные компании, университеты, неуниверситетские исследовательские организации. Факторы пространственной близости взаимодействующих партнеров очень важны для обмена знаниями (наряду с факторами сходства по культуре, по социальным параметрам) [9]. Университеты в максимальной степени генерируют новую информацию и знание внутри общего инновационного процесса. А выигрывают в результате обменов знаниями обрабатывающие компании.

В другом докладе исследовательские сети исследуются на материалах соавторских публикаций в восьми научных направлениях (науки о жизни и физические науки) за 1988–2004 г. Сотрудничество исследователей, которые состоят в разных организациях (фирмы, университеты, государственные исследовательские институты) обычно географически более локализовано, чем сотрудничество между исследователями, которые работают в организациях одного типа (например, из разных университетов). Таким образом, фактор географической близости оказывается более важным для сотрудничества между академическими (включая сюда университеты и научно-исследовательские институты) и не-академическими организациями, чем при сотрудничестве специалистов из научно-исследовательских организаций или из разных университетов. Национальный уровень оказывается более значимым для сотрудничества между фирмами и исследовательскими организациями в университетах (или науч-

ных институтах). Для сотрудничества государственных и академических организаций региональный уровень оказывается более значимым [20].

Роль размещенческих факторов в инновационной деятельности фирм анализировалась на примере 6200 восточно-германских фирм. Подходящая местная среда оказывает важное позитивное воздействие на инновационное поведение фирм. Для высокотехнологичных обрабатывающих фирм, «твердые» размещенческие факторы, в первую очередь, близость к университетам и межрегиональным транспортным каналам, более значимы, чем «мягкие» факторы. С другой стороны, для фирм наукоемкого (интеллектуального) сервиса мягкие размещенческие факторы имеют ключевое значение, хотя и близость к исследовательским учреждениям, наличие квалифицированной рабочей силы (как твердые факторы) тоже важны. Очень важно интенсивное сотрудничество с исследовательскими, государственными учреждениями при разработке новых товарных групп и бизнес-процессов [5].

Какие фирмы имеют более благоприятные региональные условия для инновационной деятельности – те, которые размещены в специализированных или диверсифицированных регионах? Чтобы ответить на этот вопрос, было проведено исследование фирм обрабатывающей промышленности Западной Германии, которые были основаны в 1992 г. и продолжали работать спустя десять лет. Что касается не-наукоемких фирм, то они росли тем лучше, чем выше была специализация в той отрасли, в которой фирма была основана, чем меньше было число активно развивающихся отраслей и технологий в регионе. С другой стороны, у наукоемких фирм были другие факторы роста. Темпы их роста были выше, если общая диверсификация экономики в регионе была высокой. Чем больше других отраслей было размещено в регионе и чем больше различных технологий здесь использовалось, тем выше была вероятность того, что новые фирмы будут расти. Сочетание региональной специализации конкретной отрасли и диверсификации региональной промышленной структуры приводило к самым высоким темпам роста наукоемких обрабатывающих фирм [15].

Сравнение молодых и старых фирм венского ИКТ-сектора позволило выявить различия в их инновационной деятельности и основных источниках нового знания. Молодые фирмы более вовлечены в прикладные и фундаментальные исследования, и они чаще внедряют новые для рынка товары, чем более старые фирмы. Молодые фирмы чаще используют местные университеты как источники необходимого знания, но при этом в целом они менее «прикреплены» к месту своего размещения в вопросах использования других «знаниевых» ресурсов. Они полагаются на разнообразные каналы передачи знания: неформальные контакты, мониторинг конкурентов, ярмарки и чтение научных статей, т.е. как местные, так неместные перетоки знания.

С другой стороны, более зрелые фирмы чаще полагаются на другие фирмы региона как источник знания для постепенных инноваций. Они более сильно укоренены в местную бизнес-среду с точки зрения используемых знаниевых источников. Форма местного кластера как бизнес-производственной системы оказывается более подходящей для инновационного процесса этих фирм [24].

Часть докладов конгрессов посвящена теме инноваций в регионах и не имеет явного пространственного измерения, оценки роли пространственных факторов. Например, разрабатывается тема влияния сетей знания на темпы роста университетских фирм (на примере Университета Дельфа в Голландии и Трондхейма в Норвегии). Разработанная модель включает характеристики межличностных сетей знания – размер сети, ее прочность и силу межличностных отношений, степень интеллектуального разномыслия партнеров, содержание потоков знания, пространственную близость партнеров, конкретные виды поддержки. Различия базового образования партнеров сети или формирование партнеров из разных сетей позитивно воздействуют на темпы роста «дочерних» университетских фирм. Размер сети негативно влияет на темпы их роста [22].

В другой работе анализируются существенные различия радикальных и постепенных инноваций. Радикальные (подрывные) инновации чаще основываются на новом знании, сгенерированном в университетах и исследовательских институтах. Например, абсолютно новые для рынка товары в значительной степени появляются в результате внутренних НИОКР и патентной активности в результате сотрудничества университетов и исследовательских организаций. С другой стороны, постепенные (инкрементальные) инновации обычно рождаются от взаимодействия поставщиков и потребителей. Например, новые для фирмы товары чаще разрабатываются в результате ее взаимодействия с сервисными фирмами, чем с университетами или от НИОКР деятельности [23].

Несмотря на значительное количество докладов на конгрессах европейской региональной науки, в которых используется концепция *сетевого общества*, отдельно эта тема никогда не выделяется – прежде всего потому, что конкретный объект исследования в этих сообщениях исключительно разнообразен: города, виды экономической деятельности, транспортная инфраструктура, организационные структуры и др. Сетевой подход реализуется в двух основных версиях: взаимодействующие друг с другом элементы реальных объектов (города, туристические дестинации, ядра инфраструктурных объектов – порты, аэропорты и др.); институциональные сети – невидимые коммуникационные связи взаимодействующих друг с другом субъектов экономики и созданные в результате конгломератные структуры.

В первом направлении наиболее разработана концепция межгородских сетей, городской полицентричности [25; 13; 21]. Европейские регионы различаются по скорости трансформации своего городского ландшафта от моноцентричных городов к полицентричной городской сети (например, мегагородам). Исследуются отношения между городской полицентричностью и региональными различиями: какая национальная структура городского расселения – моно- или полицентричная – обеспечивает меньшие межрегиональные контрасты? В результате исследований национальных городских систем 25 европейских стран был сделан неожиданный вывод, что чем более полицентрична национальная городская система, тем большие межрегиональные контрасты существуют в стране [12]. Иногда феномен полицентричности увязывается с региональным экономическим развитием. Например, успешное развитие итальянского региона Эмилия Романа (Emilia Romagna) может быть объяснено и его ярко выраженной полицентричной городской структурой [2]. Голландские авторы сопоставили внутреннюю структуру моно и полицентричных городских систем на основе суточных вариаций числа приехавших в рабочие дни недели [26].

Некоторые виды экономической деятельности, например, туризм впервые начинают рассматриваться как сетевые. Греческие авторы видят возможности построить, поверх конкурентных, отношения взаимодополняющего сотрудничества между приморскими греческими городами, например, в регулировании сезонной загрузки отелей. «Сетевание» (networking) приморских городов позволяет увеличить совокупный рыночный потенциал, более равномерно распределить ресурсы и уменьшить контрасты развития [4].

Во многих докладах анализируются транспортные сети и их реконфигурации в целях обеспечения большей экономичности и устойчивости. Например, предлагается новая сетевая структура для пространственной организации воздушного сообщения в отдаленных районах Норвегии [8].

Во втором направлении институциональных сетей наиболее разработана концепция коллективного управления (governance). Для городов, например, она означает переход от городского правительства к управленческим сетям, когда городской менеджмент перестает быть монополией местной власти, но становится совместной ответственностью муниципальной власти, бизнеса, структур гражданского общества. Концепция коллективного управления задействует модель сети и означает отказ от традиционных иерархических отношений между правительством, гражданами, фирмами, их вовлечение в различные переговорные схемы для разрешения комплексных социально-политических проблем. В этой новой модели нет жесткого логического подчинения одного уровня власти другим.

Такую же радикальную трансформацию в сторону сетевой парадигмы претерпевает и традиционное пространственное планирование. Иерархический подход здесь сменяется (или сочетается) на консенсусный, который предполагает вовлечение широкого круга участников из государственных, частных, общественных (некоммерческих) структур, интенсивно взаимодействующих друг с другом во время рабочих совещаний, мозговых штурмов, круглых столов, консультаций. Он более адекватен реалиям современного многоуровневого и многоакторного общества [7].

Список литературы

1. Capriati Michele. Expenditure in R&D and local development: an analysis of Italian provinces. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
2. Cirilli Andrea, Veneri Paolo. Urban and regional development in Emilia Romagna (#351). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
3. Crescenzi Riccardo, Rodriguez-Pose Andres, Storper Michael. The Geographical Processes behind Innovation: A Europe-United States Comparative Analysis (#486). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
4. Economou Dimitrios, Vrassida Maria. Urban dynamics and networking in coastal cities: the case of tourism. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
5. Eickelpasch Alexander, Lejpras Anna, Stephan Andreas. Hard and Soft Locational Factors, Innovativeness and Firm Performance. An Empirical Test of Porter's Diamond Model at the Micro Level (#466). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
6. European regional science in the creative age: review of the ERSA 2008 Liverpool Congress papers. Lodz. 2009.
7. Immers L.H., Duijn M. The use and value of hierarchical modeling in infrastructure network planning. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
8. Jon Inge Lian. Network dependency and airline competition –consequences for remote areas in Norway. #284. Papers of the 48th ERSA Congress in Liverpool. 2008.
9. Kauffeld-Monz Martina. Knowledge spillovers within regional networks of innovation and the contribution made by public research. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
10. Maggioni Mario A., Nosvelli Mario, Uberti T. Erika. Space vs. networks in the geography of innovation: a European analysis (#617).
11. Maier Gunther. What do we think are the most important journals in regional science? Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
12. Meijers Evert, Sandberg Krister. Polycentric development to combat regional disparities? The relation between polycentricity and regional disparities in European countries (#287). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
13. Meijers Evert. High-level consumer services in polycentric urban regions: hospital care and higher education between duplication and complementarity;
14. Mikel Navarro, Juan José Gibaja, Beñat Bilbao-Osorio, Ricardo Aguado. Innovation, R&D and Economic Growth. A Typology for the EU-25 Regions and Policy Recommendations (#1025). Papers of the 48th ERSA Congress in Liverpool. 2008.
15. Otto Anne, Fornahl Dirk. Growth determinants of young businesses in Germany – Effects of regional concentration and diversification (#382). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
16. Pelyasov Alexander. European regional science: Between economy of culture and economy of catastrophes, (review of the ERSA 2005 Amsterdam Congress reports). Volos. 2006.
17. Pelyasov Alexander. European regional science: In search of strength in diversity, (review of the ERSA 2007 Cergy Congress papers). Liverpool. 2008.
18. Pelyasov Alexander. One more year of intellectual ascent of European regional science: review of the ERSA 2006 Volos Congress reports. Cergy. 2007.

19. Polese M. On the Cultural Origins and Future Directions of Regional Science: A Voice From the Periphery. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 17. № 3.
20. Ponds Roderik, van Oort Frank, Frenken Koen. The Geographical and Institutional Proximity of Scientific Collaboration Networks (#762). *Papers of the 46th ERSA Congress in Volos*. 2006.
21. Romein Arie. The contribution of leisure and entertainment to the evolving polycentric urban network on regional scale: towards a new research agenda, et als. *Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam*. 2005.
22. Soetanto Danny P., van Geenhuizen Marina. Growth of University spin-offs. A tale of two cities and different network impacts (#417). *Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy*. 2007.
23. Todtling Franz, Lehner Patrick, Kaufmann Alexander. Do Different Types of Innovation Require Specific Kinds of Knowledge Interactions? (#513) *Papers of the 46th ERSA Congress in Volos*. 2006.
24. Todtling Franz, Lengauer Lukas, Trippel Michaela. Start-ups and innovation in the Vienna ICT sector: How important is the local cluster? (#76) *Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy*. 2007.
25. Van Eck Jan Ritsema, Daalhuizen Femke. The Randstad as a Network City; Cheng Jianquan, Le Clercq Frank, Bertolini Luca. Understanding urban networks through accessibility.
26. Zandvliet Robbert, Dijst Martin. Breaking Down the Daily Use of Places A Space-Time Typology of Temporary Populations in the Netherlands. *Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam*. 2005.

A. N. Pilyasov

REGIONAL INNOVATION SYSTEM AND NETWORKS IN REGIONAL DEVELOPMENT (ACCORDING TO THE ANALYSIS OF FOUR CONGRESSES OF THE EUROPEAN REGIONAL SCIENCE ASSOCIATION: 2005–2008)

The article presents the results of the analysis of materials of four congresses of the European Regional Science Association. There were identified the most important and current trends in theoretical and empirical researches in sphere of regionalism. It was applied quantitative and qualitative research strategies. Recommendations to improve the effectiveness and relevance of responsible research in this area were conducted.

Key words: regional innovation systems, spatial innovation systems, network analysis.

УДК 316.24: 316.334.52

И. И. Бойко, Чебоксары
В. Г. Харитонов, Чебоксары

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАХ ПФО

В статье рассмотрены демографические процессы в различных регионах ПФО, отличающихся по стадиям и фазам модернизации, уровням ее сбалансированности. Особое внимание уделено особенностям естественного и механического движения населения.

Ключевые слова: регионы ПФО, типы модернизации, естественное и механическое движение населения.

Демографические показатели служат основой для выведения социальных индикаторов первичной (индустриальной) модернизации, и таковыми являются: доля городского населения (характеристика урбанизации), уровень младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни (состояние здоровья населения). В измерении вторичной модернизации отдельные аспекты демографического развития (уровень младенческой смертности и ожидаемая продолжительность жизни) используются для выявления качества жизни наряду с численностью врачей на 1 тыс. человек и потреблением энергии на душу населения [2, с. 13–14]. На наш взгляд, представляется интересным рассмотреть динамику демографических процессов в различных регионах ПФО, отличающихся по стадиям и фазам модернизации, уровням ее сбалансированности. По подсчетам В.Т. Тарасова их распределение по типам модернизационных состояний выглядит следующим образом. В 2010 г. в ПФО половина регионов: республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Чувашская, а также Оренбургская и Саратовская области относились ко второму типу, находились на первом этапе модернизационного процесса. Они оставались в стадии зрелости первичной модернизации, достигли уровня ниже среднего, и среднего, фаз роста и зрелости. Четыре региона третьего типа (Республика Татарстан, Пензенская, Ульяновская и Кировская области) начинали или развивали второй этап модернизационной динамики, то есть находились в фазе зрелости, на уровне среднем и выше среднего. Пермский край, Нижегородская и Самарская области представляют регионы четвертого – шестого типов: завершение первичной модернизации с высокими показателями, одновременное развитие информационной (вторичной) модернизации, нахождение в фазе ее роста. По уровню сбалансированности регионы в 2010 г. распределены в следующем порядке: Самарская, Нижегородская, Ульяновская области, Пермский край, Пензенская область, республики Татарстан и Башкортостан, Саратовская, Кировская области, республики Мордовия, Чувашия, Марий Эл, Удмуртия, Оренбургская область.

В регионах ПФО проживает около одной пятой всего населения страны. В России общий рост численности жителей отмечается с 2009 г., в ПФО этот процесс не зафиксирован. В результате доля населения округа в общероссийском масштабе постепенно снижается: в 2000 г. она составляла 21,6%, в 2005 г. – 21,3%, в 2010 – 20,9% и в 2012 г. – 20,8% [3, с. 329]. При этом процесс снижения численности населения наблюдается во всех регионах округа за исключением Республики Татарстан. В целом в ПФО численность населения в 2012 г. составляла 94,6% сравнительно с 2000 г. В Татарстане этот показатель равнялся 100,9%. Меньшими темпами, чем в целом по ПФО сокращалась численность жителей в Республике Башкортостан (98,7%), Самарской области (98,1%) и Удмуртской Республике (95,6%). Более быстрые темпы варьировали от 93,7 и 93,4% соответственно в Чувашии и Марий Эл до 90,1% в Ульяновской и 80,5% – в Кировской областях [4, с. 48]. Следует отметить, что в отдельные годы в некоторых регионах округа отмечалось увеличение численности населения

(Башкирия в 2007–2010 гг., Самарская обл. – 2008 г., Пермский край – 2012 г.), но оно не компенсировало отрицательный тренд в целом.

По уровню урбанизации распределение регионов вполне соответствует их нахождению на пути модернизации: в 2012 г. самая высокая доля горожан в ПФО проживала в Самарской области – 80,3%. Далее шли Нижегородская область – 79,1%; Республика Татарстан – 75,9%; Пермский край – 75,1%; Кировская и Саратовская области – по 74,8%; Ульяновская область – 74,0%. Следующую группу регионов составляли области и республики, в которых удельный вес городского населения был ниже, чем в ПФО в целом (71,0%): Пензенская область – 67,7%; Удмуртская Республика – 65,0%; Республика Марий Эл – 64,3%; Республика Мордовия – 61,3%; Республика Башкортостан – 61,1%; Чувашская Республика – 59,8% и Оренбургская область – 59,7% [4, С.52]. В данном перечне наблюдаются некоторые отклонения регионов от их рейтинговых мест по типам модернизации и уровню сбалансированности, но в целом соответствие присутствует, что вполне закономерно и объяснимо.

Векторы естественного и механического движения населения в отдельных регионах ПФО отличаются различной интенсивностью и направленностью. При общем коэффициенте рождаемости в 13,3‰ как в России, так и в ПФО (2012 г.), в Удмуртии, Пермской крае, Оренбургской области, республиках Башкортостан, Татарстан, Марий Эл и Чувашия он был выше и составлял от 15,3 до 14‰. Эти регионы находились на достаточно высоких местах в России, занимая по этому показателю 16, 21–24, 29 и 31 места. В других регионах общий коэффициент рождаемости не доходил до среднеокружного показателя (от Кировской области, где он равнялся 12,8‰, 46 место в РФ, до республики Мордовия – 10‰, 81 место) [4, с. 65–66].

Общий коэффициент смертности в 2012 г. в России равнялся 13,3, в ПФО – 14‰. При этом можно говорить о том, что практически во всех регионах с более высокими коэффициентами рождаемости показатели общей смертности ниже. Исключения составили Оренбургская область и Пермский край, в которых величины коэффициента смертности в 2012 г. превысили среднеокружной показатель (14,1 и 14,2‰ соответственно). В свою очередь, Самарская область перешла в состав регионов, где коэффициент общей смертности был ниже, чем в округе в целом: Республика Татарстан (12,2), Удмуртская Республика (12,9), Республика Башкортостан (13,2), Чувашская Республика (13,3), Республика Марий Эл (13,7) и Самарская область (13,9). Соответственно, это были 21, 27, 32–33, 40 и 45 места в России. Самые высокие величины общего коэффициента смертности отмечены в Кировской (15,6) и Нижегородской (16,1‰) областях (65 и 71 места в России) [4, с. 67–68].

Рассмотрим далее показатели младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни, которые являются инструментами измерения отдельных аспектов как первичной, так и вторичной модернизации. По первому из этих показателей регионы ПФО в 2012 г. были распределены следующим образом: Чувашия – 5,3‰ (5-е место в РФ), Татарстан – 6,4 (11), Ульяновская область – 6,9 (17), Самарская и Саратовская области – по 7,0 (18 и 19 места), Кировская область – 7,1 (20), Пензенская область – 7,2 (23), Башкортостан – 7,9 (32), Мордовия – 8,0 (34), Марий Эл – 8,3 (39), Удмуртия и Пермский край – по 8,5 (45 и 46 места), Нижегородская область – 8,8 (51) и Оренбургская область – 9,7‰ (60-е место) [4, с. 69–70].

По ожидаемой продолжительности жизни зафиксирована следующая последовательность регионов: Татарстан – 70,24 года (11 место в РФ), Пензенская область – 70,87 (18), Мордовия – 70,72 (21), Ульяновская область – 70,62 (24), Чувашия – 70,31 (27), Саратовская область – 70,27 (28), Кировская область – 69,79 (35), Удмуртия – 69,73 (37), Самарская область – 69,65 (40), Башкортостан – 69,32 (46), Марий Эл – 69,04 (52), Нижегородская область – 68,98 (53), Оренбургская область – 68,64 (56), Пермский край – 68,28 лет (62-е место) [4, с. 73–74].

Приведенные материалы показывают, что естественное движение населения и процессы модернизации не соотносятся напрямую, эти явления достаточно самостоятельные.

В интегральном социальном индикаторе первичной модернизации важное значение имеет уровень урбанизации.

Для механического движения населения характерно преобладание внутрирегиональной миграции, доля которой в ее общем объеме в ПФО в 2012 г. составила 63,9%. Из других регионов в республики, области и Пермский край округа прибыло 28,8% всего миграционного потока, остальные 7,3% составили прибывшие из-за пределов России. Внутрирегиональная миграция в пределах ПФО более всего характерна для Башкирии (доля 71,3%), Кировской области (71,2%), Пермского края (71,2%) и Чувашии (70%). Два из этих четырех регионов (Башкирия и Чувашия) отличаются высокой долей сельского населения (38,9 и 40,2% соответственно), которое традиционно является одним из источников урбанизации. Но в Пермском крае и Кировской области на селе проживает гораздо меньшая доля, всего около четверти жителей (24,9 и 25,2%). В Самарской и Ульяновской областях доля жителей, перемещающихся внутри данных субъектов, является наименьшей и составляет 49,2 и 46,5% миграционных потоков. Для других регионов страны, в том числе входящих в состав ПФО, наиболее привлекательными являются те же Ульяновская и Самарская области (43,3 и 39% внутрирегиональной миграции). Таким образом, за счет механического движения населения коэффициент миграционного прироста в 2005–2012 гг. со знаком плюс зафиксирован в Республике Татарстан, Нижегородской и Самарской областях (с 2005 г.), в Саратовской области (2009 и 2012 гг.), Пермском крае (2012 г.). В остальных регионах округа отмечена механическая убыль населения. В 2012 г. в Пензенской области она составила -16 чел. на 10 000 чел. населения, в Башкортостане -22, в Удмуртии -27, в Ульяновской области -33, в Марий Эл и Чувашии – по -36, в Мордовии -38, в Кировской области -39 и -44 в Оренбургской области [4, с. 79–80]. Таким образом, положительная динамика естественного прироста населения, зафиксированная в 2012 г. в ряде регионов ПФО, не смогли компенсировать его отток из Башкирии, Удмуртии, Чувашии, Марий Эл и Оренбургской области.

В некоторых регионах округа проблемой стали заметные потоки трудоспособного населения, выезжающего на работу за пределы своих республик и областей. По данным 2010 г. из всего населения ПФО, занятого в экономике, 2,9% трудились не на территориях своих субъектов. Но если в Пермском крае, Татарстане, Самарской области этот показатель равнялся 0,7–0,8%, в Нижегородской области 1,1%, в Оренбургской области 1,7%, в Удмуртии 2%, то в Саратовской и Кировской областях он уже был больше среднокругового (3,1 и 3,2%). Близки по доле убывавших в другие регионы Ульяновская область и Башкирия (4,5 и 4,6%), далее следует Пензенская область (6,7%). Наконец, впереди других регионов по данному показателю оказались три республики: Марий Эл (7,7%), Мордовия (7,8%) и Чувашия, в которой доля экономически активного населения, не сумевшая реализовать свои возможности в республике, составляла 10,1% [1].

Демографическая ситуация в Приволжском федеральном округе имеет свои особенности в сравнении с общей ситуацией по стране в целом. Это прежде всего сокращение численности населения, регулирование роста которого в решающей степени зависит от миграции и в значительно меньшей степени от рождаемости и смертности, его старение, сокращение трудоспособной части и части моложе трудоспособного возраста. Процессы урбанизации и развития городских агломераций идут медленно. В округе сложилась ситуация, когда происходит интенсивный отток наиболее инициативной и образованной части населения, что не способствует развитию человеческого капитала как в целом по ПФО, так и в отдельно взятых регионах. Показатели механического движения населения в значительной мере соотносятся с распределением регионов по уровням и фазам первичной модернизации: население стремится в те из них, которые достигли уровня выше среднего в первичной модернизации и начинающие или продолжающие вторичную модернизацию. Иначе говоря, это достаточно высокоразвитые индустриальные области и республики, где в городах приезжее население может участвовать в производстве, развитии

сферы услуг и т.п. Вторичная модернизация не связана таким образом с демографическими процессами, что и отражается в системе индикаторов, применяющихся для ее измерения.

Список литературы

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 7. Экономически активное и экономически неактивное население. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013.
3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2013. Статистический сб. М.: Росстат, 2014.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. М.: Росстат, 2014.

*I. I. Bojko, Cheboksary
V. G. Kharitonova, Cheboksary*

DEMOGRAPHIC PROCESSES AND MODERNIZATION IN PFD REGIONS

Demographic processes in different PFD regions which differ in the stages and phases of modernization and in the levels of its balance are considered in the article. Special attention is paid to the peculiarities of the natural and mechanic movement of the population.

Key words: PFD regions, types of modernization, natural and mechanic movement of the population.

УДК 316.422 (470.6)

*Н. В. Дулина, Волгоград
Е. В. Каргаполова, Астрахань*

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ¹

На основе теоретического представления о модернизации как целостном управляемом процессе представлены оценка состояния и сценарии модернизации Южного федерального округа Российской Федерации.

Ключевые слова: модернизация, рост, развитие, федеральный округ.

Южный федеральный округ (ЮФО) в нынешнем составе (шесть субъектов Российской Федерации: Республики Калмыкия и Адыгея, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области) появился на карте Российской Федерации 19 января 2010 г. Центром округа является город Ростов-на-Дону.

На 1 января 2013 г. площадь ЮФО составляла 420,9 тыс. кв. км (2,46% от общей площади Российской Федерации, 7-е место среди федеральных округов). На территории округа проживают 13884 тыс. чел (9,71% населения страны, 4-е место после Центрального (ЦФО), Северо-Западного (СЗФО) и Приволжского (ПФО) федеральных округов².

Удельный вес ВРП макрорегиона в 2011 г составил 6,1% ВВП России.

Современная модернизация – целостный социокультурный процесс, основные функции которого – обеспечение безопасности страны и улучшение условий жизнедеятельности населения.

Административное группирование субъектов Российской Федерации по федеральным округам, осуществленное Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. и изначально предназначенное для укрепления вертикали власти, могло бы способствовать достижению целей модернизации. Но при этом границы федеральных округов не совпадают ни с военным, ни с экономическим районированием. Не подкреплено деление на федеральные округа и единством макрорегиональной идентичности (например, «я – сибиряк», «я – волжанин»), что придавало бы дополнительный социокультурный ресурс развитию округа как относительно целостной системы социальных связей. Положение осложняет существенная региональная неоднородность округов: по природно-климатическим условиям, социально-демографическому, технико-технологическому, социоэкономическому, социокультурному потенциалам модернизации субъектов (регионов), входящих в округа.

Для округа характерна неравномерность распределения населения на его территории, что влияет как на социально-демографические ресурсы, так и на результаты и проблемы-вызовы модернизации субъектов округа. Так, в Азово-Черноморском регионе (Краснодарский край, Республика Адыгея и Ростовская область) проживает около 9,85 млн. чел. с плотностью населения 53,5 чел. на кв. км. Население Волго-Каспийского региона (Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия) составляет около 3,9 млн. чел., плотность населения – 16,4 чел. на кв. км [см.: 8].

С одной стороны, макрорегион отличает противоречивая история межкультурного взаимодействия и неоднородность локальных единиц по этническому, конфессиональному, лингвистическому, этнохозяйственному компонентам. С другой стороны, особое евразийское геополитическое положение округа как площадки диалога культур, способствуют выработке у населения такой составляющей антропологической идентичности как терпимость,

¹ Полный текст доклада передан руководителю Всероссийской программы «Социокультурная эволюция регионов России» члену-корр. ИФ РАН Н.И. Лапину.

² Здесь и далее источник статистической информации: [7].

толерантность [1, с. 63; 6, с. 73–91, с. 190–216]. Она может рассматриваться в качестве социокультурного ресурса модернизации как цивилизационного процесса – ресурса развития личности независимо от этноконфессиональной принадлежности индивида.

Эволюция и актуальное состояние модернизации ЮФО в целом

Конкретные индексы процессов модернизации содержатся в таблицах-приложениях в коллективной монографии [5, приложение 2.3], а обобщенные характеристики состояний модернизированной ЮФО, в контексте России в целом, представлены ниже в таблице. Далее используются данные этих источников.

Векторы эволюции состояний (типов) модернизированной регионов (2000–2010) и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов). *ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Регионы	Динамика состояний (типов)			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(3) Быстрый переход к ВМ (к типу 5). Опережает социальная составляющая				[В целом Россия]			
Россия	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(2) Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста и зрелости). [В целом ЮФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Ростовская обл.	2	2	3	0,249	НС	эк., зн.	соц.
Южный ФО	1	2	2	0,220	НС	эк., зн.	соц.
Краснодарский край	1	1	2	0,284	НС	эк., зн.	соц.
(1) Стагнация ПМ (типы 1,2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Астраханская обл.	2	2	2	0,199	НС	эк., зн.	соц.
Волгоградская обл.	2	2	2	0,177	Н	эк., зн.	соц.
Респ. Калмыкия	1	1	1	0,188	НС	эк., зн.	соц.
Респ. Адыгея	1	1	1	0,186	НС	эк., зн.	соц.
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

В 2000–2010 гг. значения индекса **первичной модернизации** ЮФО увеличились с 89 до 96,2%, то есть на 7,2%. В целом по России аналогичный показатель увеличился с 91,9 до 99,9%. Казалось бы, за десятилетие ЮФО «уступил» России в росте менее одного процента (0,8%), но отставание движения к финишу (100%) составляет 3,7%. При этом заметно выросли индексы трансляции в знаниях, качества жизни и качества экономики (с 56,5 до 81,3%; с 79,6 до 91,5%; с 36,5 до 39,2% соответственно), но индекс инноваций в знаниях уменьшился – с 28,7 до 24,2%.

Таким образом, в 2000 г. индексы **первичной модернизации** в ЮФО и в среднем по России в 2000 г. заметно различались (соответственно, 89 и 91,9%), как и фазовые их зна-

чения (соответственно, 2,5 – фаза «роста» и 3,25 – фаза «зрелости»). В итоге, по состоянию модернизированности Россия относилась к среднему типу 3, а ЮФО – к самому низкому типу 1 (см. табл. 1). К 2005 г. состояние модернизированности округа повысилось до типа 2, «ниже среднего», а Россия в целом оставалась в типе 3. К 2010 г. округ поднялся в фазу «зрелости», но его состояние модернизированности сохранилось как тип 2. Россия же в целом, благодаря более быстрому развитию ряда других федеральных округов повысила свое состояние сразу на две ступени: поднялась из типа 3 в тип 5. Это означало, что Россия вошла в начальную фазу **вторичной модернизации**, а ЮФО достиг лишь третьей фазы («зрелость») первичной модернизации и остался во втором типе модернизированности. Следовательно, дистанция между модернизированностью округа и страны в целом увеличилась не только количественно, но и качественно.

Состояния и векторы модернизированности регионов ЮФО

Как видно из табл.1, в ЮФО можно выделить *три кластера регионов*, соответственно их комплексным состояниям (типам) регионов.

Кластер 1 включает регионы, начинающие, начавшие и возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 1). В нем представлены Республика Адыгея и Республика Калмыкия.

Республика Адыгея занимает 2-е место среди регионов ЮФО по индексу трансляции в знаниях и отстает по качеству экономики, качеству жизни, инновациям в знания, а, следовательно, динамике и сбалансированности процессов первичной и вторичной модернизации (5-е место, более низкий показатель только у Волгоградской области).

Республика Калмыкия отстает по экономической и когнитивной составляющей процессов модернизации, но несколько обгоняет аутсайдеров по сбалансированности модернизации (4-е место перед Адыгеей и Волгоградской областью). В 2011 г. для Калмыкии были характерны самые высокие показатели выезда населения из региона среди субъектов ЮФО, тогда как для Адыгеи – обратный процесс въезда населения (–121 чел. и 69 чел. на 10 тыс. чел. населения соответственно). Адыгея, несомненно, имеет ряд преимуществ перед Калмыкией, начиная от ее анклавного (внутри более развитого соседа Краснодарского края) географического положения и заканчивая преимуществами по качеству жизни, качеству экономики и трансляции знаний.

Кластер 2 включает регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 2). К нему относятся Краснодарский край, Астраханская и Волгоградская области. Хотя, как отмечено выше, Краснодарский край повысил качество модернизационных процессов от стадии «начало, рост» к стадии «зрелость», а Астраханская и Волгоградская области «застоялись» в стадии «зрелость» первичной модернизации.

Краснодарский край с 2002 г. входит в первую десятку по доле отдельных субъектов РФ в суммарном ВРП страны; по инвестиционной типологии, наряду с Самарской, Нижегородской, Кемеровской областями, Татарстаном, Башкортостаном, Красноярским краем, – в группу «опорных» регионов России [2]. В Краснодарском крае расположены транспортные комплексы международного и межрегионального значения. Кроме того, на общей ситуации в Краснодарском крае сказалось то, что в Сочи проходила зимняя Олимпиада 2014 г., мероприятие федерального уровня и, что вполне понятно, престижа всей страны.

Краснодарский край занимает ведущие позиции среди субъектов Российской Федерации по социоэкономическим показателям: 1-е место по продукции сельского хозяйства, среднедушевым денежным доходам населения, числу собственных легковых автомобилей на душу населения, ВРП на душу населения, обороту розничной торговли на душу населения, инвестициям в основной капитал на душу населения, 5-е место – по вводу в действие общей площади жилых домов на 1000 чел. населения, 9-е место – по основным фондам в экономике, объему отгруженных товаров собственного производства, а также по производству и распределению электроэнергии, газа и воды. Из социокультурных индикаторов следует отметить 3-е место по численности населения среди всех субъектов России. Если Краснодарский край сохранит темпы развития, то, учитывая его лидирующее положение по качеству жизни

и качеству экономики, а также сбалансированности процессов модернизации, можно предположить, что регион выйдет на 1–2-е место среди регионов ЮФО. Но при этом Краснодарский край занимает 3-е место, существенно уступая лидерам по ЮФО Ростовской и Волгоградской областям, по процессам распространения инноваций в знаниях и несколько уступает лидерам по трансляции в знаниях.

Астраханская и Волгоградская область в 2000–2010 гг. находятся в фазе стагнации и не смогли качественно повысить показатели процессов модернизации, что свидетельствует о том, что в регионах существуют значительные препятствия для реализации модернизационных процессов.

Волгоградская область занимает 2-е место по индексу инновации в знаниях и интегрированному индексу знаний модернизации. На наш взгляд, здесь самая большая проблема – несбалансированность модернизационных процессов (последнее место среди регионов ЮФО, низкий уровень, тогда как остальные субъекты характеризуются уровнем «ниже среднего»), вызванная отставанием по качеству экономики, которое влечет за собой отставание по качеству жизни. В 2011 г. для Волгоградской области (как и для Калмыкии) был характерен процесс выезда населения (–22 на 10 тыс. чел. населения соответственно).

Преимуществом *Астраханской области* является ее лидирующее положение по индексу трансляции знаний, основной проблемой – разбалансированность процессов социокультурной модернизации и отставание от лидеров по инновациям в знаниях. По статистической информации область занимала в 2012 г. 1-е место среди регионов ЮФО по уровню разводимости и преступности и последнее место по ожидаемой продолжительности жизни. Результаты социологических исследований демонстрируют, что существуют серьезные препятствия для продолжения модернизации в регионе как социокультурной общности: ценность труда находится в оппозирующем дифференциале ценностей, то есть не поддерживается большинством населения. В приграничном регионе низкими являются уровни региональной и всероссийской идентичности. Около 4% населения заявляют о своей готовности уехать из региона.

Кластер 3 включает регионы в зрелой фазе индустриальной (первичной) модернизации (тип 3). К нему относится только *Ростовская область*, которая к 2010 г. достигла фазы «зрелость» первичной модернизации и, как уже отмечалось выше, «срединного» уровня вторичной модернизации. Достичь подобного результата позволило существенное преимущество области по индексам инновации в знаниях (40,1%, на втором месте Волгоградская область с аналогичным показателем 24,7%), вторичной модернизации (62,4%, Волгоградская область – 58,6%), сбалансированной модернизации (значение 0,046, Волгоградская область – 0,031), интегрированным индексам знаний и модернизации в целом. Регион, занимая 2-место после Краснодарского края, входит в группу лидеров среди субъектов ЮФО по индексам качества жизни, качества экономики, интегрированным экономическому и социальному индексам модернизации, а также интегрированному индексу сбалансированности модернизации, который обгоняет аналогичный индикатор в среднем по ЮФО. Единственный показатель, по которому Ростовская область отстает от всех соседей по ЮФО, занимая среди них 5-е место, – индекс трансляции знаний. Ростовская область сохранит до 2018 г. свое лидирующее положение среди регионов ЮФО, чему способствуют лидирующие позиции области по численности населения (6-е место среди субъектов РФ), продукции сельского хозяйства (3-е место среди регионов России). Но после 2018 г. существенное влияние на процессы социокультурной модернизации в области может оказать отставание по индексу трансляции знаний – показателю, определяющему среднесрочный и долгосрочный потенциал региона.

Основные итоги эволюции регионов ЮФО в 2000–2010 гг.:

– все регионы ЮФО находятся в стадии первичной модернизации и не вошли в стадию вторичной модернизации. К 2010 г. округ занимает 7-е место среди федеральных округов по итоговым показателям модернизации, а также по сбалансированности модернизационных процессов. Округ заметно уступает среднероссийским показателям модернизации, в том числе по индексам инновации в знаниях (24,2% – в ЮФО и 53,1% – в России в целом), трансляции знаний (81,3 и 88,9%), качества экономики (39,2 и 52,7% соответственно). Округ

отстает и по сбалансированности вторичной модернизации (значение 0,220 против 0,706). Разница в показателях интегрированного индекса модернизации по стране и округу – около 10% (65,4 и 56%);

– только для двух из шести субъектов ЮФО характерна восходящая мобильность модернизационных состояний: *Ростовская область* с 2008 г. вошла в фазу первичной модернизации «зрелость» и перешла на более высокий уровень вторичной модернизации – от уровня «ниже срединный» к «срединному» уровню»; *Краснодарский край* с 2005 г. повысил свое качество процесса первичной модернизации – регион преодолел фазу «традиционный предварительный» и перешел к фазе «ниже срединного».

Четыре субъекта находятся в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации: *Астраханская и Волгоградская области* – в фазе «ниже срединного», *Республики Адыгея и Калмыкия* – в низшей фазе «традиционный, предварительный».

Таким образом, в целом ЮФО оказывается между заторможенным ростом и развитием первичной модернизации.

Возможные сценарии модернизации регионов ЮФО

Сценарий 1. При сохранении транзитно-промежуточного состояния современного российского общества – «олигархо-бюрократического капитализма с копрадорской доминантой», для которого характерно подчинение создаваемого в России капитала интересам транснационального бизнеса [3, с. 17] и крайне неравномерное распределение результатов труда – в худшем случае в таком многосоставном с точки зрения регионального устройства государстве как Россия можно ожидать события по подобию последних на Украине. В лучшем случае – это сохранение заторможенного роста первичной модернизации, без развития во вторичную ее стадию и асинхронность стадий и фаз модернизации регионов, при котором население будет перемещаться из менее благополучных регионов (Астраханская, Волгоградская области, Республика Калмыкия) округа в более благополучные регионы округа (Ростовская область, Краснодарский край) и всей страны. Эта тенденция в перспективе также опасна для страны, так как эти регионы являются приграничными.

Сценарий 2. Как отмечает Хэ Чуаньци, «региональная модернизация включает в себя политическую составляющую, а последняя определяется национальной политикой. Без национальной политической модернизации невозможна серьезная региональная модернизация» [4, с. 7]. Таким образом, успех региональной модернизации зависит от информационной составляющей национальной политической модернизации, при которой на уровне государственной идеологии, национальной идеи сформирован устойчивый комплекс представлений о стране как о некоей целостности и направлениях, целях, способах, критериях ее модернизации, а также роли и месте модернизации региона в модернизации государства, страны. Тогда социально-значимая идентичность региона (как музыкальный инструмент в оркестре с опытным и мудрым дирижером) осознается его жителями как ценность.

Что касается ресурсов, то, при отсутствии общегосударственной идеологии, концентрация материальных и людских ресурсов на реализации одного «прорывного» направления (например, Сочинский комплекс Краснодарского края) не приводит к системному повышению качества модернизационных процессов на территории всего округа. Кроме того, этому также способствует крайне неравномерное распределение социально-полезных результатов труда, при котором в некоторых регионах начинает размываться ценность труда как такового. Для успеха региональной модернизации, на наш взгляд, необходима национальная политическая модернизация с переходом к так называемой восточно-азиатской модели капитализма, которая реализуется при сформированных национально-государственных идеологиях, создании институциональных условий для роста предпринимательской активности (прежде всего в сфере налогов) и более справедливым в социальном плане распределении результатов труда. В этом случае ресурсы начинают распределяться по регионам не принципу «кто больше ухватил», и не уравнилельно-инерционно, а под общегосударственные задачи и на основе анализа социокультурных особенностей и состояния конкретного региона.

Соответственно, на этапе 1 модернизации, на наш взгляд, ресурсы должны быть сосредоточены на преодолении асинхронности и выравнивании состояний первичной модернизации «отстающих» приграничных субъектов ЮФО – Волгоградской и Астраханской областей, Республик Калмыкия и Адыгея, что в целом должно позволить округу выйти из состояния «заторможенного роста». Необходимы не только региональные, но и федеральные целевые программы по повышению привлекательности и перспективы проживания на территории этих регионов округа, в том числе путем предоставления социально доступного жилья, государственного субсидирования площадок под строительство. Иначе может стать необратимым процесс выезда наиболее активной части населения из этих регионов. Необходимо также повысить качество работы культурно-массовых учреждений, чтобы стимулировать их посещаемость и тем самым преодолевать разобщенность ценностного сознания населения, повышать уровень региональной и общероссийской идентичности; нужна адресная поддержка малого бизнеса для снижения безработицы и бедности, повышения доли лиц с рыночной трудовой мотивацией.

Этап 2. После выравнивания стадий первичной модернизации сосредоточить ресурсы на достижении развития стадии процессов вторичной модернизации во всех регионах округа путем повышения их образовательного и научно-технического потенциалов. Это позволит округу перейти от заторможенного роста к развитию процессов модернизации.

Список литературы

1. Карабущенко П.Л. Роль политической и научной элит в процессе формирования «региональной идеи» // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 21–22 ноября 2000 г. Астрахань, 2000.
2. Кулешов В. В. Экономика России и Сибири: «стартовые площадки» и «точки роста» //ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2006. №3. С. 2–20.
3. Лапин Н.И. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.: в 3 ч. Вологда, 2013. Ч. 1.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци. М., 2011.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России: колл. монография /под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2013.
6. Регион: пространство смыслов и содержание: колл. монография / под общ. ред. Н.В. Дулиной, Е.В. Каргаполовой. Волгоград, 2013.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. М., 2014.
8. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. №1538-р).

*N. V. Dulina, Volgograd
E. V. Kargapolova, Astrakhan*

MODERNIZATION OF THE REGIONS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT: ASSESSMENT OF THE STATUS AND SCENARIOS OF DEVELOPMENT

On the basis of theoretical ideas about modernization as a whole managed process presents an assessment of the status and scenarios of modernization of the southern Federal district of the Russian Federation.

Key words: modernization, growth, development, federal district.

УДК 316.422 (470.3)

Н. А. Касавина, Москва

КОМПОНЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МАКРОРАЙОНА ЦФО

В работе рассматривается проблема модернизации регионов центрального макрорайона Центрального федерального округа России. Анализируются технико-технологическая, социоэкономическая, институциональная и социокультурная компоненты модернизации.

Ключевые слова: компонента модернизации, социокультурная модернизация, Центральный федеральный округ.

В состав центрального макрорайона Центрального федерального округа (ЦФО) входят следующие субъекты РФ: Москва, Московская, Ярославская, Костромская, Ивановская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Орловская, Брянская, Калужская, Смоленская, Тверская области¹. Рассмотрим особенности социокультурного пространства и процессов модернизации этих регионов.

Технико-технологическая компонента модернизации

Центральный макрорайон ЦФО является исторически староосвоенным, индустриально-постиндустриальным.

В структуре промышленного производства основную роль играют отрасли с высокой долей добавленной стоимости, а также связанные с научно-техническим прогрессом. Это различные отрасли машиностроения и металлообработки, пищевая промышленность, электроэнергетика. Машиностроительный комплекс занимает первое место в России по производству товарной продукции и по числу людей, занятых в отрасли. В округе развиты ракетно-космическая промышленность, авиастроение, электронная и радиопромышленность, железнодорожное машиностроение, производство точных машин, станков с числовым программным управлением. В целом, макрорайон имеет хорошую ресурсную базу для развития *пятого технологического уклада*.

Несмотря на полное отсутствие ресурсов нефти, центральный макрорайон ЦФО по объёмам её переработки занимает второе место среди федеральных округов. На территории макрорайона расположены Московский, Рязанский и Ярославский нефтеперерабатывающие заводы, обеспечивающие потребителей округа основными видами нефтепродуктов.

Однако эффективность производства (производительность труда) в промышленности ЦФО теперь в среднем ниже, чем во многих федеральных округах, что требует специального исследования. Это может быть вызвано тем, что значительная часть доходов бюджета связана с непроизводственной сферой, с налоговыми и таможенными отчислениями, со спекулятивной прибылью финансового капитала, т.е. с той самой «натуральной» рентой, которая обусловлена высокой степенью бюрократической централизации.

Старейшей отраслью макрорайона является текстильная промышленность. Она выпускает более 85% всех производимых в стране тканей. На примере текстильной промышленности становится очевидным недостаточное развитие в округе товаропроводящей системы в целом, что затрудняет распространение продукции. Данная проблема характеризует не только ЦФО, но и Россию в целом. Доведение отечественного товара до потребителя обременено многими бюрократическими издержками (разрешительная документация, проверки, торможение на различных терминалах), недостатками транспортно-логистической инфраструктуры.

По объёму промышленного производства ЦФО уступает только Приволжскому ФО, но в структуре валового регионального продукта округа самая высокая доля принадлежит от-

¹ По историко-культурным истокам и развитию сельскохозяйственной сферы Орловская область отнесена к Центральному Черноземью.

раслям, производящим услуги [8, гл. 2]. Это важный признак производственной сферы этапа вторичной модернизации.

Социоэкономическая компонента модернизации

К основным проблемам социально-экономической модернизации регионов центрального макрорайона ЦФО относятся низкая конкурентоспособность производимой промышленной продукции, обусловленная доминированием устаревших технологий, высоким уровнем износа основных фондов, низкой производительностью труда. Существует проблема разрыва между развитием научно-технического потенциала региона и низкой восприимчивостью его производственной системы к инновациям.

Экономические индексы определяют тип регионов на этапе первичной модернизации. Так, *регионы, начавшие индустриальную (первичную) модернизацию* (например, Калужская область в 2000 г.), имели экономические индексы ниже среднего, прежде всего из-за низкого ВРП на душу (19–22 тыс. руб., т.е. менее половины среднероссийской величины). Дальнейший переход Калужской области в 2005 г. в более высокое состояние модернизованности (тип 3) стал возможен за счет значительного (почти в 8 раз) повышения ВРП на душу и заметного снижения доли занятости в сельском хозяйстве по отношению к общей занятости (с 60% до 48%). В итоге индекс первичной модернизации Калужской области стал выше среднего, а ее фазовое значение выросло до перехода в фазу *зрелости* первичной модернизации.

Роль экономических индексов очевидна и в отношении перехода регионов к вторичной модернизации. Например, в 2005 г. индекс ВРП на душу в Московской области обнаруживает быстрый рост (с 17 до 53), а также наблюдается рост индекса доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, что позволяет этому региону войти в фазу перехода к вторичной модернизации и подняться в тип 6.

За истекшее десятилетие в центральном макрорайоне ЦФО наблюдается умеренный рост численности экономически активного населения, что отличает далеко не все округа России. Так, Приволжский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа такого роста не дают, напротив, отмечается спад, хотя и несущественный. Данный рост обусловлен в основном Москвой, которая, наряду с Московской областью, занимают ведущее место в экономике округа [6, с. 88].

Москва является крупнейшим финансовым центром России, транспортным узлом, обеспечивающим широкий комплекс транспортных услуг.

Здесь достигнут наиболее высокий в стране уровень развития сферы услуг, оптовой и розничной торговли, информационно-коммуникационного сектора. В Москве производится более 65 процентов валового регионального продукта и более 40% объема промышленной продукции округа, обеспечивается работой около 40% занятых в экономике округа. Город является основной торговой площадкой, крупнейшим центром оказания услуг для всей страны и округа [7]. Преимуществами промышленного макрорайона ЦФО как социокультурной системы в целом являются важнейшие транспортные магистрали, близость к крупнейшим мировым рынкам, налаженные внешнеэкономические связи.

По среднедушевым денежным доходам населения Москва занимает первое место в ЦФО и второе место (после Ненецкого автономного округа) в Российской Федерации. По этому показателю ЦФО оказался в 2010 г. на втором месте (после Уральского ФО, с включенными в него двумя нефтегазовыми автономными округами) среди всех федеральных округов страны; он выделяется одной из самых значительных в стране межрегиональных дифференциаций среднедушевых денежных доходов населения (четырёхкратной между Москвой и Калужской областью) [4, табл. 5.2].

Важнейшим показателем социоэкономической компоненты модернизации является доля сферы услуг в ВРП и в занятости. Согласно отраслевой структуре валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности (%), самая большая доля сферы услуг констатируется в Москве (78,9%). Доля сферы услуг свыше 50% характеризует Брянскую (55,3%), Московскую (53%), Рязанскую (52,8%), Тверскую (53,6%), Калужскую (51,9%), Ярославскую (50,1%) области. В Ивановской (49,7%), Смоленской (49,5%), Тульской (46,1%)

доля сферы услуг около 50%. В Костромской (39,4%) и Владимирской (37,4%) областях отмечается самая низкая доля сферы услуг [6, табл. 10.4].

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности показывает, что самое большое число занятых в Москве, Брянской и Тульской областях охватывает «оптовая и розничная торговля; ремонт авто-транспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» [6, с. 94–95]. В остальных областях первое место принадлежит обрабатывающим производствам.

Отличительной особенностью Москвы среди регионов ЦФО по данному распределению является также приоритет строительства, которое по числу занятых занимает здесь второе место.

О социально-экономических особенностях модернизации говорят показатели не только занятости, но и безработицы. Число безработных преобладает в Москве и Московской области. За последние 12 лет численность безработных сократилась в ЦФО более чем в два раза. Среди безработных наиболее многочисленны группы 20-29 (свыше 50%), а также 30-39 лет. Эти доминанты сохраняются и в ряде других регионов ЦФО. Если сравнивать Москву и Санкт-Петербург, то в Петербурге на первом месте среди безработных – группы населения 20-29 и 40-49 лет. По уровню образования только в Москве самая многочисленная группа безработных – люди с высшим образованием (включая послевузовское). Это признак относится также и к Петербургу, выступая, таким образом, показателем сферы труда крупного города [6, гл. 3].

Социокультурная компонента модернизации

Согласно Н.И. Лапину, социокультурное пространство округа, региона – сфера, результирующая самые разные факторы и достижения его развития – от природно-климатических условий до властно-управленческой иерархизации.

Данная часть ЦФО обладает мощной научно-интеллектуальной базой, высокой концентрацией научного и инженерного потенциала. Так, занятых с высоким уровнем образования в Москве и Московской области больше, чем в других округах и регионах России. Несмотря на значительное снижение в последние 25 лет занятых в научных организациях страны и макрорегиона, в них в настоящее время трудятся более 51% научных работников России и на их долю приходится примерно столько же всех внутренних затрат на исследования и разработки [5, табл. 22.2, 22.5].

Инновации в знаниях оказывают наибольшее влияние на переход регионов к вторичной модернизации. В таблице сопоставлены индексы инноваций в знаниях Ярославской области (тип 4) с индексами Ивановской области (тип 2), которая войдет в тип 4 только к 2010 г., и Московской области, которая вошла в тип 6 уже в 2000 г., т.е. с регионами различных состояний модернизированности. Очевиден рост индексов первых двух индикаторов инноваций в знаниях Ярославской области по сравнению с Ивановской и еще больший рост всех трех индикаторов в Московской области.

Индексы инноваций в знаниях в регионах разных типов модернизированности

Индикаторы, 2005 г.	Ивановская область Тип 2	Ярославская область Тип 4	Московская область Тип 6
Доля затрат на НИОКР в ВРП (%)	21	61	120
«Число ученых и инженеров, занятых в НИОКР на 10 тыс. чел.»	16	42	120
Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. чел.	16	20	41

Значимым индикатором индекса трансляции знаний, влияющим на динамику вторичной модернизации регионов, является число персональных компьютеров на 100 домохозяйств. В 2005 г. в Московской области этот индекс составил 36, в Ярославской области – 19, в Ивановской – 7.

Острыми внутренними угрозами развития центрального макрорайона ЦФО являются резкая дифференциация жизни в городах и сельской местности, выраженное расслоение населения по уровню жизни, образование вымирающих деревень и неперспективных районов. Высокая плотность населения, концентрация транспортных и бизнес-потоков в центре округа вызывают рост социальной напряженности. Фиксируется ухудшение экологической ситуации (загрязнение атмосферного воздуха, неразвитость системы переработки отходов жизнедеятельности и пр.).

Высокая плотность населения особенно касается самой крупной городской агломерации страны – Московской. Численность населения интенсивно увеличивается за счет миграционных процессов. Это вызвано дефицитом рабочей силы в большинстве растущих отраслей экономики регионов, таких как сфера услуг, промышленность, строительство, транспорт.

Вместе с тем, в округе прослеживаются негативные демографические процессы – численность постоянного населения сокращается, в возрастной структуре увеличивается доля населения пенсионного возраста.

Густо заселенными являются Московская, Тульская, Ивановская, Рязанская области. В Костромской и Тверской областях округа плотность населения менее выражена.

Важно отметить, что по данным социологических исследований уровень конфликтности между различными этносами и конфессиями в округе оценивается как низкий. Такая оценка межнациональной и религиозной ситуации во многом объясняется достаточно однородной этнической и конфессиональной структурой регионов ЦФО.

Гораздо большая напряженность фиксируется в отношениях между населением и властью регионов, между богатыми и бедными. Социальная несправедливость и коррумпированность власти выступают в настоящее время главными конфликтогенными факторами на региональном уровне, очевидно, оказывая отрицательное влияние и на межнациональные отношения [1; 3].

Другая серьезная проблема, связанная с большой численностью населения и маятниковой миграцией населения, представлена состоянием транспортной сферы.

В числе наиболее острых проблем сферы транспортного обслуживания указываются качество дорог, неблагоустроенность остановок и тротуаров, затруднение движения в крупных городах, острая нехватка парковочных мест, непродуманность транспортных развязок. Эти и другие проблемы фигурируют в результатах мониторингового исследования *качества жизни населения ЦФО* [2].

Согласно данному исследованию, качество жизни в ЦФО в целом оценено как среднее. Оценка «выше среднего» относится к сферам образования и торгового обслуживания; оценка «ниже среднего» – к сферам здравоохранения, материального благосостояния и социальной активности населения ЦФО; «неудовлетворительно» – к сфере жилищно-коммунального обслуживания [2, с. 19]. Качество жизни в остальных сферах жизнедеятельности оценено экспертами как «среднее».

Как отмечают авторы данного исследования, в 2012 г. его проблемное поле пополнилось новой проблемой – низкой эффективностью государственного и муниципального управления [2, с. 25]. Произошло увеличение муниципальных районов с крайне низким уровнем экономического развития и работы местных органов власти. Результаты исследования показали невысокую оценку социальной эффективности деятельности власти по обеспечению качества жизни населения в регионах ЦФО, что обусловлено рядом нерешенных и актуальных для большей части населения проблем. Это свидетельствует уже о проблемах *институционно-регулятивной* компоненты модернизации.

В сфере образования констатируется недоступность платного образования и резкий недостаток детских садов и мест в них, а также – закрытие школ и детских учреждений в сель-

ских поселениях во всех регионах ЦФО. В сфере культуры и досуга отмечается недостаточное количество доступных учреждений для занятий спортом, отдыха и досуга, высокие цены, нехватка кружков и секций. Такое ограничение возможности творческого развития населения, связанное с закрытием и нехваткой доступных или бесплатных спортивно-оздоровительных и культурных учреждений досуга, является фактором маргинализации населения.

Авторы исследования качества жизни в ЦФО подчеркивают, что за последние три года социальные ожидания людей по оздоровлению ситуации с экологией и охраной окружающей среды выросли. Население стало более внимательно и ответственно относиться к собственному качеству жизни, что проявляется в выборе продуктов питания и других товаров, в озабоченности состоянием окружающей среды и экологии в местах проживания. И хотя социальная активность населения по повышению качества жизни по-прежнему оценивается как низкая, а развитие институтов гражданского общества и местного самоуправления – как слабое, некоторые положительные сдвиги намечены.

В числе особенностей социокультурной среды макрорайона следует отметить особую роль этой территории в формировании Российского государства. Центральная часть ЦФО насыщена исторически старыми городами (прежде многие из них были столицами самостоятельных русских княжеств). Здесь происходили важнейшие события российской истории, ставшие местами русской боевой славы. Этот исторический центр государства богат и сохранившимися островками культуры дворянства и купечества – усадьбами и особняками. Северная часть округа, особенно Костромская и Тверская области, отличаются наибольшей лесистостью в ЦФО, который имеет большое количество заповедных рекреационных зон.

Вместе с тем можно констатировать, что многочисленные возможности благоустройства территории, обеспечения туристической привлекательности регионов ЦФО не используются в полной мере, многие объекты, в том числе усадьбы и приусадебные парки, находятся в заброшенном состоянии. Это своеобразный показатель рассогласованности экономической и юридической составляющих процесса содержания культурного наследия России.

В целом, важнейшими предпосылками развития хозяйства центрального макрорайона ЦФО, выступающими ресурсными факторами модернизации, являются выгодное экономико-географическое положение, созданный производственный и научно-технический потенциал, развитая инфраструктура. Основные проблемы-вызовы обусловлены высокой дифференциацией и плотностью населения, связанными с нею трудностями (большой нагрузкой на социальную сферу, транспортную сеть, экологию региона).

Центральный макрорайон объединяет 7 регионов разных фаз первичной модернизации (отставание модернизационных процессов), различных темпов перехода к информационной модернизации (Московская, Ярославская, Ивановская, Владимирская области), и собственно вторичной модернизации (г. Москва). Такая разница свидетельствует о выраженной несбалансированности их развития. Переход многих регионов данного макрорайона к вторичной модернизации затрудняется следующими факторами: низкий уровень ВРП на душу, низкая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, высокая доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, недостаточно высокая ожидаемая продолжительность жизни. Преодоление этих вызовов и неблагоприятных факторов требует разработки стратегии поэтапной модернизации регионов, предусматривающей сбалансированность основных компонент и процессов развития общества с акцентом на его человеческих измерениях и приоритетах.

Список литературы

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. №5.
2. Качество жизни населения регионов Центрального федерального округа: динамика и социальная эффективность управления / отв. ред. С.М. Кулешов. М., 2012. 44 с.

3. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): Сборник материалов социологического исследования / под ред. проф. Л.Я. Дятченко. Белгород, 2008.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. М., Росстат, 2011.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. М., Росстат, 2012.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. М., Росстат, 2013.

7. Стратегия социально-экономического развития ЦФО на период до 2020 года // <http://cfo.gov.ru/acts/3>.

8. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А.Г. Гранберга. М., Наука, 2004.

N. A. Kasavina, Moscow

THE COMPONENTS OF MODERNIZATION OF CENTRAL AREA OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT

The article raises the problem of modernization of central area of the Central Federal district of Russia. The technological, social / economical and socio-cultural aspects of modernization are analyzed.

Key words: component of modernization, social and cultural modernization, Central Federal district.

УДК 316.422 (470.32)

Е. А. Когай, Курск

РЕГИОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ НА ПУТИ К ИНТЕГРИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00426а)

В работе поднимается проблема развития регионов Центрального Черноземья России в контексте модернизации. Показаны две формы проявления динамики первичной модернизации регионов. Обозначены возможности и ограничения реализации модернизационных преобразований.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, модернизация, индексы, инновационная активность, медленный рост.

Регионы Центрального федерального округа (ЦФО), по сути, составляют центральное историческое ядро России. Как известно, в ЦФО выделяют два экономических района – Центральный и Центрально-Черноземный (ЦЧ). Наша речь пойдет о Центрально-Черноземном регионе, границы которого несколько отличаются от Центрально-Черноземного экономического района: он включает в себя, помимо Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской, еще и Орловскую область.

80 лет назад, в июне 1934 г., при создании Курской области, бывшая Орловская губерния осталась в ее составе, а в сентябре 1937 г. Орловская область отделилась от Курской области, от которой в 1944 г. ей было передано еще пять районов. Выходит, что по историко-культурным истокам, Орловская область может быть отнесена к Центральному Черноземью. Помимо того, в данном регионе до настоящего времени большинство земель используются как сельскохозяйственные угодья (из них 79,7% заняты пашней), при этом свыше 40% пахотных и естественных угодий области – чернозем. Территория Центрального Черноземья, с позиции социального, политического и экономического развития его составных частей, и сегодня может рассматриваться как историко-культурный и природно-ресурсный мезорегион Российской Федерации.

Обратимся к вопросу определения специфики протекания модернизационных процессов в Центральном Черноземье (ЦЧ), уточним роль социокультурной компоненты этих процессов.

Площадь данного мезорегиона составляет 192,5 тыс. кв. км., численность населения на начало 2013 г. – 8004,4 тыс. чел., из которых горожан 65%, селян – 35%. Производственный профиль данного региона связан с уникальными запасами железной руды, значительными площадями плодородных черноземных почв, благоприятными природными условиями для развития многоотраслевого сельского хозяйства. В регионе осуществляется выплавка и прокат черных металлов, действуют химические (в том числе фармацевтические) и нефтехимические производства, развивается станкостроение и тракторостроение, вырабатывается цемент и мел. Мезорегион характеризуется моноэтничностью, в нем русскоязычное население составляет свыше 95%, немногим больше 1% составляют украинцы, менее чем по 1% приходится на армян, азербайджанцев и другие этнические группы. Довольно высок уровень межэтнической и межконфессиональной толерантности, что не исключает проявлений интолерантного поведения. Так, согласно результатам опроса, выполненного в 2012 г. в Курской области по методике «Социокультурный портрет региона»¹, на вопрос об отношениях приезжих (переселенцев, беженцев и др.) с коренным населением 67,2% респондентов ответили,

¹ В ходе исследования было опрошено 1000 человек – жителей Курской области. Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Выборки исследований в достаточной мере репрезентируют население региона (в возрасте 18 лет и старше); в каждом из опросов ошибка выборки по одному признаку не превышает 3%.

что отношения устойчивые, хорошие, нормальные, 11,2% – «отношения неровные, нередко возникают напряжения», 3,7% оценили отношения как напряженные.

Этническая и культурно-историческая близость жителей Центрального Черноземья позволяет говорить о культурном единстве входящих в него регионов, она определяет сходство местных вариантов культуры как принадлежащих единому типу общерусской культуры. Важны также близость историко-культурных характеристик данных регионов, пересечения их исторических событий и процессов, переплетения имен и судеб ярких представителей русской культуры. Культурный потенциал населения региона довольно весом, он находит свое выражение и в экономической активности населения. Статистические показатели свидетельствуют в целом о позитивной динамике ведущих макроэкономических показателей данного мезорегиона – реальных денежных доходах населения, валового регионального продукта, промышленного и сельскохозяйственного производства, ввода в действие жилья, оборота розничной торговли, инвестиций в основной капитал.

Видимо, эта динамика вместе с культурной консолидацией жителей Центрального Черноземья объясняет тот факт, что их социальное самочувствие не претерпело в кризисные годы негативных изменений. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы жителей Курской области на вопросы о социальном самочувствии при проведении полевых опросов в 2007 и 2009 гг.

Вместе с тем особую остроту приобретают задачи развития и востребованности культурного потенциала в ответ на новые социокультурные потребности жителей. К сожалению, в последние годы «в целях оптимизации образовательного процесса» в ЦЧ неуклонно закрывают и реорганизуют сельские и городские школы, растет неуверенность в перспективах развития высших учебных заведений. Довольно скромной остается заработная плата сотрудников культурных и образовательных учреждений. Представители научного сообщества заявляют о неадекватной финансовой оценке интеллектуального труда. Требуется разработка программ поддержания и развития культурного капитала молодежи и других возрастных групп мезорегиона. *Невостребованность культурного потенциала* – серьезное следствие замедленных процессов модернизации в регионах Черноземья, ведь согласно правилу обратной связи, такая невостребованность, в свою очередь, ведет к замедлению и стагнации этих процессов. Стагнация не исключает медленного роста, но означает консервацию структур. Обращение к индексам стадий модернизации в регионах данного мезорегиона отчетливо свидетельствуют о том, что индексы стадий модернизации, включая их интегрированный индекс, изменяются, вместе с тем иерархия самих регионов сохраняется [2, 79].

Обобщенно о состоянии процессов модернизации в регионах ЦЧ можно судить по данным таблицы 1, которые получены на основе интегрированных индексов двух стадий модернизации и их субиндексов. Мы видим, что к 2010 г. все регионы Центрального Черноземья оставались на стадии первичной модернизации (ПМ), при этом лишь Воронежская область достигла фазы зрелости ПМ и третьего состояния (типа) модернизированности. Четыре региона находились в фазе роста ПМ или во втором состоянии (типе) модернизированности, а Тамбовская область – в фазе начала ПМ (первое состояние или тип модернизированности). Индекс сбалансированности составляющих модернизации (ИИСБ) в Воронежской области был самым высоким (0,310), но для всей России это лишь уровень «ниже среднего»: он в 2,3 раза ниже, чем в ЦФО, и в 1,7 раза ниже, чем по России в целом. Ниже среднего сбалансированность процессов модернизации в Курской, Орловской и Тамбовской областях, а в Белгородской и Липецкой областях она совсем низкая. Мы полагаем, это связано с тем, что в период финансово-экономического кризиса, последствия которого максимально проявились к 2010 г. (добавим к этому еще и неурожай из-за аномально жаркого лета), промышленно развитые регионы наиболее «просели», так как возникли существенные перебои с реализацией их продукции.

Таблица 1

Векторы эволюции состояний (типов) модернизованности регионов и несбалансированность ее составляющих: регионы Центрального Черноземья в контексте РФ и ЦФО

Регионы	Динамика состояний (типов) модернизованности			Интегрированные индексы, отклонения субиндексов			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
Переход к ВМ (к типам 5, 6). Опережают социальная и когнитивная составляющие.							
Центральный ФО	3	5	5	0,706	В	эк.	соц., зн.
Быстрый переход к ВМ (к типам 4, 5). Опережает социальная составляющая.							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
Медленное повышение ПМ (к типам 2, 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.							
Воронежская обл.	1	3	3	0,310	НС	эк., зн.	соц.
Белгородская обл.	1	2	2	0,164	Н	эк., зн.	соц.
Курская обл.	1	1	2	0,218	НС	эк., зн.	соц.
Стагнация ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста) Отстают экономическая и когнитивная составляющие.							
Орловская обл.	2	2	2	0,196	НС	эк., зн.	соц.
Липецкая обл.	2	2	2	0,137	Н	эк., зн.	соц.
Тамбовская обл.	1	1	1	0,187	НС	эк., зн.	соц.
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Представленная таблица отчетливо показывает *два модуса* или две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют *заторможенный рост*, хотя и без развития, тогда как Орловская, Липецкая и Тамбовская области с 2000 по 2010 гг. сохраняют свои позиции, т.е. переживают *длительную стагнацию состояний модернизованности в начальных фазах ПМ*.

Как уже отмечено, историко-культурные контексты развития данных регионов в целом сходны. Их культурный потенциал достаточно высок, однако не востребован. Но модусы их модернизации существенно различаются. С чем это связано? Выскажем предположение о том, что при сходстве общих характеристик *социокультурной компоненты* модернизации регионов ЦЧ причины различий ее модусов следует искать в иных ее компонентах.

Прежде всего, нельзя не отметить, что *технико-технологическая компонента* индустриальной (первичной) модернизации регионов Центрального Черноземья характеризуется, в основном, устаревшими первыми тремя технологическими укладами, в лучшем случае – частично сохранившимися элементами четвертого уклада и фрагментам пятого уклада. Повидимому, это одна из основных причин, сдерживающих модернизацию всех регионов ЦЧ. Для ее устранения требуется новая их индустриализация на основе современных технологий.

Отраслевые и корпоративные особенности этой компоненты во многом обуславливают межрегиональные различия.

О *социоэкономической компоненте*, а также о *социальной и когнитивной составляющих социокультурной компоненты* модернизации этих регионов можно судить по тем показателям, которые получены с помощью инструментария Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК), адаптированного к российским условиям. Из всей их совокупности в табл. 2 приведены наиболее значимые для уяснения сходств и различий модернизации регионов ЦЧ.

Таблица 2

Основные показатели состояний (типов) модернизированности регионов
Центрального Черноземья

Состояния (типы) модернизированности, индексы и субиндексы, индикаторы	Регионы (области) Центрального Черноземья, 2010 г.					
	Тамбовская	Липецкая	Орловская	Курская	Белгородская	Воронежская
Модусы модернизации	Стагнация ПМ			Медленное повышение ПМ		
Эволюция типов: 2000-2005-2010	1-1-1	2-2-2	2-2-2	1-1-2	1-2-2	1-3-3
Интегрированный индекс сбалансированности	0,187	0,137	0,196	0,218	0,164	0,310
Интегр. индекс модернизации	53	51	55	57	55	61
Интегр. социальный субиндекс	72	73	74	73	75	74
Интегр. экономич. субиндекс	47	43	47	43	43	49
В том числе:						
- ВРП на душу	10	16	9	12	17	11
- ВРП на душу (ППС)	17	28	16	20	28	19
- Доля сферы услуг в ВРП	81	46	82	59	58	81
- Доля занятых в сфере услуг	79	82	81	83	69	84
Интегр. когнитив. субиндекс	41	38	45	55	46	59
В том числе:						
- Доля затрат на НИОКР	24	1	12	52	22	68
- Доля жителей, подавших заявки на патенты	12	13	27	40	14	28
Индексы (уровни) ПМ	94,5	95,4	94,3	94,8	97,0	95,4
Фазы ПМ	1,0	3,25	3,0	2,75	2,75	3,0
Кроме того: инвестиции в основной капитал на душу, 2011	60,4	100,7	45,2	51,8	86,9	65,2

Следует заметить, что во всех регионах Центрального Черноземья значения *социальных* субиндексов интегрированного индекса модернизации (ИИМ) существенно выше значений этого индекса как средней величины трех его субиндексов и мало дифференцированы по регионам. Они говорят о достаточно высокой доле городского населения (82–85% международного стандарта, кроме Тамбовской области – 75%) и о числе врачей на 1000 человек (превышающем 100% международного стандарта). Эти показатели унаследованы от советского времени и характерны для многих регионов постсоветской России. В итоге даже невысокие показатели ожидаемой продолжительности жизни и экологически неблагоприятные высокие расходы энергии на душу населения незначительно снижают значения социального индекса. С другой стороны, значения экономического и когнитивного (знаниевого) субиндексов заметно ниже значений ИИМ. Это побуждает нас обратиться к соответствующим компонентам модернизации.

Обратимся к показателям *социоэкономической компоненты*. Выше, в табл. 2 представлены две ее пары. Первая из них – это ВРП на душу населения и его близнец, учитывающий паритетную покупательную способность (ППС). По этой паре показателей Тамбовская, Орловская и Воронежская области заметно уступают другим регионам ЦЧ; но по второму показателю (ППС), более чувствительному для жизни населения, Липецкая и Белгородская области – впереди. Возможно, в последних регионах это связано с более высокими инвестициями

в основной капитал на душу населения. Другая пара показателей фиксирует долю сферы услуг в ВРП и среди занятого населения региона. По обоим показателям впереди Воронежская область, а Белгородская область отстает; Липецкая и Курская области отстают по первому показателю, но впереди по второму, что указывает на низкую производительность труда их населения, занятого в сфере услуг. Помимо того, к общим ограничениям социально-экономического развития регионов ЦЧ относятся демографический спад и сокращение численности трудовых ресурсов (кроме Белгородской области).

С 1991 по 2010 гг. фиксировалось неуклонное снижение численности занятых в экономике. Некоторый перелом наметился в 2011–2012 гг., когда в большинстве регионов ЦЧ (за исключением Липецкой области) произошло некоторое увеличение среднегодовой численности занятых в экономике [4], связанное с усилением миграционных потоков в данный мезорегион. Среди сфер занятости его населения на первом месте стоит оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, на втором месте – сфера обрабатывающего производства, на третьем – сельскохозяйственная деятельность. При этом количество занятых на частных предприятиях в среднем в 2,5 раза превышает количество занятых в государственных и муниципальных организациях. В ходе проведения социологического опроса в 2012 г. жителям Курской области был задан вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?». Распределение ответов показало, что для курян доминирующим стал ответ «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» – 51%, далее идет ответ «Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» – 20%, на третьем месте – «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» – 12,1%. В сознании жителей Курской области постепенно утверждается наличие альтернативы осуществления трудовой деятельности, связанной с расширением частного сектора. Однако занятость населения в негосударственном секторе не дает гарантий стабильного заработка.

На состояние социоэкономической компоненты значимое влияние также оказывают недостаток финансовых возможностей для модернизации технологического уклада сельского хозяйства и промышленных предприятий, институционально-финансовые препятствия развитию *предпринимательской инициативы и инновационной деятельности*. В 2012 г. доля инновационной продукции (товары, работы, услуги) в общем объеме отгруженной продукции была лишь в Липецкой области выше, чем в среднем по регионам ЦФО (соответственно 10,9% по сравнению со средней 10,2%), а в Воронежской, Белгородской, Курской, Орловской и Тамбовской областях – ниже (5,6; 4,0; 3,2; 1,1; 4,4%) [4]. Согласно рейтингу инновационного развития регионов за 2013 г. [5], в Воронежской и Белгородской областях отмечен недостаточный уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов; в отношении Белгородской, Орловской, Курской и Тамбовской областей зафиксированы довольно скромные значения научно-технического потенциала. Последний имеет ограничение как в контексте ресурсных составляющих, так и в контексте результативности исследований и разработок. Тем не менее, в отношении Липецкой, Курской и Тамбовской областей отмечена весомая вовлеченность предприятий в инновационные процессы и интенсивность взаимодействия с партнёрами при выполнении научных исследований и разработок.

При этом социологические опросы показывают невысокую активность населения регионов в создании инноваций. А в Курской области, согласно проводимым социологическим опросам, фиксируется снижение этой активности жителей области в последние годы. Росту инновационной активности, как показывают ответы на социологический опрос 2012 г., мешают *недоступность финансирования для создания новых фирм и инновационных проектов, избыточная бюрократизированность, нехватка в регионе «мозгов» (идей и специалистов, способных их разрабатывать); недостаточная поддержка инноваторов со стороны региональной власти; условия жизни и работы, малопривлекательные для предпринимателей и творческих людей*, а также *существенное присутствие государства в экономике*. В Курской области, как и в других регионах ЦЧ, фиксируются отсутствие должного запроса на иннова-

ции, их не востребованность со стороны агентов экономики, а также неразработанность социальной и правовой базы инновационной деятельности. На первый план выходит запрос на стабильность, а не на расширение поля инновационной деятельности. При этом интеллектуальный потенциал является существенным, он подкрепляется вовлеченностью значимой части населения в процессы получения высшего образования, индивидуального предпринимательства. Однако недостает развития личностной инициативы, а также правовых гарантий, которые бы обеспечили ее результативность.

Недостаточное развитие инновационных процессов, вовлекающих в оборот когнитивный (знаниевый) потенциал, – одна из детерминант замедленной модернизации в регионах Черноземья.

На торможение модернизации влияют и другие параметры социокультурной ее компоненты. Негативное воздействие оказывает *контрастная социальная стратификация* населения региона. На протяжении последних лет в Центральном Черноземье сложился «бедный профиль» материальной стратификации, в которой нищие, бедные и необеспеченные составляют около 50% населения. Нельзя не отметить, что он во многом похож на стратификацию российского общества в целом.

По уровню доходов в ЦЧ можно выделить три группы регионов. В первую группу попадает одна Белгородская область, где среднедушевые денежные доходы населения превышают среднероссийские. Во второй группе оказываются Воронежская, Курская и Липецкая области, – в них доходы населения равны среднероссийским показателям. В третьей группе – Тамбовская и Орловская области, где доходы населения ниже среднероссийских. Уровень дифференциации денежных доходов населения в мезорегионе не превышает среднероссийские показатели: значения коэффициента Джини в 2012 г. находились в интервале 0,395–0,410, а по России – 0,422. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2012 г. совпало с общероссийскими показателями.

Разработка качественных *управленческих решений* в органах государственной власти и местного самоуправления, а их эффективная реализация выступают необходимыми предпосылками стабильного и успешного развития региона, повышения уровня и качества жизни населения. Во всех регионах ЦЧ приняты и реализуются стратегии социально-экономического регионального развития, основанные на детальном анализе преимуществ и проблем регионов. В большинстве таких стратегий (за исключением Орловской и Тамбовской областей) обозначены инновационные ориентиры их реализации. Однако деятельность государственных органов по достижению этих ориентиров осуществляется в условиях перманентного финансового дефицита. А у органов муниципального самоуправления вообще нет должных организационных и финансовых ресурсов для формирования и реализации планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований, осуществления капитальных вложений и бюджетных инвестиций в развитие экономики территорий [см.: 3].

Нельзя также не отметить того факта, что в последние годы в российских регионах усиливаются тенденции фрагментации социокультурной целостности регионального сообщества, отчужденности власти и населения, нацеленности на достижение частных результатов [1], что, в свою очередь, ведет к снижению человеческого и социального капитала, являющегося центральным звеном модернизационных процессов.

Фиксируемый уровень гражданской активности в мезорегионе довольно низок. На это, в частности, указывают Доклады о состоянии гражданского общества, ежегодно подготавливаемые в регионах. Лишь жители Воронежской области активно выступают против развития производств, несущих экологические риски. Но в целом в ЦЧ демократические права и свободы утверждаются крайне медленно. Таким образом, именно *характер технологического уклада, по сути, традиционный стиль управления и невысокий потенциал самоорганизации регионального сообщества оказывают тормозящее воздействие* на осуществление модернизации в данном мезорегионе.

Какая в этих условиях возможна стратегия модернизации его регионов?

Как уже отмечалось, 5 из 6 регионов ЦЧ относятся к первым двум типам модернизируемости, а модернизационные процессы осуществляются в них, скорее, заторможено. Поэтому для их развития весьма подходит стратегия *поэтапной интегрированной модернизации*. Требуется полностью выполнить задачи ее **этапа 1** в четырех регионах, образующих своего рода «застойный кластер» начальных состояний (типов) первичной модернизации. Одновременно необходимы усилия на **этапе 2**, направленные на вхождение Воронежской области в четвертую фазу ПМ – переходную к вторичной модернизации, что и будет означать интегрированность процесса модернизации всего мезорегиона.

Первый этап связан с ростом индустриальной модернизации и одновременным ее развитием на основе высокой реиндустриализации. Инвестиции следует направить на укоренение четвертого и пятого технологических укладов; соответственно, продолжится сокращение доли аграрного сектора в экономике, повысится урбанизированность территорий. Способствовать реализации задач данного этапа могут создание действительно конкурентной среды, утверждение высокотехнологичных отраслей экономики, укрепление и развитие межрегиональных и международных связей, повышение технико-технологического и кадрового потенциала. При этом важно сократить численность управленческого аппарата, блокировать коррупцию, повысить прозрачность управленческого процесса. Помимо того, требуется развитие политической культуры населения, включенность в программы развития граждански активного населения, углубление демократических основ общественной жизни, утверждение ценностей труда и других компонентов индустриальной цивилизации.

Список литературы

1. Бабинцев В.П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации // Научные ведомости БелГУ. №20(139). 2012. Вып. 22. С. 57–64.
2. Когай Е.А. Динамика модернизационных процессов регионов Центрального Черноземья // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: Материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.): в 3 ч. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. Ч. I. С. 98–108.
3. Курская область в динамике социокультурных измерений / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец и др. Курск: ООО «Учитель», 2011. 232 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М., 2013. 990 с.
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 2 / под ред. Л.М. Гохберга М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. 88 с.

Е. А. Когай, Kursk

REGIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEM ON A WAY TO THE INTEGRATED MODERNIZATION

The article raises the problem of development of Central Chernozem region of Russia in the context of modernization. Two forms of manifestation of dynamics of primary modernization of regions are shown. Opportunities and restrictions of realization of modernization transformations are designated.

Key words: Central Chernozem region, modernization, indexes, innovative activity, slow growth.

УДК 316.422 (571.15)

А. В. Немировская, Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация: в докладе освещается динамика и актуальное состояние модернизации в Дальневосточном макрорегионе России. Вкупе с природно-географическими особенностями этого региона, рассматриваются условия socioэкономического и социокультурного характера, в которых протекают модернизационные процессы на Дальнем Востоке. На основе анализа данных Росстата, материалов Всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010, а также индексов модернизации, подготовленных сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института Философии РАН в рамках научного проекта «Социокультурная модернизация и консолидация региональных сообществ» (рук. чл.-корр. Н.И. Лапин), показаны особенности основных компонент модернизации ДФО, выявлена динамика модернизации регионов округа и их роль в формировании его тренда в целом.

Ключевые слова: модернизация региона, динамика модернизации, типы модернизированности, socioэкономические и социокультурные условия модернизации, Дальневосточный федеральный округ.

В Дальневосточный федеральный округ, крупнейший по своей территории, и, вместе с тем, наименьший по численности населения, входят девять равноправных субъектов РФ с различным административным статусом: Республика Саха (Якутия); Камчатский, Приморский и Хабаровский края; Амурская, Магаданская, Сахалинская область; Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. Для Дальнего Востока характерны изолированные локальные системы расселения, в связи с большой протяженностью его территории и суровыми природными условиями. Три четверти населения округа проживает в городах, наиболее крупные из них – это Владивосток (600 тыс. чел.), Хабаровск (594 тыс. чел.), Якутск (287 тыс. чел.), Комсомольск-на-Амуре (258 тыс. чел.), Благовещенск (218 тыс. чел.).

Процесс модернизации включает индустриальную, информационно-когниционную и социокультурную составляющие [3; 5], и, согласно методике и инструментарию для изучения модернизации, разработанными Центром исследований модернизации Китайской академии наук и адаптированными для российских регионов Центром исследования социокультурных изменений ИФ РАН [5], может быть измерен в совокупности своих стадий, их уровней и фаз динамики. Эмпирической основой данного доклада послужили: рассчитанные на основе статистических данных по регионам России с применением адаптированного ЦИСИ ИФР НА инструментария ЦИМ АНК индексы, фазы и типы модернизации (итоговые данные представлены в информационной системе «Модернизация», ИСЭРТ РАН, г. Вологда); опросные данные Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня», n = 1163, 2010 г.; статистические данные по регионам страны, собираемые Федеральной службы государственной статистики РФ; вторичные данные социологических исследований и аналитических отчетов на основе анализа статистических материалов.

В настоящее время Дальневосточный федеральный округ в целом относится к третьему типу модернизированности (до 2005 г. – второй тип), демонстрируя схожую динамику с Сибирским федеральным округом: зрелая индустриальная (первичная) модернизация; уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – на среднем и выше среднего уровнях, идентификация с фазами невозможна (рис. 1). К 2010 г. ни один из регионов Дальнего Востока не подошел к началу процесса вторичной модернизации, находясь на стадии подготовки к нему. В целом, регионы ДФО принадлежали в 2010 г. к 4 типам модернизированности: Якутия и Чукотский АО относятся к четвертому типу, Магаданская область, Хабаровский и Приморский края – к третьему типу, Амурская область – ко второму, Камчатский край – к первому.

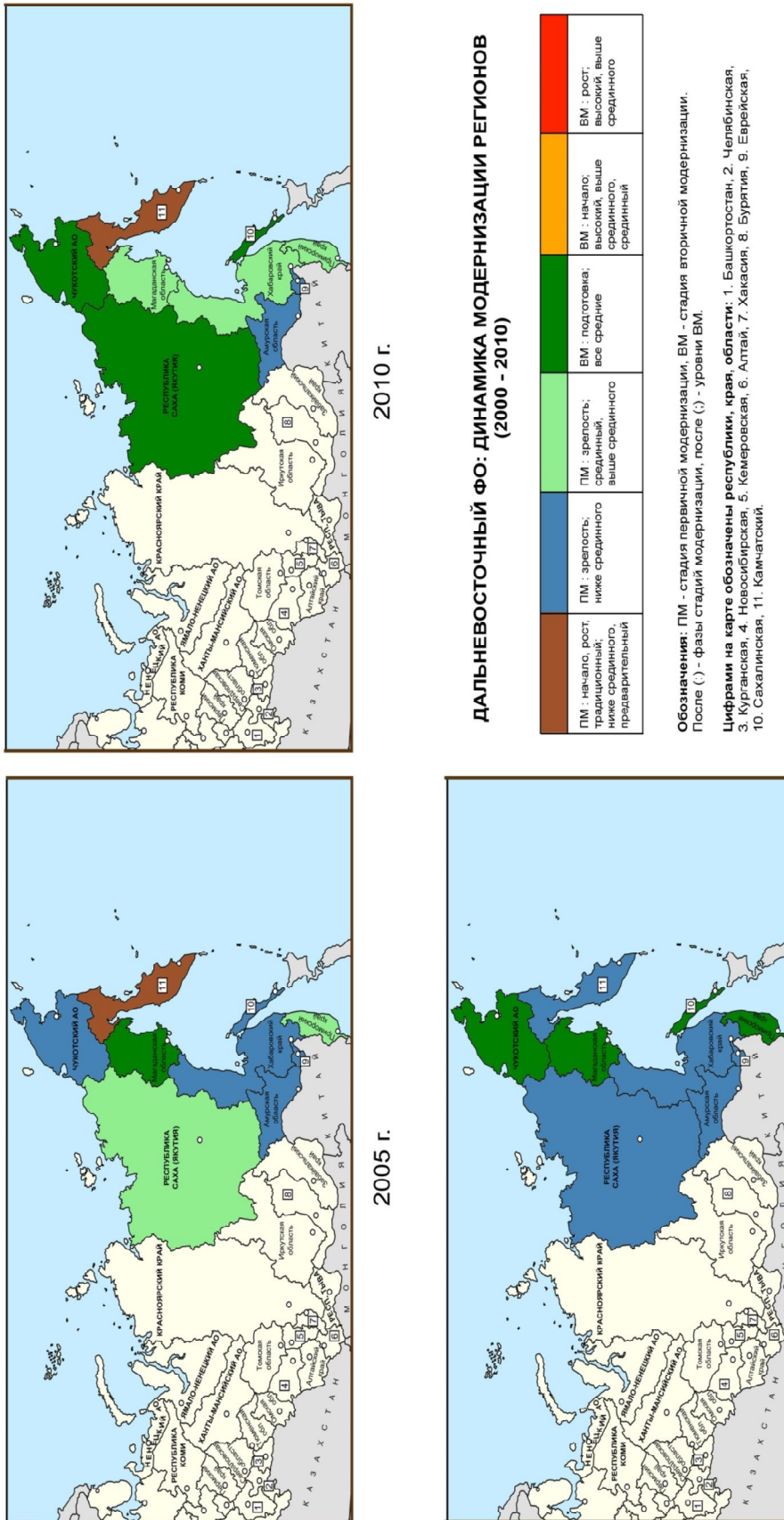

Рис. 1. Динамика модернизации в ДФО
 Источник: информационная система «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда)

Важно указать, что модернизация в ДФО неравномерна, более того, в ряде регионов округа наблюдается заметное отставание от общероссийских тенденций. В целом, развитие модернизационных процессов на Дальнем Востоке характеризуется противоречиями развития социальной, производственно-технологической и экономической сфер. Обращает на себя внимание «обратная динамика» модернизации Камчатского края, который в 2000 г. принадлежал к группе регионов со вторым типом модернизации, но уже с 2005 г. снизил свой статус до первого типа (см. карту динамики модернизации регионов Дальневосточного ФО на рис. 1). В период с 2000 по 2010 г. в Камчатском крае стабильно снижались показатели индекса инноваций в знаниях, с 55,9 до 37,1, фазовая оценка первичной модернизации сместилась с 3,5 до 2,5. Не настолько критическая, как на Камчатке, но в целом тревожащая ситуация складывается в Приморском крае: если в 2000 г. этот обладающий значительным ресурсодобывающим и транспортным потенциалом регион характеризовался модернизированной четвертого типа, то с 2005 г. и до настоящего момента он снизил свои позиции до третьего типа, в основном, за счёт низкого значения индекса инноваций в знаниях (39,9 в 2000 г. и 35,5 в 2010 г.), таким образом, значение фазовой оценки первичной модернизации края снизилось за 10 лет с 3,75 до 3. Модернизационные процессы стагнируют также и в Амурской области, которая в течение 2000-х гг. оставалась на уровне второго типа модернизированнойности, снизив показатели фазовой оценки первичной модернизации (3,25 в 2000 г., и уже 3,0 в 2010 г.). Подобное положение дел объясняется невысоким уровнем инноваций в знаниях в течение целого десятилетия (10,5 – 2000 г., 16,1 – 2010 г.), отрицательной динамикой к концу 2000-х гг. показателей индекса качества экономики, и, соответственно, снижением значений интегрированного экономического индекса модернизации и интегрированного социального индекса модернизации. Нестабильно протекает модернизация также в Чукотском автономном округе и Сахалинской области – регионах-лидерах по величине ВВП на душу населения в России (третье и первое места, соответственно). Находясь на стадии подготовки к процессу вторичной модернизации, еще в 2000 г., к 2005 г. эти регионы снизили свой статус до второго типа модернизированнойности – зрелости первичной модернизации и вновь вышли на уровень четвертого типа модернизированнойности в 2008 г. Фактически, единственный регион Дальнего Востока, демонстрирующий поступательную модернизацию – это Якутия, прошедшая за последнее десятилетие путь от второго до четвертого модернизационных типов. В 2010 г. Дальневосточный федеральный округ опережал по первичной модернизации соседний Сибирский федеральный округ, но в целом всё же не смог достичь показателей среднероссийского уровня. Наименее модернизированными регионами ДФО стали Еврейская автономная область (индекс равен 94,7), Сахалинская область (94,8) и Камчатский край (95,4). Фактически, ДФО в течение последнего десятилетия остановился на стадии зрелости первичной модернизации и не продвинулся к качественному переходу к следующей стадии. Об этом свидетельствуют фазовые значения индекса реализации первичной модернизации в ДФО в период с 2000 по 2010 г., которые составляли 3,5, притом, со снижением до 3,0 в 2005 г. В региональном разрезе, в 2010 г. завершённую индустриальную стадию модернизации можно считать только в Чукотском АО (фазовое значение 4). Среди всех регионов Дальнего Востока, быстрее всех приблизились к стадии завершения первичной модернизации Сахалинская область и Якутия (фазовое значение 3,75), далее следуют Магаданская область и Камчатский край (3,5), Хабаровский край (3,25), Амурская область и Еврейская автономная область (3).

Успех модернизации региона заключается в её синхронности во всех её составляющих: технологической, экономической, политической, социальной и культурной [1, с. 26]. Хотя экономика Дальневосточного федерального округа стабильно росла с 1999 г., в том числе, в период мирового экономического кризиса, опережая в последние годы среднероссийские темпы роста ВВП, тем не менее, очевидно негативное влияние ресурсодобывающего профиля экономики региона и дисбаланс в развитии его экономики, инфраструктуры и социальной сферы региона. Поэтому, невзирая на значительный объём ВРП на душу населения в половине регионов ДФО, кратно превышающий среднероссийский уровень в Сахалинской обла-

сти, также высокий в Чукотском АО, Якутии, Магаданской области и Камчатском крае (рис. 4), отраслевая структура ВРП округа консервирует отсталость регионов Дальнего Востока в современной модернизации, сдерживая их развитие на уровне зрелости первичной (индустриальной) модернизации и перехода ко вторичной (информационной) модернизации. Так, по данным Росстата¹, наибольшая доля отраслевой структуры ВРП округа приходилась на добычу полезных ископаемых (24,7%), затем с большим отрывом следуют транспорт и связь (13,4%), строительство (12,2%), торговля (10,2%) и другие отрасли. Доля обрабатывающей промышленности (всего 5,6%) меньше, чем доля отраслей образования и здравоохранения (7,7%), отрасли финансов и услуг (7,3%).

Потенциал ДФО ко вторичной модернизации можно проиллюстрировать посредством композитного индекса готовности регионов России к информационному обществу, который позволяет оценить степень подготовленности регионов России к широкомасштабному использованию информационно-коммуникационных технологий, или Икт (рис. 2). Индекс рассчитан на основе показателей, характеризующих факторы развития информационного общества: Икт-инфраструктура, человеческий капитал и экономическая среда, использование Икт для развития основных сфер жизнедеятельности общества (государственного и муниципального управления, бизнеса, образования, здравоохранения, культуры), а также использование Икт домохозяйствами и населением. Дальневосточный макрорегион опережает по готовности к информационному обществу Россию в целом, занимая третье место после Уральского и Северо-Западного федеральных округов. Внутри округа выделяются высокими показателями готовности использования Икт Чукотский автономный округ, Сахалинская область и Хабаровский край, и только два региона располагаются на представленном графике ниже среднероссийского уровня – Амурская область и Еврейская автономная области.

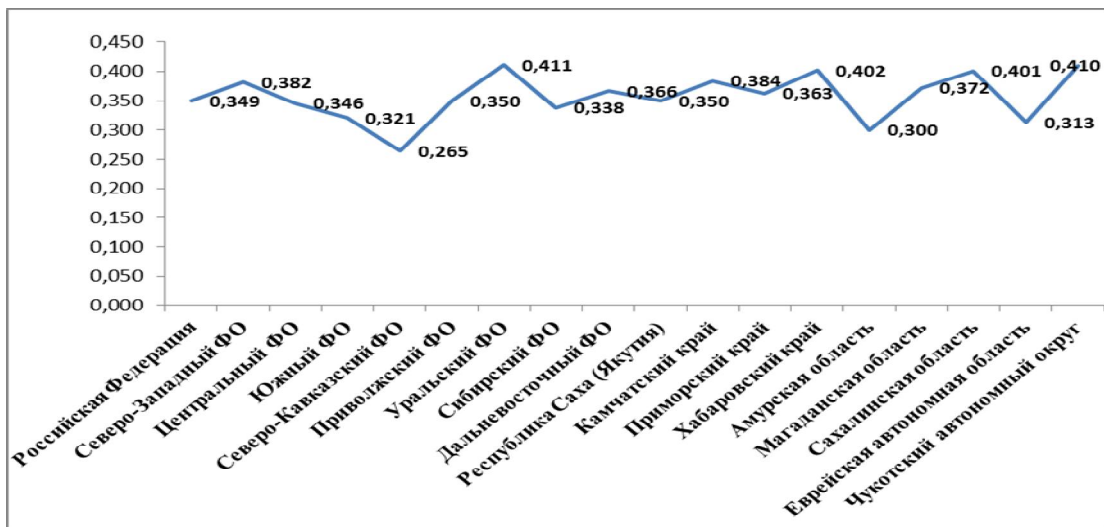

Рис. 2. Индекс готовности регионов РФ к информационному обществу, 2009 г.

Источник: Индекс готовности регионов России к информационному обществу. 2008–2009.

/ под ред. Ю.Е. Хохлова и С.Б. Шапошника. М.: 2010. 296 с.

URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan047766.pdf>

Тем не менее, согласно значениям индекса вторичной модернизации ДФО в целом в настоящее время отстает от среднероссийских значений на 10 пунктов. Наиболее высокие показатели у Магаданской области (68,8), Сахалинская область (67,7) и Камчатского края (65,7), самый низкий индекс принадлежит Еврейской автономной области (54,1). Важно, что рост значений этого индекса в Магаданской области остановился в 2008 г. (71) и с тех пор

¹ Структура ВРП по видам экономической деятельности в 2010 г. – Росстат.

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru10.xls3

снижается; в Камчатской области пик также пришелся на 2008 г., и значение индекса в 2010 г. не превысило показатели области во вторичной модернизации до мирового экономического кризиса; в Сахалинской области с 2008 г. этот показатель практически не повышается.

Дальневосточный федеральный округ обладает значительным потенциалом для динамичного, всестороннего социально-экономического развития, однако в настоящее время по индексам вторичной и интегрированной модернизации он находится на шестом месте среди всех округов России. По состоянию модернизованности и её динамике внутри округа наблюдаются значительные отличия между разными регионами. Уровень сбалансированности интегрированной модернизации (двух стадий) наиболее успешных в модернизации знаний (или, вторичной модернизации) регионов ДФО резко колеблется: выше среднего (Якутия, Магаданская область), средний (Камчатский край), ниже среднего (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономная области), низкий (Сахалинская область, Чукотский автономный округ). Несмотря на то, что, по типу модернизованности, регионы ДФО занимают положение выше среднероссийского уровня – Магаданская область, Приморский край, Сахалинская область и Чукотский АО, однако для первых двух характерна рецессия вторичной модернизации вследствие отставания экономической и когнитивной составляющих (происходит обратный переход из четвертого типа в третий модернизованности), а для последние два характеризуются неустойчивостью вторичной модернизации («балансируют» между четвертым и вторым типами модернизованности) из-за отставания когнитивной составляющей. Данные о несбалансированности основных составляющих модернизованности регионов ДФО показывают, что этот макрорегион в целом пока опережает только два макрорегиона России – Южный и Северокавказский (интегрированный индекс сбалансированности модернизации в ДФО имеет значение «ниже среднего», вследствие отставания по двум компонентам модернизации: экономическому и когнитивному, или знаниевому), находясь в третьей фазе зрелости и еще не достигнув четвертой фазы завершения стадии первичной (индустриальной) модернизации. Учитывая типы модернизационных компонент, «ответственных» за замедление процесса модернизации в регионах Дальнего Востока – это, в основном, экономическая и когнитивная составляющие – основой стратегии развития Дальнего Востока, как традиционно ресурсного региона, может стать «новая индустриализация», на основе современных инновационных технологий. Поэтому, ведущим вопросом в стратегии развития этого макрорегиона становится совмещение его инфраструктурной функции с созданием новой индустриальной базы в форме кластеров высокотехнологичных производств и сервисов [8, с. 454].

Неравномерность и неравновесность модернизационных процессов в различных регионах ДФО отчетливо проявляется в фокусе основных компонент модернизации, выделенных Н.И. Лапиным.

Касательно технико-технологической компоненты модернизации, отставание от среднероссийского уровня модернизованности объясняется традиционно ресурснодобывающей основой экономики макрорегиона. По двум компонентам первичной модернизации регион в целом задерживается на этом этапе: в 2010 г. округ значительно уступал средним российским показателям индекса трансляции знаний (24,1 в ДФО и 53,1 в РФ), аналогично ниже показатели качества экономики (46,9 и 52,7, соответственно). в ДФО сохраняется отставание в накопленных темпах роста добавленной стоимости в сравнении с общероссийским ростом, притом динамика разрыва составляла 3,9% пункта в 1997 до 17% пунктов в 2010 г., с историческим максимумом в 37% в 2008 г., снижение которого в последующие два года объясняется значительными инвестициями и реализацией крупных трубопроводных проектов и сооружением объектов саммита АТЭС [2, с. 8].

Относительно социо-экономической компоненты важно выделить как сложные условия жизни населения ДФО ввиду климата, территориальной удаленности, высоких коммунальных и транспортных тарифов, так и ряд институциональных факторов – недостаточный уровень социально-экономического развития регионов Дальнего Востока, неразвитости произ-

водственной и финансовой инфраструктуры, низкий уровень развития предпринимательской деятельности. В настоящее время статистические показатели качества жизни населения в ДФО не соответствуют темпам его экономического развития, обгоняющим среднероссийский уровень. Так, среднегодовые доходы жителей Дальнего Востока на 10% выше среднероссийского уровня в номинальном выражении, но с учетом паритета покупательной способности, напротив, ниже на 6% [2, с. 13]. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных расходов, в процентах от общей суммы расходов на оплату услуг в ряде регионов ДФО в 2011 г. был одним из самых высоких в стране – например, в Амурской области 55,8% (что также составляло 15,2% от общей суммы потребительских расходов), Камчатском крае – 48,2% (12,9%), Магаданской области – 43,6% (13,3%), в то время как средний россиянин тратил 35,9% своих расходов на ЖКХ, или 9,5% от общих расходов на все услуги².

В плане социокультурной компоненты, препятствия успешной модернизации Дальнего Востока во многом схожи с аналогичными барьерами для развития регионов Сибири: миграционными настроениями, недостаточным по современным меркам уровнем и качеством жизни, высоким социальным расслоением, отсутствием перспектив для высокообразованных профессионалов и не работающими «социальными лифтами» для молодежи и др. [4]. ДФО – единственный округ в России, переживающий с 1990 г. постоянную убыль населения. Вместе с тем, как показывают различные опросы населения России, при условии развития новых крупномасштабных проектов в регионе, или предложения со стороны властей специальных условий для проживания, развития бизнеса и др., более половины респондентов готовы связать свое будущее с Дальним Востоком [7].

В отношении институционально-регулятивной компоненты, основным императивом модернизации ДФО является развитие системы стратегического государственного планирования, особенно в условиях, когда вызовом развитию макрорегиона становятся не только внутренние социально-экономические и инфраструктурные проблемы, но и внешние факторы, создаваемые быстро растущими экономиками стран АТР. В апреле 2014 г. была утверждена государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», направленная на «устранение существенных межрегиональных диспропорций развития на базе опережающего социально-экономического развития макрорегиона» [6].

В целом, в качестве основных барьеров современной модернизации регионов ДФО следует указать на невысокую диверсификацию региональной экономики, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, суровые климатические условия, слабая заселенность, высокие темпы депопуляции вследствие миграционного оттока населения в европейские регионы России и другие обстоятельства.

Как показал опрос, проведенный в рамках Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН в 2010 г., среди первоочередных вопросов, требующих решения в их регионе, опрошенные жители ДФО называли создание новых рабочих мест (64%), улучшение медицинского обслуживания (36%), строительство новых дорог (35%), строительство доступного жилья (33%), оздоровление природы (31%) и усиление государственного контроля за экономикой (23%). По сравнению с ответами на этот вопрос респондентов из других округов страны, в ДФО опрошенные указывают чаще всего на проблемы создания новых рабочих мест и строительства доступного жилья для населения. Обращает на себя внимание низкая популярность выбора респондентами из ДФО варианта ответа «развивать малый и средний бизнес», также как и «решительнее отстаивать интересы региона в центре» и «расширить самостоятельность регионов в решении социальных проблем» – напрашивается вывод, что ответ-

² Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) // Росстат.

URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-29.htm

ственность за развитие региона, с точки зрения населения, должны нести в первую очередь центральные власти.

Степень согласия респондентов с утверждением
«государство должно обеспечить гражданам минимум доходов»

	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен	Среднее значение
Россия в целом	6%	11%	15%	28%	40%	3,8
Центральный ФО	4%	11%	17%	24%	45%	4,0
Северо-Западный ФО	4%	10%	20%	33%	32%	3,8
Приволжский ФО	9%	17%	20%	18%	36%	3,6
Южный ФО	4%	7%	10%	43%	37%	4,0
Северо-Кавказский ФО	0%	7%	17%	28%	48%	4,2
Уральский ФО	3%	6%	9%	53%	29%	4,0
Сибирский ФО	18%	11%	12%	17%	43%	3,6
Дальневосточный ФО	0%	4%	3%	35%	58%	4,5

Источник: данные Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня», 2010 г.

По данным мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», среди опрошенных жителей Дальнего Востока более выражены патерналистские ожидания, по сравнению с респондентами из других федеральных округов страны (табл. 1). В ДФО – наиболее высокое среднее значение степени согласия с утверждением о том, что «государство должно обеспечить гражданам минимум доходов» – 4,5, в этом отношении регионы из Дальнего Востока опередили привычно «дотационный» Северо-Кавказский ФО, в котором средний балл равен 4,2. Более половины опрошенных (58%) на Дальнем Востоке полностью согласны с тем, что государство обязано обеспечить минимальный уровень доходов граждан, в то время как, например, на Северо-Западе страны ответивших таким образом всего 32%, на Урале – 29%, а в России в целом – 40%.

Также, как показывают данные мониторинга ЦИСИ (2010), в степени своего согласия с утверждением «каждый человек должен сам заботиться о материальном обеспечении своей семьи, не надеясь на государство», респонденты из ДФО получили такой же средний балл, что и россияне в целом – 3,8, однако если посмотреть подробнее на распределение ответов, то, во-первых, среди этих респондентов значительно меньшее число затруднившихся с ответом, по сравнению с жителями других ФО (всего 6%); во-вторых, 23% респондентов «совсем не согласны» и «скорее не согласны» с этим утверждением в ДФО – для сравнения, Северо-Кавказский ФО – 15%, Южный ФО – 10%, Уральский ФО – 8% и лидерство здесь удерживает Сибирский ФО – 31%; в-третьих, в России в целом «скорее согласны» и «полностью согласны» с тем, что каждый человек сам обязан заботиться о своём благополучии 69% опрошенных, близки к ним в своем мнении жители Дальнего Востока (71%), Приволжья (71%) и Урала (72%), за ними следуют Южный и Северо-Кавказский ФО (67% и 66%), а в СФО и СЗФО ориентация на самостоятельность уже заметно ниже – по 61%.

Данные опросов населения макрорегиона наводят на мысль о том, что сейчас для успешного развития Дальнего Востока требуются скорее значительные усилия и контроль со стороны государства, центральных и региональных властей, чем ожидание эффекта от самостоятельности и инициатив со стороны проживающего в этом макро регионе населения. С другой стороны, подобное распределение ответов свидетельствует об ожиданиях респондентов, проживающих в сложных климатических условиях, на значительной дистанции от центра страны и транспортной удаленности от многих других регионов, внимания государства к их потребностям и нуждам, принятия мер по решению указанных выше в нашей статье социальных проблем в регионах, а также ответственности за обеспечение минимально необходи-

мого уровня жизни населения. Без учета подобных ожиданий населения и решения острых социальных проблем, развитие региона до более высоких уровней модернизированности второго типа маловероятно.

В настоящий момент, в определенной мере оценить интенсивность модернизационных мероприятий в регионе и, косвенно, усилия федеральной и региональной властей в современном развитии Дальнего Востока представляется возможным с помощью рейтинга «Модернизация – 2011», представленного на рис. 8. Разработчиками этого рейтинга модернизации регионов России учитывались публикации федеральных СМИ о региональных программах модернизации, о развитии дорожной, транспортной, энергетической, телекоммуникационной и прочей инфраструктуры, о деятельности региона по поддержке малого и среднего бизнеса, деятельности по привлечению инвестиций и улучшению инвестиционного климата, об инновационных проектах и разработках. Практически во всех регионах Дальнего Востока невысокие показатели в данном рейтинге, особенно ярко заметны низкие значения индекса по публикациям о реализации модернизационных мер в регионах с высоким ВРП: Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край. Для сравнения, регионы соседнего «ресурсного» макро-региона – Сибирского федерального округа получили значительно более высокие баллы: Томская область – 61,02, Республика Бурятия – 37,75, Красноярский край – 35,43; Новосибирская область – 35,36; Алтайский край – 31,61. Это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие способствующих социальной модернизации экономических условий, конкретные меры по реализации мероприятий в регионах ДФО в настоящее время недостаточны.

Рис. 3. Рейтинг «Модернизация – 2011».

Источник: Рейтинг «Модернизация – 2011», Аналитическое агентство «Смыслография».
URL: http://s-graph.ru/upload/ratings/rat_Modernization_2011.pdf

Анализ различных индексов модернизации ДФО, подготовленных ЦИСИ ИФ РАН и другими организациями, показывает процесс торможения модернизации макро-региона, и, в ряде случаев, откат в современном, технологическом развитии отдельных регионов округа в последние годы, причем это наблюдение справедливо даже для регионов-лидеров в стадии первичной, индустриальной модернизации. Этот тревожащий факт, вкпе с наличием серьезных социальных и социокультурных барьеров для развития этого макрорегиона, наводит на мысли о необходимости в первую очередь стабилизации процесса вторичной модернизации, повышения качества жизни населения. Комплексной модернизации регионов Дальнего Востока будут способствовать новые инфраструктурные проекты, применение наукоемких технологий и инноваций в обработке и промышленности, развитие несырьевых отраслей

экономики, поддержка малого и среднего бизнеса, развитие социальной инфраструктуры, предложение новых экономических стимулов для удержания и увеличения численности населения, эффективных мер повышения качества жизни людей.

Освоение, заселение и развитие богатейших пространств Дальнего Востока началось еще в XVI в., и теперь, в XXI в., важно придать этим приоритетным для социальной модернизации и государственной целостности России процессам системный, управляемый, основанный на современных достижениях науки и технологий, сбалансированный в экономическом, социальном и социокультурном плане характер. Начало реализации новой стратегической государственной программы, направленной на ускоренное развитие и укрепление Дальнего Востока и Байкальского региона, дает основания надеяться на новые ресурсы для возможностей стабильного роста его экономики, решения социально-демографических проблем и значительного повышения показателей социальной сферы – и, в перспективе, достижение достойных модернизационных показателей.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Напряжения социального пространства в России и её регионах и проблемы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 26.
2. Ишаев В.И. Концептуальные вопросы развития Дальнего Востока до 2050 г. М.: Экономика, 2012. 50 с.
3. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // Социологические исследования. №9. М., 2012.
4. Немировский В.Г., Немировская А.В., Хамидуллина К.Р. Социокультурные барьеры модернизации Восточной Сибири (на примере Красноярского края и Республики Хакасия) // Социологические исследования. №9. 2012. С. 33–40.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001 – 2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. – URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/6ed/gp34.pdf>.
7. Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» – или «локомотив развития»? // Пресс-выпуск №2052. ВЦИОМ, 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112841>.
8. Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез / отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2014. 664 с.

A. V. Nemirovskaya, St. Petersburg

THE ACTUAL STATE AND CONDITIONS OF MODERNIZATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST

This paper highlights the dynamics and actual state of modernization in the Far Eastern macro-region of Russia. Along with natural and geographic conditions, attention is paid to the socio-economic and socio-cultural conditions of the current modernization process in the Far East. The specifics of the main components of modernization in the Far Eastern FD, including their dynamics and their role in the formation of modernization trend of the macro-region on the whole are shown, based on the analysis of the Russian Statistical Service Data, the materials of the All-Russia Monitoring Survey “Our Values and Interests Today – 2010”, along with the modernization indices, elaborated by the researchers from the Center for the Study of Socio-cultural Change of the Institute of the Philosophy of the Russian Academy of Science within the framework of the research project “Socio-cultural Modernization and Consolidation of Regional Societies” (under the guidance of the corresponding member of RAS N.I. Lapin).

Key words: regional modernization, modernization dynamics, types of modernization, socio-economic and socio-cultural conditions for modernization, The Far Eastern Federal District.

УДК 316.334.52 (571.1/5)

*В. Г. Немировский, Красноярск
В. С. Половинко, Омск*

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В статье приводятся и анализируются ключевые социокультурные показатели Сибирского федерального округа, характеризующие его социально-культурное состояние. Анализ основывается на данных статистических сборников «Регионы России», на результатах опроса всероссийского мониторинга ЦИСИ в 2010 г. и информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). Авторы приходят к выводу, что модернизация осуществляется нелинейно, неравномерно в различных регионах Сибири. До сих пор данный макрорегион выступает главным образом, ресурсной кладовой для всей России, что делает вероятной возможность его модернизационного отката. С учётом названного вызова авторы указывают варианты поэтапной стратегии интегрированной модернизации СФО.

Ключевые слова: регионы, Сибирский федеральный округ, Сибирь, социокультурные параметры, социокультурная модернизация, хронотипология модернизированности.

Хотя Сибирский федеральный округ в целом и его регионы в отдельности играют важнейшую роль в обеспечении экономики страны природными ресурсами (основу его экономики составляют добывающая, обрабатывающая, лесная промышленность, энергетика, транспорт и сельское хозяйство), тем не менее в 2010 г. он имел индекс первичной модернизации заметно более низкий, чем в среднем по стране и находился на 7-м месте среди других федеральных округов России – 96,9%. Такое же место он занимал и по индексу вторичной модернизации – 63,2%. При этом по индексу сбалансированности вторичной модернизации он был на 4-м месте среди федеральных округов: 0,041. Интегрированный индекс модернизации в Сибирском федеральном округе на тот период составлял 59,6%, что соответствует 6-му месту среди всех федеральных округов России. Интегрированный индекс сбалансированности модернизации имел значение 0,257, что более чем в два раза ниже данного показателя по России в среднем и соответствует 3-му месту среди регионов Сибирского федерального округа.

Таким образом, соответственно хронотипологии модернизированности, Сибирский федеральный округ находится в состоянии, относящемся к 3-му её типу, а Россия в целом – к 5-му типу.

Это значит, что страна в целом осуществляет информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая её развитие; её первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза. Таким образом, можно сделать вывод, что регионы Сибирского федерального округа продолжают выполнять традиционную роль «ресурсной кладовой» страны, создавая основу для опережающего модернизационного развития других федеральных округов и страны в целом. При этом сами серьёзно отставая от них по всем анализируемым показателям модернизации.

В целом, согласно данным, представленным в картах модернизации регионов Сибирского Федерального округа, эта динамика в 2000–2010 гг. осуществлялась непропорционально.

¹ В статье использованы материалы исследований, проведённых при финансовой поддержке РГНФ: проект «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)» проект № 13-03-00379, «Интеграция мониторингов рынка труда в социокультурный портрет региона для решения задач модернизации управления (на примере Омской области)», проект № 12-03-00614-а.

Так, в 2000 г. практически все регионы СФО находились на первичной стадии модернизации. К фазам стадий модернизации: начало, рост, традиционный; уровень ниже среднего принадлежали три региона: Алтайский край, Республики Алтай и Тыва.

К стадии зрелости, уровень ниже среднего на тот момент времени, относилось большинство регионов Сибирского федерального округа: Омская, Иркутская области, Красноярский и Забайкальский края, Республики Бурятия и Хакасия.

На стадии зрелости (уровни: средний, выше среднего) находились Новосибирская и Томская области.

Исключение по своим модернизационным показателям составляла Кемеровская область, которая вплотную приблизилась к началу вторичной стадии модернизации (подготовка, все уровни – средние).

В 2005 г. модернизационная ситуация в СФО изменилась мало: единственная из всех регионов Томская область в целом сравнялась по своим модернизационным показателям с Кемеровской областью. Характерно, что к 2010 г. произошёл модернизационный регресс Томской области, и она оказалась на стадии зрелости первичной модернизации: уровни средний, выше среднего.

В 2010 г. более половины сибирских регионов остались на уровне своих модернизационных показателей 2000–2005 гг.: Алтайский край и Республика Алтай, Томская и Новосибирская области, Республики Хакасия, Бурятия и Забайкальский край.

Вместе с тем, в таких регионах Сибири, как Омская и Иркутская области, Красноярский край данные показатели возросли, по сравнению с 2005 г., до наиболее высокой стадии первичной модернизации – зрелости, уровень средний или выше среднего.

Таким образом, в 2010 г. мы видим резкую дифференциацию различных регионов Сибири по модернизационным показателям: наиболее высоко модернизированной с 2000 г. остаётся Кемеровская область, пять регионов СФО – Красноярский край, Омская, Иркутская области, Новосибирская и Омская области – достигли стадии зрелости первичной модернизации (уровни: средний, выше среднего), Республики Хакасия, Тыва, Бурятия и Забайкальский край находятся ниже среднего уровня первичной модернизации, а Алтайский край и Республика Алтай остаются на начальном этапе первичной модернизации, уровне ниже среднего или даже предварительном.

Проблемы, препятствующие эффективной социокультурной модернизации регионов Сибирского Федерального округа

Прежде всего, следует остановиться на финансово-экономических и управленческих проблемах. Распоряжением правительства РФ от 5 июля 2010 г. №1120-р была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года», системно рассматривающая стратегию и приоритеты развития региона.

При этом важнейшие положения этого документа рискуют остаться лишь благими пожеланиями на бумаге в связи с резким дефицитом региональных бюджетов практически всех регионов Сибирского федерального округа. Один из факторов – это существующая сегодня налоговая политика. Например, начало активной эксплуатации Ванкорского нефтяного месторождения в Красноярском крае связывалось у населения и руководства региона с надеждами на существенное пополнение регионального бюджета; ежегодные налоги месторождения в бюджеты всех уровней оцениваются в 0,8–1,2 млрд. долларов (выделено мною. – *В.Н.*). Между тем, Красноярский край из этих налогов в 2010 г. получил 19,6 млрд. руб., в 2011-м – 15,2, в 2012-м – 3,9 млрд. руб. [5].

4 сентября 2013 г. спикер Законодательного собрания Красноярского края А. Усс сделал сенсационное признание: «региональный бюджет этого года не может быть исполнен по причине нехватки средств. Даже нет ясности, какой суммы ему не достаёт. Разброс называется в пределах от 4 до 14 млрд рублей. Такой ситуации не было даже в 90-е гг., когда в крае еще не действовали крупные инвестиционные проекты, а доходы региона были в несколько раз меньше. Причины приближающегося краха всем понятны. Первая – пресловутые «май-

ские» указы президента о повышении зарплаты бюджетникам за счет регионов, второе – налоговая политика федерального центра, при которой субъектам РФ нет никакого смысла зарабатывать больше» [5]. Специалисты экспертно-правового управления ЗС края дают более мрачные прогнозы: верхний предел государственного долга края уже к концу 2015 г. может достичь 90,3 млрд. руб., или 60% собственных доходов краевого бюджета. И это, несмотря на то, что расходы и так «ужаты» [5]. Подобная ситуация наблюдается во всех регионах Сибирского федерального округа.

По мнению исследователя, которое разделяют и другие специалисты, «анализ статистики последних двух десятилетий показывает, что Сибирь с каждым годом играет все меньшую роль в экономике, культуре и общественных процессах России. Макрорегион становится все более низкоразвитой и криминальной периферией страны» [2]. Согласно исследованиям данного автора, вклад Сибири в валовой продукт страны за последние 14 лет снизился с 13,6% до 10,6% от общероссийского показателя (вклад такого в прошлом промышленного гиганта, как Красноярский край, сократился на 25%). Если в 1998 г. регионы современного СФО экспортировали 13% общероссийской продукции, то в 2010-м – только 9,5% вклад Красноярского края за этот период в российский экспорт уменьшился почти на 40%.

Не секрет, что большая часть предприятий на территории современного Сибирского федерального округа создавалась с целью удовлетворения потребностей других, прежде всего, западных, регионов страны. Соответственно, внутрорегиональный рынок, сам по себе малоёмкий, в условиях распада существовавших хозяйственных связей оказался не в состоянии заменить традиционных потребителей добываемого на территории сырья. Это во многом привело к закрытию существовавших ранее в Сибири предприятий и сокращению производств, т.е. к деиндустриализации.

Наряду с негативной финансово-экономической и хозяйственной ситуацией, существенно тормозящей процессы модернизации Сибири, нельзя не отметить и важные социокультурные факторы. Данные государственной статистики свидетельствуют о том, что в регионах Сибири наблюдается устойчивый рост смертности по причинам социального неблагополучия, которые в 2010 г. превышали среднероссийские на 20–40%. Средние показатели смертности по социальным причинам в Сибири были выше российских значений на 17–18% в начале 90-х гг., а к 2010 г. этот разрыв достигает 60%. По мнению данного автора, «нужно называть вещи своими именами – это просто локальная социальная катастрофа» [12].

Согласно результатам исследования ВЦИОМ, проведенного в 2012 г., благоприятной обстановку на Востоке России видят лишь в среднем по 10% населения во всех целевых группах. При этом главный негативный фактор, который отмечают почти половина сибиряков и дальневосточников, – дороговизна жизни (46%). Из-за всего этого 40% жителей регионов Сибири и Дальнего Востока рассматривают возможность покинуть эти территории. Из них около 60% намерены уехать в другой город России, а 20% – вообще в другую страну (еще 23% точно собрались уехать, но пока не решили куда). Люди, судя по опросу, едут прежде всего за высокими зарплатами (и это из Сибири, где уровень жалования традиционно был существенно выше, чем в остальной стране!), но, что еще важнее, – за карьерными перспективами. Талантливые люди упираются здесь в «потолок карьеры», в преодоление которого на родине они не верят. Половина опрошенных уверены, что успех Сибири и Дальнему Востоку принесет сотрудничество с Китаем и Японией (треть студентов в числе приоритетных партнеров назвали еще и США). На российский бизнес надеются лишь 10% сибиряков. Это говорит о фактически окончательно оформившемся расколе единого социального пространства страны – прямо по Уральскому хребту [11].

Население уезжает из Сибири опережающими темпами: «если Россия в целом с 1989 по 2010 г. потеряла 3,5% населения, то СФО – 8,6%» [12]. По данным Новосибирскстата, в I полугодии 2013 г. миграционная убыль численности населения Сибирского федерального округа составила 6,056 тысячи человек. «Среди регионов СФО наибольшая миграционная убыль наблюдалась в Иркутской области, где число выбывших в другие государства и регионы РФ

превысило прибывших на 3594 человека», – говорится в сообщении. Наибольший миграционный прирост сложился в Новосибирской области (5624 человека). Миграционный прирост также отмечен в Красноярском крае (469 человек), Томской области (345 человек), Хакасии (363 человека) и Республике Алтай (137 человек) [3]. В частности, в Красноярский край, большинство мигрантов прибыли из стран СНГ: Кыргызстана, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и Армении (см. Миграция населения Красноярского края в 2011 г. [9]).

Согласно исследованиям, мигранты обладают в целом более низкой квалификацией, нежели эмигранты из Сибири. Как показало проведённое нами в 2013 г. полуформализованное интервью со 143 экспертами в г. Красноярске, на открытый вопрос «Как Вы думаете, влияет ли качество жизни населения края на отток квалифицированных специалистов из региона или здесь главными выступают другие причины? Какие именно?» утвердительно ответили 76% опрошенных. К числу других причин относят, прежде всего, отсутствие жилья для специалистов и места приложения их труда.²

Как известно, важным показателем социального неблагополучия выступает смертность по социальным причинам. «Самое большое число смертей по социальным причинам – самоубийства, случайные отравления алкоголем – зафиксировано в Сибирском федеральном округе – 58,8 смертей на 100 тыс. населения, что более чем в 1,5 раза превышает среднероссийские показатели... динамика смертности населения по социальным причинам за последние 20 лет, с 1990 по 2010 г несколько снизилась в 4 федеральных округах (ЦФО, СЗФО, ЮФО, УФО), в 3 округах (ПФО, СФО, ДФО) наблюдается увеличение в сравнении со средними для России значениями; в СФО он увеличился на 42,6 процентных пункта – с 117,1% (1990 г.) до 159,7 % (2010 г.)» [2, с. 268].

В процессе исследований были выделены 4 группы регионов России в зависимости от рейтинга социального самочувствия их населения. В феврале и мае августе 2013 г. было опрошено 65000 жителей страны в 79 её регионах, для определения рейтинга использовались 4 основных критерия и 4 дополнительных (см. Рейтинг социального самочувствия регионов России, 2013 [14]). В первую группу – «очень высокий рейтинг» – (свыше 65 баллов) по результатам первого исследования попали пять регионов Сибирского Федерального округа: Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский край и Тюменская область. Согласно результатам аналогичного исследования, проведённого в ноябре 2013 г., остались в данной группе Республики Хакасия, Тыва и Тюменская область [15].

Разумеется, ограниченные рамки статьи не позволяют охарактеризовать даже основные социокультурные факторы, препятствующие модернизации макрорегиона Сибири.

Тем не менее, на основании проанализированных данных можно сделать вывод, что модернизация Сибири, над которой продолжает тяготеть «ресурсное проклятье», осуществляется нелинейно, неравномерно в её различных регионах. Трудно не согласиться с мнением Н.И. Лапина, согласно которому «спонтанность, заторможенность и разбалансированность процессов модернизации – следствие незавершённости трансформации: сохранились ситуативно узаконенные в 90-х гг. нормы, по которым сотня олигархов безнаказанно и даже почти беспощадно выкачивает результаты труда миллионов россиян в сверхприбыльные оффшорные дыры глобальной экономики, а в самой России позорно низки конкурентные качества рынка и компетентность управления, зато небывало высоки трансформационные издержки; начавшиеся в конце 80-х – 90-е гг. процессы демократизации оказались в состоянии застоя и стагнации, в далёкий от современности тупик загнаны наука и образование, сатана коррупции правит свой бал в экономике и управлении» [8, с. 343]. Он показывает, что Сибирский Федеральный округ, как и два других округа в России, «достигли третьей фазы первичной, индустриальной стадии модернизации – фазы зрелости, но не преодолели барьера завершающей, четвертой ее фазы – фазы перехода к вторичной стадии модернизации».

² Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)» проект № 13-03-00379.

Если рассматривать конкретные регионы Сибирского Федерального округа (см. таблицу), то в 2010 г. к числу наиболее «модернизированных» относились Кемеровская и Томская области, находящиеся на вторичной (информационной) стадии модернизации.

Динамика состояний (типов) модернизованности регионов и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)

*СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(6) Застой ВМ (тип 4, фаза начала). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Кемеровская обл.	4	4	4	0,152	Н	ЭК., ЗН.	соц.
(5) Неустойчивость ВМ (между типами 3 и 4). Отстает экономическая составляющая							
Томская обл.	3	4	3	0,175	Н	ЭК.	соц., ЗН.
Быстрый переход к ВМ (к типу 5, фаза роста). [В целом РОССИЯ] Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	ЭК.,ЗН.	Соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(4) Застой зрелой ПМ (тип 3, фаза зрелости). Отстает экономическая составляющая							
Новосибирская обл.	3	3	3	0,300	НС	ЭК.	соц., ЗН.
(3) Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости). [В целом СФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Красноярский край	2	2	3	0,268	НС	ЭК., ЗН.	соц.
Сибирский ФО	2	2	3	0,257	НС	ЭК., ЗН.	соц.
Иркутская обл.	2	2	3	0,222	НС	ЭК., ЗН.	соц.
Омская обл.	2	2	3	0,193	НС	ЭК., ЗН.	соц.
(2) Заторможенное повышение ПМ (к типу 2, фаза роста). Отстает когнитивная составляющая							
Респ. Тыва	1	1	2	0,278	НС	ЗН.	ЭК., соц.
Застой ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Респ. Бурятия	2	2	2	0,267	НС	ЭК., ЗН.	соц.
Забайкальский край	2	2	2	0,169	Н	ЭК., ЗН.	соц.
Респ. Хакасия	2	2	2	0,145	Н	ЭК., ЗН.	соц.
Алтайский край	1	1	1	0,213	НС	ЭК., ЗН.	соц.
Респ. Алтай	1	1	1	0,485	ВС	ЭК., ЗН.	соц.
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (ЭК.), когнитивный, или знаниевый (ЗН.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Другие регионы Сибири проходили первичную (индустриальную) стадию модернизации, причём наиболее зрелой выступала Новосибирская область (хотя и с отставанием экономической составляющей). В процессах модернизации Красноярского края, Иркутской и

Омской областей отставали экономическая и когнитивная составляющие. Заторможенное повышение ПМ с отставанием когнитивной составляющей (типу 2, фаза роста) относилась Республика Тыва. Застой первичной модернизации (типы 1, 2; фазы начала, роста) в 2010 г. демонстрировали остальные регионы Сибирского Федерального округа: Республика Бурятия, Республика Хакасия, Республика Алтай, Алтайский и Забайкальский края. При этом в перечисленных регионах отставали экономическая и когнитивная составляющие модернизации.

Важно подчеркнуть, что, по данным, представленным в таблице, существенно различаются также значения интегрированных индексов и субиндексов сбалансированности модернизации. Характерно: их повышающая динамика во всех регионах Сибири наблюдается, в основном, только относительно социального субиндекса, лишь в Республике Тыва к нему добавляется экономический, а в Новосибирской области – когнитивный индекс. В подавляющем же большинстве регионов СФО экономический и когнитивный (знаниевый) индекс демонстрируют застойно-понижающую динамику. Всё это свидетельствует о высокой несбалансированности и нестабильности модернизационных процессов в большинстве регионов Сибирского Федерального округа, их потенциальной неустойчивости.

Итак, судя по приведённым в статье данным, несмотря на довольно высокие средние значения основных показателей модернизации по сравнению с рядом других регионов страны, её потенциал в большинстве сибирских регионов представляется в значительной степени исчерпанным. Можно предположить возможность отката ряда регионов Сибири от вторичной модернизации к первичной и, более того, их частичной демодернизации и превращения СФО в территорию, которая полностью сосредоточена на эксплуатации уже созданных ранее условий первичной модернизации основных промышленных регионов. Начинаясь финансово-экономический кризис лишь подстегнёт негативные процессы в этой сфере. Что же касается социокультурной модернизации, то Сибирь явно отстает от страны в целом, особенно – от её Западных регионов, всё более превращаясь в колониально-сырьевой придаток России.

Не случайно, Президент РФ В.В. Путин, обращаясь с ежегодным Посланием Федеральному Собранию, отметил, что «ресурсы и государства, и частного бизнеса, должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъём Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI в. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит и наши шаги должны быть нестандартными» [13].

На основании вышеизложенного можно предложить, например, следующий вариант поэтапной стратегии интегрированной модернизации СФО. На первом этапе целесообразно создать некий общий координирующий центр по модернизации Сибири (наподобие министерств по развитию Северного Кавказа, Крыма, Дальнего Востока). Вначале, сконцентрировать ресурсы для дополнительных инвестиций в экономическое и когнитивное развитие трех регионов (Красноярский край, Иркутская и Омская области) вектора № 3, характерного для СФО в целом. Уже имея необходимые предпосылки, эти регионы способны сформировать действительно инновационную специализацию своих технопарков и других научно-технических центров и смогут быстро преодолеть барьер завершающей, переходной фазы ПМ и войти в начало ВМ, что позволит повысить общий ресурс СФО. На втором этапе важно сконцентрировать усилия как управленческие, так и финансовые, на развитии наиболее отстающих регионов векторов №1 и 2, чтобы помочь им перейти в фазу 3 ПМ (с полным учетом их цивилизационно-культурных особенностей, не подгоняя под общую гребенку). Отчасти одновременно с этим сосредоточить усилия на преодолении неоправданного застоя Новосибирской области в фазе зрелой модернизации (вектор № 4) и системного вхождения ее в стадию ВМ. Затем приоритетными становятся регионы векторов №5 и 6 (Томская и Кемеровская области), которые устойчиво продвигаются по фазам ВМ, а в итоге СФО в целом (но, разумеется, не все его регионы) переходит на стадию ВМ.

Список литературы

1. Ефимов В. Мы её теряем // «Эксперт. Сибирь». №1(359). 24 декабря 2012 г. URL: <http://expert.ru/siberia/2013/1/>.
2. Ефимов В.С., Ефимов А.В. Макрорегион Сибирь в постсоветской России: анализ социально-экономических показателей // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов [и др.]. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2013. 396 с.
3. Из Сибири в январе-июне уехало более 6 тыс. человек // Интерфакс Россия. – 2 сентября 2013 г. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/print.asp?id=429867&sec=1671&type=n>.
4. Иноземцев В.Л. Сибирь: от зависимой территории к новым горизонтам // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 10–39.
5. Красноярский край занимает, чтобы отдать // Российское информационное агентство Федерал Пресс. 17.09.2013. URL: <http://fedpress.ru/news/econom/reviews/1379420913-krasnoyarskii-krai-zanimaet-chtoby-otdat>.
6. Кравчук М. Мимо кассы. Красноярскому краю грозит дефолт? // Аргументы и факты и Енисее. №37. 2013. С. 22. URL: <http://www.krsk.aif.ru/money/law/102189>.
7. Лапин Н.И. О структурированности регионов России по их вовлечённости в процессы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»: 22–25 октября 2012 г. Уфа, АН РБ Гилем, 2012. С. 89–99.
8. Лапин Н.И. Через завершение трансформации – к интегрированной, социокультурно сбалансированной модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН; сост., общ. ред: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
9. Миграция населения Красноярского края в 2011 году // Бизнес портал мая. URL: <http://www.krasnoyarsk.biz/release/21133>
10. Паспорт Сибирского федерального округа // Сибирский федеральный округ. Официальный сайт. URL: <http://www.sibfo.ru/passport/sfo.php>.
11. Попов А., Чернышов С. Нужен нацпроект // «Expert Online». 22 июня 2012. URL: <http://expert.ru/2012/06/22/im-nuzhen-natsproekt>.
12. Попов А., Чернышов С. Мёртвый восток // «Эксперт». №30–31 (861). 29 июля 2012 г. URL: <http://expert.ru/expert/2013/31/mertvyij-vostok/>.
13. Президент: подъем Сибири и Дальнего Востока – национальный приоритет на весь XXI век // ИТАР-ТАСС. 12 декабря 2013 г. URL: <http://itar-tass.com/politika/828512>.
14. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск – Фонд развития гражданского общества, август 2013а. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/27>.
15. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Второй выпуск. – Фонд развития гражданского общества, декабрь 2013б. URL: <http://civilfund.ru/mat/44>.
16. Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) / Официальный сайт Ассоциации. URL: <http://www.asdg.ru/about/>.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. N 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года».
18. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суспицын С.А. Сибирская школа региональных исследований в Программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». URL: <http://ecsocman.hse.ru/region/msg/46435214.html>.
19. Информационная система «Модернизация». URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>.
20. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». Официальный сайт. URL: <http://www.sibacc.ru>. Социокультурные про-

цессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009 – 2011 гг.) / отв. ред. А. В. Немировская. Красноярск, Сибирский Федеральный университет, 2011. 222 с.

21. Богомазов К.И. Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона, Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013г.: в 3 ч. Ч. III. 252 с., ИСЭРТ РАН, Вологда, 2013, 3, С. 624–635.

*V. G. Nemirovsky, Krasnoyarsk
V. S. Polovinko, Omsk*

THE FEDERAL DISTRICT OF SIBERIA: THE STATE AND PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION

The paper analyzes issues of social and cultural modernization in the regions of Siberian Federal District. Modernization processes are assessed using the methodology and analytical tools developed by the Center for the Study of modernization by the Chinese Academy of Science, adapted to Russian statistical data by the Centre for the Study of Socio-cultural Change by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, under the supervision of N.I. Lapin and L.A. Belyaeva. It is concluded that the currently the process of modernization is nonlinear and erratic in different regions of Siberia. Until now, this macro-region still serves mainly as a resource store for Russia, that makes the possibility of modernization throw-back more likely to happen.

Key words: regions, Siberia, socio-cultural characteristics, socio-cultural modernization, chronotypology of modernization.

УДК 316.422 (571.1)

В. С. Половинко, Омск

Д. С. Иванов, Омск

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ: ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В статье приводятся и анализируются ключевые социокультурные показатели Сибирского федерального округа, характеризующие его социально-культурное состояние. Анализ основывается на данных статистических сборников «Регионы России», на результатах опроса всероссийского мониторинга ЦИСИ в 2010 г. и информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). Авторы приходят к выводу, что модернизация осуществляется нелинейно, неравномерно в различных регионах Сибири. До сих пор данный макрорегион выступает главным образом, ресурсной кладовой для всей России, что делает вероятной возможность его модернизационного отката. С учётом названного вызова авторы указывают варианты поэтапной стратегии интегрированной модернизации СФО.

Ключевые слова: регионы, Сибирский федеральный округ, Сибирь, социокультурные параметры, социокультурная модернизация, хронотипология модернизованности.

Общая характеристика Сибирского федерального округа

Сибирский федеральный округ (СФО) располагается преимущественно на территории Западно-Сибирской равнины и Среднесибирского плоскогорья. На западе он граничит с Уральским, на востоке – с Дальневосточными федеральными округами. Имеет сухопутные границы на юге с Казахстаном, Монголией, Китаем. С севера омывается водами Северного Ледовитого океана. СФО занимает территорию площадью 5114,8 тыс. кв. км (30% территории Российской Федерации).

В настоящее время в Сибирский федеральный округ входят 12 субъектов Российской Федерации: четыре республики – Алтай, Бурятия, Хакасия; три края – Алтайский, Забайкальский², Красноярский; пять областей – Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская.

Территория СФО составляет 30% территории России, население – 20,06 млн. человек. На его территории сосредоточены 85% общероссийских запасов свинца и платины, 80% угля и молибдена, 71% никеля, 69% меди, 44% серебра, 40% золота. Валовый региональный продукт в 2011 г. составлял 10,6% ВВП России.³

Территория Сибирского федерального округа богата природными ресурсами. В 2012 г. объем добычи угля составил 298234 тыс. тонн (83,4% от совокупной добычи угля в Российской Федерации), а запасы древесины составляют 40,2% от совокупных запасов Российской Федерации. В его недрах залегают: свинец, платина, молибден, никель, медь, цинк, марганец, серебро, золото, титан, железная руда, бокситы.

¹ В статье использованы материалы исследований, проведённых при финансовой поддержке РГНФ: проект «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)» проект № 13-03-00379, «Интеграция мониторингов рынка труда в социокультурный портрет региона для решения задач модернизации управления (на примере Омской области)», проект № 12-03-00614-а.

² С 1 марта 2008 г. согласно Федеральному конституционному закону от 21 июля 2007 г. №5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» образован Забайкальский край. В состав края вошел Агинский Бурятский округ как административно-территориальная единица с особым статусом. – Сибирский федеральный округ. Официальный сайт. URL: <http://www.sibfo.ru/passport/region.php?action=art&nart=4224>.

³ Паспорт Сибирского федерального округа.

Доля округа в общем объеме промышленного производства РФ в 2001 г. составила 12,4%. Доля СФО в общей протяженности железных дорог России – 17,5%. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население округа составляет 13,5% численности России. При этом плотность его низкая: 3,7 чел. на 1 км². Вместе с тем, в Сибирском федеральном округе достаточно высок уровень урбанизации: доля городского населения равна 72%, сельского – 28% [10].

В 2011 г. среди регионов СФО наибольший показатель валового регионального продукта на душу населения принадлежал Красноярскому краю (на 24,5% превышая среднероссийский показатель), наименьший – Республике Тыва. Весьма низкими показателями отличались также Республика Алтай и Алтайский край. Именно эти три региона можно назвать промышленными аутсайдерами в Сибирском федеральном округе.

Нельзя не учитывать, что имеются серьёзные конкурентные преимущества Сибири в плане социокультурной модернизации по сравнению с западными и южными регионами России. В частности, существует ряд широко обсуждённых документов, в которых системно представлены проекты реализации развития СФО на среднесрочную перспективу (см., например, принятое Распоряжением правительства РФ от 5 июля 2010 г. №1120 р «Стратегию социально-экономического развития Сибири до 2020 г.» [17]. Опубликованы работы отечественных учёных, раскрывающих пути развития данного макрорегиона России; см., напр. [2, с. 124] и др. Есть и многолетний положительный опыт межрегионального сотрудничества с целью системного изучения и решения ряда проблем в рамках Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» [20]. Наконец, следует рассматривать как позитивный фактор, способствующий эффективной модернизации регионов Сибири, специфику менталитета её жителей, которая, согласно нашим исследованиям, заключается в независимости, самостоятельности, открытости новому, готовности к преодолению трудностей [21, с. 96].

В последнее время наблюдается серьёзное отставание отдельных регионов Сибири по ряду важных показателей от регионов страны, лежащих к западу от Урала и внутри самого Сибирского федерального округа (подробнее см. рис. 1 и параграф о неравномерности и особенностях социально-экономического развития СФО). Существует серьёзное противоречие между высоким экономическим и природно-ресурсным потенциалом большинства регионов, входящих в состав Сибирского Федерального округа, с одной стороны, а также неадекватным этому уровнем их модернизации и её перспективами – с другой. В контексте сформулированной руководством РФ приоритетности социокультурного, социально-экономического и геополитического развития Сибири и Дальнего Востока России это отставание представляет весьма актуальную научную и практическую проблему.

Население, его этнокультурный состав и динамика, демографические и этнокультурные вызовы

Численность населения Сибирского федерального округа на конец 2012 г. составляла 19278,0 тыс. чел, или 13,4% от общей численности населения Российской Федерации. В 2010–2012 гг. численность населения увеличилась на 26 тыс. человек. Однако эта положительная динамика имеет более низкие темпы, чем в Российской Федерации в целом (прирост в 2012 г. в СФО менее 0,1% по сравнению с 0,2% в России).

Устойчиво растёт демографическая нагрузка на трудоспособное население: на конец 2012 г. она составила 663 человека на 1000 чел. трудоспособного населения, что на 7,4% больше, чем в 2010 г., и выше общероссийского показателя за аналогичный период (6,0%). Но если по РФ эта нагрузка обусловлена численностью населения старше трудоспособного возраста на 57,8%, то в СФО – только на 53,5%, что более благоприятно в плане «старения» населения.

Ожидаемая продолжительность жизни в 2012 г. составила 67,99 лет, что на 2,25 года меньше общероссийской (70,24 года), а для мужчин – на 2,47 года меньше. Несмотря на рост ОПЖ в 2000–2010 гг. на 4,33 года, в целом СФО продолжает занимать по данному показате-

лю предпоследнее место среди федеральных округов, опережая только Дальневосточный ФО (67,0 лет в 2012 г.).

Неравномерность и особенности социально-экономического развития СФО

В целом для СФО характерно сохранение дифференциации как отдельных социально-экономических показателей (см. выше на примере показателей рынка труда, безработицы, образования, оценки удовлетворённости жизнью, состояние правопорядка и др.), так и интегрированной оценки модернизации.

С 2013 г. оценка модернизации может осуществляться в специализированной информационной системе (далее ИС «Модернизация»), созданной в Институте социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) при финансовой поддержке РГНФ и при участии ряда исследовательских центров (включая ОмГУ и СФУ). Подробнее новый инструментарий оценки обсуждался на IX Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (г. Вологда, 23–26 октября 2013г.). ИС «Модернизация», позволяет визуализировать динамику модернизации внутри федеральных округов [22]. Приведём соответствующую иллюстрацию для отражения динамики дифференциации внутри СФО – см. рис. 1.

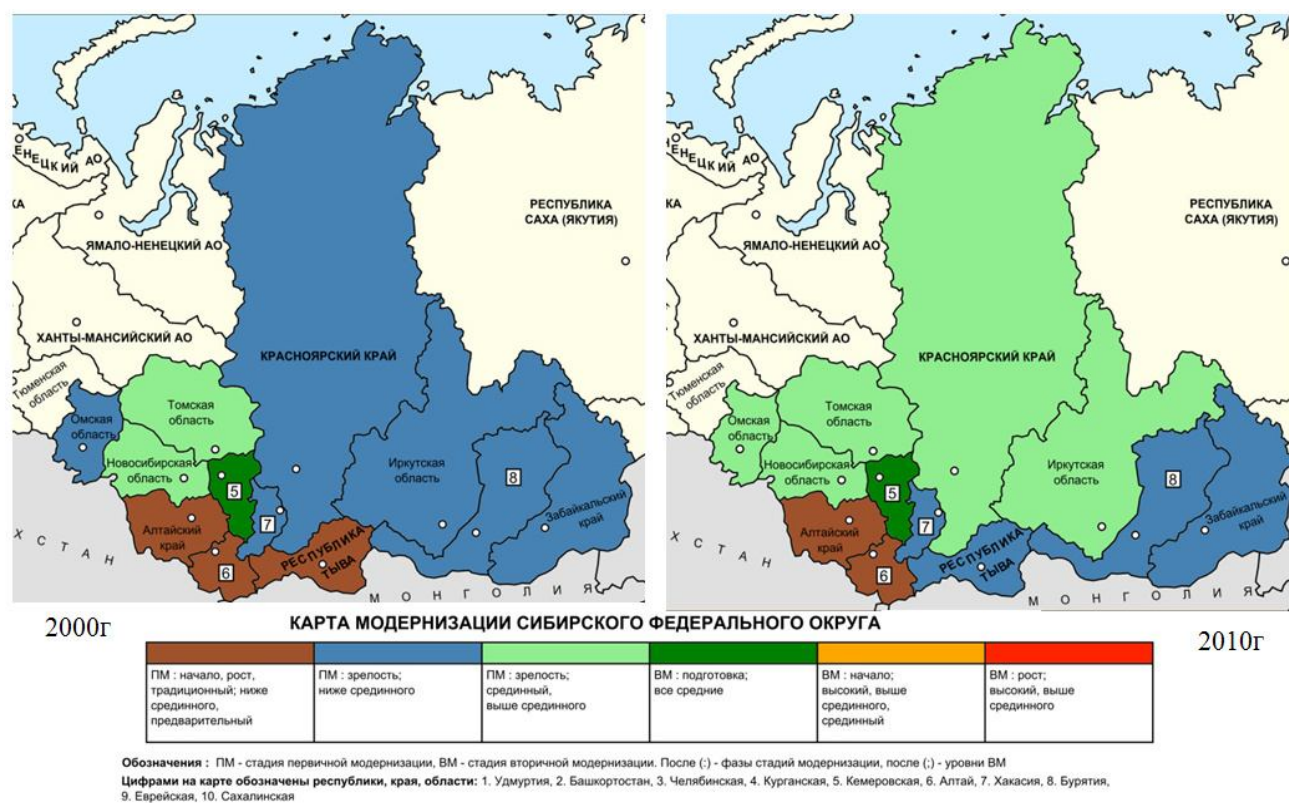

Рис. 1. Динамика модернизации в Сибирском федеральном округе (Информационная система «Модернизация» URL: <http://mod.vscs.ac.ru/> [19])

Как видно из представленной иллюстрации, большинство субъектов СФО находятся в стадии первичной модернизации, достигнув её третьей фазы – зрелости. В сопоставимых условиях находятся Приволжский и Дальневосточный округа, образуя своеобразный средний слой по состоянию модернизации в России – фазы перехода к вторичной стадии модернизации.

В целом перед СФО стоят задачи одновременного завершения индустриальной модернизации с переходом к информационной ее стадии (в данном контексте важно развитие информационных технологий, повышение доступности и качества образования, развитие научных исследований, повышение роли ценностей изобретательства, престижа заявок на полу-

чение патентов, в том числе на способы сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. Важно также развивать и компоненты аграрной цивилизации). Такие задачи актуальны для Красноярского края, Иркутской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Но отмеченная дифференциация субъектов СФО предполагает адресный подход к проблемам каждого субъекта. И для Алтайского края и Алтая сохраняются задачи становления компонентов индустриальной цивилизации.

Также необходимо отметить, что внутри почти каждого субъекта СФО имеется значительная дифференциация состояния модернизации (а, следовательно, и актуальных задач) в разрезе крупных городских промышленных центров и малых городов и сёл. Например, отмеченные выше показатели рынка труда имеют существенную специфику в областных центрах и на периферии. Принимая во внимание задачу повышения доступности и качества образования, развития научных исследований, необходимо, опираясь на сложившийся потенциал областных центров и близлежащих наукоградов (Томск, Новосибирск), развивать инфраструктуру трансляции знаний и технологий в рамках решения ряда базовых задач первичной модернизации в большинстве периферийных населённых пунктов субъектов.

Отмеченная особенность делает актуальным уточнение задачи устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа.

Социокультурная компонента модернизации

Характеризуя культурный потенциал населения Сибирского федерального округа, целесообразно провести анализ показателей функционирования системы высшего профессионального образования.

Динамика численности студентов, обучающихся на программах высшего профессионального образования в целом повторяет общероссийскую тенденцию сокращения числа студентов, но имеет менее выраженный характер (рис. 2): за последние три года темп роста численности студентов не составлял менее 0,93 (по Российской Федерации – не менее 0,92), а среднее сокращение за рассматриваемый период составило 5,0% в год (6,4% в год по Российской Федерации).

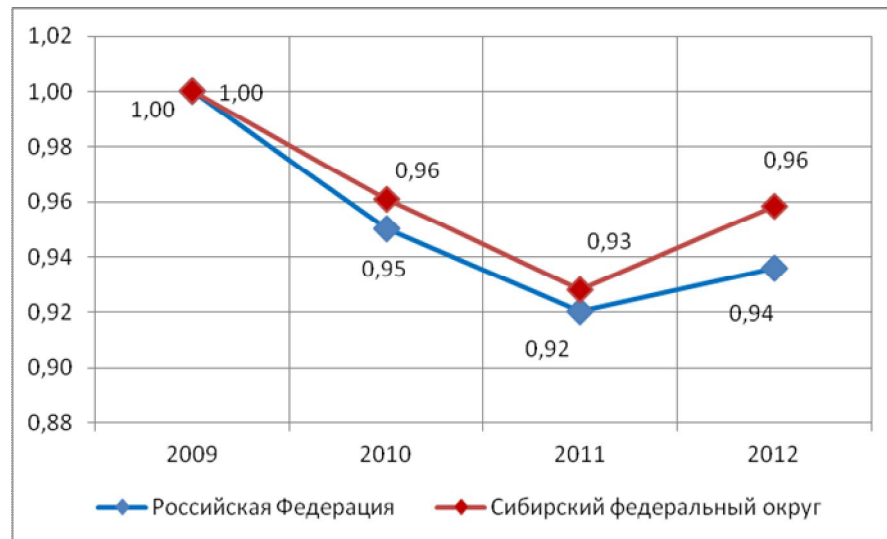

Рис. 2. Темпы роста численности студентов НОУ ВПО в СФО и в Российской Федерации в период 2009 – 2012 гг.

Существует разница между уровнем *удовлетворенности своей жизнью в целом* между жителями Сибирского федерального округа и общероссийскими показателями (см. табл. 1). Так, согласно результатам всероссийского мониторинга ЦИСИ, проведенного в 2010 г., доля совсем не удовлетворенных жителей в СФО в два раза превышает аналогичный показатель по Российской Федерации в целом (10% и 5%), доля не очень удовлетворенных –

почти в полтора раза (32% и 21%). Таким образом, можно заметить, что общая доля полностью или частично неудовлетворенных своей жизнью жителей по Сибирскому федеральному округу составляет 42%, что на 18 п. п. выше, чем общероссийский показатель.

Таблица 1

Насколько жители СФО удовлетворены своей жизнью в целом, %

	Полностью удовлетворены	Скорее удовлетворены	Затрудняется сказать точно	Не очень удовлетворены	Совсем не удовлетворены
Сибирский федеральный округ	12	35	11	32	10
Российская Федерация	13	46	15	21	5

Пониженной удовлетворенности своей жизнью в целом соответствует и меньшая уверенность жителей Сибирского федерального округа в своем будущем: если количество вполне уверенных в своем будущем совпадает с общероссийским уровнем (14% респондентов), то доля скорее неуверенных и совершенно неуверенных в своем будущем в совокупности составляет 51% жителей СФО, что существенно превышает показатель по Российской Федерации в целом (28%). Это позволяет говорить о преобладании пессимистических жизненных установок среди жителей СФО над оптимистичными (см. табл. 2).

Таблица 2

Насколько жители СФО уверены в своем будущем, %

	Вполне уверены	Скорее уверены, чем нет	Затрудняются определить	Скорее не уверены, чем уверены	Совершенно не уверены
Российская Федерация	14	36	21	19	9
Сибирский федеральный округ	14	12	21	25	26

Характеризуя экономическую активность населения СФО, необходимо отметить, что для него, как и для Российской Федерации в целом, актуальна проблема «старения» населения, выражающаяся в сокращении численности занятых на одного пенсионера (в среднем за год) и в снижении уровня экономической активности. Сибирский федеральный округ характеризуется пониженным уровнем экономической активности (66,6% в 2012 г. по сравнению с 68,7% по Российской Федерации) и этот показатель продолжает снижаться, начиная с 2010 г., что противоречит общероссийской тенденции роста уровня экономической активности.

По данным выборочных обследований по проблемам занятости, в 2012 г. уровень безработицы в Сибирском федеральном округе составил 7,1%, что ниже аналогичного показателя в 2011 г. (8,1%), но значительно превышает общероссийский показатель, равный 5,5%. Анализируя данные в разрезе субъектов РФ, входящих в состав СФО, можно отметить высокую степень дифференциации уровня безработицы: от 18,4% в Республике Тыва (превышение общероссийского показателя на 12,9 п. п.) до 5,5% в Красноярском крае (соответствует общероссийскому значению) и 5,6% в Новосибирской области (на 0,1 п. п. превышает общероссийский показатель уровня безработицы).

Таблица 3

Состав безработных по уровню образования в 2012 г., %

	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее общее	Основное общее	Не имеют основного общего
Российская Федерация	16,4	19,3	20,3	32,8	10,1	1,1
Сибирский федеральный округ	13,7	17,8	20,8	32,3	13,9	1,5

Как видно из приведенных данных, структура безработных по уровню полученного образования отличается от средней по Российской Федерации пониженным уровнем образования – доля безработных с высшим и средним профессиональным образованием ниже, чем общероссийский показатель, в то время как доля безработных, имеющих только основное общее образование, либо не имеющих образования вообще – наоборот, превышает общероссийский уровень на 3,8 п. п. и 0,5 п. п. соответственно, что позволяет сделать вывод о повышенной значимости образовательного фактора в сфере занятости для населения Сибирского федерального округа.

Правопорядок и правонарушения

Количество преступлений и состояние правопорядка является важной социокультурной характеристикой федерального округа. Несмотря на то, что начиная с 2006 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных на территории Сибирского федерального округа продолжает снижаться в среднем на 6,4% в год (аналогичный показатель по России в целом за 2006–2012 гг. составляет 8,2%), СФО продолжает занимать первое место по количеству зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек среди всех федеральных округов. В 2012 г. данный показатель превысил общероссийское значение на 31,6% (2116 по сравнению с 1608) и на 173,3% минимальное значение среди федеральных округов (Северо-Кавказский федеральный округ). С другой стороны, необходимо отметить высокую степень дифференциации уровня правонарушений среди субъектов, входящих в состав СФО.

Таблица 4

Дифференциация субъектов РФ, входящих в СФО по показателю числа зарегистрированных преступлений в 2012 г.

Субъекты РФ, входящие в СФО	Число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек в 2012 г.	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек в 2012 г.	
		в % к показателю по СФО	в % к показателю по России в целом
Забайкальский край	2851	134,7	177,3
Иркутская область	2481	117,2	154,3
Республика Бурятия	2419	114,3	150,4
Кемеровская область	2386	112,8	148,4
Республика Алтай	2261	106,9	140,6
Томская область	2182	103,1	135,7
Республика Хакасия	2073	98,0	128,9

Субъекты РФ, входящие в СФО	Число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек в 2012 г.	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек в 2012 г.	
		в % к показателю по СФО	в % к показателю по России в целом
Красноярский край	2061	97,4	128,2
Республика Тыва	1911	90,3	118,8
Новосибирская область	1902	89,9	118,3
Алтайский край	1752	82,8	109,0
Омская область	1538	72,7	95,6
Сибирский федеральный округ	2116	100,0%	131,6%

Анализ данных показывает, что в составе Сибирского федерального округа находятся два субъекта РФ с наиболее высоким уровнем преступности – Забайкальский край (2851 на 100 тыс. человек) и Иркутская область (2481 на 100 тыс. человек), которые занимают первое и второе места по данному показателю среди всех субъектов РФ. Самый низкий уровень преступности в СФО начиная с 2008 г. регистрируется в Омской области и составил в 2012 г. 1538 на 100 тыс. человек, что на 4,3% ниже общероссийского уровня и на 27,3% ниже показателя по Сибирскому федеральному округу в целом.

Аналогичная тенденция наблюдается относительно числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии. Так, в 2012 г. на территории СФО зарегистрировано 14271 преступление данного вида, что на 11,2% ниже значения 2011 г. В 2012 г. на СФО приходится 22,2% всех преступлений, совершенных несовершеннолетними в России, что является наибольшим значением среди всех федеральных округов. Подводя итог, можно сделать вывод: несмотря на выраженную тенденцию к сокращению количества преступлений и укреплению правопорядка, по состоянию на 2012 г. показатели преступности в СФО являются наиболее высокими среди федеральных округов и значительно превышают общероссийские значения.

Стратегия социально-экономического развития СФО

5 июля 2010 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1120-р была утверждена стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. Стратегия разработана с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и включает в себя территории всех 12 регионов Российской Федерации, включенных в состав СФО. Стратегической целью рассматривается устойчивое повышение уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа и доведение основных социально-экономических показателей СФО до среднероссийских значений. Сформировавшееся отставание многих показателей социально-экономической сферы СФО по сравнению с общероссийским уровнем связано с наличием специфических вызовов и угроз, которые приходится преодолевать в процессе развития Сибирского федерального округа. К таким вызовам относят резкие изменения цен на мировых рынках сырья, затрудняющие оценку перспектив экономического развития и снижающие инвестиционную привлекательность Сибири для частного бизнеса, суровые климатические условия, чрезмерная ориентация экономики на внешние рынки, неблагоприятная институциональная среда и транспортная удаленность от развитых регионов страны и мировых рынков.

Несмотря на это, к 2021 г. планируется провести модернизацию экономики на инновационной основе, завершить реализацию основных проектов транспортного и энергетического строительства, крупных ресурсных проектов, добиться создания комфортной среды жизнедеятельности населения. По сравнению с 2008 г. (в ценах 2008 г.) валовый региональный продукт увеличится в 1,6 раза, промышленное производство – в 1,45–1,55 раза, инвестиции – в 2,3 раза, заработная плата и среднедушевые доходы – почти в 1,8 раза. Доля инвестиций в валовом региональном продукте Сибири должна составить не менее 30%, численность населения должна возрасти на 600 – 800 тыс. человек.

Выводы

На основе исследований приходится сделать вывод, что развитие модернизационных процессов в Сибири характеризуется противоречиями развития информационной, социальной, производственно-технологической и экономической сфер. Неравномерность, нелинейность текущей модернизации в регионах СФО, её заметное отставание от общероссийских тенденций, а также выявленный в некоторых случаях модернизационный регресс, всё это дает повод задуматься о возможном откате сибирских регионов от вторичной модернизации к первичной, основывающейся исключительно на эксплуатации уже созданных ранее условий промышленной модернизации.

Таким образом, необходимо разработать и реализовать совершенно новое направление развития как всего Сибирского федерального округа, так и его отдельных регионов. Очевидно, существующая сегодня ситуация такова, что придётся, не ломая традиций, продолжать развитие существующей ныне ресурсно ориентированной экономики Сибири, но при этом придать ей максимально инновационный характер, с учётом всей специфики каждого из регионов. Данная территория в целом должна быть привлекательной для проживающего на ней населения, жителей других регионов России, которые, потенциально захотят стать сибиряками, а не только для выходцев из ближнего и дальнего Зарубежья.

Актуальна задача развития государственного и муниципального управления в Сибири. Имеющиеся попытки институционализации субъектов управления (Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) – добровольная организация межмуниципального сотрудничества городов Сибири и Дальнего Востока, образованная в 1986 г. в целях содействия социально-экономическому развитию муниципалитетов, организации местного самоуправления и межмуниципальному сотрудничеству [16]) лишь подчёркивают эту потребность. Разработанные программные документы развития Сибири (в первую очередь – Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. N 1120-р [17])) не находят должного воплощения ввиду отсутствия связи конкретных целевых показателей программы с бюджетом и, как следствие, финансовыми возможностями субъектов управления на местах. Нельзя назвать достаточной информационное обеспечение управления Сибирью (этим частично объясняется и сравнительно низкая транспарентность процессов принятия управленческих решений, их реализации, ответственности конкретных субъектов управления).

Недостаточная транспарентность управления порождает снижение вовлечённости субъектов предпринимательства, научных центров, институтов гражданского общества к управлению Сибирью, а это, в свою очередь, становится ограничением социокультурной модернизации Сибири, снижая востребованность её человеческого капитала, искажая систему ценностей, характер межличностных и социальных доверительных взаимоотношений.

Вместе с тем регион обладает высоким научным потенциалом (что выражается и в имеющихся научных центрах СО РАН, и в разработке учёными Сибири проектов развития отдельных отраслей, областей и региона в целом (включая имитационные и нормативные модели разного уровня пространственной иерархии [18]), и в участии крупнейших научных центров Томска, Новосибирска, Красноярска и Омска в федеральных и международных исследованиях, вырабатывающих стратегии развития. К сожалению, пока ни указанный потенциал, ни наличие научно обоснованных проектов, ни появляющийся опыт новых форм тер-

риториальной самоорганизации (включая названные выше программу [17] и ассоциации [16]) не востребованы в реальном управлении Сибирью в должной степени. Более того, Сибирь как единый объект управления не достаточно сформирован, что осложняет воплощение программы её развития.

Список литературы

1. Ефимов В. Мы её теряем // «Эксперт. Сибирь». №1(359). 24 декабря 2012 г. URL: <http://expert.ru/siberia/2013/1/>.
2. Ефимов В.С., Ефимов А.В. Макрорегион Сибирь в постсоветской России: анализ социально-экономических показателей // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 396 с.
3. Из Сибири в январе-июне уехало более 6 тыс. человек // Интерфакс Россия. – 2 сентября 2013 г. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/print.asp?id=429867&sec=1671&type=n>.
4. Иноземцев В.Л. Сибирь: от зависимой территории к новым горизонтам // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 10–39.
5. Красноярский край занимает, чтобы отдать // Российское информационное агентство Федерал Пресс. 17.09.2013. URL: <http://fedpress.ru/news/econom/reviews/1379420913-krasnoyarskii-krai-zanimaet-chtoby-otdat>.
6. Кравчук М. Мимо кассы. Красноярскому краю грозит дефолт? // Аргументы и факты и Енисее. 2013. №37. С. 22. URL: <http://www.krsk.aif.ru/money/law/102189>.
7. Лапин Н.И. О структурированности регионов России по их вовлечённости в процессы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»: 22–25 октября 2012 г. Уфа, АН РБ Гилем, 2012. С. 89–99.
8. Лапин Н.И. Через завершение трансформации – к интегрированной, социокультурно сбалансированной модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia 2013. 416 с.
9. Миграция населения Красноярского края в 2011 году // Бизнес портал Красноярского края. URL: <http://www.krasnoyarsk.biz/release/21133>.
10. Паспорт Сибирского федерального округа // Сибирский федеральный округ. Официальный сайт. URL: <http://www.sibfo.ru/passport/sfo.php>.
11. Попов А., Чернышов С. Нужен нацпроект // «Expert Online». 22 июня 2012. URL: <http://expert.ru/2012/06/22/im-nuzhen-natsproekt>.
12. Попов А., Чернышов С. Мёртвый восток // «Эксперт». №30–31 (861). 29 июля 2012 г. URL: <http://expert.ru/expert/2013/31/mertvuij-vostok/> (дата обращения: 27. 04. 2014).
13. Президент: подъем Сибири и Дальнего Востока – национальный приоритет на весь XXI век // ИТАР-ТАСС. 12 декабря 2013 г. URL: <http://itar-tass.com/politika/828512>.
14. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск – Фонд развития гражданского общества, август 2013а. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/27>.
15. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Второй выпуск. – Фонд развития гражданского общества, декабрь 2013b. URL: <http://civilfund.ru/mat/44>.
16. Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) // Официальный сайт Ассоциации. URL: <http://www.asdg.ru/about/>.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. №1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года».
18. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суспицын С.А. Сибирская школа региональных исследований в Программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы про-

странственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». URL: <http://ecsocman.hse.ru/region/msg/46435214.html>.

19. Информационная система «Модернизация». URL: <http://mod.vssc.ac.ru/>.

20. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». Официальный сайт. URL: <http://www.sibacc.ru/>.

21. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.): монография / отв. ред. А.В. Немировская. Красноярск: Сиб. Фед. ун-т, 2011. 222 с.

22. Богомазов К.И. Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона, Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и её регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013г.: в 3 ч. Ч. III. 252 с., ИСЭРТ РАН, Вологда, 2013. С. 3, 624–635.

V. S. Polovinko, Omsk

D. S. Ivanov, Omsk

THE FEDERAL DISTRICT OF SIBERIA: PRECONDITIONS AND CONDITIONS OF MODERNIZATION

The paper analyzes issues of social and cultural modernization in the regions of Siberian Federal District. Modernization processes are assessed using the methodology and analytical tools developed by the Center for the Study of modernization by the Chinese Academy of Science, adapted to Russian statistical data by the Centre for the Study of Socio-cultural Change by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, under the supervision of N.I. Lapin and L.A. Belyaeva. It is concluded that the currently the process of modernization is nonlinear and erratic in different regions of Siberia. Until now, this macro-region still serves mainly as a resource store for Russia, that makes the possibility of modernization throw-back more likely to happen.

Key words: regions, Siberia, socio-cultural characteristics, socio-cultural modernization, chronotypology of modernization.

УДК 316.422(470.5)

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304)

Исследуются процессы модернизации в Уральском федеральном округе (УФО, Россия). Показано, что модернизационные процессы в УФО отстают от среднероссийских темпов, но, как и в среднем по России, характеризуются опережением социальной составляющей. Продемонстрировано действие ряда институциональных ловушек. Основное противоречие текущего момента заключается в том, что регионы России, успешно развивающиеся в социоэкономическом и социокультурном пространствах, не являются таковыми в пространстве модернизационных изменений. Показаны оси торможения модернизации, дана характеристика факторов и эффектов. Использованы результаты социологических исследований, в регионах округа. Предложены этапы интегрированной модернизации регионов округа.

Ключевые слова: мониторинг, индекс, социокультурный, модернизация, ценности.

Общая характеристика федерального округа. В Уральский Федеральный округ (УФО) входят 6 субъектов Российской Федерации: Курганская, Свердловская, Челябинская, Тюменская области, и Ханты-Мансийский – Югра (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа. Административный центр УФО – город Екатеринбург.

Общая площадь территории округа составляет 1818,5 тыс. кв. километров, почти 11% площади Российской Федерации. По оценкам на 1 января 2012 г., в УФО проживает 12143,4 тыс. человек, что составляет 8,49% населения страны. Плотность населения в целом 6,7 на 1 кв. километр, наиболее плотно заселена Челябинская область (39,3 чел. на 1 кв.км.), а наименее заселен ЯНАО (0,7 чел. на 1 кв.км.), основная территория которого приближается к северному полярному кругу [9, с. 20].

Уральский округ отличается высокой урбанизированностью: во всех его регионах, кроме Курганской области, более 75% населения проживают в городах. Степень освоенности территории весьма различна; только Курганская и Челябинская область имеют более 100 км. асфальтированных дорог на 1000 квадратных километров территории.

В целом по округу резкий спад рождаемости, характерный для периода 1990–2000 гг., сменился постепенным ростом (+1,5 в 2012 г.), но этот рост обеспечивает только Тюменская область (включая северные территории).

Свердловская и Челябинская область, постепенно улучшая ситуацию с рождаемостью после 2000 г., так и не смогли выйти на нулевые темпы. Низкие темпы естественного прироста населения отчасти компенсируются миграцией. Однако миграционный прирост населения существенно варьирует как по годам, так и между территориями. Основные регионы, притягивающие миграцию – Югра, и ЯНАО. Курганская область год от года теряет население, все более ослабляя свой человеческий капитал: в 2012 г. коэффициент естественного прироста составил –2,9, коэффициент миграционного прироста (убыли) –97 на 10000 человек.

Основная доля доходов бюджета макрорегиона (до 65% ВРП) поступает за счет продажи нефти и газа, добываемых предприятиями Тюменской области, а продажа продукции предприятий ХМАО-Югры дает 36% ВРП.

Основные компоненты модернизации макрорегиона. Наши исследования являются частью исследовательских программ «Социокультурные портреты регионов России» и сопряжены с тематикой программы Президиума РАН: «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». При оценке темпов и характера модернизации мы опираемся на методику ЦИМ АНК, разработанную Центром исследований модернизации АН Китая [6] и адаптированную ЦИСИ Института философии РАН к особенностям российской статистики. Трансформационные процессы осуществляются в социокультурном пространстве, которое включает неоднородность как неотъем-

лемый признак. Сложность процессов модернизации требует выделения функционально-обусловленных компонент: технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционно-регулятивной.

Технико-технологическая компонента. Она тесно связана с характером природных ресурсов региона, а ее состояние определяет причины торможения модернизации в УФО.

УФО – один из самых богатых минерально-сырьевых макрорегионов России. В ХМАО-Югре и ЯНАО разведаны и осваиваются нефтяные и газовые месторождения, относящиеся к Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, в которой сосредоточено около 67% отечественных запасов нефти (6% – мировых) и 78% запасов газа (26% – мировых). Уральский округ располагает значительными запасами железных, титаномагнетитовых и медных руд, цветных, благородных и редких металлов, торфа, асбеста, нерудных строительных материалов, драгоценных и полудрагоценных камней. В макрорегионе сосредоточены около 10% общероссийских лесных ресурсов.

В Тюменской области более 60% основных фондов сосредоточено в добыче и транспортировке нефти и газа. Финансово-экономическая эффективность отрасли чрезвычайно высока, но высокий уровень ресурсной маржи недостаточно используется для развития современного типа производств с высоким уровнем добавленной стоимости. Сферы услуг и управления в регионе развиваются в 2000-е гг. экстенсивно.

В Челябинской и Свердловской областях, соответственно, более 20% и 16% основных фондов сосредоточены в обрабатывающей промышленности. В Курганской области не высок вклад обрабатывающей промышленности и услуг, регион находится в зоне рискованного земледелия, поэтому развитие современного сельского хозяйства требует огромных финансовых ресурсов, которых в регионе просто нет.

Развитие **социоэкономической компоненты** идет опережающими темпами.

Структура занятости в экономике Уральского округа достаточно стабильна, более половины работают в обслуживающих экономику и население отраслях (табл. 1), что на первый взгляд соответствует современной системе разделения труда. Однако, вклад этих отраслей в ВРП крайне неравномерен, поскольку несоизмеримо велик вклад нефтегазодобывающей отрасли; поэтому структура доходной части региональных экономик также неравномерна.

Таблица 1

Структура занятости по секторам экономики, % от всех занятых

	Сельское, лесное, рыбн. хозяйство, добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства, энергетика, строительство		Торговля, услуги, социальная сфера и управление	
	2005 г.	2012 г.	2005 г.	2012 г.	2005 г.	2012 г.
Уральский ФО	12%	11%	30%	27%	58%	62%
Курганская область	18%	14%	21%	21%	61%	65%
Свердловская область	8%	6%	32%	29%	60%	65%
Тюменская область	18%	19%	26%	24%	56%	57%
в том числе:						
ХМАО – Югра	19%	22%	26%	23%	55%	55%
ЯНАО	23%	24%	32%	33%	45%	42%
Челябинская область	9%	8%	34%	30%	57%	62%

Источник: [9, с. 94–102]

В Тюменской области в целом, вместе с автономными округами, до 14% занятых приходится на добывающую промышленность (в ХМАО 21% и ЯНАО 20%). Тюменская область без автономных округов, или юг ТО – это скорее сервисный регион, традиционно развивавшийся как управленчески-транспортная зона, служит дополнением к северным нефтегазодобывающим провинциям, поэтому здесь доминируют бюджетные сферы, слабо развита промышленность. Российская специфика проявляется и в том, что среди предприятий, осу-

ществляющих экономическую деятельность в нефтегазодобывающих регионах (включая ХМАО, ЯНАО), очень малая часть зарегистрированы в Тюменской области, т.е. налоги с их доходов не попадают в бюджет области.

Тем не менее, сильная сторона юга Тюменской области – относительно высокий (по среднероссийским меркам) уровень бюджетной обеспеченности, и как следствие – наличие потенциала вторичной модернизации, но – экзогенного типа. То есть наблюдаются высокие темпы распространения заимствованных инноваций в сфере потребления, при практически отсутствующей инновационной активности экономических агентов.

Северные нефтегазодобывающие провинции (ХМАО-Югра и ЯНАО) аккумулируют как самые сильные стороны российской экономики и политики, так и все «больные вопросы», – признаки «голландской болезни». Под «голландской болезнью» понимают значительную дифференциацию благоприятности экономических условий для разных секторов как следствие роста экспортных доходов за счет добывающего сектора экономики. «Голландская болезнь» приводит к снижению темпов развития экономики вследствие перемещения ресурсов из обрабатывающего сектора в сырьевой и сервисный, которые создают меньшую величину добавленной стоимости [8]. В северных регионах УФО высокий уровень доходов работников нефтегазодобывающей отрасли сочетается с явной недообеспеченностью работников сопутствующих отраслей, рост потребительского спроса сочетается с отсутствием реальных драйверов научно-технического прогресса. Пространственное развитие отягощается и специфическими проблемами, поскольку это северные территории, часто труднодоступные, с тяжелыми климатическими условиями, с чрезвычайно высокими издержками освоения, как для людей, так и в целом для экономики [11, с. 21–39].

В ХМАО-Югре, регионе с высоким уровнем ВРП на душу населения (\$39417 в 2010 г., т.е. более 100% от стандарта), не реализована структурная модернизация в силу нефтегазодобывающей специфики региона. Сырьевые отрасли экономики не приспособлены к производству инноваций, в лучшем случае они выступают потребителями инноваций обрабатывающих отраслей. Наилучшими эффектами для модернизации России обладает политика ориентации добывающих отраслей на инновационную продукцию отечественного производителя, однако, данной продукции на рынке либо практически нет, либо она не конкурентоспособна по соотношению цена/ качество. Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП в Югре к 2010 г. достигла 26%, что составляет 47,8% от стандарта развитых стран по индексу первичной модернизации. Поэтому первичная модернизация в регионе не завершена, а уровни показателей, входящих в индекс интегрированной модернизации, разбалансированы, [10, с. 255–260].

Вместе с тем, в ЯНАО, где отраслевая специфика и все сопутствующие проблемы выражены наиболее ярко, доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП к 2010 г. достигла 34%, что составляет 75,6% от стандарта развитых стран по индексу первичной модернизации, а уровень сбалансированности составляющих индекса интегрированной модернизации выше среднего.

Денежные доходы населения росли практически пропорционально во всех регионах. Лидером оставался ЯНАО, что обусловлено не только нефтегазовыми доходами, но и северными надбавками к оплате труда. Югра, несколько отставая по темпам в период после 2008 г., остается на втором месте. В этом регионе также выплачивается северный коэффициент к оплате труда, но он несколько ниже, чем на крайнем севере. Самый низкий уровень доходов населения для УФО – в Курганской и Челябинской областях.

Вновь отметим, что *Курганская область* не имеет собственных ресурсов для развития и не получает достаточных ресурсов извне. Здесь самые низкие показатели по ВРП на душу населения: в 2010 г. \$ 3806US, или 47,6% от стандарта развитых стран, ожидаемая продолжительность жизни 67 лет, мало развита промышленность, а доля государственной и муниципальной собственности составляет, соответственно, 7% и 14%; 3,5% занятых – это чиновники (самая высокая доля в УФО).

В Челябинской области ВРП на душу населения в 2010 г. достиг \$ 5365 US, или 67,1% от стандарта развитых стран, а ожидаемая продолжительность жизни 68 лет.

Социокультурная компонента (в особенности образование как составляющая человеческого капитала) является необходимой предпосылкой и важным ресурсом модернизации.

Население рассматривает образование, прежде всего, как основной ресурс социальной мобильности. Д.О. Попова на основании расчетных моделей показала, что фактор образования (наряду со статусом занятости) попадает в число основных, определяющих динамику неравенства домохозяйств по доходам, но региональный фактор выше этих двух факторов по значимости более чем в два раза. Однако самые высокие темпы роста за постсоветский период имел фактор «уровень образования», вес которого увеличился почти в 5 раз, [7, с. 22].

Если судить по данным об уровне образования, культурный потенциал населения более быстрыми темпами накапливался в наиболее ресурсообеспеченных регионах – в Свердловской, Челябинской и на юге Тюменской области, которые выступали образовательными донорами для северных нефтегазодобывающих регионов. Эти темпы были столь высоки, что в 2005 г. дипломы с высшим образованием получило почти 100% от выпуска школ 2000 г., в 2010 г. эта доля составила 79% для всего УФО.

Особенности социокультурного пространства регионов характеризуются в первую очередь оценками *защищенности человека* от главных проблем-опасностей.¹ Среди проблем-опасностей для населения в Челябинской и Свердловской областях первенство удерживает *преступность*, как и в среднем по России. Далее по рейтингу значимости идут бедность, произвол чиновников, экологическая угроза.

Более высокий, чем в среднем по России, уровень развития социальной сферы в Тюменской области сопровождался быстрым развитием сферы управления; общий уровень незащищенности в регионе снижался, и *произвол чиновников* вышел на первое место в рейтинге индексов незащищенности. Далее по рейтингу незащищенности идут преступность, бедность, экологическая угроза. Но общий уровень незащищенности по этим четырем проблемам-угрозам в Тюменской области ниже общероссийского (60% в 2010 г. против 65% в 2006 г.), достигнув 42% в ХМАО-Югре, 46% в ЯНАО и 47% на юге Тюменской области, причем он снизился в динамике по сравнению с 2006 г. на 6%, тогда как в Свердловской и Челябинской областях этот показатель равен 54% и 58% соответственно.

Удовлетворенность своей жизнью в целом, в Тюменской области, как и во всех её субрегионах, находится в зоне положительных оценок (60% и более). С 2006 по 2009 г. эти оценки перешли из зоны неопределенности (когда доля позитивных оценок примерно равнялась доле негативных оценок) в зону определенной положительности. Далее в 2011 г. наблюдалось существенное (на 5% пунктов) снижение удовлетворенности своей жизнью в целом для всех трех субрегионов Тюменской области, которое, впрочем, было почти полностью восстановлено в 2013 г. Наиболее критично оценивают свою жизнь в жители Свердловской области, тогда как жители Челябинской области в среднем дают самые высокие оценки удовлетворенности своей жизнью.

Чем это можно объяснить? *Социальное самочувствие* – интегральный показатель качества жизни, он отражает весь комплекс проблем, существующих в данной местности. В России, как стране, находящейся в стадии начала вторичной модернизации, более развитые в экономическом отношении регионы находятся в транзитивном состоянии, когда обостряются внутренние противоречия, происходит более существенное расслоение населения по социально-экономическому положению, что неизбежно отражается на социальном самочувствии, протестной и политической активности. Жители более развитых регионов менее патерналистски настроены, создаются предпосылки для формирования гражданского обще-

¹ Далее мы используем данные социологических опросов, проведенных в 2006-2013 гг. в Тюменской [10; 11], Свердловской [1, с. 47–51], Челябинской областях [12, с. 266–286] научными коллективами этих регионов. Мы благодарны им за предоставленные данные.

ства. Однако россиянам предстоит пройти еще большой путь в направлении формирования современного модернизированного уклада социальной жизни.

Культурный капитал населения растет гораздо медленнее, чем общий уровень образования, другие социально-экономические показатели. В период после 2000 г. почти в 2 раза выросла численность исследователей с учеными степенями, однако прием и выпуск в докторантуру и аспирантуру, посещаемость театров и библиотек, музеев практически не выросли, а кое-где и снизились.

В Челябинской и Свердловской областях работают Уральский федеральный университет, Южно-Уральский национальный исследовательский университет, но пока отдача от огромных финансовых вложений в них весьма скромна. По *научному потенциалу* Свердловская и Челябинская области выделяются в УФО, но это, скорее, лидерство среди аутсайдеров, нежели реальное научное лидерство на уровне мировых стандартов [5, с. 13–96]. Входящие в Тюменскую область ХМАО, ЯНАО и сервисный субрегион – юг Тюменской области объективно не могут отойти от своей сырьевой специализации. В этих регионах высокий уровень экономической активности определяется, во-первых более молодым, чем в среднем по России, населением, и во-вторых, низким уровнем безработицы, к тому же сформировался высокий образовательный уровень рабочей силы. Но имеющийся потенциал либо не реализуется, либо реализуется слабо.

Так, почти не используются современные технологии добычи и транспортировки нефти и газа, нарастает эффект старения основных фондов. Слабо используется эффект масштаба от объединения кластеров экономики посредством четких логистических цепочек, обеспечивающих перенос капиталов, товаров и знаний не только внутри регионов, но и между соседними регионами. Этому мешают чрезмерная централизация, особенно усилившаяся в последние 5 лет; сетевая экономика, как база экономики знаний, в таких условиях просто не может развиваться. И неизбежно все связи принимают центростремительный (центробежный) характер (Москва-регионы). На фоне таких взаимоотношений усиливаются патерналистские ожидания населения по отношению к власти, слабеет экономическая мотивация.

Например, в Тюменской области число желающих работать на предприятиях, находящихся в чьей-то частной собственности, к 2013 г. стало в четыре с лишним раза меньше, чем фактически работающих на таких предприятиях. Число желающих иметь собственный бизнес и в нем работать также снизилось в 2006–2013 гг. с 26% до 15%. Тогда как на предприятиях с участием государства в 2013 г. по-прежнему хотели бы работать 46% (в 2006 г. – 45%).

Структура *ценностных ориентаций* населения медленно и не поступательно, но меняется: происходит переход от архаической ценностной структуры к современной, соответствующей тенденциям мировой цивилизации [методика оценки см. 2, с. 18–20]. Ценность *жизни человека* для жителей всех регионов УФО входит в интегрирующее ядро, далее идут – *семья, общительность и порядок*.

Например, в Тюменской области (ТО-в целом) уровень поддержки *жизни человека* колеблется в динамике, например, 4,63↘4,51↗4,63 в 2006–2009–2013 гг., снижаясь для старшей возрастной когорты.

Традиционные ценности (семья, традиция, жертвенность) существенно повышаются в своей значимости для более старших возрастных когорт. Интегрирующий резерв в УФО несколько отличен от среднероссийской ситуации: благополучие, независимость, работа, свобода, традиция. *Инициативность* для всех регионов УФО имеет 10-й ранг, т.е. находится в оппонирующем дифференциале, и его поддержка практически не изменяется в динамике. Выросла поддержка ценности *работы* (7-й ранг).

Молодые несколько больше поддерживают ценности инициативности, властности и своевольности. Отметим резкий рост ценности *свободы* для когорты 35–39 лет (4,36 при среднем уровне 4,17 в ТО) и низкий уровень ее важности для когорты 18–19 лет (3,91 в ТО). Рейтинг ценности свободы снижается с возрастом (6 место для тех, кому менее 30 лет и 7 место для более старших) и в динамике по всей выборке, переместившись в 2009–2013 гг. с 6-го на 8-е место. *Порядок*, который в 2009 г. находился по уровню поддержки в интегриру-

ющем резерве, в 2013 г. поднялся в интегрирующее ядро для всех возрастных групп, его уровень поддержки также растет с возрастом (4,46 для респондентов моложе 50 лет и 4,53 для более старших поколений в ТО). И напротив, такие модернизационные ценности, как жизнь человека и его независимость, практически не связаны с возрастом.

Можно предположить, что модернизационный переход связан с ростом терминальной ценности «жизнь человека» и инструментальных – его общительности и независимости. Последним двум противостоят в сознании властность и своевольность, оставаясь самыми отрицательными ценностями из рассмотренных. Из инструментальных ценностей в ядро попала только общительность, независимость находится в интегрирующем резерве, а инициативность находится все еще в оппонирующем дифференциале.

Анализ трансформаций ценностной структуры демонстрирует две противоположные тенденции: модернизация базовых ценностей тесно связана с межпоколенным переходом, но темпы модернизации снижаются и после 2009 г. по ряду позиций повышается значимость традиционных ценностей. Так, в 2013 г. выросла ценность порядка, традиции, независимости, и снизилась ценность благополучия и свободы.

Институционно-регулятивная компонента модернизации имеет наиболее противоречивый характер.

С одной стороны, макрорегион относится к экономически благополучным, региональные практики управления достаточно современны, активно происходят институциональные изменения, заметна общественная жизнь в крупных городах.

С другой стороны, не все региональные управленческие практики имеют позитивный эффект, а скорее проявляются как адаптация к чрезмерной волатильности институциональной среды. Так, в первом десятилетии 21 века в УФО наблюдается рост дисперсии межрегиональных различий в доходах населения и быстрая конвергенция по доле населения, проживающего ниже прожиточного минимума (ПМ) в регионе.

Однако это снижение обусловлено главным образом манипулированием величиной ПМ, которая не связана со среднедушевыми доходами и величиной з/платы в регионе. Так, в 2011 году самый низкий уровень ПМ был установлен в ХМАО-Югре, регионе с самым высоким уровнем з/п и самым высоким уровнем ВРП. Такое поведение региональных властей понятно, если учесть, что регион кормит себя сам, и дотации бедным регион выплачивает самостоятельно. Дотационные регионы завышают величину ПМ в расчете на трансферты из федерального бюджета. Например, в Курганской области, величина ПМ одна из самых высоких в УФО. По данным 2000 г. 50% населения Курганской области имели уровень дохода ниже величины ПМ, уже в 2005 г. достигнут был показатель 30%, и далее, достигнув к 2009 г. уровня 17–18% практически не менялась доля населения с доходами ниже величины ПМ. Челябинская область – другой экстерналий. Регион относится к дотационным, поэтому выгодно иметь высокую долю населения с доходами ниже ПМ (31% в 2000 г. и 11% в 2011 г.).

Чрезмерная ориентация региональных властей на непрерывно меняющиеся из федерального центра правила игры есть действие институциональной ловушки, когда важны не реальные результаты управления, а их оценка «сверху». Только за период после 2005 г. состав критериев оценки качества работы губернаторов, как лидеров регионов, менялся каждые два года, и число оцениваемых критериев с 30 показателей (так называемый «список Козака») вырос до 273 [4].

Другая институциональная ловушка связана с непрерывным ростом численности чиновников, вплоть до 2009 г. В УФО к 2009 г. насчитывалось 140923 чиновников в 2009 г., что составило 142% от уровня 2000-го года. После 2009 г. наметилось медленное снижение, и к началу 2013 г. составило 133% от уровня 2000 г. или 1,1% от всей численности населения. Около половины из них – работники исполнительных органов власти регионального уровня, еще около 40% – контролирующие их деятельность чиновники федерального уровня.

Эволюция комплексных состояний (типов) модернизированнойности регионов Уральского федерального округа. Напомним, что комплексность этих состояний заключается в том, что они учитывают параметры обеих стадий модернизации (первичной, ПМ и

вторичной, ВМ) в их статике (уровни) и динамике (фазы) [3, с. 22–24]. На рис.4 приведены карто-схемы, отражающие динамику этих состояний (типов) модернизированности регионов УФО. Самую успешную стратегию модернизации демонстрирует Свердловская область, которая быстро поднялась из фазы зрелости первичной модернизации с уровнем выше среднего (2000 г., тип 3) в фазу начала вторичной модернизации уже (2005, тип 5) и устойчиво сохранила это достижение к 2010 г.

ХМАО-Югра и ЯНАО все 10 лет практически застыли в подготовительной фазе вторичной модернизации (при незавершенности первичной модернизации (тип 4).

Челябинская и юг Тюменской области в 2000 г. находились в фазе зрелости ПМ, на уровне ниже среднего (тип 2), а с 2005 г. достигли уровня выше среднего (тип 3).

Курганская область в 2000–2005 гг. находилась в начальной фазе первичной модернизации, тип 1), но к 2010 г. вошла в фазу зрелости ПМ, при уровне ниже среднего (тип 2).

В целом по УФО, из 15 показателей индекса реализации ВМ, два показателя (доля городского населения, число врачей) к 2000 г. превысили средний уровень развитых стран, но остальные 13 не высоки.

По показателю *качества экономики* УФО не достигает среднероссийского уровня. Если в 2000 году индекс качества экономики равнялся 43,9, то в 2010 г. – 46,9, что ниже стандарта развитых стран более чем в два раза. Наиболее выгодное положение занимает Тюменская область, за счет нефтегазодобывающих провинций – ХМАО и ЯНАО, что связано с высоким уровнем ВРП на душу населения. Но на юге области этот показатель существенно ниже – 50,9%.

2005 г.

2010 г.

2000 г.

**ДИНАМИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ
 УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (2000 - 2010 гг.)**

ПМ : начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный Тип 1 (1; 1; 0)	ПМ : зрелость; ниже среднего Тип 2 (2; 0; 1)	ПМ : зрелость; средний, выше среднего Тип 3 (1; 2; 2)	ВМ : подготовка; все средние Тип 4 (2; 2; 2)	ВМ : начало; высокий, выше среднего, средний Тип 5 (0; 1; 1)	ВМ : рост; высокий, выше среднего Тип 6 (0; 0; 0)
--	---	--	---	---	--

Примечание: В скобках указана численность регионов федерального округа, относящихся данному типу модернизации в 2000, 2005, 2010 гг. соответственно.

Обозначения: ПМ - стадия первичной модернизации, ВМ - стадия вторичной модернизации. После (:) - фазы стадий модернизации, после (;) - уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1. Ярославская, 2. Костромская, 3. Ивановская, 4. Владимирская, 5. Рязанская, 6. Тамбовская, 7. Пензенская, 8. Мордовия, 9. Нижегородская, 10. Чувашия, 11. Ульяновская, 12. Марий-Эл, 13. Самарская, 14. Удмуртия, 15. Татарстан, 16. Башкортостан, 17. Челябинская, 18. Курганская, 19. Кемеровская.

Карто-схемы модернизированности регионов УФО (хронологически карты расположены по часовой стрелке: слева снизу вверх направо: 2000, 2005, 2010 гг.).

Основные ограничения в области **качества жизни**: невысокая ожидаемая продолжительность жизни, высокий уровень младенческой смертности. Самый низкий показатель качества жизни отмечается в Курганской области. Особенно удручает здесь высокая младенческая смертность. В ЯНАО очень низкий уровень индекса инноваций в знаниях, что вполне объясняется сырьевой специализацией региона, но относительно невысокое значение индекса качества жизни также связано с высоким уровнем младенческой смертности. Этот показатель существенно улучшен на юге Тюменской области и еще более благоприятен в ХМАО – выше международных стандартов.

Отметим высокие темпы роста энергетической эффективности, к 2010 г. в УФО почти достигнут уровень развитых стран (98,9% – рост на 23,3% за 10 лет). Специалисты отмечают, что повышение энергоэффективности в России на 1% даст прирост ВРП на 0,35% – 0,40% , что свидетельствует о важности этого показателя для развития страны [4].

Наиболее плачевная ситуация сложилась в сфере инноваций в знаниях (175 жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек, что составило 23,5% от уровня развитых стран, доля затрат на НИОКР 0,67 от ВРП, или 27,9% от уровня развитых стран).

В относительно богатой Тюменской области, несмотря на значительный рост индекса трансляции знаний (46,8; 97,1 и 101,1 на юге ТО, в ХМАО и ЯНАО в 2010 г.), более высокий уровень образования населения, значимого роста инновационной активности не происходит, индекс инновации в знаниях к 2010 г. достиг уровня 4,2; 12,5 и 46,8 в ЯНАО, ХМАО-Югре и на юге Тюменской области соответственно. Индекс инноваций в знаниях снизился в Свердловской области с 63 до 51,9, в Челябинской – с 53,9 до 50,2, а в Курганской – с 21,4 до 13,1.

Несбалансированность процессов модернизации регионов

В таблице 2 отражены векторы динамики состояний модернизированности регионов УФО и несбалансированность их составляющих на основе интегрированного индекса двух стадий модернизации – первичной и вторичной.

Таблица 2

Векторы динамики состояний (типов) модернизированности регионов и несбалансированность их составляющих. Регионы Уральского Федерального округа

Регионы	Динамика состояний типов модернизированности			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
Быстрый переход к ВМ (к типу 5, фаза развития). Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	3	5	0,537	ВС	эк, зн.	соц.
Свердловская обл.	3	5	5	0,251	НС	эк, зн.	соц.
Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала) . Опережает социальная составляющая							
Уральский ФО	2	4	4	0,238	НС	эк, зн.	соц.
Застой в подготовительной фазе ВМ (тип 4). Отстает когнитивная составляющая							
ХМАО-Югра	4	4	4	0,170	Н	зн.	эк.,соц.
ЯНАО	4	4	4	0,217	НС	зн.	эк.,соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
Застой в фазе зрелости ПМ (тип 3). Отстают экономическая, когнитивная составляющие							
Юг Тюменской области	2	3	3	1,007	В	эк.,зн	соц.
Челябинская обл.	2	3	3	0,183	НС	эк.	соц.,зн.
Заторженное повышение ПМ (тип 2, фаза роста). Опережает социальная составляющая							
Курганская обл.	1	1	2	0,201	НС	эк.,зн.	соц.
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ–интегрированный индекс сбалансированности модернизации, найдена как величина, обратная сумме квадратов отклонений субиндексов от ИИМ $\{(1/\sigma)*100\}$. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Сегодня становится очевидным, что торможение модернизационных процессов в субъектах УФО имеет два контекста. Во-первых, **половина регионов остаются на стадии первичной модернизации**. Из них самая отстающая Курганская область с опозданием поднялась из типа 1 в тип 2 и имеет высокую несбалансированность составляющих: экономическая и когнитивная составляющие заметно отстают от социальной, которая опережает их за счет достижений советского времени и общей социальной политики федерального центра. Это регион с традиционным укладом, с большой долей сельского хозяйства в ВРП, существенно зависимый от потребления его продукции соседними промышленными регионами, с высоким уровнем безработицы и низким уровнем доходов населения. Юг Тюменской области и Челябинская область достигли фазы зрелости ПМ, но не могут преодолеть барьеры входа в завершающую ее фазу. На юге Тюменской области достигнут наивысший уровень сбалансированности интегрированного индекса модернизации, но общий уровень ее развития невысок.

Во-вторых, **другая половина регионов вошла в стадию вторичной модернизации, но нефтегазодобывающие автономные округа остаются в низшей, подготовительной ее фазе**. Формально высокий уровень образования не подкрепляется показателями качества экономической и инновационной активности. То есть имеется определенная девальвация высшего образования, особенно заметная в регионах с высоким уровнем дохода. Лишь Свердловская область достаточно быстро вошла в фазу развития ВМ, став в Уральском округе лидером модернизации промышленного типа. Свердловская область отличается самым высоким в макрорегионе уровнем политической и гражданской активности, высоким уровнем интеллектуального потенциала. Торможение вторичной модернизации вызван недостаточным качеством управления в регионе, недостаточностью системных действий.

Территориальными аттракторами накопления выступали нефтегазодобывающие провинции, не приспособленные к развитию современных сфер производства. Опережение социальной составляющей не подкреплялось, или слабо подкреплялось развитием когнитивной компоненты, а в регионах со слабым производственным потенциалом (Курганская область) или низкоэффективной структурой промышленности (Челябинская область) – экономической компоненты. Препятствия в развитии экономики знаний не могут быть преодолены директивно-нормативным путем, стихийные последствия отставания в этой сфере будут только нарастать.

Энергосырьевой вариант развития поддерживается комплексом интересов властных элит, промышленных и инфраструктурных секторов экономики, основанных на сформировавшихся цепочках распределения ренты. В сложившихся условиях преодолеть инерцию энергосырьевого развития становится практически невозможно. Из представленной логики следует вывод: переход к развитию, основанному на инновациях, может начаться лишь при значительном сокращении объемов природной ренты или при ее перераспределении в национальных интересах.

Следует особо подчеркнуть, что модернизация либо вообще не будет осуществляться (в наиболее депрессивных регионах), либо ее темпы будут замедляться. Вогнутость кривой фазовых переходов регионов УФО, как основных регионов энергозависимой экономики России, показывает замедление темпов. И это происходит несмотря на то, что Россия остаётся одной из ведущих энергетических стран мира, цены на нефть в истекшем десятилетии несколько раз побивали исторические максимумы.

Возможные этапы интегрированной модернизации регионов

Для определения приоритетов дальнейших действий властей в регионах УФО перспективна *стратегия поэтапной интегрированной модернизации*, то есть координированной взаимосвязи развития двух ее стадий для получения синергетического эффекта. Можно предположить такие ее этапы.

В начале **этапа 1** целесообразно сосредоточить финансовые ресурсы и организационные усилия на максимальном использовании сильной стороны *Курганской области* (потенциала размещения производства) и реализовать ее конкурентные преимущества – относительно низкую требовательность и высокую емкость рынка труда, наличие логистических цепочек как с

традиционными рынками сбыта, которые граничат с областью, так и с северными нефтегазодобывающими регионами. Приоритеты этого этапа – преимущественно стимулирование роста и развития реиндустриализации. Здесь предстоит также сформировать экономическую среду, создающую предпосылки для дальнейшего развития. Все это должно помочь региону войти в третью фазу – фазу зрелости ПМ – и создать перспективу перехода к ВМ.

В следующей фазе этапа 1 желательно нарастить инвестиции в развитие экономической составляющей *Челябинской области* и юга *Тюменской области*, а также в развитие их когнитивной составляющей, чтобы повысить плотность и качество их социокультурной инфраструктуры, помочь им преодолеть барьеры четвертой, переходной фазы ПМ и войти в фазу начала вторичной модернизации. Приоритетом развития этих регионов является содействие завершению реиндустриализации и одновременно переходу к информационной модернизации. В Челябинской области в основном расположены предприятия металлургической и машиностроительной промышленности, ориентированной на ВПК еще с советских времен. Эти крупные в прошлом, и низкоэффективные предприятия существенно зависят от внешнеэкономической ситуации, имеют очень низкие показатели энергоэффективности, и невысокий уровень заработной платы работников. Модернизация реального сектора экономики Челябинской области фактически не была проведена, поэтому в последние годы происходит торможение темпов экономического развития, даже по среднероссийским меркам. Качество управления в Тюменской области несколько выше, поэтому регион отличается самым высоким уровнем сбалансированности компонентов индексов, наименее волатильным характером экономического развития, высоким уровнем социального самочувствия. Основная проблема Тюменской области – чрезмерная доля бюджетного сектора. Такой перекоп создает ограничения для инновационного развития.

На **этапе 2** необходимо увеличить долю доходов *ХМАО-Югры* и *ЯНАО*, направляемых на преодоление энергосырьевой ограниченности их производства и на развитие высокотехнологичных отраслей, в том числе при технологической поддержке предприятий Свердловской области. Это позволит автономным округам завершить предварительную фазу ВМ и войти в ее начальную фазу. Управленческая политика в северных автономных округах все послереформенные годы имела ярко выраженный социальный характер, поэтому социальные индексы, индексы качества жизни высоки.

Отчасти одновременно с первыми двумя этапами целесообразно осуществлять проекты по развитию логически следующего **этапа 3**, основным актором которого является модернизационный лидер УФО – *Свердловская область*: необходимо повысить роль когнитивной составляющей модернизации этого региона и тем самым помочь ему повысить состояние модернизованности до типа 6 (аналогично Санкт-Петербургу, Московской области и Москве).

Для этого требуется дальнейшее разгосударствление экономики округа, создание в ней реальной конкурентной среды, повышение уровня координации межрегиональных взаимодействий.

Список литературы

2. Кох И.А. Социокультурное развитие малых городов // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: материалы Тюменского социологического форума 15–16 октября 2009 года / Тюмень. 2009.
3. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона. / Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та. 2007.
4. Лапин Н.И. Хронотипология комплексных состояний (типов) модернизованности регионов // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013.
5. Минрегион. Доклад об эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2012 года. URL: <http://www.minregion.ru/uploads/attachment/c9ae11ac-3433-48af-8062-1ad0af464cdf.pdf>.

6. Научный потенциал вузов Уральского федерального округа. 2012 / под ред. А.О. Ладного. СПб.: СПбГЭТУ, 2013.
7. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Чуаньци Хэ; русский пер. под ред. Н.И. Лапина. М., Весь мир, 2011.
8. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. №3.
9. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Изобилие природных ресурсов, политическая коррупция и неустойчивость демократии // Препринт НИУ ВШЭ. № WP/2007/073. М.: НИУ ВШЭ, 2007.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2013.
11. Ромашкина Г.Ф., Тарасова А.Н. Оценка стадий и фаз модернизации на примере Тюменской области. Казанская наука. 2012. №6.
12. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011.
13. Терещук Е.А., Иванов О.П., Зырянов С.Г. Инновационные аспекты развития индустриальной модернизации уральского региона (Челябинская область) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2013.

G. F. Romashkina, Tyumen

THE PROCESS OF MODERNIZATION IN URAL FEDERAL DISTRICT

The processes of modernization in the Urals Federal District (Russia). It is shown that modernization processes behind the national average rates, but as the average in Russia, characterized by advancing social component. Demonstrated effect of institutional traps. The basic contradiction of the current moment is that the regions of Russia, successfully developing in the socioeconomic and socio-cultural spaces, are not those in the space of modernization changes. Showing axis braking upgrades, the characteristic factors and effects. Used the results of sociological research. Proposed steps integrated modernization of the Urals Federal District.

Key words: monitoring index, socio-cultural, modernization, values.

УДК 332.1 (470.5)

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ: ВЫЗОВЫ РЕСУРСНОГО ТИПА РАЗВИТИЯ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304)

Проведена характеристика типов модернизации регионов Уральского Федерального округа. Методологически работа основана на концепции проекта «Социокультурные портреты регионов России». Тюменский коллектив принимает участие в этом проекте с 2005 г. Для анализа привлечены данные социологических опросов, проведенных в период 2006–2013 гг. в Тюменской области (2006, 2009, 2011 и 2013 гг.), Свердловской области (2008 г.), Челябинской области (2011 г.), проведенные самостоятельными исследовательскими коллективами. Показаны основные проблемы-вызовы, обусловленные тем, что развитие макрорегиона по-прежнему происходит с опорой на ресурсы третьего технологического уклада. В итоге накопление человеческого капитала притягивается к регионам с экономикой максимального ВРП, не подкрепляются накоплением других видов капитала а процессы модернизации более успешно происходят не в тех регионах, где формируется основа ВВП.

Ключевые слова: социокультурный мониторинг, регион, модернизация, ценности.

Методологически работа основана на концепции проекта «Социокультурные портреты регионов России» [3, с. 162]. Тюменский коллектив принимает участие в этом проекте с 2005 г., за этот период было проведено 4 волны исследования: 2006 г. (4000 респондентов), 2009 г. (4510 респондентов), 2011 г. (5567 респондентов) и 2013 г. (3054 респондентов)¹. Выражаем благодарность за методолого-методическую поддержку сотрудникам Центра исследования социокультурных изменений ИФ РАН (и лично Н.И. Лапина и Л.А. Беляеву), фонд РГНФ и Тюменскую областную Думу за финансовую поддержку проектов, а также коллег – участников смежных проектов, предоставивших нам возможность работать с совместимыми базами данных. Привлечены результаты исследований, проведенных Свердловским коллективом² [1] и Челябинским коллективом³ [7]. Впоследствии анализ модернизации регионов проводился с привлечением методики Центра исследования модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК), [4].

Уральский федеральный округ (УФО) – один из самых богатых минерально-сырьевых регионов России. УФО находится в самом центре России, включая в себя 6 субъектов Российской Федерации: 4 области (Свердловская, Челябинская, Курганская, Тюменская) и 2 автономных округа (Ханты-Мансийский – Югра (ХМАО-Югра), Ямало-Ненецкий (ЯНАО)). Общая площадь территории округа составляет 1818,5 тыс. кв. километров, почти 11% площади Российской Федерации. Административный центр УФО – город Екатеринбург. По

¹ Выборка репрезентирует население юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-ненецкого округа по половозрастной структуре сельского/городского населения с ошибкой не выше 3%. В 2013 г. на юге области – 1271 респондентов; ХМАО – 1301 респондентов; ЯНАО – 482 респондентов. В целом по области было опрошено 47,2 % мужчин и 52,8 % женщин, 22% и 78% сельского и городского населения (на юге ТО, ХМАО и ЯНАО доля сельского населения составила 39,3%, 6,5 % и 17,8 % соответственно). По уровню образования 27% среднее и ниже среднего, 38,8% начальное профессиональное и среднее специальное, 3,5% незаконченное высшее, 26% высшее и послевузовское. В разрезе субъектов Российской Федерации ошибка выборки – 2,8%, 2,8% и 4,5% по югу, ХМАО и ЯНАО соответственно. Характеристика выборки 2006-2011 гг. см., например, [6, с. 284–339].

² В Свердловской области исследование было проведено в 2008 году, опрошено 1004 человек, 46% мужчин, 54% женщин, выборка нерепрезентативна по половозрастной структуре населения с учетом типов населенных пунктов, поэтому возможности для межрегиональных сравнений по данной выборке ограничены.

³ В Челябинской области исследование проведено в 2011 г., опрошено 1000 человек, 43% мужчин, 57% женщин, выборка репрезентативна по половозрастной структуре населения с учетом типа населенного пункта.

оценкам на 1 января 2012 г., в УФО проживает 12143,4 тыс. человек, что составляет 8,49% населения страны, см. табл.1.

Главными особенностями географии ресурсной базы УФО являются:

- неравномерность в размещении ресурсов по территории с тяготением промышленных ресурсов к Свердловской и Челябинской областям, нефтегазовых ресурсов в ХМАО и ЯНАО и сельскохозяйственных – к Курганской и Тюменской (юг) областям;
- несовпадение ареала основного размещения производительных сил и расселения людей;
- существенная концентрация главных видов промышленных ресурсов на небольшом числе их источников, а плодородных земель – на очень малом ареале территории, причем основная часть сельскохозяйственного производства размещена на территории высоко рискованного земледелия.

Таблица 1

Население УФО, заселенность и освоенность территории на конец 2012 г.

Регионы	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, на 1 кв. км	Средн. возраст населения	Доля город. населения	Км. дорог на 1000 кв.км. территории	Коэффициент естеств. прироста на 1000 чел.	Число родившихся на 1000 чел.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	
								Мужчины	Женщины
УФО	12143	6,7		80,3	24	1,5	14,2	63,50	75,31
Курганская область	896	12,5	40,4	60,7	109	-2,9	12,8	62,03	75,01
Свердловская область	4307	22,2	39,3	84,1	66	-0,6	13,5	63,23	75,27
Челябинская область	3480	39,3	39,1	82,2	111	-0,6	13,6	62,76	74,78
Тюменская область	3460	2,4		78,9	8,7	7,6	16,1	65,04	75,89
в том числе:									
ХМАО	1561	2,9	33,9	91,8	6,0	9,9	16,4	66,03	75,73
ЯНАО	537	0,7	32,9	83,8	1,8	10,2	15,6	65,62	74,88

Источник: [5, с. 18–24]

Развитие макрорегиона всегда определялось богатством и доступностью природных ресурсов. УФО располагает значительными запасами железных, титаномагнетитовых и медных руд, цветных, благородных и редких металлов, торфа, асбеста, нерудных строительных материалов, драгоценных и полудрагоценных камней. В макрорегионе сосредоточены крупные лесные ресурсы, около 10% общероссийских запасов. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах разведаны и осваиваются нефтяные и газовые месторождения, относящиеся к Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, в которой сосредоточено около 67% отечественных запасов нефти (6% – мировых) и 78% запасов газа (26% – мировых).

Производственно-ресурсный потенциал весьма значителен.

Во второй половине XX в. основная часть ресурсов была сосредоточена в обрабатывающей промышленности, размещенной на территории Свердловской и Челябинской областей – большая часть тяжелой промышленности, ВПК, и в особенности ее наукоемкие составляющие (атомная, космическая и пр.). Соответственно получила существенное развитие научно-образовательная база, сформирован серьезный научно-технический потенциал. Период деиндустриализации, связанный сначала с распадом советской системы хозяйствования, а впоследствии усилившийся перетоком ресурсов в нефтегазовый сектор, привел почти к полному разорению уникального промышленного комплекса Челябинской области, и поставил на грань разорения промышленный комплекс Свердловской области. Тем не менее, к 2014 г. в Свердловской и Челябинской областях 24% работающего населения по-прежнему заняты в

обрабатывающей промышленности. Более подробно особенности социально-экономической динамики Тюменского региона рассмотрены в статье В.А. Давыденко.

Система расселения также чрезвычайно неравномерна, наиболее плотно заселена Челябинская область (39,3 чел. на 1 кв. км.), а наименее заселен ЯНАО (0,7 чел. на 1 кв. км.), основная территория которого приближается к северному полярному кругу.

Основную долю прибавочного продукта (до 65% ВРП) УФО производят в нефтегазодобывающей Тюменской области, а входящая в состав региона ХМАО-Югра производит 36% ВРП макрорегиона.

Северные нефтегазодобывающие провинции ХМАО-Югра и ЯНАО аккумулируют в себе как все самые сильные стороны российской экономики и политики, реализуемые в настоящее время, так и практически все «больные вопросы»: признаки «голландской болезни», высокий уровень доходов работников профильной отрасли наряду с явной недообеспеченностью работников сопутствующих отраслей, высокая степень зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, моноотраслевая структура экономики.

Под «голландской болезнью» понимают значительную дифференциацию благоприятности экономических условий для разных секторов как следствие роста экспортных доходов за счет добывающего сектора экономики. «Голландская болезнь» приводит к снижению темпов развития экономики вследствие перемещения ресурсов из обрабатывающего сектора в сырьевой и сервисный, которые создают меньшую величину добавленной стоимости. В северных регионах УФО высокий уровень доходов работников нефтегазодобывающей отрасли сочетается с явной недообеспеченностью работников сопутствующих отраслей, рост потребительского спроса сочетается с отсутствием реальных драйверов научно-технического прогресса. Пространственное развитие отягощается и специфическими проблемами, поскольку это северные территории, часто труднодоступные, с тяжелыми климатическими условиями, с чрезвычайно высокими издержками освоения, как для людей, так и в целом для экономики.

Все эти факторы определили основные вызовы-проблемы модернизации в регионах УФО.

Первая проблема связана с незавершенностью осуществления первичной модернизации (ПМ). В 2000 г. УРФО находился на уровне 91,8%, как и все регионы Сибири и Урала. В этот период был достигнут уровень 100% от стандарта развитых стран по доле лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых, доле добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, по доле городского населения, числу врачей на 1000 человек, младенческой смертности, уровню грамотности среди взрослых, доле студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22-х лет. Далее макрорегион стал отставать от необходимых темпов, и к 2010 г. ПМ так и не была полностью реализована (уровень 98,8), в первую очередь за счет низкой доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП – 40% при стандарте 45% к ВРП.

Самую успешную стратегию модернизации демонстрирует Свердловская область, переходя от фазы зрелости первичной модернизации (ПМ) в 2000 г. к фазе начала вторичной модернизации (ВМ) уже в 2005 г. Но далее развитие существенно затормозилось, и к 2010 г. в Свердловской области остается на фазе начала ВМ, а интегрированный индекс сбалансированности модернизации (ИИСБ) равен 0,251. ХМАО-Югра и ЯНАО все 10 лет практически застыли на состоянии незавершенности ПМ и подготовки к переходу к ВМ, а ИИСБ еще ниже, и равен 0,170 и 0,217 соответственно.

Юг Тюменской области и Челябинская область в 2000 г. находились на этапе зрелости ПМ, на уровне ниже среднего по России, к 2005 г. повысил свой уровень до выше среднего, но так и не завершили реализацию ПМ. Однако уровень ИИСБ в Тюменской области один из самых высоких в России – 1,007, а в Челябинской очень низкий – 0,183. Курганская область все годы демонстрирует самые низкие темпы развития, находясь в 2000–2005 гг. на начальном этапе реализации ПМ, перейдя к 2010 г. только к этапу зрелости ПМ с ИИСБ равным 0,201.

Вторая проблема логически связана с первой, – регион продолжает развиваться в соответствии с логикой ресурсного типа развития, то есть с опорой на ресурсы второго технологического уклада.

Из четырех групп параметров ВМ к 2010 г. в УФО наиболее высоки значения индекса качества жизни (95,7%). Основные ограничения в этой сфере: невысокая ожидаемая продолжительность жизни, высокий уровень младенческой смертности и низкая энергетическая эффективность. Главные препятствия в реализации ВМ – невысокая ожидаемая продолжительность жизни и высокий уровень младенческой смертности характерны для всех регионов УФО, но особенно значимо эти проблемы проявляются в Курганской области и ЯНАО.

По показателю качества экономики УФО отстает от среднероссийского уровня. Если в 2000 г. индекс качества экономики равнялся 43,9, то в 2010 г. – 46,9, что ниже стандарта развитых стран более чем в два раза. Наиболее выгодное положение занимает Тюменская область, за счет нефтегазодобывающих провинций – ХМАО и ЯНАО, что связано с высоким уровнем ВРП на душу населения. Но на юге области этот показатель существенно ниже – 50,9%, что ниже и общероссийского уровня, УрФО (49%).

В целом по УФО, из 15 показателей индекса реализации ВМ, два показателя (доля городского населения, число врачей) к 2000 г. превысили средний уровень развитых стран, но остальные 13 не высоки. Наиболее плачевная ситуация сложилась в сфере инноваций в знаниях (175 жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек, что составило 23,5% от уровня развитых стран, доля затрат на НИОКР 0,67 от ВРП, или 27,9% от уровня развитых стран).

Трансляция знаний прямо связана с уровнем развития первичной модернизации (экономического развития), а инновации в знаниях требуют уже запуска новых механизмов, присущих современному обществу.

Например, в относительно богатой Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО), несмотря на значительный рост индекса трансляции знаний, более высокий уровень образования населения, относительно (по российским меркам) высокий подушевой доход, роста инновационной активности не происходит. Более того, за рассматриваемые нами период во многих регионах Уральского федерального округа индекс инноваций в знаниях снижается: в Свердловской области с 63 до 51,9, в Челябинской – с 53,9 до 50,2, а в Курганской – с 21,4 до 13,1.

В ХМАО, регионе с относительно высоким уровнем ВРП на душу населения (\$39417), не реализована структурная модернизация в силу нефтегазодобывающей специфики региона. Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП в ХМАО к 2010 г. достигла 26%, что составляет 57,8% от стандарта развитых стран. Поэтому первичная модернизация в регионе не завершена, и уровни показателей, входящих в индекс, разбалансированы.

Если сформулировать в терминах теории модернизации ЦИМ АНК, опережение социальной составляющей не подкреплялось, или слабо подкреплялось развитием когнитивной компоненты, а в регионах со слабым производственным потенциалом (Курганская область) или низкоэффективной структурой промышленности (Челябинская область) слабо развивалась экономическая компонента. Заметим, что юг Тюменской области наименее обеспечен собственными ресурсами, в худшем положении здесь находится только Курганская область. Возможно и поэтому власти Тюменской области (юг) ранее других обратили внимание на необходимость диверсификации экономики и инвестирования в современные сектора экономики (туризм, сервис, нефтегазохимия), на повышение качества регионального управления (по данным мониторинга Минрегиона Тюменская область (юг) лидирует в России по качеству управления).

Третья проблема также логически вытекает из первых двух – территориальная неравномерность размещения природных ресурсов не была компенсирована адекватным размещением производственных и человеческих ресурсов. Фактически процесс происходил стихийно, территориальными аттракторами накопления выступали нефтегазодобывающие провинции, не приспособленные природно-ресурсными факторами к развитию современных сфер производства.

В настоящее время накопление человеческого капитала преимущественно происходит в Тюменской области (включая АО), а Курганская и Челябинская область теряют человеческий капитал. Накопление обеспечивалось опережающими темпами развития высшего образования в Свердловской, Челябинской и на юге Тюменской области, которые выступали донорами для северных нефтегазодобывающих регионов. Эти темпы были столь высоки, что в 2005 г. дипломы с высшим образованием получило почти 100% от выпуска школ 2000 г., в 2010 г. эта доля составила 79% для всего УФО.

Культурный капитал населения растет гораздо медленнее, чем общий уровень образования, другие социально-экономические показатели. В период после 2000 г. почти в 2 раза выросла численность исследователей с учеными степенями в Курганской и Тюменской областях, однако прием и выпуск в докторантуру и аспирантуру, посещаемость театров и библиотек, музеев практически не выросли, а кое-где и снизились. Значительный прогресс достигнутый в сфере обеспечения спортивными сооружениями и компьютеризации населения – это снова результат накопления ресурсов, направленных на развитие социальной сферы. Более высокий, чем в среднем по России, уровень развития социальной сферы привел к гипертрофированному развитию сферы управления в Тюменской области, и, в итоге к тому, что в рейтинге по индексам незащищенности на первое место в регионе вышел производ чиновников.

Среди проблем-опасностей для населения Челябинской и Свердловской областях первенство удерживает преступность, как и в среднем по России. В инструментарии мы приводим стандартный набор из 10 проблем-опасностей, предлагая респондентам оценить уровень своей защищенности по каждой из них, см. [6, с. 64–77]. От 42 до 56% населения не чувствуют себя защищенными от произвола чиновников, 42–61% – от преступности и 42–57% – от произвола правоохранительных органов. Актуальность указанных трех проблем настолько высока, что доля граждан, чувствующих себя незащищенными по анализируемым показателям, приближается к половине респондентов, а в Свердловской и Челябинской областях превышает половину.

Четверку основных проблем социокультурной среды региона замыкают бедность и экологическая угроза.

Динамика индекса защищенности демонстрирует резкий спад в 2011 г., и в 2013 г. показатели практически вернулись к докризисному уровню 2006 г. Индексы уровня защищенности жителей Челябинской и Свердловской областей колеблются в том же диапазоне, но жители Свердловской ощущали себя значительно менее защищенными, чем жители Тюменской и Челябинской областей, рис. 1.

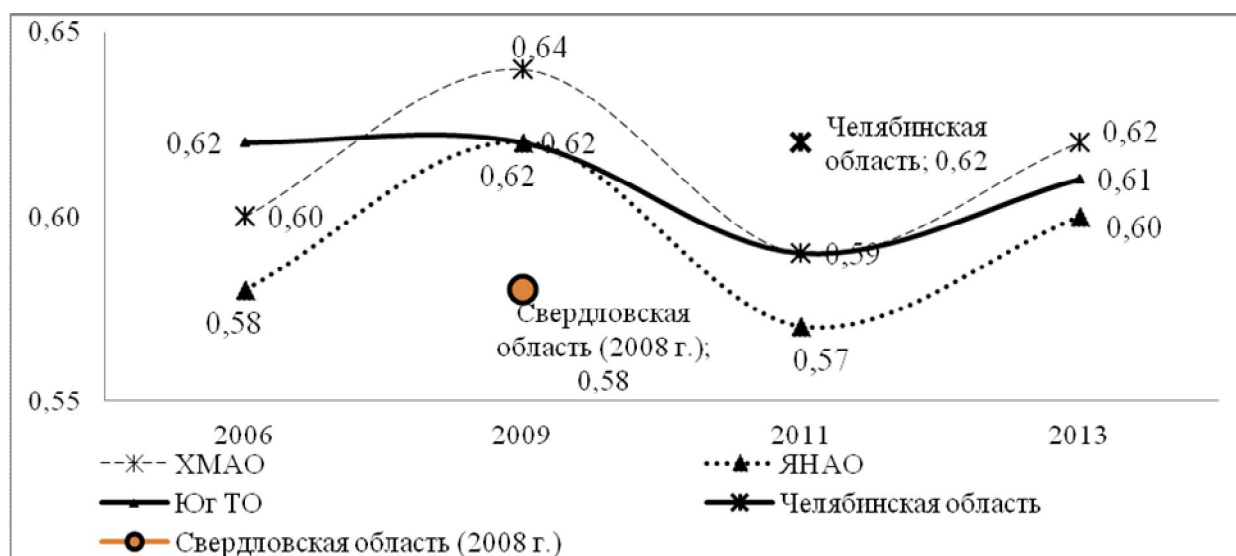

Рис. 1. Динамика индексов защищенности от опасностей (Кз) по субъектам Тюменской области, в Свердловской (2008 г.) и Челябинской (2011 г.) областях

Эта картина характерна практически для всех составляющих социального самочувствия, и демонстрирует постепенный выход социума из кризисного состояния, в котором он находился в период 2010–2011 гг. Удовлетворенность своей жизнью в целом, как базовая составляющая социального оптимизма, в Тюменской области, как и во всех её субрегионах, находится в зоне положительных оценок, 60 % и более от всех жителей региона дают позитивные оценки в той или иной степени. За период с 2006 г. эти оценки перешли из зоны неопределенности (когда доля давших (+) оценки примерно равнялась доле давших (-) оценки удовлетворенности своей жизнью в целом) в зону определенной положительности.

В Челябинской и Свердловской областях работают Уральский федеральный университет, Южно-Уральский национальный исследовательский университет, но пока отдача от огромных финансовых вложений в них весьма скромна. Входящие в Тюменскую область ХМАО, ЯНАО и сервисный субрегион – юг Тюменской области объективно не могут отойти от своей сырьевой специализации. В этих регионах высокий уровень экономической активности определяется, во-первых более молодым, чем в среднем по России, населением, и во-вторых, низким уровнем безработицы. В этих регионах сформировался высокий образовательный уровень рабочей силы. Но имеющийся потенциал либо не реализуется, либо реализуется слабо. Так, почти не используются современные технологии добычи и транспортировки нефти и газа, нарастает эффект старения основных фондов. Слабо используется эффект масштаба от объединения кластеров экономики посредством четких логистических цепочек, обеспечивающих перенос капиталов, товаров и знаний не только внутри регионов, но и между соседними регионами. Этому мешают чрезмерная централизация, особенно усилившаяся в последние 5 лет; сетевая экономика, как база экономики знаний, в таких условиях просто не может развиваться. И неизбежно все связи принимают центростремительный (центробежный) характер (Москва-регионы). На фоне таких взаимоотношений усиливаются ожидания населения по отношению к власти, нарастает патернализм, слабеет экономическая мотивация.

Например, по итогам исследований по проекту «Социокультурные портреты регионов России», [6], проведенных в период 2006–2013 гг. в Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО) обращает на себя внимание тот факт, что число желающих работать на предприятиях, находящихся в чьей-то частной собственности, к 2013 г. стало более чем в четыре раза меньше, чем работающих.

Динамика выбора желаемой работы демонстрирует снижение престижности занятости в частном секторе. Так, в 2013 г. в Тюменской области число желающих иметь собственный бизнес, и в нем работать снизилось до 15%, тогда как в 2006 г. это было 26%, против 3–4% тех, кто реально работают на собственных предприятиях. Тогда как на предприятиях с участием государства хотели бы работать в 2013 г. 46% (в 2006 г. 45%).

Структура ценностных ориентаций населения крайне медленно, но модернизируется [2, с. 18]. Ценность *жизни человека* на всех уровнях для всех регионов УФО входит в интегрирующее ядро, далее идут – семья, общительность и порядок.

На Ямале, где проживает самое молодое население, семья в своей ценности опускается уже на третье место (табл. 2). В Челябинской области ценность семьи также опустилась на 3-е место, но за счет роста значимости порядка. Интегрирующий резерв в УФО несколько отличен от среднероссийской ситуации: благополучие, независимость, работа, свобода, традиция. Инициативность для всех регионов УФО имеет 10 ранг, находится в оппозирующем дифференциале, и его поддержка практически не изменяется в течение всех лет мониторинга. Тогда как ценность работы (7 ранг) наоборот, выросла по сравнению с 2009 г., и она возрастает на юге Тюменской области и в ХМАО.

Нижний слой конфликтогенной периферии на всех уровнях включает две отрицаемые ценности: *своевольность* и *властность*.

Различия между субъектами региона, в том числе между югом Тюменской области и автономными округами, оказались мало существенными. Тем не менее, динамика данных различий свидетельствует о том, что в ХМАО-Югре и Ямале, как наиболее развитых в промышленном отношении происходит модернизация (либерализация) системы ценностей.

Культурные типы и ранги изучаемых базовых ценностей россиян
(юг ТО\ ХМАО\ ЯНАО\ Свердловская область\ Челябинская область)*

	Традиционные	Общечеловеческие	Модернизационные
Терминаль- ные	Семья (2\2\3\2\3)	Порядок (4\4\4\4\2)	Жизнь (1)
		Благополучие (5\5\6\6\6)	
	Традиция (9)	Работа (7\7\8\8\8)	Свобода (8\8\7\7\7)
Инструмен- тальные		Общительность (3\3\2\3\4)	Независимость (6\6\5\5\5)
	Жертвенность (11\11\11\11\12)	Нравственность (12\12\12\12\11)	Инициативность (10)
		Властность (13\13\14\14\14)	Своевольность (14\14\13\13\13)

* Методика изложена в [2, с. 51].

Если условно классифицировать ценности по культурным уровням, и рассмотреть их ранги в структуре ценностей жителей исследуемых регионов, то можно заключить, что традиционные ценности (семья, традиция, жертвенность) повышаются в своей значимости для более старших возрастов. Одновременно с возрастом повышается значимость общечеловеческих ценностей, хотя и значительно меньшими темпами. Для молодых существенно возрастает значимость инициативности, властности и своевольности. И напротив, такие модернизационные ценности, как жизнь человека и его независимость, слабо связаны с возрастом. Можно заключить, что модернизационный переход связан с ростом терминальной ценности (цели) «жизнь человека» и инструментальных (ценности-средства) – его общительности и независимости. Последним двум противостоят в сознании властность и своевольность, оставаясь самыми отрицаемыми ценностями из перечисленных нами.

Модернизация ценностной структуры имеет терминальный характер. Из инструментальных ценностей в ядро попала только общительность, независимость находится в интегрирующем резерве, а инициативность находится все еще в оппонирующем дифференциале. Анализ трансформаций ценностной структуры демонстрирует две противоположные тенденции: наблюдается модернизационный переход от старшего возраста к более молодым, и, одновременно происходит некоторый откат, рост поддержки традиционных ценностей для всех возрастных когорт, особенно значительно выросла поддержка таких ценностей, как порядок, традиция, независимость, и снизилась поддержка благополучия и свободы. Данные получены на больших выборках, имеют очень низкий уровень ошибки выборки (см., например, 12–16) и колебания отражают реальное нарастание традиционализма в сознании россиян, поддерживаемое СМИ, другими пропагандистскими механизмами.

В итоге, не вызывает удивления падение интереса к самостоятельной экономической деятельности, отчетливо прогосударственная структура трудовых планов работников. Тем не менее, сам по себе индекс самостоятельности индивидуума продолжает расти. Ответы на вопросы «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит?» позволяют выделить три типа личности – патерналистский (когда человек считает, что улучшение его жизни зависит от государства), граждански самостоятельный, когда человек в основном рассчитывает на свои силы, или смешанный. В Тюменской области сохраняется устойчивая структура зависимости населения, изменения незначительны, и находятся в пределах ошибки числа опрошенных. По всей России, как и в каждом из регионов, степень самостоятельности индивидуума оказывается выше, чем степень его зависимости, то есть среднее арифметическое по первой строке имеет самое низкое значение из всех строк. Во всех рассмотренных нами регионах индекс зависимости ниже среднероссийского уровня. На юге Тюменской области при гораздо более высокой степени зависимости заметно влияние патернализма. В ЯНАО и ХМАО-Югре более распространен смешанный тип, когда люди, рассчитывая на свои силы, считают, что их благополучие зависит, кроме того, от близких родственников и общероссийских властей. Уровень самостоятельности индивида в среднем по

области медленно (на 2–3% пункта в год) снижался в период с 2006 по 2011 г., но далее динамика изменила свой вектор. В итоге в 2013 г. индекс самостоятельности в среднем на 2–3% вырос по сравнению с 2006 г. Такой рост отражает слабо выраженную, чрезвычайно неустойчивую, но позитивную тенденцию (рис.2).

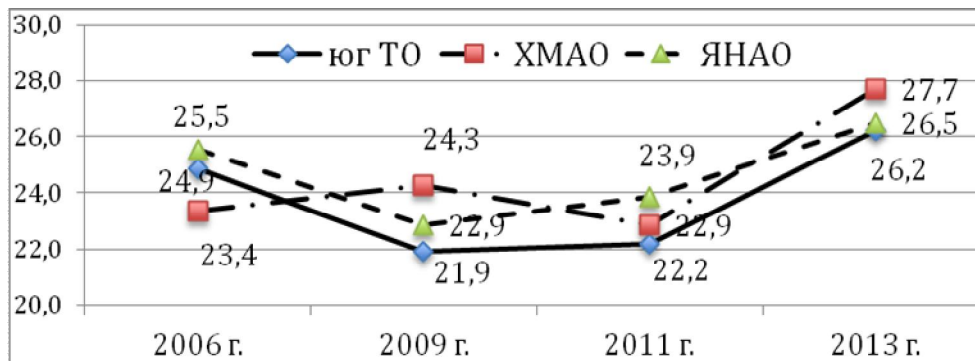

Рис. 2. Динамика индекса самостоятельности индивидуума*

*Индекс самостоятельности (Ксам) рассчитывается как разность между индексом зависимости индивидуума от своих усилий и средневзвешенным от суммы всех остальных индексов.

В заключении следует отметить, что препятствия в развитии знаниевой экономики не могут быть преодолены директивно-нормативным путем, а последствия отставания в этой сфере будут только нарастать. Наблюдающийся рост поддержки ценностей традиционализма полностью сочетается с тенденцией снижения темпов модернизации, и может быть объяснен как внешними факторам (реакция социума на шоки мирового кризиса), так и внутренними, когда в масштабах всей страны все большую поддержку приобретает политика «сильной руки», патриотизм, понимаемый как императив экстенсивного типа развития и вертикали власти.

Список литературы

1. Кох И.А. Социокультурное развитие малых городов. // В кн.: Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического Форума 15–16 октября 2009 года / Тюмень: Тюмен. обл. дума, Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т. 2009. С. 47–51.
2. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.
3. Лапин Н.И., Маркин В.В., Дробижева Л.М., Халий И.А. Трансформация социокультурного пространства России. Гл. 5 // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Чуаньци Хэ; рус. пер. под ред. Н.И. Лапина. М., Весь мир, 2011.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2013.
6. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011.
7. Терещук Е.А., Иванов О.П., Зырянов С.Г. Инновационные аспекты развития индустриальной модернизации уральского региона (Челябинская область) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. С. 266–286.

G. F. Romashkina, Tyumen

URAL FEDERAL DISTRICT: CALLS TYPE OF RESOURCE

Held characteristic types of modernization of the Urals Federal District. Methodological work is based on the concept of the project “Social and cultural portraits of Russia’s regions”. Tyumen team takes part in this project since 2005. For the analysis, data of opinion polls conducted during 2006–2013 years in the Tyumen region (2006, 2009, 2011 and 2013), Sverdlovsk Region (2008), the Chelyabinsk Region (2011) conducted independent research teams . The basic problem, the challenges posed by the fact that the development of the macro-region is still going on with the support of the third technological system resources. As a result, the accumulation of human capital is attracted to regions with economies maximum GRP are not backed by other types of capital accumulation and more successful modernization processes do not occur in those regions where a forum of GDP.

Key words: sociocultural monitoring region, modernization, values.

УДК 316.422

В. Н. Стегний, Пермь

СООТНОШЕНИЕ КРИТЕРИЕВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И РЕГИОНА

Рассматриваются критерии модернизации современного российского общества, характеризуется его настоящее состояние, социальные и гносеологические предпосылки развития региона, основные параметры его развития с ориентацией на социальное будущее. Отношение личности к инновационному обществу, региону.

Ключевые слова: критерии модернизации общества и региона, взаимосвязь данных критериев, прогнозирование направлений развития региона.

В начале 1990-х гг. в России начался этап формирования западной модели демократии и рынка. Цель, которую ставили реформаторы, – переход к демократическому типу государства, со свободной рыночной экономикой [1, с. 5–20]. На протяжении последних 20 лет в России активно обсуждаются процессы ее модернизации, реформирования, обновления. Ряд аспектов этого процесса уже рассматривался нами в прогностическом ключе [2, с. 5–12]. Тем не менее, результаты от преобразований 1990-х гг. получились на ноль с минусом. В частности производство свернулось в 1990-е гг. наполовину, резко упал жизненный уровень, сократилась продолжительность жизни людей, коррупция обрела всеобщий характер, началась нравственная деградация, распад культуры и т.д. Производительность труда в 1990 г. была 29,4 % от аналогичного показателя США, а в 2010 г. составила 29,5%. Это основной показатель динамики общества. Победа одной социальной системы над другой есть, прежде всего, высшая производительность труда по отношению к предыдущей системе.

В этой связи возникает вопрос: «Была ли модернизация в РФ в последние 20 лет или нет?». Была ли это модернизация или лжемодернизация? То, что страна изменилась за 20 лет, – это факт, но в каком направлении: в сторону прогресса или регресса?

Для ответа на данный вопрос необходимо определиться с критериями модернизации, реформирования, которые должны дать ответ на вопрос, что можно считать модернизацией, а что нет. Выделим эти критерии. Модернизация и реформы тогда имеют смысл, если эта деятельность, *во-первых*, способствует развитию производства; *во-вторых*, ведет к росту производительности труда; *в-третьих*, повышает жизненный уровень народа, как в материальной, так и в духовно-нравственной сфере; *в-четвертых*, укрепляет совокупную мощь государства, поднимает его авторитет на международной арене и у себя в стране. Меняет тип политической системы, системы управления. Особо следует отметить среди этих показателей роль системы управления, так как *эффективность функционирования любой социально-экономической системы зависит от эффективности функционирования в ней менеджмента*, как на макро-, так и на микроуровнях.

Модернизация качественно меняет социальную систему, ведет к смене одной модели общественного развития другой. Она преобразует в сторону прогресса все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, управленческую, духовную, культурную и т.д. Модернизация – это процесс перехода общества от более низкой к более высокой стадии общественного развития. Она связана со сменой способа производства, типа общественных отношений, типа цивилизации, с качественным изменением места человека в обществе. Поднимая развитие человека на более высокий уровень, модернизация предъявляет к человеку новые, более сложные требования, качественно изменяя содержание его деятельности.

Модернизация имеет исторический характер и, как правило, она связана со сменой типа цивилизации. Опираясь на такой критерий, как состояние технического прогресса, фиксиру-

ем доиндустриальную, индустриальную, постиндустриальную цивилизации, стадию развития общества. Переход общества от доиндустриальной к индустриальной стадии осуществляется: 1) через индустриализацию; 2) культурную революцию; 3) кооперацию. Эти три стратегических направления развития общества определяют суть и содержание индустриальной модернизации. Данная стадия развития исчерпала себя в XX в., и встал вопрос о новом типе цивилизации – постиндустриальном, к которому можно перейти только через очередную модернизацию страны.

Модернизация страны в направлении *постиндустриального общества* качественно отличается от предыдущей, она содержит:

- а) нанотехнологии;
- б) биотехнологии;
- в) информационные технологии;
- г) когнитивные технологии.

Такие технологии качественно меняют место человека в обществе и содержание производства. В данном производстве, прогнозируется, 3–4% населения будут заняты в сельском хозяйстве, 16–17% – в промышленности, а около 80% – в сфере обслуживания, что требует другого типа работника, личности, культуры, очень высокого уровня образования и профессионально-квалификационной подготовки, нравственной зрелости. Высокообразованный человек и работник сможет обеспечить реализацию эффективной социальной системы.

Новую модернизацию может внедрять работник, который соединяет в себе *знания, информацию, квалификацию, труд, капитал; инновационная, творческая личность, «когниатриат», класс интеллектуалов*. Им предстоит в процессе данной модернизации *найти ключ к разрешению основного противоречия современного общества: его эффективности экономического развития и социальной защиты личности*. Кто найдет ключ к разрешению данного противоречия современного общества, тот и откроет модель будущей социально-экономической системы, нового типа цивилизации.

Будущее общество – постиндустриальное, технотронное, сетевое, информационное, рыночное, демократическое, инновационное, опирающееся в своем развитии, прежде всего, на культуру и нравственность. *Наука и образованность людей становятся потребностью* его развития, нужно *решать проблемы* не только *технические и экономические, управленческие*, а еще и *проблемы сознания, воспитания*. В современном мире созданную технику не успевает освоить современное сознание. Это стало одним из главных противоречий современного общества. Без воспитания его не разрешить: общество не может дрейфовать куда угодно, оно должно опираться на нравственные ценности. У личности XXI в. необходимо формировать социальную прогностическую ориентацию, основанную на научном осознании своего социального будущего [3, с. 60–81].

Результативность модернизации региона и общества будет зависеть от того, кто будет находиться в центре ее: «рынок», «бизнес», «кадры», «деньги» и т.д. или человек. Если государство обслуживает бизнес и подчинено ему – один результат, а когда бизнес на службе общества, государства – другой. Когда человек выступает средством общественного развития – один итог, когда человек становится *самоцелью* общественного развития – другой результат. От того, как в этом взаимодействии расставлены акценты обществом и государством, зависит итог модернизации регионов. Если 70–75% оборотных средств государство сосредоточило в одном регионе, то он и получает развитие, а другие – нет. Там, где государство увеличивает в регионах оборотные средства, эти регионы уходят вперед в результате такой политики. Стратификация между регионами обрела наибольшие вертикальные различия не только по социально-экономическим признакам, но и по всем остальным. Если зарплата у учителей школ различается между регионами в 4–5 раз, чего не должно быть, то это усиливает социальную напряженность, а не модернизацию.

Модернизация может идти в том регионе, который самодостаточный, а не живет на дотации из центра. В центре модернизации региона сегодня следует выделить следующие стратегические направления:

1. Население региона: сегодня и завтра.
2. Образование. Наука.
3. Здоровоохранение. Медицина.
4. Культура.
5. Жилищно-коммунальное хозяйство. Жилье.
6. Решение проблем экономического развития.
7. Энергетические программы и ресурсы.
8. Коммуникации и транспорт.
9. Экология.
10. Развитие сельского хозяйства.
11. Природные ресурсы: вода, лес, земля, природные ископаемые.
12. Производство и потребление продуктов питания.

Эти стратегические направления модернизации региона должны лежать в основе стратегического прогнозирования, программирования, планирования, проектирования. Они берутся за основу в принятии решений и управления регионом, которое должно опираться на все формы научного предвидения. Кроме того, эти стратегические направления региона следуют спрогнозировать и по интервалу времени – через 1 год, 3 года, 5 лет, 10 лет и т.д.

Для реализации этих программ формируется команда профессионалов, а не бизнесменов и олигархов. У них абсолютно разные цели и задачи.

С чего модернизацию следует начинать? Со следующих двух моментов: а) образование; б) ориентация сознания жителей региона на решение задач модернизации. Для решения задач модернизации, прежде всего, требуется человеческий капитал, интеллектуальный потенциал, который закладывается в системе образования. Региону необходимы люди, имеющие хорошее общее образование, основы которого закладываются в начальных классах и в неполном общем среднем образовании. Если в эти годы заложен фундамент образования, дальше все пойдет, как требует будущее общества, если этого не сделать, – дальше изменить что-то практически очень трудно, а порой и невозможно. Итогом хорошего общего среднего образования должно быть не ЕГЭ, а качество знаний выпускника школы, основанное на нравственных ценностях.

Региону требуется качественное начальное, среднее и высшее профессиональное образование, а также развитая система переподготовки и повышения квалификации специалистами всех профессий на протяжении всей его трудовой жизни. Модернизация региона взаимосвязана с модернизацией образования [4, с. 9–12].

Центральный элемент в модернизации региона – это *сознание его жителей*, которое следует сориентировать на решение задач модернизации. Идеи, овладевающие массами, превращаются в материальную силу. Решать проблемы модернизации региона будут жители региона, прежде всего, и они должны знать, что именно им делать, куда идти, куда заворачивать. Сознание жителей следует формировать в процессе модернизации на основе нравственных ценностей.

Для нашей страны, по мнению опрошенных, наиболее приемлемыми являются такие ценности, как мир, законность, духовность, образованность, могущество, независимость, равенство, развитие, государственность, коллективность, человечность, нравственность, воля, терпимость, энтузиазм и т.д.

Для себя лично: семья, доверие, любовь, порядочность, справедливость, уважение к Родине, образование, ответственность, вера и т.д.

Отвергаются: беззаконие, безразличие, взяточничество, война, разобщенность, непрофессионализм, жестокость, зависть, лень, обман, хамство и т.д. [5, с. 69–143 и с. 40–186].

Следствием модернизации региона должно стать формирование инновационного региона. Это такое состояние, когда в центре его развития стоит человек, и показателями являются не только количественные экономические (сколько на человека произведено стали, автомобилей, чугуна, зерна, электроэнергии и т.д.), а на первый план выходят показатели каче-

ства жизни человека, уровня образования, здравоохранения, медицины, культуры, продолжительности жизни, состояния экологии, морально-психологического климата и т.д. Это уже показатели инновационного общества, определенная степень понимания которого у жителей Пермского региона уже есть [6, с. 5]. Для модернизации региона требуется, чтобы такое понимание его развития обрело всеобщий характер.

Список литературы

1. Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2010. 255 с.
2. Стегний В.Н. Прогнозирование будущей социальной модели развития России // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Социально-экономические науки. 2010. №5(24). С. 3–13.
3. Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. 150 с.
4. Стегний В.Н. Взаимосвязь критериев модернизации общества и образования // Вестник Перм. нац. исслед. политех. ун-та. Социально-экономические науки. 2013. №18(45). С. 7–13.
5. Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии / глв. ред. А.В. Рябов. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 420 с.; Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 382 с.
6. Стегний В.Н. Выбор студентами инновационной модели развития России // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Социально-экономические науки. 2010. №7(26). С. 3–6.

V. N. Stegnyy, Perm

INTERRELATION OF NATIONAL AND REGIONAL CRITERIA OF MODERNIZATION

The paper reviews criteria of modernization of the Russian society; characterized are the current state of modernization, the social and gnoseological preconditions of regional development, and the basic parameters of development oriented to social future. Personal attitudes to innovational society and region are considered.

Key words: regional and national criteria of modernization, correlation of criteria, forecasting of directions of regional development.

УДК 316.422(470.4)

В. Т. Тарасов, Чебоксары

РЕГИОНЫ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ

С использованием методического инструментария, разработанного Центром исследований модернизации Китайской академии наук, исследуются уровень и динамика модернизации регионов ПФО, дается характеристика ее компонентов и комплексных состояний модернизированнойности регионов (2000–2010 гг.), анализируется уровень сбалансированности индикаторов модернизации, обосновываются этапы стратегии модернизации, исходя из ее неравномерного характера.

Ключевые слова: модернизация регионов, стадии, этапы, сбалансированность компонентов.

В Приволжский федеральный округ (ПФО) входят 14 субъектов Федерации. На регионы округа приходится 6% всей территории страны (1037 тыс. кв. км) и около 21% (29772 тыс. на 01.01 2013) всего населения, из них в трудоспособном возрасте находится 60%, в городах проживает 71%. Территория округа относительно плотно населена представителями почти 140 этносов, в нем зарегистрировано 179 национально-культурных автономий. В экономике занято 14,3 млн. человек (2012 г.). Округ находится в числе общефедеральных лидеров по валовому сбору и производству многих видов сельскохозяйственной продукции. Промышленный сектор округа характеризуется диверсифицированной структурой и представлен такими отраслями специализации, как машиностроение (авиационная, ракетно-космическая отрасли, судостроение, приборостроение, энергетическое машиностроение, станкостроение и другие отрасли) и нефтехимическая промышленность. Данный макрорегион – один из лидеров по производству большого перечня промышленной продукции.

Динамика модернизации регионов, их роль в формировании модернизационного тренда округа. В динамике модернизации регионов ПФО за 2001–2010 гг. следует выделить два характерных субпериода, условно разделенных влиянием мирового финансового кризиса. В первом из них (2001–2008 гг.) в регионах ПФО, как и в других федеральных округах страны, наблюдался ускоренный поступательный рост модернизационных процессов, который был прерван негативным влиянием мирового финансового кризиса. В данный период общероссийский индекс *первичной модернизации* увеличился на 8 п.п. (с 92 до 99,7%), а аналогичный индекс ПФО – на 10 п.п. (до 99%), продемонстрировав наибольший прирост во всех округах. По этому показателю округ перешел с шестого места в 2000 г. на четвертое в 2008 г., незначительно опередив Сибирский и Уральский ФО. Однако в последующие два года анализируемого десятилетия произошло не только существенное замедление модернизационных процессов в отдельных федеральных округах, но и обозначился их некоторый отход от достигнутых позиций. Так, индекс ПФО в 2010 г. снизился до 97,5%, вследствие чего округ отошел на пятую позицию в ряду остальных округов; при этом отставание от общероссийского индекса *первичной модернизации* составило 2,4 п.п.

Наряду с *первичной модернизацией* в регионах округа осуществлялся постепенный переход к *вторичной модернизации*. В докризисный период ее уровень увеличился более чем на 8 п.п.: с 55% в 2000 г. до 63,4% в 2008 г. При этом характер динамики окружного показателя соответствовал общероссийскому тренду с почти неизменным отставанием от него (на 6,6 п.п. в 2000 г. и 6,4 п.п. в 2008 г.). Однако под влиянием кризисных факторов 2009–2010 гг. разрыв между трендами увеличился до 7,6 п.п. на фоне незначительного роста индекса *вторичной модернизации* округа до 64,4%. Несмотря на это, по уровню *вторичной модернизации* округ во всем анализируемом десятилетии стабильно занимал четвертое место в ряду остальных округов.

Состояния модернизованности, сбалансированность и факторы торможения. При анализе эволюции модернизации регионов использовалась хронотипология состояний их модернизованности, предложенная Н.И. Лапиным [1, 3, с. 22–24]. Динамику этих состояний можно видеть в табл. 1. Группировка регионов по типам их модернизационных состояний важна как инструмент пространственного стратегического управления [5]. Она формирует представления об эволюции и фазовой динамике модернизации регионов в целом, но не менее важны знания о *сбалансированности ее составляющих*. Для этого рассчитывался индекс сбалансированности, который можно интерпретировать как величину, обратную *евклидову расстоянию* между значениями среднегрупповых индикаторов и общегруппового индекса [2, с. 40]. Наряду с этим считаем возможным дополнительно использовать коэффициент вариации среднегрупповых индексов.

Таблица 1

Группировка модернизационных типов регионов ПФО

Типы регионов	Год	Регион
I	2000	Чувашская Республика
	2008	Республика Марий Эл
II	2000	Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область
	2005	Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Саратовская область
	2008	Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Саратовская область
	2009	Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Оренбургская область, Саратовская область,
	2010	Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Саратовская область
III	2000	Нижегородская область, Самарская область
	2005	Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Пензенская область, Ульяновская область
	2008	Республика Татарстан, Пензенская область, Ульяновская область
	2009	Республика Татарстан, Кировская область, Пензенская область, Самарская область, Ульяновская область
	2010	Республика Татарстан, Пензенская область, Самарская область, Ульяновская область
IV	2008	Пермский край, Нижегородская область, Самарская область,
V	2005	Самарская область
	2009	Пермский край, Нижегородская область
	2010	Пермский край,
VI	2010	Нижегородская область

Расчеты показывают, что регионы, относящиеся к более высокому типу модернизованности, характеризуются и лучшей сбалансированностью показателей, за редким исключением. Иными словами, *повышение сбалансированности среднегрупповых индикаторов модернизации региона выступает одним из факторов ее углубления*.

Обращает на себя внимание меньшая сбалансированность показателей ПФО по сравнению со страной в целом, которая наблюдается на протяжении всего анализируемого периода на фоне некоторой тенденции ее к дальнейшему понижению. Основное снижение сбаланси-

рованности показателей страны пришлось на 2001–2005 гг., а округа – на весь предкризисный субпериод вплоть до 2009 г. В последующие два года уровень сбалансированности в обоих случаях не изменился.

Примерно такая же динамика и соотношение показателей округа и страны характерны и для интегрированной модернизации, однако есть и различия, которые объясняются тем вкладом, который вносит в общий тренд интегрированного индекса распределение среднегрупповых параметров первичной модернизации. По мере реализации задач первичной модернизации и приближения ее показателей к их пороговым значениям по большинству регионов, уровень сбалансированности интегрированной версии модернизации стал последовательно повышаться.

Анализ распределения компонент стадийных индексов вторичной модернизации и ее интегрированной версии подводит к выводу об определяющей роли в углублении современной модернизации особых мер по повышению сбалансированности показателей вторичной модернизации, особенно в регионах 2-го типа модернизованности. Во всех регионах данного типа в конце анализируемого периода наблюдался наибольший разрыв значений показателей от нормы по индексам, формирующим сводный индикатор инноваций в знаниях. Особенно выделялись в этом отношении такие регионы, как Оренбургская область, республики Марий Эл и Удмуртия, в которых доля затрат на НИОКР в валовом региональном продукте очень мала и варьировала в диапазоне 0,1–0,2%.

В табл. 2 представлена комплексная картина взаимосвязи состояний (типов) модернизованности регионов округа с фактором сбалансированности параметров интегрированной модернизации, которая позволяет обобщенно выделить тенденции и факторы ее торможения.

Обратим внимание на однообразный, без малого, характер дисбаланса региональных групповых индикаторов интегрированной модернизации в 2010 г. Значения социального индикатора во всех регионах, кроме Нижегородской области и Пермского края, превышают среднерегиональный уровень, а двух других (экономического и когнитивного) – отстают от него. В двух вышеназванных регионах ниже среднего значения оказался лишь экономический индикатор. Это выглядит несколько необычно с учетом того, что экономика и знания являются факторными (причинными) признаками по отношению к социальному аспекту развития и соотносятся между собой как средство и цель, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе при всей их взаимообусловленности.¹ По нашему мнению, опережение социального индикатора относительно экономического и когнитивного можно объяснить особенностями российской экономики, носящий сырьевой характер. По-видимому, высокие доходы от экспорта углеводородного сырья снижали мотивацию и необходимость развития обрабатывающих производств и повышения их конкурентоспособности, позволяя в то же время перераспределять избыточные средства в социальное развитие экономики. В этом, на наш взгляд, состоит основная проблема недостаточной сбалансированности стратегии модернизации.

Таким образом, для того чтобы повысить сбалансированность структуры компонентов интегральной модернизации с формальной точки зрения необходимо обеспечить опережающую динамику составляющих экономического и когнитивного индикаторов. При этом ведущая роль принадлежит компонентам когнитивного индикатора, в том числе связанных с развитием образования и активизацией инновационного потенциала региональных экономик.

Этапы стратегии интегрированной модернизации регионов Приволжского Федерального округа. Особенность инструментария ЦИМ КАН состоит в том, что он позволяет обосновать поэтапное развитие региональной модернизации, формируя рациональную последовательность пофазового развития регионов округа с ориентацией на траекторию цивилизационной модернизации [3].

¹ Данное утверждение справедливо лишь в том случае, если нормативные уровни компонент индексов интегрированной модернизации имеют объективный характер.

Таблица 2

Динамика состояний (типов) модернизированности регионов ПФО и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов, 2000–2010)*

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Суб-индексы ниже ИИМ	Суб-индексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2010			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(4) Неустойчивость ВМ. Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Самарская обл.	3	5	4	1,203	В	эк., зн.	соц.
(3) Быстрый переход к ВМ (к типам 5, 6; фазы роста и развития) Опережают экономическая и когнитивная составляющие							
Нижегородская обл.	3	3	6	0,282	НС	эк.	соц., зн.
Пермский край	2	3	5	0,192	НС	эк.	соц., зн.
Быстрый переход к ВМ (к типам 4, 5). [В целом РОССИЯ] Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	Соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(2) Повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста, зрелости). [В целом ПФО] Опережает социальная составляющая							
Ульяновская обл.	2	3	3	0,349	С	эк., зн.	соц.
Респ. Татарстан	2	3	3	0,276	НС	эк., зн.	соц.
Приволжский ФО	2	3	3	0,238	НС	эк., зн.	соц.
Пензенская обл.	2	3	3	0,208	НС	эк., зн.	соц.
Чувашская Респ.	1	2	2	0,209	НС	эк., зн.	соц.
(1) Застой ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста) Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Респ. Башкортостан	2	2	2	0,323	С	эк., зн.	соц.
Респ. Марий Эл	2	2	2	0,180	Н	эк., зн.	соц.
Кировская обл.	2	2	2	0,171	Н	эк., зн.	соц.
Респ. Мордовия	2	2	2	0,169	Н	эк., зн.	соц.
Оренбургская обл.	2	2	2	0,163	Н	эк., зн.	соц.
Саратовская обл.	2	2	2	0,152	Н	эк., зн.	соц.
Удмуртская Респ.	2	2	2	0,141	Н	эк., зн.	соц.
* <i>Обозначения, источник.</i> ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Поэтапность тем самым выступает в качестве инструмента сбалансированности стратегии модернизации в целом. Н.И. Лапин обосновал *три этапа* осуществления стратегии интегрированной модернизации, соответствующих определенной комбинации ее приоритетов:

- 1) сочетание роста индустриализации и развития высокой реиндустриализации регионов;
- 2) завершение реиндустриализации и переход к информатизации;
- 3) рост информатизации и дальнейшее ее развитие.

Рациональная идея данного подхода состоит в формировании стратегии (траектории) модернизации на основе смежных состояний (типов) модернизированности региона.

В Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. в основном учитываются сложившиеся тенденции и их объективный характер, однако не использован подход поэтапного развития модернизации, не сформирована рациональная последовательность пофазового развития регионов [4].

Список литературы

1. Лапин Н.И. О структурировании регионов России по их вовлеченности в процессы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 89–99.
2. Лапин, Н.И. Способы типизации данных и визуализации результатов. Комплексные индексы // Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. С. 40–46.
3. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред.: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
4. Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. №165-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/privolg_dev/.
5. Тарасов В.Т. Модернизация регионов Приволжского федерального округа: пространственный анализ эволюции и фазовых состояний в 2000–2010 годы // Вестник Чувашского университета. 2013. №4. С. 403–411.

V. T. Tarasov, Cheboksary

VOLGA FEDERAL DISTRICT: MODERNIZATION STRATEGY UNDER UNEVEN DEVELOPMENT

Using methodological tools developed by the Center of modernization investigations of Chinese Academy of Sciences, the level and dynamics of regional modernization of PFD regions are investigated; the characteristic of its components and complex states of modernizing regions (2000–2010) is given; the level of the balance of modernization indicators is analyzed; modernization strategy stages are based on its uneven nature.

Key words: modernization regions, phase, stages, balance components.

УДК 316.422 (470.2)

А. А. Шабунова, Вологда

УСТОЙЧИВАЯ РАЗНОВЕКТОРНОСТЬ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

(Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №31
«Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал»)

Рассмотрена суть социокультурной модернизации в Северо-Западном федеральном округе. Выделены преимущества и проблемы применительно к оценке модернизации в регионах федерального округа, основывающейся на методике Центра исследования модернизации Китайской академии наук. Модернизация рассматривается не только как процесс, приводящий к техническому и инновационному прогрессу, но главным образом к благоприятным изменениям в обществе и улучшению человеческого потенциала с сохранением традиций и культурного наследия.

Ключевые слова: модернизация, социокультурная динамика, субъекты модернизации, население.

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) занимает 9,9% территории Российской Федерации. В его состав входят одиннадцать регионов, крупные города (с численностью населения 100 тысяч человек и более) – Калининград, Архангельск, Череповец, Мурманск, Вологда, Петрозаводск, Сыктывкар, Великий Новгород, Псков, Северодвинск. Столица округа – Санкт-Петербург, культурная столица России.

В СЗФО проживает 13,7 млн. человек (9,6% населения страны), преимущественно городские жители – 83,8% (в 2013 г.). В последнее десятилетие в результате возросшей рождаемости, снижающейся смертности общая демографическая ситуация стабилизировалась. По данным Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. доля русских в этнонациональном составе округа за 8 лет не изменилась и составляет 90,4% в общей численности указавших свою национальность.

Доля экономически активного населения в округе (71,1%) за межпереписной период была выше, чем в целом по России (68,3%) и в других федеральных округах, причем наблюдался рост этого показателя. Однако доля населения в трудоспособном возрасте в регионах СЗФО, относящихся к Европейскому Северу (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области) снизилась, что во многом обусловлено миграционным оттоком населения из этих территорий. Несмотря на достаточно высокий уровень урбанизации северных регионов СЗФО, следует отметить малолюдность и очаговость расселения.

Северо-Западный федеральный округ имеет целый ряд потенциальных преимуществ, которые могут способствовать повышению его конкурентоспособности. Во-первых, это географическое положение, определяемое соседством со странами СНГ и Европейского союза и выходом к морским торговым путям. Во-вторых, огромное значение имеет город федерального значения – Санкт-Петербург. В третьих, округ богат природными ресурсами – это прежде всего лес (Вологодская, Псковская, Архангельская области и Республика Карелия), цветные металлы и апатиты (Мурманская область), железо (Карелия), нефть и газ (Мурманская, Архангельская области и Республика Коми). Природно-ресурсная база способствует развитию топливной, металлургической, химической, лесной и рыбохозяйственной отраслей. Кроме того, показатели уровня оснащённости территории СЗФО объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские показатели.

Регионы СЗФО отличаются крайней неравномерностью социально-экономического развития [13]. Так, ВРП на душу населения в Псковской области в 3 раза меньше, чем в Республике Коми, а в половине регионов округа (Республика Карелия, Вологодская, Калинин-

градская, Новгородская и Псковская области) данный показатель меньше, чем в среднем по России. Сильно опережает в развитии остальные регионы округа город Санкт-Петербург, который является важным источником научно-технического прогресса и инновационного развития экономики всей России, производства высокотехнологичной продукции, средств современного транспорта (обеспечивает более 40% ВРП округа).

Геополитические изменения привели к трансформации роли Северо-Западного федерального округа в экономике страны. Главная функция округа – обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским союзом и другими странами. Это определило развитие транспортной инфраструктуры и трансграничного сотрудничества, ориентацию значительной части бизнеса на обслуживание внешнеэкономических связей [Стратегия ..., 2011]. Возросла роль Северо-Западного федерального округа и как крупной перспективной природно-ресурсной базы развития страны. Увеличилось его значение в освоении арктических территорий, возрос положительный имидж и привлекательность для населения и бизнеса из других субъектов РФ, ближнего и дальнего зарубежья.

Важным преимуществом регионов округа является культурно-исторический потенциал, который способствует повышению привлекательности территории для населения, туристов и инвесторов. Поэтому особую важность имеет задача сохранения памятников архитектуры, исторических центров и природных рекреаций от нерегулируемого строительства, а также развития имеющегося культурного и туристического потенциала.

Практически для всех субъектов СЗФО характерны проблемы социально-экономического развития муниципальных образований в сельской местности. Наиболее серьезные связаны с миграционным оттоком населения из периферии в крупные города, сокращением объектов отраслей лесного комплекса и сельского хозяйства, социальной инфраструктуры. Так, за 15 лет почти в двух тысяч населенных пунктов закрылись образовательные учреждения, более чем в 500 были упразднены учреждения медицинского обслуживания.

Современные геополитические и социально-экономические тенденции актуализируют важность и неотложность осуществления модернизации в регионах России, которую можно рассматривать как постоянный процесс, где за стихийными волнами идут другие: расширяющие, сужающие и преобразующие и тем самым сближающие освоение и развитие территорий. Модернизация является комплексным явлением и содержит в себе четыре компонента: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную и институционально-регулятивную [5].

Динамика модернизации регионов СЗФО (2000–2010 гг.)

Обратимся к исследованию состояний и особенностей процессов модернизации Северо-Западного федерального округа, протекавших в период 2000–2010 гг. Изучая темпы и характер модернизации, мы базировались на методике Центра исследований модернизации АН Китая [11], адаптированной ЦИСИ Института философии РАН к особенностям российской статистики [6].

В целом состояние модернизованности Северо-Западного федерального округа еще в 2000 г. достигло 5 типа (в первом из 8 округов РФ) – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию и подготавливающие ее «развитие». Дальнейшие векторы повышающего развития должны быть направлены в сторону улучшения экономической и когнитивной составляющих. Движение регионов СЗФО по модернизационному пути в целом согласовывалось с региональными страновыми тенденциями инерционности перехода из первого (1 и 2 типы) во второй (3 и 4 типы) этап реализации стратегии модернизации в 2000–2008 гг., а также торможением этого перехода с 2008 г. под воздействием кризиса (табл. 1).

Распределение регионов СЗФО по типам модернизированности*

Состояние (тип) модернизированности	Число регионов РФ (регионов СЗФО)				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Тип 6 – развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию	1	2	1	2(1)	3(1)
Тип 5 – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию	3(3)	3(1)	8(2)	6	4
Тип 4 – регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию	9(2)	9(3)	12(3)	9(3)	11(3)
Тип 3 – регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации	7	12	20 (3)	25 (4)	23 (4)
Тип 2 – регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию	45 (5)	40 (7)	29 (3)	32(3)	33 (3)
Тип 1 – регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию	18(1)	17	13	9	9
* Типы см. подробнее: Лапин Н.И. Состояние и проблемы социальноэкономической и социокультурной модернизации Российской Федерации // Социс. 2014. Источник: ИС «Модернизация» http://mod.vsc.ac.ru/					

В анализируемый временной интервал выделяются два субпериода, разделенных мировым финансовым кризисом. В первом из них (2000–2008 гг.) в регионах СЗФО, отмечался рост модернизационных процессов, который был остановлен в конце 2008 г. кризисными проявлениями. Индекс первичной модернизации СЗФО за этот период увеличился на 8 п.п. (с 91,5 до 99,6 %), что позволило округу переместиться с 3 на 2 место в рейтинге макрорегионов РФ (незначительно отстав от Центрального ФО). Существенное замедление модернизационных процессов в отдельных субъектах федерального округа в последующие два года (2008–2010 гг.) – второй субпериод, не позволило достигнуть полной (100%) реализации первичной модернизации. Напротив, обозначился некоторый спад показателей относительно достигнутых ранее позиций. Так индексы первичной модернизации уменьшились в 6 из 11 регионов округа. Наиболее значимое падение (более 2 п.п.) произошло в Республике Коми и Калининградской области, незначительное (от 1 до 2 п.п.) – в Новгородской и Псковской областях, незначимое снижение (менее 1 п.п.) имелось в Ленинградской и Вологодской областях.

Вместе с первичной модернизацией осуществлялось движение регионов по пути вторичной модернизации. В докризисный субпериод в СЗФО ее уровень увеличился более чем на 10 п.п. (с 66,7% в 2000 г. до 77,4% в 2008 г.), усилив разрыв от общероссийского тренда с 5,1 п.п. до 7,6 п.п. соответственно. Однако под влиянием кризисных явлений 2009–2010 гг. разница между трендами уменьшился до 5 п.п. на фоне незначительного роста индекса вторичной модернизации округа до 79%. Тем не менее, по уровню вторичной модернизации СЗФО за весь анализируемый период устойчиво занимал второе место среди макрорегионов РФ после Центрального федерального округа [7].

Анализ тенденций вторичной модернизации в СЗФО позволяет говорить о сложившейся устойчивой разновекторности протекающих процессов. Выделяется группа территорий с нисходящими трендами модернизации (Мурманская область и Республика Карелия). Вследствие кризисных процессов развитие модернизации в этих территориях имело возвратный ход и если в 2000 г. они относились к 5 типу – информационной модернизации, то в 2008 – 2010 гг. – соответствовали только 3 типу – зрелой индустриализации (табл. 2).

Большинство регионов СЗФО имеют восходящие тренды развития, однако и среди них выделяются два кластера. Выделилась значительная группа территорий (Ленинградская, Калининградская, Мурманская области и Республика Карелия), образующих условно депрессивную группу. К 2010 г. они относились к 3-му типу, при этом в первых двух областях в до-

кризисный период отмечен незначительный рост, а далее (в 2009–2010 гг.) застой, то в двух других территориях – резкий спад показателей. В частности, параметры модернизации Псковской области увеличились до уровня характеристик регионов 2-го типа, в Вологодской и Новгородской областях на протяжении всего рассматриваемого периода отмечена стагнация на низком 2-ом типе продолжающейся индустриальной модернизации.

Наконец в округе сформировалась группа территорий с высоким уровнем модернизации, имеющих восходящие тренды развития (Архангельская область и входящий в нее Ненецкий автономный округ, Республика Коми и г. Санкт-Петербург). Обращает на себя внимание, что в посткризисные годы регионы замедлили развитие, лишь г. Санкт-Петербургу удалось продвинуться на пути модернизации и достигнуть высокого 6 типа. Стоит также отметить, что северная столица вносит существенный вклад в формирование высокого уровня модернизации всего федерального округа, обеспечивая дополнительные 30 п.п. в индексе вторичной модернизации (индекс ВМ СЗФО без г. Санкт-Петербурга в 2010 г. составил бы 63,6%). Следовательно, в Северо-Западном федеральном округе мы также видим столичную асимметрию (аналогично Московской агломерации). Радикальное отличие в том, что Москва подтянула к себе область, которая даже опередила город по типу модернизованности, а Ленинградская область застряла на стадии ПМ, из-за низких доходов на душу населения при заметном экономическом росте.

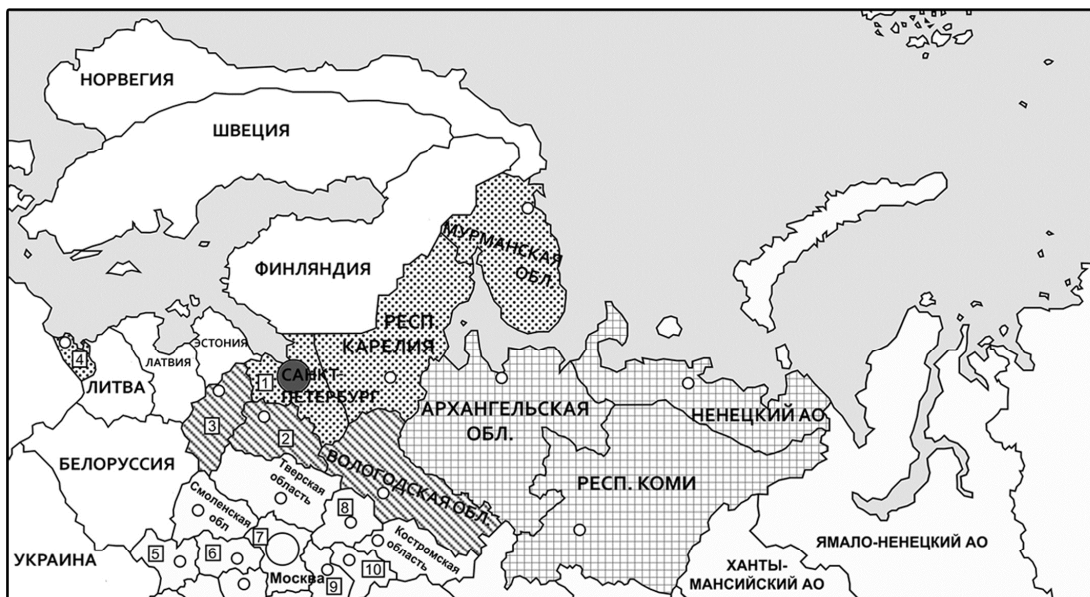
Обобщая оценку уровней модернизации регионов Северо-Западного федерального округа, отметим, что в 2000 г. преобладала группа территорий (55%) с низким уровнем модернизации (1 и 2 типы, см. рис.), а к 2010 г. основную массу (64%) составляли регионы среднего уровня модернизации (в 2000 г. таких было 18%). В тоже время за эти годы значительно уменьшилась доля территорий с высоким уровнем модернизации (5 и 6 типы) с 27% до 9%.

Таким образом, основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, ассиметричное и не синхронизированное развитие территорий, которое стало следствием, монопрофильной структуры экономики ряда регионов (топливно-сырьевая, металлургическая); сложившихся ранее диспропорций в экономическом и социальном плане, а также неэффективности государственного и муниципального управления. Немаловажное значение здесь оказал и финансово-экономический кризис, в результате которого сменились тенденции развития, произошло снижение основных экономических показателей, и не все регионы смогли полностью восстановиться после кризисных потрясений.

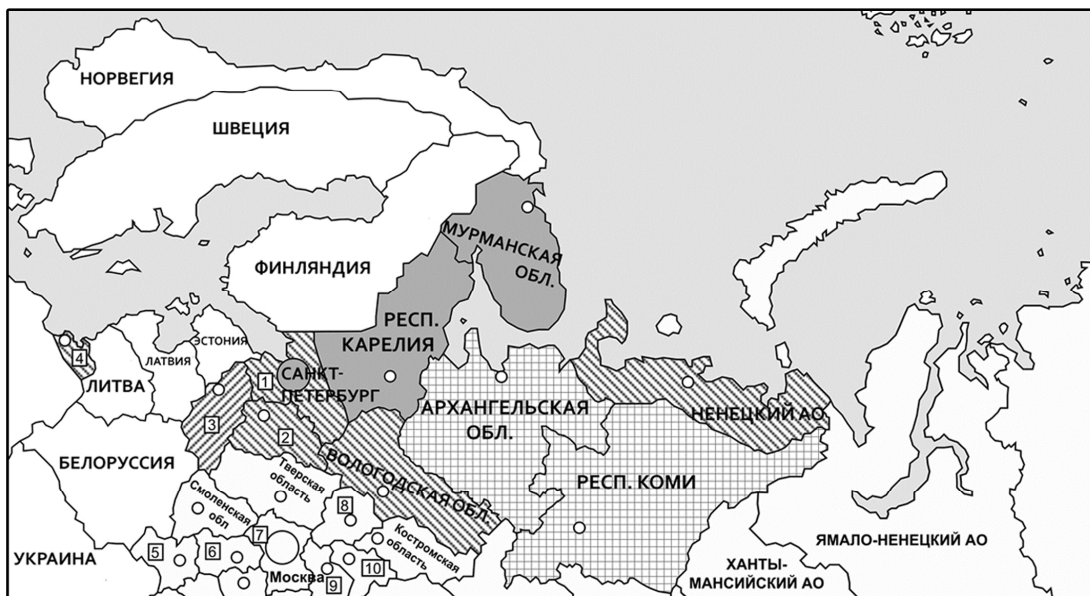
Таблица 2

Разновекторность процессов модернизации регионов СЗФО

Регион	Тип модернизации		
	2000 г.	2008 г.	2010 г.
<i>Развивающиеся</i>			
г. Санкт-Петербург	5	5	6 ↗
СЗФО	5	5	5
Архангельская область	4	4	4
Республика Коми	4	4	4
<i>Ускоренное развитие</i>			
Ненецкий автономный округ	2 ↗	4	4
<i>Регрессивные</i>			
Мурманская область	5	5	3 ↘
Республика Карелия	5	3 ↘	3
<i>Условно депрессионные</i>			
Калининградская область	2 ↗	3	3
Ленинградская область	2 ↗	3	3
Новгородская область	2	2	2
Вологодская область	2	2	2
Псковская область	1 ↗	2	2

2010 г.

2000 г.

**ДИНАМИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (2000 - 2010 гг.)**

ПМ : начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный Тип 1 (1; 0)	ПМ : зрелость; ниже среднего Тип 2 (5; 3)	ПМ : зрелость; средний, выше среднего Тип 3.(0; 4)	ВМ : подготовка; все средние Тип 4 (2; 3)	ВМ : начало; высокий, выше среднего, средний Тип 5 (3; 0)	ВМ : рост; высокий, выше среднего Тип 6 (0; 1)

Примечание: В скобках указана численность регионов федерального округа, относящихся данному типу модернизации в 2000, 2010 гг. соответственно.

Обозначения: ПМ - стадия первичной модернизации, ВМ - стадия вторичной модернизации.

После (:) - фазы стадий модернизации, после (;) - уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1. Ленинградская, 2. Новгородская, 3. Псковская, 4. Калининградская, 5. Брянская, 6. Калужская, 7. Московская, 8. Ярославская, 9. Владимирская, 10. Ивановская.

Динамика состояний (типов) модернизованности регионов СЗФО.

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vscs.ac.ru/>

Основные компоненты процессов модернизации

Развитие технико-технологической компоненты в России в данный эволюционный период характеризуется многоукладностью экономики. Для опережающего технологического развития необходимы неоиндустриализация, формирование экономики, основанной на знаниях. Детальный региональный анализ изменений элементов обсуждаемой компоненты весьма затруднителен как в силу разнородности и разноукладности экономики, так и по причине особенностей статистической отчетности, не включающей учета элементов технологических укладов. Наибольшая представленность производств пятого технологического уклада сконцентрирована в России в ядерной и авиакосмической промышленности. Подавляющее большинство отраслей экономики базируется на более низких технологических платформах [1].

Для промышленного развития СЗФО характерна разновекторность: с одной стороны – регионы «новой индустриализации» с крупными инвестиционными проектами в обрабатывающей промышленности (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская области), с другой – добывающие регионы (Мурманская, Архангельская области, республика Коми) [9]. В целом в промышленности округа преобладают обрабатывающие производства, их доля в структуре ВРП самая высокая среди макрорегионов и составляет 21,5%. Наиболее технически развиты такие отрасли как машиностроение, металлургия, химия и деревообработка.

Металлургия представлена одним из крупнейших российских металлургических комбинатов – ОАО «Северсталь». Среди машиностроительных предприятий – крупнейшие российские судостроительные предприятия: ПО «СЕВМАШ», Балтийский завод, Адмиралтейские верфи и т.д. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области сформирован мощный автомобилестроительный кластер. Среди предприятий химической промышленности можно отметить Акрон и Апатит. Лидеры лесопереработки – Архангельский ЦБК, Монди Сыктывкарский ЛПК, Группа Илим.

Второе место среди отраслей промышленности в СЗФО занимает добыча полезных ископаемых. В округе добываются практически все виды топливно-энергетических полезных ископаемых: уголь, нефть, газ и горючие сланцы.

Относительную оценку уровня технико-технологического развития позволяет дать анализ инновационного развития региона. После упадка в 2005 г. инновационная составляющая в последние анализируемые годы (2008, 2009, 2010 гг.) вновь стала расти, прежде всего в Республике Карелия, Ненецком АО, Ленинградской, Мурманской, Новгородской областях (доля затрат на НИОКР в ВРП), в г. Санкт-Петербурге и Псковской области (число жителей, подавших патентные заявки). Основные проблемы перехода экономики округа на инновационный путь развития содержатся в следующих моментах:

- низкий уровень инновационной активности предприятий;
- низкая производительность труда при общем сокращении численности трудоспособного населения;
- моральный и физический износ основных фондов в агропромышленном комплексе, промышленности, электроэнергетике;
- устаревшая структура экономики, недостаток мощностей по глубокой переработке сырья.

Социоэкономическая компонента характеризуется существенным повышением доли сферы услуг, однако темпы происходящих изменений невысоки. Для активного развития сервисной экономики нужен высокий спрос на товары и услуги (богатое население или большой туристический поток), которого в большинстве территорий Северо-Запада нет. Переход работников в мелкую торговлю и услуги происходит как вынужденное действие, т.к. нет других рабочих мест. Анализ показывает, что трудовой потенциал высокого качества в экономике региона (и страны в целом) в настоящее время в должной мере не востребован и условия для его развития пока не благоприятны. Только в Вологодской области за время экономических преобразований количество высокооплачиваемых рабочих мест (в промышленности, в основном в машиностроении) снизилось на 120 тысяч [4]. Произошло их заме-

щение низко квалифицированными (а следовательно и более низко оплачиваемыми) местами в сфере услуг, обслуживания и т.п.

Оценка субиндекса трансляции знаний показала стагнацию всех входящих в него переменных – это ВРП на душу населения, доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП и доля занятых в материальной сфере в общей занятости.

Развитие IT сектора сдерживается недостаточной распространенностью персональных компьютеров в домохозяйствах (индекс = 65%). Однако за анализируемый период данный показатель возрос в 11 раз, таким образом, в ближайшие 5–7 лет можно ожидать его увеличения до 100% уровня.

Следует отметить неоднородность развития сервисной экономики в пределах макрорегиона. Из всех территорий выделяется столица СЗФО – Санкт-Петербург, в котором интенсивно развивается сфера услуг, с выделением третичного сектора (финансы, информатика, масс-медиа и т.д.) Доля населения, занятого в сфере услуг в Санкт-Петербурге – превысила 70% занятого населения, и ее рост продолжается.

Своеобразием отличаются города Европейского Севера, с развитой ресурсодобывающей промышленностью. Их особенность также состоит в том, что уровень развития сферы обслуживания, транспорта, вспомогательных отраслей – выше средних российских показателей, что связано с климатическими условиями и большой удаленностью.

Невысокий уровень жизни населения в большинстве территорий Северо-Запада, сложные природно-климатические условия (особенно в северных регионах), неразвитость самоохранных и здоровьесформирующих практик у населения обуславливают низкую ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ), которая по стандартам развитых стран должна быть не менее 80 лет, а в округе составляет 68,2 года (по России – 69,8 года в 2010 г.) Проблемы экономического характера обуславливают наличие в макрорегионе социальных проблем. Наиболее острые из них следующие:

- низкие показатели здоровья населения, в том числе по социально значимым видам, низкая ожидаемая продолжительность жизни;
- неравномерная доступность квалифицированной медицинской помощи, учреждений культуры и образования;
- недостаточная развитость социальной инфраструктуры;
- низкое качество жизни вследствие высокой степени социального и доходного неравенства населения;
- устаревшая материальная база образовательных учреждений и несоответствующее требованиям инновационной экономики качество образования.

Социокультурная компонента: социокультурное пространство России подразделяется на множество региональных сообществ, характеризующихся социальными и культурными изменениями. По уровню социокультурной обустроенности городов и муниципальных образований СЗФО в целом является привлекательным для населения, в том числе для мигрантов. Существенный минус – суровые природно-климатические условия в северной части округа. Насущную проблему для периферийных районов представляет доступность социальных объектов (образования, медицины) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах. Практика показывает, что лидерами в социально-экономическом развитии становятся территории, где высоко развиты образование, наука, здравоохранение и культура. Поддержание и умножение этого потенциала является приоритетной задачей модернизационной политики, т.к. без него не может быть инновационной экономики и быстрого саморазвития. То есть для скорейшего модернизационного развития необходимо достижение высокого качества жизни населения. Требуется наличие благоприятных условий, мобилизующих социум для модернизации, а также определенного (современного) уровня инновационного, технического и социокультурного развития. Так, известный социолог, профессор Ягеллонского университета П. Штомпка совершенно справедливо говорит о том, что «модернизация – это способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [12]. Для этого важно:

– общедоступное образование, обеспечивающее людей навыками, необходимыми для эффективного использования возможностей, предоставляемых модернизацией;

– доступ к высшим формам культуры и искусства, для повышения восприимчивости и обогащения опыта.

Несмотря на увеличение доли населения с высшим профессиональным образованием, важной проблемой продолжает оставаться качество образовательного процесса, его комплиментарность требованиям экономического и производственного развития. Повышение качества образования, а также вовлеченность населения в непрерывное образование позволит современному российскому обществу перейти на более высокую ступень развития и включенности населения в процессы модернизации.

Повсеместная информатизация и компьютеризация общественной жизни расширяет возможности и пути достижения целей. Вместе с тем эти процессы несут в себе немало отрицательных эффектов: в частности популяризация виртуального общения приводит к снижению ценности реального общения. Здесь более всего претерпевает изменение перцептивная сторона (процесс восприятия друг друга партнерами и установления взаимопонимания), а также встает вопрос о доверии друг к другу, порядочности и честности, что ведет к социальной разобщенности, социальной пассивности, неготовности предпринимать коллективные действия и, как результат, к атомизации общества.

Ключевая проблема заключается в том, что в обществе наблюдается всё большая степень разобщенности, настроения россиян всё больше связываются с собственными интересами, в первую очередь, с удовлетворением материальных потребностей. Это отмечают многие отечественные исследователи, например М.К. Горшков, в статье «Русская мечта: опыт социологических измерений» подчеркивает: «...россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания... Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей» [2]. В.И. Жуков обращает внимание, что «...в современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности» [3].

Социологические опросы Института социально-экономического развития территорий РАН фиксируют аналогичные тенденции на региональном уровне. Более половины жителей области в 2010–2013 гг. отмечали, что доверять могут «только самым близким друзьям и родственникам» (57–58%), каждый четвертый говорит, что доверять в наше время «нельзя никому» (27%), доверяют большинству знакомых и всем людям без исключения только 16% населения области.

По данным социологических опросов (по программе «Социокультурные портреты регионов России»), проведенных в различных регионах РФ, значительная часть населения (33,3%) чувствует близость с жителями поселения, в котором они живут (варианты «далекое» и «чужое» выбирают 5,9% опрошенных). Причем в масштабе «поселение – область – Россия» происходит снижение данного показателя и увеличение доли, характеризующей безразличное и отчужденное отношение к людям (36,7%) [15]. Это иллюстрирует концентрацию интересов населения только на своей личной жизни, что усиливает разобщенность в обществе.

Институционально-регулятивная компонента является частью социокультурной модернизации и нацелена в сторону демократизации государственной жизни общества, обеспечение активности гражданского общества и т.д. Данные опросов ИСЭРТ РАН [14], проведенных в Вологодской области, свидетельствуют об устойчивом росте показателей социального настроения и запаса терпения, снижении уровня протестного потенциала (с 20,7 до 16,0% в 2007 и 2013 г. соответственно). Вместе с тем наблюдается рост доли жителей считающих, что они не могут повлиять на состояние дел в городе (с 62,1 до 68,6% в 2011 и

2014 г. соответственно), области (с 66,6 до 73,3%), в стране (с 67,4 до 73,5%), а также сохраняются негативные тенденции общественного мнения в отношении деятельности Правительства РФ, отсутствуют позитивные изменения в оценке работы властных структур, население все меньше связывает свои ожидания с деятельностью органов власти. Полученные данные говорят о существовании обособленности человека, «уходе в себя», спаде ожидания помощи со стороны государства. Вполне обоснованно можно утверждать, что социально-экономический атомизм и снижение пассионарности характерны не только для Вологодской области, но и для Российской Федерации в целом [8]. Возникающее при этом нарушение равновесия в обществе может привести к нестабильным ситуациям, влекущими за собой максимизацию рисков и ущербов социокультурной системы. Поэтому необходима корректировка социоэкономической модернизации в сторону улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества.

Об этапах стратегии интегрированной модернизации регионов

В период с 2000 по 2010 г. в СЗФО наблюдалась незначительная позитивная динамика интегрированного индекса модернизации СЗФО: его значения выросли с 59 до 71%, что соотносится с уровнем среднеразвитых стран (интервал от 53 до 83%). Из трех групп параметров интегрированного индекса менее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако при детальном рассмотрении региональной модернизации отметим, что наименьшие величины имеет индекс трансляции знаний (от 41 до 59%) – у всех территорий, за исключением г. Санкт-Петербурга (93%). Подобный диссонанс объясняется тем, что северная столица отличается достаточно большой долей затрат на исследования и разработки в ВРП и значительным числом жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек), и это в 6–13 раз превышает показатели соседних субъектов РФ. Стоит отметить, что обстановка с интегрированной модернизацией в большинстве регионов России схожа с ситуацией в СЗФО: индекс ИМ очень мал – находится в пределах от 42 до 70%. Более высокий уровень имеют лишь г. Москва – 89%, г. Санкт-Петербург – 78% и Томская область – 72%. Для большинства регионов основными причинами, сдерживающими процессы модернизации, являются недостаток ресурсных возможностей, низкая доля производств с высокой добавленной стоимостью, слабый уровень развития сектора научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Торможение процессов модернизации содержит два аспекта: экономический и когнитивный. Во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, они находятся на низком уровне. Высокий индекс знаний, присущий Санкт-Петербургу, восполняет когнитивную компоненту в округе, тем самым приводя к сбалансированности (табл. 3). Вместе с тем нет прямого «взаимодействия» между городом федерального значения и Ленинградской областью, которая все еще находится в первичной (индустриальной) стадии модернизации. Необходимо отметить, что наименьший уровень сбалансированности ИИМ наблюдается в Вологодской и Псковской областях.

Анализ распределения стадийных индексов модернизации и ее интегрированной компоненты позволяет сконструировать коридоры возможностей модернизации на ближайшие годы (5–10 лет) развития. На наш взгляд, наиболее продуктивной будет стратегия поэтапной модернизации.

Этап 1. Целесообразно сосредоточить финансовые ресурсы и организационные усилия на максимальном использовании потенциала г. Санкт-Петербурга для развития сильно отстающей от него Ленинградской области. Развивать лесопромышленный кластер макрорегиона Северо-Запад. Это, прежде всего территории: Республика Коми, Архангельская и Вологодская области, Республика Карелия. Необходимо заменить сырьевой экспорт на экспорт преимущественно готовой продукции (деревянное домостроение, мебель, бумага и т.д.).

Этап 2. Использовать потенциал кластерных производств. Поддерживать и развивать промышленные кластеры в Калининградской, Вологодской и Новгородской областях. Может также получить активное развитие туристический кластер в Вологодской и Псковской областях. Приоритетами этого этапа должны стать реиндустриализация и формирование эконо-

мической среды, создающей возможности для дальнейшего развития. Прделанные шаги должны способствовать вхождению регионов в третью фазу модернизации (зрелости ПМ) и создать базу перехода к ВМ.

Таблица 3

Динамика состояний (типов) модернизированности регионов СЗФО (2000 – 2010 гг.) и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(6) Повышение состояний ВМ. Опережают социальная и когнитивная составляющие							
г. Санкт-Петербург	5	5	6	0,376	С	эк.	соц., зн.
(5) Неустойчивость состояний ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Мурманская обл.	5	4	3	0,358	С	эк., зн.	соц.
Респ. Карелия	5	2	3	0,217	НС	эк., зн.	соц.
Архангельская обл.	4	2	4	0,182	НС	эк., зн.	соц.
(4) Застой ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Северо-Западный ФО	5	5	5	0,355	С	эк.	соц., зн.
Респ. Коми	4	4	4	0,233	НС	эк., зн.	соц.
(3) Переход к ВМ (к типу 4, фаза начала). Опережает социальная составляющая.							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	соц.
Ненецкий АО	2	4	4	0,331	С	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(2) Повышение ПМ (к типам 2, 3). Опережает социальная составляющая							
Ленинградская обл.	2	2	3	0,244	НС	эк., зн.	соц.
Калининградская обл.	2	2	3	0,183	НС	эк., зн.	соц.
Псковская обл.	1	2	2	0,177	Н	эк., зн.	соц.
(1) Застой динамики ПМ (тип 2, фаза роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Новгородская обл.	2	2	2	0,211	НС	эк., зн.	соц.
Вологодская обл.	2	2	2	0,147	Н	эк., зн.	соц.
Обозначения: ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ; ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Источник: Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Этап 3. Необходимо развивать потенциал нефтегазового кластера (Мурманская область, Республика Коми). Вместе с этим формировать сберегающие технологии природо- и лесопользования. Цель создания кластеров и продвижения межрегиональной кластерной по-

литики должна заключаться в повышении производительности, инновационности, конкурентоспособности и прибыльности предприятий. Значимым фактором регионального развития является использование потенциала приграничного сотрудничества (Республика Карелия, Мурманская и Ленинградская области, а также Калининградская область), которое должно стать объектом пристального внимания и формирования делового и инновационного сотрудничества.

Обобщая отметим, что Северо-Западный федеральный округ имеет ряд преимуществ. Основные из них – это географическое положение, природно-ресурсная база. Огромное значение имеет город федерального значения – Санкт-Петербург. Показатели уровня оснащённости территории округа объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские показатели. Однако состояние инфраструктуры и магистральных коммуникаций во многих муниципальных образованиях недостаточно благоприятное. Из-за отсутствия необходимой транспортной составляющей и редкой сети городов в северной части СЗФО существует низкая сплочённость, которая сдерживает эффективность реализации его экономического потенциала. Это один из основных факторов, тормозящих развитие, поэтому в перспективе следует уделять повышенное внимание улучшению качества автомобильных дорог, систем теплоснабжения, энергосетей. Производственный потенциал регионов округа ограничен условиями экономики и инновационной перестройки. Зачастую объём и структура инвестиционных предложений не соответствуют степени развития территориальной инфраструктуры, большая часть фондов сильно изношена и морально устарела. Требования модернизации и перехода к новому этапу технологического уклада обуславливают необходимость развития и обновления производственного потенциала на новой научно-технической и инновационной основе.

Следует иметь в виду, что при выборе инерционных сценариев развития макрорегиона (при сохранении существующих тенденций), достичь поставленных стратегических целей не представится возможным. Недостаточным будет рост высокотехнологичных отраслей экономики, произойдет снижение экологической базы территорий, в некоторых областях будет утрачена конкурентоспособность, возникнут серьёзные экономические и социальные последствия. Проблематично будет развитие энергетической и транспортной инфраструктуры. Ухудшится демографическая обстановка, сдерживание инновационного развития приведет к снижению качества трудового потенциала.

В случае же выбора инновационного сценария развития у СЗФО появится возможность превращения территорий в зону технологического и социокультурного прорыва. Высокотехнологичные и наукоемкие отрасли будут иметь достаточно стимулов для ускоренного роста. С учетом повышения эффективности здравоохранения, внедрения новых технологий станет возможным снижение заболеваемости и смертности населения. Формирование эффективного комплекса наука – образование – инновации (НОИ) [10] обеспечит опережающий характер развития образовательной сферы, итогом этого станет рост качества образования, изменение профессионально-квалификационной подготовки кадров, удовлетворяющей потребностям инновационной экономики. Развитие добывающих и перерабатывающих отраслей, базирующееся на инновационных технологиях, позволит продуктивно развиваться топливно-энергетическому комплексу и выходить на новые рынки сбыта. То есть обеспечение конкурентоспособности регионов СЗФО будет основываться на сбалансированности направлений и инновационной активности во всех сферах социально-экономической жизни.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
2. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3.
3. Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / Доклад на II съезде Союза социологов России. М.: Изд-во РГСУ. 2008.

4. Ильин В.А. Проблемы развития региона в условиях глобального кризиса (на примере Вологодской области). Проблемы прогнозирования. 2010. №1. С. 78–87.
5. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №1(31). С. 26–35.
6. Лапин Н.И. Состояние и проблемы социоэкономической и социокультурной модернизации Российской Федерации. Социс. 2014.
7. Ласточкина М.А. Территориальные особенности модернизации России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. №2(34). С. 29–41.
8. Морев М.В., Каминский В.С. Проблемы взаимодействия государства и общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №6 (30). С. 207–224.
9. Социальный атлас российских регионов. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris_archive.shtml/#no20.
10. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 395–414.
11. Хэ Чуаньци Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
12. Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №6(30).
13. Il'in, V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) / Studies on Russian Economic Development, 2010. Vol. 21, No 1, pp. 56–63.
14. Lastochkina M.A. Factors of Satisfaction with Life: Assessment and Empirical Analysis. Studies on Russian Economic Development, 2012, Vol. 23, No 5, pp. 520–526.
15. Shabunova A.A., Okulova N.A. Russians assess social and cultural regional milieu. Sotsiologicheskie Issledovaniya, 2011, No. 6, pp. 36–43.

A. A. Shabunova, Vologda

SUSTAINABLE MULTI-DIRECTIONALITY OF PROCESSES OF MODERNIZATION: NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT

The essence of socio-cultural modernization in the Northwest federal district is considered. Advantages and problems in relation to a modernization assessment in regions of the federal district, based on a technique of the Center of research of modernization of the Chinese academy of Sciences are marked out. Modernization is considered not only as the process leading to technical and innovative progress, but mainly to favorable changes in society and improvement of human potential with preservation of traditions and a cultural heritage.

Key words: modernization, socio-cultural dynamics, subjects of modernization, population.

УДК 316.3/4

М. Г. Ганопольский, Тюмень

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ: ОТ СХЕМЫ К ОБРАЗУ

Представлена попытка в тезисной форме теоретически воссоздать значимые моменты отечественной регионализации. Тюменский регион выступает репрезентирующим объектом данного рассмотрения.

Ключевые слова: регион, схема, образ, граничный дискурс, триединая тотальность.

Термин *регион* стал популярен в 90-е гг. XX в. Из специальной научной литературы он перекочевал в статьи публицистов и речи политиков, прочно обосновался в повседневной лексике, стал ключевым в особом региональном дискурсе, ознаменовавшем не только смену общественного уклада, но и очередную трансформацию пространственного бытия. Одновременно происходила смена оптики как в обыденном осознании, так и в теоретическом воспроизведении процесса регионализации. С позиций сегодняшнего дня эта смена может быть обозначена как переход от *одно-образия* к *разно-образию*. Отсюда и потребность в определенном схематизме при конструировании образа региона. Причем схематизме не столько в привычном смысле поверхностного описания или изложения в общих, главных чертах, сколько структурного вызревания.

Как известно, *схема* – это условное графическое изображение составных частей объекта и связей между ними (монтажная схема, функциональная схема, принципиальная схема, транспортная схема и т.д.). Менее известно, что у термина есть и своя философско-методологическая история, восходящая к Платону. У Платона схема приобретает значение универсального понятия, поскольку применяется не только к мифам или же к мусическому искусству, но и к политическому устройству и даже к законам. Впрочем, по-настоящему понятие схемы вводит в философию И. Кант. У Канта схемы – это своего рода посредники между категориями и эмпирическими явлениями. Их онтологический статус ниже, чем категорий и понятий, но они помогают синтезировать смыслы и представлять их как целостное явление – предмет познания [1, с. 220–224]. В последнее время схемы становятся предметом самостоятельного изучения. Им уделяют внимание системологи, методологи науки, представители когнитивной психологии [4]. И хотя попытка пунктирно наметить основные тенденции отечественной регионализации действительно схематична, тем не менее схемы административно-территориального деления страны и отдельного региона, каркас расселения территориальной общности, карты-схемы городов и т.д. способны дать представление о структурной зрелости рассматриваемого объекта с необходимой степенью глубины и подробности. Поэтому становление региона может быть интерпретировано как зарождение, усложнение и совершенствование такого рода структур, как реализация проекта самосозидания региона в его движении *от схемы – к образу*.

* * *

Трансформации, связанные как с расширением или сжатием внешних границ страны, так и с внутренней административно-территориальной перекройкой, происходили в России неоднократно. Но непосредственным предшественником регионализации 90-х гг. стало разрушение особого рода тотальности. Соответствовавший ей тотальный граничный дискурс сформировался в общественно-политической лексике нашей страны в начале 30-х гг. и пришел на смену идее мира без границ, где бы можно было «без России, без Латвий, жить единым человечьем общежитьем». Утверждался он отнюдь как официальными средствами партийной публицистики, так и силой художественного слова. Нерушимость границ и связанная с ней социально-психологическая атмосфера тех лет были обусловлены не только мотивами внешней угрозы. Важнейшим внутренним фактором стало формирование особого рода три-

единой тотальности, объединявшей Власть, Собственность и Территорию («от Москвы до самых до окраин...»).

Такая власть, как известно, была персонифицирована. Поэтому происходившая в середине 50-х гг. эрозия тотальности, потребовала соответствующей деперсонификации. Разоблачение (преодоление) так называемого культа личности и его последствий положило начало стадийному процессу, итогом которого и стал распад не только пресловутого триединства, но и каждой из его составляющих.

* * *

При рассмотрении отечественной регионализации зачастую игнорируется наличие двух классических подходов к трактовке пространства – *субстанционального* и *реляционного*. Между тем, их различие может оказаться продуктивным. В первом случае, регион предстает как территория, на которой размещены объекты различных категорий и свойств; во втором – как взаимодействие производственных, экономических, транспортных и иных систем, представляющих собой сферу жизни и труда региональной общности. Но современный российский регион – это не только пространство в двух своих основных ипостасях, но и процесс. С точки зрения схематизма правомерно представить каждый из этих аспектов как особого рода организационную структуру.

Определенную методологическую подсказку содержит в этом плане высказывание одного из видных теоретиков организации Эрроу: «...среди всех творений человека использование организации для осуществления его целей – одно из самых великих и самых ранних его изобретений. Даже при отсутствии других свидетельств было бы ясно, что осуществление таких грандиозных строительных программ, как возведение четко распланированных городов вроде Нара и Киото, или таких монументов, как египетские пирамиды, невозможно без создания сложных организаций. В отношении менее материальных целей мы знаем, например, организацию империи инков в Перу, где сложное и раскинувшееся на большой территории государство управлялось весьма четко с использованием всего лишь примитивнейших технических средств: они не знали ни письменности, ни колеса» [2, с. 29].

Преимущества такого масштабного, панорамного видения неоспоримы. И хотя достигается оно ценой известных потерь, в приведенной точке зрения присутствуют три основных функциональных типа организаций: *властный*, *производственный*, *поселенческий*. В состоянии “индустриальной зрелости” они рационализируются и приобретают четко выраженную, геометрически представимую структуру. В терминах теории графов это: “дерево” (аналог схемы властной иерархии) и два вида сети – ориентированная, или “сетевой график” (аналог схемы алгоритма – не только вычислительного, но и организационно-производственного), и обычная (аналог структуры расселения или же сети коммуникаций). С другой стороны, различие организаций и их структур можно наглядно представить на примере типических социальных объектов, в которых они наиболее полно воплощены: армия, завод, поселение.

Предложенная типология отличается от тех, которые обычно приняты в работах по теории и социологии организаций, хотя и не противоречит им. Вполне возможно, что потребность в геометрическом представлении такого рода и не возникала. Правда, аналогичные структуры применяются при построении баз данных в информационно-вычислительных системах. Там они соответственно носят названия: иерархическая, сетевая и реляционная.

Существенный вклад в типологию организаций вносили попытки их математико-кибернетического моделирования, характерные уже для второй половины XX столетия. Но сетевые графики почему-то не рассматривались при этом как самостоятельный организационный тип, и типологизация ограничивалась, как правило, иерархическими моделями. Из современных отечественных авторов наиболее обстоятельно к типологии социальных организаций на макроуровне подошел А.И. Пригожин. Он выделяет четыре типа организационных образований: административные (предприятия, учреждения), союзные (общественные), ассоциативные (неформальные) и поселенческие. Два последних типа он считает пограничными формами, или полуорганизациями [3, с. 73–76]. Нетрудно заметить, что предложенный

Пригожиным типологический перечень основан на примате иерархической оргструктуры и упорядочен по степени убывания иерархической жесткости объектов-представителей. Поэтому и поселение, где эта жесткость проявлена в наименьшей степени, “не тянет” на полноценную организацию. Каким же способом в таком случае поддерживается целостность поселенческого объекта? Только ли коммуникативно-информационным? То, что одним лишь иерархическим упорядочением в организационном описании социальных объектов не обойтись, подтверждает методическую оправданность предложенной нами типологии.

* * *

Сложность проблемы отечественной регионализации не позволяет сформулировать ее не то что в полном объеме, но даже конспективно. Поэтому ограничимся кратким изложением ключевых ее моментов и одновременно сузим рамки рассмотрения до одного региона. Таким регионом, сочетающим в себе черты универсального (типичного) и уникального (единичного) является Тюменская область. Речь пойдет о территориально-производственном комплексе, сформировавшемся в ней в ходе нового индустриального освоения в единстве времени, места и индустриального действия.

Новое промышленное освоение практически безлюдных просторов Севера Тюменской области не просто надстроило над географической средой последовательные слои индустриальных производств, оно изменило суть данного пространства. Теперь о регионе уже невозможно говорить как о синониме территории или же как о чисто умственном конструкте. Правда, в последнее время российские регионы все чаще рассматриваются как субъекты региональной политики. Политический лексикон делает свое дело, подменяя смыслы, интерпретируя место жизни и деятельности людей прежде всего как поле столкновения политических интересов. И на фоне накала политических страстей банальной кажется мысль, что регион и в нынешнем своем облике – это не только политико-административная единица, не только производственные мощности, не только нефть и газ, но прежде всего люди, которые заселили эту землю, обжили ее, освоили эти мощности и, самое главное, видят (до поры до времени?) смысл в том, как они живут и что делают. То есть чувствуют себя на этой земле, в этом индустриальном пространстве на своем месте. Правда, некогда общий для большинства вчерашних мигрантов вектор интереса Человек – Место действительно распадается на множество векторов различной направленности. Составляют ли эти векторы единое поле, ибо без такого единства рассуждения об экономике, политике, о регионе – как о некоей целостности – будут лишены оснований? Постараемся подойти к этому вопросу ретроспективно.

Тюменская область была образована в результате перекройки границ, завершившей двадцатилетний период непрерывных изменений административно-территориального деления в этой части Западной Сибири. Большая ее часть была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской области. По территории новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобь, казавшаяся непригодной для жизни и хозяйственной деятельности. Территория, географическое пространство – вот основное богатство области и предмет ее гордости в ту пору. Истинные мотивы ликвидации Тюменской губернии в начале 20-х гг. и возврат к Тюменской области уже в новой конфигурации вряд ли так уж просто сейчас обнаружить. Но организационная подоплека подобных административно-территориальных шагов почти очевидна. Речь может идти о конфликте между оргструктурами различной геометрии: властной (древовидной) и поселенческой. Конфликт этот имеет давнюю традицию. В его основе лежит колониционный фактор русской истории в сочетании с централизованной самодержавной властью. Послеревolutionонная история страны только трансформировала эту тенденцию. В условиях единства собственности и власти она приобрела форму конфликта ведомственности и местничества. Центр в качестве арбитра маневрировал между указанными позициями.

Что же до жителей Тюменской области, то они в массе своей в ту пору вряд ли задумывались об этом конфликте, а могли, пожалуй, сказать словами П.Я. Чаадаева: «мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас неведомая центробежная

сила, лишь любопытная страница физической географии» [5, с. 480]. Эти слова справедливы по крайней мере метафорически, поскольку именно геологам принадлежит честь переоткрытия области в ее новом качестве. Так уж распорядились природа и административная практика, что Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция почти полностью уместилась в границах Тюменской области. И геологи, реализуя схемы поиска и разведки углеводородного сырья, разметили территорию, подготовили ее к дальнейшему послойному освоению. Но при этом они произвели еще одну разметку.

Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и “кочевые” поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного утопического сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новостности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории в сочетании со схемой административного подчинения ее фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции.

Организационный комплекс, который превратил территорию в регион, можно было бы назвать территориально-индустриальным. Это сочетание целого ряда организационных структур различного назначения и уровня сложности. Главным в этом комплексе было то, что в производственно-технологическом и территориальном отношении он представлял собой единое целое, а оргструктуры властного типа были в нем более дробными и обособленными. Это было обусловлено целым рядом факторов: преобладание добывающей промышленности, ее привязка к конкретному месту, утилитарное отношение к ландшафту, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий и др.

Но тотальность технологии не сразу стала работать на сплочение общности. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации людей, вовлеченных в трудовой процесс (эскизно спроектированные на Большой Земле), распространялись и на остальные сферы их жизнедеятельности. По образу и подобию производственных технологий создается система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Постепенная замена формальных (технических) уз сцепления живыми человеческими связями вначале происходит по месту работы, в трудовом коллективе и в значительно меньшей степени – по месту жительства. Да и место жительства – это вначале ведомственный поселок с проецируемой на него производственной иерархией.

Система, названная впоследствии административно-командной, повсеместно превратила трудовые коллективы и их организации в основные ячейки собственного воспроизводства. Последующая эволюция этих коллективов выдвигала нормы делового и внеделового взаимодействия, а фирменно-отраслевой принцип распределения большинства социальных благ удерживал коллектив от других вариантов трансформации. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее, наоборот – автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция? Постараемся ответить на него хотя бы в первом приближении.

Период нового промышленного освоения 60-х гг. был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса еще не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооруженная совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 г. были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). Этот опыт в полной мере проявился в годы нового индустриального освоения Тюменской области. Прежде всего как масштабный опыт штабно-фронтального «захвата» территории, расквартирования на ней, сооружения опорно-тыловых баз, налаживания не только производства, но и минимального быта и т.д. Если в ряде экономических районов процесс децентрализации тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах все разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов отрасли и, конечно же, для параллельной системы административно – территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных поселков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утвержденные и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и к чему было создавать детальный социальный проект, если на месте все как-то стихийно утрясалось. Конечно, без расчета численности персонала не обходилось, но графа *численность* (да еще помноженная на *коэффициент семейности*) – это, пожалуй, единственное место в проекте, где люди как-то упоминались. Вместе с тем не хотелось бы говорить здесь ни о крупных просчетах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупненный проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт утопии, когда упрощенность и абстрактность схем действия была рассчитана на определенный состав исполнителей.

Именно в эти годы, а точнее с конца 60-х гг., в обиходный язык прочно входит слово *обустройство*. Раньше оно встречалось редко, считалось областным (сибирским), означало устройство нового места и “по совместительству” выполняло роль специального термина – *строительство на нефтяных и газовых месторождениях*. Теперь это был синоним устройства жизни, ее благоустройства. С началом освоения Тюменских месторождений нефти и газа для всей страны в очередной раз началась жизнь на новом месте, и люди стали эту жизнь *обустраивать*. В экзистенциальном же измерении проблемная ситуация также становится утопической: отчасти гамлетовской («оборвалась времен связующая нить»), отчасти лировской (разорвалась связь пространств). В последние годы она дополнительно осложнена то затухающим, то обостряющимся синдромом, порожденным сложносоставной структурой Тюменской области (о чем необходимо говорить особо).

Список литературы

1. Кант. Критика чистого разума // Собр. соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 220–224.
2. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М., 1973.
3. Пригожин А.И. Социология организаций. М., 1980.
4. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.
5. Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М., 1991. Т. 1.

M. G. Ganopolsky, Tyumen

RUSSIAN REGIONS: FROM SCHEME TO IMAGE

There is an attempt under thesis form to reconstruct theoretically the significant moments of the Russian regionalisation. Tyumen Region represents itself as an object of this research.

Key words: region, scheme, image, limiting discourse, triunique totality.

УДК 316.334.52

И. А. Германов, Пермь

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00200 а)

Рассмотрены показатели инновативности и особенности структуры ценностных ориентаций населения в субъектах РФ – участниках проекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Установлено наличие тесной связи инновационных процессов в регионах с соотношением степени поддержки их жителями традиционных и современных ценностей, которое наиболее отчетливо проявляется на микроуровне: деятельности отдельных людей и субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: инновации, ценности, регион.

В современном научном дискурсе, выступлениях представителей властных элит и бизнес-сообщества темы модернизации и инновационного развития экономики неразрывно связаны. При этом инновационная модель развития, как правило, рассматривается как единственная альтернатива для страны в условиях глобальной конкуренции, а отставание в инновационной сфере видится в качестве одной из основных угроз национальной безопасности. В России принят целый ряд программных документов, ориентированных на развитие отечественной инновационной структуры, значительные средства инвестируются в их реализацию. Однако по большинству показателей инновационной деятельности в настоящее время мы существенно отстаем не только от экономически развитых, но и развивающихся стран. Помимо общего отставания к числу острых проблем относится территориальная неравномерность инновационного развития России: по основным индикаторам различия между регионами достигают десятков раз.

В ходе обсуждения факторов, влияющих на темпы модернизации и рост инновационной сферы, важное место отводится социокультурным характеристикам. При этом единство мнений относительно их роли в настоящее время отсутствует. Так, например, Е.Г. Ясин, анализируя изменения системы ценностей россиян, приходит к выводу, что культурные предпосылки модернизации в нашей стране за последние годы ухудшились и, более того, – состояние институтов и культуры главным образом определяет неготовность российского общества к модернизации и инновационной экономике [7, с. 106–107]. В то же время Н.И. Лапин приводит весьма веские аргументы в пользу того, что структура ценностей не может рассматриваться в качестве основного препятствия переходу на инновационный путь развития, их воздействие носит рамочный характер, а первостепенное значение имеют институциональные барьеры между экономическими интересами основных субъектов инновационных процессов [4, с. 47–48].

В поисках ответа на вопрос о степени «ответственности» системы ценностной населения за судьбу процессов инновационного развития обратимся к материалам исследований по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Основная задача – оценка состояния инновационной деятельности в субъектах РФ, а также определение связи инновационных процессов с характеристиками структуры ценностных ориентаций населения соответствующих регионов. Эмпирическую базу составили данные статистики, отражающие уровень инновативности субъектов РФ и доступные материалы опросов, проведенных по типовому инструментарию «Социокультурный портрет региона России» (по 16 регионам). Состав и способы расчета индексов и показателей инновационной деятельности в основном соответствуют Типовой программе [2].

Оценка инновационного статуса региона производилась по нескольким основным измерениям: индексу инновативности региона (Иид), отражающему состояние инновационного потенциала, а также двум индикаторам его реализации – индексу инновационности продукции региона (Иип) и коэффициенту инновационной активности населения (Киа). Последний из показателей рассчитывался в двух вариантах. Первый (Киа1) учитывал всех участников инноваций (как инициаторов, так и их последователей). Второй (Киа2) основывался на выделении организаторов новшеств. В качестве дополнительного показателя использовался также индекс инновационной активности малого бизнеса (Иимб) – удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных малых предприятий.

По значениям индекса инновативности (Иид) субъекты РФ можно условно разделить на шесть типов. У «высокоразвитых» (Москва и Санкт-Петербург) значения индекса существенно превышают показатели РФ и соответствующего федерального округа. Второй тип – «хорошо развитые». Для этой группы, в которую входят два анализируемых региона (Новосибирская и Челябинская области) характерно не столь значительное, чем в первом случае, но все-таки заметное опережение обоих усредненных показателей (см. рис. 1). Значения индекса инновативности (0,343–0,363) позволяют этим территориям занять в общем рейтинге 6 и 8 места. К «относительно развитым» относятся регионы, у которых значения индексов примерно соответствуют общероссийским значениям, но опережают соседей по федеральному округу. Это Омская (0,320), Свердловская (0,312), Ульяновская области (0,312) и Красноярский край (0,296), которые в общем рейтинге разместились с 9 по 15 место. Четвертую группу можно условно назвать «отстающими в развитии». Значения индекса инновативности здесь несколько ниже общероссийских и средних по соответствующим федеральным округам. К данному типу относится Пермский край (0,273), Тюменская (0,276) и Астраханская обл. (0,250). Самая многочисленная группа, включающая почти половину анализируемых субъектов РФ относится к типу «относительно неразвитые» регионы. Значения индекса (0,176–0,213) значительно уступают общероссийским показателям и регионам – соседям. Несмотря на то, что вариация Иид в этой группе регионов сравнительно небольшая, разброс положения этих территорий в общем рейтинге довольно значителен – от 45 до 68 места. Эта ситуация – следствие наличия обширной и слабодифференцированной группы регионов, которое ранее уже отмечалось исследователями [1]. Шестой тип – «слаборазвитые» регионы с очень низкими показателями инновационной деятельности (Иид < 0,15) среди анализируемых субъектов РФ не представлен.

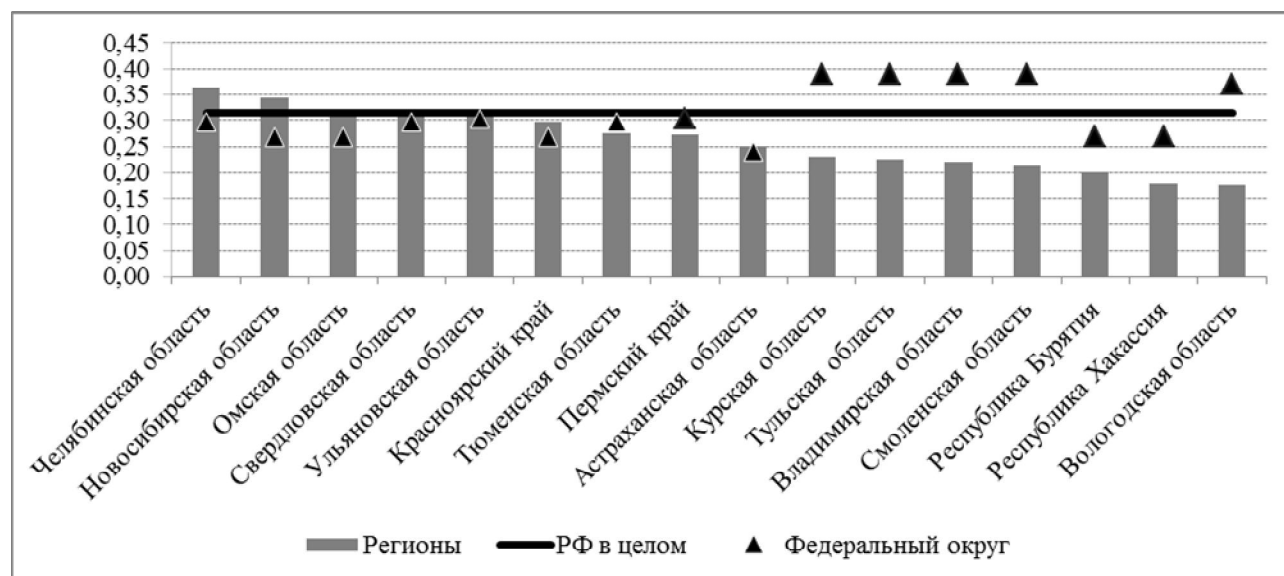

Рис. 1. Индекс инновационной деятельности в РФ и регионах (2012 г.)

Результативность инновационных процессов характеризуется объемом инновационных товаров (услуг) в общем объеме их выпуска и отражается значениями индекса инновационности продукции региона (Иип). Если говорить в целом, распределение значений этого показателя указывает на еще более глубокую дифференциацию инновационного развития в субъектах РФ. Если по показателям потенциала различия между регионами составляют десятки раз, то по результативности – более сотни раз. Также обращает на себя внимание то, что лишь в 8 субъектах темпы обновления продукции соответствуют нормам постиндустриального общества (10–12% в год и больше). Из числа регионов, относящихся к объекту нашего исследования, в эту группу попадает лишь Ульяновская область (15,3% – пятое место в РФ). Еще семь субъектов (в том числе Пермский край 8,9% – 12 место) соответствуют нормам индустриального общества (8–10% в год). Во всех остальных случаях показатели инновационности продукции регионов ниже условной нормы.

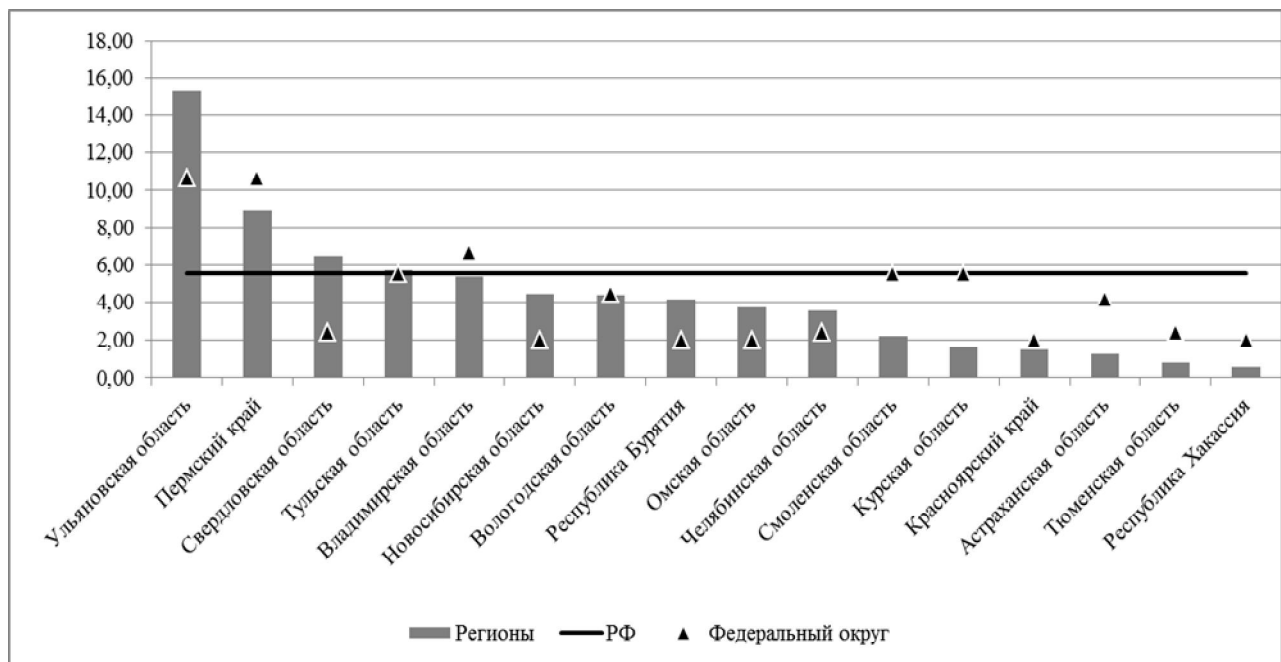

Рис. 2. Индекс инновационности продукции в РФ и регионах (2007–2012)

Следуя использованной ранее типологии регионов по уровню инновационного развития, к «высокоразвитым» отнесем Ульяновскую область, к «хорошо развитым» – Пермский край. Определение состава категории «относительно развитых» регионов вызывает некоторые сложности. Состав этой группы довольно большой и внутренне неоднородный. С одной стороны, сюда входят субъекты, чьи показатели примерно соответствуют общероссийским значениям (Свердловская область 6,5% – 27 место; Тульская область 5,7% – 29 место и Владимирская область 5,4% – 33 место), которые, однако находятся в совершенно различном отношении к регионам – соседям (см. рис. 2). С другой, сюда же включены территории, уровень развития которых уступает среднероссийскому показателю, но заметно опережает регионы, относящиеся к тому же федеральному округу. Среди них Новосибирская и Вологодская (4,4% – 42–43 место), Омская (3,7% – 52 место), Челябинская (3,6% – 53 место) области и Республика Бурятия (4,1% 47 место). К числу «относительно неразвитых» регионов были отнесены Смоленская, Курская, Астраханская области и Красноярский край (1,3–2,2%, места с 67 по 76). «Слаборазвитыми» можно считать Тюменскую область и Республику Хакассия, где средние объемы инновационных товаров и услуг составляют менее 1% общего выпуска. Указанные регионы практически замыкают инновационный рейтинг по этому показателю (81 и 83 места).

Степень дифференциации регионов по дополнительному показателю результативности инновационной деятельности (Иимб) сравнительно невелика. В целом по России среднее

значение удельного веса малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, колеблется от 0,7% (Кемеровская область) до 9% (Чувашская Республика). Основная часть анализируемых субъектов РФ также слабо отличаются друг от друга. Тем не менее, с большой долей условности среди них можно выделить «высокоразвитые» (Пермский и Красноярский край, Новосибирская, Тульская области и Республика Хакасия). Значения индекса здесь (5,7–6,8%) заметно выше среднероссийских и регионов – соседей – см. рис. 3. К числу «хорошо развитых» можно отнести Вологодскую, Челябинскую, Омскую, Ульяновскую, Тюменскую и Свердловскую, Владимирскую области, где индексы мало отличаются от значения по РФ в целом и соответствующих федеральных округов. Тип «отстающих в развитии» представлен одним регионом – Астраханская область. «Относительно неразвитыми» можно назвать Смоленскую, Курскую области и Республику Бурятия. Здесь инновационная активность малого бизнеса заметно отстает от российских показателей и соседних регионов.

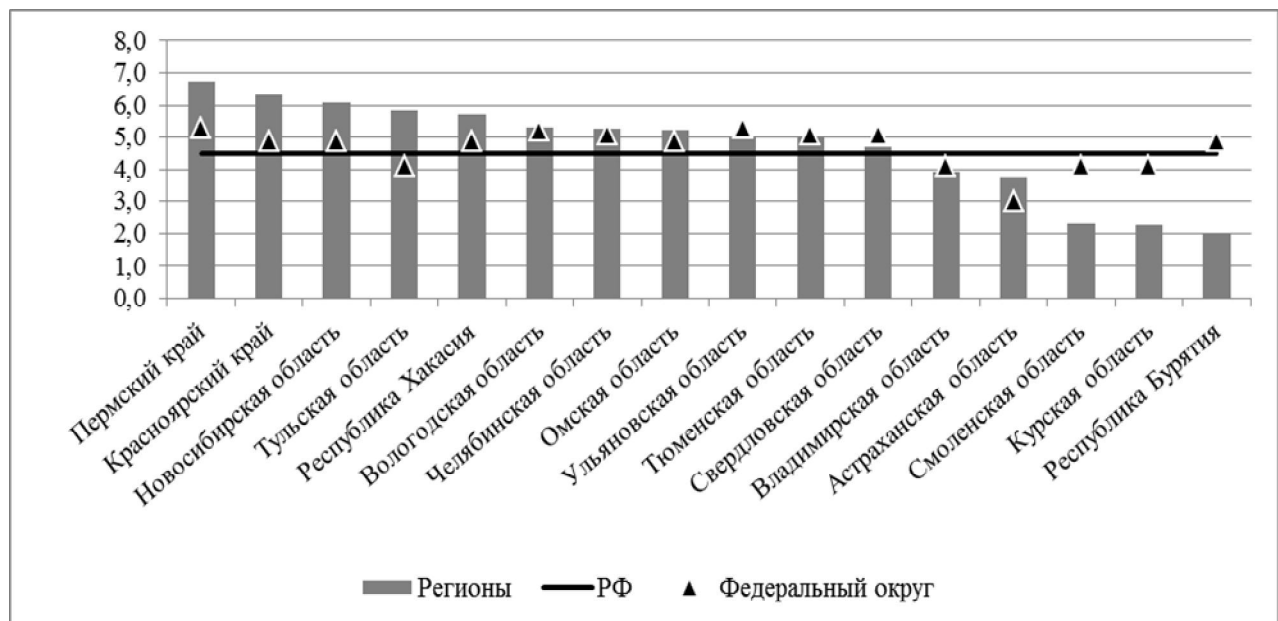

Рис. 3. Индекс инновационной активности малого бизнеса в РФ и регионах (2007, 2009, 2011)

Последний из анализируемых показателей инновационной деятельности основан на результатах массовых выборочных опросов населения, поэтому выводы относительно расположения регионов на оси данного показателя ограничиваются лишь теми субъектами РФ, по которым у нас есть соответствующие эмпирические данные. Можно отметить, что в большинстве регионов уровень активности населения уступает, а порой и значительно, «нормальному» уровню (15%) включенности занятых в инновационный процесс. Исключение составляют Свердловская и Омская области, где показатели существенно выше нормы, а также Тульская область, Красноярский край, Республика Хакасия (соответствие норме) – см. рис. 4.

Для характеристики ценностной структуры населения регионов использовалось соотношение степени выраженности традиционных и современных ценностей¹. Первую группу характеризовала реакция участников опроса на ценностные суждения, касающиеся порядка, жертвенности, властности и поддержания традиций. Вторую – относительно суждений о свободе, независимости, инициативности, своевольности. Частное от деления соответствующих показателей формировало коэффициент «Сохранение – Открытость к изменениям» (КиС). Значение КиС больше единицы указывает на преобладающую ориентацию на сохранение, меньше единицы – на изменение.

¹ При расчетах показателя использовалась методика, примененная Н.И. Лапиным [4].

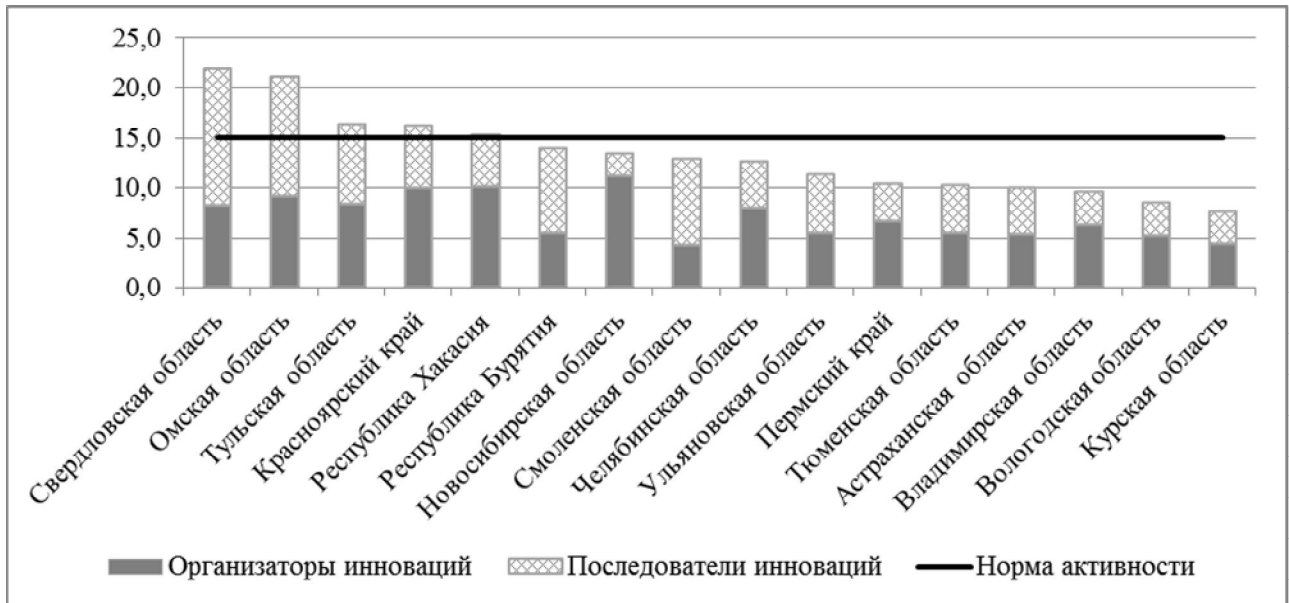

Рис. 4. Индексы инновационной активности населения в регионах РФ

Собранный материал позволяет сделать два основных заключения. Во-первых, участники опросов примерно в одинаковой степени разделяют как традиционные, так и современные ценности (с небольшим преобладанием первых), т.е. наблюдается совмещение различных типов ценностей. Во-вторых, различия между регионами в иерархии ценностей незначительны. Данная картина в целом совпадает с выводами специалистов Центра изучения социокультурных изменений [4, с. 38–39, 46].

Во всех случаях уровень поддержки каждого из типов ценностей соответствует значению «выше среднего» и меняется в небольшом интервале: 14,9–16,2 (сохранение) и 14,3–15,6 (изменение). Значения КиС также близки друг к другу – от 1,01 до 1,09. Традиционные ценности порядка и жертвенности, также как и современные ориентации на свободу и независимость во всех изученных регионах входят в интегрирующее ядро (поддержка свыше 4 баллов из 5). Ценность инициативности везде относится к интегрирующему резерву (поддержка 3,41–4,0 балла). Своевольность и властность во всех случаях отнесены к конфликтогенной периферии (менее 2,8 балла). Различия между регионами наблюдаются лишь в отношении ориентации на обычаи и традиции. В половине случаев (Новосибирская, Тульская, Омская, Челябинская, Ульяновская, Тюменская области, Красноярский край и Республика Хакасия) эта ценность была отнесена к резерву, а в оставшихся регионах – к ядру.

В основе нашего исследования лежала гипотеза о связи инновационного статуса региона со структурой ценностей его населения. Закономерно предположить, что большая выраженность современных ценностей, т.е. ориентация на изменение будет способствовать активизации инновационной деятельности. Проверка данной гипотезы осуществлялась посредством корреляционного и регрессионного анализа. В качестве зависимых переменных использовались показатели инновационной деятельности региона (Иид, Иип, Киа1, Киа2, Иимб), независимая переменная – соотношение ориентаций населения на традиционные vs современные ценности (КиС). Итоговые результаты приводятся по данным 15 регионов².

В трех случаях из пяти обнаружилось довольно тесные связи между структурой ценностей и показателями инновативности региона (см. в табл. выделение полужирным шрифтом).

² После первого этапа анализа выяснилось, что в четырех случаях из пяти данные по Республике Бурятия заметно отклоняются от общей тенденции: при КиС, указывающем на близкое к полному паритету соотношение современных и традиционных ценностей в регионе наблюдаются относительно низкие значения Иид, Иимб, Киа2. Исключение данного наблюдения на втором этапе анализа позволило существенно улучшить показатели качества регрессионных моделей.

Результаты анализа выявили устойчивую тенденцию: чем выше значение Кис (т.е. чем больше ценности сохранения преобладают над ценностями изменений), тем меньше в регионе доля организаторов инноваций, ниже удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, ниже индекс инновационной деятельности (см. рис. 5–7). Показатели качества построенных регрессионных моделей (R^2) указывают на то, что показатель соотношения традиционных и современных ценностей объясняет от 30% до 59% вариации показателей инновационной деятельности.

Полученные результаты в целом подтверждают исходную гипотезу: инновационный статус региона довольно тесно связан со структурой ценностей его населения. Даже небольшое изменение баланса различных культурных типов ценностей (традиционных и современных) оказывает существенное воздействие на показатели инновационной деятельности. Наиболее отчетливо эта связь проявляется на микроуровне: деятельности отдельных людей и субъектов малого предпринимательства. Основываясь на этих данных можно заключить, что ценностная компонента человеческого потенциала регионов является важным фактором активизации инновационных процессов. По крайней мере, это относится к формированию у жителей территории любознательного отношения к миру, стремления к поиску новых способов удовлетворения потребностей в самых различных сферах, открытости к экспериментам, поддержки оригинальности мышления других людей, т.е. условий, в которых возможно появление инновационных личностей в массовом масштабе, расширение слоя инноваторов.

Показатели взаимосвязи инновационной деятельности и положения регионов на оси ценностей «Сохранение – Открытость изменениям»

Зависимые переменные	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Коэффициент регрессии (β)	Коэффициент детерминации (R^2)	Критерий Фишера (F)
Индекс инновационной деятельности региона (Иид)	-0,549	-1,41*	0,30	5,6
Индекс инновационности продукции региона (Иип)	-0,303	-53,3	0,09	1,3
Доля участников инноваций в общей численности занятого населения (Киa1)	-0,447	-85,2	0,20	3,2
Доля инициаторов инноваций в общей численности занятого населения (Киa2)	-0,770	-76,8***	0,59	18,9
Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных малых предприятий (Иимб)	-0,711	-40,49**	0,51	13,3

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

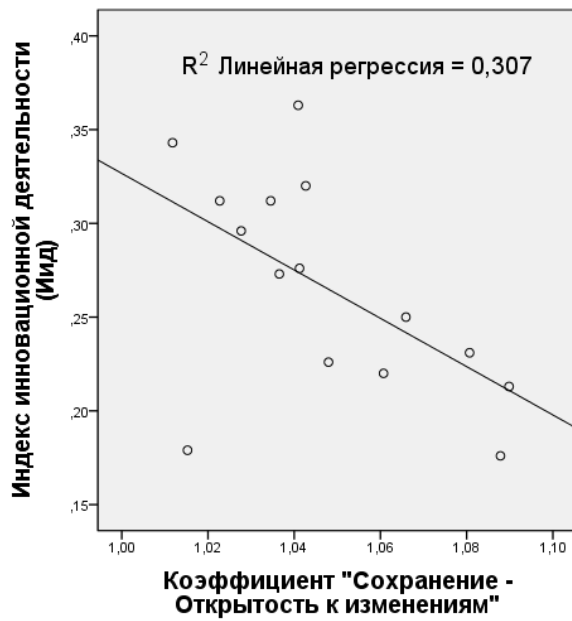

Рис. 5. Связь структуры ценностей с показателем инновационной деятельности

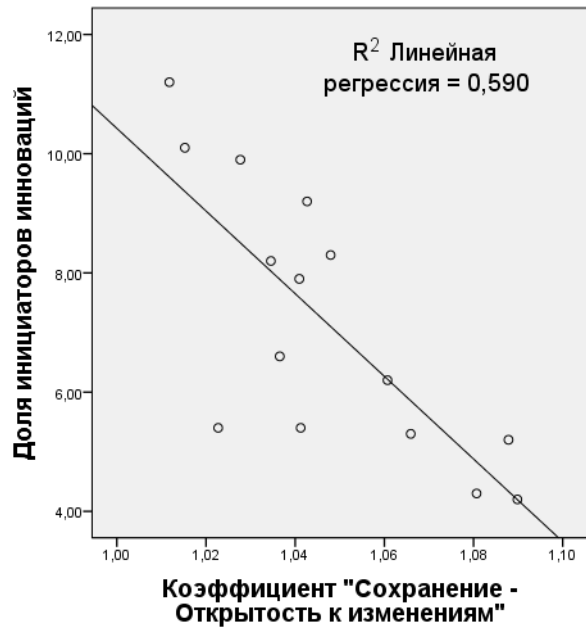

Рис. 6. Связь структуры ценностей с долей инициаторов инноваций

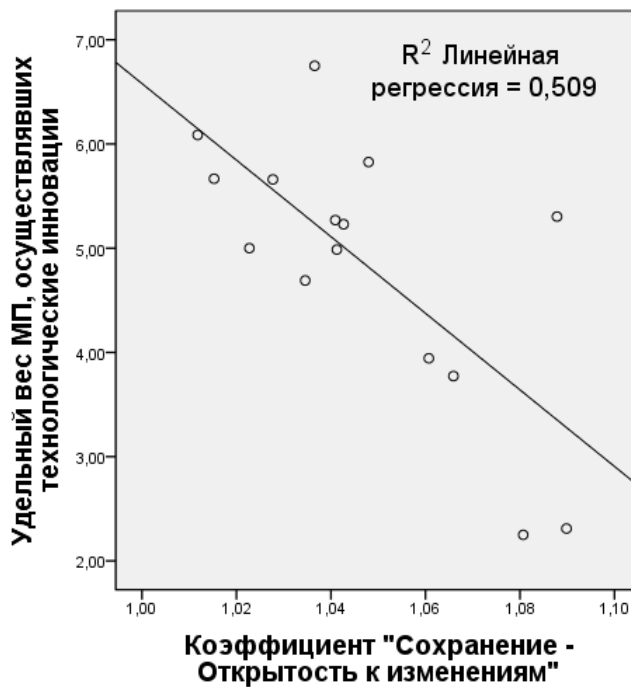

Рис. 7. Связь структуры ценностей с удельным весом малых предприятий, реализующих технологические инновации

Список литературы

1. Индекс инновативности / Социальный атлас российских регионов. URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_innov.shtml.
2. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.

3. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос. 2012.
4. Лапин Н.И. Ценности «сохранение–открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // *Общественные науки и современность*. 2009. №5. С. 37–51.
5. Национальная безопасность России в оценках экспертов: Аналитический отчет по результатам экспертного опроса. М.: ИС РАН, Исследовательская группа «Циркон», 2011. URL: http://www.vestnik.isras.ru/index.php?page_id=1537.
6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. 104 с.
7. Ясин Е. Г. Модернизация и общество: докл. к VIII Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и общественное развитие», Москва, 3–5 апреля 2007 г. / Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

I. A. Germanov, Perm

INNOVATION ACTIVITIES AND POPULATION VALUES IN RUSSIAN REGIONS

This study examines the relationship of values with innovative activities in Russian regions. The base of analysis includes 16 regions, in which conducted research on the project “Social and cultural portrait of a region”. The results of the correlation and regression analysis revealed correlation between relation of values “Conservation vs Openness to Change”.

Key words: innovation, values, region.

УДК 332.1(571.12)

В. А. Давыденко, Тюмень

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА
В МИРОВОМ И ОБЩЕРОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304а)

Показаны основные характеристики социально-экономического развития Тюменского региона. Даны фактуальные и прогнозные данные по возможностям региональной экономики в российском и мировом контексте. Обоснована необходимость модернизации экономики региона, развитие новых отраслей, предполагающих удлинение цепочки добавленной стоимости, активизации развития высокотехнологичных, прогрессивных, производств товаров и услуг, модернизирующих регион. Наиболее важными проблемами, волнующими население Тюменской области, является доступное жилье, качество медицинского обслуживания, занятость, защита от коррупции и криминала. Не более четверти респондентов в регионе предлагают развивать малый и средний бизнес – основу экономики в любой развитой стране.

Ключевые слова: социокультурный мониторинг, нефтегазовый комплекс, энергетика, самостоятельность индивидуума, занятость, социально-экономическое развитие.

Статья является частью цикла, посвященного социокультурному развитию Тюменского региона. Исследование, проведенное весной-летом 2013 г., было четвертым в мониторинге, включенном в проект «Социокультурные портреты регионов России» [9], проводимого в течении 10 лет Тюменский коллектив принимает участие в проекте с 2005 г., опубликован ряд монографий и статей [см. например, 11].

Тюменский регион, в настоящее время выступает как один из базовых регионов экономики России, а экономическую специализацию региона по-прежнему определяет нефтегазодобыча. Как видно из данных табл. 1, Россия продолжает занимать лидирующие места по характеристикам ТЭК. Не смотря на то, что валовой внутренний продукт России составляет лишь 4,1% от мирового, нашу страну по праву считают великой энергетической державой.

Таблица 1
Основные характеристики ТЭК России на фоне мировых показателей, 2013 г.

Показатель	Объем производства 2012/ 2013	Место в мире	Доля в мире, %*	Ближайший конкурент (место в мире)
Добыча нефти и газового конденсата, млн т	618,7/ 523,2	1-2	12,2	Саудовская Аравия (1–2)
Добыча газа, млрд т	654/ 668	2-е	12,9	США (1) Иран (3)
Объём переработки нефтехимического сырья, млн т	8,8/ 9,9	-	6,3	-
Выработка электроэнергии, млрд кВт•ч	1054/ 1045	5-е	4,8	Индия (4)

*Оценка по данным ОПЕС, ЕИА, IEA, ЦДУ ТЭК
Источник: [3].

Макроэкономический контекст чрезвычайно благоприятен как для России в целом, так и для Тюменского региона. С одной стороны, согласно прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), мировое потребление энергии по всем видам топлива в 1990–2040 гг. будет расти примерно на 50 квадриллионов британских тепловых единиц каждые 20 лет, и фактически удвоится к 2040 г. [1, р. 11]. Но основе прогнозов объёмов добычи жид-

ких углеводородов по регионам и странам мира, не входящих в ОПЕК, 2010 и 2040, которые дало IEA, России, прогнозируется по добыче жидких углеводородов выход на первое место в мире, около 11 млн баррелей в день [2]. США согласно этому прогнозу дается 2-е место, но очень небольшим отставанием – порядка 10 млн баррелей в день. С другой стороны, Тюменский регион является важнейшим участником международного энергетического рынка и имеет на нём значительную нишу, см., например, в сравнении данные табл. 2.

Таблица 2

Добыча нефти и конденсата по регионам России, 2000–2012 гг. млн тонн / % от РФ*

Регион	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Всего по Российской Федерации	494,2/100%	505,1/100%	511,1/100%	518,0/100%
Европейская часть РФ	30,2	30,2	29,9	29,3
Поволжье, в т.ч.	61,8 / 12,5%	64,1 / 12,7%	69,1 / 13,5%	70,4 / 13,6%
Республика Татарстан	32,4	32,4	32,5	32,7
Республика Башкортостан	11,4	13,4	14,4	14,9
Самарская область	13,1	13,8	14,2	14,8
Урал, в т.ч.	45,3 / 9,2%	45,7 / 9,4%	46,5 / 9,1%	47,3 / 9,1%
Оренбургская область	20,7	22,4	22,8	22,4
Пермский край	12,1	12,5	13,2	13,9
Республика Удмуртия	10,3	10,5	10,7	10,8
Северный Кавказ	9,9/2%	9,3/1,8%	8,6/1,7%	6,7/1,3%
Тимано-Печора, в т.ч.	32,2/6,5%	31,5/6,2 %	28,5/5,6%	27,2/5,3%
Республика Коми	13,4	13,1	13,4	13,7
Арханг. обл., в т.ч. Ненецкий АО	18,8	17,9	15,2	12,3
Западная Сибирь, в т.ч.	322,1/65,2%	318,3/63,0%	316,3/61,8%	317,2/61,2%
Тюменская область, в т.ч.	311,0	306,8	305,5	302,8
– Ханты-Мансийский АО	270,4 / 54,7%	265,9 / 52,6%	262,5 / 51,3%	259,9 / 50,2
– Ямало-Ненецкий АО	35,3 / 7,1%	34,5/6,8%	34,5 / 6,7%	36,4 / 7,0
Томская область	10,6 / 2,1%	10,6 / 2,1%	11,6/2,3%	11,9 / 2,3
Восточная Сибирь	7,5/1,5%	19,7/3,9%	27,2/5,3%	35,1/6,8%
Красноярский край	3,8 / 0,7%	12,9 / 2,5%	15,1 / 3,0%	18,5 / 3,6%
Дальний Восток	17,4 / 3,5 %	18,3 / 3,6 %	20,8 / 4,1%	20,9 / 4,0%
Сахалинская область	15,4	14,8	15,2	14,2

Источники: [4, 5, 6], систематизировано автором.

* В таблице не отмечены регионы, в которых добыча нефти и конденсата составляла менее 10 млн тонн в год.

Как видно из данных табл. 2, исключительно высокая доля по объёму добычи нефти и газу принадлежит Тюменской области, которая вместе с входящими в её состав ХМАО и ЯНАО в полной мере относится к числу «опорных регионов» в концепции «Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», то есть региона, который собирает, создаёт и воспроизводит основные экономические, материальные, финансовые, инновационные, человеческие и другие редкие ресурсы для нашей страны [8].

Газовый сектор Тюменской области в экономике России представлен комплексом сложных производств по добыче, транспортировке и переработке углеводородных газов естественного происхождения. Данные по добыче естественного газа по регионам России представлены в табл. 3. Если нефтяной сектор имеет достаточно широкий географический ареал, то газовый сектор почти на 90% сконцентрирован в Тюменском регионе, и более 80% – в ЯНАО.

Таблица 3

Динамика добычи природного товарного газа по регионам России в 2000–2012 гг., млрд куб. метров и % от российского объема (взяты только регионы с объемом добычи более 1% от российских)

Регион	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Всего по России, млрд куб. м.	584	641	584,5	650,8	670,1	655
ХМАО, % от всего по РФ	3%	4%	6%	6%	5%	6%
ЯНАО, % от всего по РФ	87%	87%	83%	83%	84%	82%
Сахалинская область, %	0%	0%	3%	4%	4%	4%
Оренбургская область, %	4%	3%	3%	3%	3%	3%
Астраханская область, %	2%	2%	2%	2%	2%	2%
Томская область, %	0%	1%	1%	1%	1%	1%

Источники: [4, 6]

В условиях повышения нефтяных цен происходило общее увеличение стоимости энергетических ресурсов, включая природный газ. Валовая добыча природного газа росла до 2011 г., но далее началось весьма резкое снижение. Общее снижение добычи данного вида сырья связано с падением её уровня у предприятий ОАО «Газпром». Это, в свою очередь, объясняется снижением объёмов поставок российского газа за рубеж.

Прогнозы мирового энергетического агентства основываются на том, что Россия сможет обеспечить наибольший объём дополнительных поставок, способных удовлетворить увеличение спроса на поставки из стран Европы и Евразии, не входящих в ОЭСР. Чистый экспорт России растёт в среднем на 2,4% в год, что составляет рост с 6,6 трлн. куб. футов в 2010 г. и должен вырасти до 13,5 трлн. куб. футов в 2040 г. [1, р. 59]. Однако, если более подробно изучить фактуальные данные по мощностям газового сектора РФ, возможности сектора оказываются весьма рискованными, поэтому ОАО «Газпром» неоднократно признавалось различными мировыми агентствами одним из самых неэффективных собственников.

Как видно данных [4] ведущей страной по производству электроэнергии – важнейшего показателя энергетики и уровня развития страны – с 2011 г. стала КНР. Вторая энергетическая держава – США, Россия – на третьем месте. Однако уровень производства электроэнергии в КНР и США в настоящее время практически недостижим для других стран. Любая другая страна / регион мира отстает от них в три-четыре и более раз. Производство электроэнергии ХМАО по сравнению с производством в России и с наиболее крупными поставщиками электроэнергии. Не смотря на то, что ХМАО и Тюменская область в 2012 г. находились по производству электроэнергии на первом месте в России, их доля по производству электроэнергии в России составляет 9,4%, [6].

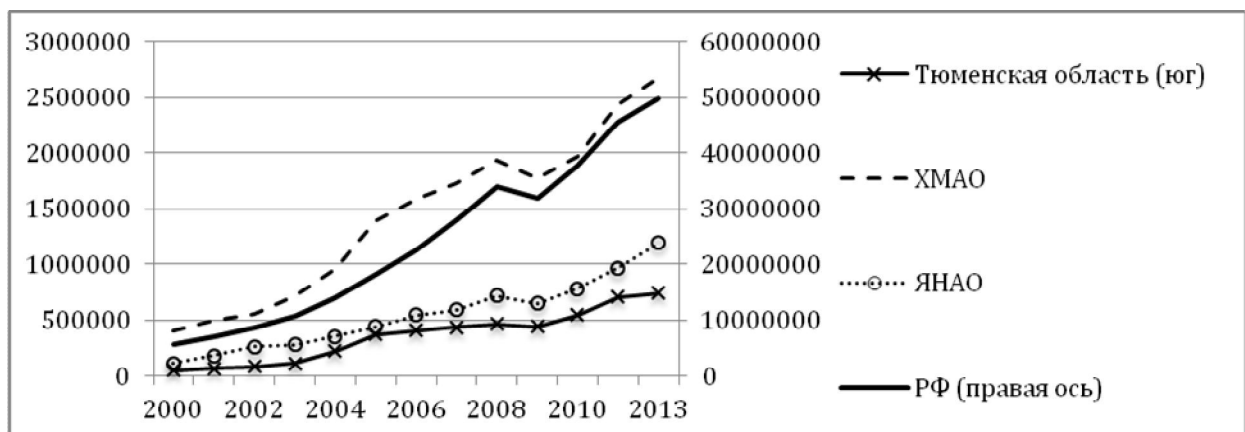

Рис. 1. Динамика ВВП России (правая ось) и регионов Тюменской области (левая ось), руб.

Источник: [13, с. 9–25; 15]

Динамика ВВП России весь период после 2000 г. практически подобна динамике ВВП ХМАО-Югры, но размер ВВП субъектов Тюменской области составляет от 1% до 5% всей России, рис. 1.

Такой парадокс обусловлен тем, что основная часть нефтегазодобывающих компаний в России зарегистрирована совсем не в тех региона, где осуществляется. При этом по структуре занятости, более половины занятых работают в обслуживающих экономику и население отраслях, что соответствует современной системе распределения труда, см. табл. 4.

Таблица 4

Структура занятости по секторам экономики, % от всех занятых

	Сельское, лесное, хозяйство, рыб., добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства, энергетика, строительство		Торговля, услуги, социальная сфера и управление	
	2005 г.	2012	2005 г.	2012	2005 г.	2012
Уральский ФО	12%	11%	30%	27%	58%	62%
Тюменская область	18%	19%	26%	24%	56%	57%
в том числе:						
ХМАО-Югра	19%	22%	26%	23%	55%	55%
ЯНАО	23%	24%	32%	33%	45%	42%

Источник: [5, с. 94–102]

Однако, учитывая, что вклад в ВРП этих отраслей крайне неравномерен, поскольку в российских условиях несоизмеримо велик вклад нефтегазодобывающей отрасли, структура доходной части региональных экономик также неравномерна.

Очень показательна динамика инвестиций в экономику Тюменской области по секторам экономики за период после 2003 г., рис. 2. Совокупная доля инвестиций в добывающие производства за 10 лет составила 64%, в торговлю и услуги (включая социальные) 18%, а в обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь – 6%.

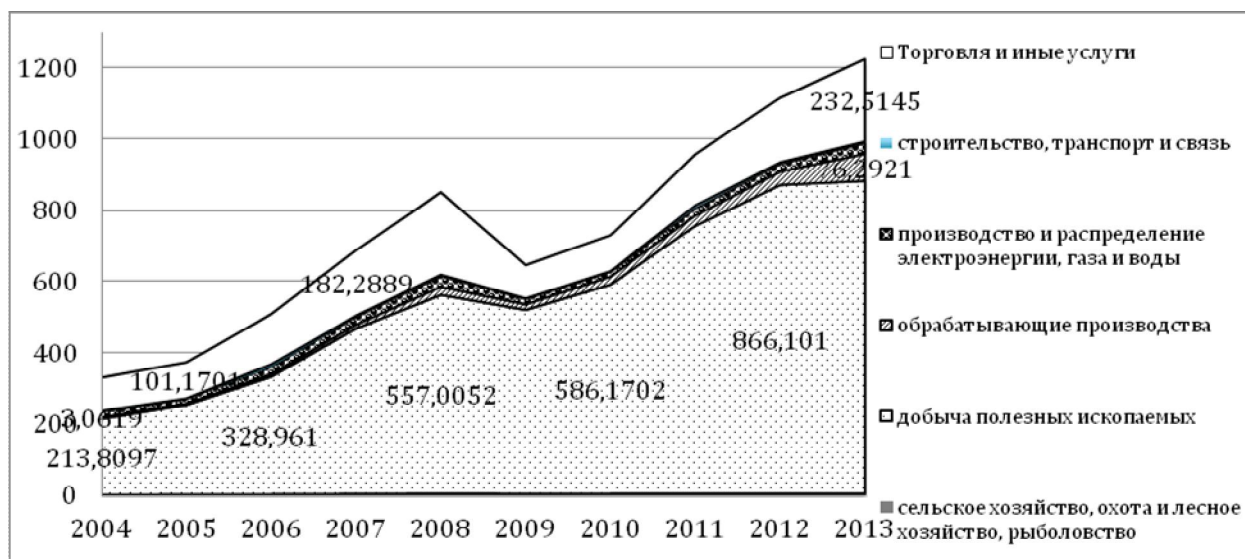

Рис.2. Динамика инвестиций в экономику Тюменской области (включая АО) по секторам экономики, млрд руб.

Источник: [13, с. 192, с. 180]

Как чувствуют себя жители региона? Некоторый обобщенный ответ на этот вопрос дают нам индексы социального самочувствия. В Тюменской области значение всех индексов социального самочувствия выше, чем в среднем по России. Все компоненты индекса достигают значения выше 0,6. То есть тех, кто оценивает свою жизнь скорее положительно примерно на 10% больше, чем тех, кто оценивает различные стороны своей жизни скорее отрицательно. Составляющие индекса находятся в сильной зависимости от внешней экономической ситуации. Так, динамика сводного индекса демонстрирует рост социального самочувствия, минимальное значение было достигнуто в 2011 г., но далее рост компонентов возобновился, рис. 3. В наибольшей степени подвергались колебаниям значения индекса социального оптимизма. В наименьшей степени – удовлетворенность жизнью в целом. Однако в наибольшей степени составляющие индексов изменяются по социальной структуре (бедные / богатые; различные сферы занятости; молодые / старшие возраста).

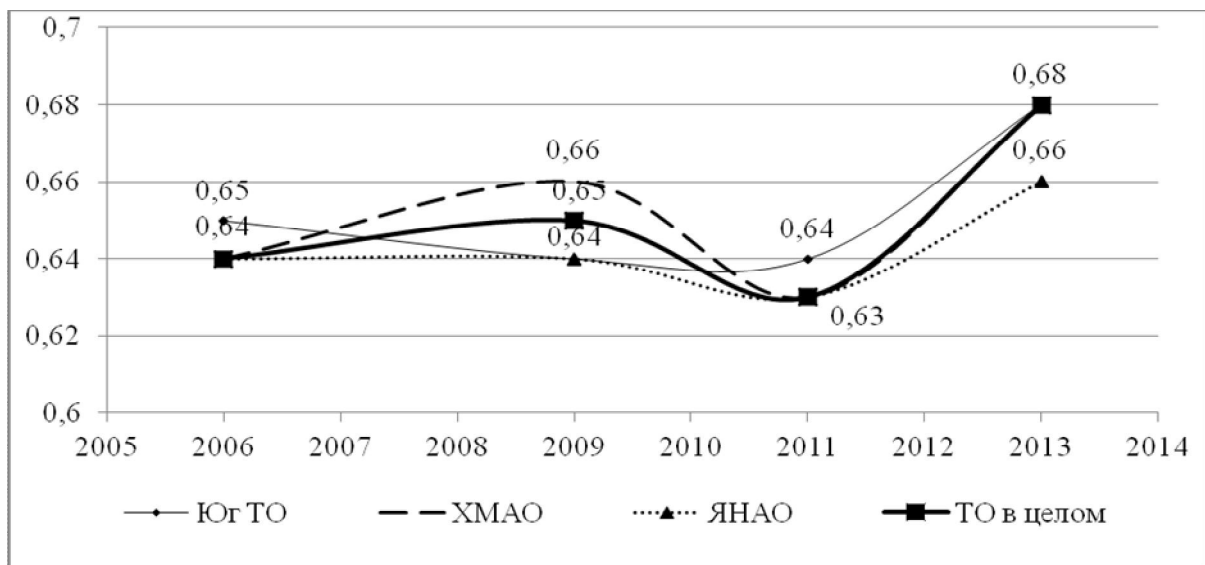

Рис. 3. Динамика сводного индекса социального самочувствия (Исс) по субъектам Тюменской области

Динамика индекса удовлетворенности жизнью в Тюменской области позитивна, хотя и наблюдалось небольшое снижение значений в 2011 г. Жители Свердловской области значительно менее удовлетворены, чем жители Тюменской и Челябинской областей, рис. 4.

Рис. 4. Динамика индексов удовлетворенности жизнью (Куж) в регионах УФО

Заметим, что социальное самочувствие – интегральный показатель качества жизни, и отражает весь комплекс проблем, существующих в данной местности. В России, как стране, находящейся в стадии подготовки к модернизации, более развитые в экономическом отношении регионы находятся в транзитивном состоянии, когда обостряются внутренние противоречия, происходит более существенное расслоение населения по социально-экономическому положению, что неизбежно отражается на социальном самочувствии, протестной и политической активности.

Индикатором проблем, наиболее актуальных для жителей региона, являются ответы на вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашего населенного пункта, округа, области?» (рис.5). Наиболее важными проблемами, волнующими население Тюменской области, является доступное жилье, качество медицинского обслуживания, занятость, защита от коррупции и криминала. Эти темы являются самыми актуальными в нашем регионе на протяжении всех лет наблюдений. Почти все проблемы имеют одинаковый ранг для всех трех субрегионов области. Не более четверти респондентов в регионе предлагают развивать малый и средний бизнес – основу экономики в любой развитой стране.

Рис. 5. Динамика ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашего населенного пункта, округа, области?»*, %.

* респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Резюме. Нефть, газ наряду с электроэнергией стали сырьевой основой российской экономики еще в 1970-х гг. Как следует из программных документов Правительства РФ, Россия будет продолжать и далее наращивать свою долю в этом секторе [8, 12]. В сырьевых вариантах прогнозов экономического развития России делается ставка на эксплуатацию первичных конкурентных преимуществ страны, которые заключаются в наличии концентрированных природных ресурсов: минеральным сырьем, лесом, гидроэнергетическими ресурсами, топливом, обширными свободными территориями. Акцент делается на добыче нефти, газа и их преимущественном экспорте; при этом предусматриваются самые простые переделы, продукция которых также в основном экспортируется. За этими вариантами прогноза стоят интересы сильных элитных групп, но с ними связаны и значительные риски. В энерго-сырьевой стратегии развития страны заинтересованы не только российские элиты: нефтегазовые компании, правительство, включая силовые структуры, и промышленные лобби, военно-промышленный комплекс, получающие заказы на свою продукцию, оплачиваемые рентными доходами. Заинтересованы и все инфраструктурные секторы – электроэнергетика и транспортный комплекс, спрос на продукцию и услуги которых во многом зависит от благополу-

чия промышленных предприятий, поддерживаемых природной рентой [10]. Энергосырьевую стратегию поддерживает также большинство членов российского общества, привыкших жить на сырьевую ренту и ждущих её дальнейшего дележа. Риски и опасности дальнейшего существования на сырьевую ренту связаны с укоренением в России *голландской болезни* – состояния экономики, для которого характерны увеличение добычи и экспорта сырья, а также уменьшение объемов промышленного производства [7]. «Голландская болезнь» при этом – такое состояние экономики, когда экспорт сырья гасит развитие национальной экономики. Явные и очевидные признаки «голландской болезни» в России наблюдаются буквально с первых лет рыночных реформ. Суть её в том, что экономика государства раскалывается на три сектора: сверхрентабельный сырьевой, относительно благополучный сервисный и депрессивный конкурентный, к которому относятся высокотехнологичные отрасли. Благополучие сырьевого сектора связано с доступом к ренте, сервисного сектора – с завышенным курсом национальной валюты и ростом внутренних доходов; неблагополучие конкурентного сектора связано с завышенным курсом рубля и перераспределением национального дохода в пользу сверхрентабельного сырьевого. Неизбежная расплата за сырьевой сектор – возникновение депрессивных условий для высокотехнологичных конкурентных отраслей институционального уровня.

Список литературы

1. International Energy Outlook. 2013.
2. Key World Energy Statistics, International Energy Agency, 2012. Key World Energy Statistics, International Energy Agency, 2013.
3. Данные Минэнерго. URL: <http://minenergo.gov.ru/upload/iblock/6d3/6d31617de7e7f951f664aee1b578d233.pdf>.
4. Данные Росстата, материалы Центрального диспетчерского управления Министерства энергетики РФ; Итоги производственной деятельности отраслей ТЭК России // ТЭК России. №1. 2000–2013 гг.; Сводные показатели производства энергоресурсов в Российской Федерации // Инфо ТЭК. №1. 2000–2013 гг.; Статистика // Разведка и добыча. №1. 2005–2013 гг.
5. Данные Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 519–520; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 515–516. Аналитический бюллетень: Электроэнергетика: тенденции и прогнозы. Выпуск №9. Итоги 2012 года.
6. Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi>.
7. *Забелина О.* Российская специфика «голландской болезни» // Вопросы экономики, 2004. №11. С. 60–75.
8. Концепция Стратегии развития регионов Российской Федерации, подготовленная Министерством регионального развития Российской Федерации и утвержденная Правительством РФ. URL: concept-strategiya_soc_econ_razv.doc.
9. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.
10. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. №6. С. 46–48.
11. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011.
12. *Сулов Н.И.* Энергетика России в ближайшие 20 лет: взгляд экономиста // ЭКО. 2013. №8. С. 79–96.
13. Тюменская область в цифрах: Крат. стат. сб. в 4-х частях. Ч.1. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. С. 9–25. 2009, С. 180.

V. A. Davydenko, Tyumen

SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS OF THE TYUMEN REGION IN THE WORLD AND THE ALL-RUSSIAN CONTEXT

The basic characteristics of the socio-economic development of the Tyumen region . Given factual and forecast data on the possibilities of the regional economy in the domestic and global context. The necessity of modernization of the economy of the region , the development of new industries, involving elongation value chain , enhance the development of high-tech , progressive , production of goods and services , modernizing the region. The most important issues affecting the population of the Tyumen region is affordable housing , quality health care , employment , protection against corruption and crime. Not more than a quarter of respondents in the region offer develop small and medium business backbone of the economy in any developed country .

Key words: sociocultural monitoring, oil and gas, energy, independence of the individual, employment, social and economic development.

УДК 316.334.3/52

Н. В. Дергунова, Ульяновск

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ В 2007–2013 гг.

В статье на основе методики составления социокультурного портрета региона выделены общественно-политические факторы модернизации региональных сообществ. На примере ряда социологических исследований по Ульяновской области, проведенных в 2007–2013 гг., обобщения результатов «Социокультурного портрета Ульяновской области», дан анализ мотивации и форм участия населения в муниципальном управлении как одного из условий демократической модернизации.

Ключевые слова: модернизация общества, общественно-политические факторы, социокультурный портрет региона, муниципальная реформа, формы участия населения, муниципальное управление.

Во второй половине XIX в. один из классиков европейского либерализма Дж. Ст. Милль в работе «О представительном правлении» пришел к выводу, что базовой основой для либерально-демократических преобразований является готовность населения не столько поддерживать те или иные преобразования, сколько реально отстаивать свои интересы и права как в социально-экономической, так и в общественно-политической сферах жизнедеятельности общества.

Методика подготовки социокультурных портретов регионов в определенной степени дает возможности исследования общественно-политических факторов российских реформ. Выделение уровней социокультурной типологии регионов [2] дает возможность изучения качества условий для жизнедеятельности и развития личности (три уровня социокультурной типологии регионов: гуманитарный (человеко-соразмерный), институционально-функциональный и локально-факторный уровни).

На основе первых двух уровней типологии регионов, программа «Социокультурный портрет региона» предлагает выделять три социокультурных типа регионов:

- (1) функционально-сбалансированный, многоаспектно поддерживающий человека;
- (2) функционально несбалансированный, декларирующий поддержку человека;
- (3) функционально разбалансированный, принижающий положение человека.

Методика выявления своеобразия сочетания уровней развитости различных сфер и параметров каждого региона также позволяет исследовать антропно-культурную и институционально-регулятивную сферы жизнедеятельности регионального сообщества в его гражданско-деятельностном отношении. Исследование общественно-политических факторов модернизации общества в рамках антропно-культурной сферы возможно через изучение межэтнических и межконфессиональных отношений и конфликтов; демографической активности / пассивности населения региона; доминирующего образа жизни и требований к системе здравоохранения и демографической политике государства; динамики базовых ценностей и степени защищенности от различных опасностей; изучения культурного потенциала, и прежде всего уровня образования, пассивности или активности жителей в развитии себя как личностей.

В рамках институционально-регулятивной сферы жизнедеятельности возможно исследование таких факторов, влияющих на восприятие реформ и их поддержку или отторжение, как соблюдение и отношение к нарушениям основных конституционных прав и свобод граждан; участие в государственном и муниципальном управлении; отношение к чиновникам, формы взаимодействия с ними; доверие органам власти, а также формы и институты участия населения, общественности в публичной политике.

Обобщая данные социологических исследований 2007–2009 гг. [6], Н.И. Лапин констатировал, что Ульяновская область как социокультурное сообщество характеризуется глубокой противоречивостью всех сфер его жизнедеятельности [2]. С одной стороны, согласно индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), Ульяновская область находилась в 2006 г. на среднем уровне по общероссийским меркам: 0,769 против 0,805 России. С другой стороны, индекс сбалансированности составляющих этого потенциала был здесь самым высоким среди восьми регионов, хотя и ниже общероссийского (0,405 региона против 0,435 РФ); это – сбалансированность низкого уровня всех трех составляющих ИРЧП: душевого ВРП, ожидаемой продолжительности жизни и доли учащихся в возрасте от 7 до 24-х лет (один из низких показателей в России). Как и в большинстве российских регионов, в Ульяновской области представлены три основных технологических уклада: аграрный, индустриальный и информационный; доминирует индустриальный.

Структура региональной идентичности жителей Ульяновской области типична для многих регионов, но более контрастна: здесь отмечается высокая близость между жителями внутри поселений (80%), средняя близость с жителями своей области (47%) и низкая – с жителями всей России (28%). Социальные смыслы такой идентификации, по мнению Н.И. Лапина, доминирование локально-поселенческой замкнутости населения, при умеренной его ориентации на региональное сообщество и низкой – на государственно-страновой социум; последнее свидетельствует об отсутствии в обществе гражданско-политических целей, значимых для большинства населения региона.

В плане цели нашего исследования, можно на основе представленных данных сделать вывод, что в регионе в целом отсутствуют или не работают общественно-политические факторы, формирующие мотивацию населения на качественные изменения своей жизни, стремление к саморазвитию и поддержку новаций органов власти по модернизации региона.

В течение 2008–2013 гг. кафедрой социологии и политологии УлГУ совместно с общественной палатой региона был проведен ряд исследований, позволивших отметить некоторую положительную динамику в формировании модернизационного потенциала регионального сообщества, функционировании общественно-политических детерминант данного процесса. Выборочные опросы по Ульяновской области проводились: 2008 г. – 1500 респ., 2010 г. – 1100 респ., 2011 г. – 1500 респ., 2012 г. – 600 респ., и 4600 респ., 2013 г. – 1500 респ. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 2,5 %.

В июле 2013 г. на основе адаптированной ВШЭ-ГУ методики Международного Альянса за гражданское участие CIVICUS было проведено исследование, в ходе которого было опрошено 687 человек: 57,5% респондентов составили женщины, 42,5% – мужчины [1]. Сравнение уровня развития гражданского общества осуществляется по четырем параметрам: 1) среда, в которой существует и развивается гражданское общество; 2) структура гражданских организаций и тип связи между ними; 3) ценности, лежащие в основе гражданской активности; 4) воздействие гражданской активности на социально-политическую среду [4]. Полученные результаты показали следующий уровень развития четырех подсистем.

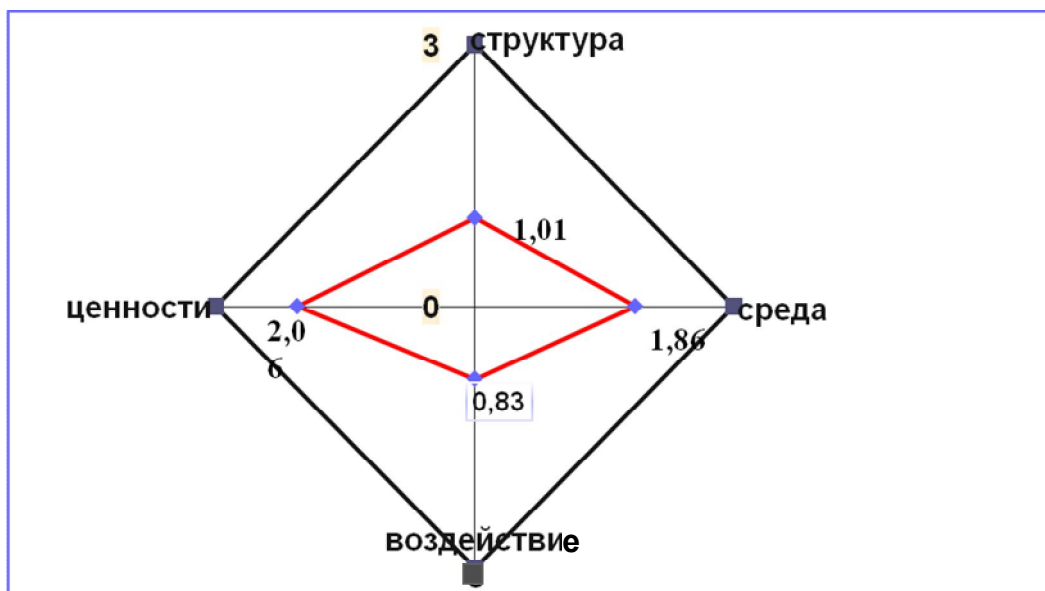
Подсистема «структура». Деятельностью на добровольной основе занимаются 43,1% респондентов (19,8% – регулярно, 23,3% – редко). В мероприятиях, проводимых общественными организациями, участвуют 50,5% опрошенных граждан. Агрегированный числовой показатель по оси «структура» составил 1,01. Соответственно, структуру гражданского общества в Ульяновской области можно охарактеризовать как «слабую».

Подсистема «политическая среда». Коррупционированность чиновничьего аппарата отрицают 11,4%. 14,8% респондентов когда-либо давали взятку, 12,4% – дарили мелкие подарки. 61,5% опрошенных считают, что их политические права и свободы не ущемлены, хотя 23,3% респондентов отметили, что иногда им навязывают, диктуют мнение. 30,8% опрошенных считают, что существующих предприятий сферы услуг вполне достаточно, 24,7% думают, что их следовало бы разнообразить. 34,5% уверены, что предприятий явно недостаточно. Агрегированный числовой показатель по оси «политическая среда» составляет 1,86, то есть

политическая среда, в которой функционирует гражданское общество Ульяновской области, во многом препятствует, но в чем-то и благоприятствует его развитию.

Подсистема «ценности». С национальной и религиозной дискриминацией большинство опрошенных (74,1%) не сталкивались. Членов общественных организаций в Ульяновской области поддерживают 40,5% респондентов. 49,9% – безразличны к ним. Лишь 16,2% опрошенных безоговорочно доверили бы решение своих проблем общественным организациям. Большинство опрошенных (69%) безоговорочно готовы казать помощь любому обратившемуся к ним с такой просьбой, и еще 24,3% окажут помощь с оговоркой. Агрегированный числовой показатель по оси «ценности» составляет 2,06. Это означает, что в ценностном отношении гражданское общество Ульяновской области довольно сильно развито.

Подсистема «воздействие». Результаты деятельности общественных организаций 44,9% респондентов считают незначительными, 26,8% считают, что их нет совсем. Большинство опрошенных граждан (23,7%), которым пришлось обращаться в общественные организации или органы власти, убеждены, что в случае, когда требуется реальная помощь, последние эффективнее. Наличие среди представителей общественных организаций заметных фигур отмечают 37,8% респондентов. Агрегированный показатель по оси «воздействие» составляет 0,83, следовательно, общественные организации оказывают ограниченное влияние на принятие решений. Индекс развития гражданского общества в целом равен 0,45.

Карта гражданского общества Ульяновской области в целом

Сохраняется патерналистская модель взаимодействия институтов гражданского общества и власти.

Для иллюстрации действия общественно-политических факторов рассмотрим отношение к реформе органов муниципальной власти и участие населения в муниципальном управлении, как к фактору, который по методике портрета относится к институционально-регулятивной сфере в форме участия или не участия в государственном и муниципальном управлении;

Ульяновская область относится к кластеру регионов с неравномерной системой расселения и урбанизации, средняя плотность 35–37 чел. на кв. км. На фоне неравномерного развития территорий региональные власти пытаются осуществить финансовое и управленческое выравнивание, перейти к системе сити-менеджмента. По специфике восприятия и осуществления муниципальной реформы область близка регионам с традиционалистским менталитетом (Центр, Юг, Поволжье), где низка муниципальная активность, налицо скептицизм основной части населения по отношению к роли МСУ.

Характер восприятия гражданами органов МСУ в значительной степени обусловлен не только качеством предоставляемых муниципальных услуг и удовлетворенностью населения этими услугами, но и эффективностью коммуникации с органами МСУ.

В целом по исследованиям 2013–2014 гг. в области зафиксировано снижение уровня доверия населения органам власти и местного самоуправления. Советы районных депутатов, главы и администрации муниципальных районов имеют отрицательный индекс доверия населения.

Очевидно, что от социальной активности граждан, в том числе их готовности к самоорганизации для решения своих проблем, во многом зависят перспективы развития МСУ в целом. Результаты исследования показали, что вовлеченность граждан в какие-либо формы самоорганизации невысока: 47% опрошенных не участвовали в течение года ни в каких мероприятиях, организованных жителями их населенного пункта, или не помнят этого (таблица [см. подробнее 3]).

«Приходилось ли вам за прошедший год принимать участие в каких-либо мероприятиях, организованных жителями вашего города (поселка, села)?»
(респондент мог выбрать несколько ответов одновременно), %

Субботник, мероприятие по уборке двора, улицы	39
Собрание (жильцов дома, жителей района, улицы)	26
Культурно-спортивные мероприятия	10
Коллективное обращение к властям и ОМСУ в письменной форме	5
Митинги, пикеты, акции протеста	4
Материальное обеспечение совместных мероприятий или помощь кому-либо из жителей	3
Мероприятия местных отделений общественных организаций	2
Совместное распределение порядка и безопасности	1
Совместная ликвидация последствий аварий, пожаров и др. чрезвычайных ситуаций	1
Деятельность местных отделений политических партий	1
Не приходилось участвовать	45
Затрудняюсь ответить	2

Самая распространенная форма участия в коллективных мероприятиях – субботники. На втором месте по степени распространенности среди жителей региона собрания (жильцов дома, жителей района, улицы). Вовлеченность населения в другие формы самоорганизации находится на более низком уровне. Однако большинство респондентов позитивно оценивают полезность и эффективность мероприятий, в которых они участвовали (63%), недовольными остались только 4%.

Несмотря на то, что на уровне деклараций достаточно большая доля населения готова в том или ином виде проявлять активность в случае возникновения проблемных ситуаций в их городе (поселке, селе), готовность к самоорганизации для разрешения подобных ситуаций на уровне дома, улицы или населенного пункта в целом может быть признана невысокой. Граждане в большей степени склонны направить свою активность на обращение в соответствующие инстанции, тогда как намерение приложить усилия к тому, чтобы объединиться для самостоятельного решения тех или иных проблем (выполнения общественных работ, организации акций протеста и т.д.), они выражают гораздо реже.

Наименее распространенной формой гражданского активности является участие граждан в законодательной деятельности, всего 2,7% респондентов принимали участие в данной форме. В работе ТОСов принимало участие менее 5 % респондентов.

Большинству граждан никогда не приходилось участвовать в обсуждении каких-либо важных вопросов. 45,9% респондентов признались, что ни от руководства предприятий, ни от местных властей, муниципальных Общественных палат и т.п., никогда не поступало при-

глашения поучаствовать в каких-либо заседаниях, круглых столах, на которых обсуждались важные проблемы. 28,5% респондентов приглашались на подобные мероприятия, причем их мнение было учтено. 11,3% опрошенных тоже участвовали в таких мероприятиях, но их мнение учтено не было.

Таким образом, уровень развития МСУ как формы самоорганизации граждан можно признать невысоким. Активность жителей ограничивается, как правило, декларируемой готовностью в случае необходимости обратиться в соответствующие инстанции с просьбами и требованиями. Реальная практика при этом чаще всего сводилась к участию в субботниках по благоустройству населенного пункта. Участие граждан в выборах местного уровня осталось социально одобряемой формой поведения.

Значительная часть населения отмечает потенциально высокую значимость МСУ, но его реальное место в механизмах принятия решений не создает действенных стимулов для повышения активности. У МСУ нет ресурсов, и, следовательно, отсутствует прагматический интерес граждан к участию в управлении местом своего проживания.

Поправки в закон о МСУ, принятые в мае 2014 г. учитывают недостаточный уровень политической культуры населения, особенно в сельской местности. Возвращение графы «против всех» именно на муниципальный уровень выборов должно повысить интерес к муниципальным выборам, внести хоть какую-то интригу в достаточно управляемый избирательный процесс.

Чем ближе МСУ к людям, чем ниже территориальный масштаб, тем более заинтересованы в нем граждане. Чем выше ресурсная база МСУ, возможность влиять на происходящие процессы, тем большую муниципальную активность проявляет население. Необходимо констатировать, что пока МСУ не обрело своего субъекта – сообщества граждан. Дефицит гражданской активности налицо. Максимальной формой политического участия остаются выборы.

Наиболее активным элементом МСУ остаются руководители МО. Они решают все вопросы жизнеобеспечения местного населения. На основе данной социальной группы начинается формироваться муниципальный класс как субэлитная группа, для которой характерны образованность, поддержка демократии и рыночной экономики, склонность ценить гражданские свободы и воспринимать принципы права, и которая может стать значимым актором развития территорий [5].

Предлагаемые возможности структурного изменения органов МСУ (поправки в ФЗ-131), с одной стороны, приближают их к населению, особенно в больших городских округах, но не решают в полной мере вопросы финансирования полномочий МСУ. Основные ресурсы остаются в руках региональной власти. С другой стороны, это является доказательством слабости кадрового состава МО, низкой налогооблагаемой базы.

Таким образом, возвращаясь к первоначально заявленной проблеме, можно констатировать, что население готово поддержать демократическую реформу муниципальной власти, при наличии необходимых условий и достаточности ресурсов. Однако требовать осуществления независимости муниципалитетов от государственной власти, активно участвовать в формах низовой демократии и самоорганизации в большинстве своем жители региона не готовы.

Список литературы

1. Алескерев Ф.Т., Беляева Н.Ю. Количественный анализ развитости гражданского общества в регионах России: параметры, методика, пилотные исследования // *Полития*. 2008. №1(48). С. 160–168.
2. Лапин Н.И. Своеобразие и смыслы уровней социокультурного развития российских регионов // *Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI всеросс. науч.-практ. конф.* Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2010.
3. Дергунова Н.В. Муниципальная реформа в Ульяновской области: итоги, проблемы, перспективы (2006–2010 гг.) // *Политические исследования*. 2011. №4.
4. Дергунова Н.В., Галкина Е.П., Степанова О.В. Опыт оценки степени развития гражданского общества: Ульяновская область. Власть, бизнес, гражданское общество в условиях

модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества. Мат-лы всерос. науч.конф. (с межд.участием). М.: 2013.

5. Дергунова Н.В. Муниципальная реформа в Ульяновской области: первые итоги и проблемы (2006–2008 гг.) // Ульяновская область: социокультурный портрет: Материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2009.

6. Ульяновская область. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии РАН. ЦИСИ; сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 355–426.

N. V. Dergunova, Ulyanovsk

SOCIAL AND POLITICAL FACTORS OF THE MODERNIZATION OF THE REGION: A STUDY OF 2007–2013

This paper discusses the social and political factors of the modernization of the regional communities based on the methodology of social and cultural portrait of the region. On the basis of a number of sociological surveys conducted in Ulyanovsk region in 2007–2013 and the general results of the study “Social and Cultural Portrait of the Ulyanovsk Region”, the analysis of the motivation and forms of the public participation in the municipal management as one of the conditions of the democratic modernization is provided.

Key words: society modernization, social and political factors, social and cultural portrait of a region, municipal reform, forms of the public participation, municipal government.

УДК 316.3/4 (470.314)

Е. А. Плеханов, Владимир

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Излагаются результаты социологического исследования, позволяющие составить целостное представление о социокультурных ценностях и установках населения Владимирской области. Показано, что регион репрезентирует в своем развитии тенденции, типичные как для федерального округа, так и для России в целом. Вместе с тем обнаруживается ряд демографических, культурных и этнопсихологических особенностей территориального сообщества, которые необходимо учитывать органам власти и управления при разработке стратегии социально-экономического развития области.

Ключевые слова: модернизация, социокультурный портрет, социальное самочувствие, функциональная структура ценностей, инновационная активность населения.

Одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед современной Россией, является включение составляющих ее регионов в процессы обновления общественной жизни. Однако при этом не должна утрачиваться социокультурная специфика территорий, их исторические, производственно-экономические и национально-этнические особенности. При определении стратегических целей и возможностей региональной модернизации важно учитывать не только объективные факторы, но и собственно социокультурные условия, от которых зависит отношение людей к инициативам, исходящим от органов власти всех уровней. Сегодня, как отмечает Н.И. Лапин, необходимо «приступить к решению более конкретных задач изучения общероссийских и региональных ценностей: выявлению и сопоставлению *ценностных позиций* – элементарных и обобщенных; их *субъектов* – гендерных и возрастных групп, социально-профессиональных и социокультурных групп; *взаимосвязей* между ценностями, ценностными позициями и поведением соответствующих субъектов» [1]. Социологическое обследование, проведенное в 2012 г. по методике ЦИСИ «Социокультурный портрет региона» на территории Владимирской области, позволило выявить структуру ценностных предпочтений населения, обнаружить как общие, присущие подавляющему большинству россиян, характеристики ценностного сознания, так и особенные его параметры, связанные с положением региона на социокультурной карте страны.

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных выводов.

В последние десятилетия Владимирская область сталкивается с проблемами, характерными для большинства регионов ЦФО. Снижение рождаемости приводит к сокращению численности населения. Даже принятые на государственном уровне профильные программы не в состоянии повернуть ситуацию вспять. Большая часть респондентов склонна считать, что к разрушению семьи и низкому уровню рождаемости приводит главным образом финансово-экономическое положение населения. Снижение численности населения связано и со значительным оттоком в сторону столичного региона, а также с отсутствием системы закрепления трудовых кадров на территории региона. Территориальная мобильность постоянно проживающей части населения находится на достаточно низком уровне, большая часть респондентов живет несколько последних десятилетий на одном и том же месте. В основном передвижение осуществляется представителями молодого поколения, которые подтягиваются в сторону областного центра. Что касается национально-религиозного состава, то он не претерпел кардинальных изменений. Владимирская область по-прежнему является традиционной территорией проживания славянского населения, которое составляет 96,8% от общего числа жителей. В настоящее время состояние религиозности в регионе можно определить как устойчивую поликонфессиональность при значительном приоритете православия, с которым идентифицирует себя 82,6% населения области. И, тем не менее, исследование фик-

сирует наличие латентных противоречий, существующих в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

Большую обеспокоенность у жителей вызывает состояние окружающей среды: воды, воздуха и низкий уровень защищенности от экологической угрозы. Неудовлетворенность людей вызывает и работа системы здравоохранения, недоступность лекарственных средств, низкое качество оказываемой медицинской помощи. Единственной сферой социального обслуживания, состояние которой большинство населения оценивает положительно, является работа общественного транспорта.

В ходе выявления индекса социального самочувствия изучалась степень защищенности от 10 социальных опасностей (коэффициент защищенности – Кз), уровень удовлетворенности жизнью (коэффициент удовлетворенности жизнью – Куж) и уровень социального оптимизма, складывающийся из сравнения уровня жизни с прошлым годом, из ожиданий на ближайший год, из уверенности в своем будущем (коэффициент оптимизма – Ко). Исследование показало, что общий индекс социального самочувствия (Исс) составил 0,64 балла. Такой уровень можно считать вполне приемлемым, если исходить из предположения, что минимально достаточным для устойчивости сообщества является значение индекса в диапазоне от 0,51 и выше, а недостаточным – от 0,5 и ниже.

Важной обобщенной характеристикой социокультурного портрета регионального общества является структура ценностного сознания. Социологическое обследование позволило выявить предпочтений населения, обнаружить как общие, присущие подавляющему большинству россиян характеристики ценностного сознания, так и особенные его параметры, связанные с положением региона на социокультурной карте страны. Региональная специфика подтверждается близостью результатов, полученных для двух различных в территориально-административном, но сходных в социально-экономическом и этнокультурном отношении областей – Владимирской и Вологодской [2].

Функциональная структура ценностей населения Владимирской области

Владимирская область, 2012		Вологодская область, 2010		Российская Федерация, 2010	
Баллы	Ценности	Баллы	Ценности	Баллы	Ценности
Интегрирующее ядро (свыше 4,6)					
4,63	1. Жизнь человека	4,64	1. Жизнь человека	4,80	1. Жизнь человека
				4,80	2. Семья
				4,73	3. Общительность
				4,72	4. Порядок
Интегрирующий резерв (3,91 – 4,6)					
4,49	2. Семья	4,53	2. Семья	4,59	5. Благополучие
4,48	3. Порядок	4,49	3. Порядок	4,47	6. Независимость
4,41	4. Общительность	4,48	4. Общительность	4,44	7. Свобода
4,22	5. Независимость	4,38	5. Благополучие	4,40	8. Традиция
4,16	6. Благополучие	4,29	6. Независимость	4,29	9. Работа
4,13	7. Свобода	4,19	7. Традиция		
4,05	8. Традиция	4,11	8. Работа		
3,97	9. Работа	4,08	9. Свобода		
Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей (в%)					
71%		73,5%		70%	
Оппонирующий дифференциал (2,81 – 3,9)					
3,89	10. Жертвенность	3,80	10. Нравственность	4,13	10. Инициативность
3,74	11. Инициативность	3,74	11. Инициативность	4,10	11. Нравственность
3,31	12. Нравственность	3,66	12. Жертвенность	4,07	12. Жертвенность

Владимирская область, 2012		Вологодская область, 2010		Российская Федерация, 2010	
Баллы	Ценности	Баллы	Ценности	Баллы	Ценности
Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)					
2,48	13. Своевольность	2,49	13. Властность	2,76	13. Властность
2,40	14. Властность	2,42	14. Своевольность	2,49	14. Своевольность
Доля дифференцирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей (%)					
29%		26,5%		30%	
Плотность ценностного пространства					
2,23		2,22		2,31	
Средняя поддержка ценностных суждений					
3,88		3,95		4,20	

Как и жители других регионов, безусловный приоритет владимирцы отдают человеческой жизни: 69,5% респондентов считают ее ценность абсолютной. Такое отношение к жизни свидетельствует о серьезном сдвиге в сознании постсоветского социума, который выразился в переориентации людей с официально санкционированных общественных потребностей и интересов на неформальные, экзистенциально-личностные. Чрезвычайно высокий статус ценности жизни коррелятивно связан с высокой оценкой семьи и порядка и низкой привлекательностью своеволия и властности. Значимость семьи нельзя объяснить только приверженностью традиции. Сегодня она является одним из наиболее выразительных символов социального благополучия и индивидуальной состоятельности.

Однако выдвижение жизни на авансцену ценностей говорит не только о доминировании в массовом сознании индивидуалистических установок, но и о чувстве тревоги и неуверенности, вызванном низким уровнем защищенности людей от социальных, техногенных и природных угроз, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечивать личную безопасность граждан. Поэтому для населения во Владимирской области, так же как и в других регионах, наименее привлекательными являются своевольность и властность, которые ассоциируются с личностными чертами прежде всего представителей «высшего класса» (политиков, бизнесменов, общественных деятелей, представителей государственных и региональных органов власти) и в сознании наших соотечественников являются причиной коррупции, беззакония, посягательств на свободы и права. Что касается самих институтов государства, то к ним, несмотря на негативный информационный фон, сохраняется высокий уровень доверия. 75,7% опрошенных считают, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами. Отсюда повышенное значение, которое придается порядку. При этом порядок ассоциируется с состоянием защищенности, законности, стабильности, обеспечения государством каждому члену общества права на достойную жизнь.

В целом градация ценностей, присущая жителям региона, мало чем отличается от структуры ценностного сознания среднестатистического россиянина, а также представителей Вологодской области. Безусловными лидерами на шкале ценностей являются жизнь человека, порядок и семья; аутсайдеры, образующие конфликтогенную периферию – своевольность и властность. Полностью совпадает триада (жертвенность, инициативность, нравственность), составляющая оппонирующий дифференциал, в котором нравственность пользуется наименьшей поддержкой у владимирцев. Даже если мы учтем, что этическая ориентация сознания в большей мере выражается в утверждении: «Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя», ценность нравственности поднимается с 12-й всего лишь на 10-ю позицию. Традиционно скромное место отводится работе, что говорит о том, что она для владимирцев, так же как и для жителей других регионов, не обладает ни терминальной ценностью, т.е. профессиональ-

ная деятельность не воспринимается в качестве личного призвания, ни инструментальной значимостью – достижение материального благополучия и социального статуса не связываются с результатами собственного труда.

Существенные особенности региональных показателей обнаруживаются не в ранжировании базовых ценностей, а в их количественных оценках, которые заметно уступают общенациональным. Средняя поддержка ценностных суждений во Владимирской области составляет 3,88 балла, что несколько ниже, чем в Вологодской области, и заметно ниже (на 0,3 балла), чем в целом по стране. Это говорит о том, что в поведении людей, живущих в данных регионах, осознанные ценности и мотивы играют меньшую роль, чем в жизни среднестатистического россиянина. О невысоком уровне морально-этической солидарности владимирцев и вологжан свидетельствует то, что интегрирующее ядро представлено всего одной ценностью; другие базовые ценности в силу их невысоких значений переместились на уровень интегрирующего резерва.

Обобщенные характеристики ценностной структуры свидетельствуют о том, что, несмотря на значительную социальную, имущественную, этноконфессиональную дифференциацию российского общества, консолидирующие ценности пользуются поддержкой у значительной части населения. Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей в нашем регионе составляет 71%, что на один процент выше общенационального показателя. Ценности, заключающие в себе центробежные тенденции, поддерживает около 30% населения, что не так уж мало в условиях стабильной социально-экономической ситуации. Показатели плотности ценностного пространства во Владимирском крае оказались ниже федеральных. Дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями указывает не только на степень осознанности в расстановке людьми жизненных приоритетов, но и на степень расхождения аксиологических предпочтений между членами социума. Население региона демонстрирует меньшую поляризацию ценностных позиций, чем в среднем по России, что обусловлено прежде всего весьма невысокими рейтингами ценностей интегрирующего ядра и резерва. Так, находясь на верхних этажах ценностной шкалы, жизнь человека, семья и порядок поддерживаются меньшим процентом владимирцев, чем в целом по стране. Не может не вызывать озабоченности и то, что такие важные для современного общества ценности как свобода и работа не играют сколь-нибудь значительной роли в качестве основы для консолидации регионального сообщества.

Уровень социального самочувствия, коэффициент которого составил 0,64 балла, можно считать вполне приемлемым и в целом позитивным. Наиболее защищенными жители Владимирской области чувствуют себя от ущемления из-за национальности и от притеснений за религиозные убеждения.

Наибольшие опасения у жителей области связаны с такими угрозами, как бедность и преступность, защиты от которых не видят более половины респондентов. Не многим лучше обстоит дело и с защитой от произвола чиновников, которой не чувствует почти половина жителей области.

Жители области характеризуются довольно высоким уровнем удовлетворенности жизнью (Куж – 0,67). Доля в той или иной мере удовлетворенных жизнью респондентов почти вдвое превышает долю неудовлетворенных. То же самое можно сказать и об уровне социального оптимизма, выражаемого в уверенности или неуверенности в своем будущем. В той или иной степени уверенных несколько больше, чем неуверенных.

Оптимизм жителей области подтверждается и оценкой того, как изменилась жизнь их семьи за последний год, и ожиданиями, связанными с ближайшим будущим. При этом коэффициент ожиданий выше, чем коэффициент оценки последнего года (0,67 против 0,62). По всем показателям наиболее высоким уровнем социального самочувствия отличается молодежь. Самые неудовлетворенные и пессимистичные – жители области в возрасте 45–54 лет. Несколько более высоким уровнем социального самочувствия и оптимизмом отличаются горожане.

По уровню жизни область оценивается как «крепкий середняк». При этом, сравнивая привлекательные и непривлекательные черты области, жители в основном обращают внимание на последние. Единственным неоспоримым преимуществом региона является красивая природа. Регион чаще воспринимается как место, населенное неприветливыми людьми, где жизнь заглохла, а инициативные люди не имеют больших перспектив. Но все же почти половина респондентов в целом довольна жизнью в области, а каждый четвертый – вообще рад жить здесь. Желание покинуть область выражает явное меньшинство.

Стремление остаться в регионе, впрочем, следует оценивать не столько как следствие его привлекательности, которая, как видно из результатов исследования, не очень-то высока, а как следствие неготовности к переезду в другое место, отсутствие необходимой для этого инициативы. Об этом говорят несколько наблюдений. Во-первых, стремление уехать заметно снижается с возрастом, а у всех старше 45 лет стремится к нулю. Во-вторых, жители области демонстрируют склонность к замыканию в узких, близких им общностях, как территориальных, так и межличностных. Респонденты заметно чаще чувствуют близость с представителями локального, поселенческого сообщества, чем с представителями регионального или общероссийского. А взаимопонимание они находят почти исключительно в семье или в кругу друзей.

Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов, что значительная часть жителей области (более половины) не видит смысла переезжать куда-то, поскольку считает, что уровень жизни в соседних регионах мало отличается от владимирского. Улучшение жизни во Владимирской области жители связывают прежде всего с повышением качества медицинского обслуживания, созданием новых рабочих мест и строительством доступного жилья.

Исследование выявило серьезное противоречие в формировании и реализации культурного потенциала населения Владимирской области. Оно проявляется в том, что увеличение в составе населения доли лиц с высшим профессиональным и послевузовским образованием не влечет за собой соответствующего изменения структуры культурных потребностей. Значительная часть владимирцев предпочитает креативным и личностно развивающим видам деятельности развлекательно-досуговые формы проведения свободного времени. Кроме того, рост общего уровня образованности не сопровождается повышением политической и правовой культуры людей, их социальной активности и гражданской ответственности.

Очень низким является уровень инновационной активности населения. Предпринимательская инициатива, как правило, встречается с противодействием со стороны местных органов власти, конкурентов и односельчан. Реже всего поддержку всех уровней находит внедрение новой технологии. Самое незначительное противодействие со стороны чиновников и конкурентов наблюдается при создании нового продукта, а также в этом же случае чаще следует отказ со стороны банка в выдаче кредита. Следовательно, интерес к созданию нового продукта, технологии, услуги в регионе значительно меньший, чем к ситуации с открытием новых фирм, соответственно желающих помочь или помешать значительно меньше. Это в свою очередь является показателем достаточно инертного развития научно-технического потенциала субъекта.

Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в регионе, депрессивное состояние промышленного производства и сельского хозяйства, низкий уровень доходов, жители Владимирской области достаточно оптимистично оценивают свое социальное положение. Они в 1,5 раза чаще, чем средние россияне, относят себя к среднему классу. Реалистично оценивая уровень и качество жизни в регионе, большая часть владимирцев не связывает с ближайшим будущим резкого ухудшения своего социального и материального положения. Это, безусловно, является отражением не столь ярко выраженного экономического и имущественного расслоения, как в целом ряде других субъектов РФ.

Чаще всего люди сталкиваются с нарушением равенства перед законом, права на безопасность и защиту личности, а также права на труд. Это означает, что наиболее проблемными в нашем регионе являются сфера общественного порядка, социальных и трудовых от-

ношений. Не случайно наименее защищенными законом владимирцы чувствуют себя от бедности (55,1%), преступности (52,7%) и произвола чиновников (48,0%).

Успешность защиты нарушенных прав зависит от многих обстоятельств – степени работанности законодательства, эффективной работы судебных и надзорных органов, уровня правовой культуры населения, традиций и привычек людей и т.д. Поэтому индекс успешности защиты не может быть однозначно истолкован. Тем не менее низкие показатели успешности в отстаивании равенства перед законом и нарушенных трудовых прав могут рассматриваться как свидетельство явного несовершенства судебной системы. Особенно показательна ситуация с трудовым законодательством. В рейтинге наиболее важных прав право на труд занимает третье место, это же место оно занимает и по частоте нарушений. Однако интенсивность защиты весьма низка – 9-е место, а успешность защиты и того меньше. Это говорит о том, что неисполнение работодателями и органами власти трудового законодательства приводит к неверию людей в реальность своих прав и стремлению отстаивать их неправовыми способами. В этом одна из причин того, что широкое распространение в российском обществе получили такие виды правонарушений как вымогательство, взятки и коррупция.

Уровень ожиданий жителями области коррупционных действий со стороны должностных лиц достаточно высок. Только 27% респондентов никогда не сталкивались с недобросовестным исполнением должностными лицами своих обязанностей, влекущим возникновение фактов коррупции. Высоким остается и уровень вовлеченности респондентов в коррупционную деятельность. Хотя доля признавших, что им приходилось давать взятки, понизилась, но не намного и остается довольно большой (48%). Признались, что сами предложили взятку, 17% опрошенных. Это больше, чем год назад (11%). Но и принуждение к взятке отмечается чаще: 31% вместо 27%.

Более всего настораживает тот факт, что половина дававших взятки (52%), отправляясь к должностному лицу, заранее знают, что без взятки не обойтись. Подавляющее большинство респондентов, дававших взятку, продолжают высказывать ту или иную степень удовлетворенности полученным результатом. Подобная оценка жителями области эффективности коррупции является важным фактором распространения этого явления. При этом респонденты считают, что должностные лица и граждане несут едва ли не равную ответственность за возникновение фактов коррупции. Не изменилась оценка жителями области коррумпированности отдельных сфер и институтов. По-прежнему первую тройку составляют правоохранительная сфера, сфера здравоохранения и сфера образования. Реже всего отмечаются злоупотребления в сфере социальной защиты населения.

Результаты опроса еще раз подтвердили наличие довольно опасного разрыва между населением и социальными институтами.

Справедливости ради, следует отметить, что показатель индекса доверия хоть и находится в негативной зоне, но все же располагается ближе к нулю, чем к единице. Это говорит о том, что разрыв в доверии пока не является катастрофическим. Но еще более тревожным сигналом для представителей различных органов власти должно стать то, с каким недоверием относятся к ним наиболее высокообразованные жители области. Особенно заметен разрыв между респондентами с высшим образованием и всеми другими в отношении к губернатору, региональным отделениям политических партий, профсоюзам и СМИ. Впрочем, не слишком отстают от высокообразованных и респонденты со средним специальным образованием, а по отношению к полиции, Законодательному собранию и администрации области они высказывают еще большее недоверие.

Очевидно, что готовые к протесту отличаются заметно более высоким уровнем недоверия всем без исключения институтам. Особо отметим, что не готовые к протесту также не доверяют большинству институтов, кроме суда, прокуратуры и губернатора.

В целом показатели социально-экономического и культурного развития Владимирской области характеризуют ее как территорию, занимающую срединное положение среди субъектов Центрального федерального округа. Регион находится на высоком уровне первичной

модернизации, сохраняет достаточно эффективную социальную инфраструктуру. Однако в последние годы все более отчетливо обнаруживается тенденция к снижению показателей, характеризующих процессы высокотехнологичной модернизации, угасает инновационная активность населения, истощается человеческий потенциал как интеллектуальный и морально-психологический ресурс регионального развития. В ближайшие 5–6 лет регион вряд ли сможет достичь общероссийского (выше срединного) уровня высокотехнологичной модернизации, если **с помощью научных исследований** региональные органы власти не сформируют стратегию развития, которая заинтересует различные слои населения, мобилизует инновационный потенциал территории, и обеспечат ее осуществление. При существующем тренде квалифицированная часть населения региона продолжит мигрировать в другие регионы и страны, вместо них будут прибывать менее квалифицированные мигранты, что обострит социальные и культурные диспропорции, замедлится повышение качества жизни коренного населения.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Курск, 25–28 сентября 2007 г. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. С. 52.
2. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. С. 68.

E. A. Plekhanov, Vladimir

SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF THE POPULATION OF THE VLADIMIR REGION

The results of sociological research, allowing for providing a holistic view of social and cultural values and attitudes of the population of the Vladimir region. It is shown that the region represents in its development trends, typical for the Federal district and for Russia as a whole. However, there are some demographic, cultural, and ethno-psychological peculiarities of the territorial community to consider bodies of power and administration in developing the strategy of socio-economic development of the region.

Key words: modernization, sociocultural portrait, social well-being, functional structure of values of innovative activity of the population.

УДК 332.1: 316.453

Е. Б. Плотникова, Пермь

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00-200а)

В статье рассматриваются условия и факторы, влияющие на инновационный потенциал в российских регионах, среди которых внимание акцентировано на проблемах измерения инновационного потенциала. На основе анализа эмпирических данных показано ограничивающее влияние регионального рынка труда на условия реализации инновационного потенциала.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационная активность, модернизация, рынок труда.

Анализ модернизационных процессов в России, проведенный по методике оценки уровня модернизации ЦИСИ ИФРАН [3, с. 19–22], основанной на системе индикаторов модернизации Центра исследования модернизации Китайской академии наук, показал, что абсолютное большинство регионов РФ имеют статусы «Срединный» и «Ниже срединного», а сама Россия – прочно занимает место среди «среднеразвитых стран». От развитых стран ее отделяют низкие показатели: финансирования инноваций (доля затрат на НИОКР в ВВП), патентной активности, детской смертности, валового национального дохода на душу населения; причем с 2004 г. наблюдается явная стагнация. Самые низкие индексы – качества экономики и инноваций в знаниях [5, с. 54, 68–70].

Процесс модернизации в регионах зависит от различных факторов. Среди которых наличие инновационного потенциала является определяющим. Инновационный потенциал может быть определен как «совокупность научно-технических, технологических, материальных, финансовых, кадровых, институциональных и прочих ресурсов региона, непосредственно используемых для инновационной деятельности в регионе» [7, с. 455].

Масштабы необходимых инноваций отражены в стратегии инновационного развития «Инновационная Россия – 2020» и, в частности, предполагают увеличение: доли отечественной продукции на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг до 5–10%, в структуре их экспорта – с 0,35 до 2%, числа патентов, регистрируемых в патентных ведомствах развитых стран с 63 до 2,5–3 тысяч, удельного веса инновационной продукции в общем промышленном объеме производства с 4,6 до 25–35%, долю инновационных промышленных предприятий с 9,4 до 40–50%. Сопоставление параметров стратегии и тенденции к специализации отечественной промышленности на экспорте природных ресурсов и вывозе необработанного сырья, их контраст, вызывает разумные сомнения в реалистичности заявленных целей [6, с. 447–448].

Даже в регионах РФ, имеющих статус «Выше срединного» (Северо-Западный федеральный округ и юг Тюменской области и ХМАО в Уральском федеральном округе), наличествуют «неутешительные» показатели инновационной активности в отечественной промышленности. Так, например, «Индекс инновативности Тюменского региона почти в два раза ниже общероссийского показателя и существенно ниже соседей по УРФО... Ощущается острая нехватка как инженерно-технического персонала, так и высококвалифицированных рабочих» [1, с. 76–77]. Примечательно, что подобный вывод сделан на материалах исследования нефтегазового региона, для которого профильной является отрасль, определяющая структуру региональной экономики, структуру развития всей национальной экономики и структуру доходов государственного бюджета. Добывающие компании размещают большое количество заказов в смежных отраслях, и в значительной степени определяют технологические тенденции в экономике в более широкой перспективе. Однако передовая отрасль демонстрирует отнюдь не передовые показатели инновационности. Сырьевое направление раз-

вития экономики и инновационное направление, вероятно, пока не вполне совместимы (о чем написано много публикаций).

Если природные богатства Западной Сибири определяют темпы и структуру роста национального богатства, то Северо-Западный федеральный округ в некотором смысле является регионом-противоположностью. Здесь при отсутствии сверхординарных сырьевых запасов инновации должны осуществляться за счет перерабатывающей промышленности, научных разработок и других «несырьевых» факторов. Позитивным фактором является также наличие «столичного» Санкт-Петербурга – крупного промышленного, научного и финансово-административного центра. Тем не менее, анализ темпов и достижений модернизации, проведенный по материалам уже упомянутой методике, обнаруживает следующие барьеры развития: «основными тормозами модернизации являются низкий валовой региональный продукт и невысокий уровень научных исследований и инноваций... (и)нновационную модернизацию тормозят последствия деиндустриализации 1990-х гг.: деградация целых отраслей национальной индустрии, падение технического уровня производства, дефицит рабочих кадров высокой квалификации» [4, с. 421–422]. Большая часть из перечисленных тенденций наблюдалась в «сырьевой» Тюменской области.

Следовательно, пусть сырьевая специализация и препятствует модернизации экономики и знаний, но причины этого эффекта коренятся не в самой отраслевой специфике, – они являются общими для разных отраслей и лишь более выраженными – в ведущих. Этот тезис, конечно, не может быть в полной мере обоснован в формате статьи, но может быть обозначен в нескольких частных наблюдениях, в т.ч. эмпирических.

Проблема изучения инновационной деятельности – непростая исследовательская задача. Количественная оценка масштабов этой деятельности лишь отчасти учтена в статистической методике обследования инновационной активности, что может создать препятствия для понимания и оценки перспектив, достижений и барьеров продвижения инноваций в России. Причинами ограниченного освещения официальной статистикой масштабов инновационной деятельности стали: во-первых, внедрение инновационных продуктов или процессов там, где они не создавались, требует их приобретения прав у разработчика или обладателя. Однако в странах с недостаточной защитой авторских прав (в частности, и в России) систематически высокую долю внедрений обеспечивают не приобретение, а похищение и копирование передовых, инновационных образцов. Во-вторых, под определение инноваций (продуктовые инновации) подпадает «технологическое усовершенствование продукта, качественные или стоимостные характеристики которого были заметно улучшены за счет использования более эффективных компонентов и материалов» и т.д. [2, с. 175]. Таким образом, в категорию усовершенствованных товаров, «инновационных» по оценке предприятия, может вноситься масса товаров с мелочными, но «заметно» улучшенными характеристиками. Например, упаковка с надписью «+20% бесплатно» – и компонент, и заметна, и лучше.

Задачей государственной статистики является регистрация и измерение изменений признаков общественных процессов. Вопрос измерения есть, помимо прочего, проблема определения единицы измерения. В государственной статистике, в том числе, статистике инновационной деятельности, это «предприятие» и «организация». Этот выбор единицы наблюдения и, одновременно, единицы измерения – традиционный для статведомств. Он, конечно, отражает роль администраций предприятий и учреждений в принятии и реализации решений о разработке и внедрении. Однако этот способ измерения ничего не говорит ни о масштабах инновационной деятельности, ни о том, является ли она инновационной.

Создание или внедрение инноваций все чаще и чаще требует наличия дорогостоящей технико-организационной базы, наличия специализированного штата работников, а также больших и долгосрочных финансовых вложений – в технику, патенты, труд и знания. Высокотехнологичные инновации – дорогие проекты, которые под силу только крупным предприятиям и организациям, либо консорциумам. Учет размеров организаций, отраслевой специализации и фактического места создания или внедрения – затруднителен в системе учета, принятой в государственной статистике.

Крупное предприятие может реализовывать крупные разработки и внедрения, которые могут включать в себя целые серии взаимосвязанных инноваций и патентов. Эти нововведения могут иметь существенные последствия для отраслевого, национального или мирового рынка. За тот же период масса мелких организаций, расположенных здесь же, не участвуя в инновационной деятельности, может создать статистический эффект практически полного отсутствия инновационной активности. Это также эффект высокой стоимости инновационных проектов. Однако с другой стороны, те же малые предприятия и организации могут обеспечивать инновационное предприятие компонентами и инфраструктурными условиями.

Учитывая незначительные (по оценке вышеупомянутой инновационной стратегией) достигнутые масштабы инноваций, а также то, что большую часть инновационной работы России еще предстоит проделать в будущем – измерение инновационного потенциала имеет преимущества прогностического характера.

Список литературы

1. Давыденко В.А. Проблемы инновационного развития: теоретический анализ и фактуальный срез на примере Тюменского региона // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6-9 октября 2009 г. Смоленск: Универсум, 2009. С. 73–84.
2. Индикаторы инновационной деятельности. Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
3. Лапин Н.И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–23.
4. Ласточкина М.А. Ресурсы и ограничения модернизации в регионах северо-западного федерального округа // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 419–424.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапина, Г.А. Тосуняна. М.: Изд-во «Весь мир», 2011. 256 с.
6. Поплавская И.А. Стратегии инновационного развития: социологический взгляд // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 446–450.
7. Руколеева Р.Т. Социокультурные основания инновационного потенциала модернизации в регионе // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 454–461.

Е. В. Plotnikova, Perm

THE INNOVATION POTENTIAL IN THE REGIONS OF RUSSIA: THE CONDITIONS AND FACTORS OF DEVELOPMENT

This paper explores conditions and factors affecting the development of the innovation potential in Russian regions. It also addresses the issues of measurement of the innovation potential. Analysis of empirical data shows the limiting effect of the regional labour market on the realisation of the innovation potential.

Key words: innovation potential, region, labour-market.

УДК 316: 72

М. М. Юсупов, Грозный

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются аспекты изменения социокультурных ценностей под влиянием факторов модернизации, религиозного, демографического, социальной среды, характеризуются типы культурных ценностей различных социальных и этнических групп.

Ключевые слова: ценности, изменения, традиция, модернизация, потребности.

В основе эволюции, трансформации общества лежат социокультурные изменения, пере структурирование иерархии ценностей. Классики социологии в качестве источников социокультурных изменений выделяют социальный прогресс, т.е. знания, социальные институты и их взаимодействие. В XX в. определяющую роль в социокультурной динамике социальных групп, структуры, ценностно-нормативной системы отмечали Т. Парсонс и П. Сорокин, социальных движений – П. Штомпка. Современные отечественные исследователи (А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин) сформулировали социокультурный и социетальный подходы к изучению изменений социокультурных ценностей.

В различных справочных и словарных изданиях ценности рассматривают как природные и культурные объекты, процессы, отношения, обладающие положительной значимостью для человека. Другими словами, в широком смысле это значимые явления и предметы «реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности». В узком – нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами обществ, сознания [2].

К культурным ценностям относят идеи, привычки, традиции и верования, которые характерны для определенной социальной общности. Социокультурные ценности изменяются с различной степенью интенсивности в те или иные периоды истории. Понятие «изменения» характеризует процесс движения и взаимодействия предметов и явлений, переход, скажем, социальных образований из одного состояния в другое, появления у них новых свойств, функций, социальных и ценностных отношений. Источниками социальных и культурных изменений выступают социальные противоречия, конфликты, а в период стабильности факторы институциональные и не институциональные, в частности, модернизации, религиозный, социальной среды, демографический, образования и другие.

В российском обществе решающим фактором социокультурного сдвига, изменения социокультурных ценностей явилась трансформация социального строя, переход от социалистического устройства к капиталистическому, утверждение многообразия форм собственности, плюрализма партийных идеологий.

Социально-экономические преобразования оказывают воздействие на развитие системы социокультурных ценностей. В свою очередь и ценности влияют на протекание социально-экономических процессов. В осмыслении природы изменения социокультурных ценностей наряду с теорией и сложившимися концептуальными подходами весьма значимы данные Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН, “European Social Survey”, “World Values Survey (WVS)”.

Так по результатам социологического исследования в ЦСКИ ИФ РАН на базе 14 ценностей определены типы культурных ценностей, модель базисных цивилизационных ценностей страны. В WVS на основе сравнительного и сопоставительного анализа социологических показателей в разных странах составлена культурная карта, в ней Россия отнесена к группе стран с ценностями значения светско-рационального и выживания. Россия поликонфессиональное и полиэтничное государство, в нем субъекты находятся на разных уровнях

социокультурного развития и модернизации. Так, по типологии указанной службы Чечня и ряд субъектов СКФО можно отнести к обществам с культурой доминирования ценностей традиций и выживания. Исследование, проведенное в регионе по методике ЦСКИ ИФ РАН, позволило выделить три сегмента в региональной системе социокультурных ценностей: общечеловеческие – 3,87, традиционные – 4,05, современные – 4,27, а также соотношение ценностей изменения и сохранения – 14,25 и 16,39, коэффициент их корреляции составляет – 0,86 [3].

В системе социальных ценностей на протяжении последних лет у чеченского населения устойчивы предпочтения витальных ценностей: семья, материальное благополучие, хорошее здоровье, благополучие детей. Они отражают социальную необходимость удовлетворения физических потребностей и демографического воспроизводства. При этом наблюдается преобладание терминальных ценностей над инструментальными.

В региональной общности, как видим, преобладают ценности выживания, характерные доиндустриальному и индустриальному развитию, в крупных мегаполисах страны скорее доминируют ценности самовыражения, присущие постиндустриальным, информационным обществам.

Место модернизационного состояния ЧР среди российских регионов определяется его низким уровнем первично модернизации, что обусловлено, прежде всего, разрушением экономики и крайне медленными темпами восстановления промышленности и других сфер экономики [1].

В настоящем восстановление экономики происходит через развитие торговых, бытовых и иных социальных услуг, крайне медленными темпами воссоздается производящий сектор промышленности. Характерно, что в начале 90-х гг. многим были свойственны патерналистские настроения, нежелание работать на «кого-то» вне госпредприятий. Сейчас госпредприятий – 1151, частных – 6952, на них занятость значительно превышает работающих на государственных и муниципальных предприятиях.

В целом трансформационные перемены в России и регионах обуславливают социальную активность, среди молодых и лиц среднего возраста чаще наблюдается предприимчивость, инициатива, потребность в конкуренции. В республике действуют 6,9 тыс. малых предприятий, на которых денежный оборот составляет 17,7 млрд руб.

Интернет, мобильная связь, другие информационные средства вносят изменения в функционирование традиционных норм. На 100 работников приходится 25 компьютеров, в СКФО-33, РФ-39.

В постконфликтный период в Чечне проявляется обеспокоенность по поводу сохранения и возрождения традиций и обычаев, разработана и реализуется программа духовно-нравственного воспитания. В общественно-бытовой жизни превалирует акцент на коллективизм и маскулинизм. Становление и развитие гражданских, демократических ценностей как бы блокируются постконфликтными социальными обстоятельствами и спецификой установившегося административно-политического порядка.

В тоже время произошла переформатизация идеологии, официальные идейные установки направлены на формирование ценностей патриотизма, российской идентичности, этому способствует и деятельность молодежных организаций, различных объединений и клубов. В общественном сознании значительной части населения также укрепляется понимание выгоды нахождения в составе большого государства, что стимулирует проявления ценностей преуспевания, достижения.

Одним из крепких устоев сохранения и трансляции социокультурных ценностей является семья, в Российской Федерации их насчитывается более 72 млн., в ЧР около 250 тыс. Социологические опросы показывают, что члены семьи, кровно-родственных «общин» придерживаются традиционной культуры общения, причем у многих пока потребность в детях перевешивает достигательные ценности. Вместе с тем, большая безработица, социальная напряженность, низкий уровень доходов у большинства жителей привносит в некоторые се-

мый жизненную неопределенность, агрессивность, конфликтность. В Духовном управлении мусульман ЧР создана сеть комиссий по урегулированию семейных конфликтов с участием богословов, психологов, педагогов, на сегодняшний день ими рассмотрены 3500 семейных споров и предотвращены разводы.

В ЧР в трудных обстоятельствах рассчитывают в первую очередь на помощь родственников, друзей, соседей, земляков. В социологическом опросе указали, что улучшение жизни зависит от родственников – 66,7%, друзей – 35,8%. В жизненной стратегии чеченцы нередко жертвуют личными интересами, выгодами ради семьи, родителей.

К среднему слою в Чечне относят себя в своем городе, селе – 59,2%, регионе – 45,9%, стране – 36,7%, хотя многие из них по своим доходам фактически не относятся к среднему классу.

Религия в общественно-политической жизни играет огромную роль, во-первых, в формировании моральных ценностей, во-вторых, содействии органам власти в осуществлении социального управления, в-третьих, разрешении различных межличностных и групповых конфликтов. Духовенство и верующие отмечают, что созданы надлежащие условия для вероисповедания, отправления религиозных обрядов и ритуалов.

В чеченской культуре личность трехмерная, но нередко отмечают и четырехмерность. Личность характеризуют этические нормы, нравственные нормы, деловитость, религиозная совесть. После многолетнего конфликта уровень культуры личности и общения несколько снизился, в городских условиях чаще нарушаются традиционные правила социального поведения и общения.

Демографический фактор нужно назвать одним из ключевых в воспроизводстве населения и социокультурных ценностей. Несмотря на военные потери в республике растет численность населения, причем его прирост кратно опережает прирост рабочих мест. С другой стороны рост населения, миграционная и социальная мобильность в известной степени способствует становлению массовой культуры и массового сознания, ослабляет традиционные механизмы общественного контроля над социальным поведением. Итак, социокультурные ценности изменчивы под влиянием трансформационных и различных социальных факторов.

Список литературы

1. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 808 с.
2. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. А.С. Воронин. 2006. URL: http://social_pedagogy.academic.ru/761/.
3. Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона». ЧР. 2009. Объем выборки –1000 чел.

М. М. Yusupov, Grozny

THE FACTORS OF CHANGE OF SOCIO-CULTURAL VALUES

The article considers the aspects of change of socio-cultural values under the influence of factors of modernization, religious, demographic, social environment, the types of cultural values of different social and ethnic groups are characterized.

Key words: values, changes, tradition, modernization, needs.

Круглый стол №1

**Социокультурные и природно-ресурсные
факторы несбалансированности
основных компонент модернизации**

УДК 316.334.52 (470.46)

А. Р. Беккалиева, Астрахань
Е. В. Каргаполова, Астрахань

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье на основе результатов мониторинговых социологических исследований анализируются изменения социокультурного пространства конкретного региона современной России – Астраханской области под влиянием модернизации.

Ключевые слова: регион, модернизация, мониторинговое социологическое исследование.

Модернизация – целостный управляемый социокультурный процесс, направленный на улучшение качества жизни населения и безопасность страны. Одним из инструментов повышения эффективности управления этим процессом являются мониторинговые социологические исследования. В такой регионально-дифференцированной стране как современная Россия важными представляются подобные исследования на уровне субъектов Федерации.

В Астраханской области мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством и непосредственном участии авторов методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России». Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3% [более подробно см.: 3, 4, 6, 7].

Выделим наиболее существенные различия в ответах респондентов в 2009 г. и 2012 г., которые свидетельствуют об изменении социокультурного пространства региона как результатах процесса модернизации и эффективности управления ею.

Интегральным показателем социокультурного пространства региона является социальное самочувствие населения, одной из составляющих социального самочувствия – защищенность от социальных опасностей. По сравнению с результатами опроса 2009 г. в 2012 г. показатели защищенности астраханцев существенно, социально значимо снижаются по всем видам социальных опасностей. При этом динамика снижения количества ответов «защищен» больше, чем динамика увеличения количества ответов «не защищен». Таким образом, астраханцы в 2012 г. склонны более категорично оценивать свое социальное положение как «незащищенное». Обращает на себя внимание рекордное (на 6,6%) в данном ряду ответов снижение количества ответов «защищен» по такому виду социальных опасностей, как преследование за политические убеждения; при этом количество ответов «пожалуй, не защищен», «совсем не защищен» увеличилось также рекордно – на 13,4%. На 8,1% увеличилось количество ответов «пожалуй, не защищен», «совсем не защищен» по такому виду социальных опасностей, как произвол правоохранительных органов, на 5,2% – одиночество и заброшенность, а также притеснения из-за пола и возраста, на 4,3% – произвол чиновников, на 3,1% – притеснения за религиозные убеждения, на 2,4% – экологическая угроза, на 2,2% – ущемления из-за национальности, на 2,1% – притеснения за религиозные убеждения, на 1,3% – бедность, на 0,7% – преступность.

Что касается обобщенной характеристики социального самочувствия – удовлетворенности населения своей жизнью в целом, то к 2012 г. количество астраханцев скорее удовлетворенных жизнью увеличилось на 10,2% по сравнению с 2009 г. (39,6%). Количество ответивших на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» «стали жить несколько лучше» также увеличилось на 10,2%.

Деятельностным показателем социального самочувствия населения является удовлетворенность проживанием в регионе. В 2009 г. 75,5% астраханцев в целом были довольны, что живут именно в этом регионе, но в среднем по Российской Федерации эта категория населения составляла по данным опроса 2006 г. 82% (здесь и далее используются данные всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2006 г.)). То же самое можно сказать о той категории граждан, которые ответили, что им не нравится, но они привыкли (9,8%, в Астраханской области против 11% по стране). Количество желающих уехать из России, по средним общероссийским данным, – 2%, в Астраханской области – 1,8%. Однако при этом в среднем по Российской Федерации количество желающих сменить «региональную прописку» всего 2%, в Астраханской области таковых – 4,7%. И это достаточно серьезное проявление неудовлетворенности социальной ситуацией внутри региона его жителями. Результаты опроса астраханцев в 2012 г. свидетельствуют о нарастании отмеченной выше негативной тенденции: количество ответивших «рад, что живу здесь» уменьшилось на 7,2%, желают выехать из региона стало на 5% больше. При этом количество ответивших, что они хотят уехать из России, увеличилось до 4,2%.

По результатам опроса астраханцев в 2012 г. также стала гораздо критичнее их оценка привлекательных и непривлекательных черт региона стала. Так, количество ответивших, что в регионе красивая природа, снизилось на 2,7%, а считающих, что в области слишком суровый климат, – увеличилось на 18,7%. И это именно социальный показатель, так как глобальных природных и климатических катаклизмов в регионе за четыре года не произошло. Количество ответивших, что астраханцы добрые и душевные люди, снизилось на 18%, что регион перспективен для жизни – на 5,1%, число считающих, что здесь жизнь заглохла, увеличилось на 10,3%. Количество затрудняющихся назвать привлекательные черты региона выросло на 6,8%, а число тех, кто не смог вспомнить непривлекательные черты, напротив, снизилось на 14,2%.

По результатам опроса 2012 г. количество ответивших, что они чувствуют близость с жителями региона, выросло на 6,6%, но региональная идентичность продолжает существенно уступать среднероссийским показателям (39,2% и 55% соответственно). Уровень идентичности со всей Россией в 2009 г составил 22,7%, тогда как в среднем по стране этот показатель выше в 2,5 раза (55%). По результатам опроса населения в 2012 г. этот показатель снизился еще больше – на 5,2%. Таким образом, можно говорить о тенденции к герметизации жизненного мира астраханцев, социальной самоизоляции, которая проявляется в той или иной степени в современной России [см., например, 1, 5]. Данная тенденция также проявляется в снижении, по результатам опроса населения в 2012 г., постсоветской (с 14,7 до 4,3%) и планетарной идентичности (с 14,7 до 6,1%), в высоком уровне локально-поселенческой идентичности, замыкании кругов взаимопонимания, в основном, на семье. Кроме того, в 2012 г. значительно увеличилась численность затрудняющихся идентифицировать свое социальное положение с каким-либо слоем: в масштабах поселения на 5,2%, в масштабах региона на 10,4%. В масштабах страны в 2009 г. сделать это было затруднительно уже для 14,1% астраханцев, в 2012 г. – для 14,3% опрошенных

Уточнить и дополнить исследования социального самочувствия населения в Астраханской области позволили также мониторинговые расчеты индекса потребительских настроений (ИПН). В Астраханской области первая волна мониторинга была проведена под руководством и непосредственном участии авторов в январе 2013 г. (N=830), вторая волна – в апреле 2013 г. (N=690), третья волна – в декабре 2013 г. (N=600) и четвертая волна – в апреле 2014 г. (N=700). Исследование проводилось методом анкетирования по месту жительства. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения». Ошибка выборки не превышает 3%.

Индекс рассчитывается на основе ответов респондентов на шесть вопросов.

«Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

«Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

«Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

«Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

«Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

«Если говорить о крупных покупках для дома, – таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

На основании ответов респондентов на каждый вопрос рассчитываются частные индексы, отражающие динамику отдельных факторов, формирующих потребительское поведение населения. Частные индексы строятся по следующей процедуре: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и не содержательные варианты ответов в расчетах не учитываются) и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин. Совокупный индекс рассчитывается как средняя арифметическая из частных индексов. Значения индексов могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Значения индекса ниже 100 означают преобладание негативных оценок в обществе [2, с. 10].

Для полной картины регионального индекса потребительских настроений рассчитывают следующие частные индексы: индекс положения семьи (вопросы 2–3), индекс межрегиональных сравнений (вопрос 1), индекс ожиданий (вопросы 3–5) и индекс покупательской активности (вопрос 6). Если значения частных индексов больше 100, то доля положительных ответов превышает долю отрицательных. И наоборот, если значение индекса меньше 100, то большинство респондентов дали отрицательные ответы по тому или иному вопросу.

Расчеты четырех волн исследования показали, что самые минимальные значения ИПН пришлось на апрель и декабрь 2013 г. К апрелю 2014 г. ИПН увеличился, но так и не превысил значения 100, что означает, что доля отрицательных ответов превышает долю положительных ответов. Индекс положения семьи в динамике повторил динамику совокупного индекса, но значения были максимальными по сравнению с другими индексами, и в январе 2013 г. и в апреле 2014 г. его значения превысили 100, таким образом, количество положительных ответов несколько превышало количество отрицательных. Индекс межрегиональных сравнений увеличился, но его значения значительно ниже 100, что отражает степень пессимизма части астраханцев по поводу состояния социокультурного пространства региона. Индекс ожиданий также повысился, но его значения в апреле и декабре 2013 г. были минимальными по отношению к значениям других индексов, количество отрицательных ответов и в апреле 2014 г. превышает количество положительных, но несколько превысило значение индекса межрегиональных сравнений. Индекс покупательской активности только в январе 2013 г. «перевалил» значение 100, затем «провалился» в апреле и декабре 2013 г., затем повысился, но так и не достиг значения 100. (см. табл.).

Индексы потребительских настроений в Астраханской области

Показатели	Периоды исследования			
	Январь 2013 г.	Апрель 2013 г.	Декабрь 2013 г.	Апрель 2014 г.
Индекс положения семьи	108	98	87	106
Индекс межрегиональных сравнений	71	73	73	85
Индекс ожиданий	76	63	63	90
Индекс покупательской активности	101	91	92	99
Совокупный индекс	89	81	79	95

Таким образом, в социальном самочувствии астраханцев наблюдаются следующие тенденции:

– некоторый рост удовлетворенности жизни в целом при снижении уровня защищенности от социальных опасностей, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что часть жителей региона начинают «привыкать» к жизни в социально небезопасной среде и это перестает влиять на их социальное самочувствие. Вероятно, именно эта часть населения адаптируется к небезопасному пространству путем герметизации и самоизоляции;

– часть населения не удовлетворена перспективами проживания на территории региона и имеет запрос на выезд в другие регионы, что подтверждается ростом критичного отношения к региону и низкими значениями индексов межрегиональных сравнений, индексом ожиданий и совокупным индексом потребительских настроений. Некоторое повышение ИПН в апреле 2014 г. связано, на наш взгляд с Олимпийскими играми и присоединением Крыма, что привело к росту оптимистических настроений астраханцев, но не столько относительно социокультурного пространства своего региона, сколько пространства всей России.

Основная причина сложившейся ситуации продемонстрирована в ответах астраханцев. Так, по результатам опроса населения 2012 г. можно отметить, что мотивация к работе на государственных предприятиях снизилась на 4%, и эта тенденция, в принципе, соответствует логике рыночных реформ. Но при этом за период 2009–2012 гг. уменьшилась и реальная официальная занятость, и мотивация к работе на частных предприятиях. Если в 2009 г. на частных предприятиях работали 40,3% респондентов, хотели там работать 73,4% астраханцев, то в 2012 г. на частных предприятиях работали 35,9% опрошенных, желающих же работать на частных предприятиях было 62,5%. В целом, основными социально-экономическими смыслами происходящих в сфере трудовых отношений в регионе процессов являются воспроизводство и элементы деградации индустриального технологического уклада, отсутствие предпосылок для высокотехнологичного и наукоемкого производства. Созидательный трудовой потенциал социальных акторов – жителей региона – сдерживается значительными масштабами отчуждения труда, обусловленными глубиной процессов разрушения государственной формы собственности при наличии мощных институциональных барьеров для развития частной формы собственности. С точки зрения антропосоциетального подхода, затруднение воспроизводства трудового потенциала свидетельствует о дисфункции одной из важнейших социальных функций региона – жизнеобеспечивающей.

Список литературы

1. Головацкий Е.В. Политические нововведения: ресурсное обеспечение в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (социологические науки). Кемерово, 2009.
2. Ибрагимова Д.Х., Николаенко С. Индекс потребительских настроений. М.: Поматур, 2005.
3. Каргаполова Е.В., Арясова А.Ю., Гречкина Т.Ю., Лебединцева Л.А., Убогович Ю.И. Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2010.
4. Каргаполова Е.В. Тридцатый регион: потенциал социального развития / под общ. научн. ред. проф. Н. В. Дулиной. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012.
5. Пржиленская Э.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни. Ставрополь, 2009.
6. Регион: пространство смыслов и содержание / А.Ю. Арясова, Д.П. Ануфриев, Е.О. Беликова, Н.В. Дулина, И.Н. Наумов, В.А. Парамонова, М.А. Симоненко, В.В. Токарев; под общ. ред. Дулиной Н. В., Каргаполовой Е. В. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013.

7. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / А.Ю. Арясова, Д.П. Ануфриев, Л.В. Боронина, Е.С. Дегтярева, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, Н.А. Овчар, В.В. Токарев. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012.

*A. R. Bekkalieva, Astrakhan
E. V. Kargapolova, Astrakhan*

**ASTRAKHAN REGION IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION:
THE EXPERIENCE OF MONITORING RESEARCH**

In article on the basis of the results of the monitoring sociological research analyses changes in socio-cultural space of a particular region of modern Russia – Astrakhan region under the influence of modernization.

Key words: region, upgrading, monitoring, sociological research.

УДК 316.422: 658 (470.2)

Н. М. Лавренюк, Уфа
Л. В. Сарваров, Уфа

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРЕДПРИЯТИЙ БАШКОРТОСТАНА

Роль передовых информационных технологий в бизнесе возрастает. Предприятия активно используют стратегическое управление и информационные технологии как стратегический фактор своего развития. Процессы информационной модернизации в регионах протекают неоднозначно. Существуют большие разрывы между регионами в показателях процессов информационной модернизации.

Ключевые слова: предприятия, стратегическое развитие, информационная модернизация.

В современных условиях рыночной модели хозяйствования деятельность предприятий создает базу для социокультурного развития общества. Процессы социокультурной модернизации на уровне стран и регионов тесно переплетены. Одновременная реализация первичной и вторичной модернизации в рамках интегрированной стратегии для устойчивого развития призваны аккумулировать предпринимательский потенциал для повышения уровня и улучшения качества жизни населения регионов России. Интегрированная модернизация диктует предприятиям определенные условия и темп развития, которые часто в рамках конкуренции слабых делают слабее, а сильных – сильнее. Одним из основных факторов, способствующих созданию и эффективному применению отличительных конкурентных преимуществ, является стратегическое видение перспектив предприятий.

Стратегическое развитие предприятий основано на использовании человеческого потенциала, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, обеспечивает гибкое регулирование и реагирование на эндогенные и экзогенные изменения, адекватные воздействия, позволяющие добиваться конкурентных преимуществ, которые способны дать устойчивые количественные и качественные перспективные результаты. Эти процессы в стратегическом развитии основаны на принципах интеграции науки и искусства управления и менеджмента, целенаправленности и целеустремленности, гибкости и стабильности, логического единства стратегических планов, программ и проектов и адекватных ресурсов для реализации.

Стратегическое управление как комплексный процесс определения целей и ресурсов, необходимых для их достижения и реализации политики, направленной на эффективное управление достижением перспективных результатов, ориентировано на накопление не только экономического капитала, но и социокультурного капитала. Поскольку через развитие профессиональных компетенций, профессиональное развитие работников предприятий осуществляется общая социализация и включение в процессы социокультурной модернизации.

Информационная модернизация основана на константном совершенствовании используемых информационных технологий. Применяемые современными предприятиями информационно-коммуникативные технологии требуют определенных финансовых, трудовых, временных затрат на приобретение и освоение, но и дают реальные преимущества. Информационные технологии позволяют расширять доступ к предприятию клиентам, поставщикам и другим агентам; делать прозрачными многие процессы предпринимательской деятельности; ускорять и упрощать процессы документооборота; позволяют существенно экономить время и повышать эффективность и многое другое.

Республика Башкортостан обладает достаточно развитым предпринимательским потенциалом. В регионе за период с 1990 по 2011 гг. число предприятий выросло в 10,9 раз и составило 80 970 единиц. По этому показателю регион в ПФО занимает 4 место после Республики Татарстан, Самарской и Нижегородской областей. По числу некоммерческих орга-

низаций в ПФО Башкортостан занимает 2 место (1 место у Республики Татарстан), по числу коммерческих – 5 место после Самарской области, Республики Татарстан, Нижегородской области и Пермского края [3, с. 445–446].

Одним из актуальных информационно-аналитических инструментов для выработки, проведения и корректировки политики развития информационного общества на региональном уровне выступает композитный Индекс готовности регионов России к информационному обществу. Он публикуется Институтом развития информационного общества с 2005 г. Индекс представляет собой измеритель степени подготовленности регионов к широкомасштабному использованию ИКТ для социально-экономического развития. Он рассчитывается на основе показателей, характеризующих факторы развития информационного общества (человеческий капитал, экономическую среду и ИКТ-инфраструктуру), а также использование ИКТ в шести областях (государственное и муниципальное управление, образование, здравоохранение, бизнес, культура, домохозяйства). Для расчета Индекса и его составляющих используются 77 показателей, в число которых входят основные показатели доступа и использования ИКТ, рекомендуемые международными организациями. Индекс позволяет измерить различия между субъектами Российской Федерации по интегральным показателям информационного развития. Индекс дает возможность оценить текущую ситуацию, выявить наиболее проблемные зоны с точки зрения информационного неравенства регионов и определить зоны отставания и препятствия на пути развития информационного общества в субъектах РФ [2].

Одним из подындексов Индекса характеризует роль информационных технологий в предпринимательской деятельности («ИКТ в бизнесе»). Его параметры позволяют отслеживать и сравнивать модернизационные изменения на предприятиях в регионах страны. Система показателей приведена в таблице, где приведены значения и рейтинговые места республики в России по 14 относительным показателям. Не смотря на то, что интегративная позиция Башкортостана по Индексу – 47 со значением 0,381, по подынку «Информационно-коммуникативные технологии в бизнесе» регион на 11 месте (0,476). Лидируют в обоих случаях Москва и Санкт-Петербург. Без учета этих субъектов возглавляют рейтинги по Индексу Тюменская область и Ямало-Ненецкий автономный округ, по подынку – Томская область и Хабаровский край.

Место Республики Башкортостан в рейтинге регионов России
по показателям подынка «Информационно-коммуникативные технологии в бизнесе»

Показатель/подындекс	Место в рейтинге	Значение
«ИКТ в бизнесе»	11	0,476
Доля предприятий, имеющих персональные компьютеры, в %	14	98,5
Число персональных компьютеров на 100 занятых, штук	42	26
Доля предприятий, имеющих ЛВС, в %	17	80,1
Число персональных компьютеров в составе ЛВС на 100 занятых, штук	47	21,1
Доля предприятий, имеющих доступ к интернету, в %	7	93,9
Число персональных компьютеров с доступом к интернету на 100 занятых, штук	56	11,3
Доля предприятий, имеющих доступ к интернету со скоростью 256 Кбит/сек и выше, в %	7	72,9
Доля предприятий, имеющих специальные программные средства для управления продажами и закупками товаров, в %	30	42,7

Окончание табл.

Показатель/подындекс	Место в рейтинге	Значение
Доля предприятий, имеющих ERP-системы, в %	39	7,1
Доля предприятий, имеющих веб-сайты, в %	16	37,3
Доля предприятий, использующих интернет для размещения заказов на продукцию, в %	15	39,1
Доля предприятий, использующих интернет для оплаты поставляемой продукции, в %	6	44,7
Доля предприятий, использующих интернет для получения заказов на продукцию, в %	18	30,7
Доля предприятий, использующих интернет для осуществления электронных расчетов с потребителями, в %	6	33,5

Источник [1].

Исходя из анализа показателей подындекса, предприятия в республике наиболее эффективно используют в бизнесе интернет. Хуже всего обстоят дела с доступом сотрудников предприятий к персональным компьютерам (42 место) и к тем из них, которые подключены к интернету (56 место в рейтинге). С одной стороны, руководство предприятий региона стратегически ориентировано на применение передовых информационных технологий, а с другой, – эти технологии не имеют массового применения. Уровень образования, по данным ВПН-2010, ниже среднего значения по стране. Велика доля занятых в сельском хозяйстве (39%) и мала доля инновационно-активных предприятий (менее 10%), что не стимулирует информационную модернизацию. Роль информационных технологий в стратегическом развитии предприятий возрастает, поскольку динамика показателей использования ИКТ положительная. Однако, существуют и ограничения и возможности информационной модернизации в стратегическом развитии предприятий Башкортостана.

Список литературы

1. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М., 2012. С. 413–426.
2. Официальный сайт Института развития информационного общества. URL: <http://eregion.ru/>.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 499 с.

N. M. Lavrenyuk, Ufa
L. V. Sarvarov, Ufa

INFORMATIONAL MODERNISATION IN THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISES OF BASHKORTOSTAN

The role of advanced information technology in the business increases. Companies are actively using strategic management and information technology as a strategic factor in its development. Information processes of modernization in the regions occur ambiguous. There are big gaps between regions in terms of the information processes of modernization.

Key words: enterprise, strategic development, modernization of information.

УДК 332.1: 316.422 (470.323)

А. А. Когай, Курск

**АНАЛИЗ ДАННЫХ РАЗВИТИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИНДЕКСОВ МОДЕРНИЗАЦИИ**

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00426а)

В работе прослеживаются ключевые тенденции развития Курской области. Показаны динамика ИРЧП, инвестиционного потенциала, инвестиционного риска, модернизационных процессов в регионе.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, инвестиционный потенциал, модернизация, индексы, человеческий капитал.

Курская область является типичным регионом Центрального Черноземья, Центрального федерального округа и России. Вместе с тем по ряду параметров она проявляет свою специфику. Представляется важным обращение к вопросу анализа динамики региона в контексте развития экономических показателей, а также иных позиций, проявляемых в исследованиях по измерению и анализу уровней и фаз модернизации регионов России, осуществляемых под эгидой ЦИСИ ИФРАН.

Обратимся сначала к обобщенным показателям развития региона.

Индекс развития человеческого потенциала. Укрепление человеческого капитала и социального потенциала выступает важнейшей задачей осуществления модернизационных процессов. Интегральную оценку обозначенных оснований развития дает индекс развития человеческого потенциала. Данный индекс формируется из показателей дохода (валовой региональный продукт на душу населения), долголетия (ожидаемая продолжительность жизни при рождении) и уровня образования (грамотность взрослых и охват образованием детей и молодежи). Из соотношения количественных составляющих ИРЧП можно судить о состоянии структуры социальных функций региона. Обратимся к динамике данного показателя в Курской области и других областей Центрального Черноземья (рис. 1) [2].

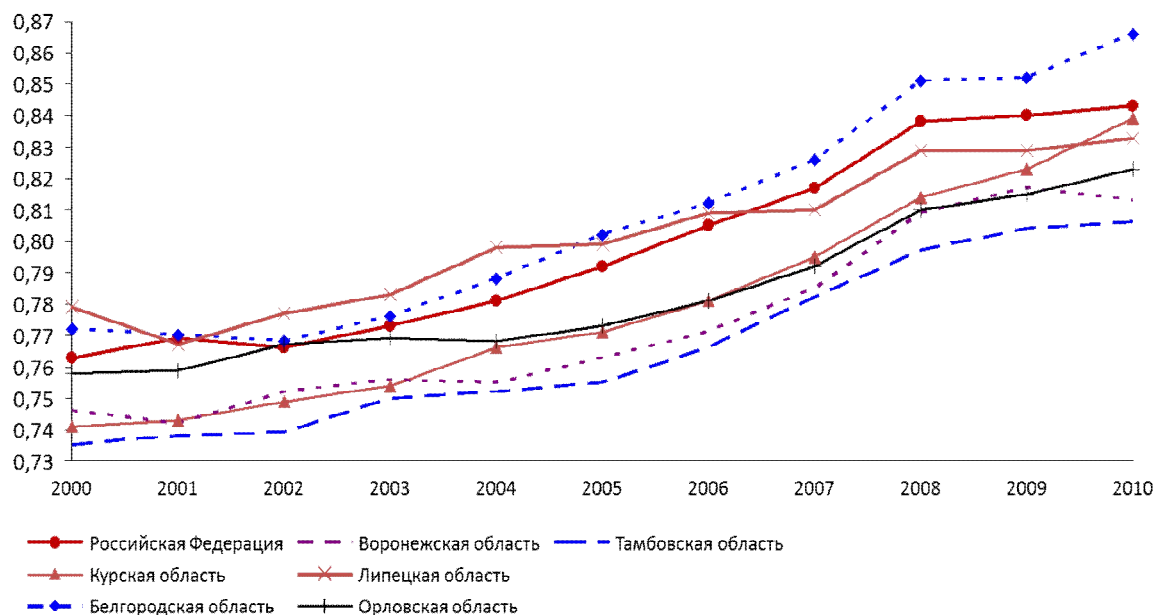

Рис. 1. Динамика ИРЧП регионов Центрального Черноземья (2000–2010 гг.)

Мы видим, что к 2010 г. Курская область максимально приблизилась к среднероссийскому показателю ИРЧП, опередив при этом все регионы Центрального Черноземья, кроме Белгородской области. В 2010 г. Курская область значительно улучшила свои показатели по составляющим ИРЧП и заняла довольно высокое – 14 место – в рейтинге российских регионов. Однако если обратиться к составляющим данного индекса в регионе, то нельзя не отметить, что здесь по-прежнему фиксируется некоторая разбалансированность: при довольно высоком уровне образования (индекс – 0,972) и значительно выросшем индексе дохода (0,820) средняя продолжительность жизни осталась невысокой, она ниже среднероссийских показателей – 68,54 г. (индекс долголетия – 0,726). Данный факт является весомым свидетельством того, что экономический рост не приводит сам по себе к существенным позитивным изменениям долголетия, и виной тому также не уровень медицинских услуг населению (хотя и он имеет определенное значение), а в значительной степени немодернизированная структура ценностей и образ жизни населения.

Инвестиционная привлекательность региона. Отметим, что инвестиционная составляющая приобретает все больший вес в оценке социально-экономической и культурной жизни российских регионов. Каждый субъект Российской Федерации обладает некоторым инвестиционным потенциалом, совокупное значение которого формируется из частных потенциалов – трудового, потребительского, финансового, институционального, инфраструктурного, инновационного, природно-ресурсного и туристического. Динамика инвестиционного рейтинга регионов представлена на рис. 2 [3].

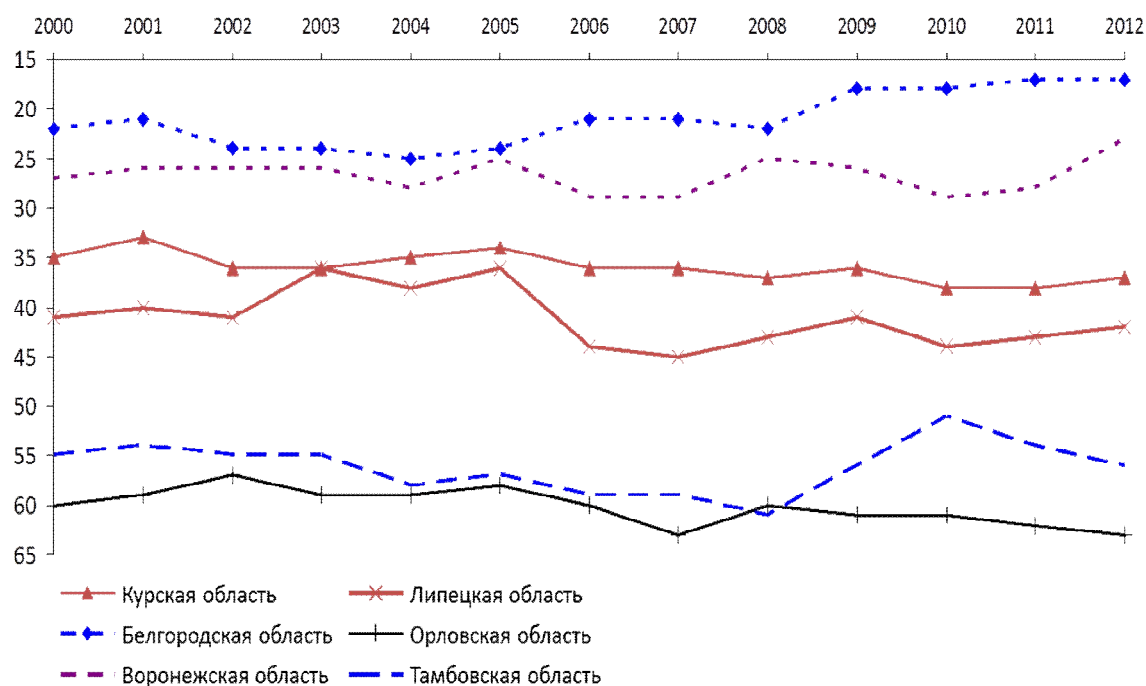

Рис. 2. Динамика ранга инвестиционного потенциала регионов Центрального Черноземья (2000 – 2013 гг.)

Отметим, что с 1997 г. агентство «Эксперт РА» позиционирует Курскую область в рейтинге инвестиционного климата в группе «пониженный потенциал – умеренный риск». На протяжении ряда лет наилучшие позиции регион показывает в отношении инфраструктурного потенциала (9-е место среди субъектов РФ в 2013 г.), наихудшие – в отношении туристического потенциала (63-е место среди субъектов РФ в 2013 г.), хотя при этом по природно-ресурсному потенциалу регион входит в двадчатку лучших регионов России.

Немаловажным показателем инвестиционного потенциала выступает оценка риска, показывающего вероятность потери инвестиций и дохода от них. Инвестиционный риск выступает риском обесценивания капиталовложений вследствие действий органов государственной власти и управления. Интегральная оценка инвестиционного риска включает в себя такие риски, как законодательный, экономический, финансовый, криминальный, экологический и управленческий. Представляется важным обратиться к вопросу динамики интегрального риска с 2000 по 2013 г. (данные рейтинги также составлены независимым рейтинговым агентством «Эксперт РА»). Обратимся к таблице.

Динамика составляющих интегрального риска
в Курской области (2000–2013 гг.)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Законодательный риск	73	79	57	54	78	78	76	77	23	27	28	–	–	–
Экономический риск	35	59	77	71	61	58	11	8	41	31	31	42	34	26
Финансовый риск	51	53	52	58	52	52	55	56	61	63	65	55	68	33
Социальный риск	60	18	45	50	43	16	54	45	5	9	7	13	49	7
Криминальный риск	35	29	29	8	32	35	22	25	21	15	20	37	23	16
Политико-управленческий риск	21	50	47	47	61	49	52	63	36	51	49	51	48	23
Экологический риск	37	46	35	35	32	34	29	29	6	5	4	2	2	2
Интегральный риск	48	51	45	43	50	42	42	40	23	23	22	26	41	13

Следует заметить, что 2007–2008 гг. дали улучшение позиции региона по данному совокупному параметру: область с 40 места переместилась на 23-е, закрепив данную позицию на три года. В 2012 г. интегральный риск увеличился, однако в последующем 2013 г. он показал значительное снижение – до 13 позиции. При этом проявились значимые подвижки в оценке самих параметров риска. Так, область на протяжении ряда лет, согласно замерам рейтингового агентства «Эксперт РА», занимает 2-е место в России по экологическому риску, тенденцию к снижению показывает такая составляющая, как социальный риск (до 7-е места). Фиксируемые тенденции, несомненно, влияют на спектр возможностей привлечения инвестиций в социально-экономический сектор развития региона. Позитивные изменения в оценке инвестиционного риска Курской области пусть не так однозначно, но все же довольно выразительно проявляются и в контексте других регионов Центрального Черноземья (рис. 3).

Здесь явным лидером выступает Белгородская область, близкие к ней позиции проявляет Липецкая область, некоторое отставание демонстрирует Воронежская область, являющаяся, согласно расчетам, лидером модернизации в Центральном Черноземье.

В Курской области для создания благоприятного инвестиционного климата принята и действует областная целевая программа «Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Курской области на 2011 – 2015 годы». Реализация данной программы связана с деятельностью Совета по улучшению инвестиционного климата и взаимодействию с инвесторами, а также Агентства по привлечению инвестиций Курской области.

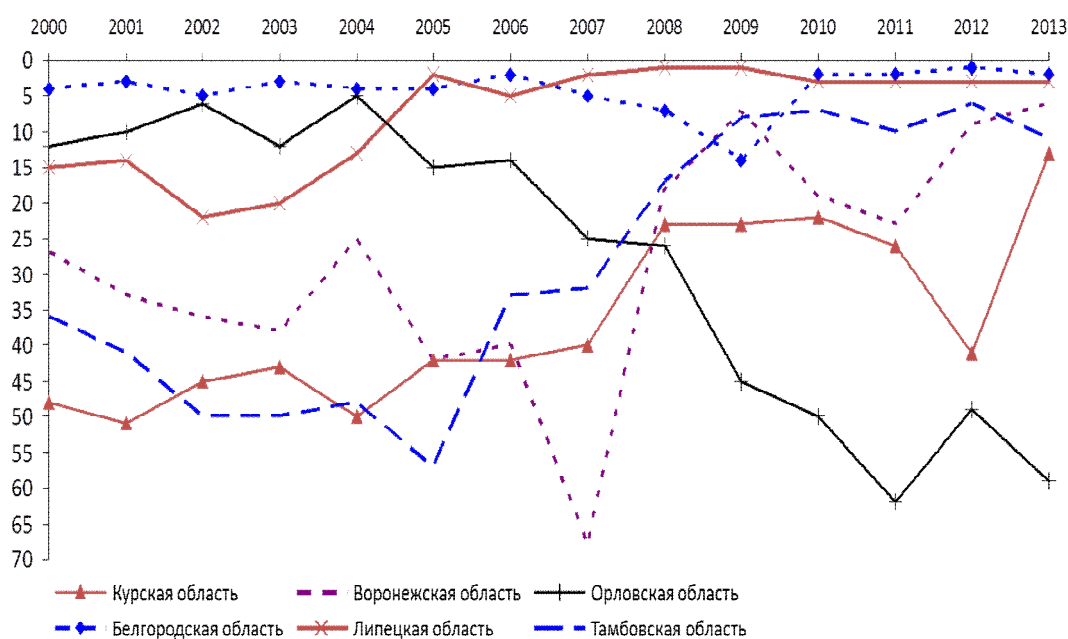

Рис. 3. Динамика ранга инвестиционного риска регионов Центрального Черноземья (2000 – 2013 гг.)

Затрагивая вопрос об инвестиционном потенциале и инвестиционном риске, нельзя не указать те сферы, которые выступают ключевыми в привлечении инвестиций в регион. В Курской области в этом плане на первом месте оказывается производство и распределение электроэнергии, газа и воды, далее идет сельское хозяйство, замыкает тройку лидирующих сфер обрабатывающее производство. Обозначенные сферы являются доминантными в экономике региона, к рассмотрению состояния которой мы переходим.

Экономическая компонента развития Курской области. Промышленность региона представлена 14 отраслями, в которых сосредоточено около 70% основных производственных фондов области, занято более 1/3 работающих в отраслях материального производства. В целом в производственной структуре региона значительную долю занимают электроэнергетика (26%), добыча полезных ископаемых (24%), пищевая и перерабатывающая промышленность (17%), машиностроение и металлообработка (12%), химическая и нефтехимическая промышленность (7%). Объем промышленной продукции в регионе за период с 2002 по 2013 гг. вырос в 1,65 раза (ежегодный рост составил в среднем около 4%). При этом существенную роль в экономике региона играет аграрный сектор. Ведь ключевым богатством Курского края являются черноземы, которые составляют около 80% земельных угодий.

Следует отметить, что за счет развития пищевой и перерабатывающей промышленности, химического производства и машиностроительного комплекса существенно возросла доля *обрабатывающих отраслей* в структуре промышленного производства – с 43% до 52,4%. В структуре этих отраслей значительную долю составляют пищевая и перерабатывающая промышленность (39,9%), химическое производство (15,3%), производство электрического оборудования, электронного и оптического оборудования (9,5%), резиновых и пластмассовых изделий (7,7%), целлюлозно-бумажное производство (5,7%), производство машин и оборудования (5,3%). В области фиксируется неуклонное увеличение объема инвестиций в основной капитал промышленности. Так, за период с 2005 по 2014 г. он вырос почти в 4 раза: с 6 млрд. руб. в 2005 г. до 22 млрд. руб. в 2014 г.

Следует также обратить внимание на создание в регионе новых довольно крупных предприятий. Это ООО ПО «Вагонмаш», курский филиал ООО «БИАКСПЛЕН», «СаТал-Прибор» (специализация – разработка и производство узлов высокой степени сложности), завод по производству современных теплиц – ЗАО «Курскпромтеплица». Начало выпуск продукции ООО ПО «Технологии и системы водоочистки» – предприятие по производству комплексных систем очистки больших объемов питьевой воды, оборотных и сточных вод, технологических жидкостей. Вводятся в действие новые агропромышленные предприятия. Вместе с тем нельзя не отметить, что подавляющее большинство крупнейших промышленных активов области принадлежит собственникам, находящимся за пределами области. В самой области отсутствуют очевидные преимущества, способные благоприятствовать увеличению притока существенных средств в развитие экономики области. В этом плане, правда, следует отдать должное новому начинанию региона, которое может быть именовано как «экономика событий»: на протяжении трех последних лет в регионе проходит Среднерусский экономический форум, зарекомендовавший себя в качестве эффективной площадки по выработке стратегий развития регионов Центральной России, по определению перспективных направлений модернизации экономики и развития социальной сферы. Обратимся к вопросу о том, как осуществляются модернизационные процессы в Курской области.

Состояние процессов модернизации. Нельзя не отметить, что вплоть до 2010 г. Курская область оставалась на стадии первичной (индустриальной) модернизации (ПМ), она находилась в фазе роста ПМ или во втором состоянии (типе) модернизированности. Сбалансированность процессов модернизации в регионе уступает среднероссийским показателям. Среди экономических показателей первичной модернизации максимальные значения (индекс – 100) в регионе достигнуты по таким индикаторам, как доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, и доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП. Немного не доставала до максимума доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (индекс – 95). И самым уязвимым местом стал показатель ВРП на душу населения (индекс – 63). Согласно статданным, данный показатель уже в 2011 г. значительно возрос. Если обратиться к знаниявым индикаторам, то по ним область демонстрирует максимальные показатели (индекс уровня грамотности среди взрослых – 100, доля студентов, получающих высшее образование, – 100). Уже не раз отмечено, что Курская область входит в пятерку регионов, где максимальное число студентов на 100 тыс. чел. населения. Среди социальных индикаторов оказался уязвимым один – ожидаемая продолжительность жизни, составившая 66 лет (индекс – 94). Справедливости следует отметить, что к 2012 г. ожидаемая продолжительность жизни максимально приблизилась к стандартному значению и составила 69,66 лет [4, с. 73]. Таким образом, Курская область к 2015 г., судя по фиксируемым тенденциям, через медленное повышение вполне может *завершить первичную модернизацию*.

Что касается показателей вторичной модернизации (ВМ), то здесь следует отметить достижения более чем скромные. Индекс качества жизни в регионе в 2010 г. составил 89,5, вместе с тем индекс качества экономики не превысил отметки 35,3. Индекс инновации в знаниях также является «ахиллесовой пятой» региона, он составляет всего лишь 39,4. Совокупный индекс вторичной модернизации Курской области в 2010 г. составил 60,1. Тем самым Курская область находится на ВМ-уровне ниже среднего (среди среднеразвитых).

Обратимся к *интегрированному индексу модернизации* (ИИ) региона и его составляющим. На 2010 г. экономический индекс ИИ составил 42,6, социальный – 72,8, индекс знаний – 55,7. Соответственно индекс интегрированной модернизации составил лишь 57 (для сравнения – среднероссийский уровень составляет 62). Представим изменение индексов интегрированной модернизации в Курском крае до 2010 г. и проявим направленность их движения (рис. 4).

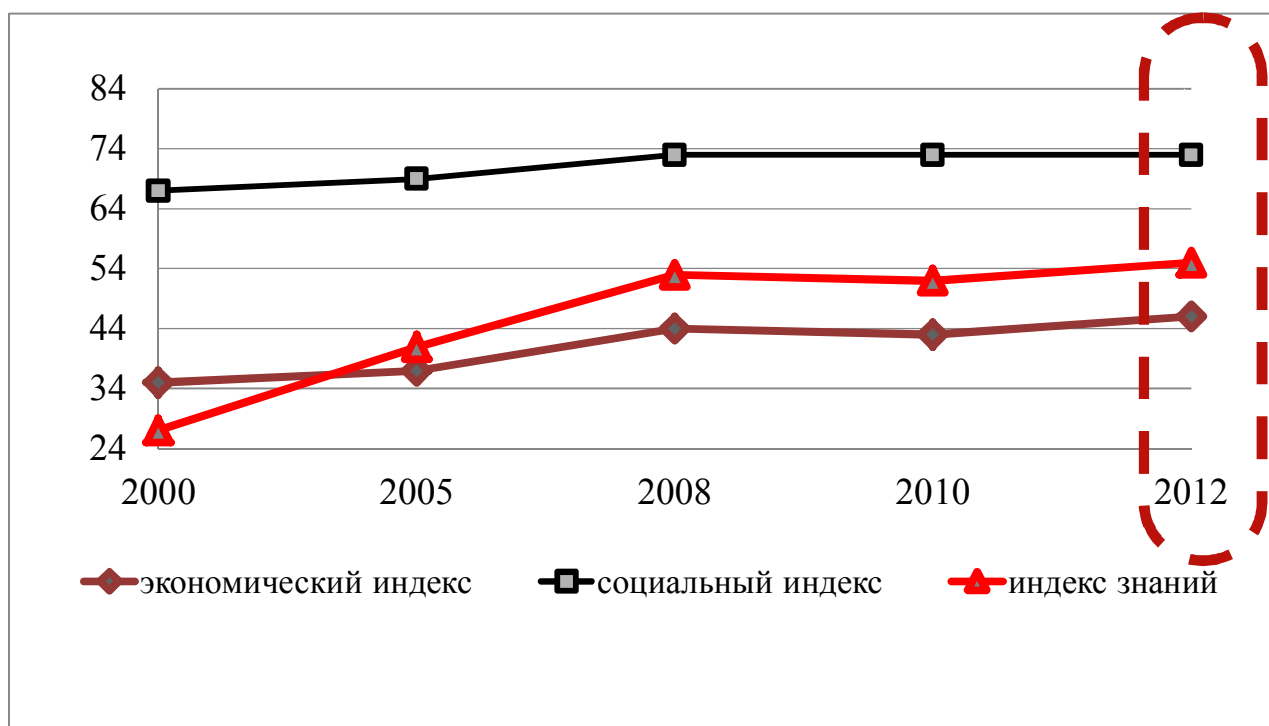

Рис. 4. Динамика структуры интегрированного индекса модернизации Курской области

Рисунок демонстрирует высокую динамику роста знаниевой составляющей модернизации (до 2008 г.), приостановку движения социального индекса и явное отставание экономического индекса. Заметим, что в долгосрочной перспективе для оценки изменения ключевых параметров области в контексте модернизационных процессов наиболее существенную роль будут играть индексы вторичной модернизации – как индексы, показывающие долгосрочные тенденции развития региона.

Курская область в отношении процессов модернизации демонстрирует медленное постепенное развитие или заторможенный рост. И способом обеспечения динамики развития области выступает, скорее, эволюционно-традиционный, а не качественно-инновационный путь. И это следует расценивать в качестве препятствия на пути модернизации. Регион по-прежнему нуждается в улучшении инвестиционного климата, повышении инновационной активности как на уровне исследований и разработок, так и реализации инноваций в жизнь.

Как показывают социологические исследования научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета, осуществляемые на протяжении 2005–2014 гг. по методике «Социокультурный портрет региона», большинство жителей региона в целом оценивают происходящие изменения в области позитивно. Однако требуется усилить внимание к повышению качества управления, а также развитию человеческого капитала. Серьезной проблемой является невостребованность культурного капитала в регионе (который, как свидетельствуют проводимые социологические исследования, довольно высок). При этом фиксируется вымывание человеческого капитала в регионе – в поисках интересной работы, широких возможностей для самореализации, более высокой оплаты труда перспективная молодежь покидает Курскую область, направляется в Москву, Санкт-Петербург, другие города России и в дальнее зарубежье.

Как справедливо было отмечено на III Среднерусском экономическом форуме, прошедшем в июне 2014 г. в г. Курске, сегодня все более актуальным становится «кросс-региональное развитие и сотрудничество субъектов федерации с целью повышения качества жизни, улучшения социального обеспечения, поддержки региональных производителей и молодых специалистов» [1]. Полагаем, что в Курской области и в других российских регио-

нах требуется осуществление серьезной работы в направлении выработки стратегии поддержания и развития человеческого капитала, без которого продвижение на пути модернизации становится более чем проблематичным.

Список литературы

1. В Курске состоялся III Среднерусский экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sef-kursk.ru/about.jsp>.
2. Доклады о развитии человеческого потенциала ИРЧП в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.undp.ru/>.
3. Инвестиционный рейтинг регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://raexpert.ru/rankings//regions>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М., 2013. 990 с.

A. A. Kogai, Kursk

THE KURSK REGION ANALYSIS OF DEVELOPMENT DYNAMICS ON THE BASIS OF ECONOMIC INDICATORS AND INDEXES OF MODERNIZATION

The article raises tendencies of development of Kursk region. The author shows to the dynamics of the Human development index, the investment potential, investment risk, modernization processes in the region.

Key words: Central Chernozem region, investment potential, modernization, indexes, human capital.

УДК 311(571.12)

Т. В. Комбарова, Тюмень

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА:
ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304 а)

В статье рассматривается современное демографическое состояние Тюменского региона и его перспективы на последующие годы.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, брачность, разводимость, семья.

Демографическая обстановка в Тюменском регионе на протяжении довольно значительного времени сохраняет свою стабильность. Миграционный прирост населения, который был характерен продолжительное время, с 2000 г. сменился естественным приростом. Коэффициент естественного прироста в 2013 г. составил 8,8, что, конечно меньше, чем в 1990 г., но в 7 раз больше, чем в 2000 г. Наибольший коэффициент естественного прироста населения по сравнению с 2000 г. в ХМАО – в 2,5 раза, ЯНАО – в 2 раза. На юге области только в 2007 г. отрицательный коэффициент сменился положительным и быстрыми темпами вырос с 0,9 до 5,1. В 2012 г. Тюменская область по коэффициенту естественного прироста занимала 10 место среди субъектов Российской Федерации, ХМАО, соответственно – 7 место и ЯНАО – 11 место, а в Уральском федеральном округе стабильно держит первое место по этому показателю.

Таблица 1

Коэффициенты естественного прироста (на 1000 человек населения)

	1990	2000	2002	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Место в РФ в 2012 г.
Тюменская область	9,6	1,3	2,5	3,9	5,4	6,1	6,7	7,1	7,6	8,8	8,8	10
в том числе:												
ХМАО – Югра	12,9	4,5	6,5	7,0	8,0	8,7	9,1	9,6	9,9	11,4	11,2	7
ЯНАО	13,1	6,1	7,3	7,7	9,1	9,4	10,1	10,3	10,2	11,4	11,5	11
Юг ТО	5,2	-5,1	-4,6	-0,9	0,9	1,8	2,9	3,0	3,8	4,8	5,1	

Источник: [1, 2]

Наибольший прирост населения в Тюменской области всегда давала миграция, однако колебания миграционного потока от отрицательных до положительных значений не дают однозначного ответа на то, что миграционный прирост является определяющим в росте населения области. О более стабильном миграционном приросте можно говорить лишь относительно юга Тюменской области. Отрицательная величина миграционного потока наблюдается в северных округах в пределах Российской Федерации. Миграционный обмен с государствами-участниками СНГ стабильно положителен во всех регионах области. Наибольший прирост дают такие страны, как Украина, Таджикистан, Узбекистан, а также Киргизия, Казахстан и Азербайджан.

Увеличение рождаемости связано с вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения, рожденного в 1980-х гг., после того как было принято Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22 января 1981 г. №235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [3]. В настоящее время в этот возраст вступает поколение, рожденное в 1990-х гг., когда спад рождаемости был наиболее заметен, поэтому ожидать очередного всплеска рождаемости или даже того, что она останется на том же уровне, что и в настоящее время не приходится. «Закон о материнском капитале» [4] несколько под-

нял рождаемость в стране и в Тюменской области. Однако необходимо помнить, что в большинстве своем вторые дети – это «запланированные» дети, но их рождение по каким-либо причинам было отложено либо «до лучших времен», либо когда подрастет первый ребенок. Для того, чтобы семьи были двух-, трехдетными, одних материальных поощрений матерям недостаточно. В Ханты-Мансийском округе рождаемость начала резко возрастать с 2001 г. после того, как начала реализовываться Губернаторская программа «Молодой семье – доступное жилье», которая помогает молодой семье приобрести новое жилье с учетом льгот, окружной субсидии по рождению (усыновлению) ребенка [5]. На юге области стабильный положительный прирост начался с 2007 г.

В России есть три самые большие проблемы, не позволяющие говорить о росте качества жизни населения: низкая продолжительность жизни, особенно среди мужчин, и высокая младенческая и детская смертность. Эти показатели входят во все мировые индексы и являются самыми показательными при оценке качества жизни.

Ожидаемая продолжительность жизни в Тюменском регионе, снижавшаяся с 1993 г., к 2013 г. выросла до 70,8 года по области, регион по этому показателю занимает 20 место среди субъектов РФ (в 2012г.), что нельзя назвать высоким уровнем и говорит о нерешенных проблемах, прежде всего в сфере охраны здоровья населения. Чуть более высокими темпами возросла ожидаемая продолжительность жизни в ХМАО – 71,8 лет (12 место по РФ), в ЯНАО несколько меньше – 70,7 года (23 место).

Разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, катастрофически высокая по всей России, наиболее высока на юге области (12,2 года), в ХМАО эта разница составляет 9,7 лет, и на Ямале 9,3 года. В целом по области ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 2012 г. по сравнению с 2000 г. возросла на 5,7 года. Таким образом, наименьшими темпами данные показатели качества жизни населения растут на юге региона, где население старше. В регионе работает программа переселения пожилых жителей, пенсионеров с северных регионов на юг области, поддерживаемая в рамках программы «Сотрудничество». Многим пенсионерам с Севера выделяются квартиры за счет окружных бюджетов для переселения на юг региона, где климат заведомо более комфортен для проживания. Отметим, что в последнее время данная проблема теряет свою гендерную выраженность.

Рост рождаемости, в принципе, должен отражать рост создания новых семей, т.е. рост брачности. Однако наблюдаемый с 2000 г. рост брачности в 2013 г. постепенно снижается. Это коснулось всех субъектов региона и этот процесс закономерен. Многочисленное поколение, рожденное в начале 1980-х гг. в пору тогдашней демографической политики, уже либо вступили и живут в браке (первом или последующем, зарегистрированном), либо живут, не узаконивая отношений, либо остаются одиночками. Поколение, вступающее в брачный возраст, родилось в 1990-х гг., когда резко упала рождаемость.

Ситуация с разводами остается напряженной. В 2013 г. несколько снизился коэффициент разводимости, но на юге области он остался таким же, как и в 2011 г., и в ЯНАО снизился незначительно. Это может быть и не связано со снижением количества заключенных браков, для этого нужно знать количество лет, прожитых в браке до развода, что статистика не учитывает.

Как показали опросы, «законный» брак больше стимулирует на рождение детей. В 2013 г. в раздел «семейное положение» был включен пункт «Живете вместе, но не зарегистрированы», который показал, что в таких семьях обычно рожают одного, редко двух детей, в основном это бездетные пары. Очень много детей после развода остаются с одним родителем. В большинстве таких неполных семей остается один ребенок, таких семей даже больше, чем полных с одним ребенком. Неполных семей с двумя детьми также немало, с тремя детьми – уже значительно меньше.

По данным опроса 2013 г. можно увидеть, что незарегистрированным браком предпочитают жить люди в возрасте от 18 до 35 лет, причем на юге области этот период растягивается до 44 лет, затем заметно идет на спад, в ХМАО от 18 до 39 лет, в ЯНАО – от 20 до 29 лет.

Разведенные, вступая в повторные браки, часто их не регистрируют, что также отражает тенденцию изменения модели семьи. Поэтому некоторые респонденты, отвечая на вопрос о семейном положении, часто дают ответ «разведен/разведена» или «живем вместе, но не зарегистрированы», проживая в повторном, нерегистрируемом браке. Также можно увидеть, что респондентов, давших ответ «разведен/разведена» гораздо меньше тех, кто живет нерегистрируемым браком (опрос 2013 г.).

В полных семьях чаще 1–2 ребенка, причем семей с двумя детьми гораздо больше как в северных округах, так и на юге области. Семьи с тремя детьми принадлежат более старшей возрастной группе от 50 лет. По трое детей воспитываются в полных семьях в возрастных группах от 35–39 лет и старше, в этих же возрастных группах находятся и двухдетные семьи. Но больше всего детей (трое и больше) в семьях людей возрастной группы от 50 и старше (они же чаще всего относятся к категории «вдовец/вдова»).

Увеличивается число внебрачных рождений, которые составляют 28% от всех рождений, причем данная тенденция сохраняется во всех субъектах Тюменской области. Большая часть внебрачных рождений приходится не на молодежь до 20 лет и женщин после 35 лет, а на людей в основных репродуктивных возрастах от 20 до 35 лет, что может говорить о сознательном выборе людей и трансформации института семьи и брака. Не последнюю роль в этом играет уменьшение значения института отцовства в целом. Стереотипы поведения, сложившиеся в неполных семьях, программируют женщин на рождение и воспитание ребенка вне брака, а также в общественном мнении статус матери-одиночки выше, чем незамужней женщины без детей и почти идентичен статусу замужней женщины или вдовы.

Естественное движение населения предполагает не только рождаемость, но и смертность населения. Демографический режим, установившийся в развитых странах, характеризуется не только снижением рождаемости, но и снижением смертности. В России в целом, и в нашем регионе в частности, несмотря на некоторое увеличение рождаемости, смертность неуклонно растет. Проблема, касающаяся населения западных стран, России в целом, и региона, – это так называемое старение населения. За счет активной трудовой миграции доля лиц старше трудоспособного возраста в регионе не так велика, за пределы региона уезжают в основном пенсионеры, при этом растет смертность среди трудоспособного населения.

Общий коэффициент смертности в Тюменском регионе снизился, но незначительно. На Ямале это снижение составило 0,3 пункта по сравнению с 2000 г. Коэффициенты младенческой смертности в целом по Тюменскому региону и по округам снизились по сравнению с 2000 г., в Российской Федерации по этому показателю Тюменская область поднялась на 10 место с 29, которое она занимала в 2011 г. Особое беспокойство вызывает ситуация с младенческой смертностью в ЯНАО. В Российской Федерации по данному показателю ЯНАО держит 67 место. К сожалению, в 2013 г. в ХМАО младенческая смертность возрасла на 0,9 пунктов. Необходимо также отметить, что ЯНАО по коэффициенту смертности занимает 2 место по Российской Федерации, что может объясняться не столько высоким уровнем здравоохранения в данном округе (по коэффициенту младенческой смертности ЯНАО занимает в 2012 г. 67 место), сколько тем, что на Ямале большое количество работ, связанных с вахтовым методом.

Таблица 2
 Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)

	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Место в РФ в 2012 г.
Тюменская область	6,3	9,3	9,9	9,4	9,1	9,2	9,0	9,0	8,5	8,4	6
в том числе:											
ХМАО – Югра	4,2	6,9	7,1	6,8	6,8	6,8	6,7	6,8	6,5	6,3	5
ЯНАО	3,3	5,6	6,0	5,8	5,6	5,7	5,6	5,5	5,4	5,4	2

Источник: [1]

По показателю на 100000 населения смертность от болезней системы кровообращения составили в 2013 г. в ХМАО – 28,8, ЯНАО – 21,7, на юге же области они достигли 63,6 случаев. На втором месте стоит смертность от внешних причин, включающих: в ХМАО – 10,2, ЯНАО – 11,9, юг области опять держит пальму первенства – 13,5 (случаев на 100.000 жителей). Из них статистика выделяет такие социальные девиации, случайные отравления алкоголем, все виды дорожно-транспортных происшествий, несчастных случаев, самоубийств и убийств. Следует заметить, что эти причины составляют от 36% в ЯНАО до 53% на юге области от общего числа смертности по причине «от несчастных случаев, отравлений и травм», остальные проценты, по-видимому, падают на бытовой и производственный травматизм. Третье место занимает смертность от новообразований, затем, по убывающей, – от болезней органов дыхания и органов пищеварения. И здесь опять с большим отрывом впереди идет юг области. Сравнительно меньшая статистика смертности в Ямало-Ненецком округе (помимо смертности от неестественных причин) говорит о том, что в нее входит в основном постоянно живущее население, а работающие вахтовым методом, если только они не попадают в разряд смертей от несчастных случаев, отравлений и травм, в эту статистику не входит. Ситуация с населением, проживающим на юге области, погибающим от внешних причин, очень тревожная и требует пристального внимания, так как она говорит прежде всего о социальном нездоровье.

Особенно высока смертность мужчин в трудоспособном возрасте. Гендерное соотношение в Тюменской области в трудоспособном и моложе трудоспособного возрастах практически одинаково. Однако в возрасте старше трудоспособного доля женщин увеличивается в три раза. Сами жители региона считают, что основными причинами высокой смертности недостаточную заботу мужчин о своем здоровье и потребление некачественного алкоголя. Примечательно, что тяжелая, вредная работа по значимости находится, по мнению респондентов, на третьем месте, и ее значимость снижается в динамике.

Таблица 3

Коэффициенты младенческой смертности
(число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)

	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Тюменская область	13,3	8,5	8,4	7,1	6,1	6,2	6,1	6,4	6,8
В том числе									
ХМАО	10,2	7,3	7,5	5,2	4,0	4,3	5,2	4,5	5,4
ЯНАО	14,4	11,2	13,0	11,4	10,7	12,2	10,7	10,5	10,4
ЮгТО	16,6	8,8	7,4	7,7	6,8	6,1	5,6	7,1	7,0

Источник: [2]

Особое беспокойство вызывает ситуация с младенческой смертностью. Снижение уровня младенческой смертности продолжается, однако все еще остается высоким. Это мало зависит от климатических условий, благополучный в этом плане юг области и суровый Крайний север одинаково оказываются неблагоприятными в отношении младенческой смертности. Повышение рождаемости в связи с вступлением в силу Положения о «Материнском капитале», практически не изменило положения с младенческой смертности, с 2009 г. этот коэффициент даже повысился. Причину надо искать не только в низком уровне здоровья матерей и новорожденных, но и в дефиците медицинских кадров, а иногда и в их низкой квалификации.

Несмотря на то, что демографическую ситуацию в Тюменском регионе в настоящее время можно считать благополучной, не следует забывать о том, что в ближайшее время число женщин репродуктивного возраста сократится, а число людей старшего возраста увеличится, т.е. нас ждет опять снижение рождаемости и увеличение смертности. Необходимо Правительству региона увеличить внимание на создание условий для семей, имеющих детей,

молодых семей, пенсионеров. Необходимо увеличивать число медицинских работников, знающих приемы работы не только с детьми, людьми среднего возраста, но и со стариками.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: сб. ст. / Росстат. М., 2012. 990 с.
2. Тюменская область в цифрах: крат. стат. сб. в 4 ч. Ч.1, Ч.2, Ч.3, Ч.4. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. 260 с.
3. О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей. /Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 22.01.1981 г. №235.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей /Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ.
5. О губернаторской программе МЖК Ханты-Мансийского автономного округа 2001–2010 гг. «Молодой семье – доступное жилье» / Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа от 3 октября 2000 г. №248.
6. Демографический ежегодник (2003–2013): стат. сб. в 4 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014.
7. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллективная монография / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. обл. дума, 2013. С. 30.
8. Характеристика социокультурного развития Тюменского региона: информ.-аналит. сб. / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. обл. дума, 2013. С. 24.

T. V. Kombarova, Tyumen

THE DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE TYUMEN REGION: FACTS AND PERSPECTIVES

The article considers the modern demographic situation of the Tyumen region and its prospects for the coming years.

Key words: fertility, mortality, marriage, divorce rates, the family.

УДК 316.422 (470.3 + 571.151)

Г. Э. Кудинова, Тольятти

ЭКОМОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ РАЙОНЫ БАССЕЙНОВ РЕК ЯНЦЫ И ВОЛГИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Поволжье). Региональный конкурс, грант №14-06-97019)

В статье обсуждаются основные этапы становления, развития, современного состояния и перспективы экологической модернизации. Проведено сравнение хода экологической модернизации в России на фоне экологической модернизации в Китае.

Ключевые слова: экологическая модернизация, устойчивое развитие, бассейны крупных рек, зеленая экономика.

Экологическая модернизация, которую в более широком смысле следует рассматривать как социально-экологическую, неоднозначное и многоаспектное явление. Президент Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (12 ноября 2009 г.) говорил о том, что нашей стране необходима модернизация, основанная на ценностях и институтах демократии. То есть, вместо примитивного сырьевого хозяйства необходимо создавать «умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям. ...Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей. Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчинённую сугубо прагматичным целям. Вместо прошлой построим настоящую Россию – современную, устремлённую в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда...» [5]. Однако в этом высказывании нет места экологической составляющей, нет места защите и охране окружающей природной среды и сохранение её не только для нынешних, но и для будущих поколений, отвечающих принципам устойчивого развития.

Следует согласиться с О.Н. Яницким, который пишет о том, что «В современном мире уже нет отдельно “человека” и “природы”: Человек экологизирован, природа социализирована. Отсюда следует, что меры по сохранению и улучшению состояния среды обитания есть необходимый компонент “пакета” мер развития. Сегодня “экологический фактор” – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и его инфраструктуры, так как всякое превышение несущей способности локальных экосистем и биосферы в целом возвращается бумерангом обществу в форме сокращения рождаемости, роста заболеваемости и смертности, роста миграционных расходов и т. д.» [10].

Справедливо подчеркивается, что «природа не нуждается в модернизации – она нуждается в заботе и в бережном отношении к ней... Модернизация должна начаться с нашего сознания и мировосприятия и только после этого она перекинется на все сферы нашей жизни» [6].

При этом экологическая модернизация, по своим задачам и целям, выглядит и востребованной, и экономически оправданной: экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство, производство и реализация экоуслуг и экотоваров, а иногда и просто отдых в окружении уникального ландшафта, не истощаемое сельскохозяйственное производство и многое другое.

Для достижения принципов экомодернизации цивилизация разработала новый путь развития – переход к «зеленой» экономике... В докладе ООН [8] приводятся такие данные: переход к «зелёной» экономике позволит увеличить благосостояние населения, а также снизит риски негативного влияния на окружающую среду (при вложении, например, в лесной сектор экономики, количество рабочих мест в нем к 2050 г. вырастет на 20%, в транспорте – на 10%, в энергетике – на 20%).

На данный момент нет единого определения «экологической модернизации» (ЭМ), а можно выделить лишь четыре «смысловых слоя»:

- ЭМ – теоретическая основа экосоциологии (социологическая интерпретация экологических реформ);
- ЭМ – новая модель понимания и анализа технологически интенсивной экологической политики;
- ЭМ – качественная модель отражения прогресса развитых стран в экологических и экономических реформах (начиная с 1980-х гг.);
- ЭМ – теория социальных перемен, описывающих экономические и социальные изменения, в основе которых лежит «экологический сигнал» (теория, нацеленная на развитие без враждебного отношения к природе) [3; 4].

«В настоящее время в России ЭМ не может осуществляться в больших масштабах, потому что Российское государство ориентировано на политику экономического роста, а не на политику устойчивого и ноосферного развития. Но в будущем Российскому государству все же придется начать процесс ЭМ и выработать соответствующую доктрину и программы, т. к. этого требует глобальная социально-экологическая ситуация». [3]

Поэтому для решения экологических проблем, встающих перед Россией, необходимо изменение содержания федеральной политики в области экологического развития страны (стратегия «зелёного роста»), которая предусматривала бы интеграцию социально-экономического и экологического развития. [2]

«Зелёный рост» означает создание и развитие средств стимулирования экономического роста и развития, обеспечивая при этом возможность природным активам продолжать предоставлять ресурсы и экологические услуги, от которых зависит наше благополучие. Для этого он должен служить катализатором инвестиций и инноваций, которые лягут в основу устойчивого роста и приведут к возникновению новых экономических возможностей.

Россия планирует сосредоточить свои усилия на получении фактически двойной выгоды, при которой решение социально-экономических проблем сопровождалось бы положительным экологическим эффектом...

Начать следует с «экологизации» планирования будущего развития экономики. Для этого необходимо провести стратегическую экологическую оценку/экспертизу федеральных и региональных целевых программ и крупномасштабных проектов, на предмет адекватного учета экологического вреда, который может быть причинен в результате их реализации, и разработки механизмов его компенсации. «Индикативные целевые показатели состояния окружающей среды, формирующие образ экологически безопасного будущего, должны быть разработаны и использоваться в качестве ориентиров политики последовательного сокращения негативного воздействия на окружающую среду» [2]. Однако, намечая новые пути развития, России следует учитывать, что в ЭМ подчеркивается: «модернизация подразумевает отказ от любых представлений об “особом пути” страны/цивилизации, хотя и предполагает интеграцию некоторых традиционных для данного социума ценностей и представлений» [9]. Именно в этом контексте опыт модернизации других стран (и в частности, ЭМ Китая) может быть полезен и нам.

На рис.1 представлен пример, демонстрирующий характерные черты четырех областей долины главной китайской реки Янцзы (третья в мире по протяженности и полноводности; площадь бассейна порядка 1,808 млн. км²) и четырех стадий эволюции общества.

Этот рисунок следует пояснить. Большая часть долины р. Янцзы (шесть провинций в верхнем её течении – Цинхай [QH], Тибет [TB], Юньнань [YN], Сычуань [SC], Чунцин [CQ] и Гуйчжоу [GZ]) – сельскохозяйственные районы, в ряде которых все еще прослеживаются черты первобытного общества (так, этническая группа *мосо* хранит устои матриархата [поздний палеолит, 10 тыс. лет назад], а в горных районах провинции Сычуань народности *цян*, *лахк*, *булан* и *хани* всё еще живут, пользуясь подсечно-огневым методом земледелия [неолит, 6 тыс. лет назад]; с. 25). Аграрное земледелие связано с четырьмя провинциями

среднего течения Янцзы (Хубей [НВ], Хуань [НН], Цзянси [JX] и частично Аньхой [АХ]); индустриальное – с нижним течением (две провинции – частично Аньхой [АХ] и Цзянсу [JS]); наконец, общество знаний ассоциируется с расположенным в эстуарии Шанхаем. Такое разделение подтверждается и рядом экономических (подушевой ВВП, снижение доли занятости в сельском хозяйстве и рост в промышленности и сфере услуг) и социальных показателей (уровень урбанизации, ожидаемая продолжительность жизни, детская смертность, уровень грамотности и пр.). Таким образом, река Янцзы (течение запад → восток) выступает в роли модели модернизации цивилизационных сообществ людей на разных этапах развития (направленность, асинхронность модернизации, культурное и цивилизационное разнообразие и пр.).

Рис. 1. Эволюция общества «на фоне» реки Янцзы

В таблице ниже приведены результаты сравнительного анализа крупнейших рек Европы и Азии (см. также рис. 1 и 2).

Районирование Волжского бассейна, приведенное на рисунке 2, по тем же самым «модернизационным показателям» (выполнено с использованием информационной системы «Region» ИЭВБ не дало столь же наглядной картины, как для бассейна Янцзы. Можно назвать несколько причин такого различия.

Некоторые данные по рекам Волга и Янцзы

Показатель	Волга	Янцзы
Протяженность (км)	3530	6300
Площадь бассейна (млн. км ²)	1,36	1,81
Количество регионов	39 + 2 (Казахстан); основных (более 80% территории) – 24	12
Население (млн. чел.)	56,0	517,2

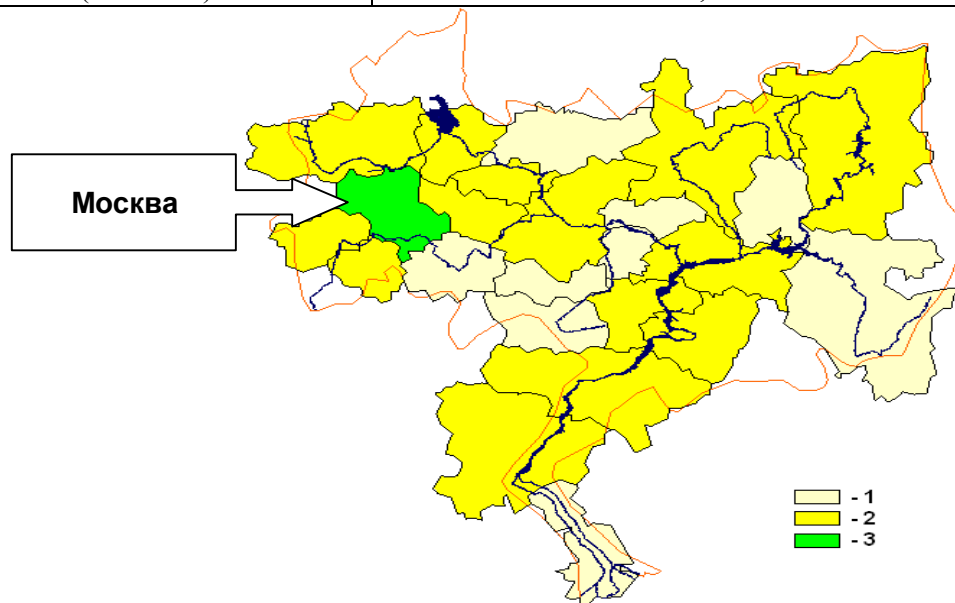

Рис. 2. Районирование Волжского бассейна по параметрам экомодернизации
1. ближе к аграрному обществу; 2. ближе к индустриальному обществу;
3. ближе к обществу знаний.

Во-первых, течение реки Волга–Кама направлено с севера на юг. *Во-вторых*, расселение славян на обширных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы стало главным содержанием поздней фазы Великого переселения народов (VI–VIII вв.) – крупного миграционного движения, охватившего Европейский континент в середине I тысячелетия н.э. и почти полностью перекроившего его этническую и политическую карту. Основой хозяйства восточных славян было пашенное земледелие (подсечно-огневое земледелие, с VIII в. в южных районах получает распространение полевое пашенное земледелие; определенную роль в хозяйстве играли также скотоводство, охота, рыболовство, бортничество).

Таким образом, сельскохозяйственное освоение территорий Волжского бассейна началось на 4–5 тысячелетий позже, чем в бассейне Янцзы. *В-третьих*, длительная изолированность китайской цивилизации (хотя в более ранние эпохи Древний Китай знал римлян, парфян, поддерживал связи с индийцами, иранскими арабами и Византией) явно не стимулировала модернизационные процессы, которые активизировались лишь с проникновением иностранного капитала в Китай, начавшегося с середины XIX в. (модернизация Китая по отношению к модернизации России, начатой Петром I, задержалась лет на 200). *Наконец*, различие модернизационных процессов в России и Китае вполне соответствует их положению на «оси вторичной модернизации» [4]: Россия в 2006 г. занимала 31 место (из 131 проанализированной страны) с индексом равным 66, а Китай – 70 место с индексом 40 (подробный разбор этих результатов выполнен Н.И. Лапиным и Г.А. Тосуняном [4]).

Проведенный в целях районирования кластерный анализ для территории Волжского бассейна позволил выделить четыре класса, которые, правда, в этом варианте районирования

не интерпретируются, подобно бассейну Янцзы, на оси «первобытное общество – общество знаний».

Легко убедиться, что провинции бассейна р. Янцзы хорошо демонстрируют разбиение на четыре типа модернизационных обществ. Территории Волжского бассейна относятся ко второму и третьему (сюда попали Московская область, Татарстан, Самарская, Саратовская и Ярославская области) типу обществ. Заметим, что если добавить в качестве отдельной территории субъект федерации г. Москву, то, вполне возможно, Москва (может быть вместе с Московской областью) выделится в четвертую группу территорий – общества знаний (это можно предполагать, хотя бы потому, что по доле ВВП на душу населения Москва [\$40 000 на начало 2012 г.] более чем в 3 раза превзошла Шанхай [\$7166 в 2006 г.] <http://mossovetinfo.ru/news/index.php?article=5967>, последнее обращение 03.02.2013); иными словами, различия между Москвой и Шанхаем в 2006 г. были, скорее всего, не столь разительными).

Как модернизацию в целом, так и экологическую модернизацию страны можно рассматривать через призму различных сценариев будущего России. Согласно концепции экомодернизации, экономические и экологические интересы уже стали (вот-вот должны стать) взаимозависимыми, взаимодополняющими и неотделимыми друг от друга.

Но экономические интересы во многих странах (в том числе и в России) вновь и вновь открыто выдвигаются на приоритетные позиции, отодвигая интересы охраны среды на второй план [1]. Этому способствуют отсутствие оценок природного капитала и экосистемных услуг; основные проблемы загрязнения среды пока во многом решаются просто путем переноса «грязных» производств в развивающиеся страны. Однако, по мнению сторонников экомодернизации, это временное явление, и в будущем проблемы все же решатся путем распространения экомодернизации через «озеленение» экономики в странах бывшего СССР и третьего мира [7].

Список литературы

1. Захаров В.М. Устойчивое развитие. «Рио + 20»: новые вызовы // Устойчивое развитие Волжского бассейна: миф – утопия – реальность... / под ред. чл.-корр. РАН В.М. Захарова, чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга, д.э.н. Г.Р. Хасаева. Тольятти: ИЭВБ РАН и др.; Кассандра, 2012. С. 5–15.
2. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика». 2012. С. 409.
3. Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Социология и социальная антропология. 2005. №3. С. 110.
4. Лапин Н.И., Госунян Г.А. Вступительное слово к русскому изданию // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Ч.; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. С. 10–12.
5. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
6. Мосоликов С. Экологическая модернизация // Движение молодых политических экологов «Местные». 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mestnie.ru/node/3363>.
7. От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии (доклад ООН). Нью-Йорк (США); Женева (Швейцария); Москва (Россия): ЕЭК ООН и др., 2012. XII + 156 с. (From Transition to Transformation Sustainable and Inclusive Development in Europe and Central Asia. New York; Geneva: United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) et al., 2012. XII + 156 p.).
8. Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. М., 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://modernity-centre.org/2009/11/01/remizov-co-101/>.

9. Яницкий О.Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения // История и современность. 2008. №2, сентябрь. С. 95.

10. Mol A. Globalization and Environmental Reform: the Ecological Modernization of the Global Economy. Cambridge (MA); London (GB): MID Press, 2001. 288 p.

G. E. Kudinova, Togliatti

ECOMODERNIZATION AREAS OF THE BASIN OF THE YANGTZE RIVER AND THE VOLGA

The article discusses the main stages of formation, development, about modern condition and prospects of ecological modernization. The comparison of the progress of the ecological modernization in Russia against the background of ecological modernization in China.

Key words: ecological modernization, sustainable development, larger rivers, green economy.

УДК 316.334.52 (470.2)

М. А. Ласточкина, Вологда

НЕРАВЕНСТВО И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-06-00898)

В статье дана оценка неравенства населения регионов Северо-Западного федерального округа на основе статистических и социологических данных. Показано, что торможение процессов модернизации в регионах СЗФО содержит два аспекта: экономический и когнитивный.

Ключевые слова: неравенство, модернизация, социокультурное развитие.

Переход к инновационному типу развития, повышение темпов экономического роста и структурные изменения экономики привели к возрастанию роли человеческого капитала и социокультурных детерминант. Социокультурное изменение, представляя собой сложный многоплановый процесс, имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования социальной, экономической, культурной динамики. Мера социокультурного развития общества может быть определена при рассмотрении особенностей социокультурного развития индивида, проживающего и идентифицирующего себя на определенной территории, тоже имеющей социокультурные особенности. Состояние современного российского общества характеризуется несколькими видами социального неравенства, среди которых материальное неравенство представляется наиболее очевидным и доминирующим по своей значимости. Оно очень важно, но не столь очевидно и прозрачно и может описываться в различных показателях: по уровню дохода, финансовому капиталу, по наличию собственности – производственной и непроизводственной, в том числе жилья и земли, товаров длительного пользования, предметов роскоши, а также описываться субъективными показателями. Так, значимый разрыв в уровне дохода 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) наблюдается в г. Санкт-Петербурге (19,4 раза в 2012 г.), что вполне естественно для второго крупнейшего города федерального значения, и Республике Коми (16,7 раза), как добывающем регионе. Продолжается усиливаться социальное расслоение граждан и при оценке коэффициента Джини прирост в регионах в период с 2000 по 2012 г. варьируется в пределах от 5 до 39%. Особенно высокие темпы углубления неравенства по доходам отмечались в Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге и Псковской области (39, 30 и 22% соответственно). В тоже время превышение среднероссийского значения индекса Джини (0,394) наблюдается в г. Санкт-Петербурге, Республике Коми, Новгородской области.

Дополнением к статистическим данным о неравенстве населения служат субъективные оценки населения, проживающего в том или ином регионе. Распределение ответов респондентов¹ по социальным слоям показало, что от 51 до 70% населения относят себя к среднему социальному слою (табл. 1). Наиболее представительный средний слой отмечен в республиках Коми и Карелия, наименее – в Мурманской области. Доля респондентов, идентифицирующих себя с верхним социальным слоем максимальна в Ленинградской области, с нижним – в Псковской. Оценки, данные при сравнении своего социального статуса с уровнем жизни в регионе и стране в целом, характеризуются снижением доли «верхнего слоя» и увеличением «нижнего слоя». Так, в среднем по СЗФО, если в масштабе своего города (села) только 5,3% жителей относят себя к «нижнему» социальному слою, то при сравнении со всем насе-

¹ Социологическое исследование проведено Институтом социально-экономического развития территорий РАН в регионах Северо-Западного федерального округа в 2013 г. Выборка квотная, репрезентативная, объем выборки 5113 респондентов.

лением страны данный показатель возрастает в 2,5 раза – до 13,1%. Подобное обстоятельство свидетельствует о социально-экономических проблемах на уровне региона и муниципалитетов (низкие доходы, а также уровни экономической активности, инвестиционной привлекательности территории и т.д.). Таким образом, можно выделить три уровня идентичности. Первый уровень, наиболее высокий, включает поселенческую идентичность (интенсивность – выше среднего). Второй – региональную, где интенсивность идентичности населения имеет средний уровень. Третий – ниже среднего – объединяющий в себе общероссийскую и общечеловеческую идентичность.

При оценке качества жизни население подчас сравнивает свою жизнь с жизнью в соседних регионах страны, следовательно, вопросы регионального неравенства и дифференциации между российскими регионами отражены в социально-экономическом и географическом положении территории. Так, по субъективным оценкам респондентов можно заключить, что качество жизни выше в г. Санкт-Петербурге, Калининградской и Ленинградской областях Северо-Западного федерального округа. Считают, что живут хуже, чем их соседи, почти каждый третий в Псковской области, 28,3% опрошенных – Новгородской области. В среднем же по федеральному округу доли положительных и отрицательных ответов уравновешены и чуть меньше половины респондентов 45,5% – считают, что все зависит от примера сравнения. То есть можно заключить, что в целом жители округа довольны качеством жизни в месте своего проживания и не испытывают протестных настроений.

По данным опроса, большинство жителей СЗФО родились в месте своего проживания – 53,5%, приехали по своему желанию из другого населенного пункта этого же региона – 27%. Из других регионов России и СНГ добровольно переехало 17,2% населения: наиболее привлекательной оказалась Калининградская область – 35%, которая, как свободная экономическая зона, предоставляет благоприятные условия для самозанятости; наименее привлекательны Архангельская область и Республика Коми (по 10%), что объясняется их принадлежностью к северным территориям. Территориальная мобильность жителей округа чаще всего обусловлена сменой семейного положения – у каждого четвертого; с изменением места учебы, профессиональной деятельности (работы) – у каждого пятого. В меньшей степени на мобильность населения влияет отсутствие условий для профессионального роста и комфортного проживания (5 и 12% соответственно) [2]. Например, переезд людей в Санкт-Петербург, Республику Карелия, Вологодскую область в основном связан с получением образования (43, 35,3 и 27,8% соответственно), переезд в Псковскую область – со сменой семейного положения (33,5%), в Архангельскую области – со сменой работы (29%).

Исследуя социокультурное развитие Северо-Западного федерального округа, обратимся к изучению состояний и особенностей модернизационных процессов, протекавших в регионах округа в 2000 – 2010 гг. Согласно расчетам индексов вторичной модернизации [1] очевидна позитивная динамика этого процесса в субъектах СЗФО в рассматриваемый период: уровень вторичной модернизации повысился во всех территориях. В итоге 5 регионов (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская, Вологодская, Псковская области) в 2005 г. преодолели рубеж низкого уровня и поднялись до положения ниже срединного, а в 2010 г. три из них (Республика Карелия, Архангельская и Новгородская области) стали соответствовать срединному уровню. За 10 лет с уровня «ниже срединного» 2 региона (Ленинградская область, Республика Коми) перешли на «срединный», а 1 регион (Мурманская область) – на уровень «выше срединного». Санкт-Петербург заметно выделяется среди всех территорий: в 2010 г. ни один регион округа не смог достичь уровня, который имел город в 2000 г. Подобное отличие обеспечивается за счет высокого индекса инновации в знаниях, который от 3 до 12 раз превышает показатели других территорий.

Общий индекс реализации вторичной модернизации СЗФО, поднявшийся с 67% в 2000 г. до 73% в 2005 г., составил в 2010 г. 80%, что соотносится с уровнем Португалии (23 место в мировой модернизации). Округ занимает второе место после Центрального федерального округа по уровню вторичной модернизации и его показатели выше, чем в целом по Рос-

сии, на 5–8%. Из четырех групп параметров ВМ округа две группы имеют достаточно высокие индексы: это качество жизни (102%) и передача знаний (93%). Здесь значения трех из 8-ми индикаторов превышают 100%: распространенность телевидения; число врачей на 1000 жителей; доля студентов среди населения 18–22 лет. Сдерживающий фактор – недостаточная распространенность персональных компьютеров в домохозяйствах (индекс = 65%). Однако за анализируемый период данный показатель возрос в 11 раз, таким образом, в ближайшие 5–7 лет можно ожидать его увеличения до 100% уровня. Рост качества жизни «тормозится» низкой продолжительностью жизни (ОПЖ), которая по стандартам развитых стран должна быть не менее 80 лет, а в округе составляет 68,2 года, по России – 69,8 года в 2010 г. Рост ОПЖ ставится одной из приоритетных задач в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. №606 («обеспечить увеличение к 2018 г. ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 75 лет»). Сложнее обстоит ситуация по двум другим субиндексам ВМ: в области инновации в знаниях (76%) и качества экономики (50%). Первый из них тормозится низкими долей затрат на НИОКР в ВРП (84%) и числом жителей, подавших патентные заявки (35%). После упадка в 2005 г. инновационная составляющая в последние анализируемые годы (2008, 2009, 2010 гг.), хотя и не во всех регионах округа, вновь стала расти, прежде всего в Республике Карелия, Ненецком АО, Ленинградской, Мурманской, Новгородской областях (доля затрат на НИОКР в ВРП), в г. Санкт-Петербурге и Псковской области (число жителей, подавших патентные заявки). Второй субиндекс характеризуется стагнацией всех входящих в него переменных – это низкий уровень ВРП на душу населения, высокие доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП и доля занятых в материальной сфере в общей занятости.

Торможение процессов модернизации содержит два аспекта: экономический и когнитивный. Во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, они находятся на низком уровне. Высокий индекс знаний, присущий Санкт-Петербургу, восполняет когнитивную компоненту в округе, тем самым приводя к сбалансированности. Вместе с тем нет прямого «взаимодействия» между городом федерального значения и Ленинградской областью, которая все еще находится в первичной (индустриальной) стадии модернизации. Необходимо отметить, что наименьший уровень сбалансированности ИИМ наблюдается в Вологодской и Псковской областях.

Одним из преимуществ Северо-Западного федерального округа является географическое положение, определяемое соседством со странами Европейского союза и выходом к морским торговым путям. Природно-ресурсная база округа способствует развитию топливной, металлургической, химической, лесной и рыбохозяйственной отраслей. Огромное значение имеет город федерального значения – Санкт-Петербург. Показатели уровня оснащенности территории округа объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские показатели. Однако состояние инфраструктуры и магистральных коммуникаций во многих муниципальных образованиях недостаточно благоприятное. Из-за отсутствия необходимой транспортной составляющей и редкой сети городов в северной части СЗФО существует низкая сплоченность, которая сдерживает эффективность реализации его экономического потенциала. Это один из основных факторов, тормозящих развитие, поэтому в перспективе следует уделять повышенное внимание улучшению качества автомобильных дорог, систем теплоснабжения, энергосетей. Производственный потенциал регионов округа ограничен условиями экономики и инновационной перестройки. Зачастую объем и структура инвестиционных предложений не соответствуют степени развития территориальной инфраструктуры, большая часть фондов сильно изношена и морально устарела. Требования модернизации и перехода к новому этапу технологического уклада обуславливают необходимость развития и обновления производственного потенциала на новой научно-технической и инновационной основе.

Список литературы

1. Ласточкина М.А. Территориальные особенности модернизации России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. №2(34). С. 29–41.
2. Шабунова А.А., Соловьева Т.С. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Вологодской области // Гуманитарные научные исследования. 2013. №11. Ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/11/5126>.

M. A. Lastochkina, Vologda

**INEQUALITY AND SOCIOCULTURAL ASPECTS OF MODERNIZATION
IN REGIONS OF THE NORTHWEST FEDERAL DISTRICT**

In article the assessment of an inequality of the population of regions of the Northwest federal district on the basis of statistical and sociological data is given. It is shown that braking of processes of modernization contains two aspects in regions of the Northwest federal district: economic and cognitive.

Key words: inequality, modernization, sociocultural development.

УДК 316.7(470.312)

В. И. Мосин, Тула

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современной ситуации социокультурное развитие любого региона может нормально проходить только в условиях модернизации производства, внедрения новых технологий и обновления кадров. Этому уделяется пристальное внимание в Тульской области. Чтобы дальше двигаться вперед необходимо обозначить цель, близкую и понятную каждому жителю тульского края. На сегодня эту цель можно сформулировать короткой фразой – Тула всегда была, есть и будет оружейной столицей России. Этой цели подчинены все социально-экономические изменения в региональной экономике. Сегодняшние опережающие показатели роста всего промышленного производства Тульской области – во многом результат эффективной работы оборонной отрасли.

Ключевые слова: социокультурное развитие, модернизация производства.

Учитывая современную социально-экономическую ситуацию как в России, так и в мире в целом, социокультурное развитие Тульской области может нормально развиваться только модернизируя производство, внедряя новые технологии и обновляя кадры. Это непросто, но только так можно двигаться вперед в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Очевидно, что Тульская область – регион с большим будущим.

Как отмечают эксперты, Тульская область – ведущий регион в открытости власти. Здесь в полной мере созданы условия для полноценного, эффективного участия жителей в процессах управления Тульской областью. Реализована концепция «Открытого региона».

По всем вопросам – от состояния дорог и медицины до инвестиционной политики – власть держит связь с населением, оперативно реагирует на волнующие вопросы. Наш опыт сегодня активно перенимают другие регионы России.

Тульская область среди лидеров по объемам промышленного производства. За прошлый год оно увеличилось почти на 10% – при среднем по России – всего 0,5%. Это второй результат среди регионов ЦФО.

Валовой региональный продукт области в 2013 г. составил 337 млрд. рублей, что на 40% больше, чем в 2010 г.

Только за 2013 г. в Тульской области создано и модернизировано более 28 тысяч высокопроизводительных рабочих мест – 4-й показатель по ЦФО. Всего их в регионе сегодня 235 тысяч.

Одним из наиболее важных достижений многие туляки считают возрождение футбольного клуба «Арсенал». Еще 3 года назад только начиналось зарождение команды. Команда начинала с нуля и мало кто верил в ее успех. Сегодня «Арсенал» – наша гордость. Команда совершила грандиозный прорыв и весной уверенно вышла в премьер-лигу.

Чтобы дальше двигаться вперед необходимо обозначить цель, близкую и понятную каждому жителю тульского края. На сегодня эту цель можно сформулировать короткой фразой – Тула всегда была, есть и будет оружейной столицей России.

Тульская оборонка сегодня – это 25 крупных компаний, более 30 тысяч высококлассных специалистов. В регионе есть организации-разработчики и предприятия-изготовители вооружения и военной техники. Выступая единым комплексом, они создают и воплощают в жизнь по-настоящему прорывные технологии.

Наша гордость – системы залпового огня «Смерч» и «Ураган», зенитно-ракетный комплекс «Панцирь-С», противотанковые ракетные комплексы.

В прошлом году оборонные предприятия Тульской области существенно увеличили поставки. Реализована продукция на сумму более 64 млрд. рублей.

Почти треть её произведена по контрактам гособоронзаказа. Показательно, что и в этом году его объем сохранится на высоком уровне.

Сегодняшние опережающие показатели роста всего промышленного производства – во многом результат эффективной работы оборонной отрасли.

Руководство области понимает, что оборонный комплекс, да и в целом промышленность региона, до сих пор работают на потенциале, заложенном еще в 60–80 гг. XX в.

Как отметил Президент страны В. Путин в своей программной статье, «фактически, отечественные оборонные центры и предприятия за последние 30 лет пропустили несколько циклов модернизации». Президент России ставит перед оборонными предприятиями задачу за предстоящее десятилетие в полной мере наверстать это отставание. С этой целью тульские предприятия активно включаются в федеральные целевые программы.

Большое внимание уделяется подготовке кадров для оборонной отрасли. Именно техническое образование в России в наибольшей степени носит фундаментальный характер. Позволяет раскрыть истинный потенциал человека. Технический потенциал русской, советской, а ныне российской мысли один из ведущих в мире. На Тульской земле родились и трудились знаменитые на весь мир оружейники Дегтярев, Рогожин, Ганичев и десятки других конструкторов, инженеров и ученых. Весной в Туле отметили 100 лет со дня рождения нашего знаменитого оружейника – Николая Макарова.

Продолжается политика лоббирования интересов тульских оборонщиков на федеральном уровне.

Ведется активная работа над возрождением станкостроительной отрасли на базе нашего машиностроения. Возобновление серийного производства станков должно изменить облик, как тульской оборонки, так и гражданского машиностроения.

Для роста эффективности исследований и разработок объединяются научные ресурсы предприятий ВПК, потенциал тульских вузов и учреждений среднего профессионального образования.

Принимаются действенные меры по привлечению молодых кадров в технические профессии. Сегодня с госкорпорацией «Ростехнологии» обсуждается вопрос предоставления жилья на льготных условиях работникам тульских оборонных предприятий.

Основой дальнейшего экономического роста Тульской области должно стать комплексное развитие территорий. Это комфортное жилье, развитая инженерная и социальная инфраструктура, крупные производственные объединения.

Сейчас реализуется масштабный проект – Тульско-Новомосковская агломерация, которая станет крупнейшей в Центральной России. Помимо Тулы и Новомосковска в нее войдут Ленинский, Узловский, Киреевский и Щекинский районы, город Донской.

Руководство области считает, что необходимо предложить достойные условия жизни не только населению области, но и специалистам высокой квалификации из других регионов страны. Здесь надо эффективно конкурировать с Москвой за человеческий капитал.

Первое, что необходимо – это строительство жилья. И здесь начинается реализация проекта «Новая Тула».

Новая Тула станет пилотным проектом федеральной программы «Жилье для российской семьи». Планируется построить новый микрорайон, обеспеченный всей необходимой инфраструктурой. В нем будут построены 3 млн. кв. метров жилья и социальных объектов. Уже до 2017 г. планируют сдать в Новой Туле первые 500 тысяч квадратных метров жилья.

Второе важное направление – создание современных территориально-производственных комплексов и уже приступили к активному строительству индустриального парка Узловая общей площадью свыше 2 тыс. гектаров. Во время визита весной 2014 г. В.В. Путина в Китай подписано соглашение о создании в г. Узловая площадки для производства китайского внедорожника.

И третье – развитие отраслевых производственных комплексов. В регионе уже есть положительные примеры реализации кластерного подхода:

В газохимическом кластере – это новые производства на площадках Щекинского, Новомосковского Азота. Общий объем инвестиций – более 20 млрд. рублей. Добиваясь более глубокой переработки сырья, компании выводят химическую отрасль региона на новый уровень.

На очереди – местная сталь. В этом направлении стартовал проект «Тулачермет-Сталь» стоимостью более 37 млрд. рублей. В итоге – предполагается полностью уйти от экспорта чугуна и продавать на внутренний и внешний рынки только изделия из стали.

Завершено строительство Суходольского завода тяжелого машиностроения. Основным потребителем его продукции станет алексинский завод «Тяжпромарматура».

Другой успешный пример – развитие Ефремовского биотехнологического кластера. В него входят производства комбикормов, растительных масел и жиров, солода, продукции из мяса скота и птицы. Якорное предприятие – компания «Каргилл».

Решение всех перечисленных задач напрямую связано с формированием благоприятного инвестиционного климата и деловой среды. В Тульской области созданы абсолютно равные, прозрачные механизмы ведения бизнеса.

Есть региональный инвестиционный фонд и корпорация развития Тульской области. Действует система предоставления государственных гарантий и субсидий для предприятий. Развивается бизнес-ориентированная система кредитования.

В регионе действует инвестиционный Стандарт Агентства стратегических инициатив. Опыт Тульской области получил высокую оценку министерства регионального развития России. В настоящее время область в числе 22 «пилотных» субъектов РФ активно внедряет Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата регионов России.

Результаты проделанной работы видны уже сегодня. По итогам прошлого года общий объем иностранных инвестиций в Тульскую область впервые превысил 38 млрд. рублей. Это в 6 раз больше, чем в 2012 г.

Общий объем инвестиций в основной капитал составил почти 90 млрд. рублей. Здесь область показала темпы значительно выше среднероссийского уровня.

Сегодня инвестиционный портфель Тульской области включает крупные проекты на сумму 500 млрд. рублей.

Уже в 2014 г. завершится реализация 20-ти из них с общим объемом инвестиций 40 млрд. Это обеспечит региону свыше 5,5 тысяч дополнительных рабочих мест.

В 2018 г. руководство области планирует увеличить показатель валового регионального продукта до 500 млрд. рублей и обеспечить долю инвестиций в объеме ВРП не менее 27%. Как заявил губернатор Тульской области В.С. Груздев в послании Тульской областной думе в 2014 г.: «Это наша общая задача и в первую очередь – задача экономического блока регионального правительства».

В этом послании В.В. Груздев отдельно остановился на перспективах иностранных инвестиций и потенциале корпорации Развития Тульской области. Этот потенциал не раскрыт еще и на 10%. Есть успешные примеры – Калуга, Ульяновск, Казань. Как считает губернатор надо использовать лучшие российские и зарубежные практики – и тогда Тульская область пройдет свой путь к успеху. Корпорацию Развития Тульской области ждет серьезное усиление, повышение ее активности и статуса. Туляки ждут от нее больших результатов.

Одной из главных проблем Тульской области остается ветхое и аварийное жилье. Оно составляет почти 6 % от всего жилого фонда региона – это один из самых высоких показателей по России. Аналогичный показатель по ЦФО составляет менее 2 %. Сегодня нуждается в новом доме 21 тысяча тульских семей.

Согласно майским указам Президента В. Путина до 1 сентября 2017 г. планируется переселить более 16 тысяч человек. Это 5,5 тысяч семей.

Вопрос с ветхим жильем, увы, быстро не решить. Слишком велики масштабы проблемы. Но уже сегодня работают эффективные механизмы, которые помогают людям приобрести жилье по доступным ценам.

Руководством области запущен проект «Новая Тула». Губернатор Тульской области заявил, что в 2015 г. будут предложены комфортные квартиры по цене 30 тысяч руб. за квадратный метр тем, кто остро нуждается в улучшении жилищных условий.

Развивается ипотечное кредитование, поддержка в виде субсидий. В 2013 г. выплаты получили более 900 семей, в 2014 г. получают еще тысяча.

За прошедший год построено более 500 тысяч кв. метров жилья – последние 20 лет в Тульской области не было таких масштабов строительства.

В 2014 г. планируется сдать еще 550 тысяч кв. метров. Взятые регионом темпы строительства позволяют говорить об этом с уверенностью.

Яркий пример совместного труда руководства области и простых туляков – проект «Народный бюджет». Это реальное управление жителей своим домом, двором, районом.

Ключевое слово здесь «народный» – именно население определяет, на что направить средства – на ремонт кровли, водопровода, благоустройство территории или на любую другую из множества задач. И если в 2011 г. мы начали с 17 млн. рублей, то в этом году финансирование «Народного бюджета» – почти 400 млн.

Более 550 проблемных вопросов жителей будут решены с его помощью, а в 2015 г. – планируют сделать еще больше.

В проекте «Народное правительство – Кадровый резерв» на первом месте тоже стоит слово «Народное». Из более чем 500 участников отобрано 60 перспективных управленцев. Многие из них уже работают в правительстве Тульской области.

В этом году руководство области планирует пойти дальше. Будет привлекать молодых людей в резерв управленческих кадров в районах. Этой цели послужит проект «Народный глава».

«Народный» характер постановки задач, профессиональный подход к их решению, взаимодействие и конструктивный диалог – так стараются строить свою работу правительство региона и депутатский корпус.

В конце хочется обратиться к теме культуры, тем более, что Президент страны В. Путин 2014 г. объявил Годом культуры.

На тульской земле сохранилось более 3,5 тысяч уникальных памятников. Важно не просто сохранить это наследие, а открыть его для людей.

Сегодня большие подвижки произошли в музейной сфере – открыт для посещения обновленный краеведческий музей, музей военной истории. Спустя десятилетия возвращается к своему историческому назначению здание Дворянского собрания, которое в народе знают как Дом Офицеров.

Значимый проект – реставрация исторических зданий в центре Тулы по улице Металлистов. Здесь сохранились в первозданном виде купеческие дома XVIII вв. и Преображенская церковь. В ближайшие годы планируют сделать это уникальное место одним из самых любимых туляками.

В Тульском кремле сегодня завершается восстановление колокольни Успенского собора. Строят всем миром, на пожертвования тех, кто неравнодушен к облику родного города. Статная колокольня с тремя звонницами и городскими часами некогда была настоящим украшением Тулы. Хорошо, что решили вернуть городу его главную достопримечательность.

В этом году наш край станет центром грандиозного празднования 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. В сентябре ожидают гостей со всей страны на торжества в Тульском кремле и на Куликовом поле.

В настоящее время руководство и жители Тульской области планируют сделать многое для улучшения своего социокультурного развития и есть надежда, что им это удастся.

V. I. Mosin, Tula

SOCIAL-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE TULA AREA IN MODERN CONDITIONS

In the current situation socio-cultural development of any region can normally take place only in the conditions of modernization of production, introduction of new technologies and renewal of personnel. This fact is under special attention in the Tula region. In order to move forward it is necessary to define a goal, close and understandable to every resident of Tula region. Today, this goal can be formulated with a short phrase – Tula always was, is and will be the weapon capital of Russia. This goal covers all socio-economic changes in the regional economy. Today's leading indicators of growth of total industrial production of the Tula region are the result of effective work of the defense industry.

Key words: socio-cultural development, modernization of production.

УДК 330: 332.1

А. Н. Тарасова, Тюмень

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье дается оценка состояния человеческого капитала в Тюменской области. Представлено, каким образом соотносятся состояние человеческого капитала и уровень модернизации в регионе. На основе имеющихся региональных данных, рассчитан коэффициент корреляции между индексами интегрированной модернизации и ИРЧП. Отмечена несбалансированность составляющих человеческого капитала в Тюменской области, что приводит к снижению темпов ее модернизационного развития.

Ключевые слова: человеческий капитал, интегрированная модернизация, инновационное развитие, регион.

Как справедливо отмечает китайский профессор Чуаньцы Хе, если динамика первичной модернизации проявляется в капитале, технологии и демократии, то динамика вторичной модернизации проявляется через инновации в знаниях, институтах и человеческом капитале [1, с. 44]. Все развитые страны инвестируют огромные средства в человеческий капитал, в основном это расходы на образование (общее и специальное, формальное и неформальное) и здравоохранение (профилактика заболеваний, медицинское обслуживание).

Формальное образование, прежде всего – высшее, является основной стратегией накопления человеческого капитала. Причем реальный размер этого капитала определяется не столько наличием соответствующего диплома, сколько приобретенными знаниями, умениями, навыками и социальными связями. В Тюменском регионе за период с 1990 по 2005 гг. происходили разновекторные изменения: с одной стороны, отмечался рост высшего образования, а с другой, снижался охват населения образованием первых двух ступеней, что было вызвано, прежде всего, непопулярностью рабочих профессий. В 2005–2006 гг. число студентов вузов на 10000 населения в Тюменской области (505 студентов) даже превысило как среднероссийский уровень – 493 человека на 10000 населения, так и средний показатель по УрФО (472) [2]. Однако с 2010 г. ситуации меняется. При продолжающемся сокращении численности обещающихся по программам начального и среднего профессионального образования, отмечается снижение доли студентов высшего профессионального образования. Так если в 2009–2010 учебных годах в Тюменской области насчитывалось 477 студентов на 10000 населения, то уже в 2012–2013 гг. на 100 человек меньше – 376 студентов на 10000 населения. Подобная тенденция отмечается как по УрФО (с 2009–2010 по 2012–2013 гг. сокращение с 442 до 377 студентов), так и по России в целом (с 523 до 424). По данным госкомстатистики, к 2012 г. уровень образования экономически активного населения Тюменской области в целом практически не отличается от среднероссийских показателей: имеют высшее образование 29,2% (по РФ – 30,4%), около четверти занятого населения имеют среднеспециальное образование (26%, по РФ – 26,2%), начальное профессиональное образование у 19,5% [2].

Второй не менее важной составляющей человеческого капитала является уровень здоровья населения. В Тюменской области средняя продолжительность жизни составляет лишь 85% стандарта развитых западных стран, т.е. продолжительность жизни населения области практически на 10 лет меньше, чем в этих странах. Хотя по показателю численности врачей на 1000 человек регион вполне «модернизирован»: данный индекс в 1,5–2 раза выше, чем в развитых странах. Данное противоречие свидетельствует не только о качестве врачебной помощи, но и о недостаточном внимании населения к своему здоровью. Самооценки здоровья, показывают положительную динамику (см. табл.). В регионе около 40% жителей считают, что они имеют нормальное здоровье, тогда как в среднем по России здоровы согласно

самооценке 59% россиян. Нормальное состояние здоровья отмечают чаще мужчины (42%–44%), чем женщины (36–38%). Учитывая, какова смертность и заболеваемость мужчин в России вообще, и в нашем регионе в особенности, такой оптимизм весьма сомнителен. Инвалидов по самооценке почти в два раза меньше, чем по статистическим данным (в Тюменской области в 2012 г. зарегистрировано 174837 инвалидов, что составляет 5% от всего населения области). Таким образом, люди склонны к более оптимистичным оценкам, не обращая особого внимания на свое здоровье. Все это свидетельствует о том, что внимание к окружающей среде и здоровью пока так и не стало приоритетом не только для органов государственного управления, но и для самого населения региона.

Самооценка состояния своего здоровья (в % числа опрошенных)

	2006	2009	2013
Нормальное здоровье, пока не жалуясь	37	39	42
Временами болею	39	37	34
Часто болею	8	8	7
Хронический больной	9	8	12
Инвалид	3	3	2
Затрудняюсь, отказ	4	5	3

Таким образом, состояние человеческого капитала в Тюменской области, пережив некоторый всплеск, выражающийся в активном росте высшего образования, начинает в последние годы ухудшаться. Это проявляется, как было отмечено выше, в снижении доли как получающих начальное и среднее профессиональное образование, так и студентов высшего профессионального образования, в невнимании людей к своему здоровью и, как следствие, очень низкой средней продолжительности жизни населения в регионе. Конечно, несмотря на то, что с 2009 г. в рейтинге регионов по ИРЧП Тюменская область сместилась со второго места (которое устойчиво занимала более 10 лет) на третье, уступив Санкт-Петербургу, она по-прежнему числится как регион с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Однако, единственная составляющая, позволяющая региону по-прежнему оставаться в тройке лидеров – это высокий уровень ВРП на душу населения, который почти в 2 раза выше уровня по УрФО и в 3–4 раза выше общероссийского уровня (в 2011 г. ВРП на душу населения в Тюменской области составил 1192066, в УрФО – 517533,6, в среднем по РФ – 316626,6 рублей [2]).

Далее рассмотрим, каким образом отражается состояние человеческого капитала на модернизационном процессе региона. Для оценки уровня модернизации региона использована методика, разработанная Центром исследований модернизации (ЦИМ) Китайской академии наук (КАН). В основе данной методики лежит концепция руководителя ЦИМ, профессора Чуаньци Хэ, который выделяет две стадии модернизации первичную (индустриальную) и вторичную (информационную), а также выделяет интегрированную модернизацию, отражающую взаимосвязь обеих стадий модернизации и их эволюцию как совокупного целого. Индекс интегрированной модернизации отражает относительный разрыв между уровнем модернизации в разных странах и регионах и высоким мировым стандартом развитых стран (подробное описание методики в [1, с. 59–67]). Человеческий капитал оценивается по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый как среднеарифметическая сумма значений трех компонентов: индекса долголетия, индекса образования и индекса дохода.

Относительно высокий уровень развития человеческого капитала в Тюменской области создает ту необходимую среду (основу) для модернизации региона. Среди регионов Уральского федерального округа Тюменская область (включая все ее субъекты) выделяется более высокими значениями индекса интегрированной модернизации (в 2010 г. – 67, по УрФО и РФ – 62), что вполне закономерно, учитывая более высокий уровень жизни в регионе. В Тюменской области относительно высок уровень ВРП на душу населения (в 2010 г. для ТО индикатора

тор = 71, а для УрФО всего 30). Но даже этот «высокий» показатель соответствует лишь стандарту первичной модернизации (т.е. стандарту развитых стран 1960 г.), при этом он составляет лишь 71% стандарта современного уровня интегрированной модернизации в развитых странах. В России этот показатель вообще катастрофически низок – 19%, то есть отставание консервируется уже почти на уровне 100 лет.

Вместе с тем, несмотря на высокий показатель ИРЧП в Тюменской области, существенно превышающий показатели соседних областей, несоответствия между уровнями основных составляющих (частными индексами) ИРЧП (доход на душу населения, долголетие, образование) продолжают усиливаться. Так если ранее индекс образования как компонент ИРЧП в Тюменской области был одним из самых высоких в УрФО (в 2005 г. он составил 0,906, в Свердловской области – 0,904, в Челябинской – 0,905 и в Курганской области – 0,895), то в настоящее время он оказался самым низким по УрФО = 0,916 (в Свердловской области – 0,927, Челябинской области – 0,926, Курганской – 0,932). Подобная несбалансированность приводит к замедлению темпов накопления человеческого капитала в регионе, что в свою очередь отражается и на протекании модернизационного процесса (на рисунке представлена динамика ИРЧП и индекса интегрированной модернизации Тюменской области). Коэффициент корреляции между этими показателями равен 0,9, что свидетельствует о наличии сильной связи между уровнем человеческого капитала и модернизационным развитием региона.

Динамика индексов интегрированной модернизации и индексов развития человеческого потенциала в Тюменской области

Модернизация субъектов самой Тюменской области идет крайне неравномерно. Так при более или менее схожих индексах интегрированной модернизации, наблюдаются существенные различия по составляющим его субиндексам. В северных регионах (ХМАО, ЯНАО) выше экономический индекс, но на юге Тюменской области это компенсируется более высоким, чем в автономных округах, индексом знаний (более высокой концентрацией высшего образования). Весьма неблагоприятна ситуация с индексом передачи знаний. Несмотря на относительно благоприятную (по сравнению с Россией в целом) социально-экономическую обстановку, индекс знаний в Тюменской области ниже общероссийского показателя. Главная проблема –

отсутствие патентов и инноваций в знаниях. За период с 2006 по 2010 г. этот показатель не только не вырос, а даже сократился с 16% до 13% от стандартных значений. Практически в три раза за анализируемое десятилетие сократилось число создаваемых передовых производственных технологий (и продолжает сокращаться), хотя оно и так было на очень низком уровне. Для примера, в той же Челябинской области создается в несколько раз больше передовых производственных технологий: в 2010 г. в Челябинской области создано 37 передовых производственных технологий, а в Тюменской области – 11, в 2012 г. в Челябинской области этот показатель вырос до 56, а в Тюменской снизился до 8.

Таким образом, модернизация может осуществляться только при развитии человеческого капитала. Образование и наука как важнейшие составляющие человеческого капитала, становятся одним из основных факторов развития региона. Позитивная динамика индекса интегрированной модернизации за анализируемое десятилетие с 54 до 67, не подкрепляется нарастанием человеческого капитала в Тюменской области, что, в конечном счете, ведет к «затуханию» модернизационного процесса. Быстро развивавшийся человеческий капитал Тюменской области стал с 2006 г. снижаться, что отразилось и на инновационном потенциале. Бизнес декларирует, что это явилось одним из следствий изменений в фискальной политике по отношению к нефтегазовым компаниям. При этом снизилось не только инновационное наполнение производственных процессов в нефтегазовом секторе, но стали нарастать проблемы с обновлением основных фондов, инвестициями, обучением и подготовкой персонала.

Список литературы

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Чуаньци Хэ; пер. на рус. яз. под ред. Н.И. Лапина. М., Весь мир, 2011. С. 44.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm.

A. N. Tarasova, Tyumen

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR IN THE MODERNIZATION OF THE REGION

The article assesses the state of human capital in the Tyumen region. Submitted by how correlated the state of human capital and the level of modernization in the region. On the basis of regional data calculated the correlation coefficient between the indices of integrated modernization and HDI. Components of human capital in the Tyumen region unbalanced, which leads to lower rates of modernization development.

Key words: human capital, integrated modernization, innovative development, the region.

УДК 316.334.52 (470.44)

Г. А. Хачатрян, Саратов

МОНОГОРОД: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ г. ВОЛЬСК САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье дается социально-экономическая характеристика – г. Вольска, единственного в Саратовской области монопрофильного города. Отмечаются существующие проблемы и даются рекомендации по их решению.

Ключевые слова: моногород, проблемы, градообразующее предприятие, проблемы, перспективы развития.

Поддержка моногородов является приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации, поскольку в настоящее время в моногородах проживает 24,5 млн. человек, или 17,2% населения страны, в них функционирует более 900 промышленных предприятий, производящих около 30% от всего объема промышленной продукции в России [8].

Актуальность темы подтверждается и активными действиями, предпринимаемыми Правительством РФ по разработке механизмов решения социальных проблем монопрофильных городов, проведению диверсификации их производственной базы, преодолению ими социальной необустроенности и повышению качества жизни жителей этих городов.

По результатам анализа отраслевой принадлежности градообразующих предприятий моногородов зафиксировано, что в своём большинстве именно они в значительной мере определяют структуру российской экономики и её конкурентоспособность. До финансово-экономического кризиса в моногородах, по имеющимся данным, производилось до 40% российского ВВП [7].

Среди признаков монопрофильного города многие экономисты отмечают [1, 5]:

- 1) наличие одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка;
- 2) наличие цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок;
- 3) значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;
- 4) низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);
- 5) удалённость на значительное расстояние от крупных населённых пунктов;
- 6) высокие риски экологического загрязнения;
- 7) простая структура занятости населения.

География современных моногородов характеризуется привязкой к разным экономическим типам территорий: к столичным агломерациям, сырьевым, промышленным и курортным регионам России, а также неравномерным распределением по территории России. Наибольшее количество моногородов сосредоточены в Уральском (Свердловская и Челябинская области) и Приволжском (Самарская, Нижегородская области, Пермский край) округах.

Среди основных проблем монопрофильных городов отмечаются следующие [2, 6]:

- стремительная и некомпенсируемая потеря населения;
- сокращение кадрового потенциала;
- отсутствие взаимодействия власти и бизнеса;
- слабая развитость социальной инфраструктуры.

Для всех типов моногородов общими чертами являются изменения в социально-

демографической, профессиональной структуре населения: при активных миграционных установках наиболее образованной и квалифицированной части молодежи происходит замещение ее сельской неквалифицированной молодежью, а также старение в результате миграционных процессов основной части населения моногородов. В результате наблюдается профессиональная деградация в структуре трудовых ресурсов. В малых и средних моногородах болезненно проявляется проблема иноэтничной трудовой иммиграции, также значительно ухудшающая профессиональную структуру населения и общий социально-психологический климат, меняя традиционный этно-конфессиональный состав населения моногородов [4].

Наиболее сложная бюджетная ситуация может складываться в городах, в которых доля пенсионеров составляет более 60% по отношению к численности населения в трудоспособном возрасте. Так, например, в Вольском муниципальном образовании Саратовской области на 20 тысяч работающих приходится 25 тысяч пенсионеров, и при таком соотношении населения город не развивается, а превращается в «территорию доживания» [3].

В Приволжском федеральном округе насчитывают 5 моногородов [9], одним из которых является г. Вольск Саратовской области. Он зарегистрирован 28 февраля 2011 г. в Министерстве регионального развития как монопрофильный город, так как на его территории расположены крупнейшие в Европейской части РФ цементный завод – ОАО «Вольскцемент», и завод ЗАО «Волгацемент», на которые в той или иной степени ориентировано все население города [3].

В обобщенном виде проблемы, существующие в городе на сегодняшний день, представлены в таблице.

Факторы, тормозящие развитие экономики г. Вольска

Сфера экономики	Характеристика
Промышленность	недостаточно диверсифицированная структура экономической базы
	недостаточно высокотехнологичные и экологически чистые производства строительных материалов
	недостаточное количество предприятий, производящих готовую продукцию
	нехватка оборотных средств и недостаточности инвестиционного кредитования
Агропромышленный комплекс	недостаточно (всего на 50%) используются сельхозугодья
	практически не развито овощеводство
	отсутствие перерабатывающих производств
	наличие сельскохозяйственных предприятий, нуждающихся в финансовом оздоровлении
Рынок труда	выбытие квалифицированных кадров
	старение населения
	отток молодого трудоспособного населения в сферу теневой экономики
ЖКХ	Увеличение количества ветхого жилья и износ инженерно-транспортной инфраструктуры
	низкие доходы населения и высокие тарифы жилищно-коммунальных услуг
	отсутствие конкуренции
Экология	Вольский муниципальный район характеризуется как район повышенного техногенного риска

За последние 5 лет в г. Вольске:

- количество трудоспособного населения составляет чуть более 60% от общей численности населения;
- среди трудоспособного населения зарегистрировано безработных – 1,4–1, 83%;
- возросло число пенсионеров, доля которого в общей численности населения Вольского района составляет 27,1%;

- сократилось количество молодежи в возрасте от 14 до 30 лет на 1,2%;
- количество убывших из Вольского района превышает количество человек прибывших в район;
- более 80% населения Вольского района относится к городскому населению и около 20% – к сельскому населению.

Практически на всех предприятиях, независимо от отраслевой принадлежности происходит сокращение количества работающих, что для города является негативной тенденцией. В процентном отношении наибольшее количество занятых приходится на обрабатывающие производства; транспорт и связь; государственное управление; образование и здравоохранение. Так, на эти отрасли приходится 79,89% занятого населения. Наблюдается увеличение работающих в области транспорта и связи, ту же тенденцию можно отметить и в отношении работников, занятых в сфере образования (прирост составил 5,37%).

Одной из характеристик современного рынка труда является несоответствие между спросом и предложением специалистов. На данный момент на рынке труда наблюдается дефицит квалифицированных рабочих кадров (газосварщики, электросварщики), среди специалистов – дефицит врачей.

Только около 50 процентов населения в трудоспособном возрасте занято в экономике города, что позволяет увеличить занятость за счет собственных трудовых ресурсов посредством открытия новых производств и сервисных фирм. Инициация экономического роста будет способствовать сокращению оттока молодежи из города, отходничества, а также дополнительному притоку трудовых мигрантов.

Основные трудности в сфере демографии и занятости населения и на рынке труда муниципального образования город Вольск заключаются в: дисбалансе в сфере занятости между спросом и предложением; нарастающем дефиците вакансий для трудоустройства безработных граждан; сложностях трудоустройства молодежи, связанных с отсутствием опыта работы; ограничениях по возрастным критериям при трудоустройстве безработных граждан; дефиците кадров ряда рабочих профессий и врачей; оттоке квалифицированных кадров.

В целом, основными проблемами г. Вольска, на наш взгляд, являются (в порядке убывания по значимости):

- экологическая ситуация,
- старение населения (по сути, город Вольск превращается в «территорию доживания»),
- репродуктивная ресурсная база (в будущем город может развиваться, прежде всего, на базе сырьевых источников для производства цемента, которых хватит на ближайшие 100 лет).

Таким образом, рост экономического потенциала Вольского муниципалитета возможен за счет развития органами местного самоуправления конкуренции и привлечения инвестиций в экономику района, развития малого бизнеса. Применение новых рыночных механизмов эффективного использования муниципального имущества и финансов, в частности концессионные соглашения, позволит вовлекать предпринимателей и частный бизнес для предоставления социальных услуг населению. Введение в практику заключений концессионных соглашений позволит более эффективно эксплуатировать объекты коммунальной инфраструктуры, автомобильные дороги и инженерные сооружения транспортной инфраструктуры, объекты используемые для осуществления медицинской деятельности, организации отдыха граждан, образования, культуры и спорта.

Список литературы

1. Аналитическая записка «Моногорода России – задачи экономической и социальной модернизации (социальная политика)» / Официальный сайт Минрегионразвития.
2. Грицюк М. Моногорода сидят на чемоданах // Российская газета. Федеральный выпуск. №5661(285). 19.12.2011.

3. Гусев В.В. Моногорода Саратовской области: социально-экономические проблемы и потенциалы роста // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2011. №3.

4. Отчет по результатам социологического исследования «Посткризисная ситуация в моногородах: проблемы и пути решения». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 г. №300–рп. Москва 2011.

5. Петрикова Е.М. Комплексная инвестиционная программа развития моногородов. URL: <http://www.ecocity.ru/articles/332-2011-04-27.html>.

6. Письменная Е. Уехать из моногорода / Е. Письменная, М. Лютова // Ведомости. 28 февр. 2011 г.

7. Российские моногорода: проблема государства или гражданина? (Заглавие с экрана) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.CyberSecurity.ru>.

8. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург, 2010. 520 с.

9. Цветкова Ю. Вольску как моногороду Москва даст 300 миллионов рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wolsk.ru>.

G. A. Khachatryan, Saratov

MONOTOWN: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS (ON THE EXAMPLE OF VOLSK THE SARATOV REGION)

In article the social and economic characteristic – Volsk, only in the Saratov region of the monopofile city is given. Existing problems are noted and recommendations about their decision are made.

Key words: monotown, problems, city-forming enterprise, problems, development prospects.

УДК 314: 316.422

Л. А. Хачатрян, Пермь

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается сущность и содержание демографического фактора, который приобретает для России особую значимость. В ней раскрываются проблемы демографической ситуации, проявляющиеся на уровне одного из важнейших регионов РФ – Пермского края. Статья содержит анализ результатов Всероссийских переписей населений 2002 и 2010 гг. по Пермскому краю и России в целом.

Ключевые слова: сокращение численности населения, половозрастная структура населения, население трудоспособного возраста, экономически активное население, трудовые ресурсы, образовательная структура населения, миграция.

Модернизация российского общества предполагает решение одной из важнейших задач – сделать Россию более современным, цивилизованным и сильным государством, чтобы обеспечить вхождение России в мировое сообщество. Эффективность и результаты процесса модернизации России во многом зависят от состояния демографической ситуации, которая становится важнейшим фактором поступательного развития общества.

Демографическая ситуация в России определяется как катастрофическая, поскольку наблюдается снижение общей численности населения. Но в региональном разрезе демографическая ситуация имеет существенные различия, что отражается на состоянии региона, его месте и роли в стране. Без понимания территориальных особенностей функционирования населения сложно оценить проблемы и противоречия модернизации общества.

Реальность такова, что современная Россия превратилась в страну с постоянно сокращающейся численностью населения. Только за период с 2002 г. по 2010 г. население страны сократилось на 1,6%, т.е. 2,3 млн. чел. и составило 142946788 чел. [8]. В крае за этот период население в крае убывало в четыре раза быстрее, чем в стране в целом, т.е. на 6,5%: с 2813,8 тыс. до 2635,3 тыс. чел., т.е. на 183,6 тыс. жителей [9, с. 31]. Снижение было обусловлено рядом факторов: естественной убылью населения, миграционным оттоком, сокращением некоторых контингентов населения, низким уровнем доходов. Но в последние три года и в стране, и в крае отмечен некоторый его рост. Население Пермского края за это время увеличилось на 3,4 млн. чел. и составило 2634,5 тыс. чел. [4].

Важной характеристикой населения, влияющей на его активность, является половозрастной состав населения.

Для половой структуры населения России в течение длительного времени была характерна диспропорция в численности мужчин и женщин. В XX в. в общей структуре населения преобладали женщины, доля которых колебалась от 53% до 55% от всей численности населения. Эта тенденция продолжает сохраняться и даже несколько усиливаться и в XXI в. В России в 2002 г. мужчины составляли 46,6% населения, в 2010 г. – 46,2%. Доля женщин за этот период возросла с 53,4% до 53,8% [5].

В Пермском крае ситуация с половой структурой населения несколько острее, чем в России. Доля мужчин в населении также постоянно сокращалась, но это сокращение шло более быстрыми темпами. За период с 2002 г. по 2010 г. женщин в крае стало больше, чем мужчин на 8,4%.

В возрастном составе населения России произошли заметные изменения не в лучшую сторону. Возрастная структура населения обычно представлена тремя основными элементами: лица моложе трудоспособного возраста; население в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Соотношение численности данных группы – величина постоянно

меняющаяся. Так, с 2002 г. по 2010 г. население трудоспособного возраста увеличилось всего на 0,3% [8].

В Пермском крае в последние 20 лет численность трудоспособного населения постоянно сокращалась. В 1990 г. трудоспособных было 1711,2 тыс. чел., а к 2012 г. стало 1577,8 тыс. чел. [9, с. 31]. Только за период с 2002 г. по 2010 г. она сократилась на 7,4%. При сокращении числа трудоспособных жителей края наблюдается увеличение доля лиц старше трудоспособного возраста. Особенно заметным процесс нарастания стал с 2006 г., когда численность лиц старше трудоспособного возраста возросла к настоящему времени на 53,8 тыс. чел. и достигла в 2012 г. 583,8 тыс. чел. [9, с. 35]. Только за период между последними переписями доля этой категории населения увеличилась на 4,1%, что составило 21,7% от всей численности населения края, в 2002 г. их доля составляла 19,3%. По оценкам западных экспертов, «...снижающееся число россиян трудоспособного возраста – прямая преграда политике модернизации и инновации» [1].

Показателем изменений возрастной структуры населения является средний возраст жителей, который в России неуклонно повышается. В 2010 г. средний возраст россиянина составил 39 лет, в 2002 г. был 37,7 года [5].

В Пермском крае средний возраст жителя за период с 2002 г. по 2010 г. он увеличился на 1,5 года и составил 38,5 лет, т.е. средний житель края на полгода моложе среднего россиянина. Но можно отметить различия в среднем возрасте по критерию пола: для женщин Пермского края этот показатель равен 40,9 годам, для мужчин 35,6 года, в 2002 г. было соответственно 39,3 и 34,4 года [3]. В структуре населения Пермского края на долю тех, кому за 60 лет, приходится 12%. В крае происходит увеличение числа пенсионеров на 1000 граждан рабочего возраста, а людей пенсионного возраста на четверть больше, чем детей до шестнадцати лет, что доказывает приближение населения края к пожилому возрасту. Как правило, более активно проявляет себя население молодое, способное к восприятию нового, к инновациям.

В структуре населения ведущую роль в развитии страны, в обеспечении ее модернизации играет экономически активное население. Но доля этой категории населения в стране постепенно сокращается: в 1992 г. она составляла 51%, 2002 г. – 50%, 2010 г. – 49,8%. В Пермском крае численность экономически активного населения начала постепенно сокращаться с 2006 г. В 2010 г. она составила 1402,3 тыс. чел., но этот процесс продолжал нарастать, и к 2012 г. – экономически активное население составило 1357,6 тыс. чел. [7, с. 37].

Ядро экономически активного населения составляют трудовые ресурсы, представляющие собой ту часть населения страны, которая обладает необходимым для осуществления трудовой деятельности физическим развитием и здоровьем. В России, начиная с 1990-х гг. XX в. до настоящего времени, в развитии трудовых ресурсов проявлялся ряд тенденций, последствия которых довольно противоречивы. Наблюдалось сокращение численности трудовых ресурсов и экономически активного населения. Но более быстрыми темпами сокращалась численность той части ресурсов, которая определяет научно-технический прогресс. Для России актуальной проблемой стала так называемая «утечка мозгов». Высококвалифицированные специалисты разных отраслей науки уехали работать в США, Западную Европу и в развивающиеся страны. По данным ВЦИОМ каждый десятый из россиян хочет уехать из страны, чтобы повысить уровень жизни.

В то же время в стране сохранялся существенный уровень безработицы. Социально опасным признан уровень, превышающий 10%. В России уровень безработицы постепенно снижался: с 13,0% в 1999 г. до 8,0% в 2002 г. и до 6,2% в 2010 г. [2, с. 90]. В настоящее время по некоторым данным численность безработных составляет 5,6 млн. чел. Примерно 16% из них – это молодежь в возрасте до 24 лет. Несмотря на наличие безработицы, в России все чаще применяется практика привлечения иностранной рабочей силы. В страну в поисках работы обычно едут лица, не имеющие должного образования и квалификации, не владеющие

русским языком. Чаще всего они заняты в строительстве, торговле, занимают рабочие места, не требующие высокой квалификации.

В Пермском крае численность трудовых ресурсов в 2010 г. составляла 1744,3 тыс. чел., из них 1304,8 тыс. чел. было занято в экономике и личном подсобном хозяйстве. Из них 93,3% приходилось на лиц трудоспособного возраста, ок. 100 тыс. чел. – это лица старше трудоспособного возраста и 1,2 тыс. подростков.

В крае снижение безработицы началось, как и в России, с 2000 г., и в течение нескольких лет она держалась на уровне 7%. В 2008 г. в крае было зарегистрировано 291377 безработных, т.е. 2% от численности трудовых ресурсов. Среди безработных Пермского края увеличивалась доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование (с 7,3% в 2000 г. до 10,9% в 2005 г.). В этой категории безработных можно отметить более высокие темпы роста числа безработных мужчин: в 2000 г. таковых было 4,9% от числа безработных, а в 2010 г. – 9,2%, т.е. увеличение почти в два раза. Доля женщин возросла с 10,2% до 12,8%, хотя уровень безработных женщин значительно выше. Средний возраст безработного в 2002 г. равнялся 35,3 годам, а в 2010 г. – он увеличился до 35,8. Среди молодежи в возрасте до 35 лет уровень безработицы медленно, но сокращался: с 50,0% в 2000 г. до 48,4% в 2008 г. [6].

Одним из способов перераспределения трудовых ресурсов в современном обществе, инструментом воздействия на уровень развития страны и регионов выступает миграция. Реальность такова, что последствия миграции оказывают противоречивое влияние на модернизацию общества. Миграция влечет за собой изменение экономического и социального положения жителей принимающей стороны. В местах скопления мигрантов усиливается социальная напряженность, меняется образ жизни коренного этноса. Миграция приводит к изменению демографической структуры населения, т.к. среди мигрантов обычно преобладают мужчины и молодежь.

Для Пермского края характерны умеренные темпы миграции. Так, если за период с 1990 по 2002 гг. миграционная убыль населения края составила 117,6 тыс. человек, т.е. край ежегодно терял примерно по 4–5 тыс. чел. населения, то за период с 2002 г. по 2010 г. – 25692 чел., т.е. немногим более 2,8 тыс. чел. Ежегодно [7, с. 28]. Из края активно выезжали немцы, белорусы, украинцы. Сложилось следующие основные миграционные потоки: из Перми едут в Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень; сама Пермь пополняется мигрантами из близлежащих городов и сел. В Пермском крае в большей степени развита внутренняя миграция населения, в то время как количество людей, приезжающих из других регионов и стран, невелико. Край постепенно превращается в источник рабочей силы для других регионов страны, т.е. происходит убыль трудовых ресурсов, что тормозит процессы модернизации.

В современном обществе одной из важнейших характеристик населения, определяющей его качество и влияющей на его творческую активность, является образовательная структура. Уровень образования влияет на многие социально-экономические и политические процессы. Так, люди с более высоким уровнем образования, как правило, имеют более высокие доходы и более высокую среднюю продолжительность жизни. Но, по оценкам западных экспертов, «... в сфере образования в России ощущается заметный спад». Примечательно то, что они выявили закономерность большей зависимости здоровья россиян от уровня образования, а не от материального достатка [1]. Для лиц, имеющих более низкий уровень образования, характерны и более низкие доходы, и большая по численности семья. Результаты переписи населения 2010 г. выявили, что 91% населения страны в возрасте 15 лет и более имеет образование основное общее и выше. По сравнению с 2002 г. численность этой группы населения возросла на 1,1%, т.е. на 1,2 млн. человек [8].

В Пермском крае за период с 2002 г. по 2010 г. также зафиксировано повышение уровня образования населения. По данным переписи 2010 г. уже 95% населения края в возрасте 15 лет и старше имеют образование основное общее и высшее, а это на 4% выше данных по России [7, с. 52]. С 2002 г. до 2010 г. число специалистов с законченным высшим образованием возрос-

ло на 32,5% , на 6,8% – со средним специальным образованием и более чем в два раза сократилась численность тех, кто имеет начальное профессиональное образование [7, с. 54].

Таким образом, результаты проводимой в стране модернизации определяются множеством объективных и субъективных факторов, среди которых далеко не последнее место занимает демографический фактор. Воздействие демографического фактора ярче всего проявляется на уровне регионов, где многие демографические процессы и демографическая ситуация обладают специфическими особенностями.

Список литературы

1. Демографический кризис – препятствие модернизации России. URL: <http://republic.com.ua/article/18962-old.html>.
2. Демография: учебное пособие / кол.авт.; под ред. проф. Глушковой.-3-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2007.
3. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. по Пермскому краю. URL: <http://www.gfi.permregion.ru/4640.html>.
4. Население Пермского края к 2030 году сократится на 115 тысяч. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/11/reg-pfo/perm-prognoz-anons.html>.
5. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата. URL: permstat.gks.ru>perepis10.
6. Пермский край в цифрах, 2009 г. URL: permstat.gks.ru>public/DocLib9/Forms/view2.aspx Пермь.
7. Пермский край в цифрах.2012. Краткий статистический сборник. URL: <http://permstat.gks.ru>.
8. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html.
9. Статистический ежегодник Пермского края. 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермстат). Пермь, 2012. URL: permstat.gks.ru>public.

L. A. Khachatryan, Perm

THE DEMOGRAPHIC FACTOR OF MODERNIZATION OF SOCIETY

The article considers the essence and content of the demographic factor, which acquires for Russia a special significance. It reveals the problems of the demographic situation, manifested at the level of one of the most important Russian regions, the Perm territory. Article contains analysis of the results of the all-Russian census of the population in 2002 and 2010 for Perm region and Russia as a whole.

Key words: population decline, the population of working age, economically active population, human resources, migration.

УДК 316.32 (470.57)

Д. Г. Ягафарова, Уфа

БАЛАНС РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В СИСТЕМЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В этой статье рассмотрен баланс основных системообразующих факторов, формирующих качество жизни населения региона – природных ресурсов, производственно-экономического комплекса, социальной инфраструктуры, политической и управленческой структуры региона. Регион как система представляет собой сбалансированный синтез этих основных факторов, формирующий определенные условия жизни людей.

Ключевые слова: качество жизни населения, региональные факторы, регион.

Качество жизни населения государства представляет собой единую совокупность элементов, состоящую из подсистем меньшего порядка – качества жизни населения его субъектов, регионов и меняется в зависимости от изменений, происходящих в этих подсистемах, а также под влиянием внешних условий. Подсистема региона более однородна, так как развивается как целостное социальное пространство с выстроенными социально-экономическими отношениями между группами и специфическим развитием социальных институтов.

Каждый регион, являющийся частью системы, специфичен, так как каждый представляет собой уникальный синтез культурных, национальных черт и характера развития социальных институтов в определенных условиях, преломляя общие для всех социетальные условия на локальном уровне. Безусловно, качество жизни населения региона как часть общей и единой системы подвержено влиянию изменений, происходящих в общей системе, и реагирует на них, опираясь на собственные человеческие, экономические, социальные ресурсы. Происходит взаимовлияние макроуровня (государства) на мезоуровень (регион): изменения в целостной системе влияют на условия в подсистеме, в то же время бифуркации в подсистемах трансформируют общие показатели.

В регионе система качества жизни обусловлена региональными условиями жизни. Данные условия, с одной стороны проецируют на себя процессы, происходящие в масштабе страны, придают фактичность ценностям, нормам, действиям, социальным образованиям, с другой стороны, модифицируют их исходя из специфики конкретного региона. Таким образом, региональные условия являются основанием характеристики изучаемого явления. Качество жизни населения региона представляет собой систему тесно взаимосвязанных элементов. Внешние факторы, такие как статус региона в государстве, внутренняя политика государства, система распределения денежных доходов, внешние инвестиции, межрегиональные связи и коммуникации, отношения на уровне государства и других регионов, оказывают влияние на региональную систему качества жизни. В свою очередь, факторы на уровне региона влияют на государство в целом.

Система качества жизни состоит из ряда компонент, каждый из которых получает конкретное воздействие от региональных факторов. Совокупность факторов в равной степени влияет на каждый компонент системы качества жизни. Изменения, происходящие с одним из факторов, качественно меняют всю сложившуюся систему региональной модели качества жизни. Изменение одного фактора в структуре системы, например, занятости и рынка труда, влечет за собой изменения во всех аспектах – уровне доходов, соответственно уровне потребления благами и услугами, удовлетворенности теми или иными элементами. Влияние региональных факторов на уровень и качество жизни населения может быть различным: прямым и косвенным, может иметь различные последствия, как позитивные, так и негативные.

Можно выделить два первичных фактора, формирующих качество жизни населения: внешним фактором являются природно-географические условия региона, внутренним – ис-

торически сложившиеся ценностные ориентиры населения региона. На базе влияния этих двух факторов постепенно образуются производственно-экономические структуры и отношения, социальная инфраструктура, происходит дальнейшее развитие системы. Совокупность этих основных региональных факторов формирует систему качества жизни населения региона: любые изменения, происходящие с каким-либо из факторов, оказывают непосредственное воздействие на всю единую совокупность региональных факторов и, в свою очередь, прямо или косвенно оказывают влияние на все компоненты модели качества жизни населения региона.

Природно-климатические условия Башкортостана определяют специфические условия развития его экономики и социальной сферы. Более сложные условия формирования достойного уровня жизни населения характерны для горных и северо-восточных территорий республики, где низкая развитость социальной инфраструктуры, обеспеченность дорожным полотном, недостаточное количество рабочих мест создают низкий уровень жизни населения. Более благоприятными в этом плане являются поселения, расположенные рядом с крупными транспортными узлами, примыкающие к внешним границам республики и имеющие возможности выхода на различные рынки степной, лесостепной зон. Неоднородность природных условий на территории региона детерминирует различия в организации социальной жизни.

Природно-климатические особенности оказывают непосредственное влияние на экологические условия в республике, наиболее загрязненными являются промышленно развитые и наиболее заселенные подрайоны и населенные пункты. Несмотря на более высокие показатели уровня жизни, связанные с природно-географическим положением наиболее развитых типов поселения, объективные и субъективные показатели качества жизни экологической среды в них с аналогичными низкими показателями развития существенно ниже. Промышленное, социально-экономическое и демографическое развитие городов и районов предопределяет ухудшение экологической обстановки. Наиболее высокая степень загрязненности воздушного и водного бассейнов характерна для г. Уфа, наименьшая – для сельских населенных пунктов.

Производственно-экономический фактор предполагает анализ занятости и трудовой деятельности, а также уровня доходов населения.

Трудовая деятельность направлена на изменение окружающей среды в целях удовлетворения социальных потребностей. Кроме этого, труд является способом самореализации творческого потенциала личности. В последние годы доля экономически активного населения в республике повышается. Уровень занятости населения после экономического кризиса 2008 г. имел тенденцию к снижению, но в 2011 г. этот показатель достиг максимального за последние 10 лет значения – 61,9% к общей численности населения [1, с. 22]. Уровень безработицы в республике после экономического кризиса 2008 г. постепенно снижается до 7,7% в 2011 г. Выделяется несколько тенденций в оценке удовлетворенности населения трудом – работой в целом, содержанием труда, условиями труда и оплатой труда. Существенно более позитивно оценивают все аспекты представители определенных социально-демографических групп – сельские жители, женщины, пожилые (от 64 лет и старше) люди. Анализ оценок жителей г. Уфа, по сравнению с другими поселениями, показывает самые низкие оценки по всем показателям¹.

¹ «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан», организатор исследования: ИСППИ РБ, руководитель проекта: Валиахметов Р.М., к.соц.н., объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет, выборка: вероятностная, стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования, объем выборки: от 1000 до 1500 человек в разных волнах исследования, метод исследования: личное интервью по месту жительства, срок полевых работ: июнь 2011 г.

Среди проблем на рынке труда актуальной является проблема трудоустройства. Существует устойчивое общественное мнение относительно сложности трудоустройства по специальности, некоторым социальным группам – молодежи без опыта работы, женщинам с детьми. Кроме этого, показательна оценка (более 80%) сложности трудоустройства на достойную работу с удовлетворительной заработной платой, социальным обеспечением и безопасными условиями труда. Высокий уровень безработицы формирует необходимость адаптации населения к сложившимся условиям. Таким образом, сравнение собственного положения с положением «других» формирует большую степень удовлетворения трудоустройством в целом, боязнь потерять работу, и сомнение в возможности изменить текущее положение.

Уровень дохода является результатом трудовой деятельности населения и компенсирует физические, моральные, психологические затраты. Воспроизводственный и стимулирующий характер дохода формирует заинтересованность участника труда в качественной трудовой деятельности, что непосредственно влияет на развитие экономической и социальной сферы региона. По ряду статистических показателей за последние годы в Республике Башкортостан наблюдается тенденция к повышению уровня доходов населения. Однако показатели *реальных располагаемых денежных доходов* населения, рассчитанных с учетом индексов потребительских цен, демонстрируют постепенное сокращение уровня доходов населения [1, с. 12]. Рост цен и низкая заработная плата являются наиболее актуальными и острыми проблемами населения республики. Показатели по этим пунктам стабильно занимают первые позиции в перечне основных проблем населения. Существует определенная социальная дифференциация населения в уровне доходов в зависимости от принадлежности к той или иной социально-демографической группе: поселенческой (наиболее низкие денежные доходы характерны для сельских жителей); гендерной (личные доходы мужчин превышают доходы женщин вне зависимости от принадлежности к городскому или сельскому населению); возрастной (низкий уровень доходов пенсионеров и молодых людей в возрасте 18–24 лет); национальной (уровень доходов башкир является самым низким среди жителей республики, что характерно как для сельских, так и для городских жителей); по уровню образования (более высокие доходы лица с более высоким уровнем образования); профессиональной.

Анализ *социального фактора* показал следующие тенденции.

Реальная обеспеченность населения жильем является низкой. В рейтинге социальных проблем² населения проблемы с жильем и трудности в приобретении жилья занимают 6 место (26,8%) после роста цен, низкой заработной платы, повышения квартплаты и роста цен на коммунальные услуги (ЖКХ), безработицы, алкоголизма и пьянства населения. В имущественном плане наиболее обеспеченные домохозяйства чаще характерны для г. Уфа, наименее – для сельской местности.

Здоровье имеет непосредственное влияние на качество жизни населения, определяя способность вести активный образ жизни, развивая свои способности. Уровень здоровья населения региона является недостаточно удовлетворительным. Возрастает уровень заболеваемости среди детей, особенно болезнями, связанными с психическими и нервными расстройствами. Среди взрослого населения региона также существует тенденция роста заболеваемости. При этом, существует проблема недостаточности финансовых средств на лечение, проблема доступа населения к учреждениям здравоохранения и медицинским услугам, особенно в сельской местности. И объективные и субъективные показатели демонстрируют недостаточную удовлетворенность населения потребности в услугах здравоохранения, наличие трудностей доступа к услугам здравоохранения, особенно характерную для сельской местности и малообеспеченных слоев населения.

Доступ к *образованию* определенных социальных групп также является недостаточным.

² «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан», июнь 2011 г.

Наличие и форма проведения *свободного времени* индивида важны как условия для развития личности, так как предполагают возможность совершенствования профессиональных навыков личности, повышения образовательного уровня. Высокое качество жизни характеризуется разнообразием возможных форм проведения свободного времени. Можно отметить социальное расслоение населения в сфере досуга: доступ к определенным видам культурных учреждений в различных типах поселений; разнообразие досуговой деятельности в зависимости от возрастной группы; неравный доступ к удовлетворению потребности в качественном проведении свободного времени, удовлетворении потребности в выражении себя в свободное от работы время в зависимости от уровня дохода.

Политико-управленческий фактор характеризует возможности, специфику и направление управленческой деятельности. В Республике Башкортостан реализуется большое число целевых программ различного направления. Многие проблемы уровня и качества жизни населения региона являются предметом внимания региональной власти и предпринимаются определенные меры по их решению. В целом, уровень доверия населения власти достаточно высок. Можно выделить несколько аспектов, влияющих на уровень доверия власти: принадлежность к представителям бедных слоев населения; поселенческий аспект; осознание риска экологических угроз. На уровень доверия власти как социальному институту влияет степень реализации ею социальных функций, решению конкретных проблем и социальных задач. При отсутствии или недостаточной реализации мер по решению проблем, социальная напряженность будет возрастать.

Таким образом, природно-климатические и географические условия определяют направление экономического развития региона, что непосредственно влияет на формирование рынка труда, занятости, востребованности специалистов того или иного профиля, развитости социальной инфраструктуры. Это непосредственно отражается на уровне доходов населения, что становится основой социальной дифференциации, различий в уровне доступа к услугам здравоохранения, образовательных и культурных учреждений, различий социального статуса. Кроме этого, важен политический статус региона; его политико-управленческие особенности, меры и возможности регулирования социальных проблем определяют характер его функционирования. Таким образом, формируются условия для определенного уровня жизни населения региона. Качество жизни населения региона определяется сочетанием предоставляемых природой и существующей на данной территории общественной организацией жизни и субъективной оценкой населения своей жизни в этих условиях. На это также в определенной мере влияет менталитет и совокупность ценностных ориентаций проживающего на данной территории населения.

На основе анализа выделенных факторов регионального качества жизни можно сделать вывод, что существуют две социальные среды, существенно отличающиеся друг от друга по показателям уровня и качества жизни: городская и сельская. Низкий уровень дохода, занятости (безработица), затрудненный доступ к услугам здравоохранения, образовательных и культурных учреждений, что характеризует низкий уровень жизни в целом, определенный менталитет, характерный для сельской местности (патриархальные взгляды, традиционный уклад жизни) создают определенную социальную среду. Микросреда сельского поселения нивелирует социальные различия и создает более ровный социальный фон, таким образом, удовлетворенность жизнью, качество жизни оценивается сельским населением субъективно более высоко, несмотря на низкие показатели уровня жизни. Таким образом, показатели уровня и качества жизни в сельской местности не синхронны.

В городской местности сильная поляризация и социальная дифференциация в уровне жизни формирует меньшую удовлетворенность жизнью в различных ее аспектах и более низкие оценки ее качества. Для города характерны большие возможности, большее разнообразие материальных и духовных благ, что определяет сильную поляризацию населения по уровню дохода и статусу. Таким образом, в городской местности показатели уровня и качества жизни более синхронны.

Кроме этого, в зависимости от принадлежности к той или иной социально-демографической группе (половозрастной, профессиональной, по уровню образования), уровень и качество жизни дифференцируется.

Список литературы

1. Статистический ежегодник. Республика Башкортостан: стат. сб. Ч 1. Башкортостан-стат. Уфа, 2012.

D. G. Yagafarova, Ufa

THE REGIONAL FACTOR'S BALANCE IN THE SYSTEM OF QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article discusses the balance of basic systemic factors that shapes the quality of life of the population of the region – natural resources, industrial and economic complex, social infrastructure, political and governance structures of the region. The region as a system is a balanced synthesis of these main factors forming certain conditions of life of the people.

Key words: the quality of life, regional factors, region.

Круглый стол №2

**Завершение индустриальной модернизации
и проблемы социокультурного
благополучия населения**

УДК 316.334.2

Е. В. Андрианова, Тюмень

СОЦИОСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УСЛОВИЯМИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304)

В данной статье представлены результаты изучения удовлетворенностью условиями трудовой деятельности наемных работников. Показана степень удовлетворенности работников различными элементами рабочей ситуации. Дана структура факторов составляющих удовлетворенность. Определены факторы, значимо влияющие на объективные показатели удовлетворенности работой. Обозначен вклад социоструктурных факторов в удовлетворенность трудом.

Ключевые слова: труд, удовлетворенность трудом, социоструктурные факторы.

Представленные в статье результаты исследования, получены в рамках мониторингового изучения в период 2006–2013 гг. В качестве объекта изучения и описания принимается Тюменская область. Данные собраны методом интервью в домашних условиях по типовой методике (с введением дополнительных вопросов), разработанной ЦИСИ ИФРАН Н.И. Лапиным в 2006, 2009, 2011, 2013 гг. [1]. В исследовании принимало участие население области старше 18 лет, по массовой анкете. В 2013 г. было опрошено 3054 человека, в том числе: по югу Тюменской области – 1271 респондент; ХМАО – 1301 респондент; ЯНАО – 482 респондента. Все выборки 2006–2013 гг. являются четырехступенчатыми (территория, половозрастная структура, образование) и репрезентируют население трех субрегионов: юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-ненецкого округа (ЯНАО) по половозрастной и образовательной структуре сельского/городского населения с учетом места проживания с ошибкой не выше 3%.

Предмет нашего анализа удовлетворенность условиями трудовой деятельности. Для определения социоструктурных факторов влияющих на удовлетворенность трудовой деятельностью в массовую анкету типовой методики был добавлен вопрос: «Насколько вы удовлетворены следующими условиями работы?», включающий в себя 17 подвопросов (табл. 1).

Для более глубокого анализа были выделены 4 группы переменных, составляющие элементы рабочей ситуации (далее ЭРС) – переменные WDD , $WD1$, $WD2$, $WD3$, $WD4$:

1. Содержание и условия труда ($WD1=(q25_1+q25_2+q25_4)/3$):

- 1) содержание труда (тем, что Вы непосредственно делаете на работе);
- 2) условия труда (т.е. освещение, отопление, шум);
- 4) продолжительность рабочего дня.

2. Материальные условия ($WD2=(q25_5+q25_11+q25_14)/3$):

- 5) выплаты и поощрения;
- 11) социальная защита (возможность устроить ребенка в садик, получить путевку для отдыха и пр.);
- 14) возможность обеспечить достаток в доме, приобретать что захочется.

Моральные:

3. Контроль ($WD3=(q25_3+q25_12+q25_13 + q25_16)/4$):

- 3) доверие между начальством и работниками;
- 12) взаимопонимание в отношениях с начальством и коллегами;
- 13) доступность информации об организации;
- 16) быть самостоятельным в работе, решать самому, что и как делать.

4. Возможности и самореализация ($WD4=(q25_7+q25_8+q25_9 + q25_10 + q25_15 + q25_17)/6$):

- 7) возможность повышения (карьера);
- 8) возможность повышения квалификации (обучение и переобучение);

- 9) гарантия стабильности, постоянной занятости, уверенности в будущем;
- 10) равные возможности для мужчин и женщин;
- 15) возможность применить свои знания и способности;
- 17) возможность приносить пользу людям.

Таким образом, общая удовлетворенность: $WDD = (q_{25_1} + q_{25_2} + q_{25_3} + q_{25_4} + q_{25_5} + q_{25_6} + q_{25_7} + q_{25_8} + q_{25_9} + q_{25_10} + q_{25_11} + q_{25_12} + q_{25_13} + q_{25_14} + q_{25_15} + q_{25_16} + q_{25_17}) / 17$.

Для определения степени влияния социоструктурных переменных на удовлетворенность работников элементами рабочей ситуации (целовой фактор) был применен метод дисперсионного анализа. Шкала степени удовлетворенности выглядит следующим образом: 1 – не удовлетворен, 5 – удовлетворен. В выборку для дисперсионного анализа включены только те респонденты, кто на момент проведения опроса имели работу. Удовлетворенность работой рассматривается как основная зависимая переменная, среднее арифметическое ответов на вопрос: «*Насколько вы удовлетворены следующими условиями работы?*».

Далее были введены дополнительные переменные, определяющие различные категории работников.

1) Бинарный критерий с условным названием «Управление», выделен на основе вопроса «*Имеете ли Вы на работе подчинённых*». Получены две подвыборки, в которые отнесены респонденты с признаками: (1) «Имеют подчиненных» и (2) «Не имеют подчиненных».

2) Бинарный критерий с условным названием «Место работы», выделен на основе вопроса «*Какой тип собственности предприятия, на котором Вы работаете на основной работе?*» Получены две подвыборки, в которые отнесены респонденты с признаками: (1) «Работают в организациях финансируемых из государственного и муниципального бюджетов» и (2) «Работают в организациях иных форм собственности».

3) Критерий «Регион», образующий три соответствующие подвыборки – респонденты, проживающие на юге ТО, ХМАО или ЯНАО.

4) Критерий «Возраст», образующий три соответствующие подвыборки – респонденты, имеющие на момент опроса возраст 18–29 лет, 30–49 лет или более 50 лет.

5) Бинарный критерий с условным названием «Мобильность», подвыборки выделены по вопросу анкеты о сохранении или смене работы – (1) сохранившие работу, (2) изменившие работу в течении последних пяти лет;

6) Бинарный критерий с условным названием «Мотивация», категории выделены на основании прожективного вопроса «*Если бы вы могли выбирать, работу какого типа вы бы предпочли?*» – имеющие мотивацию (1) избегания неудач, (2) достижения успеха.

В качестве отдельных элементов рабочей ситуации (ЭРС) рассмотрены четыре частных и один общий факторы с условными названиями: содержание и условия труда, материальные, контроль, возможности, общая удовлетворенность.

Для выделения степени влияния социоструктурных переменных на удовлетворенность работников элементами рабочей ситуации (целовой фактор) был применен метод дисперсионного анализа.

Наиболее удовлетворены работники возможностью приносить пользу людям (3,77) и продолжительностью рабочего дня (3,74). В целом работники наименее удовлетворены материальными условиями (3,06), и наиболее низка удовлетворенность социальной защитой работников (2,98), табл. 1.

Рассмотрев структуру факторов составляющих удовлетворенность ЭРС, определено, что на удовлетворенность работников элементами рабочей ситуации наиболее велико влияние переменной «Управление», статистика $F=64,7$. Отметим, что согласно методике однофакторного дисперсионного анализа значимыми считаются различия средних между группами при значении статистики F (отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой дисперсии) более 7. То есть, работники, имеющие подчиненных, более удовлетворены элементами рабочей ситуации (см. рисунок).

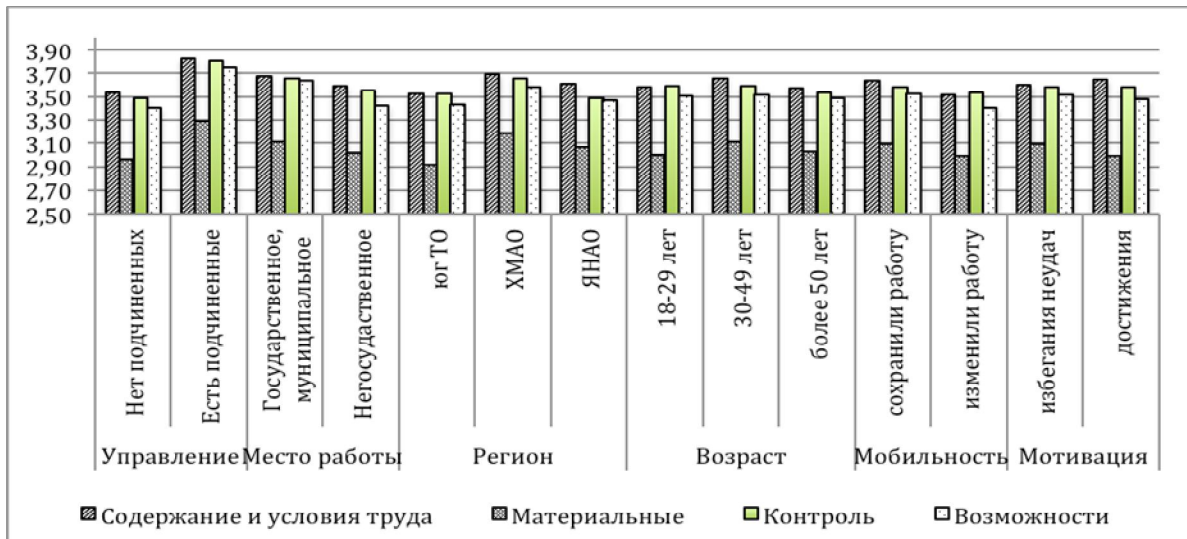
Таблица 1

Описательные статистики элементов рабочей ситуации

ЭРС	Среднее	Стд. отклонение	№
1. Насколько вы удовлетворены содержанием труда (тем, что вы непосредственно делаете на работе)?	3,65	1,20	2373
2. Насколько вы удовлетворены условиями труда (т.е. освещение, шум и др.)?	3,63	1,22	2363
3. Насколько вы удовлетворены доверием между начальством и работниками?	3,53	1,23	2353
4. Насколько вы удовлетворены продолжительностью рабочего дня?	3,74	1,29	2364
5. Насколько вы удовлетворены выплатами и поощрениями?	3,18	1,36	2348
6. Насколько вы удовлетворены компетентностью управления?	3,45	1,20	2320
7. Насколько вы удовлетворены возможностью повышения (карьера)?	3,26	1,32	2300
8. Насколько вы удовлетворены возможностью повышения квалификации (обучение и переобучение)?	3,37	1,34	2325
9. Насколько вы удовлетворены гарантией стабильности, постоянной занятости, уверенности в будущем?	3,33	1,26	2345
10. Насколько вы удовлетворены равными возможностями для мужчин и женщин?	3,65	1,18	2312
11. Насколько вы удовлетворены социальной защитой (возможность устроить ребенка в д/с, получить путевку на отдых и пр.)?	2,98	1,42	2331
12. Насколько вы удовлетворены взаимопониманием в отношениях с начальством и коллегами?	3,62	1,16	2344
13. Насколько вы удовлетворены доступностью информации об организации?	3,71	1,16	2306
14. Насколько вы удовлетворены возможностью обеспечить достаток в доме, приобретать то, что захочется?	3,01	1,29	2334
15. Насколько вы удовлетворены возможностью применить свои знания и способности?	3,58	1,18	2330
16. Насколько вы удовлетворены быть самостоятельным в работе, решать самому, что и как делать?	3,42	1,24	2333
17. Насколько вы удовлетворены возможностью приносить пользу людям?	3,77	1,13	2338
Факторы			
Содержание и условия труда	3,61	0,98	2316
Материальные условия	3,06	1,08	2279
Контроль	3,57	0,92	2255
Возможности	3,50	0,91	2215
Удовлетворенность (интегральный критерий)	3,51	0,83	2097

Минимум=1 (не удовлетворен), максимум=5 (удовлетворен)

Переменная «Место работы» также значимо влияет на удовлетворенность ЭРС ($F=15,4$) – работники государственных (бюджетных) и муниципальных предприятий и учреждений более удовлетворены, чем все остальные. Среди составляющих фактора ЭРС значимый вклад в межгрупповую дисперсию вносит только один фактор – «Возможности и самореализация», (переменная WD4), (табл. 1 и табл. 2).

Средние значения удовлетворенности отдельными элементами рабочей ситуации в различных социальных группах. ТО, 2013 г.

На третьем уровне по влиянию на целевой фактор ЭРС находится регион опроса. Отличия значимы, и подтверждаются индикаторами дисперсионного анализа ($F=11$). Так самая высокая удовлетворенность по всем критериям отмечается в ХМАО. За ним, самые высокие оценки удовлетворенности отдельными элементами рабочей ситуации дают жители ЯНАО. Самые низкие оценки удовлетворенности у жителей югаТО.

Таблица 2

Удовлетворенность отдельными элементами рабочей ситуации, среднее арифметическое и F-статистика

Факторы	Группы	Составляющие ЭРС				Удовлетворенность
		Содержание и условия труда	Материальные	Контроль	Возможности	
Управление	нет подчиненных	3,5	3,0	3,5	3,4	3,4
	есть подчиненные	3,8	3,3	3,8	3,7	3,7
	F	42,7	43,0	56,5	67,6	64,7
Тип собственности предприятия (по месту работы)	государственное, муниципальное	3,7	3,1	3,7	3,6	3,6
	Остальные формы собственности	3,6	3,0	3,6	3,4	3,4
	F	4,3	3,9	5,6	30,0	15,4
Регион	юг ТО	3,5	2,9	3,5	3,4	3,4
	ХМАО	3,7	3,2	3,7	3,6	3,6
	ЯНАО	3,6	3,1	3,5	3,5	3,4
	F	10,6	22,7	2,4	7,8	11,0
Возраст	18-29 лет	3,58	3,0	3,59	3,498	3,45
	30-49 лет	3,65	3,1	3,58	3,51	3,51
	более 50 лет	3,56	3,02	3,53	3,48	3,47
	F	1,8	2,5	0,7	0,2	1,8
Мобильность (за последние 5 лет)	сохранили работу	3,6	3,1	3,6	3,5	3,5
	изменили работу	3,5	3,0	3,5	3,4	3,4
	F	3,2	3,8	0,5	2,6	2,4
Тип мотивации	избегания неудач	3,6	3,1	3,6	3,5	3,5
	достижения	3,6	3,0	3,6	3,5	3,5
	F	1,1	4,7	0,0	0,9	0,7

Статистически значимых отличий степени удовлетворенности наемных работников ЭРС по типу мотивации, трудовой мобильности и возрасту не наблюдается.

Таким образом, на удовлетворенность работой сильное влияние оказывает такие факторы как «Управление», т.е. наличие или отсутствие подчиненных, и «Место работы», более удовлетворены работники государственных и муниципальных предприятий. Значимый вклад в межгрупповую дисперсию вносит только один фактор – «Возможности и самореализация». Наименее удовлетворены работники материальными условиями, наиболее низка удовлетворенность социальной защитой работников.

На следующем этапе рассмотрено, какие факторы в большей или меньшей степени влияют на объективные показатели удовлетворенности работой. Метод, который мы применили - регрессионный анализ. В силу ограниченности объема статьи, опустим методологические подробности, и остановимся только на результатах.

Изучая, какие составляющие общей удовлетворенности (УЭРС) вносят наибольший вклад в общую удовлетворенность внутренних факторов модели: переменных wd1, wd2, wd3, wd4, выявили, что, в числе конкретных составляющих общей удовлетворенности отдельными элементами рабочей ситуации, наибольший вклад в изменчивость данных вносят Удовлетворенность:

4. Продолжительностью рабочего дня.
6. Компетентностью управления.
13. Доступностью информации об организации.
12. Взаимопониманием в отношениях с начальством и коллегами.
16. Быть самостоятельным в работе, решать самому, что и как делать.

Статистически значимый отрицательный вклад в компоненты общей удовлетворенности имеет переменная «*Насколько вы удовлетворены доверием между начальством и работниками?*». То есть респонденты, которые более других удовлетворены доверием между начальством и работниками, с большой степенью вероятности склонны к неудовлетворенности всеми остальными ЭРС.

Используя метод пошаговой регрессии, было определено какой вклад в общую удовлетворенность вносят внешние (социоструктурные) факторы.

Дисперсионный анализ подтверждает прогностическую ценность пяти моделей, описывающих влияние на общую удовлетворенность отдельными элементами рабочей ситуации. Всего из шести рассмотренных переменных может быть введено в модель пять (кроме трудовой мобильности (менял/не менял работу). Наиболее значимо влияние фактора «Управление» (учитывает наличие/ отсутствие подчиненных на работе), $F = 53,020$

Таким образом, наилучшим образом дисперсия общей удовлетворенности отдельными элементами рабочей ситуации описывается линейными моделями:

1. $WDD = 3,094 + \text{Управление} * 0,307$
 2. $WDD = 3,351 + \text{Управление} * 0,317 - \text{Место работы} * 0,173$
- Обе модели построены на уровне вероятности ошибки менее 0,0001.

Третий по значимости фактор – образование, модель с учетом образования имеет уровень вероятности ошибки менее 0,001

3. $WDD = 3,141 + \text{Управление} * 0,293 - \text{Место работы} * 0,121 + \text{Образование} * 0,04$.

На следующем этапе рассмотрены связи удовлетворенность различными ЭРС с общими показателями социального самочувствия - оптимизмом, удовлетворенностью жизнью, материальным положением и оценкой возможности обмана методом корреляционного анализа.

Выявлено, что удовлетворенность рабочей ситуацией повышает все компоненты социального самочувствия. Но в наибольшей степени она влияет на общую удовлетворенность жизнью. В свою очередь удовлетворенность ЭРС повышается с ростом уровня материального положения, и прямо связана с властным статусом человека.

Все иные социоструктурные переменные не оказывают столь существенного влияния на общие оценки удовлетворенность ЭРС.

Систематизировав результаты, выделим социоструктурные факторы, влияющие на удовлетворенность работой. Сильное влияние оказывают такие факторы как: заработная плата (материальное положение), наличие подчиненных, возраст, стаж работы предприятие (место работы). Исключая влияние на удовлетворенность работой заработной платы и возраста работника (и стажа его работы по специальности как следствие второго), мы видим существенное влияние места работы (или предприятия). Среднее влияние оказывает динамика трудового положения. И не влияют на удовлетворенность работой: семейное положение, образование и гендер. Среди социокультурных факторов, влияющих на удовлетворенность ЭРС, сильное влияние оказывают: наличие подчиненных, заработная плата (материальное положение), стратегический оптимизм, удовлетворенность жизнью.

Список литературы

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: МФРАН, 2010.
2. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2011. 365 с.
3. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллективная монография / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. обл. дума. 2013. 330 с.

E. V. Andrianova, Tyumen

SOCIO-STRUCTURAL FACTORS AFFECTING THE SATISFACTION OF THE TERMS OF WORK

This article presents the results of a study to satisfy the conditions of employment of employees. Shows the degree of employee satisfaction the various elements of the work situation. Dana structure factors constituting satisfaction. The factors significantly influence satisfaction. factors affecting the objective indicators of job satisfaction. Designated contribution socio structural factors in job satisfaction.

Key words: work, job satisfaction, socio structural factors.

УДК (33 + 316): 614

И. Я. Арбитайло, Тюмень

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304 а)

Согласно методике «Социокультурный портрет региона» оценить состояние региональной системы здравоохранения представляется возможным за счет комплексного анализа объективных и субъективных показателей. К объективным можно отнести заболеваемость населения, количество инвалидов, обеспеченность медицинскими кадрами, больничными и амбулаторно-поликлиническими учреждениями. К числу субъективных показателей относится самооценка состояния здоровья, удовлетворенность населения медицинским обслуживанием, оценка качества медицинской помощи.

Для изучения проблем, связанных со здоровьем населения и состоянием региональной системы здравоохранения, проанализирована федеральная государственная и региональная статистика, а так же некоторые вопросы, представленные в методике «Социокультурный портрет региона».

Ключевые слова: состояние здоровья населения, Тюменская область, система здравоохранения.

Рынок медицины включает в себя три сектора: во-первых, обязательное медицинское страхование, оплачиваемое через страховщиков из фонда ОМС; во-вторых, коммерческая медицина, оплачиваемая через кассы клиник непосредственно личными средствами граждан; в-третьих, добровольное медицинское страхование, оплачиваемое через страховые компании [2; с. 109]. Объем рынка медицинских услуг определяется количеством приемов пациентов, совершенных врачами за год. Наибольший объем медицинских приемов в осуществляется в рамках ОМС – 71%, доля добровольного медицинского страхования – 17%, сектор легальной коммерческой медицины занимает около 10% рынка. По оценкам специалистов, численность пациентов – клиентов медицины в 2012 г. составила 92,4% населения города, прогнозируется увеличение доли пользователей медицинских услуг до 95, 9% населения города Тюмени. Рост обусловлен развитием инфраструктуры медицинских учреждений; строительством новых клиник; повышением заработной платы и доходов населения; ростом потребностей населения в оказании качественной и доступной медицинской помощи; расширением ассортимента услуг в частном секторе, а так же возможностью выбора медучреждения и врача в рамках реформирования системы ОМС; введением стандартов оказания медицинской помощи и программ повышения квалификации медицинского персонала.

На период 2012 г. оборот рынка медицинских услуг в городе Тюмени вырос на 17,8%, достигнув 9 млрд. рублей. Безусловно, основным фактором развития рынка служит рост доходов бюджета ОМС, являющийся основным сектором рынка медицинских услуг. Численность медицинских учреждений является одним из основных государственных параметров учета в системе здравоохранения. Так, по оценкам федеральной службы государственной статистики, наибольшую долю среди всех медицинских учреждений составляют амбулаторно-поликлинические учреждения – 58% от общей численности медучреждений в 2012 г., больничные учреждения – 26%, учреждения скорой помощи – 13%, прочие медицинские учреждения – 4%. Большинство медицинских учреждений являются частными. Так в 2012 г. доля частных медучреждений составила 76% от общего числа медучреждений города, доля государственной собственности – 15%, наконец, 9% составляют учреждения иной формы собственности [3].

Стоимостный объем рынка равен денежной сумме, уплаченной за все приемы. Средняя цена приема на конец 2012 года равна 923, 8 руб., увеличившись по сравнению с 2011 г. на 87,8 рублей. При этом, средняя цена приема ОМС составила 595, 9 руб., причиной такой разницы является тот факт, что услуги ОМС оплачиваются государством, как следствие жестко регламентируются и контролируются. Как известно, многие рынки являются инфляционными, то есть рост объема рынка вызван, в первую очередь, не столько увеличением числа потребителей, ростом качества медицинских услуг, их объема, сколько высокой инфляцией и

последующим ростом цен. Рост цен на медицинские услуги, в первую очередь в секторе коммерческой медицины, связан с большими издержками клиник: закупкой импортного дорогостоящего оборудования, арендой или покупкой больших площадей, высокими зарплатами высококвалифицированных специалистов.

Рассмотрим показатели, характеризующие состояние здоровья населения Тюменского региона. Международной признанной интегральной характеристикой здоровья служит показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Он отражает степень комфортности внешней среды и условий жизнедеятельности человека на той или иной территории, а также качество государственной политики и уровень личностной активности в охране и укреплении здоровья. Разрыв между РФ и другими развитыми странами по ожидаемой продолжительности жизни населения продолжает увеличиваться. Нарастание разрыва обусловлено в первую очередь недостаточными темпами роста продолжительности жизни мужчин и высоким уровнем смертности. Тем не менее, негативные демографические тенденции, установившиеся в РФ в период после 1990-х гг. удалось преодолеть. Так, в 2011 г. в Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 69,8 лет (64,0 лет мужчин, 75,6 лет женщин) увеличившись по сравнению с 2009 годом на 1,5 года. Ряд аналитиков, органы государственной статистики отмечают результативность реализуемых программ, направленных на создание наиболее комфортных условий для поддержания здоровья человека и минимизации факторов риска заболеваемости и преждевременной смертности. Показатели ожидаемой продолжительности жизни в Тюменской области примерно соответствуют общероссийскому уровню. В период с 2000 г. до 2012 г. выросла ожидаемая продолжительность жизни с 65,9 лет до 70,8 (мужчины – с 59,74 до 65,39 лет, женщины – с 72,76 до 76,24 года) [3].

Состав наиболее распространенных факторов риска для здоровья населения можно рассмотреть с помощью структуры смертности населения. В структуре общей смертности населения области лидирует смертность от болезней системы кровообращения – 49 % в 2012 г.; второе место в структуре общей смертности занимают смерти от внешних причин – 15%; на третьем месте смертность от новообразований – 14% [3]. Похожая ситуация складывается и в субрегионах Тюменской области: распределение причин общей смертности в ХМАО соответствует Тюменскому региону в целом; в ЯНАО – среди основных причин смертности можно выделить болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины.

В структуре общей заболеваемости населения области (рассмотрено число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения) лидируют болезни органов дыхания – 374,9 в 2012 г.; второе место в структуре общей заболеваемости занимают травмы, отравления и другие внешние причины – 88, 4; на третьем месте болезни мочеполовой системы – 63,7; на четвертом месте болезни кожи и подкожной клетчатки – 50, 8 в 2012 г. [3]. Согласно статистическим данным уровень заболеваемости населения в Тюменской области, значительно выше среднероссийского, но последние 6 лет появилась тенденция к уменьшению заболеваемости. В России наблюдается обратная тенденция – роста уровня заболеваемости населения.

Происходящие и ожидаемые в ближайшие десятилетия социально-демографические изменения предъявляют требования к российской системе здравоохранения, на которые в настоящее время она отвечает далеко не в полной мере [1; с. 98]. Удовлетворенность граждан взаимодействием с системой здравоохранения является одним из главных критериев качества медицинской помощи. Долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения, неудовлетворительное развитие социальной сферы и состояние сети лечебно-профилактических учреждений, недоступность высокоэффективных средств лечения для подавляющего большинства населения страны не способствуют росту удовлетворенности медицинским обслуживанием. В России постоянно возрастает значимость проблем низкого качества медицинской помощи, связанная, в первую очередь, с недостаточным финансированием системы здравоохранения, соответственно моральным и физическим старением материально – технической базы, отсутствием эффективного и высококвалифицированного кадрового потенциала. На вопрос «Чем Вас не удовлетворяет государ-

ственное медицинское обслуживание?» мы получили однозначные ответы, характеризующие явную неудовлетворенность системой здравоохранения как в регионе, так и во всей России, практически по всем показателям, характеризующим недостатки государственного медицинского обслуживания, отмечается постепенное, а в отдельных случаях, резкое снижение удовлетворенности [4; с. 57]. Это служит своеобразным маркером региональной ситуации в системе здравоохранения. Весь период наблюдений доля тех, кто ответил «В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание» (20–30%) ниже общероссийского уровня (15–20%). Отметим снижение доли позитивных оценок региональной системы здравоохранения. Почти две трети жителей региона отмечают «Трудно попасть к врачу, большие очереди», еще треть жителей региона отмечают «Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие», и почти каждый пятый – «Советы, рецепты врачей редко помогают». Причем значимость перечисленных проблем выросла практически повсеместно. На юге Тюменской области существенно повышена значимость ответов «“Скорая помощь” обычно приезжает через несколько часов» (17% в 2013 г.). Таким образом, оценка населением качества медицинского обслуживания скорее негативна [4; с. 58].

Таким образом, после тяжелого кризиса в сфере общественного здоровья, обусловленного трансформационными процессами 1990-х гг., показатели здоровья постепенно улучшаются, что говорит о позитивных изменениях в условиях жизнедеятельности населения. Рост внимания со стороны представителей власти, научной общественности, специалистов и практиков к здравоохранению обусловлен важными моментами, касающимися жизни каждого россиянина. С целью последующего обеспечения устойчивого развития, а так же улучшения основных показателей здоровья населения области, необходим поиск решений для совершенствования оказания медицинской помощи. Дальнейшее эффективное функционирование отрасли здравоохранения должно строиться на системе мер по модернизации здравоохранения, включающих в себя: повышение качества и доступности медицинской помощи, улучшение материально-технической базы, эффективное использование ресурсов здравоохранения [5; с. 357].

Список литературы

1. Аймагамбетов Е.Б. Здоровье как экономическая категория на рынке медицинских услуг / Е.Б. Аймагамбетов, Э.М. Райсов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. №5. С. 96–103.
2. Ершов А.Н. Экономика здравоохранения будущего: проблемы и перспективы / А.Н. Ершов, О.И. Кузнецов, К.С. Терентьев // Инновационная деятельность. 2011. №2. С. 108–110.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. М., 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/06-10.htm.
4. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллект. монография / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. 333 с.
5. Шишкин С.В. Реформа финансирования российского здравоохранения // Научные труды / Институт экономики переходного периода. М., 2000, 444 с.

I. Ja. Arbitailo, Tyumen

SOCIO-ECONOMICAL CHARACTERISTICS OF HEALTH SYSTEM

According to the procedure, “Socio-cultural portrait of the region” to assess the condition of the regional health system possible through comprehensive analysis of objective and subjective indicators. The objective can be attributed morbidity, the number of disabled people, of medical personnel, hospital and out-patient clinics. Among the subjective indicators include self-reported health, satisfaction with public health care, quality of care assessment. To study the problems associated with public health and regional health systems, analyzed federal state and regional statistics, as well as some of the issues presented in the “Socio-cultural portrait of the region”.

Key words: health status, Tyumen region, the health system.

УДК 316.334.52 (571.12)

Р. М. Ахмедзянова, Тюмень

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00304 а)

В работе представлен анализ уровня и качества жизни населения Тюменской области через показатели доходов и расходов населения. Представлена динамика среднего уровня денежных доходов, заработной платы, в том числе в сравнении с прожиточным минимумом, установленным в регионе, а также структура доходов по отраслям. Представлен анализ структуры потребительских расходов, в том числе в разрезе по субрегионам (ХМАО, ЯНАО, юг области).

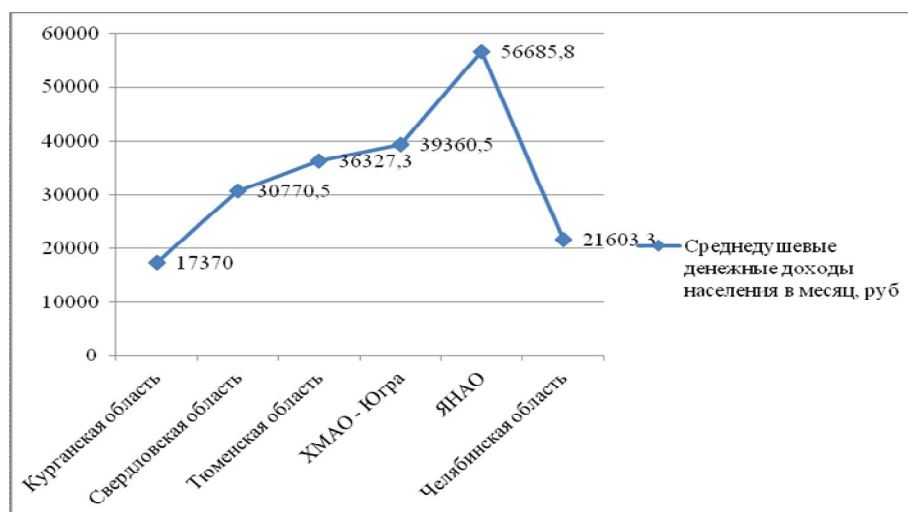
Ключевые слова: доходы, расходы, регион.

Проблемы исследования качества жизни стали объектом исследования ученых начиная с XX столетия, среди которых Р. Арон, Д. Белл, П. Друкер, Э. Тоффлер и др. Исследователи выделяют философский, экономический, экологический, психологический и др. подходы к исследованию качества жизни.

В рамках социально-экономического подхода качество жизни понимается как отражение материального уровня благосостояния субъекта и как способность человека воспроизводить и увеличивать своей материальный достаток.

Уровень доходов населения как важнейший показатель благосостояния общества, демонстрирует финансовые возможности граждан для приобретения товаров продовольственного и непродовольственного назначения, проведения досуга, удовлетворения потребностей в образовании, здравоохранении и других сферах общественной жизни.

По данным Федеральной службы государственной статистики в 2013 г. средний уровень денежных доходов жителей Тюменской области составил 36327,3 рублей, что на 8,5% больше по сравнению с предыдущим годом (33473,1 рублей). Этот показатель превышает среднедушевые денежные доходы по Уральскому Федеральному округу, который в 2013 г. составил 26517,78 (см. рисунок).

Среднедушевые денежные доходы населения УрФО в месяц, руб.

По области наблюдается увеличение денежных доходов от года к году, что может говорить о достаточно благоприятных тенденциях в экономике региона, темпы роста доходов до 2011 г. имели скорее отрицательную динамику. Снижение наблюдалось в 2009 г. на 10%, в

2010 на 2,8%, в 2011 г. спад сменился приростом, который составил лишь 0,8%. Только в 2012 г. появилась более явная положительная динамика, в 2013 г. рост доходов составил 8%. Реальная начисленная заработная плата также не имеет стабильных изменений, но темпы ее роста увеличиваются от года к году, так в 2010 она выросла на 2,1% по сравнению с прошлым годом, в 2011 только на 3,3%, наконец, в 2012–2013 гг., в среднем на 8% [4, с. 10–12; 5, с. 10–12]. Однако при оценке уровня жизни в регионе необходимо учитывать показатели инфляции, стоит отметить, что ее реальный уровень в 2013 г. составил 6,5%, при росте денежных доходов увеличении заработной платы на 8% в сравнении с 2012 г. В разрезе автономных округов, для ЯНАО характерны более высокие темпы роста доходов, при этом темпы роста заработной платы самые низкие по области, этот показатель выше на юге региона. Это можно объяснить тем, что большая часть населения ЯНАО занята в секторе добычи полезных ископаемых и строительства, где после кризисного периода наблюдаются низкие темпы роста заработной платы в регионе. ХМАО отражает среднюю ситуацию по области в целом.

Средняя заработная плата в регионе в текущем году составляет 51007 рублей, что на 8% больше по сравнению с прошлым годом. При этом она существенно различается в разрезе автономных округов, так по югу области заработная плата выше прожиточного минимума в 4 раза, в соотношении с ЯНАО в 6 раз. При таком соотношении различается и доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, который установлен в 2013 г. на уровне 7494 рублей. В 2013 г. этот показатель по области вырос с 11% до 11,8%. Так в ЯНАО только 7% населения находятся за чертой бедности, в ХМАО – 10,6%, а на юге области 11% населения [2, с. 8; 3, с. 8]. Помимо высокого уровня заработной платы и низкой доли населения, находящегося за чертой бедности в сравнении с областью в ЯНАО выше и доля занятого населения. Это может быть связано с тем, что данный автономный округ характеризуется достаточно суровыми климатическими условиями, непривлекательными для жизни. В связи с чем, одним из основных мотивов проживания в этом округе является именно трудовая занятость и получаемые доходы.

Стоит отметить, что среднедушевые доходы, описанные выше, являются усредненным показателем уровня жизни в регионе, который не показывает степень дифференциации доходов. Так, например, размер заработной платы существенно варьируется в зависимости от отрасли, в которой занят работник. Самая высокооплачиваемая экономическая деятельность связана с добычей полезных ископаемых (превышает среднюю заработную плату по области на 62%) и с финансовым сектором (разница составляет 26%), самые низкие доходы в сфере сельского хозяйства (на 61% ниже средней заработной платы), чуть выше доходы в сфере оптовой и розничной торговли ниже средней по области на 49%. При этом темпы роста заработной платы в самых высокооплачиваемых секторах экономики ниже (порядка 9%), чем в сфере образования и здравоохранения (21% и 16% соответственно по сравнению с прошлым годом) [4, с. 36–37; 5, с. 36–37].

Помимо распределения доходов населения по видам деятельности, интерес представляет их структура. В целом по области основную часть доходов составляет оплата труда (62%), при этом этот показатель увеличивается от года к году, социальные выплаты и другие доходы составляют по 14%, далее следуют доходы от предпринимательской деятельности (6%), и наконец, доходы от собственности 4%. Несмотря на активную деятельность администрации области по повышению предпринимательской инициативы в регионе, уровень доходов от предпринимательской деятельности падает. Скорее всего, это можно связать с повышением налогов на прибыль, что сказалось и на доходности предприятий, и на их количестве, так как многие предприниматели вынуждены были уйти в теневой сектор из-за невозможности выдерживать налоговые нагрузки. Для ЯНАО и ХМАО характерна областная тенденция, оплата труда составляет 75% и 68% от общей суммы доходов, увеличение происходит за счет доли других доходов, которая стабильно снижается. На юге Тюменской области наблюдается иная картина. Оплата труда составляет только 40%, 31% – другие доходы, эти показатели остаются неизменными в сравнении с прошлым годом [4, с. 35; 5, с. 35]. Скорее всего, это связано с

большой площадью сельской местности на юге области и благоприятными климатическими условиями для ведения подсобного хозяйства.

Анализируя оценки жителей региона относительно уровня и качества жизни, можно отметить положительную динамику, количество респондентов, высоко оценивающих уровень жизни в области, увеличивается от года к году (см. таблицу) [1, с. 162–163].

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?», в процентах от общего числа респондентов

Тюменская область (в целом)	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.
1. В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	31	31	28	32
2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	48	43	48	48
3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	7	10	9	7
Затрудняюсь ответить, нет ответа	13	16	15	13
Всего ответов	100	100	100	100
ХМАО				
1. В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	29	34	29	29
2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	50	40	45	52
3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	7	8	12	6
Затрудняюсь ответить, нет ответа	14	18	14	13
Всего ответов	100	100	100	100
ЯНАО				
1. В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	35	24	21	26
2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	42	48	51	49
3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	9	13	9	6
Затрудняюсь ответить, нет ответа	14	15	19	19
Всего ответов	100	100	100	100
Юг ТО				
1. В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	31	31	30	36
2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	50	44	49	45
3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	6	12	5	7
Затрудняюсь ответить, нет ответа	13	13	16	12
Всего ответов	100	100	100	100

Самые высокие оценки ставят жители ХМАО, здесь же вдвое сократилось число респондентов, считающих что «в регионе люди живут хуже, чем в других соседних областях». В ЯНАО наблюдается увеличение положительных оценок порядка 3%. Что касается юга области, наряду с увеличением положительных ответов, на 2% увеличилось число отрицательных. При этом основная доля низких оценок относится к респондентам, проживающим на территории небольших городов до 500 тыс. жителей.

Наряду с доходами одним из показателей уровня и качества жизни в регионе являются потребительские расходы населения. В современных условиях в Тюменской области наряду

с увеличением доходов происходит и увеличение реальных расходов, что вместе с другими факторами приводит к качественным изменениям в регионе.

Начиная с 2010 г. наблюдается стабильное увеличение расходов жителей Тюменской области, порядка 10% каждый год. В разрезе автономных округов наблюдается та же динамика, ХМАО отражает ситуацию по области в целом, ЯНАО является лидером по сумме расходов на конечное потребление и замыкает список юг Тюменской области.

Увеличение размеров потребительских расходов, скорее всего, говорит о развитии потребительской культуры населения, в том числе и о развитии кредитной системы в регионе для приобретения предметов длительного пользования.

Анализ структуры расходов позволяет говорить о положительной динамике в экономике региона. При этом 2011 г. можно назвать более успешным, поскольку наблюдается существенное снижение расходов на покупку продуктов питания и оплату услуг (на 1,6% и 6,1% соответственно). Наряду с уменьшением расходов на продукты питания наблюдается их увеличение на приобретение товаров непродовольственного назначения, в 2011 г. отмечается рост на 8,3%. В 2012–2013 гг. благоприятная ситуация сохраняется, но, к сожалению, без ощутимой динамики. Так описанные ранее показатели уменьшились или увеличились всего лишь на десятые процента [2, с. 160]. К тому же, наблюдается увеличение расходов на оплату услуг, что может быть объяснимо ежегодным ростом тарифов на коммунальные платежи. Кроме этого, ежегодно увеличивается количество дополнительных платных услуг на потребительском рынке региона, которые требуют дополнительных затрат от населения, но способствуют развитию культуры потребления в регионе.

Список литературы

1. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллективная монография / сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2013. 358 с.
2. Тюменская область в цифрах: крат. стат. сб.: в 4 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. Ч.1. 261 с.
3. Тюменская область в цифрах: крат. стат. сб.: в 4 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. Ч.4. 260 с.
4. Уровень жизни населения в Тюменской области: стат. сб.: в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. Ч.1. 345 с.
5. Уровень жизни населения в Тюменской области: стат. сб.: в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. Ч.2. 345 с.

R. M. Akhmedzyanova, Tyumen

THE LEVEL AND QUALITY OF LIFE IN THE TYUMEN REGION

The article deals with analyze of the level and quality of life in Tyumen region through revenue and expenses. The dynamics of the average level of cash income, wages, including in comparison with the cost of living, established in the region, as well as the structure of revenues by industry. Structure of consumer spending, including sub-region (Khanty-Mansi Autonomus okrug (Yugra), Yamal-Nenets Autonomus okrug and south of Tyumen region) is analyzed.

Key words: revenues, expenses, region.

УДК 316: 61(571.5 + 571.6)

*В. А. Козлов, Санкт-Петербург
А. В. Немировская, Санкт-Петербург*

ОЦЕНКА СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(Работа выполнена в рамках реализации научного проекта по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект №МК-3359.2013-6)

В статье изложены результаты исследования состояния здоровья населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока по различным индикаторам, а также проведено их сравнение с остальными территориями России. Сопоставление проводится как по ряду объективных и субъективных индикаторов здоровья: продолжительности жизни, коэффициентам смертности от различных причин, оценок качества собственного здоровья, оценке удовлетворенности своим здоровьем, оценке проблем со своим здоровьем, а также качества медицинской помощи в регионе проживания. Обнаружено, что вместе с низкими показателями демографического развития и более высокую смертность населения, самодекларируемый уровень здоровья и доверие к медицинской системе в регионах Сибири и Дальнего Востока выше, в сравнении с остальной частью страны.

Ключевые слова: здоровье населения, самооценка состояния здоровья, здоровый образ жизни, Восточная Сибирь, Дальний Восток.

Несмотря на значительный природно-ресурсный потенциал, социальная и экономическая модернизация Сибири и Дальнего Востока отстает по многим параметрам от среднероссийского уровня. На данной территории существует значительная дифференциация регионов по уровню развития и потенциалу роста. С демографической точки зрения, проблемы Сибирского макрорегиона заключаются в следующем: 1) неравноценный миграционный обмен, который характеризует, с одной стороны, отток высокообразованных кадров в европейскую часть страны, а с другой – интенсивная иммиграция (в ряде регионов она компенсирует эмиграцию) неквалифицированных рабочих из сопредельных стран; 2) низкая, по сравнению с большинством российских регионов, продолжительность жизни населения из-за ряда причин, в основном, в силу повышенной смертности в трудоспособном возрасте [1; 2; 6]. Отметим, что на Дальнем Востоке упомянутые проблемы не только не теряют своей актуальности, но и стоят ещё более остро.

В данной работе будет рассмотрено состояние здоровья населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока по различным индикаторам, а также проведено их сравнение с остальными территориями России. Отметим, что по большей части нами не используются данные по федеральным округам (ФО), так как макрорегион Восточная Сибирь только частично включен в состав Сибирского ФО (в него не входят регионы, расположенные западнее Красноярского края. Аналогично, в соответствии с государственной программой РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», направленной на «устранение существенных межрегиональных диспропорций развития на базе опережающего социально-экономического развития макрорегиона», под Востоком России понимается Восточная Сибирь и российский Дальний Восток [3]).

Для оценки состояния здоровья населения используются как объективные, так и субъективные (по самооценке респондента) индикаторы здоровья. В качестве одного из важнейших объективных индикаторов состояния здоровья населения, который является неизменной составляющей частью индекса развития человеческого потенциала, выступает продолжительность жизни. Данный показатель демонстрирует сильную позитивную корреляцию с социально-экономической ситуацией в регионе [4]. Вместе с продолжительностью жизни мы рассмотрим стандартизованный (для решения проблемы влияния возрастной структуры

населения, которая в восточных регионах возникла относительно недавно) коэффициент смертности по различным причинам. Субъективное здоровье часто подвергается критике по различным направлениям. Например, считается, что субъективное здоровье в первую очередь зависит не от состояния здоровья респондента как такового, а от субъективного благополучия и счастья. Вместе с тем, есть эмпирические доказательства увеличения вероятности смерти для всех основных социально-демографических групп у людей с плохим здоровьем [8], особенно в старших возрастах.

Кроме того, в данной работе мы используем субъективные показатели здоровья из международного опроса ISSP-2011 (Health and Health Care – здоровье и здравоохранение)¹, а также данные Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010. Данные, полученные в результате социологических исследований, позволят нам определить не только субъективное здоровье населения, но и степень доверия населения к системе здравоохранения, причины ее негативного состояния, а также данные о самосохранительном поведении населения и вредных привычках. Оба опроса проводились для России в целом. В рамках ISSP-2011 на Восточную Сибирь и Дальний Восток будет приходиться почти 10% респондентов, что примерно соответствует доли данной территории в общей численности населения России. В то же время, в рамках Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» нет разделения на Восточную и Западную Сибирь, а представлен объединенный Сибирский федеральный округ и отдельно Дальневосточный федеральный округ. Таким образом, доля респондентов макрорегиона вырастает до 19%, и в рамках наших допущений Западная Сибирь будет объединена с Восточной.

Объективные показатели здоровья (продолжительность жизни)

Несмотря на общую положительную динамику последних нескольких лет [1, с. 66–78], показатели продолжительности жизни, как в регионах Восточной Сибири, так и на Дальнем Востоке пока трудно оценить как благоприятные. По-прежнему, в данных субъектах федерации сохраняется отставание в продолжительности жизни от показателей, средних по России (см. рис. 1).

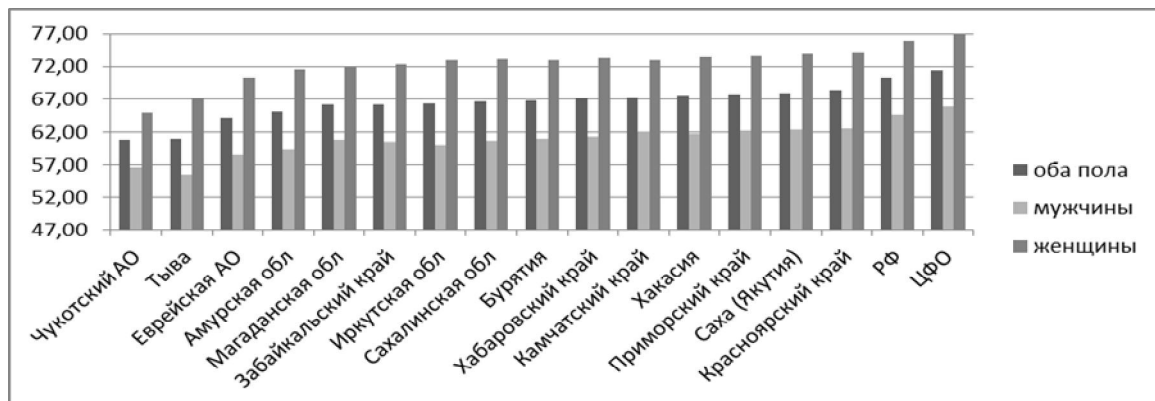

Рис. 1. Показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока по сравнению с Россией и Центральным ФО, 2012

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_e0.php.

Отставание в продолжительности жизни населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока вызвано многими факторами, например, во многом высокой смертности от предотвратимых заболеваний, например, внешних причин или инфекционных заболеваний (в

¹ Международное обследование, которое было проведено в 2011–12 гг. в 29 странах мира (в основном, в экономически развитых государствах).

частности туберкулеза) [1, с. 78]. В то же время, смертность в этих регионах высока и по причине вполне излечимых заболеваний. Рассмотрим ситуацию со смертностью от сердечно-сосудистых и респираторных (органов дыхания) заболеваний².

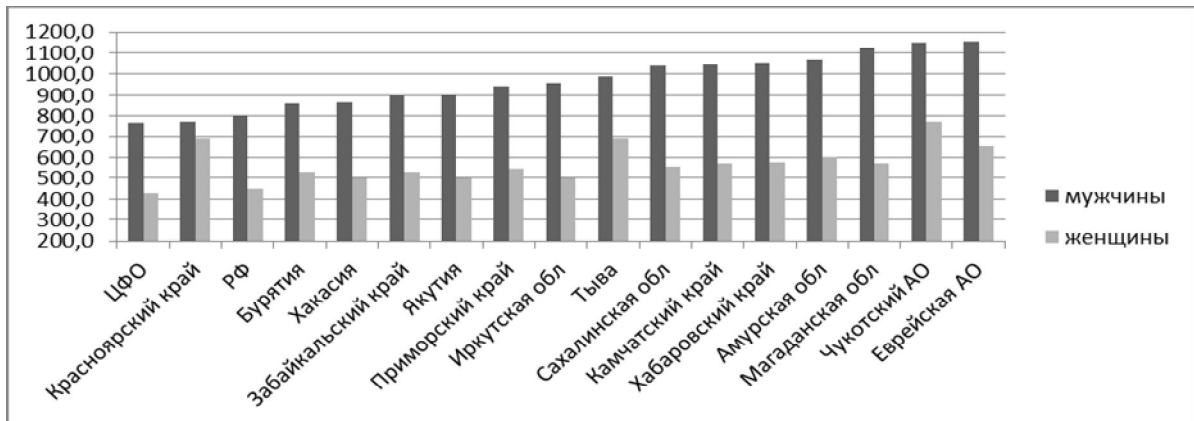

Рис. 2. Показатели смертности от сердечнососудистых заболеваний в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока по сравнению с Россией и Центральным ФО, 2012 (на 100 000 населения)

Источник: Демографический ежегодник – 2013.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

Как показывают данные, представленные на рис. 2, только Красноярский край в отношении мужского населения демонстрирует показатель лучший, чем средний по Центральному федеральному округу, но всё же более низкий по общероссийским меркам. Болезни органов дыхания (менее летальные и в большей степени зависящие от условий жизни) также распространены в выбранных нами регионах, однако разрыв в данном случае получается не настолько серьезным, как в случае с сердечнососудистыми заболеваниями по макрорегиону в целом. В то же время, как раз по смертности от болезней органов дыхания наблюдается большая межрегиональная дифференциация по сравнению со смертностью от заболеваний сердца и сосудов.

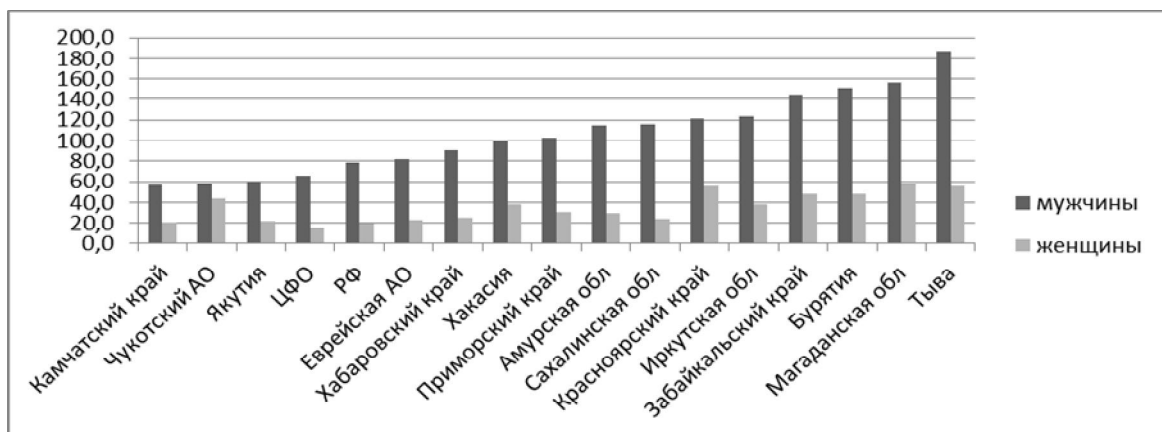

Рис. 3. Показатели смертности от болезней органов дыхания в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока по сравнению с Россией и Центральным ФО, 2012 (на 100 000 населения)

Источник: Демографический ежегодник – 2013.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

² Подобная классификация причин смерти появляется в работе Rutstein D.D., Berenberg W., Chalmers T.C., et al. Measuring the Quality of Medical Care. A Clinical Method. New Engl J Med, 1976.

Субъективные показатели здоровья. Упомянутые индикаторы измеряются в основном по данным обследования ISSP-2011, а также по данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010. Отметим, что обследования имеют различные шкалы и несколько разные вопросы к респондентам, так что необходима более аккуратная интерпретация полученных результатов.

Исходя из данных ISSP-2011, мы можем оценить, во-первых, само по себе субъективное здоровье: ответ на вопрос о качестве собственного здоровья, который измеряется по шкале от 1-отличное, до 5-плохое. Таким образом, при измерении средней мы, скорее, видим оценку нездоровья населения (чем выше коэффициент, тем хуже ситуация со здоровьем). Отметим, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке данный показатель составит 3,46 (при этом не было выявлено различий в субъективной оценке здоровья между этими регионами), в то время, как в России без учета данных регионах население оценивает здоровье хуже – 3,64. Полное распределение ответов респондентов на вопрос о субъективном здоровье приводится в табл. 1. Если рассмотреть ситуацию с долей населения, которая указывает на плохое субъективное здоровье, то очевидно, что в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока доля людей с плохим здоровьем составит – 15,4% (соответственно, 14,5% и 16,1%), в то время как в прочих регионах страны в среднем – 17,3%.

Таблица 1
Распределение населения по субъективному состоянию здоровья (по данным ISSP-2011), %

	Россия без Восточной Сибири и ДВФО	Восточная Сибирь и ДВФО
Отличное	3.10	5.15
Очень хорошее	6.42	8.09
Хорошее	30.75	37.50
Нормальное	42.40	33.82
Плохое	17.33	15.44

Отметим, что в целом в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока, по сравнению со средней величиной по другим регионам, достаточно высока доля опрошенного населения, которая считает свое здоровье хорошим. В то же время, не так много респондентов, которые отмечают свое здоровье категорией «нормально», в отличие от остальных регионов, где данная категория явно переполнена. Стоит отметить, что в России при проведении подобного рода опросов «нормально» в большей степени является индикатором плохого здоровья [9]. Следовательно, если бы мы оценивали показатель плохого здоровья совместно с нормальным, то проблема плохого здоровья по самооценке стояла бы для центральных регионов более остро.

Более объективная оценка здоровья – доля опрошенного населения с хроническими заболеваниями составляет 40,7% в России, в то время как в наблюдаемом нами макрорегионе это уже порядка 31,4% (33,8% в Сибири и 28,9% на Дальнем Востоке). Дополнительно в опросе ISSP-2011 используются следующие вопросы: наличие болей в течение последних 4 недель, а также наличие серьезных заболеваний (или проблем со здоровьем) в течение такого же периода времени. Эти индикаторы позволяют оценить, является ли отсутствие проблем со здоровьем устойчивым или в данном регионе просто вкладывается несколько иной смысл в понятие здоровья. Оказывается, что доля респондентов, которые в течение последних 4 недель испытывали серьезные боли (варианты ответа «испытывал физические боли часто» или «очень часто»), в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока составляет 16,9%, а в прочих российских регионах в среднем около 21,95%. В то же время, при ответе на вопрос о проблемах со здоровьем, разрыв получается не таким значительным: о серьезных проблемах со своим здоровьем («случались часто» и «очень часто» за последние 4 недели) заявляли 15,7% респондентов из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также 16,7%

опрошенных жителей прочих регионов России. Однако, в любом случае, опросы подтверждают более позитивный ответ о своем здоровье в восточном макрорегионе, по сравнению с российскими показателями, без учета данных регионов.

Рассмотрим данные Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010 для подтверждения результатов ISSP-2011 (см. табл. 2). Результаты этих опросов оказались довольно непохожими, хотя важно отметить, что сам вопрос о состоянии здоровья звучал совершенно иным образом. Российское исследование демонстрирует уже более плохое субъективное здоровье среди жителей СФО и ДВФО. Во многом данные результаты сложились за счет инвалидности и хронической заболеваемости. Если убрать из выборки инвалидов и рассчитать состояние здоровья людей без нее и без хронических заболеваний, то получится ситуация, примерно одинаковая для обоих регионов. Вероятно, расхождение между российским и международным обследованием связано с тем, что в том же ISSP-2011 инвалиды и люди с хроническими заболеваниями указывали собственное здоровье как вполне приемлемое (хорошее или нормальное). Возможно также, что включение в выборку Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010 показателей для респондентов Западной Сибири оказало влияние на более высокое субъективное здоровье.

Таблица 2

Распределение населения по субъективному и объективному состоянию здоровья
(по данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН
«Наши ценности и интересы сегодня» – 2010), %

	Нормальное здоровье, болеете редко	Болеете довольно часто	Болеете очень часто	Страдаете хроническим заболеванием	Вы – инвалид
Россия без СФО и ДВФО	62.2	16.8	6.0	9.7	4.7
СФО и ДВФО	49.8	17.7	8.0	17.8	6.8

Показатели здорового образа жизни

В качестве измерителей здорового образа жизни мы использовали приведенные в ISSP-2011 показатели. К здоровому образу жизни мы относили ситуации отсутствия вредных привычек (курение или злоупотребления алкоголем), регулярные физические нагрузки и здоровое питание (под здоровым питанием в вопроснике имелось в виду регулярное употребление овощей и фруктов). В рамках обследования мы получили картину, которая демонстрирует менее распространенный здоровый образ жизни в восточных регионах (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели образа жизни для респондентов из разных регионов, (по данным ISSP-2011), %

	Курение (курящие)	Алкоголь (употребление чаще 1 раза в месяц)	Физическая активность (чаще 1 раза в месяц)	Употребление свежих овощей и фруктов (чаще 1 раза в месяц)
Россия без Восточной Си- бири и ДВФО	26.60	17.74	33.81	90.47
Восточная Сибирь и ДВФО	34.07	24.44	41.13	88.15

В общем и целом, доля курящих и употребляющих алкоголь в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока оказалась выше, чем в целом по России. Аналогично (хотя особенных различий между показателями практически не видно) употребление свежих овощей и фруктов в изучаемых регионах будет несколько ниже. Отметим, что респонденты Восточной

Сибири и Дальнего Востока отметили большую физическую активность. Однако стоит заметить, что в данном случае большая физическая активность может означать не столько здоровый образ жизни с дозированными физическими нагрузками, сколько условия труда, которые в избранных регионах более тяжелые, а структура экономики со значительной, по сравнению с другими регионами, долей лесного хозяйства, рыболовства, добычи полезных ископаемых способствует большей занятости населения именно физическим трудом. В таких условиях, особенно при рассмотрении возможности сочетания тяжелого труда с не самой благоприятной экологической обстановкой, физическая активность с большей вероятностью приведет к потере здоровья, чем к каким-то полезным эффектам для него. Внутри макрорегиона также наблюдается неравномерная ситуация: показатели курения в Восточной Сибири будут составлять – 36,2%, а на Дальнем Востоке – 31,8%. Данные показатели близки к среднему уровню курения среди взрослого населения по данным GATS – около 39,1% курящих (для всей России), причём около трети населения курят каждый день [7]. В то же время, по данным ISSP-2011, в среднем по России происходит уменьшение числа курящих, что может быть вызвано некоторыми причинами, в том числе и некоторым смещением выборки ISSP-2011.

Употребление алкоголя в Восточной Сибири оказалось относительно низким – 15,5%, что в целом ниже среднероссийского показателя. Таким образом, основной разрыв в употреблении алкоголя между центральными и восточными регионами может быть объяснен более высоким уровнем его употребления на Дальнем Востоке – 34,4%. Аналогичная ситуация складывается и с физической активностью. В то время как в Восточной Сибири регулярная активность характерна для 33,9% населения, на Дальнем Востоке этот показатель составляет 47,6%. Это согласуется с гипотезой о наличии более тяжелых рабочих мест на рынке труда региона (структура экономики Дальнего Востока). По потреблению свежих овощей и фруктов особенных различий не было обнаружено: чуть более 87% в Восточной Сибири и около 89% на Дальнем Востоке.

Показатели системы здравоохранения

По данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010, в Сибири и на Дальнем Востоке больше удовлетворенных медицинской системой, чем в России в целом, без учёта данных регионов: 19,4% против 14,1%. К тому же меньше доля респондентов, которые государственной медицинской системой совсем не пользуются: 6,4% против 7,54%. Основные различия между жителями регионов России и Сибири и Дальнего Востока по ряду показателей здравоохранения приводятся в табл. 4.

Таблица 4

Доля респондентов, отметивших недостатки медицинской системы
(по данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН
«Наши ценности и интересы сегодня» – 2010), %

	Трудно попасть к врачу, большие очереди	Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или дорого	«Скорая помощь» едет очень долго	Недостаточная квалификация врачей	Невежливое, невнимательно обращение врачей	Приходится платить, чтобы получить необходимую помощь	Слишком ограниченное количество услуг в поликлиниках
Россия без Восточной Сибири и ДВФО	34.87	20.71	15.36	18.87	14.30	21.18	12.03
Восточная Сибирь и ДВФО	39.81	14.98	7.79	24.68	21.08	11.85	18.61

Жители России в основном жалуются на сложности с тем, чтобы достать лекарства, необходимость платить дополнительно (в основном, экономические проблемы, а также коррупцию), а также медленную «скорую» помощь. С другой стороны, жители восточного макрорегиона указывают на переполненность поликлиник (очереди), отсутствие квалификации и невежливое обращение со стороны врачей, а также на отсутствие нужных услуг в поликлиниках, то есть фактически на неудовлетворительное качество медицинского обслуживания.

Таблица 5

Средний показатель доверия к медицине, (по данным ISSP-2011), %

	Центр	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Доверие к врачам	2.66	2.54	2.8
Доверие к медицинской системе	3.34	2.9	3.42
Честность медицинской системы	3.93	3.86	3.69

Общее недоверие к медицине в России и в восточном макрорегионе видно по индикаторам из табл. 5 (шкала показывает показатели недоверия: чем выше, тем меньше доверия). Доверие к медицинской системе, в общем, выше на Востоке страны, по сравнению с центральными регионами. В то же время доверие к врачам как раз практически не различается. В разной степени не удовлетворены качеством медицинской системы 38,3% населения Восточной Сибири и Дальнего Востока и 45,6% населения других регионов страны. 68% опрошенного населения России без учета жителей восточного макро-региона считают систему здравоохранения несправедливой или видят в ней очень мало справедливости, с ними солидарны 65% респондентов из Восточной Сибири и Дальнего Востока. Доверяют врачам 19% опрошенных в центре и 18% опрошенных на фронтире страны. По большому счету, с точки зрения доверия к врачам и честности системы, показатели расходятся мало, а вот в целом доверие к медицинской системе вызывает уже большее расхождение. Данное предположение подтверждает ситуацию с распределением в результате опроса Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня» – 2010. В целом, в Сибири и на Дальнем Востоке больше претензий к качеству медицинской помощи, но в то же самое время меньшая коррупция в этой системе повышает доверие к ней.

В результате проведенного анализа выявлено, что, несмотря на низкие показатели демографического развития и более высокую смертность, самодекларируемый уровень здоровья в Сибири и на Дальнем Востоке оказывается выше по многим показателям, к тому же доверие к медицинской системе также несколько выше, но при этом респондентов волнуют несколько другие проблемы медицинской системы. Объяснением подобной ситуации могут быть несколько причин. Важным моментом является наличие селективного эффекта, когда люди с хроническими заболеваниями, а также чувствующие нездоровье в явном виде, будут переезжать подальше от более суровых климатических условий и тяжелых условий работы. С другой стороны, в регионы восточного макрорегиона могли переселяться как раз люди с большей резистентностью к заболеваниям или способные долгое время терпеть боль, но при этом их организм из-за этого быстро изнашивается (что можно увидеть по продолжительности жизни и смертности по причинам). Ещё одним объяснением может являться разная возрастная структура населения Восточной Сибири и Дальнего Востока – более молодая, по сравнению с остальной частью России, при том, что структура смертности населения в восточном макрорегионе более смещена к внешним причинам, при которых смерти не предшествует болезненное состояние.

Список литературы

1. Немировская А.В., Козлов В.А. Демографические аспекты социальной модернизации регионов Сибирского федерального округа // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. №8. С. 66–78.
2. Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.). Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2012. 184 с.
3. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/6ed/gp34.pdf>
4. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.Е. Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. 2011. №4. С. 98–115.
5. Чудаева О.В. Ожидаемая продолжительность жизни в Сибири, России и в мире // ЭКО. 2003. №11. С. 59–73.
6. Nemirovskaya A., Kozlov V.A. Social Support for Contemporary Modernization in the Regions of Siberia // Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 6. No. 8. P. 1107–1128.
7. Global Adult Tobacco Survey (GATS) Russian Federation – 2009. Country Report. URL: http://www.who.int/tobacco/surveillance/en_tfi_gats_russian_countryreport.pdf
8. McGee D.L., Y. Liao, G. Cao, and R.S. Cooper, Self-reported Health Status and Mortality in a Multiethnic US Cohort // American Journal of Epidemiology. 149 (1). 1999. P. 41–46.
9. Palosuo H. Health-related lifestyles and Alienation in Moscow and Helsinki // Social Science & Medicine. Volume 51. Issue 9. P. 1325–1341.
10. Rutstein D.D., Berenberg W., Chalmers T.C., et al. Measuring the Quality of Medical Care. A Clinical Method. New Engl J Med, 1976.

V. A. Kozlov, St. Petersburg
A. V. Nemirovskaya, St. Petersburg

SELF-REPORTED HEALTH IN THE EASTERN SIBERIA AND THE FAR EAST OF RUSSIA

The paper presents the results of the research of self-reported health status among the population of the East Siberia and the Far East of Russia. The research employed the analysis of different indicators of health status of regional population in the East, also in comparison with the population of the rest of Russia. The comparative analysis is based on a number of objective and subjective indicators of health, such as life expectancy, death rates from different causes, respondents' self-evaluation of the quality of own health, self-evaluation of the satisfaction with own health, self-reported health problems, the assessment of the quality of medical care in the region of residence. It was found that with lower rates of demographic development and higher mortality, self-declared level of confidence in the health and medical system in the regions of Siberia and the Far East is higher, in comparison with the rest of the country.

Key words: health of the population of a region, self-reported health, healthy lifestyle, Eastern Siberia, The Far East.

УДК 316.343 – 058.13(571.1/5)

Е. Б. Мостовая, Новосибирск

СРЕДНИЙ СЛОЙ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

В статье представлены результаты применения типовой методики социокультурного портретирования (ИФ РАН) в сибирских условиях в 2010–2014 гг. Анализируются характеристики среднего слоя и отдельных групп в составе населения, выявляются доминирующие факторы социальной дифференциации.

Ключевые слова: социальная дифференциация и социальное неравенство, социальный статус, средний класс.

*Социально-экономическое самочувствие, система ценностей,
материальное положение среднего слоя в Новосибирской области (НСО)*

Выделение среднего слоя в составе населения сибирских областей выполнено в соответствии с методикой, разработанной Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН, на основе трёх характеристик: социальной самоидентификации, самооценках материального положения и образовательного статуса населения.

Сравнительные данные относятся к 2010 кризисному году. Кризис, как известно, обернулся ухудшением материального положения респондентов и, в частности, изменением их занятости в экономике. Видимо, поэтому изменились и характеристики самоидентификации: к среднему слою в составе населения РФ отнесли себя только 36% опрошенных, в регионе – 49%, в населенном пункте – 48%, что существенно расходится с данными 2006 г. для РФ, по которым 54% респондентов идентифицировали себя со средним слоем¹. Однако, не исключено, что более низкие показатели самоидентификации со средним слоем у новосибирцев отображали более низкий уровень их материального благосостояния сравнительно с соседями – тюменцами, омичами, кемеровчанами, чьи более высокие доходы определяются занятостью в высокооплачиваемых отраслях топливно-энергетического, углеперерабатывающего и нефтехимического комплексов РФ.

Данное обстоятельство проявилось и в том, что при выделении среднего слоя в составе новосибирских респондентов на базе типовой методики его удельный вес оказался равным только 14,5% (против 22% в РФ).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики среднего слоя (%)

	Россия 2006 г.		Новосибирская область 2010–2013 гг.		Молодые респонденты, 2014 г.
	Средний слой	Весь массив опрошенных	Средний слой	Весь массив опрошенных	
<i>Пол</i>					
Мужской	48	45	35	47	48
Женский	52	55	65	53	52
<i>Возраст</i>					
До 34	45	33	40	28	100
35–54	45	37	48	42	–
Старше 55	10	30	12	30	–
<i>Образование</i>					
Среднее специальное	40	31	43	28	–
Незаконченное высшее	16	8	5	3	100
Высшее + ученая степень	43	22	52	24	–

¹ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia, 2009. С. 753.

	Россия 2006 г.		Новосибирская область 2010–2013 гг.		Молодые респонденты, 2014 г.
	Средний слой	Весь массив опрошенных	Средний слой	Весь массив опрошенных	
<i>Тип поселения</i>					
Город	76	72	100	100	100
Село	24	28	–	–	–
<i>Материальное положение</i>					
Богатые			–	3	10
Зажиточные			29	10	34
Обеспеченные			71	24	33
Необеспеченные			–	22	11
Бедные			–	29	7
Нищие			–	11	5

В составе среднего слоя НСО женщины составили основную массу 65%, т.е. доминировали, хотя доля женщин среди всех опрошенных в Новосибирской области немного ниже, чем в РФ в 2006 г. (53% против 55% в РФ). Новосибирские респонденты были немного старше: доля молодежи до 34 лет – чуть больше одной четверти, тогда как в составе россиян, опрошенных в 2006 г., их 33%. Видимо поэтому и уровень образования, характеризующий качество культурного капитала респондентов, у новосибирских респондентов оказался выше и заметно выше у среднего слоя: доля респондентов, имеющих высшее образование и учёную степень, у них составила 53% (в РФ в 2006 г. таких респондентов 43% в среднем слое и 22% среди всех опрошенных).

В 2010 г. были опрошены фактически только горожане. 82% респондентов проживали в самом мегаполисе, ещё 15,8% в старейшем сибирском городе Бердске, который территориально примыкает к Академгородку, и является фактически городом-спутником Новосибирска. Посёлок Кольцово расположен на территории, находящейся между двумя районами мегаполиса (Заельцовским и Советским), застроен многоэтажными домами, в которых проживают сотрудники НПО «Вектор» – предприятия федерального значения. Меньше одного процента респондентов проживали в г. Искитиме, находящемся в 1,5-часовой транспортной доступности от центра мегаполиса.

42% респондентов являлись местными уроженцами, при этом в среднем слое местные уроженцы составляли большинство (53%). 55% респондентов – старожилы (живут в населённом пункте больше 25 лет), и только 8% новоселы, четверть опрошенных живут в данном населённом пункте 16–25 лет. В среднем слое доля старожилов заметно меньше (их 46%).

Своё здоровье только 28% респондентов оценивает как нормальное, часто болеющие и инвалиды составляют пятую часть, 40% болеют временами. На этом фоне состояние здоровья среднего слоя заметно лучше: часто болеющих и инвалидов только 10%, и в 1,5 раза выше удельный вес не жалующихся на здоровье.

Возможно, более оптимистичная самооценка уровня здоровья средним слоем определяется не объективным состоянием, а в целом более позитивным настроением представителей этой группы: на трудности, связанные с медицинским обслуживанием, средний слой жалуется заметно чаще остального населения. При этом уровень загрязнённости воды и воздуха средний слой в своих ответах занижает.

Интегральные оценки сравнительного качества жизни в регионе расходятся ещё заметнее. Число недовольных качеством жизни у среднего слоя в 2,5 раза ниже (6%), чем у остального населения (15%), а число довольных, наоборот, заметно выше (60% против 51%).

Выше у среднего слоя также уровень уверенности в будущем. В ближайшем будущем «вполне уверены и скорее уверены, чем нет» 72% представителей среднего слоя и только 52% остальных респондентов. Оптимистов в отношении пятилетних перспектив в составе среднего слоя также больше (48 против 29%) и заметно меньше доля затруднившихся с ответом (30 против 45%). В отношении отдаленного будущего уровень оптимизма хотя и снижается у среднего слоя до 27%, но остаётся более высоким, чем у остального населения (16%). Доля неуверенных увеличивается менее заметно (до 27%), чем у остального населения (до 31%).

В итоге удовлетворённость своей жизнью в целом у среднего слоя в НСО почти в 1,5 раза выше, а неудовлетворенность вдвое ниже, чем у остального населения. При этом затруднились с оценкой и отказались от оценки 30% всех опрошенных, 25% представителей среднего слоя и 32% остальных новосибирцев.

Личная ответственность за качество жизни новосибирскими респондентами осознается и доминирует: 80% считают, что улучшение их жизни зависит от них самих. Среди представителей среднего слоя таких ответов ещё больше – 90%. Вторым по значимости фактором, обеспечивающим улучшение качества жизни, новосибирцы называют зависимость от близких родственников. Такую зависимость отмечают 72% респондентов. В среднем слоя удельный вес отмечающих такую зависимость меньше (63%), но выше и доля неопределённых позиций (20% против 13). Не вполне ясно, чем вызвано данное расхождение оценок: или средний слой действительно меньше зависит от близких родственников, или – хуже остальных осознает такую зависимость, или имеет иное (специфическое) представление о зависимости. Третий фактор улучшения качества жизни для новосибирцев – общероссийская власть: почти 60% респондентов всех категорий отметили такую зависимость.

Ранговый порядок значимости факторов улучшения качества жизни нарушается только у представителей среднего слоя, для которого зависимость от начальства (1) оказывается заметно более высокой, чем для всех опрошенных и для остального населения; (2) на один процентный пункт превышает зависимость от российских властей и (3) является третьей по значимости, а не пятой как для всех новосибирцев зависимостью. Иными словами, средний слой и население в целом имеют разные представления об источниках улучшения качества текущей жизни.

Возможно, эти различия связаны с неодинаковыми укоренённостью и благосостоянием представителей среднего слоя и остального населения (среди последнего гораздо больше территориальных и профессиональных мигрантов). Лучше укоренённый и обеспеченный средний слой выше оценивает личные усилия, но сильнее страдает от бюрократических решений непосредственного начальства. Остальное – менее укоренённое и обеспеченное население – выше оценивает роль близких родственников, друзей и земляков. По-видимому, для укоренения важнее отношения, характерные для традиционного общества – родственные, земляческие, дружеские, а для повышения благосостояния – личные усилия и взаимоотношения с начальством.

Эти заключения имеют пока что самый предварительный характер. Возможно, уровень благосостояния и степень укоренённости среднего слоя и остального населения различаются по другим достаточно очевидным причинам: по причине, например, различий в уровне образования (см. табл. 1). Высокий уровень образования позволяет среднему слою не только дольше сохранять за собой рабочие места, но и быстрее находить новую работу, переобучаться и приобретать новые компетенции.

Основная масса опрошенных – это «операторы на линии», работники, не имеющие подчиненных. И хотя в среднем слое доля этой категории работников ниже (63% против 75%), а доля управленцев в 2,18 раза выше (37 против 17%), общую картину различий между слоями задает, скорее всего, не различный управленческий ранг, а иные факторы (материальная обеспеченность, уровень образования и т.п.).

Характеристика различий между средним слоем и остальным населением существенно дополняется сравнением семейного положения респондентов этих групп. Семейные респонденты во всем массиве опрошенных занимают 51%, в среднем слое доля семейных гораздо выше и составляет 61%, тогда как доля семейных среди остальных респондентов немного меньше половины (48,5%). Побывавших в браке и разведенных – 11% во всем массиве, в среднем слое и в остальном населении. Совпадает и удельный вес холостых-незамужних – 19; 17; 18% соответственно. Заметно большее число овдовевших в составе остального населения (19,2 против 1% в среднем слое) может быть связано с возрастом респондентов, но данный факт требует более внимательного изучения.

Возможно, именно несходство семейного положения среднего слоя и остального населения объясняет неодинаковую распространенность чувства одиночества и заброшенности в этих подгруппах: доля чувствующих себя одинокими и заброшенными в среднем слое вдвое ниже, чем у остальных респондентов (8% против 16), при этом 52% среднего слоя защищены от этого чувства, а в составе остального населения защищенных гораздо меньше половины – 42%.

Основная масса (62%) опрошенных идентифицирует себя в качестве «необеспеченных» (22%), «бедных» (29%) и «нищих» (11%). Средний слой, в соответствии с требованиями типовой методики, на 71% состоит из обеспеченных (тех, кому «в основном хватает доходов, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг») и на 29% из зажиточных (тех, кому «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи»). Интересно, что 3% богатых респондентов, т.е. тех, кто «практически ни в чём себе не отказывает», а также 34% считающих себя обеспеченными и зажиточными ни по уровню образования, ни по характеру самоидентификации в средний слой не вошли. Досуг среднего слоя богаче по форме и регулярнее, а досуг остального населения – беднее по форме и гораздо менее регулярен. Едва ли это связано с материальной необеспеченностью населения. Дело, думается, в другом. Заметное несходство ценностных ориентиров – главная причина различий в досуговом поведении среднего слоя и остального населения.

Безусловное предпочтение оказывается всеми респондентами ценности жизни и заботе о детях. Но уже третий по величине балл получают у среднего класса и остального населения разные ценности: для среднего класса – это семейные и дружеские отношения, т.е. социальная ценность (по А. Маслоу), а для остального населения – забота о здоровье – индивидуальная ценность. Если исходить из того, что рыночная экономика поощряет и развивает склонность населения к изменениям и риску (в том числе к риску здоровьем и трудоспособностью), а нерыночная – склонность к гарантиям и стабильности, то оказывается, что новосибирские респонденты в своем большинстве (50%) предпочитают гарантии, т.е., в сущности, отрицают рыночные ценности. Средний слой по этому параметру не особенно отличается от населения в целом: ориентацию на гарантии выбрали 45% его представителей. Однако таких, чьи ценностные ориентации определяются интересами, выходящими за рамки трудовой активности (это те, кто предпочитает «иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу», а также воздержавшиеся от ответа и ответившие «не знаю») в составе среднего слоя всего 10%. Это в 2,5 раза меньше, чем во всем массиве опрошенных (см. табл. 2). Заметно выше у среднего слоя ориентация на трудовые и предпринимательские риски (45% сравнительно с остальными респондентами 23%), и ориентация на предпринимательство (у среднего слоя она выше в 3,5 раза).

Таблица 2

Особенности трудовых ориентаций среднего слоя и молодёжи² в составе населения НСО

Вопрос: Какую из предложенных характеристик работы Вы бы выбрали на сегодняшний день?

	Средний слой	Молодые респонденты	Весь массив опрошенных
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	36	38	41
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	9	2	9
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	2	5	10
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	21	29	15
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	24	26	10
Не знаю, не ответил	8	–	15

Несмотря на кризис в экономике средний слой сохраняет в НСО лучшее социальное самочувствие в сравнении с остальным населением, ему свойственна большая удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем, в том числе и ближайшего года (см. табл. 3).

Таблица 3

Социальные настроения среднего слоя (НСО)

Показатели социального настроения	Средний слой	Молодые респонденты, 2014	Весь массив опрошенных
Удовлетворенность жизнью			
- удовлетворен	64	77	50
- не удовлетворен	11	12	17
- не знаю, отказ от ответа	25	11	33
Индекс удовлетворённости жизнью	0,53	0,66	0,33
Уверенность в будущем			
- уверен	72	52	66
- не могу сказать точно	15	32	32
- не уверен	13	16	12
Индекс уверенности в будущем	0,59	0,36	0,44
Ожидания от жизни в будущем году			
- будем жить лучше	35	48	34
- будем жить лучше	27	24	38
- ничего не изменится	5	5	6
- будем жить хуже	33	23	22
- не знаю, отказ от ответа	0,30	0,43	0,28
Индекс ожиданий			
Индекс социального самочувствия	0,44	0,49	0,35

² В 2014 г. был выполнен опрос молодёжи мегаполиса, которая по критериям типовой методики целиком вошла в средний слой и по показателям самоидентификации, и по уровню образования и по материальному положению. Однако ориентированность на рыночные ценности оказалась у молодёжи значительно более высокой (см. табл. 2), а социальное самочувствие – более комфортным (см. табл. 3). Поиск источников выявленных различий привёл к анализу социального происхождения респондентов, т.е. к новой операционализации социального статуса данной социальной группы. Детальное обоснование такой операционализации выходит, к сожалению, за рамки заявленной темы.

Средний слой в Омской, Тюменской, Новосибирской областях и Красноярском крае

Только к 2012 г. стала возможной проверка обоснованности гипотез об источниках низкой самоидентификации Новосибирских респондентов со средним слоем в 2010 г. С одной стороны, уже к 2011 г. уровень ВВП РФ превысил докризисное значение, тогда как в НСО в 2010 г. валовый региональный продукт, составлял 423,9 млрд. рублей и докризисного значения (460,1 млрд. рублей) всё же не достиг, хотя и увеличился почти в 2,5 раза по сравнению с 2009 г. и почти шестикратно с 2000 г. Иными словами, к 2010 г. экономическая ситуация в регионе улучшилась и поэтому едва ли источником более низкого уровня самоидентификации Новосибирских респондентов со средним слоем стало ухудшение материального положения респондентов в послекризисной ситуации.

Таблица 4

Самооценка социального статуса в поселении, регионе,
России респондентами Сибирских областей в 2010 г.
Вопрос: «К какому социальному слою Вы относите себя в своём городе (селе)?»

	Омская область	Тюменская область	Новосибирская область	Красноярский край
<i>В поселении:</i>				
Высший слой	4	5	2	1
Слой выше среднего	16	9	12	6
Средний слой	58	63	48	62
Слой ниже среднего	18	19	30	25
Нижний слой	4	5	8	6
<i>В своём регионе:</i>				
Высший слой	1	2	1	1
Слой выше среднего	9	10	9	5
Средний слой	52	55	49	47
Слой ниже среднего	30	25	31	38
Нижний слой	8	8	11	9
<i>В масштабе всей страны:</i>				
Высший слой	1	3	1	---
Слой выше среднего	6	8	7	2
Средний слой	40	52	36	35
Слой ниже среднего	36	26	40	40
Нижний слой	18	11	16	23

С другой стороны, когда к концу 2012 г. стали доступными данные опросов, выполненных в 2010 г. в Омской, Тюменской областях и Красноярском крае, для межрегиональных сравнений, выяснилось, что в более «богатых» областях, а точнее, в областях, где в отраслевой структуре шире представлены нефтехимические, топливно-энергетические и металлургические отрасли, определяющие в настоящее время благосостояние населения страны, самоидентификация респондентов со средним слоем оказалась заметно выше, чем в Новосибирской области (см. табл. 4): в Омской области и Красноярском крае идентифицировали себя со средним слоем половина респондентов, в Тюменской – 57%, а в Новосибирской – только 44%.

Однако самооценка материальной обеспеченности совпала с самоидентификацией со средним слоем только в Красноярском крае, где половина опрошенных отнесли себя к обеспеченным 36% и зажиточным (14%). В Омской области суммарная доля обеспеченных (33%) и зажиточных (21%) оказалась выше среднего значения самоидентифицирующих себя со средним слоем в 1,08 раза, а в Тюменской и Новосибирской, наоборот – в 1,12 и 1,3 раза ниже. По-видимому, у красноярцев фактор материальной обеспеченности имеет более важное значение для социальной самоидентификации, а в других областях этот фактор разделяет значимость с культурным капиталом (уровень образования респондентов разных сибирских областей расходится при этом достаточно заметно: 31% красноярских респондентов имеют высшее и послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.) образование, что почти в полтора раза больше, чем в Омской, Тюменской и Новосибирской областях, а доля респонден-

тов без образования, с начальным и незаконченным средним образованием в Красноярском крае и Новосибирской области ровно вдвое превышает долю таких респондентов в Омской и Тюменской областях.

Иными словами, по-видимому, в Омской и Тюменской областях, а также в Красноярском крае культурный капитал, обеспечиваемый начальным или средним специальным и незаконченным высшим образованием идентифицируется респондентами в качестве атрибута среднего слоя, а в Новосибирской области такое образование трактуется как атрибут низкостатусности.

С учётом вышеизложенного фактическое совпадение уровней самоидентификации со средним слоем в разных областях (+7, -6%) в дальнейшем потребовало более детального сопоставления социально-демографических, ценностных и иных характеристик респондентов, опрошенных в 2010 г. в разных сибирских областях. При этом выяснилось, что:

- омичи и красноярцы детальнее и охотнее раскрыли специфику собственных трудовых биографий, и, в частности, как более пожилые люди, сумели ответить на вопрос о том, где они сами трудились 22 года назад (в 1990 г.) и почему сменили или сохранили тогдашнее место работы;

- тюменцы же (более молодые респонденты) охотнее охарактеризовали трудовые биографии своих родителей и не стали отвечать на вопрос о причинах смены работы;

- состояние здоровья омских и красноярских респондентов оказалось хуже, чем тюменских, а оценки состояния окружающей среды у первых – более оптимистичными;

- трудовые мотивации и ценностные ориентации красноярцев и омичей оказались более консервативными, более ориентированными на гарантии, а не на риски;

- предложения в отношении направлений улучшения качества жизни у тюменцев касались, прежде всего, качества и количества рабочих мест, а у красноярцев и омичей – охраны здоровья и условий рекреации.

Иными словами, выяснилось, что в основе выявленных несходств лежат скорее не социальные, а демографические характеристики опрошенных.

Несомненно, данный вывод нуждается в дополнительном обосновании.

Подчеркнём, в заключение, что использование стратообразующих признаков, предложенных в типовой методике, а именно объёма властных полномочий, характеристик материального положения и данных об уровне образования населения позволило выявить для населения сибирских областей:

- малозначимость образованности (или культурного капитала населения) в качестве основания социальной стратификации;

- доминантность материального положения как основания стратификации;

- резервную роль властных полномочий для сохранения и улучшения материального положения;

- несовпадение завышенных представлений населения о достигнутом социальном статусе с реальным статусом;

- различную наполненность этажей социальной пирамиды в региональном ракурсе.

E. B. Mostovaya, Novosibirsk

MIDDLE CLASS WITHIN THE POPULATION OF SIBERIA

The paper represents the results of the employment of Standard Tool for Socio-Cultural Portraiture (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences) in Siberia in 2010-2014. Characteristics of middle class and various groups of population are analyzed, and the dominant factors of social differentiation are outlined.

Key words: social differentiation and inequality, social status, middle class.

УДК 331.5: 332.1

Ю. М. Пасовец, Курск

РОЛЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ КАЧЕСТВА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00426а)

На основе представлений о структуре занятости как индикаторе стадий и фаз модернизации, ведущей роли знаний для улучшения качества экономики в рамках вторичной модернизации раскрывается специфика структуры занятого населения Курского региона по уровню образования и использования работниками в трудовой деятельности компетенций, соответствующих современному уровню развития техники и технологии.

Ключевые слова: трудовой потенциал, модернизация, качество экономики, регион.

В современных условиях трудовые ресурсы выступают ключевым источником социально-экономического развития, осуществления модернизационных преобразований в экономике, поэтому зачастую они определяются как трудовой потенциал. В то же время именно на региональном уровне проявляется специфика трудовых ресурсов, связанная с исторически сложившейся структурой занятости населения в определенных отраслях экономики в результате специализации региональной экономики, системой образовательного-профессионального подготовки кадров, существующей в регионе, степени эффективности использования труда работников и их личностного потенциала и др.

В русле экономического подхода в структуре социально-экономического потенциала такого российского региона, как Курская область, региональные исследователи выделяют производственно-экономический потенциал, инвестиционный потенциал, инновационный потенциал, трудовой (человеческий) потенциал, потенциал производственной инфраструктуры, потенциал рыночной инфраструктуры, налоговый потенциал, потенциал развития социальной инфраструктуры, экспортно-импортный потенциал. Трудовой (человеческий) потенциал региона характеризуется ими на основании уровня урбанизации, производственной специализации городов и поселков городского типа, физического воспроизводства населения, числа занятых в экономике [5, с. 26–76].

С точки зрения других российских исследователей региональной экономики экономический потенциал региона включает следующие основные компоненты: эколого-экономический потенциал, производственный потенциал, инновационно-образовательный потенциал и трудовой (кадровый) потенциал. При этом кадровый потенциал понимается как совокупность способностей и возможностей кадров обеспечить эффективное функционирование социальной системы. В его состав входят численность персонала, профессионально-квалификационная структура кадров, половозрастной состав, укомплектованность персонала, индивидуальные личностные характеристики. Именно трудовой (кадровый) потенциал региона определяется как один из ключевых ресурсов социально-экономического развития территории [2, с. 13–14].

С позиции социологического подхода социокультурное пространство региона, по мнению Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой, представлено такими ключевыми областями, как антропо-культурная сфера, институционально-регулятивная сфера и социально-экономическая сфера. Каждая из определяемых сфер региона как социокультурного пространства характеризуется своими направлениями и параметрами внутри них. В рамках социально-экономической сферы региона проявляются уровень и качество жизни населения, специфика трудовой мотивации и экономической активности населения, социальная стратификация и мобильность [4, с. 12].

Тем самым трудовой потенциал в совокупности его характеристик выступает неотъемлемой частью экономики, социально-экономической сферы региона и обуславливает ее качественный уровень.

В концепции модернизации, выдвинутой учеными Китайского центра исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) под руководством Чуаньци Хэ, качество экономики, его индекс становится одним из основных показателей уровня и фазы модернизации. При этом исследователи обосновывают необходимость осуществления для развивающихся стран интегрированной модернизации как стратегии координации и одновременного осуществления первичной и вторичной модернизаций, где первичная модернизация предполагает индустриализацию и урбанизацию, вторичная – информатизацию, сопряженную с интенсификацией знаний [6, с. 108].

Согласно методике расчета индикаторов и индексов модернизации, предложенной китайскими исследователями и адаптированной и модифицированной в соответствии с особенностями российской статистики Н.И. Лапиным, базовыми показателями стадий и фаз модернизации выступают три группы индикаторов: экономические, социальные и когнитивные (знания). Среди экономических индикаторов показателем, непосредственно связанным с трудовыми ресурсами, выступает доля лиц, занятых в определенной отрасли (сфере) экономики. Так, для первичной модернизации, с характерной для нее деагрикультуризацией, ключевым экономическим индикатором является доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых (в процентах). Для вторичной модернизации таким показателем, определяющим наряду с другими индикаторами индекс качества экономики, становится доля лиц, занятых в материальной сфере (сельском хозяйстве и промышленности) в общей занятости (в процентах). Эти показатели имеют обратный характер. Для интегрированной модернизации одним из индикаторов, из которых складывается экономический индекс, выступает доля занятых в сфере услуг (в процентах от числа всех занятых) [6, с. 59–66; см. 3]. При этом, как отмечают китайские исследователи, результаты анализа структур промышленности и занятости могут не соответствовать общему уровню модернизации, возможно, вследствие статистических или специфических для страны различий [6, с. 63]. Это, в свою очередь, подчеркивает специфику роли трудовых ресурсов в формировании качества экономики и необходимость особого внимания к ее анализу.

Показательно, что сам термин «качество экономики» используется исследователями применительно к характеристике вторичной модернизации, когда знания используются для улучшения качества экономики [6, с. 64].

Как показывают данные государственной статистики, в Курской области на протяжении 2000-х гг. численность занятых в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства сократилась практически на треть: с 152,0 тыс. человек в 2000 г. до 103,2 тыс. человек к 2012 г. [9, с. 106–107; 11, с. 104–105; 12, с. 94–95].

Оценивая соответствующие индикаторы и индексы стадий модернизации Курского региона за 2000-2010 гг., необходимо отметить ряд значимых моментов. За этот период для первичной модернизации индекс доли лиц, занятых в сельском хозяйстве, по отношению к общему числу занятых достиг максимального значения и соответствует фазе расцвета, однако даже в 2010 г. сама доля составила 17,8% [1], что не отвечает критериям фазы, переходной к вторичной модернизации (менее 10%). Значимый для вторичной модернизации индекс доли занятых в материальной сфере имеет невысокие значения, и эта доля в общей занятости достигла подготовительной фазы только к середине 2000-х гг. (45,2%), на которой и находилась до 2010 г. – 40% [1]. Соответственно оказывается невысоким и индекс занятости в сфере услуг, имеющий определяющее значение для интегрированной модернизации [1]. Сохранение существенной доли занятых в сельском хозяйстве и промышленности обусловлено агропромышленной направленностью экономики Курской области и подтверждает особую взаимосвязь между структурой занятости и модернизационными процессами, о чем говорят ки-

тайские исследователи относительно различий между странами, и применительно к Курской области проявляется на региональном уровне.

Вместе с тем, учитывая эту особенность, возникает потребность в определении роли знаний в трудовой деятельности населения и соответственно в экономике региона, что выступает ключевым признаком качества экономики и имеет приоритетное значение для характеристики вторичной модернизации, как отмечалось выше. В этом плане, на наш взгляд, следует, прежде всего, обратить внимание на особенности профессионально-квалификационной структуры занятого населения региона и использование работниками в своей трудовой деятельности компетенций, соответствующих современному уровню развития техники и технологий.

Как видно из табл. 1, в течение 2000-х гг. в структуре занятого населения Курской области по уровню образования произошли существенные изменения, связанные со значительным увеличением доли работников с высшим профессиональным образованием (в 1,7 раза) и начальным профессиональным образованием (в 2,5 раза), сохранением достаточно высокой доли занятых, имеющих среднее профессиональное образование (на уровне четвертой части от общей численности занятых в регионе), сокращением доли работников со средним полным (общим), основным общим образованием и без него. В целом к 2012 г. подавляющее большинство (78,2%) занятых курян имели профессиональное образование. Эти тенденции, выделенные на основе статистических данных, свидетельствуют о достаточно высоком уровне формальных показателей роли уровня образования и квалификации и соответственно знаний в экономике региона. Необходимо отметить, что сходная ситуация наблюдается в масштабах России в целом (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав занятого населения по уровню образования
(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в процентах к итогу)

Занятые – всего	в том числе имеют образование							
	после- вузовское	высшее проф.*	неполное высшее проф.	среднее проф.	начальное проф.	среднее полное (общее)	основное общее	не имеют основного общего
Россия								
2000	х	21,3	3,2	31,0	10,2	23,1	8,8	2,4
2005	х	24,3	1,9	25,6	18,5	22,6	6,5	0,7
2010	0,2	28,7	х	27,1	19,7	20,0	4,0	0,3
2011	0,2	29,3	х	26,9	19,5	19,7	3,9	0,3
2012	х	30,4	х	26,2	19,5	19,9	3,7	0,3
Курская область								
2000	х	17,5	1,8	27,1	9,9	27,2	9,6	6,9
2005	х	20,6	1,6	23,9	21,9	24,0	6,8	1,4
2010	0,1	26,9	х	26,7	21,3	21,1	3,5	0,4
2011	0,2	26,6	х	24,8	23,8	20,4	4,0	0,3
2012	х	28,9	х	24,6	24,7	17,6	3,9	0,2

* Включая лиц, имеющих послевузовское образование (для 2012 г.)

Источник: Регионы России: стат. сб.: в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. С. 90; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 127; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 108; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 122; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 112

С содержательной стороны охарактеризовать роль знаний в трудовой деятельности занятого населения Курского региона позволяют результаты опроса населения по проблемам экономической адаптации населения, проведенного нами в 2012 г. на территории Курской области по репрезентативной выборке (N=500 человек).

По данным опроса жителей Курской области (см. табл. 2), большинство занятого населения применяют в своей трудовой деятельности навыки работы на компьютере постоянно (52,1% от числа работающих респондентов) или редко (15,2%). Число тех работников, которые не используют эти навыки, сравнительно мало (5,7%).

На втором месте по степени распространенности среди занятого населения области находятся навыки работы с оргтехникой (сканером, принтером и другим офисным оборудованием), которые используют в своем труде постоянно более трети занятого населения (35,4%), редко – 17,0%, а не использует каждый десятый работник (11,3%).

Близкая ситуация складывается в отношении применения в трудовой деятельности навыков работы с Интернетом, электронной почтой и другими современными электронными средствами коммуникации: их постоянно используют в работе менее трети работников (29,9%), редко – 19,1%, не используют 10,3% респондентов.

Обращает на себя внимание тот факт, что у значительной части занятого населения Курской области, по их мнению, работа не предполагает каких-либо из перечисленных современных инструментальных навыков: у 40,7% это касается навыков работы с Интернетом, электронной почтой и др., у 36,3% – работы с оргтехникой, у 27,0% – работы на компьютере. Однако среди этой категории работников подавляющее большинство лиц с профессиональным образованием, что делает необходимым повышение эффективности использования квалификационно-образовательного ресурса трудового потенциала населения.

Таблица 2

Использование курянами ряда знаний и навыков в своей работе
(в процентах от числа опрошенных)

	Навыки работы на компьютере	Знания иностр. языка	Навыки работы с Интернетом, электронной почтой и др.	Навыки работы с оргтехникой (сканером, принтером и др.)	Новые технологии и идеи
Постоянно используете в своей работе эти знания и навыки	40,4	3,8	23,2	27,4	17,8
Редко используете в своей работе эти знания и навыки	11,8	12,0	14,8	13,2	18,6
Не используете в своей работе эти знания и навыки	4,4	5,4	8,0	8,8	38,8
Работа не предполагает этих знаний и навыков	21,0	56,4	31,6	28,2	2,4
Не имеют работы			22,4		

Между тем наименее востребованными в работе курян оказываются знания иностранного языка, только у 27,4% занятого населения региона работа предполагает использование этих знаний в той или иной мере. Из их числа тех, кто постоянно актуализирует свои знания иностранного языка, насчитывается 4,9%, редко – 15,5%; не используют эти знания, хотя работа каким-либо образом связана с этой компетенцией, 7,0% работающих респондентов.

Следует отметить, что свою специфику имеет практика использования в трудовой деятельности занятым населением региона новых технологий и идей (см. табл. 2). Только около пятой части работников (22,9%) применяют в своей работе эти знания постоянно, 24,0% от числа занятых – редко, и половина работающего населения не использует никаких инноваций в своем труде. При этом лишь 3,1% работников заявили, что их работа не связана с какими-либо новшествами. Тем самым можно отметить высокую степень поляризованности моделей поведения занятых в отношении использования в работе новых технологий и идей. Одной из причин такой ситуации, на наш взгляд, выступает распространенность среди рос-

сиян и курян в том числе готовности к потреблению, а не генерации инноваций, и в основном в бытовой сфере: более массовым становится приобретение и использование современной и недорогой мелкой бытовой техники, техники для отдыха и развлечения и др., что было раскрыто нами ранее [7].

Таким образом, достаточно высокий уровень квалификационного-образовательного ресурса занятого населения Курской области, освоение большинством из них компетенций, необходимых для осуществления технологичного труда, выступают необходимыми условиями для формирования качества экономики, соответствующего вторичной модернизации, однако для достижения этого уровня требуется преодоление ряда факторов, в том числе и субъективного характера (создание условий для эффективного использования трудового потенциала региона, формирование необходимой мотивации труда и др.).

Список литературы

1. ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г. URL: mod.vscs.ac.ru.
2. Ковалевский В.В., Сергутина Т.Э., Якушкина Т.А. Региональная экономика: ресурсный подход в управлении. Брянск: РИО БГИТА, 2012.
3. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. 2012. №9. С. 4–24.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.
5. Михайлов А.Н., Зубарев А.С., Емельянов С.Г., Борисоглебская Л.Н. Формирование стратегических приоритетов региона на основе сценариев развития в долгосрочной перспективе. М.: ВШ, 2008.
6. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Госунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.
7. Пасовец Ю.М. Потребление в контексте модернизации российского общества // Социальные вызовы модернизации регионов России: материалы II Тюменского социологического форума / под ред. М.М. Акулич, Г.С. Корепанова, В.А. Юдашкина: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. С. 158–162.
8. Регионы России: стат. сб.: в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013.

Yu. M. Pasovets, Kursk

THE LABOUR RESOURCES' ROLE FOR FORMATION OF REGIONAL ECONOMY'S QUALITY

The specifics of education level employment's structure and the modern competences using in the work of Kursk region population is described on the basis of ideas about the employment's structure as indicator of modernization stages and phases, the key role of knowledge for economy's quality improvement in the secondary modernization.

Key words: labour potential, modernization, economy's quality, region.

УДК 330.16

К. А. Петухов, Пермь

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

(Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г., проект №929, рук. Е.Б. Плотникова)

В работе анализируются практики социальной ответственности крупного российского бизнеса, а также один из механизмов равноправного, транспарантного и конструктивного диалога с заинтересованными сторонами – взаимодействия компаний и стейкхолдеров в социальных сетях. Развитие сетевых коммуникации компаний рассматривается как один из важных факторов перехода общества в целом в информационную эру. Материалы исследования, полученные с использованием метода контент-анализа и техники построения облака тегов позволили установить основные темы и особенности взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в наиболее популярных социальных сетях: Вконтакте, Facebook и Twitter.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социальные сети, модернизация.

Становление практик корпоративной социальной ответственности стало одной из важнейших тенденций развития крупного отечественного бизнеса за последние четверть века. Феномен корпоративной социальной ответственности (КСО) с интересом исследуется представителями сразу нескольких научных дисциплин (экономики, политологии, социологии). Этот интерес обусловлен трансформацией роли экономических субъектов в жизни общества, их усиливающимся влиянии на социальные, политические процессы и окружающую среду.

Развитие практик социально ответственного поведения компаний в России осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, расширяется круг заинтересованных сторон, которым компании оказывают поддержку. В настоящее время отечественные компании все чаще проявляют интерес к деятельности поставщиков, к потребностям местных сообществ, муниципальных органов власти, учреждений культуры, здравоохранения и образования. Во-вторых, сама деятельность в сфере КСО становится все более разнообразной. В-третьих, российские компании начали активно внедрять в свою деятельность принципы открытости и публичности при взаимодействии и урегулировании разногласий с заинтересованными сторонами. Эта особенность позволяет говорить о переходе практик социальной ответственности российского бизнеса на качественно иной уровень. Реализация публичного, равноправного и конструктивного диалога с заинтересованными сторонами может рассматриваться, как стремление воплотить в жизнь принципы корпоративного гражданства. Эта концепция подразумевает не только осуществление социально ответственных решений, но и особую процедуру их выработки – достижение консенсуса с представителями заинтересованных сторон.

Процессы активизации взаимодействия компаний в социальных сетях с заинтересованными сторонами может рассматриваться как качественный индикатор развития модернизационных процессов в российском обществе в целом. Изучением процессов перехода российских регионов к новому типу социально-экономических отношений – информационному обществу – активно проводятся под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой уже более десяти лет [1]. За это время накоплен обширный эмпирический материал, полученный в ходе социологических исследований, а также сбора и анализа статистических данных. Расчеты индексов модернизации, выполненные в соответствии с адаптированной к российским реалиям методикой проф. Хэ Чуаньци, позволили оценить состояние процессов модернизации, определить их стадии и перспективы в России [3]. Тем не менее важно характеризовать не

только количественные параметры складывающегося информационного общества (второй стадии модернизации), но и описать содержательную сторону данного явления.

В этой связи, основной целью данной работы являлось описание и классификация практик взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в социальных сетях. Достижение данной цели осуществлялось в рамках решения следующих задач: анализа существующих подходов и механизмов измерения активности компаний и представителей заинтересованных сторон в социальных сетях, описания социальных характеристик посетителей страниц компаний в социальных сетях, контент-анализа содержания страниц компаний в социальных сетях, определения соответствия информации, размещенной компаниями в социальных сетях нормативным положениям концепции Д. Ингенгофа [5]. Объектом исследования выступили 250 крупнейших российских компаний, рейтинг которых ежегодно составляет журнал «Эксперт» [4]. Анализ крупнейших российских компаний обусловлен тем, что деятельность в сфере корпоративной социальной ответственности стала неотъемлемой чертой крупного бизнеса, а средние и малые компании делают лишь первые шаги в этом направлении. В качестве предмета исследования были определены подходы компаний к взаимодействию с заинтересованными сторонами в социальных сетях Вконтакте, Facebook и Twitter. Перечисленные социальные сети являются лидерами в своих сегментах сети. Вконтакте – наиболее популярная социальная сеть в России [2]. Facebook является мировым лидером, а Twitter повсеместно используется для оперативного информирования аудитории о текущих событиях.

Анализ собранной информации показал, что в среднем лишь каждая четвертая (28,6%) крупная российская компания вовлечена в диалог с заинтересованными сторонами в социальных сетях. При этом наиболее популярной социальной сетью оказался Facebook (34,9%), значительно реже компании размещают свои страницы в Вконтакте (20,9%). Это различие можно объяснить тем, что присутствие в этих социальных сетях, преследует разные задачи, стоящие перед компаниями. Вконтакте рассматривается, прежде всего, как способ взаимодействия с массовым российским потребителем, а присутствие в Facebook в большей мере обеспечивает поддержку репутации компании в глазах всемирной аудитории. Направление деятельности компаний оказывает решающее воздействие на степень их участия в социальных сетях. Наибольшее внимание к ним демонстрируют компании сектора b2c (предоставляющие товары и услуги для конечного частного потребителя). К ним, в первую очередь, относятся банки, страховые компании, предприятия, оказывающие услуги связи, средства массовой информации, а также розничные сети. Компании сектора b2b (оказание услуг и производство товаров для бизнеса и промышленности) значительно реже используют социальные сети для коммуникации с заинтересованными сторонами.

По количеству подписчиков страницы компаний в социальных сетях значительно отличаются друг от друга. Среднее количество подписчиков на страницы компаний в Вконтакте составляет 107551 чел. При этом у половины компаний, присутствующих в данной социальной сети количество подписчиков составляет меньше 20696 чел. Распределение признака является экспоненциальным. Среднее количество подписчиков на страницы компаний в социальной сети Facebook больше, чем в Вконтакте, почти в 3 раза и составляет 274797 чел., однако медиана признака меньше примерно в четыре раза – 4450 чел. Этот факт указывает на больший разброс числа подписчиков Facebook у крупнейших российских компаний. По поводу количества подписчиков страниц компаний в социальной сети Twitter можно отметить, что характеристики центральной тенденции этого показателя свидетельствуют о меньшем его разнообразии (среднее арифметическое числа подписчиков составило 10102 чел., а медиана 4853 чел.). Такое положение объясняется спецификой использования данной социальной сети – стремлением к быстрому информированию подписчиков о важных и интересных событиях в деятельности компаний. Отраслевые различия в распределении количества подписчиков страниц компаний в социальных сетях, вероятно, объясняются популярностью у потребителей тех или иных товаров и услуг. Машиностроительные компании, среди которых

значительно количество автопроизводителей, оказались в числе лидеров по привлечению аудитории социальных сетей на свои страницы (медиана числа подписчиков составляет 32195 чел.). За ними с небольшим отрывом следуют предприятия торговли и телекоммуникаций, которые привлекают людей большим ассортиментом товаров и услуг, а также гибкой ценовой политикой (цены, специальные предложения, скидки и прочее обновляются на страницах довольно часто). Число подписчиков страниц добывающих компаний, предприятий химической промышленности и строительства напротив, невелико (медиана составляет менее 1000 чел.).

Расчет коэффициента вовлеченности подписчиков показал, что наибольшее внимание к деятельности крупнейших российских компаний проявляют пользователи социальной сети Facebook (0,459) и в Вконтакте (0,35). Пользователи Twitter значительно реже реагируют на сообщения компаний (0,174). Компаниям металлургии и строительной сферы лучше всего удастся вовлечь подписчиков своих страниц в обсуждения (отправку комментариев) и распространение (пересылку другим пользователям) публикуемой информации (коэффициент вовлеченности составил по социальной сети Вконтакте составил 1,475 для металлургических и 1,097 для строительных компаний). Значения показателя, превышающие единицу указывают на то, что количество комментариев, ссылок и отметок «понравилось» превышает общее число подписчиков на страницу. Такие показатели вовлеченности вероятно свидетельствуют о том, что многими подписчиками являются сотрудники компаний, активно использующих площадку социальной сети для неформального общения и обсуждения текущих событий на своем предприятии. Это указывает на то, что социальные сети становятся эффективным и востребованным механизмом коммуникации не только со стороны самих компаний, но и со стороны одной из важнейших групп стейкхолдеров – сотрудников компаний. Транспортным компаниям также удастся обеспечить вовлечение пользователей социальных сетей в обсуждение и распространение информации (для Вконтакте коэффициент вовлеченности составил 0,441, для Facebook – 0,495, в Titter 0,485). В данном случае основную долю подписчиков составляют потребители услуг, которые реагируют на выгодные ценовые предложения, акции и розыгрыши. Также особое внимание также следует обратить на сравнительно высокий уровень вовлеченности пользователей Twitter в обсуждение информации публикуемой компаниями, занятых добычей полезных ископаемых (0,615). Эти данные отражают значительное внимание общественности к сообщениям официального пресс-секретаря концерна Газпром, который предпочитает публиковать их именно в Twitter. Компании других секторов в значительно меньшей степени смогли обеспечить вовлечение подписчиков социальных сетей в обсуждение и распространение информации.

По уровню отзывчивости на комментарии и вопросы пользователей социальных сетей в лидерах оказались компании сектора b2c. Банки, страховые компании, розничные сети, телекоммуникационные корпорации стремятся продемонстрировать свое внимание к потребителям, готовность помочь в решении возникающих вопросов. Особенно велико их внимание к запросам в социальной сети Facebook, что отчасти подтверждает ранее высказанное предположение о том, что эта сеть в большей мере рассматривается компаниями как важнейший репутационный ресурс, «лицо» компании в мире современных способов коммуникации.

Согласно данным исследования 78,2% аудитории страниц крупнейших российских компаний в социальных сетях составляют русскоговорящие пользователи. Наибольшее число русскоязычных пользователей социальных сетей привлекают банки, страховые компании, телекоммуникационные компании, строительные и машиностроительные предприятия (более 80%). Транспортные предприятия (авиаперевозчики и российские железные дороги) взаимодействуют с более разнообразной аудиторией (доля русскоязычных пользователей составляет менее 70%). Возрастные различия среди пользователей социальных сетей менее выражены. Средний возраст подписчиков страниц компаний в социальных сетях составляет 27,4 лет. Таким образом, аудиторию социальных сетей по большей части составляет моло-

дежь. Самыми молодыми являются подписчики страниц компаний пищевой промышленности и общественного питания.

В заключении следует обратить внимание на значительные различия в степени использования крупнейшими российскими компаниями современных информационных и коммуникационных технологий для взаимодействия с заинтересованными сторонами. Это свидетельствует о том, что достоинства и преимущества социальных сетей пока не были оценены бизнес-сообществом. Возможность реализации прямого, публичного и равноправного диалога с потребителями, сотрудниками, представителями общественных организаций воспринимается в большей мере как угроза. В связи с этим большинство российских компаний реализуют свои благотворительные, социальные и экологические программы либо вовсе не ориентируясь на мнения и предложения заинтересованных сторон, либо взаимодействуя с ними более традиционными и менее прозрачными способами. Таким образом можно сделать вывод о том, что процессы развития корпоративной социальной ответственности в России пока не обеспечили осознания бизнес-сообществом обязательств, которые постулируются в рамках концепции корпоративного гражданства. Важнейшим стимулом развития современных коммуникационных практик между компаниями и заинтересованными сторонами в рамках КСО может стать лишь формирование зрелого гражданского общества. В этой связи важно активизировать усилия государства по поддержке всех форм гражданского участия, вовлечения населения в процессы выработки и принятия решений, затрагивающих его интересы как в области государственного и муниципального управления, так и в сфере корпоративного менеджмента.

Список литературы

1. Информационная система «Модернизация» [Электронный ресурс]. URL: <http://mod.vscs.ac.ru>.
2. Исследование аудитории Интернета компании TNS-group. URL: http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2014%20&set_filter=Показать&set_filter=Y.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.
4. Рейтинг крупнейших российских компаний URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/2013/part02/p05/>.
5. Ingenhoff D. Assessing corporate citizenship communication among 30 German Stock Index companies, in paper presented at the international agenda setting conference. 2004. September.

К. А. Петухов, Пермь

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS A FACTOR OF REGIONS MODERNIZATION IN RUSSIA

The paper examines the practice of social responsibility of Russian large business, as well one of the mechanisms for equitable, transparent and constructive dialogue with stakeholders – interaction between companies and stakeholders in social networks. Development of network communications of companies is regarded as one of the important factors of transition society to the information age. Study materials obtained using the method of content analysis and tag cloud techniques allow to establish the main themes and features of the interaction of companies with the stakeholders in the most popular social networks: Vkontakte, Facebook and Twitter.

Key words: corporate social responsibility, social networks, modernization.

УДК 316.334.52 (470.312)

А. В. Слобожанин, Тула

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассматривается динамика основных статистических показателей Тульской области. Особое внимание уделено показателям, характеризующим переходом области на постиндустриальный уровень.

Ключевые слова: Тульская область, статистика, модернизация, постиндустриальность.

Динамика социально-экономических показателей, сама по себе, еще ничего не может сказать о социальном благополучии региона, так как статистические данные характеризуются большой подвижностью с одной стороны и разноплановым характером – с другой. В ежегоднике «Регионы России» [1] читатель найдет массу статистических данных, в нашей статье будут рассмотрены значения лишь тех показателей, которые используются в одной из современных китайских моделей модернизации, разработанной группой исследования модернизации Китая (Китайский центр исследования модернизации Китайской академии наук) под руководством профессора Хэ Чуаньци. Данный подход был адаптирован для применения к анализу процессов модернизации в Российской Федерации Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель – Н.И. Лапин).

Нам кажется перспективным применение инструментария, используемого учеными Китайского центра исследования модернизации. Это обусловлено рядом факторов, обуславливающих сходство положения России и Китая:

1. «Догоняющем» характере модернизационных процессов в прошлом;
2. Территориальной близостью;
3. Сильной дифференцированностью регионов в данных странах;
4. Переход в 90-е гг. от планово-командной экономики к рыночной.

Согласно ей социокультурное благополучие является неотъемлемой частью «вторичной модернизации» и в дальнейшем мы будем использовать лишь последний термин.

В некоторых наших предыдущих работах указанная модель была реализована полностью [2] (за период с 2000 по 2010 г.). И казалось бы целесообразно продолжить ее использование для последующих годов. Но здесь мы столкнулись с непреодолимыми трудностями двух видов:

Отсутствие стандартных значений для определения индексов (последний раз они устанавливались на 2008 г., а в последствии пролонгировались до 2010 г.).

Отсутствие в статистических сборниках значений отдельных параметров по региону;

Хотя, данные проблемы затрудняют использование модели «первичной» и «вторичной» модернизованности как качественно разных типов социокультурного благополучия населения, но не делают это невозможным.

Мы предлагаем рассмотреть как изменились показатели модернизованности и благополучия региона за последние два года (хотя читатели получают информацию и за весь четырнадцатилетний период), но предварительно раскроем содержание необходимых нам категорий и показателей.

Первичная модернизация характеризует переход от традиционной аграрной цивилизации к индустриальному обществу. Характеристики общества, изменяющиеся в результате этого процесса многоплановы. Наиболее важные из них: появление индустриальной экономики, урбанизация, провозглашение всеобщности среднего образования, демократизация государственного управления, секуляризация, абсолютизация экономических приоритетов. В

используемой нами методике о степени законченности первичной модернизации судят по трем базовым индексам: экономическом, социальном и индексе знаний.

Вторичная модернизация представляет собой переход к новому типу общества – постиндустриальному. Не отрицая положительных изменений накопленных за предыдущий период, данная стадия развития предполагает отказ от жесткой урбанизации и экономизма. Ее основные черты – это экономика знаний, глобализм, всеобщее высшее образование, приоритет качества жизни и среды над экономическими факторами.

В методике Хэ Чуаньци вторичная модернизация характеризуется следующими индексами: инноваций в знаниях, трансляций знаний, качества жизни, качества экономики. Говоря о модернизации в Тульской области ниже, мы рассмотрим, из каких конкретных субиндексов складываются показатели модернизации.

Фундаментом социокультурного благополучия населения является первичная модернизированность. В ее оценке учитываются 10 индикаторов, которые характеризуют три области жизни индустриального общества:

1. Экономическую (Валовой региональный продукт на душу населения, доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых, доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП).

2. Социальную (Процент городского населения, число врачей на 10 000 человек, уровень младенческой смертности на 1000 человек и ожидаемую продолжительность жизни).

3. Уровень знаний (Уровень грамотности населения и доля студентов среди молодежи 18–22 лет).

Данная ступень модернизации была практически завершена в области к 2010 г. Рассмотрение показателей за 2011–2012 гг., входящих в индексы первичной модернизированности существенно не изменились.

Среди негативных факторов, мешающих достижению предельного показателя 100 (на 2010 г. – он был 96), отметим следующие:

1. Низкое значение индекса валового регионального продукта.

2. Низкий индекс ожидаемой продолжительности жизни. Этот показатель стремительно рос в период 2000–2010 гг., в дальнейшем рост замедлился и стал составлять несколько месяцев за год.

Положительно, что доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП растет и уже перешагнула порог в 50%. Следовательно, мы наблюдаем начало перехода к постиндустриальной экономике.

Социальные показатели первичной модернизации мало изменились с 2010 г. Горожане составляют абсолютное большинство среди жителей Тульского региона, хотя их количество медленно начало снижаться к 2010 г. К сожалению, число врачей на 1000 человек населения в области немного снизилось, но осталось в рамках 100 баллов. Возможно, деятельность медицинского института ТулГУ и развитие системы здравоохранения области вернут показатели к докризисным значениям. Уровень детской смертности в области низкий и продолжает снижаться, а ожидаемая продолжительность жизни существенно выросла.

Большой интерес вызывает вторичная модернизация области, так как именно это направление отражает представление о социокультурном благополучии большинства европейских стран, в том числе и России.

Необходимо учитывать, что вторичная модернизация не может успешно развиваться без завершения первичной, т. е. без значительного повышения качества рабочих мест, улучшения благосостояния и здоровья населения, обеспечивающего рост продолжительности жизни. Об этом мы писали выше.

Оценка вторичной модернизации относится к информационному обществу, основанному на знаниях. Она включает в себя процесс формирования наукоемкого общества, информатизацию развитие сферы услуг, сетевое взаимодействие, распространение цифровых

технологий, глобализацию, готовность к инновациям, индивидуализацию, экологизацию (процесс и связанные с ним действия по разработке экологических законов), озеленение, снижение доли материального производства, дематериализацию, деиндустриализацию, установление равновесия между урбанизированной и аграрной сферами, обучение на протяжении жизни и общедоступное высшее образование.

На данном этапе авторы адаптированного варианта методики учитывают 16 индикаторов, характеризующих четыре области жизни информационного общества: инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни, качество экономики.

Сам индекс ВМ медленно рос, но не доходил на момент 2010 г. пока даже до 65 рангов при общероссийском показателе 72. Не очень высокие темпы вторичной модернизации объясняются низкими показателями качества экономики и небольшой долей инноваций в знаниях. Причем, если качество экономики медленно, но неуклонно росло (на 7 пунктов за первое десятилетие), то инновации в знаниях в условиях финансово-экономического кризиса существенно сократились. Стабильное снижение доли затрат на НИОКР в ВРП привело к существенному уменьшению числа ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР. Крупнейшим предприятием, реализующим совмещение разработок и производства является на данный момент только «Конструкторское Бюро Приборостроения». В области нет ярко выраженных инновационных предприятий гражданской сферы.

Индекс инноваций в знаниях остается по-прежнему низким, это обуславливается снижением количества патентных заявок и доли затрат на НИОКР в ВРП, количество исследователей снижается незначительно.

Индекс трансляции знаний растет, так как количество персональных компьютеров становится больше. Причем статистические данные не учитывают, что в настоящее время роль персональных компьютеров могут выполнять и другие устройства. Составляющие индекса качества жизни меняются не сильно. Беспокоит увеличение уровня младенческой смертности в 2012 г., снижения числа врачей на число жителей региона. Это обуславливается общей тенденцией уменьшения числа малоэффективных медицинских учреждений.

Индекс знания рассчитать не представляется возможным, но его значение низким быть не может ввиду высокой грамотности населения и наличием большого количества вузов (учитывая филиалы).

Подводя итог нашего исследования, отметим существенные успехи, достигнутые в области увеличения социокультурного благополучия Тульского региона за последнее время.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.
2. Слобожанин А.В. Особенность первичной и вторичной модернизации Тульской области в 2000–2011 годах // Вестник МГИМО. 2013. №3. С. 185–190.

A. V. Slobozhanin, Tula

DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS AS A FACTOR OF SOCIAL AND CULTURAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF THE TULA REGION

This article examines the dynamics of the main statistical indicators of Tula region. Special attention is paid to indicators of the transition region in the post-industrial level.

Key words: Tula region, statistics, modernization, postindustrials.

Круглый стол №3

**Информационная модернизация
как фактор эффективного использования
человеческого потенциала регионов**

УДК 004: 002(470.45)

Ю. А. Дроздова, Волгоград

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается регион как символическое пространство, изменяющееся в условиях информационной модернизации. В статье представлены результаты авторского полевого исследования в рамках реализации гранта РГНФ 13 – 13 – 34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ», позволившие выявить презентационный потенциал символического пространства Волгоградской области и направления его развития при интегрирующей роли современных масс-медиа.

Ключевые слова: символическое пространство, коммуникация, информационная модернизация.

Регион, региональное сообщество можно рассмотреть как коммуникативное пространство, которое определяется нами как сфера распространения социальных форм организации общественной жизнедеятельности, функционирования социальных отношений в рамках региональной общности. В этой сфере осуществляется циркуляция информации, раскрывающей и определяющей в рамках данной социальной структуры региональные символы, воспринимаемые участниками социального диалога.

Дискурсивная теория (Р. Фаулер [7], Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен [6], М.Л. Макаров [5]) позволяет рассмотреть символическое пространство региона как текст и результат деятельности людей, функционирующих в определенной социальной ситуации. При этом символическое пространство рассматривается нами как определенная система региональной коммуникации, позволяющая в процессе социального взаимодействия выстраивать презентационные отношения, основанные на возникновении общих смыслов, интерпретаций, дискурсов, которые отражают, как унаследованный и разделяемый опыт реальности повседневности [3], структурирующий и нормирующий образы, социальные практики, традиции и ценности, так и вновь конструируемые региональными акторами (власть, СМИ, население), определяющие степень конгруэнтности символических систем в регионе.

В условиях информационной модернизации масс-медиа с помощью системы символов конструируют реальность, при этом удвоенная реальность создается СМИ с помощью дискурсивно заданной информации в процессе управления социальным пространством акторами власти и определяется их позицией [4, с. 103]. Именно эти субъекты социального управления определяют и формируют культурные смыслы в процессе информационной модернизации.

СМИ играют ключевую роль в протекании социальных процессов внутри региональной системы. Так, 76,5% респондентов считают роль СМИ «важной» и «очень важной» для регионального развития. Степень доверия СМИ, освещающим проблемы Волгоградского региона, участники опроса оценили следующим образом: 46,6% опрошенного населения «скорее доверяет СМИ, чем нет», и 4,3 доверяет полностью, но, с другой стороны, суммарный процент респондентов, выбравшим позицию «скорее не доверяю, чем доверяю», «совсем не доверяю», «затрудняюсь ответить» (49%) позволяет констатировать неоднозначное отношение к СМИ со стороны регионального сообщества.

Информационная модернизация российских регионов позволяет выявить следующую тенденцию: все большее значение по сравнению с традиционными СМИ получает Интернет. Согласно данным авторского опроса, Интернет считает важным и основным источником информации 48,4% опрошенных, еще 20,6% получают информацию на различных форумах и блогах в социальных сетях. Следовательно, Интернет можно рассматривать как важный канал конструирования символического пространства региона. Даже старшая возрастная груп-

па экспертов (старше 60 лет) в полуформализованных интервью отмечала, популярность таких электронных СМИ, как ИА Высота 102, V1.ru, сайт Правительства Волгоградской области, Volgograd.ru, Volzsky.ru и др.

Региональные масс-медиа, в том числе, и Интернет как инновационная территория, воспроизводящая и конструирующая символическое пространство, выделяют историко-культурный контекст позиционирования региона, который представляет Волгоградский регион как социальную систему, слабовосприимчивую к инновациям и затрудняющую процессы модернизации. Так, по мнению, 31,5% респондентов в позиционировании региона не хватает устремленности в будущее, а также «ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4% опрошенных), что находит отражение в символическом пространстве, но при этом, безусловно, 85,5% респондентов справедливо полагают, что Сталинградская битва должна оставаться неотъемлемой частью символического пространства Волгоградского региона.

Региональные символы являются универсальными средствами коммуникации внутри региональной общности. Кроме того, символ является эмоциональным материализованным носителем идеи, единства, целостности, обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий. Интегральным показателем является символы, которые выбрали респонденты (табл. 1).

Таблица 1

Символы Волгоградской области

Великие русские реки: Волга и Дон	64,6%
Символы Великой отечественной войны (Родина-мать, Сталинградская битва, Мамаев Курган, Солдатское поле, Дом Павлова)	92,9%
Церкви и монастыри (Усть-Медведицкий, Спасо-Преображенский монастырь и др.)	13,5%
Волжская ГЭС	23,1%
Заводы «Красный Октябрь», Тракторный завод, «Баррикады»	14,0%
Волго-Донской судоходный канал	3,5%
Памятники природы (Волго-Ахтубинская пойма, пойменные леса Хопра, Дона др.)	17,8%
Геоактивные, аномальные зоны (Медведицкая гряда, Синяя гора, Чертово логово)	2,1%
Олимпийские чемпионы	8,2%
Современные памятники	0,4%
Другое	0,7%
Затрудняюсь ответить	0,8%

Для нашего региона Сталинградская битва – это не простая апелляция к определенным датам, это исторический опыт жителей нашего региона, который кристаллизуется в памяти. Жители нашего региона имеют региональную мифологию с героями и подвигами, историческими деяниями, символическое пространство, обусловленной памятью о Великой Победе на Волге, ставшее сакральным. В обычных условиях, или, используя определение Э. Гидденса, при «рутинных» [2], повседневных практиках символическое пространство проявляется в выстраивании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона, формирует образ не только героического, но и трагического региона. Теракты в Волгограде, унесшие десятки жизней в 2013 г., вызвали не только боль и волну сочувствия, но и понимание того, что война остается в нашем регионе и его пространстве и как когнитивный и экспрессивный, и как конативный символ, трагического и мужественного региона [7, р. 163–170]. «Сталинград. Возвращение», – как описывались в СМИ события 2013 г. [1, с. 21], сделали вновь востребованным и наполнили новыми смыслами сакральное пространство региона. Фонтан «Детский хоровод» на Привокзальной площади Волгограда, когда-то разрушенный во время массированных бомбардировок 1942 г., ставший одним из символов Сталинградской битвы, восстановленный летом 2013 г. как символ современного мирного региона, реанимировал трагический смысл пространства на новом уровне символизации.

По мнению экспертов, сохраняя историческую основу, необходимо на современных образах, событиях формировать символы региона. Так, по мнению экспертов: «Родина-мать,

однозначно, главный символ. Сталинградская битва, Волга и Дон, конечно. Волго-Донской канал, команда «Ротор». И без олимпийских чемпионов тоже никуда»; «...воинственный образ Родины-матери, он повлиял на то, что начало происходит в городе. Город стал заваливаться. Нельзя, чтобы над городом довлело что-то воинственное»; «это образ некого музея на открытом воздухе».

Респонденты в возрасте «от 18 до 24 лет» в качестве символа региона называли «танцующий мост» через Волгу, который связан с негативной информацией о проблемах в строительстве данного современного объекта в регионе. Полученные данные позволяют выявить негативную идентификацию «представителей групп – визави, определившихся локально (через объем и место в социальном пространстве» [3, с. 286], что позволяет выявить наметившийся дуализм в восприятии символического пространства региона молодежью, являющийся показателем диалектической природы символического пространства. Об этом свидетельствуют и фотоработы молодежи, представленные на фотовыставке «Имидж Волгоградской области глазами молодежи», которая была также проведена в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 в Волгоградском филиале «Российской академии народного хозяйства и государственной службы»: из 311 работ молодых фотохудожников из Волгограда и Волгоградской области, Москвы, Саратова большинство работ (97) представлены в номинации «Природа Волги и Дона», только две работы участников фотовыставки были посвящены непосредственно Мамаеву Кургану и Родине-матери.

Символическое пространство региона может быть опосредовано образами людей, населяющих и преобразующих данную территорию – жителей нашей области (А. Пахмутова, М. Агашина, А. Филиппов, В.С. Хользунов и т.д.). Как показало проведенное исследование, региональное население из известных людей региона называет, личностей, внесших решающий вклад в победу в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне. Из современных личностей респонденты назвали олимпийских чемпионов: Елену Исинбаеву (47,1% респондентов) и Евгения Плющенко (22,2%) и (табл. 2).

Таблица 2

Исторические и современные личности, символизирующие регион

Иосиф Сталин	36,8%
Георгий Жуков	37,7%
Саша Филиппов	9,6%
Михаил Паникаха	18,0%
Рубен Руис Ибаррури	1,9%
Маргарита Агашина	11,5%
Александра Пахмутова	32,3%
Юрий Окунев	0,5%
Николай Рыбников	1,8%
Евгений Плющенко	22,2%
Елена Исинбаева	47,1%
Татьяна Лебедева	4,6%
Затрудняюсь ответить	8,8%
Ваш вариант ответа	1,2%

Региональные символы способны объединить различные показатели, характеризующие регион. Основным принципом коммуникации, конструирующей символическое пространство региона, является рационализация событий, фактов, явлений как дискурсивных повседневных практик. Рационализация может быть основана на следующих социальных действиях:

1. Рутинизация (сведение ситуации к простым непротиворечивым логическим схемам, которые не нуждаются в особых интерпретациях, или интерпретация осуществляется по от-

лаженной формуле, например, «Волгоград – город-памятник» или «Волгоградский регион – молодой регион»).

2. Идеализация и стереотипизация (подведение региональной ситуации и ее участников под идеальные типы, стереотипы: «Волгоградцы – гостеприимные, толерантные люди»).

3. Символизация и ритуализация, что происходит во время проведения региональных и городских праздников, при создании общезначимых символов региона.

Важным индикатором символического пространства региона является топонимика. Так, регион выиграл бы, если бы части улиц региона вернули, дореволюционные названия (Александровская площадь, Сурская, Скульптурная улицы). Во многих регионах начался сложный процесс восстановления исторических названий, который воспринимается как важный шаг на пути восстановления культурных традиций. В Волгоградском регионе в перестроечные годы даже возникло движение за возврат названия Сталинград, а не Царицын. Это очень сложный и во многом политический вопрос. Процесс «провинциального возрождения» не может быть радикальным. Сознание большинства населения отличается консерватизмом и не воспринимает идею возврата к советским названиям. Традиционные названия населенных пунктов, улиц и площадей в большинстве случаев не станут частью «новой региональной идеи». Поэтому путь, избранный региональными лидерами, заключающийся не в переименовании, а создании новых культовых зон отдыха, достопримечательностей, изменяющих символическое пространство и формирующих региональную идентичность по принципу «здесь и сейчас» (Аллея влюбленных, памятник «Ангел города» и т.д.), представляется наиболее приемлемым и способствует консолидации, а не разобщенности и конфликтности регионального сообщества.

Топонимика является важным элементом символического пространства региона. Об этом свидетельствует появление различных имен региона в названиях СМИ и общественно-политических движений, в газетных текстах и телепередачах (Волгоградская земля, Новый город, Царицын – град, Волжский берег). Все это шаги к формированию региональной идентичности, так как происходит включение этих названий в культурно-политический контекст. Искусственность политико-административного выделения регионов компенсируется коммуникативной «естественностью» субъекта Федерации и его границ, в результате «присваивания» символического пространства различными социальными группами.

Таким образом, в Волгоградской области постепенно происходит трансформация социокультурного, символического ландшафта. Информационная модернизация предполагает процесс создания и распространения материалов СМИ, формирования символического пространства от имени и для населения представителями институтов власти, осуществляющих управленческое воздействие на СМИ.

Символизация регионального пространства, на наш взгляд, также является управленческим процессом. Соответствующие структуры при органах государственного и муниципального управления Волгоградской области должны через СМИ формировать новый динамичный имидж региона. Для этого в качестве символов необходимо брать современные события, факты, явления, интересные и волнующие жителей региона, способные выстраивать региональные самоидентификации через интерпретацию региона как текста.

Список литературы

1. Ахмедова М. Сталинград. Возвращение. Как город герой на Волге снова оказался на передовой // Русский репортер. №1–2 (329–330). 16–23 янв. 2014 г. С. 21–28.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. 528 с.
3. Кардамонов О.А. Социология символа. М.: Academia, 2004. 352 с.
4. Кириллова Н. Медиасреда российской модернизации. М.: Акад. Проект, 2005. 400 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
6. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс – анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

7. Parsons T. Action, Symbols, and Cybernetic Control, in Rossi, I. Structural Sociology. N.Y.: Columbia University Press, 1982.

8. Fraser N. The uses and abuses of French Discursive Theories for Feminist Politics // Theory, Culture and Society, 1992, vol. 9.

Ju. A. Drozdova, Volgograd

**SYMBOLIC SPACE THROUGH THE PRISM
OF INFORMATIONAL MODERNIZATION OF THE REGION
(VOLGOGRAD REGION AS AN EXAMPLE)**

The article considers the region as a symbolic space, varying in an information modernization. The article presents the results of the author's field research in the framework of the RHSF grant 13-13 34009 «The image of the region as a communicative strategy of the government and the media», which revealed the potential presentation of the symbolic space of the Volgograd region and the direction of its development in the integrative role of mass-media.

Key words: symbolic space, communication, information modernization.

УДК 004.738.5: 330.341.42

И. А. Кох, Екатеринбург

РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

В статье рассматриваются становление и роль интернет-технологий в оказании социальных услуг населению. Интернет-технологии рассматриваются в качестве нового элемента социальной инфраструктуры, которые могут революционным образом изменить сферу услуг, повысить комфортность жизни населения, особенно в селах, поселках и малых городах. В статье использованы результаты социологических исследований, проведенных автором.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, интернет-технологии, услуги, бытовое обслуживание, социальная сфера.

Экономические реформы в стране привели к глубоким социальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Одним из следствий структурных преобразований региональной экономики была передача всех объектов социальной инфраструктуры в собственность муниципальных образований. Передача ведомственных, как правило, с сильно изношенным фондом, объектов социально-культурно-бытового назначения преследовали две цели. Во-первых, освободить подлежащие приватизации промышленные предприятия от непрофильной и экономически нецелесообразной деятельности по содержанию ведомственной социальной инфраструктуры, тем самым высвобождая финансовые средства и ресурсы на производственно-инвестиционные задачи. Во-вторых, задача состояла в том, чтобы сохранить профиль социальных объектов, что способны обеспечить органы местного самоуправления, а не организации, учреждения и предприятия.

Муниципализация объектов социальной сферы создало немалые проблемы для местных органов власти. В сложившихся социально-экономических условиях переданные объекты социальной инфраструктуры легли тяжелым экономическим бременем на бюджеты муниципальных образований. Дефицит финансовых средств привел к ухудшению работы объектов социальной сферы, тем более что большинство из них в нынешних условиях относятся к числу нерентабельных. Все это вызвало ухудшение их работы и недовольство населения. В этих условиях важнейшей задачей органов местного самоуправления стало поддержание и развитие социальной инфраструктуры муниципального образования, а также обеспечение ее комплексного и сбалансированного развития.

Социальная инфраструктура любого муниципального образования представляет собой устойчивую совокупность вещественных элементов (объекты бытового, коммунального, медицинского обслуживания), с которыми взаимодействуют социальные субъекты (жители данной территории) и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов жизнедеятельности населения посредством удовлетворения их потребностей в различного рода услугах.

Состояние социальной инфраструктуры выступает важнейшей характеристикой экономического и социального развития муниципального образования, одним из основных показателей эффективности деятельности местной администрации по удовлетворению потребностей населения. Главной целью формирования и развития социальной инфраструктуры является создание местными органами власти комфортных условий для жизнедеятельности местного сообщества: сферы обслуживания, здравоохранения и образования, обеспечение общественного порядка, занятости и социальной защиты населения. Эффективная работа объектов социальной инфраструктуры является необходимым условием социального развития территории. Она касается всех жителей муниципального образования, а не только работников определенных предприятий и производств.

Социальная инфраструктура не является механическим собранием учреждений и объектов материальной базы обслуживания населения. Кроме учреждений службы быта, торговли, транспорта, коммунального обслуживания в социальную инфраструктуру входит и их техническая обеспеченность. Все элементы инфраструктуры могут эффективно функционировать только в комплексе, взаимодействуя и дополняя друг друга. Как правило, ни один из элементов не может быть заменен или функционально компенсирован другим. Так, новая школа или стадион не повлияют на степень удовлетворенности жителей бытовым или жилищно-коммунальным обслуживанием. Таким образом, главным критерием наличия или отсутствия элементов социальной инфраструктуры должно выступать комплексное удовлетворение потребностей населения на основе сбалансированного развития всех необходимых ее объектов.

При изучении деятельности органов местного самоуправления по предоставлению услуг населению необходимо учитывать как мнение жителей, так и выработанные практикой социальные нормативы по удовлетворению потребностей населения. В качестве таких нормативов выступают нормативы развития социальной инфраструктуры поселения или социальные стандарты, утверждаемые органами власти. Они могут быть различными в разных регионах. Несоответствие фактически имеющихся элементов инфраструктуры существующим нормативам и стандартам говорит о противоречиях и несбалансированности, что вызывает необходимость принимать соответствующие решения органами местного самоуправления.

Создание, рациональное развитие и целенаправленное регулирование социальной инфраструктуры, исходя из реальных потребностей населения, диктует необходимость их постоянного изучения и постоянного мониторинга потребностей и спроса населения на услуги. Основными направлениями деятельности органов местного самоуправления являются создание для жителей благоприятных условий жизнедеятельности в области бытового обслуживания, здравоохранения, образования, культуры, обеспечение занятости, социальной защиты и личной безопасности. Также одним из основных направлений деятельности выступает жилищно-коммунальное хозяйство, строительство жилья.

Сфера бытовых услуг остается наиболее слабым компонентом в повышении уровня и качества жизни населения. Услуги занимали и занимают чрезвычайно малую долю в потребительских расходах населения. За годы экономических кризисов здесь многое потеряно. Экономический кризис обусловил свертывание сферы бытовых услуг в еще большей степени, чем материального производства. Резко снизились доходы большей части населения и, соответственно, упал платежеспособный спрос на социально-бытовые услуги. Из-за происходящих изменений политики в жилищной сфере, переориентации соответствующих расходов бюджета на население, из-за удорожания транспортных и других видов услуг пропорции существенно меняются в сторону увеличения доли платных услуг и потребительских расходов.

Ко всем этим проблемам добавились новые: приватизация предприятий торговли, службы быта и других объектов социальной инфраструктуры повсеместно нередко сопровождалось репрофилированием сферы деятельности организаций. Возникал и усиливался дисбаланс в развитии объектов инфраструктуры вследствие рыночных подходов: быстро развивались те учреждения и организации, которые давали быструю прибыль (торговля, досугово-развлекательные комплексы) и мало развивались как неприбыльные социально-значимые объекты – здравоохранение, детские дошкольные учреждения.

В сложившихся условиях революционную роль в развитии могут совершить интернет-технологии, интернет-сети. Уже сегодня с их помощью осуществляются покупка товаров с доставкой на дом, запись в очередь к врачу, на государственные услуги. Уже сейчас врачи проводят консультации пациентов по SKYPE (например, в г. Североуральске), в перспективе – консультации и консилиум врачей, лечение больных с использованием технологий Интернета, что особенно важно для сел, поселков и малых городов. Огромные перспективы для использования интернет-технологий имеются в сфере образования, прежде всего дистанционное образование, общеобразовательные курсы для населения.

Приоритетным направлением по оптимизации развития социальной инфраструктуры является развитие интернет-инфраструктуры через использование интернет-технологий для сокращения затрат времени на бытовое обслуживание. Внедрение интернет-технологий позволит изменить сложившуюся ситуацию и реализовать условия для более комфортного использования социальной инфраструктуры. Развиваются сеть государственных и муниципальных услуг, что способствует своевременному и более полному удовлетворению потребностей населения. Объекты социальной инфраструктуры тоже начинают широко использовать сеть Интернет для своевременного оказания услуг, что приводит к рациональному использованию времени человека и как следствие созданию более комфортных условий жизни населения.

В настоящее время масштабно развиваются сети Интернет (диаграммы 1, 2, 3) во всех регионах. Интернет-инфраструктура является новой и современной сферой деятельности, которая позволяет населению более эффективно использовать услуги социальной сферы. Главное – пользоваться социальными услугами интернет-инфраструктуры позволяет экономить свободное время жителей сел, поселков, малых городов. Интернет-инфраструктура способна обеспечить доступ к тем услугам, которые ранее были для жителей сел, поселков и малых городов недоступны.

Из диаграммы 1 видно, что население города Североуральска (численность населения 44 тысяч человек, опрошено 420 человек) в возрасте от 18 до 45 лет регулярно пользуется услугами через сеть Интернет (около 50%). А вот жители в возрасте от 46 до 60 лет реже пользуются услугами через Интернет (48,1% от числа опрошенных). И большинство жителей в возрасте старше 60 лет не пользуются услугами через сеть Интернет (41,8%). Интересно то, что если сравнивать по показателю регулярного использования, то это 23,6% населения в возрасте старше 60 лет и 19,8% население от 46 до 60 лет.

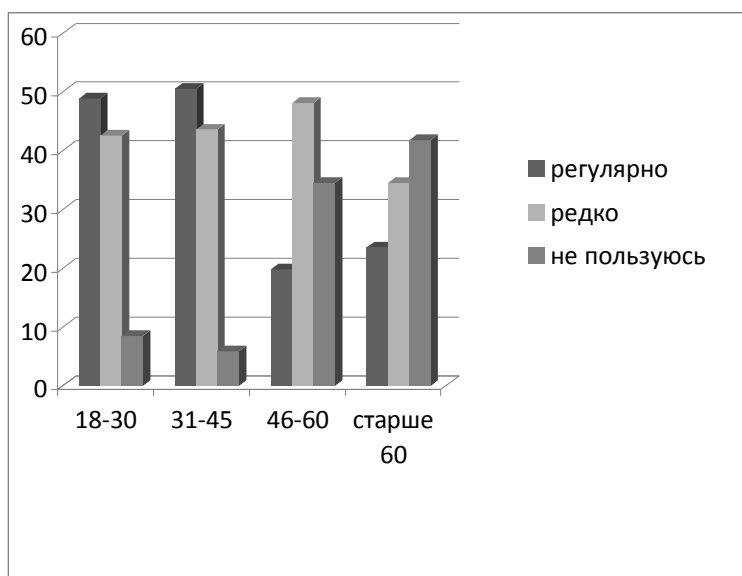

Рис. 1. Частота пользования услугами социальной инфраструктуры в городе Североуральске (в % к числу опрошенных)

Данные диаграммы 2 показывают, что в городе Заречный (численность населения 30,4 тысяч человек, опрошено 425 человек) население реже пользуется услугами через сеть Интернет. Это отмечают 44% населения в возрасте от 18 до 30 лет, 50% население в возрасте от 31 до 46 лет, 36% в возрасте от 46 до 60 лет и 29% население старше 60 лет. Регулярное использование социальных услуг через сеть Интернет отмечают лишь 37% населения молодого возраста. А вот большинство (63%) опрошенных в возрасте 60 лет совершенно не пользуются услугами через сеть Интернет. Можно сделать вывод, что население города Заречный не так уж часто пользуется услугами через сеть Интернет. Это можно объяснить и тем, что

уровень развития объектов социальной инфраструктуры в этом городе выше, чем в двух других исследуемых городах, а также близостью к мегаполису: до Екатеринбурга около 40 км.

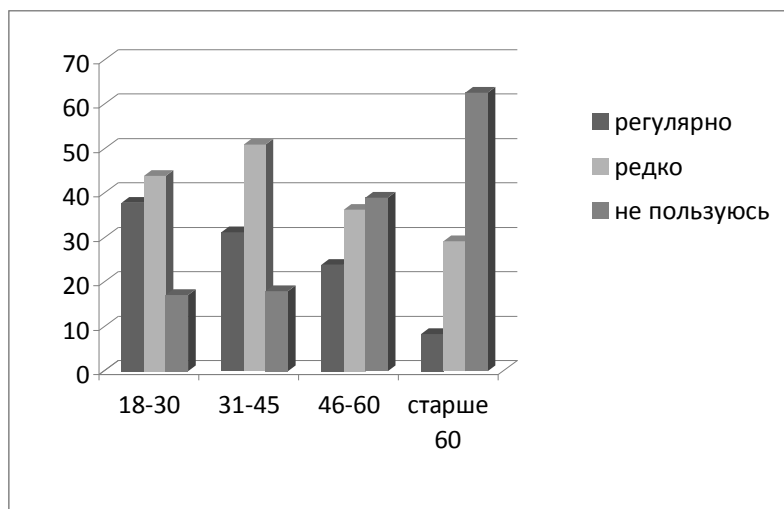

Рис. 2. Частота пользования услугами социальной инфраструктуры в городе Заречный (в % к числу опрошенных)

Наше исследование показало, что пользование услугами через сеть Интернет распространяется все шире, многие жители пользуются такими услугами постоянно. Так, в городе Камышлове (население 26,8 тысяч человек, опрошено 415 человек) население в возрасте от 18 до 30 лет регулярно пользуются услугами, это отмечает 56% опрошенных жителей, реже пользуется 37% населения этого возраста и лишь 7% вообще не пользуются услугами через сеть Интернет. Население в возрасте от 46 до 60 лет редко используют сеть Интернет – 54%, население в возрасте от 60 лет и старше – 65%.

Обратимся к таблице, где отражена степень пользования социальными услугами посредством Интернета.

В области здравоохранения интернет-технологиями в городе Североуральске пользуются 52% опрошенного населения, так как электронные очереди удобны, а вот жители двух других городов отмечают распространённость покупки товаров через сеть Интернет: 39,8% в городе Заречном и 34,9% в городе Камышлове. Примерно одинаковый процент использования услуг в сфере ЖКХ – от 23% до 30%. И реже всего жители малых городов обращаются к услугам быта через Интернет: от 8% до 9,5% от числа опрошенных.

Роль интернет-технологий в оказании социальных услуг населению и соответствующей социальной инфраструктуры возрастает с каждым годом и это закономерно в развитии современного общества. Развитие интернет-инфраструктуры способствует повышению качества услуг, экономит свободное время населения, способствует уменьшению очередей.

Сферы использования сети Интернет

№	Услуги	Ответы в% к числу опрошенных		
		Североуральск	Камышлов	Заречный
1	В области здравоохранения	52,0	28,8	18,1
2	Покупка товаров	35,7	34,9	39,8
3	В области образования	35,1	31,7	16,7
4	В области жилищно-коммунального хозяйства	25,1	30,2	23,1
5	В области культуры	11,6	19,6	15,8
6	Бытовыми услугами	8,2	9,2	9,6

Интернет-инфраструктуры используются для решения многих задач, таких как автоматизация процессов принятия решений, автоматизация управления учреждениями социальной инфраструктуры.

Важной проблемой в управлении социальной инфраструктурой является несбалансированность объектов между собой. Широко разрастается сеть торговых организаций и предприятий, а в то же время слабо или медленно развиваются и не расширяются учреждения здравоохранения и образования. Все это приводит к дисбалансу в развитии объектов социальной инфраструктуры. Интернет-инфраструктура позволяет преодолеть этот дисбаланс, создать технические условия для выравнивания доступа к социальным услугам не только жителей малых и крупных городов, но и сельского населения.

I. A. Koch, Yekaterinburg

THE ROLE AND PLACE OF INTERNET-TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE REGION

The article deals with the formation and role of Internet technologies in the provision of social services to the population. Internet technologies are considered as a new element of the social infrastructure that can revolutionary changes in the sphere of services, increase the comfort of life of the population, especially in the villages, towns and small cities. Used in the article the results of sociological studies conducted by the author.

Key words: social infrastructure, Internet-technologies, services, consumer services, social sphere.

УДК 336.334.52

Л. А. Лебединцева, Санкт-Петербург

**ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

В статье последовательно раскрываются основные факторы, связанные с развитием информационной модернизации региона. На основе существующих статистических данных описаны основные показатели информационной модернизации, влияющие на развитие человеческого потенциала Санкт-Петербурга. Выявлены сильные и слабые стороны модернизационного процесса этого российского региона. Сделан вывод о недостаточном уровне активности инновационной деятельности при наличии социально-экономических условий инновационной деятельности и высоком научно-техническом потенциале.

Ключевые слова: информационная модернизация, инновационная деятельность, человеческий потенциал, Санкт-Петербург.

Решающим фактором модернизации выступают преодоление и замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, ценностями, мотивирующими хозяйствующих субъектов, на инновационную деятельность – разработку, создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений. Рассмотрение модернизации в региональном разрезе проводится на основании двух видов модернизационных процессов: индустриальной (первичной) и информационной, основанной на знаниях (вторичной). Они могут реализовываться как последовательно во времени и тогда будут являть собой последовательные этапы развития, так и одновременно, с наложением друг на друга. В этом случае говорят об интегрированной модернизации [4]. Своей целью мы ставим анализ уровня развития процессов информационной модернизации в Санкт-Петербурге на примере инновационной сферы как возможном результате этих процессов.

Согласно *индексу человеческого развития* среди российских регионов Санкт-Петербург занимает второе, после Москвы, место со значением 0,89. Далее см. табл. 1.

Таблица 1

Индекс человеческого развития в регионах Российской Федерации 2013 г.

Регион	ВВП, ППС	Индекс дохода	Продолж. жизни	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащих-ся, %	Индекс образования	ИЧР	Место в рейтинге
Россия	19674	0,88	68,83	0,73	99,7	0,76	0,92	0,84	
Москва	39226	1,00	73,56	0,81	99,99	0,95	0,98	0,93	1
Санкт-Петербург	24551	0,92	71,49	0,78	99,99	0,91	0,97	0,89	2

Влияние информационной модернизации на развитие человеческого потенциала может рассматриваться посредством анализа существующих инновационных процессов в регионе, уровне их интенсивности, глубине и широте охвата ключевых сфер деятельности.

Реальные процессы, происходящие в Санкт-Петербурге в инновационной сфере отличаются достаточно высокой интенсивностью всех процессов. Здесь уместно упомянуть, что в 2010 г. закончился срок реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия», в следующем году уже началось действие другой – «Информационное общество 2011–2020 гг.», в которых город принимал активное участие. Помимо этого в Санкт-Петербурге действует и своя региональная программа – «Развитие информационного общества в Санкт-Петербурге в 2013–2016 гг.». Каким образом можно проследить результаты действия первой и эффект от начала реализации второй программ?

Мы будем основываться на открытых статистических данных, взятых из разных источников и постараемся представить комплексную картину.

Так, согласно исследованию, проведенному Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» совместно с Институтом статистических исследований и экономики знаний, был составлен рейтинг инновационного развития, который представляет собой результат ранжирования регионов в российском региональном инновационном индексе (РРИИ). Составными частями РРИИ являются четыре субиндекса, которые отражают социально-экономические условия инновационной деятельности (ИСЭУ), научно-технический потенциал (ИНТП), инновационную деятельность (ИИД) и качество инновационной политики (ИКИП). Субиндексы интегрируют конкретные показатели, раскрывающие различные аспекты феномена инновационного развития [6].

По сути, рейтинг инновационного развития субъектов РФ дополняет традиционную статистическую информацию о параметрах образовательной, научной и инновационной деятельности в России в направлении подробного рассмотрения региональных различий в распределении инновационной активности по территории страны.

В результате получена системная оценка уровня инновационного развития Санкт-Петербурга, согласно которой город попадает в группу с наивысшим значением РРИИ. Первый субиндекс *социально-экономических условий инновационной деятельности* отражает потенциал к созданию, адаптации, освоению и реализации инноваций. Санкт-Петербург находится на втором месте после Москвы и имеет 0,710 [6]. Этот показатель включает в себя прежде всего сферу информационно-коммуникационных технологий. В 2012 г. прирост объема информационных услуг в регионе составил 6,8% по отношению к предыдущему году. По уровню цен и насыщенности рынка средства информатизации и информационные услуги стали доступны для всех жителей Санкт-Петербурга. На территории Санкт-Петербурга количество персональных компьютеров (ПК) превысило 3 млн. шт. Плотность ПК – 63,5 единицы на 100 жителей.

На начало 2013 г. опыт работы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» имели 77% взрослого населения Санкт-Петербурга. В регионе работают 109 организаций, обеспечивающих доступ к ресурсам Интернет. Большинство потребителей имеют выбор различных видов услуг в зависимости от скорости доступа, сервиса, качества и цены. По объему услуг предоставления доступа в Интернет Санкт-Петербург занимает второе место после Москвы.

Деятельность телекоммуникационных компаний в Санкт-Петербурге наглядно показывает, насколько интенсивно в северо-западном регионе России развиваются все существующие направления связи, и свидетельствует о том, что Санкт-Петербург (и в целом Российская Федерация) движется в сторону интеграции в единое мировое информационное пространство.

По количеству выпускников по IT-специальностям Санкт-Петербург занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации. Значение отрасли связи и информатизации проявляется в постоянном увеличении ее доли в валовом внутреннем продукте развитых стран мира, которая на сегодняшний день достигает 10–15 % по разным странам, а в валовом региональном продукте Санкт-Петербурга этот показатель оценочно составляет 5,2%.

Информационные технологии являются сегодня основой мирового экономического развития. Если человеческий капитал определять в классических терминах совокупности знаний, навыков и способностей, которыми обладает и пользуется человек в процессе труда и которые влияют на его экономическую продуктивность, то его (человеческого капитала) составляющими в региональном разрезе будут уровень образования, знания и навыки населения в сфере ИКТ как факторы, определяющие динамичность развития информационного общества. При этом в современной российской экономике лишь часть рабочих мест, предназначенных для работников умственного труда (от 65 до 85% в зависимости от социально-профессиональной принадлежности), предполагает использование персонального компьютера, хотя в развитых странах его использование уже давно стало обязательной нормой [2, с. 30–36]. Согласно индексу готовности регионов России к информационному обществу,

проводимому в рамках проекта «Электронная Россия» Институтом развития информационного общества, Санкт-Петербург занимает второе место после Москвы и имеет значение 0,612. Индекс-компонент факторов электронного развития составляет 0,686 (2 место). Этот индекс включает в себя три подындкса: – человеческого капитала (0,960), ИКТ инфраструктуры (0,571), экономической среды (0,526 – 12 место, Москва – 7 место, на первом месте Ненецкий автономный округ, далее Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ). По показателям использования ИКТ для развития у Санкт-Петербурга третье место (0,538) [1].

В этом исследовании важным для нас является содержательное использование информационно-коммуникационных технологий, а также масштабов реализации в регионе таких приложений как электронная коммерция или электронное правительство, которые в большей степени зависят от уровня развития человеческого капитала. С другой стороны, если доступ предприятий к ИКТ существенно определяется экономической ситуацией, то использование ИКТ для развития электронной коммерции в большей степени зависит от уровня образования населения.

По оценке субиндекса *научно-технического потенциала* региона (уровня финансирования и кадрового обеспечения научных исследований и разработок, публикационной и патентной активности, числа созданных передовых производственных технологий, поступлений от экспорта технологий) Санкт-Петербург вошел в первую группу из четырех со значением 0,536 в диапазоне по группе 0,456 – 0,540 (по России в целом – 0,390) [6].

Санкт-Петербург имеет развитый промышленный комплекс и высокую долю научных и образовательных учреждений (показатель доли населения с высшим образованием составляет около 40 % от всего числа жителей города). Анализ статистических данных свидетельствует, что результативность научной и научно-технической деятельности в России вследствие ухудшения характеристик интеллектуального, в том числе кадрового потенциала, находится на довольно низком уровне. Невысокая результативность инновационной деятельности напрямую связана и с более низким уровнем занятости в сфере фундаментальных, прикладных исследований и опытно-конструкторских разработках (НИОКР) и, главное, с низким финансированием этой сферы, которые существовали до последнего времени. Расходы федерального бюджета на науку составили в 2012 г. 2,76%, в процентах к ВВП – 0,56%. Организаций, выполняющих научные исследования и разработки, за последнее десятилетие в России стало меньше почти на 25% [3].

По России численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категории «Исследователи» сократилась за тот же период на 12%, при этом доля докторов наук возросла на 20%, а доля кандидатов наук изменилась незначительно [3]. Тенденция в Петербурге несколько иная: доля докторов наук за шесть лет сократилась на 2,2% с 2007 по 2012 гг., при этом доля кандидатов наук уменьшилась более значительно на 6,1% за тот же период. Данные показатели совпадают в своей тенденции по другим статистическим характеристикам: сокращение доли исследователей произошло за шесть лет на 2,6%, при сокращении общей численности персонала на 5,9%. При этом внутренние затраты на научные исследования и разработки по видам затрат «Оплата труда» выросли более, чем в три раза с 2005 г. [5]. Только в последние два-три года была преодолена длительная тенденция и установлена положительная корреляция между количеством кандидатов и докторов наук и ростом результативности научной и научно-технической деятельности.

По числу выданных патентов на изобретения ситуация за девять лет в регионе изменилась настолько незначительно, что сложно говорить о какой-либо явной тенденции. Несколько иная ситуация сложилась в выдаче патентов на полезные модели: прирост составил 33,4%. Далее см. табл. 2.

Выдача патентов на изобретения и полезные модели, штук

Годы / Выдано патентов	На изобретения	На полезные модели	Итого
2005	1376	696	2072
2007	1334	869	2203
2008	1333	720	2053
2009	1778	970	2748
2010	1324	833	2157
2011	1317	885	2202
2012	1436	1061	2497
2013	1357	1045	2402

Во многом это объясняется тем, что получить патент на полезную модель и легче и дешевле, чем патент на изобретение. Полезная модель является достаточно удобным вариантом охраны разработок для малого и среднего бизнеса. Рейтинг регионов по индексу *инновационной деятельности*, свидетельствующему об интенсивности создания, внедрения и практическом использовании технологических, организационных и маркетинговых инноваций, индекс Петербурга составляет всего 0,380 (10 место), на первом месте находится Пермский край – 0,527 (среднее значение по первой группе 0,398). Созданные (разработанные) передовые производственные технологии увеличились в своем количестве в 3,5 раза с 73 единиц в 2008 г. до 259 в 2012 г., а используемые в инновационных производственных процессах увеличились почти в два раза и составили 6 539. Ситуация в области затрат на технологические инновации за пять лет также представляется весьма позитивной: увеличение более, чем в пять раз за последние пять лет до 49 457,5 млн. руб. [6].

Важным показателем, определяющим как состояние науки, так и изобретательства в современной России, являются показатели инновационной активности реального сектора. Санкт-Петербург имеет одну из самых высоких концентраций интеллектуальных, финансовых и административных ресурсов, и является объективным центром развития инновационной деятельности. Инновационная активность организации характеризует степень ее участия в осуществлении инновационной деятельности в целом или отдельных ее видов в течение определенного периода времени и составляет 18,8% в Санкт-Петербурге (при среднем значении по России 10,3%) [3, 5]. Инновационную активность в регионе можно оценивать и по объему инновационных товаров, работ, услуг. Для сравнения показатель за четыре года вырос в 2,5 раза: с 49 295,8 млн. руб. в 2009 г. до 223 176 млн.руб. в 2012 г. Внутренние текущие затраты на фундаментальные, прикладные исследования и разработки ежегодно растут на 5,5–12%%. За четыре года этот показатель увеличился на 38% и составил 84 951,5 млн. руб. в 2012 г. [5]. Так, инновационная активность бизнеса в области технологических инноваций остается относительно низкой, хотя и наблюдается положительная динамика: доля инновационно-активных предприятий увеличилась за пять лет до 16,6% от общего числа обследованных организаций (рост на 6,3%). Затраты на технологические инновации выросли за последние три года в два с половиной раза и составили 49 457,5 млн.руб. (для сравнения, в Москве за тот же период отмечен восьмикратный рост затрат). При этом Санкт-Петербург является абсолютным лидером по созданным (разработанным) передовым производственным технологиям (259). Однако удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме составил всего 2,68%, за четыре года рост составил менее одного процента (0,86%) [5]. С учетом того, что город занимает высокие позиции в сфере инновационной активности среди российских регионов, имеет развитый научно-технический потенциал, отмеченные выше абсолютные и относительные показатели свидетельствуют о крайне низкой активности российского реального сектора в инновационной сфере.

В современных российских условиях решение задачи инновационного развития экономики возможно только на основе развития взаимодействия науки, образования и бизнеса. В Санкт-Петербурге в настоящее время сформирована развитая сеть поддержки инновационного бизнеса: бизнес-инкубаторы, информационно-технические центры и т. д. [7, р. 31–42].

И последний субиндекс **качества инновационной политики**, основанный на удельном весе бюджетных затрат в регионе, а также на индикаторах качества нормативной правовой базы региональной инновационной политики и ее организационном обеспечении помещает Санкт-Петербург во вторую группу регионов на 11 место в своей группе со значением 0,568. Исходя из величины интегрального показателя на основе однофакторного кластерного анализа Санкт-Петербург находится на втором месте со значением 0,548 [6].

Анализ информационной модернизации в абсолютных показателях при сравнении с другими регионами России свидетельствует в целом о сложившейся благоприятной ситуации в сфере развития человеческого потенциала. Региональный срез обнаруживает, прежде всего, несоответствие между благоприятным фоном в социально-экономических условиях инновационной деятельности и научно-техническим потенциалом, с одной стороны, и уровнем активности инновационной деятельности, с другой. Информационная модернизация региона оказывает недостаточно сильное влияние на развитие человеческого потенциала, что сказывается на невысокой доле инновационно-активных предприятий, слабом взаимодействии между научно-образовательной сферой и промышленными предприятиями. Вместе с тем результаты анализа иллюстрируют тот факт, что информационная модернизация, целью которой является формирование экономики инноваций, не сводится лишь к механическому увеличению количества персональных компьютеров, вложений в сферу исследований и разработок, созданию бизнес-инкубаторов, информационно-технических зон. Необходимо развитие инновационной составляющей человеческого потенциала как способности и готовности людей, организаций и т.д. к осуществлению видов деятельности, нацеленных на создание и практическое освоение передовых инновационных технологий.

Список литературы

1. Готовность регионов России к информационному обществу 2010–2011: анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника; Ин-т развития информационного общества. М., 2014.
2. Лебединцева Л.А. Особенности воспроизводства интеллектуального потенциала и инновационного интеллектуального труда: опыт России // Информационное общество. 2012. №2. С. 30–36.
3. Наука и инновации и информационное общество // Наука и инновации и информационное общество. М., Росстат. 2013. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2012 г. М.: Росстат. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm.
6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга. М., НИУ ВШЭ, 2012.
7. Lebedintseva L., Khvatova T. The process of innovation infrastructure creation in Russia: an exploratory study of St. Petersburg // InImpact: The Journal of Innovation Impact. 2013. Vol. 5. №1. P. 31–42.

L. A. Lebedintseva, St. Petersburg

INFORMATION MODERNIZATION OF THE REGION AND ITS INFLUENCE ON INNOVATIVE PROCESSES (THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

This article analyzed the major factors connected with development of information modernization of the region. The main indicators of information modernization on human development in St. Petersburg basis on the statistical data are described. Strong and weaknesses sides of modernization process of this Russian region are revealed. The conclusion is drawn on insufficient interaction of social and economic conditions of innovative activity, scientific and technical potential and level of innovative activity.

Key words: information modernization, innovative activity, human potential, St. Petersburg.

УДК 39: [338.488 + 379.8] (470.44)

Л. В. Логинова, Саратов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА КАК КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье проводится анализ способов использования социокультурных особенностей региона как стратегического внутреннего ресурса для развития туристической отрасли на примере Саратовской области. Выявляются проблемы и перспективы развития этнокультурного туризма. Показано, что социокультурные особенности регионов России имеют потенциал перерастания в конкурентные преимущества и факторы регионального развития.

Ключевые слова: регион, конкурентное преимущество, социокультурные факторы, этнокультурный туризм.

В России механизм государственной региональной политики основывается на принципе централизованного распределения средств из федерального бюджета, в результате которого даже регионы, обладающие богатыми природными ресурсами, не имеют финансовых возможностей для полного покрытия собственных бюджетных обязательств. Происходит углубление региональных диспропорций и усиление иждивенческих настроений. Регионам не выгодно развиваться, им проще распределять средства, полученные из центра. Поэтому, межрегиональное неравенство нарастает, число регионов-доноров сокращается. Измерение уровня модернизации регионов показало, что 77% регионов нашей страны находятся на стадии первичной (индустриальной) модернизации, хотя и на её вершине [5, с. 20]. В этих условиях сохраняет свою актуальность вопрос о том, какие факторы будут способствовать трансформации первичной модернизации во вторичную.

Опрос, проведённый «ТелеФорм» в сентябре 2013 г. среди 1000 россиян в возрасте 18 лет и старше, показал, что преимуществом России, помимо традиционно выделяемых наличия большого количества природных ресурсов, полезных ископаемых (51%) и большого количества земли, пригодной для использования (17%), является наличие большого количества людей, многонациональный состав населения (11%) [6, с. 12]. Следовательно, помимо освоения основных ресурсов (природных) конкретного региона, необходимо учитывать социокультурный потенциал, специфика которого обусловлена этнонациональным составом местного населения и проявляется в особенностях обычаев и традиций народов (этносов), формах организации труда, хозяйственных предпочтений, особой мотивации экономического поведения. Социокультурные особенности, обладающие какой-либо эксклюзивной ценностью, при удачном использовании могут обеспечить для региона определенное преимущество (лучшую позицию) по сравнению с другими регионами в определённом сегменте рынка, в какой-либо сфере деятельности, возможность более эффективно распоряжаться имеющимися природными и человеческими ресурсами.

Социокультурный потенциал многих регионов остаётся недооценённым. Поэтому важно создать условия для раскрытия потенциальной энергии разнообразных этносов, проживающих на территории регионов, возрождения их культур. Именно такой подход к разработке стратегии регионального развития отвечает вызовам современности.

Эксперты Ассоциации менеджеров культуры считают, что развитие российских территорий возможно через ресурс культуры за счёт следующей системы методов: 1) культурный туризм; 2) имидж и брендостроительство; 3) развитие индустрии производства сувенирной продукции на основе включения ресурса народных промыслов; 4) осуществление фестивальных проектов и других коллективных форм сотрудничества; 5) новые технологии работы с традиционной культурой (например, этнофутуризм, предполагающий «осовременивание» традиционной этнической культуры); 6) налаживание межкультурной (или мультикультурной) коммуникации (зоны влияния соседних областей, землячеств и т. д.) [4].

Действительно, туристическая индустрия является одним из прибыльных видов бизнеса. Количество туристов в мире растёт на 4–6% ежегодно [1]. Но состояние российской индустрии туризма отстает от зарубежного уровня, а наибольшей популярностью у иностранных туристов пользуются лишь Москва и Санкт-Петербург. Города других регионов страны остаются практически не востребованными. Да и сами россияне предпочитают путешествия за рубеж. Несмотря на эти отрицательные явления в состоянии отечественного туризма, зарубежные эксперты дают оптимистичные прогнозы его развития. По данным Всемирного совета по путешествиям и туризму и Оксфордского центра экономического прогнозирования ожидается, что в ВВП России до 2016 г. ежегодный прирост доли доходов от туризма составит 5,1%. Прогнозируется, что в целом отечественная туристская индустрия практически по всем показателям будет развиваться более динамично, чем в странах Европейского союза [2].

Одним из наиболее перспективных механизмов реализации социокультурного потенциала российских регионов становится этнокультурный туризм в различных формах (этнический, этнографический, этноэкологический, этноностальгический, антропологический), позволяющий путешественникам познавать различные этнокультурные явления посредством непосредственного взаимодействия с людьми, носителями этнической культуры. Л.Н. Гумилев отмечал, что «в отличие от культурной традиции, традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей» [3, с. 296]. Этнокультурный туризм предоставляет широкие возможности для активного общения к этнической культуре, прикосновения к традициям различных этносов, популяризации традиционного жизненного опыта, особых черт мировоззрения и природопользования коренных этносов.

В ряде российских регионов отдельные виды этнокультурного туризма уже стали их визитной карточкой и позволили повысить деловую репутацию. Так, в Краснодарском крае успешно реализуется несколько казачьих этнокультурных проектов. В Калужской области большой популярностью у туристов пользуется «Этномир». Финно-угорский этнокультурный парк в Республике Коми призван стать главным туристским центром региона и, одновременно, его брендом. Культурным центром Сибири стал туристский комплекс «Абалак», построенный недалеко от Тобольска на берегу Иртыша. В Мордовии существуют этнокультурные центры, предусматривающие активное вовлечение туристов в повседневную жизнь местного населения.

В Саратовской области внутренний туристический поток характеризуется положительной динамикой. Тем не менее, по состоянию на 2013 г. среди регионов Приволжского федерального округа по объёму платных туристских услуг Саратовская область занимает только пятое место (1530,0 млн. руб.), уступая Башкортостану (4280,3 млн. руб.), Нижегородской области (3767,5 млн. руб.), Татарстану (2133,1 млн. руб.) и Самарской области (1595,8 млн. руб.) [8]. При этом Саратовская область располагает высоким потенциалом к развитию туризма, особенно различных видов этнокультурного туризма. Этому способствует наличие в малых городах области развитой сети краеведческих и исторических, музеев, историко-архитектурных памятников, историко-ландшафтных музеев-заповедников и памятников природы. Кроме того, Саратовская область уникальна по своим этнонациональным и соответственно этнокультурным характеристикам. По последним данным переписи на её территории проживают 148 национальностей. И это является результатом не только современных миграционных процессов, но и естественноисторического процесса заселения и освоения Саратовской территории. Большую часть населения области составляют русские (87,6%). Проживают здесь также казахи (3,1%), татары (2,2%), украинцы (1,7%), армяне (1,0%), азербайджанцы (0,6%), чуваша (0,5%), мордва (0,4%), белорусы (0,4), немцы (0,3%) и другие [7]. Такое этнокультурное разнообразие населения области уже используется как ресурс для развития туристической отрасли по нескольким направлениям.

Первое направление – создание в 2003 г. Национальной деревни – этнографического музея под открытым небом, расположенном в парке на Соколовой горе, ставшим визитной карточкой области. Это один из первых подобных проектов в нашей стране. Идеей создания данной деревни стало не только стремление подчеркнуть особенность этнического состава

области. В Национальной деревне есть уникальная возможность познакомиться с архитектурой и бытом многих народностей, населяющих Саратовщину. Здесь в «живом» этнографическом музее представлены 16 подворий – русская изба и белорусская хата, башкирская и казахская юрты, мордовское подворье «кудо», грузинский дом «иверия», армянский двор «хрчит», украинский хутор, узбекский кишлак «согдиана», татарское подворье «тургай», дагестанский двор, корейская пагода, азербайджанский двор, немецкий дом. Каждое подворье представляет собой мини-этнографический музей, в котором функционирует ресторан национальной кухни, представлена этнографическая экспозиция, имеется место для посиделок национально-культурных объединений и гостей. Гостям Национальной деревни рассказывают о народах, населяющих область, их традициях и обычаях, демонстрируют национальные обряды, проводят мастер-классы – по плетению из лозы, изготовлению украинских вареников, исполнению национальных песен и танцев. Финансирование данного музея осуществляется за счёт общественных организаций и спонсоров.

Второе важное направление – *организация этнокультурных туристических маршрутов*. Этнокультурное разнообразие населения и культурно-исторические объекты городов Саратовской области являются основой для формирования экскурсионных маршрутов, некоторые из которых активно реализуются. Малые города области, сохранившие свою самобытность, обладают высоким потенциалом для развития этнокультурного туризма (уникальные исторические памятники, старинные здания, соборы, храмы и краеведческие музеи, красивые природные ландшафты). Наибольшей популярностью пользуются туристические маршруты, связанные с поволжскими немцами, потомками переселенцев из германских государств, расселённых в XVIII веке при Екатерине II в Нижнем Поволжье:

- 1) обзорная экскурсия по Саратову с посещением Немецкой слободки, консерватории и католического собора;
- 2) поездка в немецкие деревни;
- 3) посещение областного музея краеведения, в котором можно познакомиться с историей, жизнью и бытом немецких колонистов;
- 4) поездка в г. Энгельс с экскурсией по городу и посещением краеведческого музея.
- 5) поездка в г. Маркс с осмотром католического собора, лютеранской церкви и посещением краеведческого музея.

Третье направление – *создание центров национальной культуры*. По данным администраций, на территории муниципальных образований Саратовской области действуют 40 этнокультурных учреждений.

Но реализация этнокультурного потенциала на основе туристической отрасли в Саратовской области сталкивается с рядом трудностей, к которым можно отнести следующие:

- 1) относительно низкий туристский имидж области не только за его пределами, но и в глазах населения региона;
- 2) низкий уровень сервиса при высокой стоимости туристских услуг;
- 3) недостаточное количество гостиничных комплексов, особенно в районах области;
- 4) неразвитость внутриобластной дорожной сети (отсутствие возможности посещения объектов туристского показа в отдалённых районах области);
- 5) низкий уровень информированности населения об этнокультурном туризме региона.

Для решения указанных проблем региональной туристической индустрии необходимо органам региональной власти предпринять систему мер, во-первых, по повышению уровня туристической привлекательности региона; во-вторых, по привлечению инвестиций в развитие инфраструктуры региона (дороги, гостиницы, рестораны) и повышение уровня сервиса; в-третьих, по созданию информационной базы (интернет-портал) этнокультурных ресурсов туристической индустрии региона и популяризации этнокультурных туристических маршрутов среди жителей региона и за его пределами.

Анализ мирового опыта свидетельствует, что будущее туризма – за этнографическими историческими реконструкциями. Поэтому необходимо расширение ассортимента турпродуктов за счёт создания стилизованных этнопоселений и новых тематических этнокультурных парков с реконструкциями сцен повседневной жизни, театрализованными представле-

ниями, воссоздающими традиционный образ жизни различных этнических групп, населяющих Саратовскую область. Эти этнокультурные центры должны соответствовать стандартам высокоразвитых стран и в максимально полном объеме воспроизводить различные стороны образа жизни прошлого жителей саратовщины.

В перспективе можно активнее задействовать музейный комплекс «Золотоордынский Увек» (Увекское городище, город улуса Джучи Монгольской империи), который располагается на территории Саратова (Заводской район) и является не только наиболее крупным (площадь городища составляет более 230 га), но и известным памятником истории и культуры эпохи Золотой Орды.

Саратовской области для активизации туристической индустрии необходимо отойти от односторонней ориентации на сельский и экологический туризм. Наиболее приближенные к достоверности исторические реконструкции будут привлекать туристов, обеспечивать рост доходов туристической отрасли. При этом не следует забывать о качестве сервиса. Развитие этнокультурного туризма позволит на основе включения этнокультурного потенциала в экономический оборот не только создать дополнительные рабочие места, но и повысить качество жизни местного населения, сохранить демографический потенциал.

Итак, для многих российских регионов, особенно тех, которые не обладают богатыми полезными ископаемыми, их конкурентным преимуществом может стать богатый социокультурный потенциал. В условиях глобализации ценности самобытности, народного творчества, ремесленничества, народного традиционного знания возрастают. Возрождение этнических культур становится ответом на всеобщую стандартизацию, порождаемую глобализацией, способом сохранения своей самобытности, внутренним фактором регионального развития.

Список литературы

1. Анализ тенденций развития туристического рынка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rb.ru/inform/106027.html/>.
2. Влияние туризма и путешествий на рынок труда и экономику Российской Федерации до 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.travel.com.ru/news/wttc.htm/>.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экспресс, 1994.
4. Культура как ресурс регионального развития: Публичный экспертный доклад. [Электронный ресурс]. URL: <http://amcult.ru/analyz/report>.
5. Лапин Н.И. Измерение модернизации регионов и социокультурные факторы её стратегии // Социологические исследования. 2012. №9.
6. Мирная Е. Доноры и нищие // Аргументы и факты. 2013. №39.
7. Национальный состав населения Саратовской области: стат. сб. по Всероссийской переписи населения 2010 г. Саратов. 2012. 196 с.
8. Туризм в Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourism.saratov.gov.ru/tourism/>.

L. V. Loginova, Saratov

SOCIAL-CULTURAL PARTICULARITIES AS COMPETITIVE ADVANTAGE OF THE REGION (ON EXAMPLE SARATOV AREA)

In article is conducted analysis way to use the social-cultural of the particularities of the region as strategic internal resource for development of the tourist branch on example Saratovskoy area. The problems and prospects of the development ethnic-cultural tourism are Revealed. It Is Shown that social cultural to particularities region to Russia have a potential of the outgrow in competitive advantage and factors of the regional development.

Key words: region, competitive advantage, social-cultural factors, ethnic-cultural tourism.

УДК 004: 002 (470.57)

А. Р. Мажитова, Уфа

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена исследованию уровня развития информационного общества в Республике Башкортостан. Процесс становления информационного общества в республике протекает в русле общероссийских тенденций. Индекс информационного общества республики соответствует среднему показателю по России. Статья основана на материалах официальной статистики и социологических исследований.

Ключевые слова: информационное общество, модернизация, информационно-коммуникационные технологии, образование.

Информатизация общества является одним из определяющих факторов выхода цивилизации на новый уровень. Одним из условий устойчивого развития экономической, политической и социокультурной сфер нашей жизни является использование информационных и телекоммуникационных технологий. По сути дела развитие информационного общества есть платформа для модернизации, где информация, знания становятся главными индикаторами для её измерения. Уровень их использования в значительной степени обуславливает «качество жизни» человека, её перспективу, обеспечивающей становление устойчивой цивилизации.

Как утверждает член-корреспондент РАН Н.И. Лапин «Россия в целом вошла в фазу перехода к информационной модернизации. В 2006–2010 гг. Россия опередила Венгрию и Латвию, но впереди нее находится 6 среднеразвитых стран (по возрастанию индексов, это Греция, Чехия, Кувейт, Эстония, Италия, Португалия). Перспективы вторичной (информационной стадии) модернизации России остаются весьма сложными» [5, с. 19].

По итогам исследований Института¹ индекс готовности Республики Башкортостан к информационному обществу находится 47 месте на уровне Российской Федерации [1, с. 15] и Приволжского федерального округа – 10 [1, с. 25].

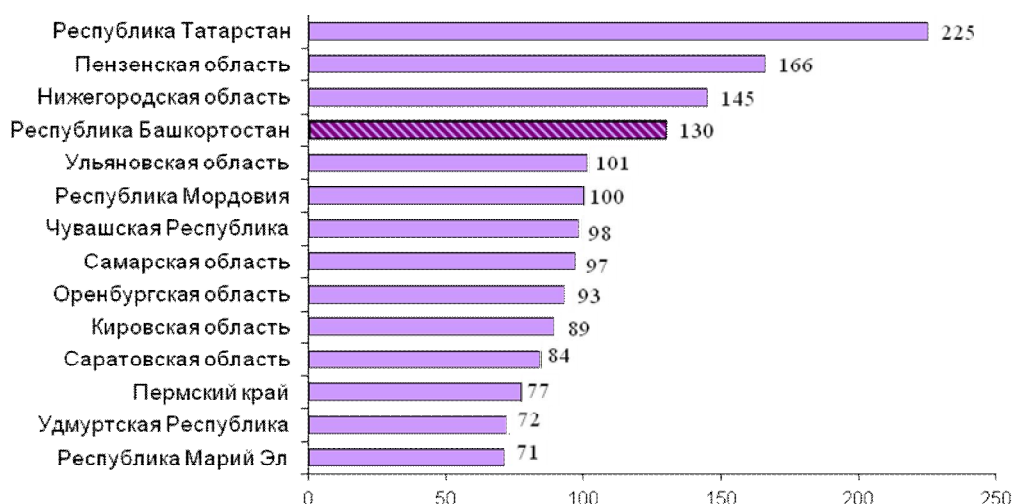
Башкортостан, обладая огромным природно-ресурсным, экономическим, научно-техническим, трудовым и др. потенциалом и занимая высокий удельный в экономике (производство промышленной и сельскохозяйственной продукции), существенно отстает от других субъектов Российской Федерации по уровню социального развития. Внутриреспубликанское социально-экономическое развитие² распределено неравномерно, что обусловлено различными факторами: природно-ресурсными, экономическими, политическими, военными, транспортным положением и т.д.

В Башкортостане информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) широко используют в бизнесе, по этому показателю на уровне России в лидерах. В медицине, дома и органами государственной власти республики информационно-коммуникационные средства используются на уровне выше среднего, что не характерно для представителей духовной сферы (культура и образование).

ИКТ в общеобразовательных учреждениях не достаточно развито. Одним из индикаторов для подсчета индекса являлась *обеспеченность персональными компьютерами*. По данному показателю Башкортостан на уровне ПФО занимает 4 место (см. рисунок). Скорость доступа к сети Интернет растет, но быстрый выход обеспечен малому количеству школ (см. табл. 1).

¹ Индекс готовности регионов России к информационному обществу публикуется Институтом развития информационного общества с 2005 года. Индекс представляет собой измеритель степени подготовленности регионов к широкомасштабному использованию ИКТ для социально-экономического развития.

² М. Н. Исянбаев делит Республику Башкортостан на 7 социально-экономических районов.

Обеспеченность персональными компьютерами обучающихся государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений по регионам Приволжского федерального округа на начало 2012/13 учебного года (в расчете на 1000 обучающихся, единиц)

Источник: Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2013 г. С. 29.

Таблица 1
Распределение школ Республики Башкортостан по скорости доступа к сети Интернет
(по состоянию на 14 февраля 2011 года)

Скорость доступа в сеть интернет	до 128 кбит/с	до 256 кбит/с	до 512 кбит/с	до 768 кбит/с	до 1 мбит/с	до 2 мбит/с	до 4 мбит/с	до 6 мбит/с	от 6 мбит/с и выше
Количество (шт.)	189	155	74	167	280	38	9	2	4
Доля школ (%)	20.5	16.8	8.06	18.19	30.5	4.14	0.98	0.22	0.44

Источник: Концепция долгосрочной целевой программы...

Ценность высшего профессионального образования повышается. Согласно данным Башкортостанстата, общая тенденция такова: уменьшение числа поступающих в начальные и средние профессиональные учебные заведения и увеличение количества студентов в вузах.

Модернизация в сфере образования требует наличие электронных средств обучения и учреждения должны соответствовать этим стандартам. Статистические данные свидетельствуют, о том, что по числу персональных компьютеров в расчете на 100 студентов очной формы обучения и доступом к Интернету, государственные ссузы и вузы отстают от негосударственных (см. табл. 2).

Таблица 2

Электронные средства обучения в учреждениях среднего профессионального образования
(на начало года)

	2010	2011	2012
Государственных			
Количество персональных компьютеров, используемых в учебных целях	5994	5739	6321
из них в составе локальных вычислительных сетей	4508	4350	4937
в % к общему числу	75,2	75,8	78,1
имеющих доступ в Интернет	4120	3975	4768
в % к общему числу	68,7	69,3	75,4
Число персональных компьютеров в расчете на 100 студентов (приведенной к очной форме)	10,3	10,4	11,5
Негосударственных			
Количество персональных компьютеров, используемых в учебных целях	813	720	702
из них в составе локальных вычислительных сетей	566	604	590
в % к общему числу	69,6	83,9	84,0
имеющих доступ в Интернет	561	603	631
в % к общему числу	69,0	83,8	89,9
Число персональных компьютеров в расчете на 100 студентов (приведенной к очной форме)	14,0	13,8	16,1

Источник: Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2013.

Таблица 3

Электронные средства обучения в учреждениях высшего профессионального образования
(на начало года)

	2010	2011	2012
Государственных			
Количество персональных компьютеров, используемых в учебных целях	13771	13552	14473
из них в составе локальных вычислительных сетей	10953	11521	12446
в % к общему числу	79,5	85,0	86,0
имеющих доступ в Интернет	9066	10310	11029
в % к общему числу	65,8	76,1	76,2
Число персональных компьютеров в расчете на 100 студентов (приведенной к очной форме)	16,9	17,2	18,8
Негосударственных			
Количество персональных компьютеров, используемых в учебных целях	1017	1497	1323
из них в составе локальных вычислительных сетей	913	1403	1250
в % к общему числу	89,8	93,7	94,5
имеющих доступ в Интернет	814	1439	1286
в % к общему числу	80,0	96,1	97,2
Число персональных компьютеров в расчете на 100 студентов (приведенной к очной форме)	19,0	32,8	37,8

Источник: Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2013. С. 34.

По мнению Б.Ж. Тагарова, в структуре Индекса ИО в общей сложности учитываются 23 переменные, которые в свою очередь разделены на четыре следующие группы: компьютерная инфраструктура, информационная инфраструктура, Интернет-инфраструктура и социальная инфраструктура [6].

Так, по республике количество персональных компьютеров на 100 домохозяйств с 2000 по 2012 гг. увеличилось в 17 раз, мобильных телефонов с 2005 г. – 3 р. За этот период в городе число компьютеров выросло 14 р. и показатели динамично увеличиваются.

Если по наличию мобильных телефонов сельские жители отставали от городских в 2005 г., то в 2012 г. разница между ними практически исчезла (см. табл. 4).

Материалы опроса³ подтверждают вышеизложенные факты. Так, основная часть респондентов используют мобильные телефоны 87,4%, компьютеры (67,5%) и Интернет (60,6%).

Таблица 4

Наличие предметов длительного пользования (на конец года; в среднем на 100 домохозяйств)

	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Все домашние хозяйства							
Телевизор цветной	114 ⁴	115	133	146	152	159	167
DVD-плеер	...	4	27	31	46	45	49
Музыкальный центр	16	32	46	43	42	42	44
Холодильник	114 ⁵	110	120	111	112	117	125
Морозильник	...	9	24	22	34	35	29
Стиральная машина	99	98	104	107	107	106	106
Микроволновая печь	...	17	36	47	61	62	68
Пылесос	83	81	86	92	98	99	95
Швейная машина	77 ⁶	65	57	51	61	55	51
Компьютер ⁷	5	24	43	50	63	77	87
Мобильный телефон	...	83	207	231	236	250	265
Домашние хозяйства в городской местности							
Телевизор цветной	120 ¹	124	141	159	166	171	185
DVD-плеер	...	4	28	31	47	44	48
Музыкальный центр	21	35	47	44	35	41	45
Холодильник	116 ²	116	119	109	110	115	128
Морозильник	...	3	11	9	13	14	12
Стиральная машина	101	103	104	104	103	104	103
Микроволновая печь	...	23	47	57	69	70	69
Пылесос	92	88	91	96	98	98	94
Швейная машина	84 ³	77	66	56	64	59	56
Компьютер	7	31	54	54	65	87	97
Мобильный телефон	...	104	224	238	229	250	271

³ Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан». Объем выборки – 1 292 человек население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону РБ с квотированием на этапе отбора по домохозяйству по полу, возрасту, национальности, уровню образования. Метод исследования: Личное интервью по месту жительства. Метод обработки информации: программный пакт для статистической обработки данных. Сроки полевых работ 23 мая – 20 декабря 2011 г. Исследование проведено ИСПИИ АН РБ.

⁴ Телевизор (включая черно-белый).

⁵ Холодильник и морозильник.

⁶ Швейная и вязальная машина.

⁷ Здесь и далее: до 2009 г. – персональный компьютер, с 2010 г. – персональный и портативный компьютер.

Окончание табл. 4

	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Домашние хозяйства в сельской местности							
Телевизор цветной	104 ¹	101	120	127	132	140	138
DVD-плеер	...	4	24	30	44	47	51
Музыкальный центр	5	26	46	40	53	44	41
Холодильник	110 ²	101	121	114	114	121	120
Морозильник	...	18	43	40	66	69	56
Стиральная машина	94	90	104	110	112	109	110
Микроволновая печь	...	8	21	30	49	50	66
Пылесос	64	71	79	87	99	100	97
Швейная машина	61 ³	45	44	44	54	47	44
Компьютер	0	13	26	45	61	58	69
Мобильный телефон	...	63	180	218	247	249	253

Источник: Уровень жизни населения Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2013. С. 45.

По числу телевизоров в расчете на 100 домохозяйств приходится почти 2 шт. Согласно данным опроса⁸, основная масса респондентов (50,4%) смотрят как центральные, так республиканские передачи. Если рассмотреть этот вопрос в возрастном разрезе, то старшее поколение предпочитают республиканские программы, а молодежь выбирает центральные. «Никакие» не смотрят больше среди молодежи.

Самыми актуальными, по мнению опрошенных, являются передачи: политические новости (51,1%), художественные фильмы, спектакли (47,6%) и др.

Подробнее следует рассмотреть данные социальной инфраструктуры (оценка уровня развития гражданских свобод; количество газет на душу населения; свобода печати; количество людей, имеющих среднее образование; количество людей, имеющих высшее образование).

Как показывают данные опроса, респондентам наиболее важно соблюдение и функционирование прав на личную собственность (88,6%), труд (88,4%), образование (87,8%), безопасность (87,6%) и равенство перед законом (87,8%).

Следующие 2 категории респонденты считают средне важными: свобода слова (85,1%), право на тайну личной переписки, телефонных разговоров (82,5%).

Последние 4 категории, по мнению опрошенных, являются маловажными: права народа на его собственный язык и культуру (79,8%), религиозные свободы (78,2%), свобода объединений, групп (65), права на эмиграцию (63,1%).

Следующим составляющим для вычисления социальной инфраструктуры является количество газет на душу населения. По данным Росстата выпуск газет в республике увеличивается, по этому показателю она занимает 19 место. Материалы социологического исследования свидетельствуют о том, что основная масса опрошенных (77 %) читают газеты и отдают предпочтение изданиям как республиканского, так и центрального уровня. Хотя, данные опроса показывают, что молодежь читает меньше, но это может быть ошибочным мнением, так как опрос не учитывал электронные газеты.

Следующим индикатором является образовательный уровень населения. Башкортостан обладает высоким образовательным уровнем населения. О чем свидетельствуют данные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в сравнении с данными переписи 2002 г. Причины положительной динамики образовательного уровня населения, связаны с требованиями конкурентоспособности на рынке труда, изменением уровня жизни, уходом из жизни поко-

⁸ Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан».

ления, которые по объективным причинам имели более низкий уровень образования. Полное общее образование на каждую тысячу лиц в возрасте старше 15 лет имеют 167 человек, что больше чем в 2002 г. Что касается высшего образования, то наблюдается заметное увеличение числа людей имеющих ее, на каждую тысячу лиц – 175, что в 2 р., чем в 1989 г.

Таким образом, становление информационного общества в России идет по догоняющему сценарию, что характерно для развивающихся стран. Ключевые процессы становления информационного общества в Башкортостане протекают в русле общероссийских тенденций. Ранее проведенные исследования показывают, что уровень развития информационного общества в Башкортостане носит асинхронный характер, уровни и элементы информационной модернизации (степень информатизация, сетевое взаимодействие, доступность знаний, общее высшее образование) неравномерно распределены по региону.

Список литературы

1. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2012. 462 с. URL: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2010-2011.pdf>.
2. Исянбаев М.Н., Байгильдина А.У. Модернизация структуры экономики региона и занятость. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. 256 с.
3. Концепция долгосрочной целевой программы «Развитие информационного общества в Республике Башкортостан на 2012–2017 годы». URL: <http://www.pandia.ru/text/78/060/31413.php>.
4. Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2013 г. 96 с.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
6. Тагаров Б.Ж. Индикатор состояния информационного общества. URL: <http://www.infecconomy.ru/infecon/382-2010-10-17-09-58-06.html>.
7. Уровень жизни населения Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2013. 94 с.

A. R. Mazhitova, Ufa

THE LEVEL OF INFORMATIONAL MODERNIZATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The development of informational society in the Republic of Bashkortostan proceeds within the nationwide trends. The republican Index of Informational Society corresponds to the national average. The paper is based on the data of public statistics and sociological researches.

Key words: informational society, modernization, informational and communications technologies, education.

УДК 330: 332.1

М. В. Степанова, Тюмень

**ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА**

(Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304)

Инновационное развитие регионов и страны является ключевым фактором, влияющим на формирование и развитие уровня конкурентоспособности. Инновационная политика Тюменской области направлена на рост социально-экономического положения в регионе за счет увеличения роли научно-технической и инновационной деятельности. Область является одной из самых экономически развитых в РФ, однако данный рост осуществляется экстенсивным методом, в основном за счет нефтегазового сектора, а не за счет наукоемких производств. Данное положение области не соответствует стратегии по модернизации производства и экономики России.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационная активность, конкурентоспособность.

Основной целью региональной инновационной политики Тюменской области является создание благоприятных экономических, правовых и организационных условий для инновационной деятельности, обеспечивающих рост конкурентоспособности местной продукции, эффективное использование научно-технических результатов и решение задач социально-экономического развития и, как следствие, социально-экономическое развитие Тюменской области и повышение уровня жизни ее населения [3].

Тюменская область в среднем при положительной динамике рассматриваемых показателей в период 2011–2012 гг. занимает третье место по инновационному потенциалу по сравнению с соседними областями УрФО, опережая, в основном, лишь Курганскую область. Данный факт свидетельствует о том, что интенсивность данного роста не достаточна по сравнению с остальными областями УрФО.

Научно-технический потенциал УрФО, 2011–2012 гг.

Показатели	Тюменская область		Свердловская область		Курганская область		Челябинская область	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	59	58	113	104	14	14	58	60
Удельный вес организаций, выполняющих исследования и разработки в общем числе организаций	0,06	0,06	0,06	0,06	0,08	0,08	0,06	0,06
Персонал, выполняющий исследования и разработки, тыс. чел.	6,75	6,91	20,91	20,5	0,71	0,69	15,22	15,76
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. руб.	6226,3	8964,9	15533,5	17499,5	218,7	298,6	12430,4	13657,3

Окончание табл.

Показатели	Тюменская область		Свердловская область		Курганская область		Челябинская область	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, тыс. руб.	922,4	1297,4	742,9	853,6	308,0	432,8	816,7	866,58
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, млн. руб.	105,53	154,57	137,46	168,26	15,62	21,33	214,32	227,62
Число высших учебных заведений	17	17	31	32	4	4	18	18
Численность аспирантов, чел.	2885	2397	3363	3287	343	290	2622	2439

Рассматривая субъекты Тюменской области в период 2010–2012 гг., напрашивается вывод, что юг области лидирует по всем показателям, характеризующих научно-технический потенциал. Отрицательная динамика наблюдается по двум показателям: численность персонала, выполняющего исследования и разработки и численность аспирантов. В это время ХМАО и ЯНАО, отстающие количественно, качественно показали прирост по ряду показателей. Так в ХМАО отрицательная динамика видна по численности персонала, занятого исследованиями и внутренним затратам на исследования и разработки в расчете на одну организацию. Это объясняется тем, что число организаций выросло на 55,5%, а размер внутренних затрат на исследования только на 34,6% за рассматриваемый промежуток времени. В это время ЯНАО, занимающий третье место среди субъектов по всем индикаторам, показал прирост по всем данным показателям. Темпы роста показателей юга области значительно отстают от динамики северных округов [5].

Согласно принятой Концепции долгосрочного социально-экономического развития Тюменской области до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. (далее – Концепция), регион ориентирован на инновационное развитие ведущих отраслей промышленности. Реализация Концепции области согласуется с Концепцией развития Уральского федерального округа до 2020 г., принятой в 2011 г. [1].

Перспективы инновационного роста Тюменской области связаны с модернизацией традиционной промышленности, созданием ряда новых секторов в нефтегазосервисе, высокотехнологичных производств в обрабатывающем секторе и агрокомплексе, развитием региональной инновационной и социальной системы, что включает в себя ряд мероприятий:

В соответствии с программой ОАО «Сибур Холдинг» на промышленной площадке ООО «Тобольск-Нефтехим» продолжается плановая реализация компанией ООО «Тобольск-Полимер» совместно с Правительством Тюменской области проекта строительства установок производства пропилена мощностью 500 тыс. тонн в год. «Сибур Холдинг» заключил с китайской компанией Sinoprec соглашение об учреждении совместного предприятия в КНР, которое займется производством бутадиен-нитрильного каучука. Годовая мощность завода достигнет 50 тыс. тонн [6].

Так же в Тюменской области происходит реализация государственной программы «Развитие промышленности, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности» на 2014–2016 гг., развитию промышленных производств и обеспечению устойчивых темпов ро-

ста промышленности, направленной на создание благоприятного инвестиционного климата и активизации внешнеэкономической деятельности [3].

Помимо этого реализуется Государственная программа Тюменской области «Основные направления развития малого и среднего предпринимательства» на 2014–2016 гг., целью которой является повышение роли малого и среднего предпринимательства в развитии конкурентной экономической среды области. Данная программа решает задачи содействия развития субъектов малого и среднего предпринимательства и создания условий для повышения выпуска конкурентоспособной продукции малого и среднего предпринимательства, продвижение ее на внутреннем и внешнем рынках [3].

Расчитанный нами индекс инновационности продукции региона (Иип) свидетельствует о том, что Тюменская область отстает от своих соседей по УрФО по данному показателю. Так, Иип лидера – Свердловской области составил 5,2, а Тюменской области 1,1. Однако в разрезе регионов УрФО данный показатель характеризуется отрицательной динамикой за период 2011–2012 гг. в Курганской и Свердловской областях. В Тюменской области рост оказался незначительным, в том числе в ХМАО уровень остался прежним, в ЯНАО вырос на 0,4 пункта [2, 4].

Анализируя динамику инновационной активности организаций ряда субъектов РФ за период 2005–2012 г. становится очевидно, что абсолютным лидером по данному параметру является Магаданская область. Средний уровень по России превышает в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях, а так же в УрФО. Тюменская область по уровню инновационной активности организация в 2012 г. достигла одинакового уровня с Омской областью. Замыкает данный рейтинг среди рассмотренных регионов ХМАО и ЯНАО.

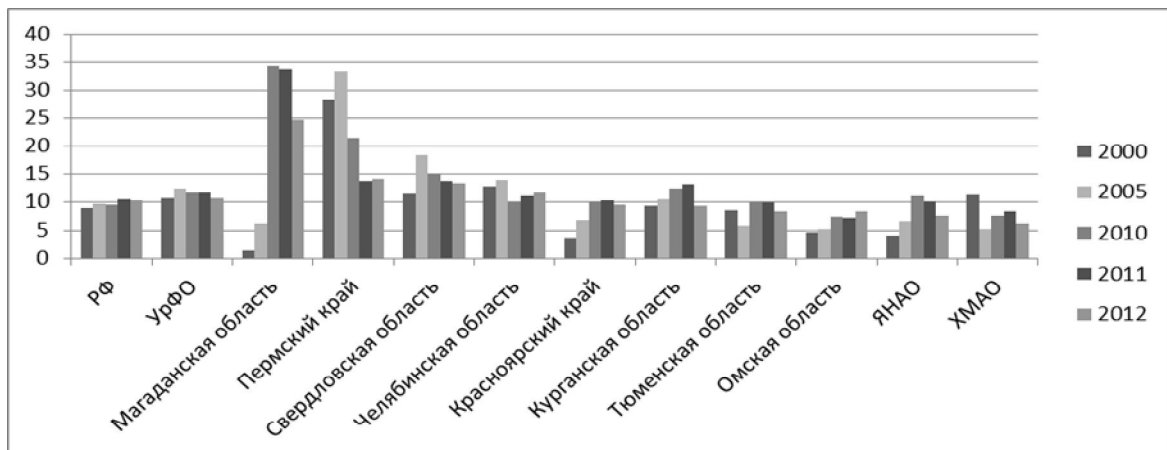

Рис. 1. Инновационная активность организаций, 2005–2012 гг., %

Минимальный уровень инновационной активности в 2012 г., как и в 2011 г., оказался в ХМАО. Для справки: в Свердловской области уровень данного показателя в 2012 г. составил 13,3%, в Челябинской – 11,4%.

Показатели инновационной активности организаций Тюменской области в период 2011–2012 гг. сократились. Исключение составляет затраты на технологические инновации в ЯНАО, которые выросли в 1,95 раза за год [5].

Субъективную оценку инновационной активности населения можно выразить через ответы на вопрос об участии за последний год в создании новшеств (новая фирма, новый продукт, новая технология, новая услуга). В Тюменской области в 2013 г. 3% считают себя активными инноваторами, среди субрегионов незначительно лидирует ЯНАО в рамках участия в инновациях на равнее с другими. Максимальное количество населения, которые участвовали как организаторы создавали новую фирму. В создании нового продукта, новой технологии и новой услуги инноваторы участвовали на равнее с другими. В целом доля инноваторов

Тюменской области низка, основная часть населения не принимает участия в создании новшеств. Тенденция по видам участия в инновационной деятельности 2009–2013 гг. сохраняется практически неизменной: весьма небольшой процент опрошенных участвовали в том или ином виде инновации, единственное существенное изменение – инноваторы в области создания услуг. В 2009 г. не было зарегистрировано ни одного новатора, предлагавшего услугу, а в 2013 г. организаторами услуги отметили себя 2% опрошенных, участниками – 4%.

Динамика инновационной активности населения в регионе положительная, при этом пассивное участие в инновациях растет более быстрыми темпами, чем активное. Однако уровень инновационной активности населения в 2013 г. не достиг уровня 2006 г., когда доля активных инноваторов достигала 10%, а доля участвующих наравне с другими – 16%. Минимум пришелся на 2009 г., что связано с кризисным положением экономики. Основная доля населения за рассматриваемый промежуток времени не принимала участия в инновациях.

Рис. 2. Динамика по группам участия в инновациях, Тюменская область, 2006–2013 гг., %

При этом анализируя факторы, которые влияют на инновационную активность населения, можно сделать следующие выводы.

Чем выше уровень образования и осведомленности населения, тем выше доля участия в инновациях. Так, процент принимавших активное участие в создании новой фирмы с высшим образованием составил 5,5%, и послевузовским – 4,3%, без образования – 1,3%. Аналогичная тенденция происходит в создании нового продукта, новых технологий и услуг.

Различия наблюдаются и по возрастным группам. К примеру, новые фирмы организуют люди в возрасте 25–29 лет. Новый продукт создают очень невысокий процент людей 25–34 лет и 40–44 лет. В Тюменской области в 2013 г. по сравнению с 2009 г. ситуация не изменилась: самые молодые инноваторы – создатели новой фирмы, новые услуги и продукты предлагают люди постарше, а новые технологии создают люди преимущественно старше 40 лет. При этом основная часть населения не принимает участия в инновациях.

Варьируется процент участников и в зависимости от мести жительства. В Тюменской области по результатам опроса 2013 г. можно сделать вывод, что чем крупнее поселение, тем выше доля занятых в инновационной деятельности.

Инновационная активность также связана и с местом работы граждан. Так, в Тюменской области инноваторы работают на основной работе, которая является предприятием, находящейся в личной собственности (31,1%). Причем в Тюменской области высока доля новаторов, занятых в крестьянских, фермерских хозяйствах – 28,6%. По результатам опроса 2013 г. в Тюменской области было отмечено, что 25,2% инноваторов ни в чем себе не отказывают, из них активных инноваторов – 17,6%. 18,7% инноваторов полностью удовлетворены своей жизнью, а 15,7% – совсем не удовлетворены.

Таким образом, опорными точками инновационной деятельности населения можно выявить уровень образования и, соответственно, осведомленности населения и проживание в крупных городах, поскольку там выше уровень развития инфраструктуры и доступа к ресурсам.

Вышеизложенный анализ позволяет сделать вывод о невысоких темпах развития инновационной деятельности в Тюменской области, а также о низком участии населения в инновационной деятельности. Также продолжает оставаться низким уровень эффективности инфраструктуры поддержки инновационной деятельности.

Так, организации Тюменской области, осуществляющие те или иные виды инноваций отстают от уровня инновационной активности организаций в УрФО и РФ в целом. Инновационная активность достигла максимального уровня в 2010 г., опередив уровень РФ, но так и не превысив показателей УрФО.

Стратегия «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» предусматривает переход Российской Федерации к 2020 г. на мировой уровень исследований и разработок на направлениях, определенных национальными научно-технологическими приоритетами. Тем не менее, уровень конкурентоспособности региона, определяется в первую очередь не инновационными факторами, а по-прежнему – нефтегазодобывающим сектором. Изложенные выше мероприятия имеют существенное материально-экономическое обеспечение, но не подтверждаются реальной активностью на уровне экономических агентов (как населения в целом, так и субъектов экономической деятельности). При этом обновление оснащенности сектора происходит крайне медленно, и не соответствует задачам и темпам модернизации экономики России.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Тюменской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года / Официальный портал органов государственной власти Тюменской области / Экономика и финансы / Инновации. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/finance/economics/prognosis.htm.
2. Наука и инновации / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.
3. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://www.admtumen.ru/ogv_ru/gov/administrative.htm.
4. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». 2010. С. 52, 53.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm.
6. Sinopec и «Сибур Холдинг» создадут СП для работы в Китае. URL: <http://pronedra.ru/construction/2014/05/20/sibur-sinopec>.

М. В. Степанова, Тюмень

THE REGION COMPETITVENESS INNOVATIVE COMPONENT

Regional and countries innovative development is the key factor of competitiveness forming and development. Tyumen region innovation policy is aimed at increasing socio – economic status in the region due to increase the role science, technology and innovation. Tyumen region is one of the most economically developed in Russia, but this growth is carried out by the extensive method, primarily due to oil and gas sector, and not at the expense of high-tech industries. This provision is not match the strategy if the field of production and economy modernization of Russia.

Key words: innovation potential, innovation activity, competitiveness.

УДК 316.32: 332.1

Д. С. Яцкова, Курск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНЕ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00426а)

В статье осуществлен анализ влияния социокультурных факторов на инновационную активность жителей Курской области, их включения в инновационную культуру. Осуществлено сравнение регионов Центрального Черноземья и определены детерминанты инновационной деятельности в Курской области, их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: инновационная активность, инновационная культура, социокультурные детерминанты, научно-технический потенциал, индекс инновационной деятельности.

В современном мире основной тенденцией устойчивого и динамичного социально-экономического прогресса общества становится социально ориентированное развитие, которое существенно повышает значимость формирования инновационной институциональной среды, обеспечивающей появление и развитие мотивации к инновационному поведению граждан. Инновация инициирует изменения в существенном массиве знаний, которые впоследствии влекут преобразования в различных областях деятельности, корректируя или полностью перестраивая социальные структуры и процессы. Инновация проявляется во всех сферах человеческой деятельности, превращая в инициатора любого человека, делая его инновационно активным. Инновация является одним из ключевых элементов культуры, инновационной культуры – готовности и способности общества к инновациям во всех их проявлениях, в его участии, содействии и не противодействии реализации новшеств с прогнозируемым позитивным эффектом. Инновационная культура создается с помощью инновационно активных личностей и через неё также можно повлиять на развитие инновационной активности в регионе. Инновационная культура может рассматриваться как комплексный социальный феномен, органически объединяющий вопросы науки, образования, культуры с социальной и профессиональной практикой в различных сферах сообщества: управлении, экономике, образовании, культуре [1, с. 23–24].

Важнейшими условиями успеха социокультурных преобразований в нашей стране, по мнению отечественных авторов, являются опора на культурные традиции и ценности страны, ее народов; понимание и уважение характера жизни народа, его истории, норм, морали, гармоничная интеграция частных и общественных интересов. Результаты социологических исследований 2006–2014 гг., осуществляемых по программе «Социокультурный портрет региона» в Курской области, показывают, что население Курской области обладает значительным культурным капиталом. По оценкам экспертов, в области находит широкое применение народное творчество, осуществляется развитие музыкального искусства, популяризована фестивальная, конкурсная деятельность, проявляются исторические традиции русской культуры. В сферу культурной деятельности активно вовлекается молодежь. Освоение инновационной культуры молодежью осуществляется в ходе повседневной деятельности, под воздействием СМИ, в процессе самообразования, усвоения бытовых знаний и умений, в процессе общения в семье и на работе. Этим процессом необходимо социально управлять, изменять его целенаправленным развитием информационной культуры, системами обучения и воспитания для повышения инновационной активности молодежи.

Стоит отметить, что в последние годы вопросам культуры уделяется значительное внимание, события культурной жизни приобретают регулярную окраску. Так, в крае традиционно проводятся Российский фестиваль-конкурс имени Н.В. Плевицкой, музыкальный фестиваль имени народного артиста РФ В.В. Гридина, открытый литературный конкурс имени Е.И. Носова, а также ряд других фестивалей, конкурсов, посвященных музыкальному, поэ-

тическому творчеству, развитию изобразительного искусства. Центры досуга «Ассоль», «Сказка», «Юность», совместно с ОГУК «Курскоблкиновидефонд», проводят встречи с известными российскими кинорежиссерами и актерами, становятся площадкой для проведения Международного кинофестиваля по правам человека «Сталкер», российского фестиваля анимационных фильмов и др. [2, с. 110]. Тем самым региональная культурная политика проявляет направленность на стимулирование процессов организации и самоорганизации культурной жизни, на создание условий для наращивания культурного потенциала с помощью материальных, экономических и человеческих ресурсов.

Социальные, культурные и психологические факторы, в совокупности характеризующие особенности развития государства, региона, общества и личности, влияют на содержание и темпы реализации направлений инновационных процессов. При этом на каждом уровне выделенной иерархии можно выделить социально-культурные и психологические проблемы инновационного развития, имеющего две принципиально-важные составляющие. Одна касается научно-технической, организационной направленности решений, обеспечивающих получение нового знания, существенной выгоды или пользы от внедрения и реализации. Вторая составляющая относится к мотивационно-ценностной стороне получения и использования инновационного продукта.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что признаками инновационного типа развития выступают:

- 1) возрастание роли науки и научного потенциала в жизни общества, в развитии человека и повышении качества жизни;
- 2) гибкость организационно-управленческих форм, способствующих формированию и развитию инновационной культуры и инновационной активности;
- 3) осуществление государственного управления инновационным развитием посредством реализации государственных программ, направленных на достижение целей инновационной политики.

Также любая инновационная активность имеет факторную составляющую, предполагающую учет исследователями системы причин, детерминирующих инновационный процесс и инновационное развитие. Одни параметры (факторы) вызывают инновации и являются их причинами, другие – обуславливают и определяют их содержание, а третьи – определяют их продолжительность, темп и др. Есть параметры – условия инновационных процессов, к которым относится, например, наличие адекватной инновационной культуры и государственной структуры или наличие знаний, технологий и коммуникации. Факторы могут быть положительными (содействуют инновационному развитию), отрицательными (препятствуют ему), непосредственными (прямо воздействуют на инновационный процесс и его результаты), косвенными (действуют опосредованно, через источники и условия инновационного процесса) [3].

Обратимся к факторам-условиям в Курской области – состоянию научно-технического потенциала, инвестиционно-инновационной включенности предприятий и государственной заинтересованности. Согласно оценке регионов РФ по уровню развития научно-образовательного пространства, осуществленной Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2010 г., регион показал средний интегральный индекс развития (1,39) по стране (среднее значение по РФ принято за 1,0). В соответствии с проведенными расчетами исследователей были отмечены значительные возможности качественного перехода региона в группу с уровнем выше среднего развития научно-образовательного пространства. Вместе с тем в 2012 г. Курская область попала в третью группу по значению индекса научно-технического потенциала (ИНТП=0,32). Отметим, что рейтинг регионов по ИНТП представляет собой агрегированную оценку развития наиболее важных составляющих научно-технического потенциала: уровня финансового и кадрового обеспечения научных исследований и разработок, публикационной и патентной активности, числа создаваемых передовых производственных технологий, поступлений от экспорта технологий. Группу нашего региона характеризуют невысокие значения показателей НТП по выделению ресурсов и результативности исследований и разработок. При этом по трем показателям – удельному

весу исследователей в возрасте до 39 лет; числу лиц, имеющих ученую степень, в общей численности исследователей; количеству статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 10 исследователей, – средние оценки группы превышают аналогичные параметры по стране в целом, в т.ч. и по первой группе [5, с. 34–38].

Для реализации инноваций важна среда, в которой их можно будет успешно коммерциализировать. Для этого необходимы эффективно работающие технопарки, в том числе при ВУЗах, с прозрачной и открытой системой поддержки инновационных проектов, налоговые и таможенные льготы для компаний, построенных вокруг венчурных проектов, наличие венчурных фондов с опытом поддержки успешных венчурных проектов и т.д. (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления развития инновационно-инвестиционной инфраструктуры
регионов Центрального Черноземья

Регионы	Направления	Виды экономической деятельности
1	2	3
Белгородская область	Технопарки	АПК
	Инновационно-технологические центры	Горно-металлургический, агропромышленный, производство строительных материалов, наноструктурных материалов и нанотехнологий
	Технополис	IT, энерготехнологии, образование, промышленные покрытия, строительные технологии, медицина
Воронежская область	Технопарки	Электроника, микроэлектроника, механообработка и машиностроение, насосное оборудование, электро- и радиотехника, нефтегазовое оборудование, нанотехнологии, химическое машиностроение, авиастроение
	Инновационно-технологические центры	Промышленные нанотехнологии
Курская область	Технопарки	IT, машиностроение, электро- и радиотехника, радиоэлектроника, сельское хозяйство, пищевая промышленность, медтехника и медицина, машиностроение, авиастроение, электроника
	Инновационно-технологические центры	Приборостроение, энергосберегающие технологии, технологии переработки и обогащения минерального сырья и железных руд, лазерные технологии в обрабатывающих производствах, промышленные нанотехнологии
Липецкая область	Технопарки	Информационная, консалтинговая и организационная поддержка субъектов малого бизнеса
	Инновационно-технологические центры	Промышленные нанотехнологии
Тамбовская область	Технопарки	Высокие биотехнологии
	Инновационно-технологические центры	Био- и химические технологии, промышленные нанотехнологии, машиностроение
Орловская область	Технопарки	Студенческий бизнес-инкубатор «Эврика» (СБИ) при АНО Технологическая площадка «Центр инновационных предприятий»; Научно-технологический парк «Орел-Технопарк»

Отметим при этом, что под *инновационной активностью* следует понимать интенсивность деятельности по разработке и внедрению новых или усовершенствованных продуктов (технологий) в оборот. Экспертами выделяется несколько подходов к оценке инновационной активности. *Первый подход*, применяющейся для формирования отчетных и статистических

данных развития инновационной деятельности на региональном уровне и в стране в целом, заключается в оценке развития инновационной инфраструктуры и определении способности предприятий по коммерциализации нововведений. *Другой подход* заключается в использовании оценки инновационной активности в качестве исходного этапа процесса разработки инновационной стратегии отдельного региона и его предприятий, для последующего формирования дальнейшей инновационной, инвестиционной политики [6, с. 1–2].

Анализ динамики инновационно-инвестиционной составляющей промышленного развития Курской области в ее взаимосвязи с основными факторами позволяет сделать вывод о том, что повышение уровня инновационной составляющей промышленного развития возможно только при условии формирования в регионе благоприятного инвестиционного климата. Эффективность модернизации технологической базы регионов зависит от системы показателей, отражающих уровень инновационно-инвестиционной составляющей промышленного развития, которые показывают, что наибольший вклад в производство высокотехнологичной продукции производят крупные предприятия обрабатывающей промышленности в силу наличия у них необходимых ресурсов и роста инвестиций в исследования и разработки с целью повышения технологического уровня инновационной продукции. Индекс инновационной деятельности Курской области и рейтинг региона, соответственно, определяется на основе индикаторов, комплексно оценивающих ресурсы и результаты инновационной деятельности, активность малого, среднего, крупного бизнеса в освоении научно-технологических нововведений. По данным Росстата, в 2012 г. на территории нашего региона осуществляло деятельность в различных отраслях 23 156 предприятий. В рейтинге регионов РФ по индексу инновационной деятельности Курский край занимает одну из верхних позиций во второй группе (ИИД = 0,3252), то есть значение индекса региона превышает средний уровень по стране (ИИД = 0,3206). Эти данные свидетельствуют о высокой вовлеченности предприятий в инновационные процессы, интенсивности взаимодействия с партнерами при выполнении научных исследований и разработок. В целях более полного использования инвестиционного потенциала Курской области, повышения конкурентоспособности продукции местных товаропроизводителей, создания организационных условий по развитию инновационной деятельности на предприятиях и в организациях области и активному вовлечению интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, необходима модернизация технологической базы предприятий Курской области [4, с. 57].

Таблица 2

Показатели конкурентоспособности ряда регионов
Центрального Черноземья (в баллах)

Регион	Уровень экономического развития и экономический рост					Уровень и качество жизни			Инновационное развитие			Развитие инфраструктуры				Уровень развития ВЭД и инвестиций			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Белгородская область	2	5	2	1	5	5	6	2	1	1	4	2	6	3	1	1	4	3	6
Воронежская область	1	4	1	1	4	3	2	1	3	3	5	2	3	2	2	1	1	1	6
Курская область	1	4	1	1	4	2	5	1	1	3	4	2	3	2	2	1	2	1	6
Липецкая область	2	3	2	2	5	3	6	1	1	1	2	2	4	2	3	1	6	3	1
Тамбовская область	1	1	1	1	3	3	6	1	2	2	3	1	1	2	2	1	1	1	1

Уточним позиции в представленной таблице: 1 – ВРП на душу населения; 2 – темп роста ВРП; 3 – производительность труда; 4 – фондовооруженность; 5 – зарплатоемкость; 6 – ожидаемая продолжительность жизни; 7 – численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума; 8 – среднедушевые доходы; 9 – численность персонала, занятого исследованиями и разработками; 10 – внутренние текущие затраты на исследования и разработки; 11 – число студентов; 12 – плотность автомобильных дорог; 13 – отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования; 14 – число аэропортов; 15 – близость к московской агломерации; 16 – инвестиции в основной капитал; 17 – экспортная квота; 18 – иностранные инвестиции на душу населения; 19 – географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам России [4, с. 56]. Мы видим, что максимальные баллы Курская область демонстрирует в таких позициях, как географическое положение, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, темп роста ВРП, зарплатоемкость, а также количество студентов.

Инновационная активность находит свое проявление в деятельности некоммерческих организаций. На начало 2013 г. в Курской области зарегистрировано 1959 некоммерческих организаций различных профилей. Вместе с тем их деятельность осложняется недостаточным уровнем институциональной и общественной поддержки. Как показал экспертный опрос руководителей НКО в рамках реализации проекта «Социальные практики гражданского общества» в июле 2013 г., данными организациями реализуется немало социально полезных начинаний. Однако, по оценке руководителей некоммерческих организаций, если отношения с органами государственной власти и местного самоуправления оцениваются как постоянно развивающиеся или партнерские (последние участвуют в финансировании некоммерческих организаций, предоставляют помещения в безвозмездное пользование, оказывают помощь в решении иных вопросов), то связь НКО с бизнесом практически отсутствует. Это значит, что на дополнительные средства в рамках реализации инновационных проектов руководителям НКО рассчитывать не приходится.

Мы полагаем, что свой вклад в координацию взаимодействия НКО, науки и бизнеса может и должно внести государство, регулируя данный союз различными методами. Одним из них может быть механизм обеспечения производства новыми перспективными идеями и технологиями, которые возникают в процессе выполнения финансируемых из государственного бюджета научных исследований и разработок. В итоге, если на региональном уровне будет разработана система защиты интеллектуальной собственности инноваций в стране и мире, а также будут привлечены инвестиции в долгосрочные венчурные проекты, то регион вполне может улучшить свои показатели.

Инновационный путь развития регионов России – стратегическое направление реформирования экономики страны и повышения качества жизни населения в современных условиях распределения ресурсов, сил, средств и интересов на мировой арене. Однако его реализация во многом зависит от политических, экономических, социальных факторов. Ключевыми детерминантами развития инновационной активности граждан на данном этапе являются наука и образование, поскольку они должны обеспечить четкое видение целей, задач, методов и механизмов инновационной культуры, точный эмпирический анализ её составляющих, их состояния и взаимодействия. Следует отметить, что все нововведения в конкретной культуре должны быть согласованы с ментальными установками и традиционными ценностями.

Список литературы

1. Князев А.А. Инновация как социальная ценность // Основы экономики, управления и права. №1(1). 2012.
2. Курская область в динамике социокультурных измерений: монография / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец, Т.Г. Кульсеева, А.А. Телегин, Р.С. Горемычкин. Курск: ООО «Учитель», 2011. 232 с.
3. Меденков А.А. Социокультурные и психологические факторы инновационного раз-

вития. URL: <http://www.mai.ru/events/sfiro/articles/lectures/medenkov.doc>.

4. Положенцева Ю.С., Вертакова Ю.В. Исследование инвестиционной привлекательности региона с целью повышения региональной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. №19–1. Т. 24. 2012.

5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 2 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2014. 88 с.

6. Саванович С.В. Проблема повышения инновационной активности российских предприятий. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-137000.html>.

D. S. Jatskova, Kursk

SOCIAL AND CULTURAL DETERMINANTS OF INNOVATION ACTIVITY IN THE REGION

The article presents the analysis of the impact of socio cultural factors on the innovative activity of the Kursk region residents, their inclusion in the culture of innovation. Performed a comparison of the Central Chernozem regions and the determinants of innovation are identified in the Kursk region, its advantages and disadvantages.

Key words: innovation activity, innovation culture, socio cultural determinants, scientific and technical potential, innovation index.

Круглый стол №4

**Структура ценностей, стиль жизни,
самочувствие населения регионов в контексте
начинающейся информационной модернизации**

УДК 316.75

К. А. Воронова, Пермь

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00-155а)

Статья посвящена изучению религиозных ценностей в Пермском крае и городе Перми. Проведен категориальный анализ понятия «религиозные ценности», представлена их роль в современной культуре. На основе различных статистических данных сделан вывод о произошедшем в последние десятилетия росте религиозности населения Пермского края. В статье анализируются результаты исследования ценностей жителей города Перми, проведенного методом когнитивного интервью. В результате делается вывод о критическом и стереотипном восприятии респондентами религиозно-духовной темы. Приводятся меры и подходы к решению проблем в религиозной сфере, реализуемые в Пермском крае представителями традиционных конфессий и органами государственной власти.

Ключевые слова: религия, ценности, традиции, атеизм, культура.

Социальная трансформация начала 90-х гг. XX в. и социальная модернизация, которая осуществляется в РФ последние два десятилетия, затронули все сферы общества. Ценностная подсистема российской культуры претерпевает существенные изменения. Модернизационные процессы в нашей стране происходят скачкообразно и сочетают различные, порой, противоречивые векторы. Так, с одной стороны, произошла вестернизация культуры, были заимствованы западные либеральные и демократические ценности. С другой стороны, в последние годы начинает происходить возврат к традиционным для российского общества ценностям. Это связано со многими причинами, в числе которых внешние вызовы мировой системы и необходимость укрепления национальной безопасности в связи с этим. Все больше в СМИ и в научной сфере разворачивается дискуссия о поиске национальной идеи, обращению к историческим корням, повышению роли духовной и религиозной культуры. В этой связи все более актуальными становятся вопросы духовных и религиозных ценностей.

Понятие ценность было введено в научный оборот И. Кантом: должное, ценности и нормы противопоставлялись сущему, миру вещей, всё это, по мнению философа, составляет целостность и систему [5, с. 194]. В современной науке выделяется множество подходов к определению понятия ценностей. Под ними подразумеваются убеждения, желаемые цели, образ поведения (способствующий достижению целей), стандарты (через призму которых совершается выбор и оценка всего). Также ценности трансцендентны (охватывают все сферы жизни человека, не ограничены определенными ситуациями) и упорядочены по важности (составляют систему ценностных приоритетов) [2, с. 10].

В настоящее время существуют самые разнообразные классификации ценностей. Так Н.И. Лапин приводит целый ряд типологий по различным основаниям. В зависимости от типа цивилизации различают традиционные ценности (ориентация на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни), современные ценности (ориентация на инновации и прогресс в достижении рациональных целей), общечеловеческие ценности (свойственные традиционным и современным обществам).

Следующая типология подразделяется на терминальные и инструментальные ценности. Терминальные ценности связаны с важнейшими целями, идеалами и смыслами жизни, могут быть личностными и социальными. Инструментальные ценности связаны со средствами достижения целей, одобряемыми в обществе: нравственные нормы поведения, качества и способности людей.

По конкретному предметному содержанию: социальные, культурные, политические, духовные ценности и т.д. [3, с. 23].

Духовные ценности соотносятся с духовной культурой общества, включают в себя моральные, нравственные, художественные, эстетические, мировоззренческие и др. Религиозные ценности также отчасти включаются в духовную культуру, играют важную роль для ее функционирования.

Религиозные ценности – ценности, обусловленные верой в сверхъестественное и возможностями непосредственного общения с ним, направленные на осуществление высшего смысла жизни человека, не сводимого к его биологическому существованию. Основная религиозная ценность – вера, которая дает человеку абсолютную уверенность в достижении желаемой цели (например, спасение души) [7, с. 138].

Религиозная сфера является важнейшим источником традиционных ценностей. Религия формирует принципы нравственности, социальной ответственности, самостоятельного внутреннего нормативного контроля личности за своим поведением, преемственности между поколениями, сохранению культурного наследия.

На протяжении последнего столетия религиозные ценности играли разную роль в структуре ценностей советского и российского общества. Наша страна прошла путь от клерикального государства времен Российской империи через атеистический СССР к светской Российской Федерации. Т.е. от государственной религии через полный отказ от нее к свободе вероисповедания, гарантированной Конституцией РФ. Причины кризисных явлений в современной духовной и религиозной сферах России уходят к тому периоду, когда институты религии были почти полностью разрушены в постреволюционный период в процессе становления молодого советского государства. Десятилетия атеизма не прошли бесследно.

На данный момент религиозные ценности постепенно восстанавливают свою роль благодаря усилению этнической идентичности и поддержке со стороны государства. Ярким примером в этом смысле является Пермский край. Так по данным мониторингов, которые на протяжении нескольких десятилетий проводятся на территории региона, с конца 80-х гг. XX в. в Пермском крае продолжает происходить рост религиозности среди населения [6, с. 103]. По данным социологических исследований, в 2013 г. верующие составляли 77,2% населения Пермского края, из них православными себя считали 73%, мусульманами – 4,3%, старообрядцами – 1,6%, к иным конфессиям относили себя 1,6%, остальные считали себя просто верующими [4, с. 7]. Однако в группу «верующих людей» традиционно относят и тех, кто считает себя особенно интенсивными приверженцами религии (глубоко верующими), и тех, кто относит себя к традиционно верующим (верующим по привычке), и тех, кто колеблется в своем отношении к религии. Подгруппа «глубоко верующих» традиционно является небольшой (по данным на 2007 г. – 16,2%), а вот подгруппа «верующих по привычке» является более многочисленной (по данным на 2007 г. – 50,3%) [6, с. 103].

В целом, Пермский край – многоконфессиональный регион с преобладанием населения, исповедующего православие. На территории региона зарегистрирована 431 религиозная организация, большая часть которых относится: к Русской Православной Церкви – 222 и Исламу – 108 (по данным на 2013 г.) [1, с. 56].

Несмотря на позитивные тенденции, кризисные явления относительно религиозных ценностей продолжают сохраняться и в Пермском крае. Проиллюстрировать ситуацию можно на примере города Перми. Пермским государственным национальным исследовательским университетом было проведено исследование ценностей жителей города Перми. При проведении исследования использовался метод когнитивного интервью на основе типологии культурных ценностей Ш. Шварца. Ученый сгруппировал все многообразие ценностей в десять базовых мотивационно отличающихся типов (выделив центральную цель каждого). Ш. Шварцем были выделены следующие типы: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность. Религиозные ценности в данной типологии включены в тип «традиция», под которым подразумевается «уважение и ответственность за культурные и

религиозные обычаи и идеи» [2, с. 27]. «Традиция также является символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания. Традиции чаще всего принимают формы религиозных обрядов, верований и норм поведения. Мотивационная цель данной ценности – ...уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность» [2, с. 29–30].

В ходе проведения интервью респондентам (среди которых были люди различных сфер занятости) в числе прочих задавался вопрос: «Насколько похож или не похож на Вас человек, который ценит традиции, старается следовать религиозным и семейным обычаям?». В целом ответы респондентов на этот вопрос продемонстрировали, что семейные обычаи ценятся гораздо больше, а к религиозным обычаям отношение настороженное и даже отрицательное:

- «Религиозным я не следую традициям» (цитата из интервью со студентом, интервью №1);
- «Я не отношу себя к религиозным» (цитата из интервью с предпринимателем, интервью №2);
- «Я человек нерелигиозный. Я к этому отношусь терпимо, но не более того» (цитата из интервью с пенсионером, интервью №3);
- «Религиозные традиции? С религией у меня сложные отношения вообще» (цитата из интервью с предпринимателем, интервью №7);
- «Но если мы говорим о таких явлениях как религия, семейные ценности — это не так позитивно» (цитата из интервью со студентом, интервью №9).

К причинам такого отношения к религиозным традициям респонденты относят

атеистическое воспитание:

- «Потому что нас атеистами воспитали родители», цитата из интервью с пенсионером, интервью №3;
- «Я к этому не пришла, потому что воспитана была так, потому что я считаю, что религиозные основы закладываются в детстве в семье. У нас ситуация была совершенно другая», цитата из интервью с пенсионером, интервью №5;
- «Религиозным – нет. Потому что я – атеист», цитата из интервью с предпринимателем, интервью №6;
- «Родители, по сути, атеисты», цитата из интервью с предпринимателем, интервью №7;

восприятие религии как социального института:

- «Это некая большая организация, которая правит определенными людьми, которые пишут внутри какие-то законы для достижения каких-то целей. Я религию максимально избегаю, и все что с ней связано», цитата из интервью с предпринимателем, интервью №2);

отношение к религии как к средству манипуляции общественным сознанием:

- («Я считаю религию каким-то средством манипуляции, типа телевизора. Ну, церковь, как она есть в привычном понимании. Это наезд скорее на институт церкви, чем на религию как таковую» (цитата из интервью с предпринимателем, интервью №7);

приоритет рационального мышления над иррационально-религиозным:

- «Потому что я все-таки солидарна с фразой «религия – это опиум для народа», все-таки как-то больше за рациональное мышление, чем за иррациональное» (цитата из интервью со студентом, интервью №1);

отношение к религии как к пережитку прошлого:

- «Религия меня не устраивает полностью. Ну, давайте сжигать на костре, запрещать аборт. ... современное общество как раз-таки избавляется от таких традиций» (цитата из интервью со студентом, интервью №9).

Однако респонденты подчеркнули достаточно толерантное отношение к другим людям, которые являются верующими, и отметили наличие у себя ценностей гуманистической этики:

- «Совесть – есть, а загробная жизнь – это сказки» (цитата из интервью с предпринимателем, интервью №2);
- «Я человек далекий от религии, поэтому я придерживаюсь каких-то человеческих принципов по отношению к людям, которые не являются моей семьей, традиционными и чисто человеческими принципами руководствуюсь» (цитата из интервью с инженером, интервью №4);
- «Это помогает человеку во что-то верить» (цитата из интервью с предпринимателем, интервью №7).

Таким образом, когнитивное интервьюирование жителей города Перми показало критическое и острое отношение к религиозным ценностям, стереотипное восприятие религиозно-духовной темы. По мнению многих экспертов [4], это связано, прежде всего, с длительным советским атеистическим прошлым, с активностью новых религиозных движений на территории Пермского края, с межконфессиональными противоречиями и с распространением в последние два десятилетия западных, преимущественно материальных, ценностей.

Такая ситуация свидетельствует о необходимости принятия определенных мер, направленных на развитие духовной культуры населения Прикамья. В этом направлении у края уже есть достижения. По мнению многих экспертов, Пермский край является примером уникального опыта выстраивания длительного взаимодействия не только между государственными органами власти, наукой и представителями основных региональных конфессий, но и между самими институтами религий. Так с 1998 г. в крае начала свою работу неправительственная неполитическая некоммерческая организация Межконфессиональный консультативный комитет (МКК) [8]. В нее входят семь представителей традиционных религиозных организаций края. Комитетом ежемесячно решается широкий спектр вопросов: обмен опытом; выстраивание взаимоотношений с органами государственной и муниципальной власти, светским обществом; объединение усилий по профилактике и борьбе с наркоманией, религиозным экстремизмом; задачи просвещения и образования; проведение мероприятий и конференций; обсуждение законопроектов. Также в крае существует Совет протестантских евангельских церквей, который выполняет консолидирующую и сплачивающую функцию, вносит свой вклад в развитие духовной культуры Прикамья.

Существенную роль в формировании и развитии духовных ценностей населения Пермского края играют органы государственной власти и научная среда. Реализуются различные краевые программы, например «Развитие государственно-конфессиональных отношений в Пермском крае» (2014–2016 гг.) [1]. Проводится ремонт и реставрация культовых зданий и сооружений, являющихся памятниками культурного наследия Пермского края; осуществляется организация религиозных праздников, мероприятий; пропагандируется толерантное отношение в религиозной среде; производится мониторинг конфессиональной ситуации, проводятся научные исследования, работают кафедры теософии и религиоведения. На федеральном уровне вводится новый обязательный для изучения учебный предмет в общеобразовательных учреждениях «Основы религиозных культур и светской этики» и производится подготовка педагогов по этому направлению.

Все эти меры призваны изменить ситуацию в духовной сфере в Пермском крае в лучшую сторону, способствуют распространению и сохранению религиозных ценностей, повышению толерантности населения, развитию межконфессионального диалога, эффективному функционированию религиозных институтов.

Список литературы

1. Государственная программа «Обеспечение взаимодействия общества и власти» (утверждена Постановлением Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1326-п).
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
3. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. №5. С. 3–19.
4. Нечаев М. Г. Работа совести // Человеческое измерение. 2013. №5. С. 7–9.
5. Павловская М.Е. К вопросу о сущности духовных ценностей в гуманитарных науках. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1. 2009. С. 190–202.
6. Писманик М.Г. Характеристика религиозности в Прикамье // Журнал российской социологической ассоциации «Социология». 2007. №1. С. 103–111.
7. Тематический философский словарь: учеб. пособие. М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. 164 с.
8. Уникальное объединение традиционных конфессий // Человеческое измерение. 2013. №5. С. 40.

К. А. Voronova, Perm

RELIGIOUS VALUES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY (THE EXAMPLE OF PERM KRAI)

Article is devoted to study of religious values in Perm Krai and the city of Perm. The categorial analysis of the concept “religious values” is carried out, their role in modern culture is presented. On the basis of various statistical data the conclusion is drawn on growth of religiousness of the population of Perm Krai in the last decades. The article presents the research results of values of Perm citizens made by method of cognitive interview. The investigation results show critical and stereotypic perception of a religious and spiritual subject. The paper represents measures and approaches to the solution of problems in the religious sphere, which were realized in Perm Krai by the representatives of religious institutions and public authorities.

Key words: religion, values, traditions, atheism, culture.

УДК 316.32

Н. В. Дулина, Волгоград
В. В. Токарев, Волгоград

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

В статье на основе социологического исследования анализируется влияние уровня социального самочувствия населения на процессы модернизации в регионе.

Ключевые слова: население, регион, социальное самочувствие.

Модернизация и как процесс, и как термин прочно вошла в нашу жизнь, закрепившись в общественном и научно-аналитическом лексиконе. Более того, как справедливо замечает М. К. Горшков, термин «модернизация» обрел «статус главного символа эпохи, суверенного элемента интеллектуального и политического пейзажа современной России, способного, согласно распространенным представлениям, спасти страну, выведя ее к новым историческим рубежам и горизонтам развития» [3, с. 30]. Предлагается и различное видение дальнейших судеб модернизации в России (см., напр., [1, 4, 11] и др.).

Обратим внимание на тот факт, что исследователи все чаще отмечают то обстоятельство, что модернизация – это не только, а может, и не столько, экономический процесс, а скорее, социокультурный. Например, по логике китайского ученого Хэ Чуаньцы, «модернизация – это комплексный способ решения не только экономических, но и политических, управленческих, социальных, культурных и индивидуальных задач, которые в полном объеме стоят перед государствами, обществами и индивидами. Основная цель современной модернизации – безопасность государства и общества и предложение сценариев дальнейшего развития для повышения условий жизнедеятельности» [5, с. 7]. Именно человек (со всеми его потребностями, интересами, ценностями, установками и т. д.) выступает как «далее неделимый» элемент и движущая сила модернизации. Продолжая цепь размышлений, можно заключить, что важнейшим фактором модернизации является социальное самочувствие населения.

В социологии, обычно, под социальным самочувствием понимается реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами, организациями и институтами» [2, с. 56]. Как можно оценить уровень социального самочувствия жителей Волгограда в настоящее время? И как социальное самочувствие отражается на объективных характеристиках состояния региона в настоящее время? Ответ на эти и ряд других вопросы можно найти. Если обратиться, с одной стороны, к статистическим данным, а с другой, к результатам социологических исследований.

Статистика по региону выглядит следующим образом. Согласно рейтингу российских регионов, Волгоградская область по качеству жизни в 2013 г. находилась на 29 месте (из 82 регионов РФ) и на 64 месте по группе показателей «Уровень доходов населения», на 33 месте по группе показателей «Уровень экономического развития» [8]. Однако, если обратиться к данным ЦБ РФ, по можно заметить, что на протяжении последних пяти лет уровень просроченной задолженности по кредитам, предоставленных физическим лицам, выше, чем в соседних областях и РФ в целом [9]. Статистика запросов Яндекса за апрель 2014 г. свидетельствует, что о кредитах волгоградцы спрашивают в 6,9 раза чаще, чем о вкладах и депозитах. Полагаем, что неутешительная статистика по кредитам является отражением уровня социального самочувствия жителей города.

Нами апробирован один из возможных подходов к изучению социального самочувствия населения. Мы используем его уже на протяжении ряда лет в инициативном исследовательском проекте «Волгоградский Омнибус»¹. В этом исследовании для расчета уровня социального самочувствия используется Вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), который разработан Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для применения в межрегиональных исследованиях. Компоненты РИПН рассчитываются на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, которые предлагаются респондентам в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, – таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Общая логика расчета регионального индекса потребительских настроений сводится к следующему: 1) по каждому из вопросов, характеризующих различные аспекты жизни респондента и ожидания (вопросы С11–С16), рассчитываются распределения ответов респондентов (доли ответов, приходящихся на каждую из категорий представленной шкалы); 2) каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются) и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин; 3) совокупный индекс рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок.

Как правило, при анализе данных используются следующие частные индексы: индекс положения семьи (ИС, вопросы С12–С13), индекс межрегиональных сравнений (ИМС, вопрос С11), индекс ожиданий (ИО, вопросы С13–С15), индекс покупательской активности (ИПА, вопрос С16) и ряд иных показателей. Еще раз подчеркнем, что чем выше значения индекса, тем выше общая оценка ситуации. Если значения больше 100, то доля положительных оценок превышает долю отрицательных. Если индекс меньше 100, то относительное большинство опрошенных дали негативные оценки ситуации по тому или иному признаку.

В рамках данной статьи мы приведем данные, полученные в ходе январской 2014 г. волны мониторинга. Объектом исследования являются жители Волгограда и городов областного подчинения (Волжский, Камышин, Михайловка, Урюпинск, Фролово) в возрасте 16 лет и старше. Общее число жителей Волгограда и городов областного подчинения составляет около 1613 тыс. человек (около 62% от населения области), в том числе около

¹ «Волгоградский Омнибус» – синдикативный исследовательский проект, который проводится Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», начиная с 2004 г. Проект сочетает в себе черты прикладного социологического и маркетингового исследования. Ежегодно проводится 8 волн исследования, инструментарий исследования разработан таким образом, чтобы обеспечивать сопоставимость результатов, полученных в разных волнах исследования.

1391 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше. Именно эти люди и являются объектом завершённого исследования. Расчетный объем выборки составляет 800 интервью – 400 интервью в Волгограде, 220 интервью в Волжском и остальные интервью приходятся на Камышин, Михайловку, Урюпинск, Фролово. Максимальная статистическая погрешность выборки такого объема при уровне значимости 0.05 составляет 3.4%. В качестве метода исследования был использован метод САТИ–интервью (Computer Assistant Telephone Interview). В рамках данного материала мы приводим данные только по областному центру – Волгограду.

Результаты расчета индексов социального самочувствия и потребительских настроений жителей Волгограда

ИНДЕКСНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ	Январь-февраль 2008	Январь 2009	Январь 2010	Январь 2011	Январь-февраль 2012	Февраль 2013	Январь 2014
Индекс межрегиональных сравнений	76	19	36	30	23	21	25
Индекс положения семьи	139	57	86	92	102	104	92
Индекс ожиданий	161	73	118	93	111	100	87
Индекс покупательской активности	171	78	93	114	124	123	126
Оценка изменений положения семьи	121	40	48	72	73	83	75
Краткосрочный индивидуальный оптимизм	156	73	123	111	130	125	109
Краткосрочный социальный оптимизм	155	35	77	53	78	72	56
Долгосрочный социальный оптимизм	171	109	153	115	125	103	97
Индекс потребительских настроений	155	67	99	93	106	101	93

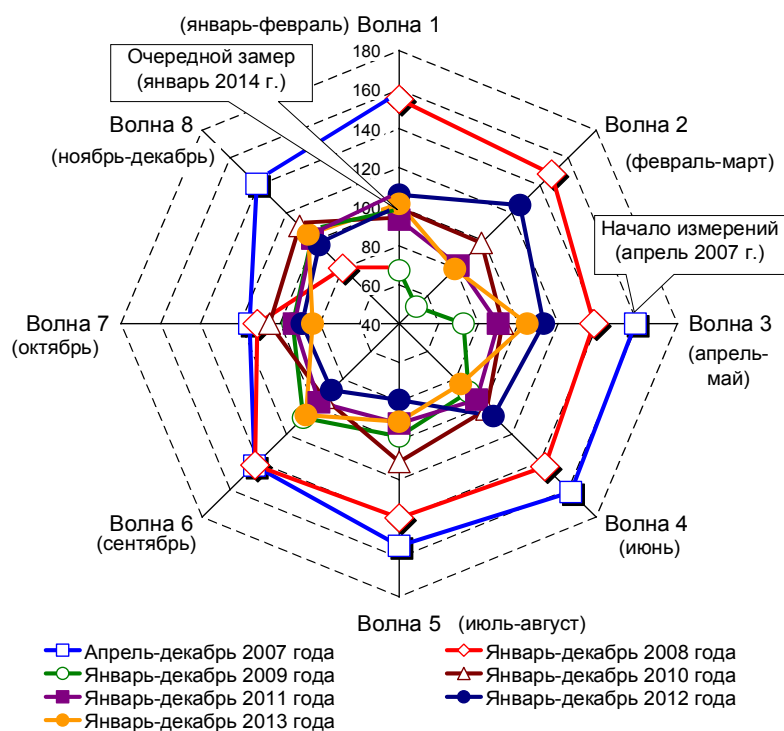
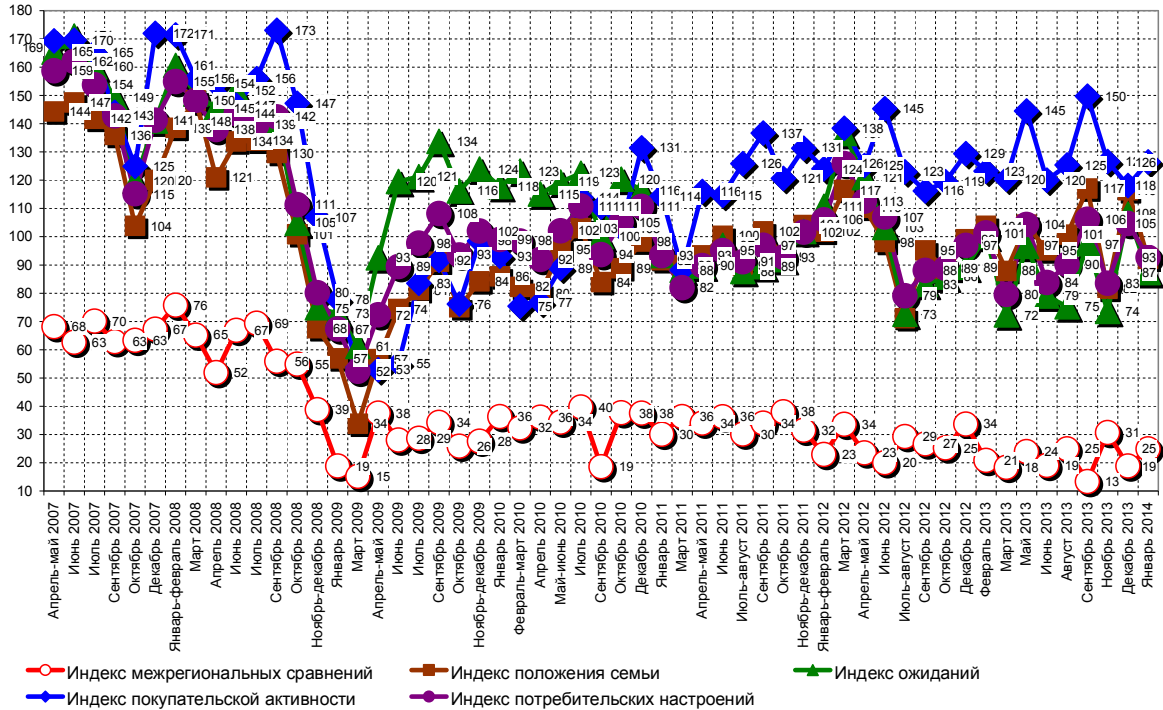
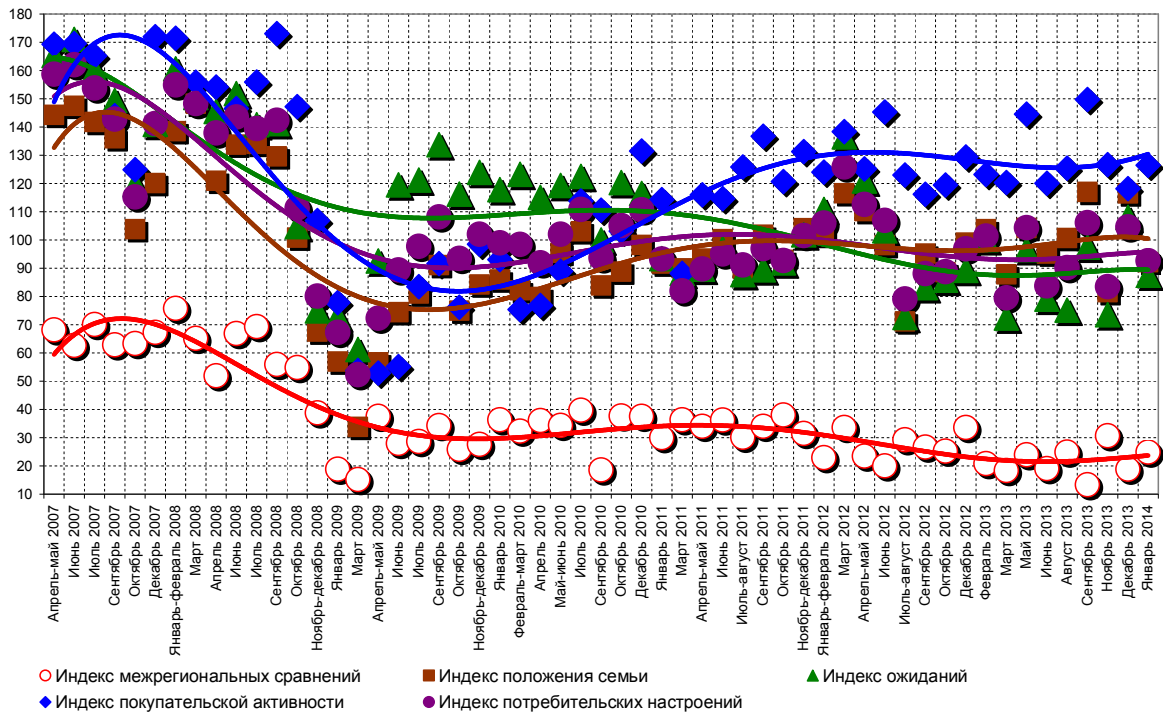

Рис. 1. Изменение показателя индекса потребительских настроений жителей Волгограда, начиная с апреля 2007 г.

Нельзя не заметить, что «спираль» изменения показателя индекса потребительских настроений жителей Волгограда (см. рис. 1) так и не смогла за все время измерений вернуться к уровню 2007 и 2008 гг. Общие тенденции изменения показателей социального самочувствия (см. рис. 2) и динамика показателей индексов индивидуального и социального оптимизма жителей Волгограда (см. рис. 3) оставляют желать лучшего.

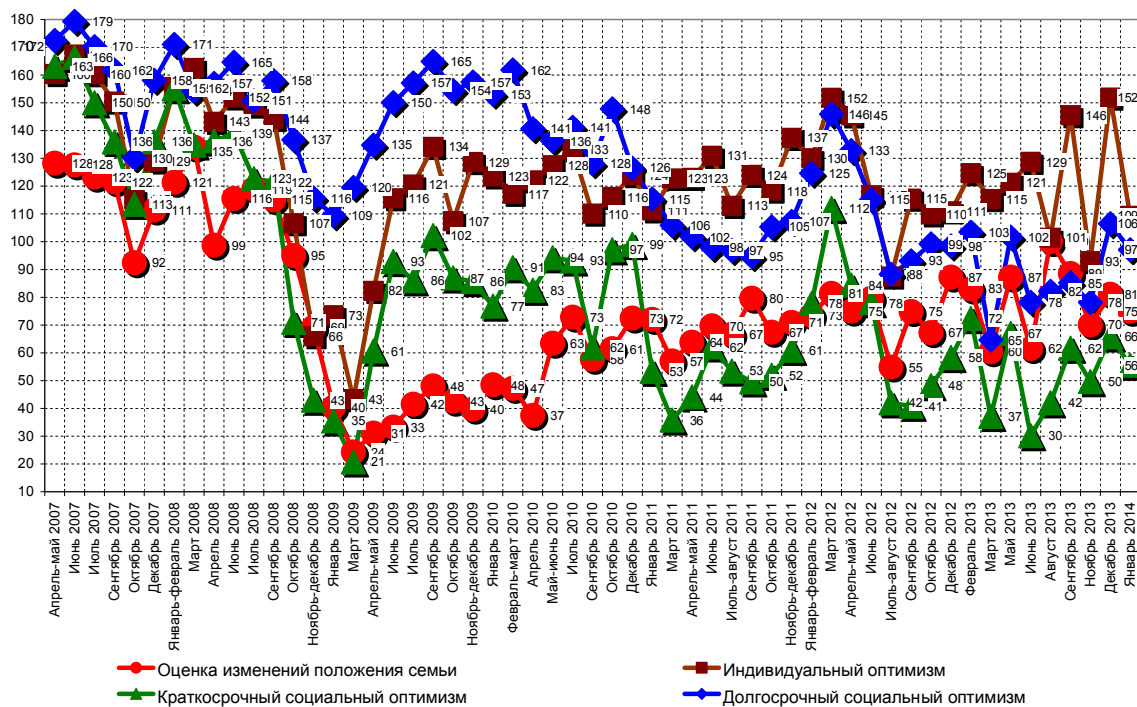

а) Результаты расчета показателей социального самочувствия

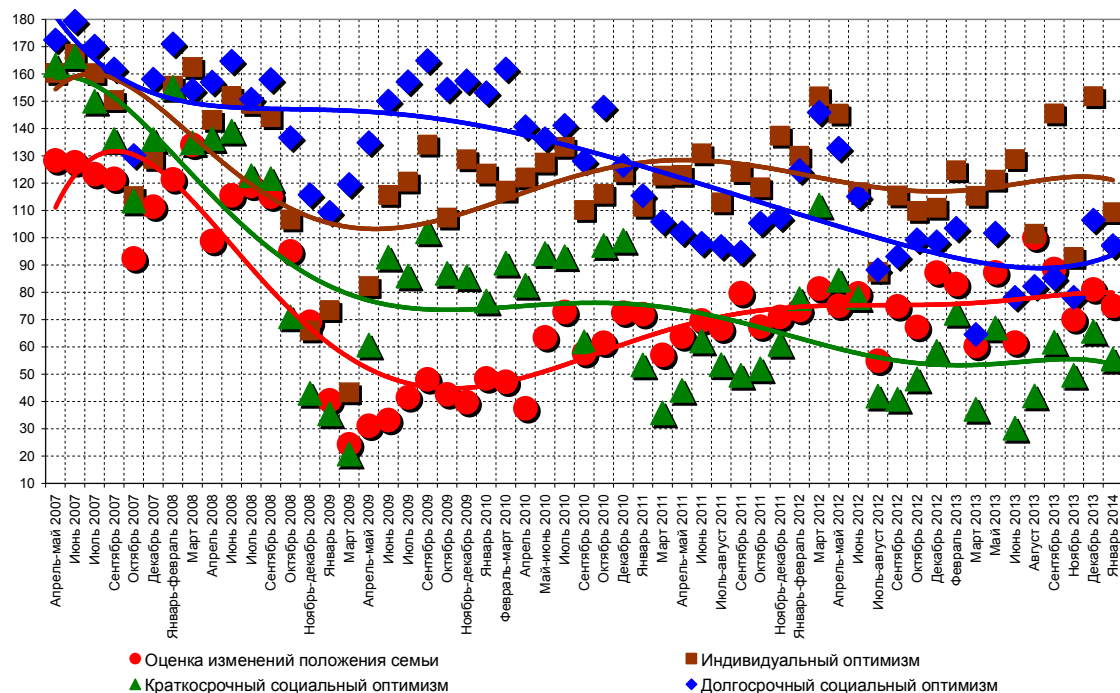

б) Тенденции изменения показателей социального самочувствия

Рис. 2. Динамика показателей социального самочувствия жителей Волгограда (компонентов индекса РИПН)

а) Результаты расчета индексов оптимизма

б) Тенденции изменения индексов оптимизма

Рис. 3. Динамика показателей индексов индивидуального и социального оптимизма жителей Волгограда

Традиционно самым низким является индекс межрегиональных сравнений (см. табл. и рис 1, 2). Еще раз напомним общее правило интерпретации результатов – чем выше значения индекса, тем выше общая оценка ситуации. Если значения больше 100, то доля положительных оценок превышает долю отрицательных. Если индекс меньше 100, то относительное большинство опрошенных дали негативные оценки ситуации по тому или иному признаку.

Общая «формула» жизненных перспектив, по мнению респондентов, выглядит следующим образом (см. табл.). «Сейчас в стране как-то не очень хорошо (индекс краткосрочного социального оптимизма – 56), а в регионе и того хуже (индекс межрегиональных сравнений составил всего 25 единиц), я-то еще как-нибудь сумею справиться с такой ситуацией (краткосрочный индивидуальный оптимизм – 109 баллов), но у других дела, видимо, обстоят хуже, чем у меня, однако, со временем все в стране должно каким-то образом наладиться (долгосрочный социальный оптимизм – 97)». На чем стоит этот ничем неоправданный оптимизм, из данных социологического исследования не очень-то понятно, но нет сомнений, что эти данные фиксируют зримое ухудшение оценки волгоградцами своей жизни и жизни россиян в целом. Сработают ли предлагаемые проекты модернизации, покажет время и то, как изменится социальное самочувствие населения.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Возможности инновационной модернизации России глазами разных поколений научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 2013. №4. С. 35–42.
2. Бурко А.А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. С. 56.
3. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. №12. С. 30–41.
4. Кива А.В. Россия: путь к катастрофе или модернизации? // Социологические исследования. 2010. №11. С. 133–143.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. 256 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
7. Осадчая Г.И. Социальные аспекты экономической безопасности России / Г.И. Осадчая, В.Д. Роик. М.: Мысль, 2006. 176 с.
8. Рейтинг российских регионов по качеству жизни [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2013.pdf.
9. Сведения о кредитах, представленных физическим лицам. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2014&TblID=302-02M>.
10. Социальное самочувствие населения в современной России // Тезисы докладов Всеросс. науч.-практ. конф. 4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 268 с.
11. Черныш М.Ф. О модернизации в России и Китае // Социологические исследования. 2013. №4. С. 143–150.

N. V. Dulina, Volgograd
V. V. Tokarev, Volgograd

SOCIAL WELLBEING OF THE POPULATION AS A FACTOR OF REGIONAL MODERNIZATION

This article, based on a sociological study, analyzes the impact of the social wellbeing on the regional modernization.

Key words: region, modernization, population, social wellbeing.

УДК 316.34/35(470.42)

Е. П. Галкина, Ульяновск
М. И. Кадничанская, Ульяновск

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассмотрена трансформация ценностных ориентаций молодежи в рамках проблемы социокультурной модернизации региона как процесса глубинных изменений цивилизационного характера.

Ключевые слова: модернизация, ценности, ценностные ориентации, молодежь, регион.

К настоящему времени процесс модернизации приобрел всемирный характер и включает три составляющих: социокультурную, индустриальную и информационно-когниционную. Социокультурная модернизация означает формирование и утверждение в повседневной жизни совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, а их реализация обеспечивается соответствующими социальными институтами и структурами [1, с. 6–7].

Для того, чтобы модернизация была успешной, необходимо создание благоприятного социального фона, когда идеи модернизации не отторгаются большинством общества, не происходит противопоставление целей развития одних социальных групп другим группам. Нужно особенно подчеркнуть, что необходимо поддерживать в развитии те группы населения, которые могут активно участвовать в информационной и технологической модернизации [2, с. 26]. Одной из таких групп является молодежь. Поэтому остро стоит вопрос о ценностных ориентациях современного российского общества и в частности молодёжи, т.к. молодёжь – это новое поколение, которое должно стать заменой своих родителей и опорой для общества и государства.

Авторы многих концепций о смысле человеческого бытия, считают, что осевой смысл человеческого существования, его смысловой центр составляют те или иные ценности или система ценностей. Правда, эти ценности понимаются в каждом источнике по-разному – выделяются различные аспекты данного явления.

Анализ взглядов классиков социологии позволяет сделать вывод о том, что ценности, являясь компонентом сознания отдельного человека, выступают также неотъемлемой составляющей и общественного сознания. Выступая элементом культуры, ценности выполняют в обществе интегративную функцию и помогают индивиду выбирать социально одобряемое поведение в жизненно важных ситуациях. Для личности система ценностей является главным мотиватором социального действия, оказывая влияние на потребности и интересы. Через систему ценностей происходит регуляция поведения акторов. С помощью ценностей усваивается и воспроизводится социальный опыт и изучение этого процесса является немаловажной задачей. Для этого следует подвергнуть анализу те потребности и мотивы, которые побуждают человека к активности в определенных ситуациях. При этом возникает вопрос мотивации, то есть, почему человек в той ли иной ситуации совершает тот или иной поступок. В некоторой степени выбор мотива объясняет понятие социальной установки, или аттитюда. Впервые понятие «социальная установка» было введено американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким [3, с. 335–337]. В отечественной социологии наиболее полно данное понятие раскрыто в диспозиционной концепции В.А. Ядова [4, с. 89–105]. Наиболее распространенным явилось изучение ценностей в связи с исследованием потребностей личности, их типологизацией и изменением во времени, а также в среде разных социальных групп и общностей. Ценности включены в мотивационную структуру личности, где побудительные мотивы деятельности личности выстраиваются в своеобразную последовательность:

потребности преобразуются в интересы, а затем переходят в ценности. При переходе потребностей в интересы первостепенными становятся те характеристики деятельности человека, в которых проявляется отношение к социальным институтам. Здесь побудителем человеческой активности становится не то, что необходимо, а то, что более выгодно с точки зрения материальных условий. При преобразовании интересов в ценности также происходит смена предмета отношения. В этом случае главным является представление о назначении человека, то есть то поведение, в котором происходит самоутверждение, самореализация личности. Изучая теорию установки, В.А. Ядов создал диспозиционную концепцию регуляции поведения личности. Основное положение этой концепции состоит в том, что личность обладает сложной структурой разных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Данные диспозиции организованы иерархически. Диспозиции представляют собой различные состояния предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельности (ситуаций), его поведенческих готовности, направляющих деятельность и формируются в результате взаимодействия стимулов и мотивов личности в конкретных условиях внешней среды и выступают в качестве механизмов саморегуляции социального поведения индивида.

Социальные установки (диспозиции) тесно связаны с ценностными ориентациями. Грань между ценностями и установками размыта, и нет четких критериев ее определения. Ценности отличаются от установок тем, что количество ценностей меньше, они более универсальны, менее ситуационно ориентированы, меньше подвержены изменениям. Социологи постоянно искали способы проверки того, как представленные в сознании личности ценности соотносятся с их реальным поведением. Сложилось следующее представление о соотношении понятий «ценностные ориентации» и «направленность» или «установка» личности. Ценностные ориентации выступают содержательной стороной, подсистемой, компонентом направленности личности, которая наряду с ценностными ориентациями включает желания, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение. Ценностные ориентации определяют социальные установки личности и являются основаниями для социальных установок, социальные установки отражают ценностные ориентации. В современной социологической литературе существуют разные подходы по исследованию природы ценностей. Например, ценность рассматривают как объект, имеющий какую-либо пользу для человека, как убеждение, как норму, как значимость чего-либо для отдельного индивида или социальной группы в целом и т.д. Все существующие подходы отражают определенную сторону ценностей и дополняют общую теорию ценностей. Несмотря на различные основания, все подходы имеют право на существование, так как они отражают то или иное существующее в обществе ценностное отношение.

Социологические исследования, проводимые в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. показывают, что структуру ценностей можно описать как характерную для традиционного российского менталитета, к основным ценностям относились семья, дружба, интересная работа, совесть, религия. Ценности материального характера (ценности группы материально-прагматической ориентации) в конце 80-х располагались на последних, а к началу 90-х на средних местах в структуре системы ценностных ориентаций молодежи. До середины 90-х структура ценностных ориентаций начала проявлять нетипичные для российского менталитета черты: население активно интересовалось социально-политическими вопросами, одной из значимых ценностей стала ценность «свободы», но уже к середине 90-х гг. материальное благосостояние и «высокая плата за труд» вытеснили и поменялись местами с ценностями «свободы» и «интересной работы». Ощутимо возросло число людей, которые ставили выше устремление к власти и достижение собственных целей. В целом смена ценностных предпочтений охватила больше трети населения страны. Качественные исследования показывали, что в среде молодежи появились установки: «половое сношение за деньги – это нормально» и другие. В конце 90-х гг. сформировалась убежденность в том, что «от простых людей ничего не зависит, что они не в состоянии остановить негативные процессы» и т.п. Среди насе-

ления, включая молодежь, возросла значимость сильной личности, обладающей необходимой харизмой и способной вывести страну из хаоса. В мировоззренческих установках и ценностных ориентациях молодежи появился ряд негативных тенденций. Такие составляющие человеческой жизни как стремление к познанию, труду, образованию и т.п. заметно потеряли свою значимость, уступив верхние ступени иерархии ценностей материальной обеспеченности, в среде молодежи повысилось число приверженцев «жесткого индивидуализма», отмечались тенденции к нарастанию эгоизма, цинизма, экстремизма и агрессивности. Однако в целом, на рубеже XX–XXI вв. начинает явно просматриваться тенденция возврата массового сознания россиян к традиционным ценностным ориентациям. Медленно, но вновь возрастает значимость чистой совести и душевной гармонии. Заметно активизировалась значимость образования, духовного развития, интересной работы, свободы (но понимаемой исконно по-русски как возможность выражать свою волю) и т.п. [5]. Тем самым, трансформационные сдвиги в базовых ценностях россиян, словно описав дугу, очень медленно возвращаются к исходной парадигме.

Из сравнительного анализа эмпирических данных относительно изменчивости ценностных ориентаций молодежи в Ульяновской области и России можно говорить, что стабилизовавшаяся структура ценностных ориентаций остается по большей части практически не изменяемой, расхождения незначительны.

На вопрос о приоритетных жизненных ценностях молодежи в России (исследование Фонда «Общественное мнение») и в Ульяновской области (исследование Общественной палаты Ульяновской области) были выделены – семья (в России – 77,7%, в Ульяновской области – 94%), здоровье (в России – 95,3%, в Ульяновской области – 93%), дружба (в России – 60,8%, в Ульяновской области – 92%). Среди ульяновской молодежи также были названы безопасность – 89,7%, любовь – 89,1%, далее по степени значимости расположились карьера, вера в бога, адаптация, патриотизм, творчество. Таким образом, структура ценностной системы молодежи Ульяновской области крайне схожа с общероссийской структурой ценностей.

Целями современной ульяновской молодежи по результатам социологического исследования, проведенного кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета (февраль – март 2013, март 2014, выборка составила 375 человек, репрезентативная по полу и возрасту) выступили:

- воспитать хороших детей – 86,7%,
- иметь надежных друзей – 67,4%,
- получение престижной работы – 67,2%,
- стать знаменитым – 64,3%,
- иметь доступ к власти – 53,9%.
- путешествия по разным странам мира – 39,3%,
- быть богатым человеком – 38,4%,
- получение образования – 32,1%.

К мало достижимым целям молодежь относит «стать знаменитым» и «иметь свой собственный бизнес» (по 30,1% соответственно).

Отмечаемые молодежью «наиболее важные качества для человека в России» (Фонд «Общественное мнение») – это отзывчивость – 92,4%, надежность – 92,8%, честность – 84,9%. По мнению молодежи в России в средствах массовой информации преобладает пропаганда таких ценностей как деньги и патриотизм – 54%.

На вопрос: «Какие понятия соответствуют настроениям современной молодежи в России?» среди негативных были названы: неуверенность в завтрашнем дне – 39,6%, злость, агрессивность, – 21,9%, апатия (равнодушие) – 14%. Кроме этого, среди понятий, соответствующих настроениям молодежи с положительной окраской, были выделены надежда на лучшее – 26,5%, активность, энергия – 22,4%, оптимизм – 21,7%. Социологические исследо-

вания показывают, что наибольшее влияние на формирование основы жизненного опыта молодежи оказывают семья (71%), друзья (55%), школа (40%). [6]

Не менее интересные данные предоставляет сравнительное исследование ФОМ «Ценности, приходящие и уходящие с возрастом», проводимое в 2011 г. Весьма интересным является то, что ценность семьи актуализируется в 25–34 года и становится менее значимой в возрасте 65 лет и старше. Ценность «безопасности» снижается в возрасте 55–64 лет, ценность «достатка» актуализируется на протяжении двух возрастных промежутков: в 25–34 года и 45–54 года, а затем стабильно падает. Ценности «мира», «стабильности», «справедливости» актуализируются в более старших возрастных группах. Замечено падение ценностей «справедливости», «совести» и «порядка» в младших возрастных группах: 18–24 и 25–34 года. На эту тенденцию следует обратить внимание, так как трансформация ценностей начинается именно в молодежной среде, но пока трудно сказать насколько эта тенденция существенна [7].

По результатам социологического исследования, проведенного кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета «Досуг современной молодежи г. Ульяновска» (март 2014, выборка составила 365 человек, репрезентативная по полу и возрасту) молодые люди большинство своего свободного времени проводят за компьютером. Среди них 64,9% респондентов играют в компьютерные игры, 96% использует компьютер в целях выполнения учебного задания. Значительно меньше молодежь занимается в спортивных секциях (47,7%), а так же имеет свое хобби (48,3%). Большинство респондентов слушают музыку (98%), общаются с друзьями (95,4%), гуляют (95,4%), смотрят телевизор (77,8%), а так же просто предпочитают ничего не делать (78,1%). В основном у молодежи свободного времени в будние дни до 4–5 часов и лишь небольшой процент имеет до 6–8 часов. В выходные дни наоборот.

На вопрос: «Что Вы обычно читаете?», респонденты ответили следующим образом: учебную литературу – 37,1%, журналы – 27,8%, ничего не читаю – 25,8%, газеты – 17,5%, романы – 14,9%, художественную литературу, классику – 13,6%, фантастику – 9,9%, детективы – 9,3%, научно-популярную литературу – 8,9%.

Среди телепередач предпочтение было отдано спортивным передачам (33,9%), реалити шоу, ток-шоу (33,0%), документальные передачи смотрят 23,6% опрошенных респондентов, музыкальные передачи – 18,9%, мультфильмы – 17,2%, сериалы – 1,6%, художественные фильмы, спектакли -12,4% респондентов.

Незначительное количество молодежи посещают музеи (16,5%), в основном, 1–3 раза в полгода. Театр посещают 22,6% респондентов, кинотеатр – 45,1% опрошенных, библиотеку – 56,7%, ходят в ночные клубы – 71,6% респондентов.

Таким образом, для проведения досуга молодежь выбирает развлечение. С возрастом наблюдаются изменения предпочтений в проведении досуга с активных занятий (спорт) к пассивным (чтение книг, просмотр фильмов).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что основными жизненными ценностями молодежи г. Ульяновска выступают счастливая семейная жизнь, здоровье, наличие хороших и верных друзей. Значительная поддержка молодежью ценностей материальной обеспеченности и интересной работы отвечает задачам модернизации российского общества, и региона в частности, но для реализации этого необходимы соответствующие социальные условия.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Модернизация в мире, её состояние в регионах России. // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»: 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБЮ Гилем, 2012. С. 6–7.

2. Беляева Л.А. Социокультурные факторы модернизации регионов // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»: 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБЮ Гилем, 2012. С. 26.

3. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская соц. мысль / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 335–337.

4. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.

5. URL: http://www.opuo.ru/sites/default/files/3.5.molodezh_regiona_i_vzglyad_v_budushchee_0.pdf.

6. URL: http://maxim.svetunkov.ru/science/files/soc_aspects.pdf.

7. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d112413#>.

*E. P. Galkina, Ulyanovsk
M. I. Kadnichanskaya, Ulyanovsk*

VALUE YOUTH ORIENTATIONS IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION IN ULYANOVSK REGION

In this article transformation of youth value orientations is considered within the bounds of the problem of region sociocultural modernization as a process of civilizational changes.

Key words: modernization, values, youth value orientations, youth, region.

УДК 316.34/35

С. В. Каргаполов, Астрахань

МЕНТАЛИТЕТ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье на основе социологического исследования анализируется влияние информационной модернизации на менталитет молодежи региона.

Ключевые слова: менталитет, молодежь, регион, информационная модернизация.

Одним из концептов, объясняющих динамику современных общественных систем, является концепт модернизации. В социологии под модернизацией подразумевается, прежде всего, переход на первом этапе от традиционного аграрного общества к светскому, городскому и индустриальному обществу и далее, на втором этапе – к информационному обществу, основанном на приоритете знаний, наукоемких технологий.

В последние годы исследователи все чаще отмечают то обстоятельство, что модернизация это не только экономический процесс. Например, по логике китайского ученого Хэ Чунаньцы, «модернизация – это комплексный способ решения не только экономических, но и политических, управленческих, социальных, культурных и индивидуальных задач, которые в полном объеме стоят перед государствами, обществами и индивидами. Основная цель современной модернизации – безопасность государства и общества и предложение сценариев дальнейшего развития для повышения условий жизнедеятельности» [с. 7]. Таким образом, можно говорить о социокультурной модернизации и применении социокультурного подхода к ее изучению.

Важнейшим социокультурным фактором модернизации является менталитет. Д. В. Полежаев рассматривает менталитет как «сложную систему, включающую в себя, по меньшей мере, два уровня: *внешний*, витальный, в значительной степени подвижный, связанный напрямую с изменяющимися жизненными обстоятельствами, в том числе природными, социальными, политико-идеологическими и др., и *внутренний* – инертный, более устойчивый, представляющий собой в определенном смысле «ядро», которое и корректирует ментальные установки, «восстанавливая» их, приводя к единому знаменателю, насколько это возможно, индивидуальные ментальности» [2, с. 21]. Формами передачи и сохранения специфических черт («ядра») ментальности являются традиции как явно проявляющиеся устойчивые структуры материальной или духовной культуры, социального или хозяйственного поведения. Понятие «менталитет» употребляется в лингвистике, социологии, культурологии, философии, политологии, психологии, истории. При социокультурном подходе менталитет трактуется как смыслообразующая основа культурного ландшафта, интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Методология социокультурных исследований базируется на таком анализе менталитета, который позволяет выявить уникальные черты и особенности социальных общностей и групп. Подобный анализ менталитета становится возможным при проведении социологических исследований, объектом которых становятся различные социальные группы. Так, например, в мае 2014 г. под руководством и непосредственном участии автора было проведено анкетирование студентов Астраханского инженерно-строительного института (N = 300), основной задачей которого стало исследование влияния на менталитет молодых людей новых масс-медиа, в частности Интернета. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы.

Что касается источников получения информации у студентов, то интернет не просто лидирует, а более чем в два раза обгоняет телевидение (90,6% против 44,9%), на третьем месте – родственники, друзья, коллегия (37,1%), на четвертом месте – книги (24,1%). Радио указали только 9,4% опрошенных, профессиональные и научно-популярные журналы – только 5,7%¹.

По частоте использования первые три места занимают мобильный телефон, интернет и компьютер (93,9%, 91,8% и 86,1% выбравших вариант «раз в день и чаще» соответственно). На четвертом месте – социальные сети, которые раз в день и чаще посещают уже 74,7% молодых людей. По частоте использования существенно уступают электронное правительство (студенты зачастую не знали вообще, что это такое. Отсюда, вероятно, более 40% затруднившихся и отказавшихся ответить). Электронными платежами и сеансами голосового общения пользуются при этом более 50% опрошенных при частоте в основном раз в месяц и раз в неделю (см. табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы пользовались в последний год?»
(% от опрошенных)

Варианты ответов	Раз в день и чаще	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже чем раз в год	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Компьютер	86,1	8,2	0,8	0,4	1,2	0,4	2,9
Интернет	91,8	5,3	0,4	0,0	0,8	0,4	1,3
Мобильный телефон	93,9	0,8	0,4	0,0	0,8	0,8	3,3
Социальные сети	74,7	10,6	4,9	1,2	3,3	2,0	3,3
Электронное правительство	3,7	7,8	17,1	11,4	16,7	24,1	19,2
Электронные платежи, покупки	5,3	18,0	28,2	13,9	13,1	10,2	11,3
Сеансы голосового общения через Интернет (скайп и т.д.)	11,8	18,4	27,8	14,7	12,2	5,7	9,4

Наиболее удобно пользоваться студентам мобильным телефоном и интернетом (78% респондентов, оценивших удобство пользования наивысшим баллом по десятибалльной шкале). Далее с большими отрывами друг от друга следуют компьютер, социальные сети, сеансы голосового общения через интернет (скайп и т.д.) и электронные платежи, покупки и (72,7%, 51,8%, 36,3% и 26,5% выбравших оценку «10 баллов» соответственно). Удобство пользования электронным правительством практически каждый третий студент (29,4%) оценил в один (наименьший) балл по десятибалльной шкале.

Следующая группа вопросов относилась только конкретно к интернету. Так, на вопрос «Как Вы относитесь к Интернету?» подавляющее большинство (82;% опрошенных) ответили «положительно», 11,8% – «безразлично». Исчезающе малое число респондентов (1,2%) выбрали ответ «отрицательно», 1,2% – «не знаю», 3,4% отказались от ответа.

При посещении Интернета по тематике интересов молодежи лидируют с большим отрывом музыка и новости (77,6% и 76,3% соответственно). На третьем месте – общение, чаты (58,8%). 47,3% опрошенных интересуют юмор, 45,7% – наука и образование, 40% – спорт, 38% – литература, 37,6% – отдых, путешествие, природа, 35,1% – развлечения (игры), 32,7% – здоровье, 30,2% – общественная жизнь, 29,4% – культура и искусство, 28,6% – информация о товарах, 24,9% – приобретение товаров, 22,4% – политика города и региона, 19,2% – медицина, лекарства, 17,1% – техника, компьютеры, 16,7% – семья, дети, 12,7% – бизнес, финан-

¹ Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

сы, 8,6% – эротика². В этом ряду обращает на себя внимание практически равное количество выборов юмора и науки и образования, а также в меньшей степени, но также равное количество выборов техники с компьютерами и семьи с детьми.

По целям использования лидирует «бесцельный», наш взгляд, вариант ответа «для информации» (74,3% выбравших вариант ответа «раз в день и чаще»). На втором месте в этом ряду варианты «для подготовки к учебным занятиям» (69,8%) и «для общения» (67,8%), на третьем – «для досуга» (64,1%). Далее расположились в порядке убывания варианты ответа «для работы» (57,1%), «для удовольствия» (51,4%), «для повышения профессионального уровня» (34,3%), «использование программы голосового общения (скайп и т.п.)» (15,1%), «для творчества (создания совместных произведений науки, литературы и искусства)» (14,7%), «с научной целью» (11%), «телефонные звонки через Интернет» (10,2%), «для вложения денег» (2,9%). 29,4% опрошенных используют Интернет раз в месяц для электронных платежей и покупок (см. табл. 2).

Таблица 2

Цели и частота пользования Интернетом респондентами

С какими целями и как часто Вы пользуетесь Интернетом?	Раз в день и чаще	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже чем раз в год	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Для работы	57,1	20,0	4,5	1,2	3,3	2,4	11,5
Для подготовки к учебным занятиям	69,8	18,4	5,3	4,1	0,0	1,2	1,2
Для информации	74,3	15,1	4,9	0,0	0,8	2,0	2,9
Для повышения профессионального уровня	34,3	32,2	13,9	3,7	1,2	5,7	9,0
Для досуга	64,1	16,7	8,2	1,2	2,0	1,2	6,6
Для общения	67,8	15,9	5,7	1,6	2,4	2,0	4,6
Для электронных платежей, покупок	6,1	19,2	29,4	12,7	13,1	7,3	12,2
Для творчества (создания совместных произведений науки, литературы и искусства)	14,7	12,2	18,4	6,9	15,1	17,1	15,6
Для удовольствия	51,4	17,6	8,6	1,6	3,7	7,3	9,8
С научной целью	11,0	15,5	6,9	6,1	4,5	11,4	44,6
Для вложения денег	2,9	5,3	9,0	6,9	11,0	15,9	49,0
Телефонные звонки через Интернет	10,2	13,1	10,6	9,8	7,3	6,9	42,1
Использование программы голосового общения (Скайп и т.п.)	15,1	13,5	14,3	8,2	4,1	4,9	39,9

² Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Таблица 3

Ценностное отношение респондентов к Интернету

Согласны ли Вы со следующими утверждениями?	Полностью согласен	Пожалуй, согласен	Трудно сказать	Скорее, не согласен	Полностью не согласен	Загрузка ответить	Отказ от ответа
Существует опасность Интернет-зависимости, ухода в виртуальную реальность	43,3	27,8	13,9	7,8	4,9	1,2	1,1
Интернет – ценность современной цивилизации и культуры	18	23,7	24,5	7,3	4,5	1,6	20,4
Интернет разделяет людей по уровню доходов	5,3	9,4	19,6	29,8	25,3	6,5	4,1
Интернет уравнивает всех людей, позволяет им самореализоваться	18,4	20,8	31,4	12,7	6,5	4,5	5,7
Интернет отсекает возможность живого общения между людьми	38	22,9	14,3	11,8	9,4	0,8	2,8
Интернет сближает людей	15,1	30,2	26,9	13,5	7,8	2	4,5
Виртуальный мир во многом превосходит реальный мир, основная функция виртуального мира – создание нового искусственного мира, в котором все ощущения человека заменяются имитацией	11,8	15,9	16,7	21,6	24,1	4,1	5,8
Виртуальный мир дублирует реальный мир, и основная функция виртуального мира – обслуживание реального мира	9	24,9	26,9	17,6	13,9	4,1	3,6
Интернет – мир свободного самовыражения и открытости, неподвластный контролю государства	18,4	24,9	22,4	16,7	13,9	0,8	2,9
У Интернета есть несомненные преимущества по оперативности подачи информации по сравнению с другими средствами массовой информации	49,8	29	10,2	2,9	1,2	1,6	5,3

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 3, более трех четвертей (78,8%) опрошенных в той или иной степени согласны с утверждением «у Интернета есть несомненные преимущества по оперативности подачи информации по сравнению с другими средствами массовой информации». 71,1% респондентов также соглашались с утверждением «существует опасность Интернет-зависимости, ухода в виртуальную реальность», но уже каждый восьмой (12,7%) студент не согласен с данным утверждением. 60,9% студентов считают, что интернет отсекает возможность живого общения между людьми, но уже каждый пятый (21,2%) с этим не согласен. При этом 45,3% респондентов согласны с противоположным утверждением «интернет сближает людей». 43,3% опрошенных согласны также с выражением «интернет – мир свободного самовыражения и открытости, неподвластный контролю государства», но 30,6% не согласны.

41,7% студентов считают интернет ценностью современной цивилизации и культуры, 11,8% так не считают, но именно это утверждение вызвало при ответе наибольшее затруднение (22% затруднившихся и отказавшихся отвечать).

39,2% респондентов согласны с тем, что интернет уравнивает всех людей, позволяет им самореализоваться, 19,2% с этим не согласны. 14,7% опрошенных согласны с противоположным утверждением «интернет разделяет людей по уровню доходов», но более половины (55,1%) с этим не согласны.

Каждый третий-четвертый (27,7%) студент считает, что «виртуальный мир во многом превосходит реальный мир, основная функция виртуального мира – создание нового искусственного мира, в котором все ощущения человека заменяются имитацией», но 45,7% опрошенных с этим не согласны. Каждый третий (33,9%) согласен с противоположным по смыслу выражением «виртуальный мир дублирует реальный мир, и основная функция виртуального мира – обслуживание реального мира», но также каждый третий (31,5%) с этим не согласен.

При этом полностью доверяют информации, размещенной на сайтах Интернета только 1,2% опрошенных. 7,3% выбрали вариант ответа «пожалуй, доверяю». Наибольшая по численности когорта (39,6%) выбрала вариант «в основном, доверяю». Далее следует группа респондентов (29,4%), которым трудно сказать точно. На третьем месте группа студентов (18,4%), которые не очень доверяют Интернету. Только 2,4% категоричны в своем полном недоверии Интернету, 0,4% – не знают. 1,7% – отказались от ответа.

Более половины опрошенных (57,1%) считают необходимым введение цензуры в Интернете, но 28,2% респондентов не разделяют это точку зрения, 11,4% затрудняются ответить, 3,3% отказались от ответа.

Менее половины (46,5%) студентов считают настоящей изменой измену на сайте электронной переписки в Интернете, но каждый четвертый (24,1%) так не думает, и практически каждый третий затрудняется или отказывается ответить на этот вопрос (22,4% и 7% соответственно).

Таким образом, под влиянием информационной модернизации быстро распространяются новые масс-медиа, в том числе Интернет, и студенты являются их активными пользователями. Требуется дальнейшего исследования вопрос о том, будет ли под влиянием интернета изменяться ядро менталитета молодежи, при котором виртуальное пространство становится смыслом жизни и заменяет живое общение между реальными людьми. Либо интернет-пространство останется на периферии менталитета, при котором личность сохраняет свою автономность от виртуального пространства и интернет будет лишь техническим средством коммуникации.

Список литературы

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци. М., 2011.
2. Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2011.

Kargapolov S. V., Astrakhan

**THE MENTALITY OF THE YOUTH OF THE REGION
IN THE CONDITIONS OF INFORMATIONAL MODERNIZATION**

This article, based on a sociological study analyzes the impact of the informational modernization on the region's youth mentality.

Key words: mentality, youth, region, information modernization.

УДК 316:32

О. В. Лысенко, Пермь

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье предлагается авторская концепция социальной стратификации современного городского общества. Последнее рассматривается как соединение трех стилевых сообществ, более или менее единых по манере поведения, культурным ориентирам, способам существования в городском пространстве. Если первые два сообщества сформировались еще в позднее советское время, то третье (новые горожане) появилось относительно недавно, и является одновременно продуктом глобальных трендов и фактором развития города.

Ключевые слова: социальная стратификация, стиль, идентичность, презентация, социальная группа.

Нетрудно заметить, что сегодня о модернизации принято говорить скорее в широком, публицистическом контексте, подразумевая любое движение вперед по пути прогресса. Пожалуй, только несколько наиболее упрямых обществоведов еще цепляется за термин «модернизация» в том его значении, которое предполагало развитую метатеорию объяснения перехода от традиционного к современному обществу. Даже в России авторы, сделавшие себе имя на этом научном концепте [9; 2], сегодня предпочитают иные теоретические пути и тропинки.

В задачи этой статьи не входит объяснение этого факта. Но зафиксировать его стоит, поскольку без различения «модернизации» как процесса становления индустриального общества от «модернизации», как любого «осовременивания», мне не обойтись. Поскольку главная цель этого сообщения – показать, опираясь на данные социологических исследований, личные наблюдения, и на теоретические выкладки, некоторые новые контуры современного городского общества. Цель эта только на первый взгляд выглядит сугубо теоретической. На практике (и социологи со мной согласятся), мы регулярно сталкиваемся с необходимостью находить в социальном пространстве те или иные социальные группы. Например, любой социологический опрос так или иначе должен сопоставить полученную информацию о респондентах с их социальным статусом. А чем сегодня он меряется? Полем и возрастом? Образованием и доходом? Родом деятельности? Каждая из этих характеристик, в лучшем случае, отсылает нас к статистическим группам, но мало что дает для прогнозирования реального поведения. Традиционное деление на классы, мягко говоря, устарело. Как быть с многочисленными предпринимателями, совмещающими бизнес с работой по найму, занимающимися сетевым маркетингом, играющими на бирже? Так есть или нет этот самый класс буржуазии, или он не более чем очередное социологическое допущение? А если его нет, то какие классы есть?

Не лучше обстоит дело и с другими традиционными социологическими понятиями, которые, пользуясь словами В. Вахштайна, из предмета социологии стали объясняющими схемами [4]. Речь идет о социальных группах, сообществах, субкультурах и т.д. Каждая из этих категорий стала расхожим клише, скорее затемняющим смысл социальной реальности, нежели ее проясняющим. Можем ли мы, скажем, найти в городе социальные группы, особенно, если действовать не начетнически, а всерьез, учитывая самоосознание и наличие обязательных элементов общей культуры? А если найдем, то сможем ли утверждать, что каждый житель города (ну, или хотя бы большинство) принадлежит к той или иной социальной группе? Вновь этот тезис вызывает сомнение. А ведь без такого «деления без остатка» всех жителей города по социальным группам (даже с учетом всех вариантов смешанных или переходных позиций) сам принцип выделения социальных групп теряет смысл.

Не вдаваясь более в обоснование актуальности проводимой интеллектуальной операции, перейдем к существу статьи. Искомая стратификация городского общества, на мой взгляд, должна соответствовать некоторым критериям. Во-первых, она не должна быть чрезмерно дробной: бесконечное выделение групп и подгрупп лишает такую стратификацию практического смысла. В конечном счете, если верить авторитетным теоретикам социологии последних десятилетий, мы живем в индивидуализирующемся обществе [3; 6; 13; 14], так что каждый индивид теоретически стремится выделиться в собственную «социальную группу». Но здесь уместнее выделить три-четыре более или менее однородные группы, пренебрегая второстепенными социальными различиями. Во-вторых, такая стратификация не может сводиться к институциональному рассмотрению. Извиняюсь за банальность, все индивиды действительно играют большое количество социальных ролей: семейных, гендерных, служебных, в рамках открытых городских и государственных институтов (магазины, дороги, сервисы, налоговая служба, социальное страхование и т.д. и т.п.). Но это не значит, что в своей жизни мы каждый раз становимся приверженными членами таких социальных групп, как покупатели, пешеходы, водители, налогоплательщики и тому подобных. Согласимся, в реальной жизни мы более или менее четко осознаем близость или, наоборот, дистанцию с теми или иными людьми не только из-за институциональных отношений. Множественность социальных ролей не мешает формированию некоторой целостной социальной идентичности. Отсюда вытекает третий принцип: социальная стратификация должна строиться на базовом чувстве принадлежности индивидов к некоему «воображаемому сообществу» [1]. А воображаемое сообщество строится на общности культуры, находящей выражение в языке, привычках, разделяемых символах и традициях, в общей исторической памяти. Таким образом, искомые части городского общества необходимо выделять по основаниям разделяемого стиля поведения, причем под последним мы понимаем способ презентации собственной социальной идентичности. И коль речь идет о городском обществе, то и идентичность здесь будет определяться через город, точнее – через освоенность городского пространства, отождествление себя с городом, эмоциональное отношение к городу.

В рамках проведенного в декабре 2012 г. исследования «Пермь как стиль»¹, мы (имеется ввиду группа исследователей, разрабатывавшая программу и инструментарий опроса) получили некоторые результаты, наводящие на мысль о существовании в рамках города, как минимум, трех больших сообществ, обладающих схожими стилевыми поведенческими наборами. Эти три стилевых сообщества включают в себя подавляющее большинство горожан, за исключением лишь еще неадаптированных мигрантов и откровенных маргиналов. Первые два сообщества сформировались еще в позднем советском городе: один из которых представлял собой совокупность более или менее урбанизированных социальных групп, а второй – совокупность людей, продолжавших оставаться на периферии городской жизни, и в пространственном, и в культурном отношении. Понятно, что вторые с точки зрения первых представлялись некими «новыми городскими варварами», маркированными терминами типа «жлобы», а позднее – «гопники». Для первых (назовем их условно «интеллигенцией», по самоназванию) город представляет собой более или менее единое символическое и социальное пространство, освоенное и присвоенное. Их социальные контакты строились уже не по принципу «двора» и микрорайона, а по принципам общности профессии, увлечений, взглядов. Если, например, проследить биографические конструкции двух одноклассников, один из которых поступает в вуз, а другой следует устойчивой модели советского времени «двор-ПТУ-завод», то мы без труда можем обнаружить, как будет меняться их способ существования в городском пространстве: для первого достаточно быстро новые студенческие, а потом и профессиональные связи станут более значимыми и широкими (в пространственном измерении), чем школьные и дворовые, а второй так и ограничит основной ареал своего обитания

¹ Метод стандартизированного интервью, число опрошенных – 960 человек, по репрезентативной квотной (пол, возраст, место жительства) выборке. Подробнее см.: [10].

микрорайоном, изредка выбираясь «в город» за покупками и развлечениями. Вообще, судя по нашим исследованиям, город становится городом в России тогда, когда возникают площадки, на которых могут встретиться эти «современные горожане». Этим объясняется столь важная роль разного рода культурных институций города – театров, филармоний, библиотек, а ныне, возможно, клубов и фестивалей, вход в которые для непосвященных охраняется изначально высокими требованиями к культурным компетенциям индивида. Не случайно даже небольшие по численности городские поселения Пермского края, имеющие театры, даже самодельные, гораздо больше похожи на город, чем их соседи, лишенные таких площадок. (Сравнение Лысьвы и Чусового, Губахи и Кизела может это подтвердить). При разрушении (или отсутствии) такой площадки исчезает и тот слой, который выстраивает свои связи по верх микрорайонов-поселков. Освоение этих культурных институций (хотя бы на уровне «я там бывал») становится обязательным для каждого, кто претендует на статус горожанина. Так, первокурсник, приехавший из деревни в Пермь, должен побывать в театре, в галерее, в ресторане, в центре, в центральных магазинах. В этом же ряду стоит и феномен приезжего, который обязан в Москве и Санкт-Петербурге побывать в театрах, хотя большинство москвичей и питерцев туда не ходят годами.

Сложность анализа увеличивается, если мы примем во внимание наложение в современном российском городе двух процессов – затянувшегося перехода российского общества к рыночному обществу, то есть, модернизации в узко-научном понимании слова, и одновременно – процессов, связанных с глобализацией мира, наступлением информационной эпохи, окончанием «тяжелой модернити» [3]. Новая социально-экономическая ситуация вызвала существенный рост новых городских слоев, не похожих ни на «интеллигентных людей», ни на «городских варваров», причем задолго до крушения самого Советского Союза (вспомним сетования по поводу «образованцев», начавшиеся еще в 80-е гг). Что характерно, почти тогда же в социальной теории начинаются попытки дать этим слоям новое имя – «людей третьей волны» [11], «креативного класса» [12] или «социальных новаторов». Даже понятие среднего класса на этой волне приобрело совсем иной оттенок [7; 8]. Само наличие попыток отыскать термин и тем самым промаркировать новое социальное явление свидетельствует о его реальности.

Не вдаваясь в дискуссию относительно сути этого явления, следовало бы все же в двух словах охарактеризовать собственное понимание этого нового слоя. Очевидно, речь идет о тех горожанах, которые оказались способными заново и по иному освоить городское пространство, заняв в нем особую нишу. Опираясь на работы З. Баумана [3], Н. Элиаса [12], П. Вирно [5], Э. Гидденса [6], М. Яцино [14] и некоторых других авторов, можно дать беглый (но достаточный здесь и сейчас) образ «нового горожанина». Прежде всего, это тот слой городских жителей, который сочетает в себе высшее образование и более или менее глубокое усвоение культуры и прагматические жизненные устремления (в первую очередь – консюмеризм), гибкие стратегии поведения на рынке занятости (склонность к проектной деятельности, готовность менять профиль деятельности, стремление к продолжению обучения) и приверженность к независимости, выражающееся в приверженности к свободному графику, стремление к творчеству и плюрализм в культурном потреблении. Но помимо набора этих общих качеств, следовало бы указать еще на два важных обстоятельства. Первое – «новые горожане» явно выпадают из традиционной социально-классовой структуры, как она виделась социологам еще в 60–70-х гг. прошлого века, поскольку перестают ценить раз и навсегда достигнутый социальный статус. В разных работах не раз было высказано мнение о том, что сегодня в западном обществе не социальные позиции определяют стиль практикуемой культуры, а выбранный стиль приводит человека в рамки определенного сообщества [3, 14]. Второе – «новые горожане» все чаще отказываются от «эссенциалистской» трактовки своей идентичности, в первую очередь – этнической, территориальной и гражданской. Увеличение возможности менять место жительства и работы, информационная доступность и, смею предположить, убежденность в том, что все есть «общество спектакля», все есть про-

дукт PR-технологий, рекламы и манипуляции, приводит к некоторому прагматизму, только без надрыва и особых негативных коннотаций, свойственной «интеллигентным людям».

Рамки короткой статьи не позволяют привести здесь более детальные количественные и качественные аргументы в пользу именно такого взгляда на стратификацию современных городов. Однако сказать несколько слов для обоснования эвристического потенциала предложенной идеи стоит. Если мы говорим об информационном обществе и об измеримости степени «модернизированности» городов, то именно численность этого нового слоя людей является одним из важнейших факторов и показателей развития.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное сообщество. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Вахштайн В. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти, 6.02.2014. URL: [http://socofpower.rane.ru/uploads/3%20\(2013\)/Vakhshayn_K%20konzeptualizii%20soobshestva.pdf](http://socofpower.rane.ru/uploads/3%20(2013)/Vakhshayn_K%20konzeptualizii%20soobshestva.pdf).
5. Вирно П. Грамматика множеств М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
6. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
7. Дилигентский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
8. Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. М.: Эксмо. 2012. 224 с.
9. Лейбович О.Л. Модернизация в России. Пермь: ЗУУНЦ, 1996.
10. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь, ПГГПУ, 2013. 256 с.
11. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. 432 с.
13. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001 336 с.
14. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012 280 с.

O. V. Lysenko, Perm

CULTURAL BASIS OF SOCIAL STRATIFICATION OF AN URBAN SOCIETY

Following article introduces original theory of social stratification in the modern urban community. The latter is represented as a combination of three stylistic communities, having somewhat common cultural values, lifestyles, norms. The first two communities were formed in the Soviet era, while the third (the communities of the new urbanites) is a result of the modern

Key words: social stratification, style, identity, presentation, social group.

УДК 316.34/35

Ю. С. Маркова, Пермь

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00155)

Статья посвящена актуальной проблеме формирования ценностей современного студенчества. Представлены результаты анкетного опроса, проведенного среди студентов г. Перми (Россия) и г. Любляны (Словения). На основе полученных данных охарактеризована структура терминальных и инструментальных ценностей студентов, выявлены сферы и ресурсы реализации человеческого потенциала, наиболее значимые для студентов. Отражены вопросы об уровне религиозности студенчества, миграционном потенциале. Показано отношение молодых людей к явлениям и процессам, которые традиционно не одобряются обществом. Сделаны выводы о тенденциях изменения ценностного и нормативно-правового сознания и поведения студентов.

Ключевые слова: ценности, нормы, студенчество, человеческий потенциал.

Тенденции социального развития в условиях «высокой модернити» и глобализации приобретают все более выраженный рискогенный характер, отражающий необходимость повышения эффективности использования адекватных современным социальным процессам методов управления. Решение существующих проблем и поиски перспективных направлений развития связаны не только с деятельностью государственных управленческих элит, но и с активизацией человеческих ресурсов других социальных групп, включая молодежь, чья роль в инновационных процессах, творческом преобразовании – значительна. Заклучая в себе большое многообразие возможных вариантов самореализации, молодежь является одним из ключевых субъектов социокультурной динамики, способных вносить значимый вклад в совершенствование существующих и становление новых социальных институтов и практик. Понимание же того, что является приоритетным для молодых людей, становится возможным через изучение ценностных представлений данной социальной группы.

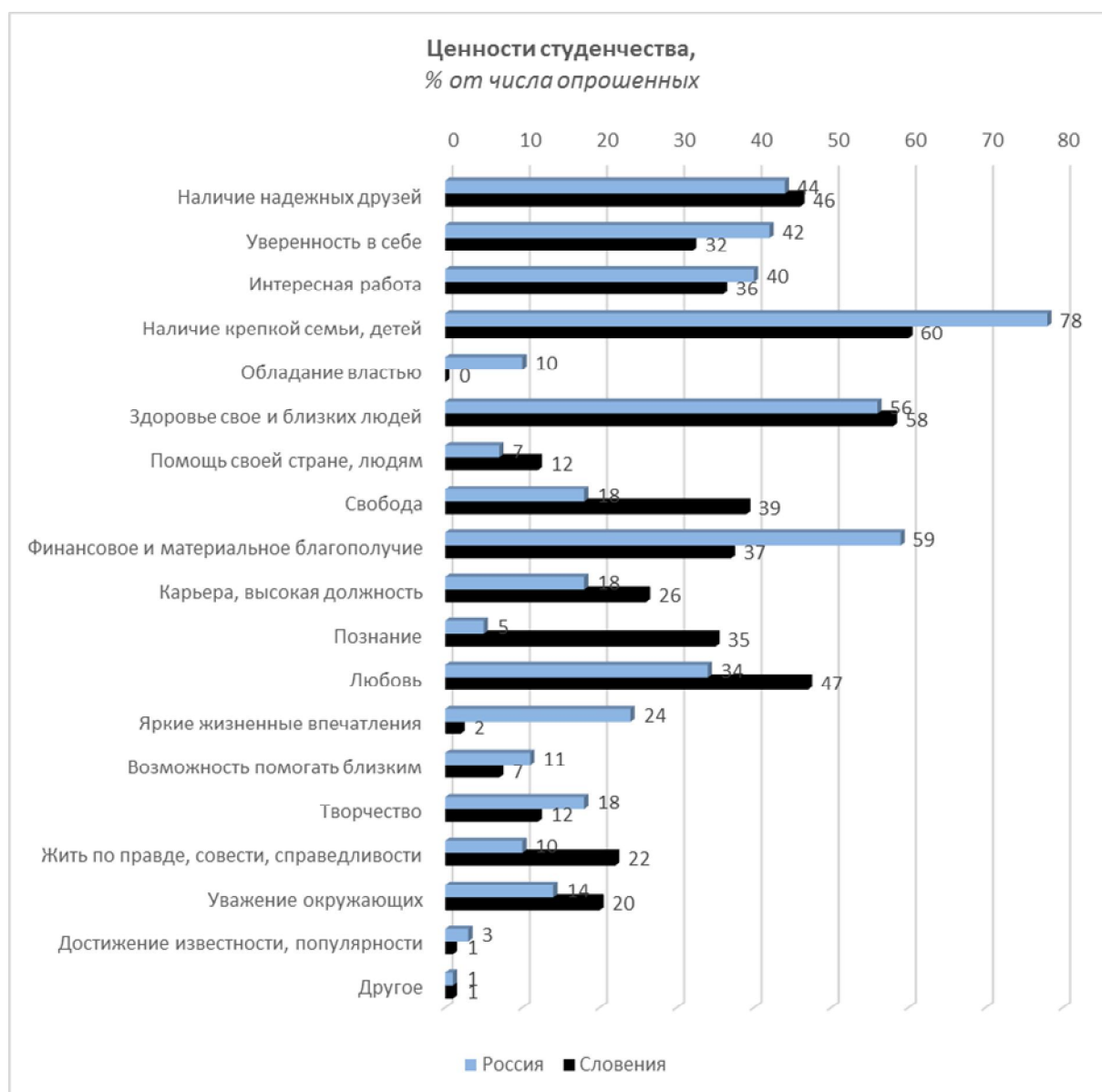
Ценности, выступая в качестве культурных регуляторов социальной жизни, определяют смысл, стратегию целенаправленной деятельности, внутренне мотивируют личность. Формируясь в определенных социально-исторических условиях, система ценностей может быть различной в рамках отдельных обществ. В 2014 г. нами был проведен анкетный опрос¹ среди студентов философско-социологического факультета ПГНИУ (Россия) и факультета социальных наук Люблянского университета (Словения), нацеленный на получение сравнительных данных, включая вопросы по ценностной проблематике. Не претендуя на всесторонний и полный анализ, представим некоторые полученные результаты.

Согласно полученным данным, для большинства как российских, так и словенских студентов важнейшие цели жизни заключаются в гуманистических ценностях личного счастья, а именно – в наличии крепкой семьи, детей (78% и 60% соответственно), здоровье своем и близких людей (57% и 59%). В отношении других показателей иерархическая сорасположенность ценностей в сравниваемых группах несколько различается. Так, практически 2/3 российских респондентов (59%) одним из важнейших показателей реализации потенциала считают финансовое и материальное благополучие, затем чуть менее половины – наличие надежных друзей (44%), еще 42% – уверенность в себе, 40% – интересную работу. Также треть опрошенных российских студентов в качестве показателя жизненного успеха называют любовь (34%), пятая часть – яркие жизненные впечатления (25%). После ценностей семьи и

¹ Исследование проводилось в сотрудничестве с профессором Люблянского университета Мирьяной Уле. Выборочная совокупность составила 318 человек. При разработке методики были заимствованы материалы Института социологии РАН.

здоровья словенские студенты отмечают ценности любви (47%) и дружбы (46%), далее 40% отдают предпочтение ценности свободы, 37% называют финансовое и материальное благополучие, 36% – интересную работу, 35% – познание. В целом наиболее существенное различие в ценностных ориентациях рассматриваемых групп прослеживается в том, что большее количество российских студентов, по сравнению со словенскими студентами, считают важными в жизни яркие жизненные впечатления (25% и 2% соответственно), а также финансовое и материальное благополучие (59% и 37%) и обладание властью (10% и 0%), т.е. ценности, во многом связанные с социально-статусными характеристиками. В то же время словенские студенты в большей степени, нежели российские, считают значимыми ценности познания (35% и 5% соответственно), любви (47% и 34%) и свободы (39% и 18%).

В отношении социально ориентированных общечеловеческих ценностей российские и словенские студенты демонстрируют во многом схожее мнение: помощь своей стране, людям называют в качестве приоритетной лишь 7% российских и 12% словенских студентов. Одновременно желание жить по правде, совести, справедливости несколько выше у респондентов из Словении (22%), нежели из России (10%) (см. рисунок).

Ценности студенчества

Не менее актуальным является вопрос о том, что служит для молодых людей своеобразными инструментами, помогающими достигать поставленных целей. Используя теоретико-методологический подход французского социолога П. Бурдьё, мы можем говорить, что те или иные личностные ресурсы (человеческий капитал) могут играть неравнозначную роль в социальной деятельности индивида. Различные ресурсы, кроме того, и субъективно воспринимаются как более или менее важные. Анализ ценностных ориентаций студенчества показывает, что наиболее значимыми ресурсами-ценностями, благодаря которым возможны достижение жизненного успеха, личностная самореализация являются: для российских респондентов, в первую очередь, – целеустремленность (73%), ум (65%), уверенность в себе (60%), ответственность (44%), трудолюбие, добросовестное отношение к делу (40%), умение приспособляться (40%), образованность (30%) и наличие связей с нужными людьми (27%); для словенских респондентов, прежде всего, – уверенность в себе (66%), образованность (60%), удачливость (46%), ум (45%), инициативность (42%), трудолюбие (39%), целеустремленность (25%). В целом результаты достаточно близки, однако если российские студенты отдают приоритет уму и целеустремленности, то словенские – образованности и уверенности в себе. Кроме того, менее значимы для большинства респондентов обеих групп такие качества и характеристики, как доброта, отзывчивость, чуткость к другим людям, честность, принципиальность, а также сила, красота, финансовая и материальная обеспеченность и работа, прежде всего, о себе.

В рамках исследования изучались также ориентации молодых людей в отношении ряда важных социальных практик. Приведем некоторые результаты, затрагивающие вопросы уровня религиозности пермского студенчества, миграционного потенциала.

Результаты опроса показывают, что уровень религиозности опрошенных пермских студентов выше уровня религиозности словенских студентов (в той или иной степени верующими себя считают 65% российских и 34% словенских респондентов). Но из них к глубоковерующим относят себя всего 3% опрошенных российских студентов и 5% – словенских. Остальные веруют скорее в силу традиции, всех обрядов и ритуалов не соблюдают, либо практически совсем не интересуются церковной жизнью. Во многом более высокий уровень религиозности среди российской молодежи связан с сохраняющимися в российском обществе сильными религиозными традициями. Неверующими считаю себя практически 2/3 словенских респондентов (59%) и около трети – российских (31%), из них к убежденным атеистам себя относят 34% и 9% опрошенных соответственно. Индифферентно относятся к религии 3% российских и 4% словенских респондентов, никогда не задумывавшихся на религиозные темы.

Тенденции развития российского и словенского обществ актуализируют вопрос о том, каковы желания молодых людей в отношении переезда за границу. Согласно полученным данным, потенциал миграции студенческой молодежи обеих стран очень высок: с теми или иными целями хотели бы уехать за рубеж 75% российских респондентов и 89% словенских. Из них навсегда хотели бы уехать около трети опрошенных в обеих странах (27% и 28%). Еще 19% респондентов из России и 17% респондентов из Словении готовы уехать только на время, для того, чтобы заработать деньги. Данное обстоятельство служит подтверждением существующих в России и Словении проблем. В связи с этим приведем данные, касающиеся удовлетворенности студентов жизнью в обществе.

Нравится или скорее нравится жизнь в России половине российских респондентов (51%), в Словении – несколько большему количеству опрошенных студентов – 67%. Соответственно, не удовлетворены жизнью в стране 40% российских и 32% словенских студентов. При этом наибольшие опасения вызывает у опрошенных российских студентов существующая возможность остаться без материальных средств существования (58%). В то же время среди словенских респондентов этот показатель значительно ниже и составляет только 5%. Это может свидетельствовать об остроте характерной для российского общества проблемы глубокого социального неравенства и бедности, сопряженных с неустойчивым соци-

ально-экономическим положением страны на протяжении последних десятилетий. Кроме того, половина опрошенных российских студентов (51%) испытывают опасения за свою жизнь и жизнь своих близких из-за роста преступности. Среди словенских респондентов этот показатель также существенно ниже – 7%. Данные факты ярко отражают присущую российскому обществу проблему криминогенности и могут служить индикатором того, что указанная проблемы стоит в словенском обществе менее остро. В обеих группах высок уровень опасений в связи с проблемой трудоустройства, при этом выше он у словенских студентов (47% и 81%). Также словенские студенты больше, нежели российские, опасаются ограничений со стороны государства, не позволяющих жить так, как хочется самому (32% и 16% соответственно).

Отметим также, что трудности с устройством на работу российские студенты, по сравнению с словенскими, в большей степени склонны связывать с отсутствием спроса на специальность (так полагают 54% опрошенных российских студентов и 20% – словенских). Другими словами, здесь находит отражение присущая российскому рынку труда проблема структурных диспропорций и несбалансированности спрос и предложения по специальностям. В то же время словенские студенты более, чем российские, склонны связывать проблему трудоустройства с затронувшим всех социальным кризисом (65% и 34%). Часть российских и словенских студентов отмечают также отсутствие у них необходимого социального капитала, социальных связей, которые могли бы оказать помощь при поиске работы и трудоустройстве: так полагают 43% российских и 34% словенских респондентов.

Механизм регуляции социального поведения выступает в виде сложной, культурно обоснованной системы, где, помимо ценностей, существуют и нормы. Нормы представляют собой определенные правила поведения, указывающие, как должны поступать люди в тех или иных ситуациях, составляющих мир их повседневности. В исследовании получил освещение ряд вопросов, посвященных проблеме нормативного сознания и поведения студентов.

Исследование показывает, что в число безусловно табуированных действий, с точки зрения как российских респондентов, так и словенских, входит жестокое обращение с животными (93% и 78% соответственно). Также подавляющее большинство российских студентов отмечают в качестве недопустимого употребление наркотиков – 86% (среди словенских респондентов – 32%), пьянство, алкоголизм – 73% (среди словенских респондентов – 28%). Кроме того, к числу недопустимых действий с позиций большинства опрошенных российских студентов, хотя и не подавляющего, относятся публичное проявление неприязни к представителям других национальностей – 61% (этот показатель для словенских респондентов равен 48%), проституция – 65% (29% – для словенских респондентов), измена Родине – 68% (44% – для словенских респондентов), супружеская измена – 61% (17% – для словенских респондентов). Примерно половина и российских, и словенских опрошенных студентов не приемлют дачу/получение взятки (51% и 53% соответственно), чуть менее половины – уклонение от уплаты налогов (44% и 43%). Опрошенные словенские студенты, в сравнении с российскими, демонстрируют более толерантное отношение к деловой необязательности (ее не одобряют 7% студентов-словенцев и 46% студентов-россиян), гомосексуализму (13% и 48%), а также к отмеченным алкоголизму и употреблению наркотиков.

Названные показатели свидетельствуют о том, что многие традиционно неодобряемые обществом поступки пересматриваются, демонстрируя тенденцию перехода от отношения осуждения к снисходительности и оправданию. Также ярко данная тенденция проявляется в отношении студентов – как российских, так и словенских, – к нецензурной брани, грубости, которые как недопустимые рассматривают 34% российских и 31% словенских респондентов, а остальными расцениваются в той или иной степени приемлемыми; возможности присвоения найденных денег (9% и 18%); безбилетному проезду в общественном транспорте (10% и 15%); уклонению от службы в армии (26% и 19%); сопротивлению полиции (14% и 16%).

Таким образом, несмотря на то, что нормативно-правовое сознание студенчества является неоднородным, противоречивым, в целом студенты сохраняют приверженность многим

традиционно одобряемым обществом нормам. Одновременно ряд других социальных практик пересматривается, отношение порицания, неодобрения сменяется снисходительностью, оправданием и принятием.

Подводя итог, отметим, что реализация российской и словенской студенческой молодежью своего потенциала направлена в большей степени на частную, приватную сторону жизни – семью и ближайшее социальное окружение, а также на удовлетворение потребностей в сфере труда. Одновременно это служит одной из причин слабой вовлеченности молодых людей в активистскую политическую деятельность и функционирование общественных организаций. Сложившаяся ситуация тормозит развитие в молодежной среде гражданских инициатив как механизма воздействия на процессы принятия управленческих решений, а значит, и влияет на особенности социально-политического и экономического развития общества. Ценностная специфика студенчества во многом обусловлена особенностями культурно-исторического развития конкретного общества, в ней находят отражение присущие ему проблемы и противоречия. Это, например, проявляется в волнующей российское студенчество проблеме финансового и материального благополучия, сопряженной с вопросами российской бедности и малообеспеченности, проблеме преступности в условиях высокого уровня криминогенности российского общества, а словенское студенчество – проблеме трудоустройства, которая проявляет себя в связи с кризисными тенденциями в экономике Словении.

Ju. S. Markova, Perm

VALUES OF MODERN STUDENTS

In this paper attention is paid to formation of students's values in modern society. The author describes the results of questionnaire survey which was conducted among Perm and Ljubljana university students. Based on the findings the structure of terminal and instrumental values of students is characterized, spheres and resources of human potential realization, which are most significant for students, are noted. The author considers questions of religiosity level of the students, migratory potential. The attitude of young people to the phenomena and processes which traditionally aren't approved by society is shown. Conclusions about tendencies of change of axiological and normative consciousness and behavior of students are present in this paper.

Key words: values, norms, studentship, human potential.

УДК 39 (571.121 + 571.651)

А. В. Михалева, Пермь

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО И ЧУКОТСКОГО АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ

(Работа выполнена в рамках реализации проекта Института философии и права УрО РАН №12-6-9-007-АРКТИКА «Формирование интегральной идентичности арктического макрорегиона России»)

В статье рассматривается роль этнокультурного фактора в позиционировании двух арктических регионов России – Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов – и делается вывод о заметной активизации этнической компоненты в региональном поле, а также о разных стратегиях ее использования для развития территорий

Ключевые слова: этнокультурный ресурс, позиционирование регионов, развитие территорий.

Озвученный курс российского руководства на реализацию национальных интересов в Арктике придал остроту конкурентной борьбе регионов за статусные роли и способствовал активному включению в нее этнокультурного фактора. Новая идентичность, которая позволяет бороться за ресурсы, активно конструируется на базе традиционных региональных/локальных смыслов. Однако процесс сближения этнокультурной и новой региональной идентичности протекает в российской Арктике с разной степенью интенсивности. В качестве примера предлагается рассмотреть ситуацию в Ямало-Ненецком (ЯНАО) и Чукотском автономных округах (ЧАО) – субъектах с одинаковым конституционно-правовым статусом и разными стратегиями использования этнокультурного компонента для развития территории.

За текущее десятилетие этнокультурный ландшафт регионов арктической зоны заметно усложнился [1]. В 2010 г. в ЯНАО проживали представители 111, а в ЧАО – 90 национальностей. По структуре населения ЯНАО и ЧАО можно отнести к группе регионов, в которых соотношение основных этнических групп осталось прежним, т.е. русские сохранили свое большинство. Однако если в ЧАО численность русских заметно сокращается, то в ЯНАО мы наблюдаем обратную тенденцию – ее увеличение (с 58,9% в 2002 г. до 61,7% в 2010 г.). Несмотря на отрицательную динамику в среде коренного населения арктических регионов европейской части России (саамов, карелов, поморов, коми, ненцев Ненецкого автономного округа), его численность в ЯНАО и ЧАО растет. При этом титульные народности по-прежнему сохраняют статус меньшинства. Еще одним заметным трендом последних десятилетий стало резкое увеличение численности нетрадиционных для данных регионов этнических сообществ. Практически во всех регионах арктической зоны очевиден заметный рост выходцев из Средней Азии (узбеков преимущественно в Мурманской области и ЧАО, таджиков в ЯНАО). Эта тенденция заметно трансформирует привычный этноконфессиональный ландшафт регионов на фоне сокращения их общей численности населения.

Этноконфессиональная тематика в региональном поле ЯНАО и ЧАО активизируется с заметным опозданием от арктических регионов европейской части России, где особую роль сыграл внешний фактор: активное социокультурное влияние сопредельных зарубежных государств.

Этнокультурный ресурс может актуализироваться через включение этнических смыслов в официальную символику региона, через создание соответствующей региональной инфраструктуры и развитие регионального этнотуризма. ЯНАО и ЧАО принадлежат к той группе регионов, которые используют этнокультурную привязку в своем официальном названии. Помимо этого этнический компонент нашел отражение в официальной символике ЯНАО: на гербе и флаге сохранен этнический орнамент и стилизованная двуглавая птица «Кат ухуп вой» – сакральный символ финноугорских племен Уральского региона. Однако орнамент «Оленьи рога» в его геометрической стилистике, присутствующий на гербе и фла-

ге ХМАО и ЯНАО, по мнению ученых, имеет много общего и может быть отнесен к «северо-сибирскому» типу орнаментов [3]. Аналогичным образом гимн ЯНАО имеет опосредованную этническую привязку и скорее отражает историко-географическую специфику региона.

Еще меньшая связь с этническим компонентом прослеживается в официальных символах ЧАО. Единственную очевидную ссылку на него можно найти на флаге округа. В неофициальной презентации флага говорится, что «желтый ободок символизирует «Ярар» – национальную культурную символику малочисленных коренных народов Чукотки» [8], официальные же источники ЧАО опускают этническую интерпретацию. Таким образом, в официальной символике исследуемых субъектов географические, климатические и северные смыслы преобладают над этническими.

В официальных выступлениях руководство ЯНАО подчеркивает уникальность округа за счет сохранения традиций коренных народов, что «формирует неповторимый облик и культурное своеобразие ... региона» [2]. Вместе с тем акцентирование внимания на этнокультурной специфике регионов все чаще наталкивается на иную тенденцию последних лет – укрепление единства региональных сообществ: «... необходимо поднять на более качественный уровень работу силовых структур и не допустить на территории округа межнациональных конфликтов» [4].

Аналогичная ситуация наблюдается и в ЧАО: с одной стороны, руководство округа признает необходимость сохранения культуры коренных народов [6], с другой стороны, более востребованными в региональном поле оказываются вопросы поддержания регионального единства [7] и новые экономические, производственные ориентиры. Этнокультурная специфика регионов часто озвучивается региональной властью в проблемном ключе, в контексте решения актуальных проблем, а не для расширения ресурсных возможностей региона.

Этнокультурный ресурс ЯНАО и ЧАО практически не находит отражения в брендировании объектов региональной инфраструктуры, например в названиях ресторанов и гостиниц. В названиях гостиниц ЧАО преобладает в основном географический компонент (Анадырь, Чукотка-отель, Певек, Аэропорт, Северянка). Аналогичным образом и на территории ЯНАО преобладают географические маркеры и «северная», «арктическая» терминология (ресторан «Север», «Аляска», «Арктика»; гостиницы «Арктика», «Заполярная столица», «Звезда Ямала», «Полярный круг», «Север», «Сибирь»).

Согласно общероссийским политическим трендам последнего десятилетия все субъекты РФ на региональном уровне приняли соответствующие стратегии социально-экономического развития регионов и дополнительные программы по развитию и продвижению въездного туризма. Однако стратегические усилия руководства арктических регионов РФ по развитию этнотуризма сильно варьируются. К тому же об этническом компоненте вспоминают после «арктической», «географической» и «природно-климатической» уникальности регионов.

С целью продвижения туристического продукта в субъектах формируется соответствующее информационное сопровождение через создание единых туристических интернет-порталов, подготовку рекламной печатной продукции, участие в туристических выставках. В ЯНАО действуют 4 информационных портала, где можно найти информацию об этнотуризме: сайт Департамента молодежной политики и туризма (www.yamolod.ru), сайт подведомственного учреждения «Ямалтур» (www.yamaltour.biz), сайт ямальского Деда Мороза – Ямал Ири (www.yamaliri.ru) и находящийся в стадии разработки туристско-информационный центр в Салехарде (www.welcome2yamal.ru). Единые туристические порталы работают и в Чукотском округе (www.visitchukotka.com). Состояние туристической инфраструктуры в регионах постепенно улучшается и растет ассортимент этнотуристических предложений. В силу ряда факторов на сегодняшний день этнотуризм лучше развит в северных регионах Европейской части России и в ЯНАО. В то же время в ЧАО этнотуры включены в перечень услуг двух компаний: тур «Чаучу-оленные люди» (ООО «Нортоко») и «На краю земли» (ООО «Чукотка-Дискавери»). Содержательная часть этнографических туров везде стандарт-

на: это проживание в семьях коренных народов, знакомство с их бытом, национальной кухней, катание в оленьих упряжках, участие в совершении религиозных обрядов и мастер-классах по изготовлению сувениров, национальных костюмов и др. При всем разнообразии этнокультурных маршрутов их востребованность на потребительском рынке пока заметно ниже популярности туров активного отдыха.

Все это позволяет говорить о становлении нового сегмента экономики этнотуризма, правда, с разной степенью интенсивности. В ЯНАО этнокультурный компонент активно представлен в программах туроператоров, а этнотуризм развивается стабильно и динамично, в то же время этнический ресурс в туристической сфере ЧАО в силу ряда причин задействован слабо. При этом проблемы, стоящие перед развитием туристического кластера во всех регионах примерно одинаковы (слабая развитость туристической инфраструктуры, нехватка кадров, слабая государственная поддержка и информационная оснащенность и т.д.).

Культурное наследие коренных народов может успешно работать на имидж региона. Эффективность подобной стратегии можно продемонстрировать на примере создания региональных Дедов Морозов. Одними из первых к этому процессу подключились Архангельская (конец 1980-х гг.), Мурманская (1995 г.), Вологодская (1998 г.) области, Республика Карелия (1999 г.), а с 2007 г. и ЯНАО, где за короткое время удалось добиться заметных успехов. Мифотворчество коренных народов Севера о первопродке, культурном герое Терлее было удачно вписано в региональный бренд – Ямал ири – ямальского Деда Мороза в одежде с национальным орнаментом [5]. Процесс мифотворчества активно продолжается и Ямал-Ири обретает современные черты: он располагает собственной резиденцией (п.Горногрязневск), мобильным телефоном (89220 544445), электронной почтой (yamaliri@gmail.com), почтовым ящиком «Ямал Ири», персональным сайтом (<http://yamaliri.ru/>) и даже своей интернет-страной – СССР – Социальной Сказочной Сетью России. Цель подобной акции – использовать дополнительные ресурсы для развития событийного, новогоднего (зимнего) туризма на Ямале. Так Ямал Ири проводит ритуальный обряд посвящения путешественников в «Северное братство» на стеле «Полярный круг» в Салехарде. Вместе с тем образ Ямал Ири пока еще нельзя назвать узнаваемым среди местного населения и тем более среди туристов из других регионов. В восточных арктических регионах РФ образ Деда Мороза разработан слабо и не играет существенной роли в региональном позиционировании.

На протяжении последних лет и в ЯНАО и ЧАО мы наблюдаем постепенную активизацию этнического маркера в конструировании региональных смыслов. Если в ЯНАО этнокультурный контекст активно используется для создания региональной привлекательности, то в ЧАО эта стратегия не получила должного применения. При этом по-прежнему ключевую и основополагающую роль в позиционировании этих двух регионов играют географические и природные смыслы.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm.
2. Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа. Постановление от 14 декабря 2011 г. №839 «О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года». URL: http://de.gov.yanao.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=263&Itemid=24.
3. Иванов В.С. Ненцы. URL: <http://sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=23&p=3>.
4. Кобылкин Д. Ежегодный доклад о положении дел в ЯНАО 26 ноября 2013 г. URL: <http://www.kobilkin.ru/actual/43>.
5. Легенда Ямал Ири. URL: <http://www.yamaliri.ru/yamal-iri/2011-04-21-04-47-28>.
6. От первого лица. 20 декабря 2012 г. URL: http://www.chukotka.org/press_center/first_person/item6984.html.

7. Программа укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России утверждена на Чукотке. URL: http://www.chukotka.org/press_center/news/8539/?sphrase_id=22099.

8. Флаг Чукотского автономного округа. URL: <http://geraldika.ru/symbols/527>.

A. V. Mikhaleva, Perm

ETHNOCULTURAL RESOURCE OF THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE YAMAL-NENETS AND CHUKOTKA AUTONOMOUS OKRUGS

The article examines the role of ethnocultural factor in the positioning of the two Arctic regions of Russia – the Yamal-Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs. It is made the conclusion about the strengthening of ethnic markers in the regional field, as well as about different strategies to use them for the development of territories

Key words: ethnocultural resource, positioning of regions, territorial development.

УДК 316.43

В. Г. Немировский, Красноярск

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНЕ И РЕГИОНЕ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты №13-03-00379а, №11-03-00250а)

В статье показано, что максимальным уровнем социального самочувствия обладают представители высших социальных слоёв региона, в то время как наименьшим – высших социально-экономических групп, что делает его общественную структуру неустойчивой, способствует разного рода социальным девиациям. Установлено, что наивысшее социальное самочувствие присуще респондентам, профессионально занятым управленческой деятельностью в государственных структурах. Предприниматели, работники правоохранительных органов, учителя, врачи и, особенно представители других социально-профессиональных групп заметно уступают им по данному показателю. Выявлено повышение социального самочувствия за последние три года у жителей региона, что можно рассматривать как позитивный фактор развития модернизационных процессов. В России в целом, согласно данным госстатистики, невысокое социальное самочувствие населения может выступать серьёзным препятствием на пути развития модернизации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, жизненная энергия, регион, социальная структура.

Аналізу социального самочувствия населения регионов посвящено множество исследований и публикаций, как в отечественной, так и зарубежной социологии [8, 3, 2, 5]. По сути, является аксиоматичным тот факт, что, эффективная модернизация регионального социума напрямую взаимосвязана с его социальным самочувствием: чем успешнее развитие модернизационных процессов, прежде всего, её социокультурной составляющей, тем выше социальное самочувствие населения.

Методика разработки «Социального портрета региона», созданная под руководством Н.И. Лапина и Л.И. Беляевой, также включает эвристичные индикаторы социального самочувствия населения региона. Согласно данному подходу, социальное самочувствие населения основывается на защищённости от опасностей, удовлетворённости жизнью и социальном оптимизме [4]. К числу достоинств данного подхода относится возможность разработки на данной основе индекса социального самочувствия (Исс) населения региона. В результате исследований, проведённых по данной методике, нами подготовлены три «Социокультурных портрета Красноярского края, последние два – с учётом динамики показателей (2010–2012 и 2010–2014 гг. – третья монография находится на стадии завершения) [6,7]. Наряду с названными индикаторами социального самочувствия, в своих исследованиях мы использовали 9-ти балльную шкалу оценок, включающую содержательное описание различных нравственно-эмоциональных и психофизиологических состояний человека, в совокупности отражающих его социальное самочувствие. В свою очередь, каждый из индикаторов состояния респонденту предлагалось оценить с помощью 4-х балльной шкалы. Проведённые исследования показали высокую валидность данной методики. По сути, с её помощью выделяются 9 переходных типов социального самочувствия человека, которые выражают состояние его жизненной энергии и готовности к социальным действиям. Так высшее состояние социального самочувствия описывается индикатором «Испытываю огромный прилив сил, вдохновение. Низшие – «Ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо» и «Ощущаю глубокую беспомощность» могут выражать состояние депрессии и даже суицидальные намерения, что, в частности, позволяет сопоставить данные, полученные с помощью этой методики, со статистикой распространённости соответствующих заболеваний и социальных

девиаций. В свою очередь, это позволяет оценить социальное самочувствие различных регионов России, страны в целом и других государств мира.

Важно подчеркнуть, что, наряду с типологией социального самочувствия населения региона, использование в исследовании данной методики даёт возможность выявить степень напряжения социального пространства любого социума – в данном случае – региона. Согласно мнению Л.И. Беляевой, как в интенсивно развивающемся сообществе, так и в слабо развивающемся «... может происходить накопление энергии взаимодействия, способной совершить созидательную или разрушительную работу. Напряжения социального пространства возникают, когда реальные социальные позиции акторов не совпадают с их ожиданиями, или когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону, когда понижается их абсолютный или относительный уровень» [1].

На наш взгляд, социальное самочувствие, измеряемое с помощью приведённой ниже шкалы самооценки эмоциональных состояний – не что иное, как важный индикатор «человеческого измерения модернизации», о котором неоднократно писал Н.И. Лапин и другие участники Программы. Одновременно он может выступать и в качестве одной из существенных характеристик социокультурных препятствий на пути эффективной реализации модернизационных процессов.

В статье представлены результаты исследования социального самочувствия респондентов, которое измерялось с помощью их ответов на вопрос: «Каков Ваш уровень внутренней силы, энергии, готовности к активному действию? Отметьте, как часто Вы испытывали перечисленные состояния за последнее время?» (описания состояний будут представлены ниже). Предлагалось оценить своё состояние по четырёхбалльной шкале: «часто» «иногда», «редко», «никогда».

Использовались данные опроса населения Красноярского края (2014 г.), который был осуществлён методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в 28 населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения региона. Исследование проводилось в рамках проекта «Социокультурная эволюция России и её регионов» (руководители Н.И. Лапин, Л.А. Беляева). Всего было опрошено 1300 жителей Красноярского края. Для сравнения были также использованы данные аналогичного опроса, проведённого в регионе в 2011 г (n = 1100).

Итак, измерение социального самочувствия населения с помощью уровня его жизненной энергии предоставляет целый ряд эвристических возможностей, ибо одновременно выражает как социальное самочувствие респондентов, так и наличие у них важных ресурсов.

С одной стороны, проведённые нами исследования в Красноярском крае свидетельствуют о том, что более двух третей респондентов «часто» + «иногда» испытывают состояния, говорящие о высоком уровне их жизненной энергии и, соответственно, позитивном социальном самочувствии. С другой стороны, довольно широко представлены индикаторы негативного социального самочувствия: 25% опрошенных жителей края «чувствует злость, раздражение к окружающему миру», около 40% отметили, что у них «сил не хватает, чувствую усталость», 27% ощущают «катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо», а 16% – «глубокую беспомощность». Тем не менее, можно сделать вывод о преобладании у респондентов позитивного социального самочувствия и высокого уровня жизненной энергии, которые способствуют их активному участию в модернизационных процессах.

Более того, исследование установило, что за последние три года (2011–2014 гг.) оценка респондентами любых индикаторов, характеризующих их высокое социальное самочувствие, выросла. Так, вариант ответа «испытываю практически постоянно»: *огромный прилив сил*,

вдохновение соответственно, 14% и 24%, состояние умиротворения и гармонии – 15% и 25%. Напротив, что касается показателей, отражающих невысокое социальное самочувствие, они снизились или остались без изменения: вариант ответа «испытываю практически постоянно»: *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию*: 24% и 19%; вариант ответа «иногда»: *сил не хватает, чувствую усталость* – 38% и 31%, *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию* – 45% и 37%.

Таким образом, у жителей Красноярского края в течение трёх лет заметно увеличились показатели, характеризующих их социальное самочувствие. Безусловно, это позитивно повлияет на модернизацию региона. Вместе с тем, причины этого социального явления требуют дополнительного анализа.

Установлено, что представителей различных социальных групп обладают неодинаковым социальным самочувствием.

С уровнем образования респондента уровень его жизненной энергии связан слабой прямой корреляционной связью; повышение уровня образования несколько способствует повышению жизненной энергии человека и его социального самочувствия и, соответственно, благоприятно сказывается на его вовлечённости в модернизационные процессы.

На основе ответов респондентов на вопрос стандартной методики «Социокультурного портрета» выявлялась принадлежность респондента к одному из социально-экономических и социальных слоёв.

С помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона) было установлено наличие значимой взаимосвязи между показателями уровня жизненной энергии респондентов и их самоотнесением к социально-экономическому слою: «огромный прилив сил, вдохновение» -0,178**; «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы» -0,201**; «состояние умиротворения и гармонии» -0,166**; «чувствую спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой» -,173**; «особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию» ,084**; «чувствую злость, раздражение по отношению к окружающему миру» 0,114**; «сил не хватает, чувствую усталость» 0,162**; «ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо» 0,135**; «ощущаю глубокую беспомощность» 0,174**. Как видим, выявленная нами зависимость является обратной: чем к более высокому социально-экономическому слою принадлежит респондентов, тем более он ощущает недостаток жизненной энергии, тем ниже его социальное самочувствие.

В отношении взаимосвязи принадлежности жителей региона к социальному слою и уровнем его социального самочувствия и жизненной энергии наблюдается противоположная картина. Очевидно, в массовом сознании регионального социума существуют две самостоятельные самооценочные иерархии индивидов: социальная и экономическая. В изученном нами региональном социуме они не совпадают. В Красноярском крае социальное самочувствие заметно выше у представителей нижних социально-экономических слоёв, и, одновременно, в высших социальных слоях.

Это может свидетельствовать о неустойчивости социальной и экономической структур региона, когда «пассионарии» преобладают внизу экономических слоёв и на высших этажах социальной иерархии. Отсюда напрашивается также вывод об искусственности экономической структуры социума, её переходящем характере.

Если говорить о социальном самочувствии населения России в целом, то, согласно данным госстатистики, высокое число самоубийств среди лиц пожилого возраста, детей и подростков, высокая смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, рост нервных заболеваний др. показатели также свидетельствуют о в целом невысоком социальном самочувствии в определённых социальных слоях и территориальных общностях, что выступает серьёзным тормозом развития модернизации в нашей стране.

Список литературы

1. Беляева Л.И. напряжения социального пространства в России и её регионах и проблемы модернизации. / Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 22–25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан; редкол., предисл. Н.И. Лапин. Уфа: АН РБ, «Гилем», 2012. С. 28.
2. Дулина Н.В. Управление результатами: индикаторы и показатели социального самочувствия жителей региона // Модернизация регионов России: инвестиции в инновации. Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. Астрахань, 2010. С. 143–146.
3. Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект / Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №8. С. 80–86.
4. Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти / Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Ч. II. Тюмень: ТюмГУ, 2006.
5. Немировская А.В., Лыткина Е.И. Социальный пессимизм как барьер модернизации регионов Сибири / Социология: теория, методы, маркетинг. Киев: Ин-т социологии НАН Украины – 2014, №2.
6. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края: монография. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2010. 264 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
7. Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010 – 2012 гг.). Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2012. 212 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
8. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. 176 с.

V. G. Nemirovskiy, Krasnoyarsk

GENERAL CONDITION OF POPULATION AS A FACTOR OF EFFICIENCY OF REGIONAL AND NATIONAL MODERNIZATION

The paper demonstrates that the upper classes have the highest level of social well-being while the upper socio-economic groups experience the worst general condition. This unbalances the social structure and causes various social deviations. It is argued that the highest social well-being was reported by respondents employed in public administration. Employers, law-enforcement officers, teachers, health workers particularly and other professional groups generally, exhibit markedly lower levels. An observed amendment of the average level of well-being during the last three years can be viewed as a positive factor of modernization progress. The averagely low national level of well-being, as observed by state statistics, may seriously impede the modernization progress.

Key words: social well-being, vital energy, region, social structure.

УДК 316.34/35: 332.1

Д. И. Петросян, Владимир

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

В докладе приводится анализ результатов, полученных в ходе очередного этапа мониторинга «Молодежь Владимира: динамика основных ценностей, взглядов, установок», проводимого «Среднерусским консалтинговым Центром» по заказу Управления по делам молодежи администрации г.Владимира.

Анализируются предпочтения в выборе источников информации о событиях в стране и мире, время, проводимое молодыми людьми в интернете, основные интересы молодежи в интернет пространстве, оценка молодежью перспектив размещения в сети информации о деятельности органов местного самоуправления. Делается вывод о безусловном росте популярности интернета и снижении интереса к телевидению, что может рассматриваться как фактор серьезного влияния модернизационных процессов в сфере информации.

Ключевые слова: информационные предпочтения молодежи, модернизация информационной сферы, интернет, как важная среда взаимодействия молодежи.

В октябре – ноябре 2013 г. «Среднерусский консалтинговый Центр», директором которого является автор данного текста, провел очередной этап мониторинга «Молодежь Владимира: динамика основных ценностей, взглядов, установок». Методом анкетирования опрошено 1007 жителей г.Владимира в возрасте 15–30 лет. Одним из важнейших блоков исследования являются предпочтения молодежи в информационной сфере.

Все наши исследования с конца XX века показывали, что основным источником информации для россиян в целом, и для российской (в том числе владимирской) молодежи в частности, являлись передачи центральных (федеральных) телевизионных каналов.

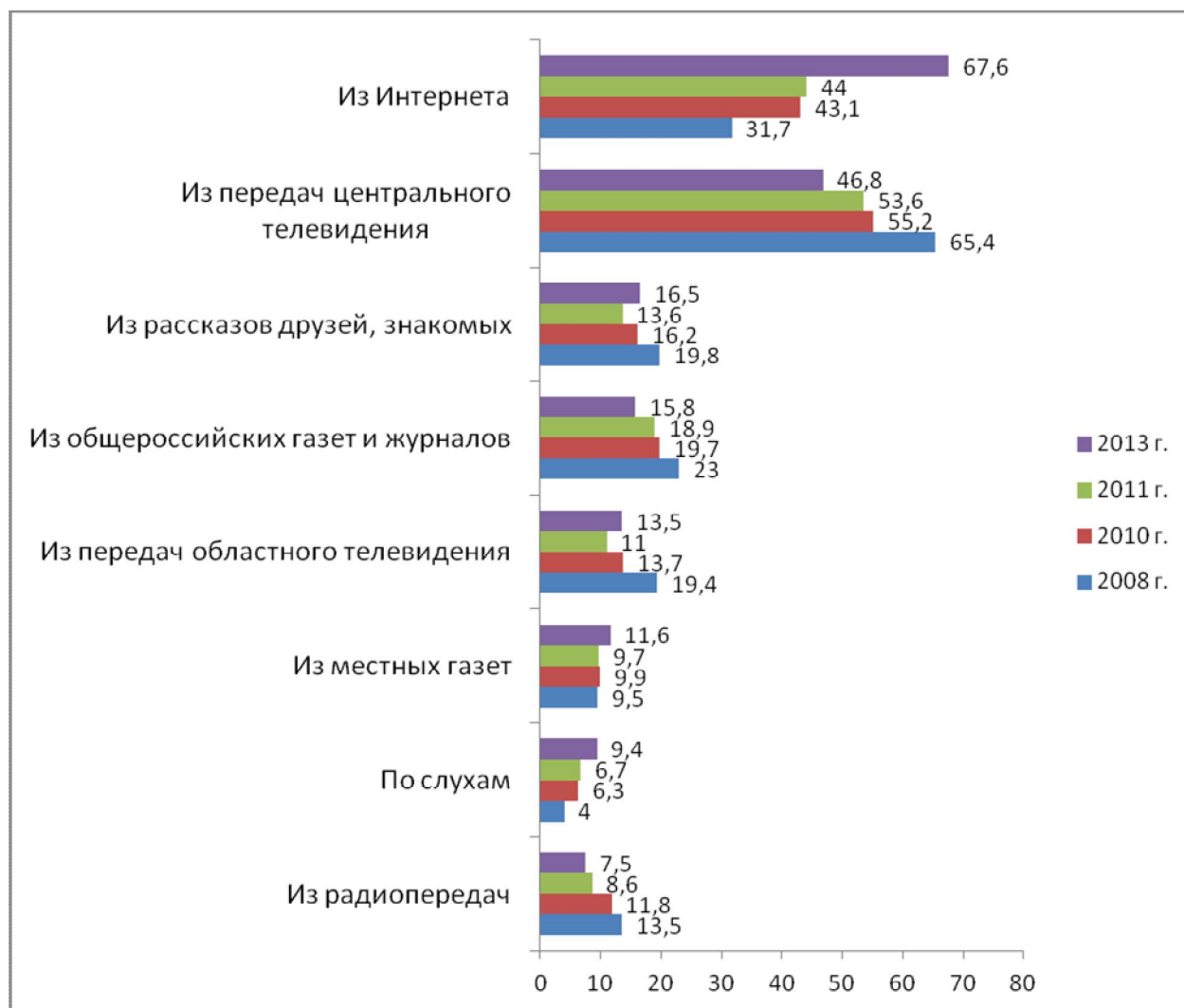
Вместе с тем, последние несколько лет устойчиво росла роль интернета как основного источника информации для молодежи, а роль Первого канала, России-1, НТВ и прочих «властителей ума», соответственно, снижалась. Поэтому уже в исследовании «Молодежь Владимира – 2011» мы позволили себе сделать следующее предположение: «Исходя из действующих тенденций, можно прогнозировать, что интернет превзойдет федеральное телевидение в роли главного источника информации для молодежи через 3–4 года». Однако это, без всякого преувеличения, «знаковое» событие произошло еще раньше, что связано со стремительными темпами распространения и развития интернета и, вероятно, столь же ускоряющейся деградацией центральных телеканалов.

Итак, интернет в иерархии источников информации о событиях в стране и мире для владимирской молодежи впервые занял первое место (68%, см. рисунок), оттеснив на второе передачи центральных каналов (47%). Темпы роста влияния интернета поразительны – больше чем в два раза (с 32% в 2008 г.) за 5 лет!

Роль передач федеральных телеканалов по-прежнему велика – почти половина респондентов отмечают их в качестве основных источников информации, однако сама тенденция весьма печальна для московских телевизионных деятелей – снижение доли молодых владимирцев, обращающихся за информацией к центральному телевидению, в полтора раза (с 65 до 47%) за те же 5 лет.

Все прочие источники информации значительно отстают от двух информационных гигантов. На третье место поднялись рассказы знакомых и друзей (16.5%), примерно такую же долю имеют общероссийские газеты и журналы (16%), роль которых, отметим, тоже последовательно снижается год от году.

Далее в иерархии источников информации следуют передачи местного телевидения (13.5%) и местные газеты (12%). Кстати, доли владимирских СМИ, как электронных, так и печатных, не показывают тенденции к снижению.

Источники, которыми пользуется молодежь для получения информации и событиях в стране и мире

Наконец, 9% респондентов для получения информации о событиях в мире и стране пользуются слухами, и 7.5% – радиопередачами.

Интернет как источник информации одинаково важен как для юношей, так и для девушек (табл. 1). Передачи центрального телевидения пользуются заметно большей популярностью у молодых женщин (53% против 41% среди мужчин), остальные гендерные различия весьма незначительны.

Возраст респондентов играет гораздо более важную роль в выборе источников информации, чем их пол. По мере взросления роль интернета падает с 78% среди самых юных, 15–17-летних, до 52% среди 25–30-летних, и одновременно возрастает роль федеральных телеканалов (соответственно с 41% до 58%). **Таким образом, наиболее «старшие» респонденты – единственная возрастная группа в выборке, где доля центрального телевидения все еще выше доли интернета.**

Респонденты в возрасте 25–30 лет также относительно чаще других получают информацию из общероссийских газет и журналов (27% против 16% в среднем по выборке), местных газет (22% против 12% в среднем) и передач областного телевидения (19.5% против 13.5% в среднем).

Респонденты 18–19 лет несколько чаще других черпают информацию о происходящих событиях из рассказов друзей и знакомых (22% против 16.5% в среднем). Радиопередачи относительно наиболее популярны среди 20–24-летних (10% против 7.5% в среднем).

Таблица 1

Из каких источников молодежь получает информацию о событиях в стране и мире
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос, можно было выбрать несколько вариантов ответа)

	В среднем	Пол		Возраст			
		муж.	жен.	15–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–30 лет
Из интернета	67,6	67,4	67,8	77,6	73,8	69,9	52,4
Из передач центрального телевидения	46,8	41,3	53,1	41,3	41,5	44,3	58,2
Из рассказов друзей, знакомых	16,5	17,2	15,8	16,9	22,1	13,5	15,1
Из общероссийских газет и журналов	15,8	15,5	16,2	12,4	7,7	12,1	27,1
Из передач областного телевидения	13,5	13,1	14,0	12,9	8,7	11,3	19,5
Из местных газет	11,6	11,2	12,1	8,0	6,7	6,7	21,9
По слухам	9,4	10,4	8,2	9,5	10,3	9,6	8,6
Из радиопередач	7,5	8,3	6,5	5,5	5,1	9,6	8,6
Ответили на вопрос, чел.	991	528	463	201	195	282	292

Молодежь не только все чаще использует интернет в качестве источника информации, как мы выяснили в предыдущем подразделе, но и уделяет ему все больше и больше времени.

Только 5% респондентов отметили, что они практически не пользуются интернетом (в 2011 г. таких было 9%) – табл. 2, еще 7% пользуются редко, время от времени (13% в 2011 г.). Уменьшилась по сравнению с прошлым исследованием и доля тех респондентов, кто заглядывает в интернет практически ежедневно, но проводит там немного времени, менее часа – 8% против 14%.

Зато значительно выросли доли респондентов, не жалеющих время на интернет. Более трети (38%) молодых владимирцев посвящают ему от 1 до 3 часов, 22% – 4–5 часов, и почти каждый пятый (18%) проводят в интернете более 5 часов! Таким образом, 40% респондентов отдадут всемирной паутине более 4-х часов каждый день, а в 2011 г. таких было 30%.

Таблица 2

Сколько времени респонденты проводят в интернете
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

	2011 г.	2013 г.	Пол		Возраст			
			муж.	жен.	15–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–30 лет
Практически не пользуются интернетом	8,7	5,2	5,5	4,9	0,5	4,1	3,8	10,6
Пользуются редко, время от времени	12,8	7,2	9,5	4,7	2,5	4,1	6,3	13,4
Менее 1 часа в сутки	13,8	8,4	6,8	9,2	6,0	2,6	5,9	16,8
От 1 до 3 часов в сутки	34,2	38,4	36,6	40,3	35,5	34,2	45,1	36,6
4–5 часов в сутки	15,7	22,4	23,5	21,1	25,0	30,1	20,3	17,5
Более 5 часов в сутки	14,8	18,4	18,0	18,8	30,5	25,0	18,5	5,1
Ответили на вопрос, чел.	986	996	527	469	200	196	286	292

Как видно из таблицы, девушки используют интернет, пожалуй, даже чуть активнее, чем юноши – только менее 10% респондентов женского пола практически не пользуются интернетом либо пользуются им редко.

Более половины (55%) респондентов в возрасте от 15 до 19 лет пользуются интернетом более 4 часов в сутки, при этом среди самых юных (15–17 лет) почти треть – 30.5% проводят в сети более 5 часов. Вообще, самые молодые просто не мыслят себе жизнь без интернета – 97% 15–17-летних владимирцев являются активными пользователями.

Понятно, что с возрастом время, которое респонденты могут посвятить интернету, несколько снижается. Но даже и в возрастной группе 25–30 лет более трех четвертей (76%) являются активными пользователями, а 23% респондентов в этой возрастной категории проводят в сети более 4 часов ежедневно.

Интернет для молодежи – далеко не только источник информации, но, в первую очередь, средство общения. Более двух третей (77.5%, для сравнения в 2011 г. – 64%) респондентов используют интернет для общения с друзьями и знакомыми в социальных сетях (табл. 3), а среди молодежи в возрасте 15–24 лет доля таких пользователей и вовсе составляет 81–84%. Несколько чаще его для этого используют девушки (81% против 74% среди юношей).

Абсолютное большинство респондентов (59%) ищут в интернете информацию для работы и учебы, этим несколько чаще опять же занимаются девушки (64% против 55% среди юношей), а также тинэйджеры 15–19 лет (72–74%). Другие виды использования интернета в качестве источника информации несколько менее распространены среди молодежи.

Таблица 3

В каких целях респонденты чаще всего используют интернет
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос, можно было выбрать несколько вариантов ответа)

	2011 г.	2013 г.	Пол		Возраст			
			муж.	жен.	15–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–30 лет
Общаются с друзьями в социальных сетях	63.8	77,5	74,4	80,9	83,6	84,2	80,8	65,6
Ищут информацию для учебы/работы	51.0	59,2	55,2	63,6	74,1	71,9	61,2	39,5
Скачивают музыку или фильмы	40.3	46,1	47,1	45,0	61,7	54,6	42,0	32,7
Смотрят онлайн ТВ, фильмы, слушают радио	25.1	44,8	45,5	43,9	54,7	52,6	42,3	35,4
Узнают самые свежие новости о жизни в стране и мире	39.5	32,7	34,2	31,0	30,3	27,6	34,9	35,0
Используют как энциклопедию и справочник	28.4	29,8	29,6	30,0	32,3	33,7	28,1	27,9
Играют в сетевые игры	13.8	25,9	37,8	12,4	41,8	29,6	17,8	19,4
Совершают покупки товаров и услуг через интернет	15.7	19,8	19,9	19,7	12,4	20,9	28,5	16,3
Ищут инфо о местных событиях, деятельности местных властей	8.4	8,5	9,5	7,3	2,5	6,1	7,5	14,6
Ведут свой блог	4.9	7,0	8,2	5,8	7,0	3,6	7,1	9,9
Используют для контактов с органами власти	3.1	4,6	5,1	4,1	2,0	4,6	5,7	5,4
Ответили на вопрос, чел.	954	994	527	467	201	196	281	294

Однако каждый третий (33%) узнает в интернете самые свежие новости о жизни в стране и мире, а 30% используют всемирную сеть в качестве энциклопедии и справочника (причем и то и другое в равной степени касается всех возрастов и обоих полов). Наконец, 8.5% (ровно столько же было и в 2011 г.) респондентов ищут в интернете информацию о местных событиях и о деятельности местных властей. Местной информацией практически не интересуются самые юные (2.5%), но зато среди самых старших ей уделяют внимание уже 15% респондентов.

Молодежь использует интернет отнюдь не только в качестве источника информации и средства общения, он давно превратился в универсальный инструмент.

Почти половина (46%) респондентов скачивают музыку и/или фильмы, хотя этот процесс и должен был бы затрудниться с принятием антипиратского законодательства, а также смотрят онлайн фильмы, телевизионные передачи и слушают радио (45%). Чаще к такого рода использованию интернета склонны представители молодых возрастных категорий, но и среди 25–30-летних таких треть (33–35%).

Каждый четвертый респондент (26%) играет в интернете в сетевые игры. За два года доля «игроков» выросла чуть ли не в два раза (в 2011 г. их было 14%). Среди таких пользователей доминируют юноши (38% против 12% среди девушек).

Каждый пятый (20%) использует интернет для совершения дистанционных покупок. Особенно активны в такой деятельности респонденты в возрасте 20–24 лет (28.5%). Доля «покупателей» также несколько подросла с 2011 г. (было 16%).

Ведут свой блог 7% респондентов, и несколько чаще блоггерами становятся представители «старшей» возрастной группы молодежи (10%).

Наконец, для контактов с органами власти интернет используют только чуть менее 5% респондентов. Доля таких пользователей тоже потихоньку растет (в 2011 г. было 3%).

Чтобы выяснить, какие же социальные сети используют чаще всего молодые владимирцы, мы задавали респондентам соответствующий открытый вопрос. Некоторые молодые люди пользуются несколькими социальными сетями, поэтому общая сумма ответов заметно превышает 100%.

ВКОНТАКТЕ – 88.8%

ОДНОКЛАССНИКИ – 22%

TWITTER – 7.9%

FACEBOOK – 6.6%

ДРУГ-ВОКРУГ – 2.8%

INSTAGRAM – 2.5%

Как и в 2011 г. – однозначный лидер молодежных предпочтений – сеть ВКонтакте, следом – на почтительном расстоянии – Одноклассники. Напрямую сравнивать процентные соотношения с 2011 г. не будем, поскольку несколько изменилась методика подсчета, однако сама расстановка сил у двух лидеров сохранилась, хотя отрыв ВКонтакте еще более увеличился. В свою очередь, Одноклассники далеко опережают социальные сети, занявшие 3–4 места в иерархии предпочтений молодежи.

На третье место вышел Twitter, незначительно опередив Facebook.

По сравнению с 2011 г. набрали довольно заметный вес Друг-Вокруг, а также Instagram.

Всего респонденты назвали несколько десятков вариантов ответа, многие из этих вариантов не имеют отношения к социальным сетям (например, просто названия любимых сайтов), но они и упоминались по одному – два раза – так что не повлияли на расстановку сил.

Как упоминалось выше, более трех четвертей молодых владимирцев используют интернет для общения в социальных сетях. Поэтому совершенно естественно, что респонденты

считают наиболее логичным, чтобы именно там Управление по делам молодежи администрации города и размещало информацию о своей деятельности (61%) – табл. 4. С таким мнением согласно абсолютное большинство респондентов в каждой из возрастных групп.

Тем не менее, достаточно весомые 28% опрошенных молодых владимирцев желали бы видеть такую информацию на собственном сайте управления. Особенно часто так считают самые «старшие» представители молодежи (34%).

Еще 17% респондентов полагают, что достаточно размещать информацию о работе городской молодежной структуры на сайте администрации города. Заметно реже других так считают две самые молодые возрастные категории молодежи (менее 10%).

Реже всего молодежь советует размещать подобную информацию в поисковиках (только лишь 6%).

Таблица 4

Мнение респондентов о том, на каких сайтах управлению по делам молодежи лучше размещать информацию о своей деятельности, в зависимости от пола и возраста (в процентах от общего числа ответивших, допускалось более одного варианта ответа)

	2011 г.	2013 г.	Пол		Возраст			
			муж.	жен.	15–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–30 лет
В социальных сетях	49.3	61,0	59,1	63,2	61,4	51,5	63,4	64,0
На собственном сайте	25.1	28,0	26,0	30,3	20,8	30,1	25,6	34,2
На сайте городской администрации	13.1	16,6	14,9	18,5	9,4	9,2	18,3	25,3
В поисковиках	7.3	5,8	6,5	5,0	5,4	4,1	4,8	8,2
Меня не интересует такая информация	16.9	15,5	18,9	11,5	21,8	19,9	15,4	8,6
Ответили на вопрос, чел.	940	982	523	459	202	196	273	292

Наконец, 15.5% опрошенных молодых людей прямо отвечают, что их вообще не интересует информация о деятельности Управления по делам молодежи (в 2011 г. – 17%). Такой вариант ответа чаще выбирают юноши (19% против 11.5% среди девушек). К сожалению, среди самых молодых респондентов доля «безразличных» достигает 20–22%.

Таким образом, наилучшим вариантом, с точки зрения респондентов, было бы размещение информации о деятельности управления в социальных сетях (а именно – в первую очередь ВКонтакте, как следует из предыдущего подраздела), но при этом, конечно, и собственный интересный сайт может пользоваться вниманием заметной части молодежи. Это, пожалуй, является наилучшим свидетельством модернизации информационного мира современной молодежи.

Главным результатом можно считать вытеснение в молодежной среде телевидения, как основного источника информации о событиях в стране и мире, интернетом, который, к тому же является и местом проведения досуга, и источником знаний, необходимых для учебы или работы. Но главное – что интернет это одно из важнейших средств общения.

При этом не может не настораживать рост доли молодых людей, особенно подростков, которые проводят в сети 4–5 и более часов в сутки.

D. I. Petrosyan, Vladimir

THE INFORMATION PRIORITIES OF YOUNG RUSSIANS AS A FACTOR OF MODERNISATION

The article represents the results of the last step of monitoring study “Young Vladimirers: dynamics of main values and priorities”, held by “Mid-Russian Consulting Center” in cooperation with the Department of Youth Affairs of the Vladimir City Administration in September-October 2014.

The author analyses the popularity of different sources of information and internet as the most popular one. The structure of activities of young people in internet may be valued as the factor of informational modernization.

Key words: information priorities of young people, informational modernization, internet as the social link of young people.

УДК 316.354

А. В. Прокофьева, Пермь

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

(Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г., проект №929, рук. Е.Б. Плотникова)

В статье представлен обзор развития социокультурного подхода к исследованию города. Основной акцент делается на ряде теорий классического этапа и работах современного периода, связанных с рассмотрением различных субъектов процесса конструирования городского пространства. Проведен анализ различных позиций в данном вопросе на примере отношения Пермских блоггеров к особенностям городской застройки.

Ключевые слова: социальное пространство, городская среда, социокультурная среда.

Социокультурный подход к исследованию города относительно недавно стал выделяться в социальной науке. В рамках данного подхода актуализируются понятия «городская среда», «социокультурный потенциал городской среды», акцент в исследованиях делается на анализе конкретных социально-исторических связей и отношений людей в процессе совместной жизнедеятельности. Городская среда все чаще интерпретируется в исследованиях современных ученых как тождественное обществу целостное органическое образование, существующее и развивающееся как особая реальная форма жизнедеятельности людей. В становлении данного подхода существенную роль сыграли переопределение городской среды как социально-исторического субъекта и носителя определенного среза социокультурных отношений, в связи с чем акцент делался на выделение причин, влияющих на становление городской среды (А.С. Ахиезер, Ю.Л. Пивоваров и др.); рассмотрение проблем воспроизводства социокультурной среды; использование в городской среде социальных и культурных инноваций (Н.И. Лапин, И.В. Бестужев-Лада).

Несомненно, основы для такого понимания городской среды были заложены еще в работах ведущих представителей классической социологии: М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, М.М. Ковалевского, К. Маркса, Ф. Энгельса. Кратко остановимся на некоторых из них.

Одной из существенных характеристик социального пространства, выделенных Э. Дюркгеймом, выступает восприятие и структурирование пространства с опорой на культуру и религиозные верования схожим образом у представителей одной цивилизации. Так в сознании жителей города его социокультурная среда воспринимается через систему присутствующих только этому месту и однозначно интерпретируемых знаков (объектов) – храмов, соборов, ратуш, зданий судов, театров, университетов.

Рассматривая взгляды на городское социальное пространство другого классика социологии М. Вебера стоит отметить, что большинство выделенных им признаков связаны так или иначе с осуществлением социальных практик, характерных исключительно для городского населения. Можно сказать, что город в таком контексте выступает источником изобретения различных социальных практик, которые в дальнейшем транслируются в деревню. Нас в данной связи в первую очередь интересует описание им города как источника появления специфически городского искусства и науки в современном ее виде, теологического мышления и мысли, свободной от религии. Города в представлениях немецкого классика выступают носителями определенной религии, а символом братского союза горожан выступает городская бог или святой [1, с. 364]. Именно с основания центрального храма, помещенного в центр всей религиозной жизни города (отправлением специфических обрядовых практик), начиналась история многих городов. Другим местом осуществления специфических практик,

которые породил город, являются университеты, как правило, осуществляющие просветительскую и научно-исследовательскую работу. Кроме того, университеты являлись первыми объектами городского пространства, в которых зарождалось искусство, поскольку обучение в них на первых этапах становления данного социального института представляло собой «овладение свободными искусствами». В то же время стоит отметить, что Вебер явно тяготеет к экономическому подходу. Город в качестве особой формы социально-культурного бытия людей образуется только на экономической основе (многосторонность промысла и специфическая не связанная с ведением сельского хозяйства деятельность, наличие постоянного товарообмена) и представляет собой замкнутую хозяйственно-политическую корпорацию. Таким образом, его методология изучения городской социокультурной среды являет собой образец экономико-социологического детерминизма.

В работах Г. Зиммеля, соотечественника М. Вебера, город выступает как центр науки, коммуникации, культуры и образования. Культурная среда больших городов порождает специфическую свободу их жителей – свободу в духовном, утонченном смысле, противоположную мелочности и предрассудкам, которые связывают жителей маленьких городов. Тому, что большой город становится зоной концентрации индивидуальной и социальной свободы, в значительной мере способствует также то обстоятельство, что большие города постоянно были средоточием космополитизма. Атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии культуры объективной, отмеченная в работах Зиммеля, представляется нам негативной тенденцией развития городской среды. В работе «Большие города и духовная жизнь» автор отмечает, что «в языке и праве, в технике и искусстве, в науке и предметах домашнего обихода заключен дух, за ежедневным ростом которого субъект поспекает далеко не вполне, а часто отстает от него. Здесь в зданиях и учебных заведениях, в чудесах и комфорте техники, в формах общественной жизни и внешних государственных институтах сказывается такая подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна» [2]. Большие города являются главной ареной этой, перерастающей все личное, культуры, тогда как личность отстает от нее все больше. Еще одной темой, обозначенной классиком формальной социологии, была искусственность городской среды, ярким примером каковой является, по его мнению, Венеция [3].

Проблематика искусственности созданной жителями города среды обитания на современном этапе развития социологии подробно раскрыта в работах Д. Харви и М. Кастельса. В силу развития промышленного капитализма урбанизм становится одним из аспектов искусственной среды. Постоянное реструктурирование пространства в современном городе обусловлено решениями крупных компаний о размещении своих предприятий и офисов, деятельностью частных инвесторов, способами административного контроля за земельными участками и др. Городское планирование обуславливается также идеологическими принципами, оно тесно связано с господствующими ценностями, конфликтами и политическими интерпретациями того, каким должен быть социальный порядок. Так в статье Л. Кингс и Ж. Кравченко «Разочарование в «грандиозных планах»? Репрезентации пространства в практике городского планирования в России и Швеции» рассматривается как концептуальное обеспечение практик генерального планирования выступало не просто пассивным инструментом достижения социальных целей, но и важным ресурсом формирования и результатом приложения идеологических принципов через репрезентации пространства [4]. Планировка и архитектура городов и их районов отражают борьбу и конфликты между различными группами общества. Мало того, данная среда становится ареной не только пространственной, но и символической борьбы, когда например небоскребы, по словам Кастельса, «символизируют власть денег над городом с помощью технологий и уверенности в себе, это храмы периода роста промышленного капитализма».

На сходных позициях стоят американские социологи Дж. Логан и Х. Молоч, подчеркивая, что влияние разнообразных экономических факторов макросоциального уровня на городскую среду проявляются через деятельность местных субъектов. Их они, в свою очередь,

делят на «основных» (бизнес, политики, СМИ, предприятия общественного пользования) и «запасных» игроков (университеты, учреждения культуры, профессиональный спорт в лице профессиональных спортивных команд и их руководства, профсоюзы) [5]. Характер городской среды бесспорно является результатом деятельности основных игроков – крупного бизнеса и власти, которые стремятся интенсифицировать использование земли в отдельных районах, однако как американские ученые, так и М. Кастельс, подчеркивают роль неосновных игроков и местных сообществ в изменении условий собственной жизни. Крупный бизнес и власть не обращают внимания на социально-экономические последствия своих действий для данного городского района. Ими, например, могут игнорироваться вопросы сохранения исторических зданий, расхождение с интересами местного малого бизнеса и жителей. Зачастую в таких случаях городские жители и активисты, так же как и другие субъекты изменения городской среды, объединяются в группы для защиты своих интересов. Такие местные ассоциации могут вести борьбу за расширение зональных ограничений, блокирование нового строительства в зеленой зоне или оказание давления для принятия более приемлемого законодательства, регулирующего пользование недвижимостью.

В г. Перми есть ряд примеров такого взаимодействия основных и «второстепенных» субъектов в изменении городского пространства. Хотелось бы подробнее остановиться на представлениях жителей города, активно обозначающих свою позицию по данному вопросу в сети Интернет. В постиндустриальном обществе возможность моделировать культурное пространство, облик собственного города – является одним из ключевых интересов современного активного горожанина. Важной причиной внимания к обитаемому пространству становится его «стремление функционировать символически как пространство стилей жизни» [6, с. 69]. Аргументация и отстаивание различных позиций относительно архитектурного облика города, есть, с одной стороны, выражение разницы позиций социальных групп, формой сублимации социального конфликта, с другой – культурной формой осмысления имиджа региона, сущности территории.

Подробный анализ обсуждения пермской ситуации в блогосфере в связи с нашумевшими культурными и архитектурными проектами представлен в статье С.Г. Дюкина «Мрачный и неудобный город» [7]. Для нас в данном случае был интересен в первую очередь аспект архитектурного облика и типа городской застройки. Мы попытаемся выстроить различные высказывания по данной проблематике в соответствии с тремя описательными подходами к рассмотрению города как видоизменяющейся среды, подверженной определенным социальным преобразованиям.

Так, явно модернистской точки зрения на город как «машину роста» придерживается группа авторов постов и комментариев, выступающих за обновление городской архитектурной среды. Обобщающая идея большинства их высказываний, критических по своему характеру, сводится к требованию ускорения темпов застройки новыми зданиями: высотными домами и офисными центрами. В Перми, по их мнению, ведется медленная и нерешительная работа по освобождению города от старых зданий, требуется обновление центральной части города, сохранение и реставрация ряда зданий (несущих краеведческую ценность) в его исторической части [7]. Приоритет в обновлении городской архитектурной среды должен отдаваться функциональности застройки и ее комфортабельности. Все это должно придать облику города неповторимый современный облик.

Ряд высказываний пермских блоггеров были объединены по принципу их обеспокоенности проблемой архитектурного облика города в связи с «унылостью» и «серостью» застройки, в которой в основном преобладают 5-этажные здания, «одинаково унылый пейзаж». Пермь видится им непривлекательной именно в силу отсутствия выразительности и архитектурного лица [7]. Данная позиция иллюстрирует синтез двух подходов, которые социолог В.С. Вахштайн обозначил как «левацкий» и «хипстерский» урбанизм [8]. Первый из обозначенных подходов основан на идее о создании благоприятных социальных условий для существования в городе, активной сторонницей которого была Дж. Джейкобс. В частности выска-

зывалась идея о том, что несмотря на огромные затраты, связанные с застройкой и общим развитием крупных городов, для представителей многих слоев населения такие города становятся непригодны для жизни. Второй нарратив описания города связан с его восприятием как масштабной сцены для развлечения, культурного взаимодействия между различными группами, машины удовольствия. Говоря словами Д. Харви, в таком контексте критика однотипности застройки напрямую связана с «правом на преобразование города в соответствии с нашими сокровенными желаниями» [9].

Ярким примером «хипстерского урбанизма» является позиция защитников исторического ядра города. Вместо функциональности городской среды в данном случае отдается предпочтение сохранению связи исторического облика города и его культурной составляющей. Сохранение традиционной социокультурной среды города становится основой как для его функциональности, так и для его адекватного восприятия различными социальными группами. Вторая линия аргументации данной позиции выстраивается вокруг идеи об исторической застройке как мощном историко-культурном туристическом ресурсе [7]. Кроме того подобная, лишенная функциональности, архитектура становится средой для общения, рекреации и творческой свободы. Именно второе направление аргументации данной позиции позволяет нам отнести ее к «хипстерскому урбанизму».

Еще один выделенный авторами вектор рассуждений, связанный с выявлением архитектурно-инфраструктурных девиаций, работает на стыке всех трех обозначенных нами выше подходов, акцентируя внимание на дисфункциональности городской среды, ее непригодности для жизни (проблемы социальной справедливости) и для культурного взаимодействия, производства и потребления. Критические выпады данной группы направлены против расположения в центре города психиатрической и инфекционной больниц, множества «замороженных» строительных площадок, неоправданной растянутости города, наличия множества отдаленных районов и т. д. [7]

В качестве не сильно распространенной, но позитивной тенденции можно отметить реплики ряда блогеров, позиционирующих город в качестве образца сохранения архитектурной традиции, приводя конкретные примеры удачной реставрации ряда исторически значимых зданий. Однако подобная полемика в пользу сохранения исторической архитектурной среды характеризуется фрагментацией пространства, когда культурная сущность города вырезается в единичных символах историко-культурного характера. Еще одним существенным вопросом в данном случае является возможность реализации высказываемых предложений. Анализ ситуации связанной с другой остро стоящей в Перми проблемой – переносом зоопарка – показал отсутствие эффективных механизмов взаимодействия городских активистов и муниципальных властей г. Перми по вопросам реконструирования городского пространства. Сложности в выстраивании конструктивного диалога между данными субъектами процесса реконструирования городского пространства ставят под вопрос возможности влияния жителей города на этот процесс, преобразуя данную общественную деятельность в ее симуляцию.

Список литературы

1. Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем. под ред. И. Гревса. М., 2001. С. 211–365.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>.
3. Зиммель Г. Венеция // Логос. 2002. №3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimven.html>.
4. Кингс Л., Кравченко Ж. Разочарование в «грандиозных планах»? Репрезентации пространства в практике городского планирования в России и Швеции *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2013. №3. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/79>.
5. Логан Д. и Молоч Х. Город, как механизм (машина) развития / пер. В.В. Вагина. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.ru/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>.

6. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 69 с.
7. Дюкин С. Г. Мрачный и неудобный город (оценка Пермских реалий в блогосфере) // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой; вступ. ст. О.Л. Лейбовича. Пермь, 2013. С. 162–174.
8. Сакоян А. Москва становится городом-wow. 09.11.2013. URL: http://polit.ru/article/2013/11/09/moscow_uran/.
9. Харви Д. Право на город // ЛОГОС. 2008. №3(66). С. 92.

A. V. Prokofyeva, Perm

SOCIOCULTURAL FEATURES OF FORMATION OF THE URBAN ENVIRONMENT

The article presents the review of development of sociocultural approach to city research. The main emphasis is placed on a number of theories of a classical stage and the works of the modern period. The works of the modern period are connected with consideration of various subjects of process of designing of city space. The article contains the analysis of various positions on the example of the relation of the Perm bloggers to features of city building.

Key words: social space, urban environment, sociocultural environment.

УДК 316.334.52 (470.55)

Е. А. Терещук, Челябинск

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00655а [1])

В статье представлены результаты социологического исследования 2011–2012 гг. в Челябинской области в рамках проекта «Социокультурный портрет региона», отражающие некоторые особенности системы ценностей южноуральцев.

Ключевые слова: социокультурный портрет, ценности, Челябинская область.

В рамках исследования «Социокультурный портрет Челябинской области» были выявлены особенности отдельных сторон жизнедеятельности области в оценках ее жителей. Остановимся на специфике ценностных ориентаций жителей региона [2].

Лидирующие ценности для южноуральцев – это жизнь человека, порядок (безопасность), семья и дети, общительность. Это то ядро ценностей, которое объединяет жителей региона и отличает их от соседних регионов. К примеру, для среднестатистического россиянина в 2010 г. ценность человеческой жизни была менее значимой, чем семья, порядок и общительность.

Таблица 1

Ценностные предпочтения населения Челябинской области и России

Челябинская область, 2011			Россия, 2010 [3]		
ценности	баллы	место	баллы	место	ценности
Интегрирующее ядро					
жизнь человека	4,76	1	4,79	1	Семья
порядок	4,64	2	4,73	2-3	Порядок
Семья	4,63	3	4,73	2-3	Общительность
общительность	4,61	4	4,66	4	жизнь человека
			4,5	5	Благополучие
			4,48	6	Независимость
			4,44	7	свобода
			4,41	8	Традиция
Интегрирующий резерв					
независимость	4,35	5			
благополучие	4,33	6			
свобода	4,31	7			
работа	4,13	8			
традиция	3,94	9	4,29	9	Работа
инициативность	3,91	10	4,14	10	Инициативность
			4,1	11	Нравственность
			4,07	12	Жертвенность
<i>Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей – 71%</i>			85,7%		
Оппонирующий дифференциал					
нравственность	3,7	11			
жертвенность	3,66	12			
своевольность	3,48	13			
Конфликтогенная периферия					
			2,77	13	Властность
властность	2,28	14	2,48	14	Своевольность
<i>Доля дифференцирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей – 29%</i>			14,3%		

Интегрирующий резерв, т.е. ценности, которые могут стать объединяющими в дальнейшем, поскольку на настоящий момент не все южноуральцы признают их важными для себя, включает независимость (ориентация на собственные силы), благополучие, свободу, значимость работы, уважение к традициям, необходимость проявлять инициативу.

Терминальные ценности, т.е. ценности-идеалы, ценности-цели, сосредоточены в интегрирующем жителей области кластере. Другими словами, наблюдается большее единодушие в жизненных целях, чем в средствах достижения этих целей.

Те ценности, которые скорее разъединяют, чем объединяют южноуральцев, – это инструментальные ценности (качества людей): нравственность, жертвенность, с одной стороны, и своевольность, с другой стороны. Общероссийский опрос 2010 г. показал, что в категории «оппонирующий дифференциал» отсутствуют какие-либо из 14 предложенных ценностей.

Властность – это ценность, которая по результатам опроса была отнесена к конфликтной периферии, т.е. стремление к власти меньшинства и нежелание большинства признавать властность в качестве возможного средства достижения жизненных целей способно породить конфликты среди населения Челябинской области. По результатам общероссийского опроса 2010 г. в эту категорию ценностей попали (так же, как и в 2006 г.) властность и своевольность.

Таким образом, доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей у населения Челябинской области составляет 71%, что существенно больше доли дифференцирующих население ценностей (29%). В то же время в целом по России (2010 г.) доля интегрирующего кластера выше – 85,7%, что позволяет сделать вывод о том, что среднестатистического южноуральца объединяет с другими жителями области меньшее количество ценностей, чем среднестатистического россиянина с жителями страны.

Соотношение современных ценностей (свобода, независимость, инициативность, своевольность) и традиционных ценностей (традиция, порядок, жертвенность, властность) составляет 1,11, что позволяет сделать вывод о некотором преобладании ценностей изменения, т.е. определенной готовности двигаться вперед. И этот показатель выше, чем в среднем по России в 2010 г. (0,97).

Отношение терминальных ценностей (ценностей-целей) и инструментальных (ценностей-средств) – 1,18, что соответствует соотношению этих групп ценностей в среднем для России.

Ряд корректив в обозначенные особенности ценностной структуры населения Челябинской области вносят результаты глубинных интервью, где есть рассуждения в пользу значимости материального благополучия, традиций, порядка.

При проведении глубинных интервью южноуральцам была предоставлена возможность самим (без предложенного списка) определить те ценности, которые они считают специфическими для населения Челябинской области.

Жизнь как ценность упоминается в ответах всего один раз. То же самое касается уважения, любви, нравственности.

Рассуждая о типичном южноуральце, информанты отмечают, что основной ценностью является деньги, достаток, благополучие («чтоб был достаток и благополучие»; «направленность у рабочих только на материальные блага»; «обеспечение жизни себе и семье, **достаток** семьи, улучшение материальных и духовных благ»; «основные ценности материальные: еда, бытовая техника, авто и т.п. ценности материальные, говорят же что Челябинск – город банков, аптек и торговых центров»; «**материальная** сфера, достаток. Жизнь типичного представителя определяется стремлением к выживанию»; «**деньги** на первом месте, на втором собственное благополучие, здоровье и семья»; «**Достаток**. Определяет все материальный уровень...»; «**деньги**, питание, зарплата»; «**деньги** – без них никуда. Хотят, чтоб был достаток и благополучие»; «Хотят, чтоб денег хватало»; «**материальное** благополучие. Если оно есть, люди живут спокойно...»), возможность этот достаток увеличить («работа и зарплата»),

«Огороды и сады», «работа, хотят чтоб работа была нормальная, а все остальное есть»). Материальные ценности некоторые южноуральцы называют простыми: «еда, бытовая техника, авто и т.п.», «машина, дача – чтобы как у людей», «простые – обеспечение жизни себе и семье», «достаточно с простыми ценностями – **прожить, прокормить**, детей поднять, наличие работы и заработка».

При этом можно заметить, что достаток, материальное благополучие часто называются в числе ценностей не как самоцель, а как инструмент для достижения других целей – обеспечение выживания своего и своей семьи. И здесь видно мнение о разнице в уровне притязаний жителей крупных городов и деревень: «в крупных городах больше стремятся заработать деньги, может быть даже слишком об этом думают, в деревнях попроще все, им бы на пропитание заработать»; «Жизнь в городе определяется деньгами, возможностями, работой».

Несколько реже, чем достаток и материальное благополучие, отмечаются такие ценности типичного южноуральца, как:

– семья, дом, дети: «живут ради детей, стала больше рождаемость у нас»; «мечтают, чтоб детям помогать, поднять детей»; «**дети**, главная ценность – обеспечить детям жизнь»; «**дети**, семья»; «потом [*после достатка*] **семья**, дом, дети», «главное – **семья**»; «дом, **семья**»; «дом, дети».

– здоровье свое и детей: «Самое главное **здоровье**, чтобы дети были здоровы»; «**деньги** на первом месте, на втором собственное благополучие, здоровье и семья».

– спокойствие, стабильность, комфорт («комфорт, **спокойствие**, ценят стабильность и держатся вместе»; «чтобы было **комфортно**, спокойно и благополучно»; «**стабильность**»; «**спокойствие** – ради него и живут»).

Южноуральцы характеризовали сами себя как «простых людей, которые не ходят в заведения и рестораны», не обладают особыми амбициями («с низким уровнем притязаний», «Средний обыватель никуда не рвется – такой, как я: семья, дом, работа», «звезд с неба не хватают»), как достаточно законопослушный, терпеливый народ, который «...готов пахать, многое стерпеть, не пойдет на баррикады».

Оборотная сторона терпимости и законопослушности – страх потерять стабильность («все они постоянно или периодически думают о том, что не для такой работы родились, но ничего поделать не могут, потому как боятся своей инициативы и боятся потерять место», «страшатся своей старости, так как не получается деньги отложить на нее и понимают, что государство точно не подержит», «боятся, что их уволят»). Жизнь таких людей «определяет размерность, нежелание что-либо менять, устой».

В ходе интервью выявлены характеристики стиля жизни типичного представителя Челябинской области. Учитывая, что стиль жизни – это всегда определенный набор моделей поведения, которые в свою очередь основаны на разделяемых ценностях, можно эти характеристики использовать для дальнейшей иллюстрации системы ценностей, присущей южноуральцам.

Отмечается, что ценностью – прежде всего, для молодежи – является развитие себя, саморазвитие («мечтают добиться своего, что не было раньше», «желание заниматься своим делом», «стремится сделать лучше свою жизнь, жизнь своего города») и города, области («народ, который хочет что-то делать для города»), образование («быть образованным модно»), хотя наличие диплома о высшем образовании не гарантирует хорошей квалификации работника («высшее образование не важно какое, но высшее»; «дипломы почти все имеют, а профессиональный уровень средненький»). При этом встречается мнение и о малой перспективности и инициативности современной челябинской молодежи. Отмечали, что молодежь не стремится трудиться («молодежь бездельем мучается, безответственность», «В деревне молодежь не заинтересована развивать сельское хозяйство», «Молодежь – халявщики. Лентяи»), а если и работает, то ищет легкий хлеб и быстрый заработок, не думая ни о личном развитии, ни о развитии региона («Сейчас молодёжь в производство не рвется, все в торговлю. Одни бухгалтера, занимаются перевозками, торговлей»).

Производственная специфика региона накладывает определённую ответственность на его жителей: необходимо быть умным, серьёзным и работающим, «потому что нужно работать в промышленной отрасли». Отдельно стоит выделить такую характеристику, как трудолюбие жителей Челябинской области: «народ не бездельничает, все хотят работать в основном и работают»).

Об отдыхе и развлечениях южноуральцы тоже не забывают: «У нас есть, где **отдохнуть**: отработал – отдохнул, а что надо еще?»; «больше об отдыхе думают», «в маленьких городах – для них ценно досуг, развлечения, кино, бассейн», типичный южноуралец «плавает, занимается спортом»; «любит культурно отдыхать»; «езды на **природу**».

Житель Челябинской области – человек, которому не чужд спорт, активный отдых («Спортивные люди – в походы, на природу, активно отдыхают. Спортсмены неплохие – даже на Олимпиаде золото»).

Многонациональный характер региона также накладывает свой отпечаток на жителей Челябинской области: ценностью является терпимость и дружелюбие к другим культурам («Например, на празднике 4 ноября православный священник и мулла обнимались»).

Несмотря на то, что среди ценностей были название стремление к развитию, культурный и образовательный уровень южноуральцев оставляет желать лучшего. Невысокий уровень культуры проявляется в самооценке («быдло», «в Челябинске в основном работают, люди в стаде»; «интеллигентов мало»; «книг не читают, в театры не ходят») и в поведении («Чем дальше, тем хамовитее, невоспитанные люди»): они мусорят на улицах («надо себя правильно вести – не кидать мусор»), не уважают старших («Возмущает поведение молодежи, их теперь интересует секс и хамство. Их в школе учат, как предохраняться, но не учат, как взрослым уступить место в транспорте»).

Было отмечено, что о каких-то особых, тем более, высоких, ценностях у жителей Челябинской области говорить не приходится: «ценности – это для них то, что пропагандируют по телевизору, ищут какого-то минутного счастья, все радости временны, нет далеко идущих планов, жизненные ценности у многих утеряны». Основная ценность – деньги и достаток, «прожить сегодня, и слава богу».

Таким образом, методика глубинного интервью показывает, что ориентиры населения области смещаются в сторону материальных ценностей и того, что позволит эти материальные ценности создать и приумножить (работа, здоровье), и того, ради чего материальное благополучие необходимо (дом, семья, дети).

По оценкам экспертов, для населения Челябинской области больше характерны: ориентация на традиции (в сравнении с инновациями), самостоятельность (в сравнении с патернализмом), стремление к предсказуемости (в сравнении с готовностью к риску), стремление к порядку (в сравнении со свободой), общительность (в сравнении с замкнутостью), частное (в сравнении с общественным), семья (в сравнении с работой). Инициатива и безынициативность представлены в равной степени.

Какие из перечисленных ценностей являются присущими именно Челябинской области? Как считают эксперты, прежде всего, это склонность к традиции (15%). На втором месте – ориентация на семью – 7% (и это видно при сравнении с ценностными приоритетами по России в целом, см. таблицу «Ценностные предпочтения населения Челябинской области и России»). Третье место занимают общительность, безынициативность и работа (по 5%).

Специфические для Челябинской области ценности, по мнению экспертов, связаны с особенностями исторического развития области, политики руководства области, наличия крупных промышленных предприятий, многонациональности, географического положения.

К вопросу о соотношении ценности самостоятельности и патернализма. Степень самостоятельности индивида в вопросах улучшения собственной жизни в рамках массового опроса выявлялась при ответе на вопросы: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от...?»

Коэффициент зависимости южноуральцев от различных групп людей
в вопросах улучшения своей жизни [4, с. 792–793]

Независимость/зависимость от:	Кзав по России в целом (2010)	Кзав по Челябинской области (5 – полная независимость, 1 – полная зависимость)
Вас самих	1,78	1,64
Ближних родственников	2,54	2,76
Общероссийской власти	2,57	2,79
Районной, городской властей	2,69	2,89
Областной власти	2,79	2,93
Начальника по работе	3,0	3,06
Друзей, земляков	3,24	3,33

Решение южноуральцами жизненно важных вопросов, по самооценкам, в большей степени зависит от них самих. На втором месте – значимость влияния на жизнь, с одной стороны, ближайшего окружения – семьи, родственников, с другой – власти всех уровней. В меньшей степени улучшение жизни жителей области зависит от начальства и друзей, земляков. То есть, в целом среднестатистический южноуралец берет на себя ответственность за собственную жизнь, являясь граждански самостоятельным, но при этом проявляет и определенное «иждивенчество», считая, что улучшение его жизни, пожалуй, зависит и от государства.

Таким образом, разные методики исследования позволяют составить более объемное представление о ценностных ориентациях населения региона. Однако встречаются и противоречия в полученных результатах, что свидетельствует о неоднозначности изучаемого явления. Кроме того, конкретике выводам могло бы добавить сравнение ценностных ориентаций населения нескольких регионов.

Список литературы и примечания

1. Июль – август 2011 г. – стандартизированный опрос по методике ЦИСИ ИФ РАН (выборка – 1000 человек); июль-август 2012 г. – серия глубинных интервью (120 интервью), экспертный опрос (150 человек).

2. См. методику расчета: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). URL: <http://iph.ras.ru>.

3. Результаты шестой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН 2010 г., предоставлены руководителем проекта Н.И. Лапиным.

4. Коэффициент зависимости оценивается как средневзвешенное значение по следующей шкале: 1 – полностью зависит, 2 – пожалуй, зависит, 3 – не знаю, трудно сказать, 4 – пожалуй, не зависит, 5 – совсем не зависит. См. Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.

E. A. Tereschuk, Chelyabinsk

VALUE ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF CHELYABINSK REGION

The article presents the results of sociological research realized in Chelyabinsk region in 2011-2012 within the framework of the project «Sociocultural description of the region». These results reflect some features of the population's value system.

Key words: sociocultural description, values, Chelyabinsk region.

УДК 502: 316.334.52 (470.43)

Д. М. Шабунин, Тольятти
Г. Э. Кудинова, Тольятти

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ОЦЕНКА ЭКОЛОГИИ РЕГИОНА ЖИТЕЛЯМИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Поволжье), региональный конкурс, проект №14-06-97019)

Индекс социального самочувствия, рассчитываемый как среднее от суммы коэффициентов защищенности, коэффициент удовлетворенности жизнью в целом и коэффициент оптимизма определяет объективного и субъективного положения и состояния человека. В статье выделены основные проблемы/опасности для населения России и Самарской области. Сделаны выводы о разработке мероприятий по повышению индекса социального самочувствия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, экологическая ситуация, окружающая среда.

Социальное самочувствие населения является одной из базовых характеристик человека, наряду с его физическим состоянием. Если физическое состояние человека можно измерить и диагностировать с помощью медицинского оборудования (не всегда успешно), то поставить диагноз социальному самочувствию человеку во много раз сложнее, поскольку в данном случае речь идет о сложном интегральном показателе, который отражает совершенно разные сферы жизнедеятельности человека: его эмоциональное и психологическое состояние. Индекс социального самочувствия (ИСС) является собирательным показателем объективного и субъективного положения и состояния человека. Базовыми значениями ИСС по типовой методике, разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, под руководством член-корреспондента РАН Н.И. Лапина [1] являются коэффициент защищенности (Кз), коэффициент удовлетворенности жизнью в целом (Куж) и коэффициент оптимизма (Ко). ИСС рассчитывается, как среднее от суммы вышеназванных трех индексов. Коэффициент защищенности (Кз) рассчитывается как среднее значение защищенности населения от 10 опасностей. Защищенность населения от социальных опасностей определяется из ответов респондентов на вопрос анкеты «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей». Коэффициент оптимизма (Ко) выводится на основе трех вопросов: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?», «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» и «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?». По каждому вопросу рассчитывается коэффициент аналогично коэффициенту удовлетворенности жизнью в целом. Коэффициент социального оптимизма (Ко) рассчитывается как среднее трех частных коэффициентов.

Результаты исследования показывают, что население Самарской области считает, что оно защищено от ущемлений из-за своей национальности и религиозных убеждений в большей степени, чем от остальных проблем/опасностей и в меньшей степени защищено от преступности, произвола чиновников, экологической угрозы, бедности и произвола правоохранительных органов.

Данные по Самарской области в целом совпадают с данными Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проведенного в 2010 г.

Таблица 1

Показатели защищенности населения от опасностей
(в % от числа опрошенных, 2006 г., 2010 г., 2011 г.)

Опасности	Самарская область		РФ*			
	защищен	не защищен	защищен		не защищен	
	2011		2006	2010	2006	2010
Экологическая угроза	20	57	15	19	62	65
Притеснения из-за возраста или пола	53	21	51	48	26	29
Произвол чиновников	16	58	16	22	59	52
Ущемление из-за национальности	67	11	69	68	13	15
Притеснения из-за религиозных убеждений	66	11	65	67	10	13
Произвол правоохранительных органов	22	54	16	28	52	46
Преследования за политические убеждения	42	24	45	46	17	21
Бедность	19	56	15	22	68	60
Одиночество и заброшенность	35	38	32	36	44	42
Преступность	16	64	9	18	71	63
Среднее по 10 опасностям		39			42	41
К(з)	0,61		0,61	0,63		

Источник: результаты опроса (2011 г., вопрос №46), результаты пятой и шестой волн Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН в 2006 и 2010 гг.

По РФ в 2010 г. эти опасности расположены в следующем порядке: экологическая угроза, преступность, бедность, произвол чиновников и произвол правоохранительных органов. В Самарской области в 2011 г. аналогичные опасности были расположены несколько в другом порядке: преступность, произвол чиновников, экологическая угроза, бедность и произвол правоохранительных органов.

Таблица 2

Место показателей опасности
по Российской Федерации (2010 г.) и Самарской области (2011 г.)

Опасности	Самарская область	РФ
Преступность	1	2
Произвол чиновников	2	4
Экологическая угроза	3	1
Бедность	4	3
Произвол правоохранительных органов	5	5

В Самарской области ИСС населения в 2011 г. составил 0,66, что несколько выше аналогичного показателя по РФ 2010 г (0,63).

Из трех показателей, составляющих ИСС, в Самарской области показатель защищенность от опасностей ниже, чем в среднем по РФ.

Таблица 3

Индекс социального самочувствия населения

Компоненты самочувствия, его индекс	Самарская область	РФ	
	2011	2006	2010
Защищенность от опасностей (Кз)	0,61	0,61	0,63
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,72	0,69	0,68
Оптимизм (Ко)	0,64	0,63	0,63
Индекс социального самочувствия (ИСС)	0,66	0,61	0,63

Источник: результаты опроса (2011 г., вопросы № 17, 18, 46).

Согласно типовой методике, если значение ИСС находится ниже 0,51, то это свидетельствует о недостаточной устойчивости общества или региона. ИСС населения Самарской области в 2011 г. составил 0,66, что немного выше аналогичного показателя по РФ.

Важнейшей составляющей здоровья населения является экологическая ситуация по месту проживания. Ключевой фактор, оказывающий негативное влияние на состояние окружающей среды Самарской области – загрязнение воздушного бассейна.

Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха Самарской области являются промышленные предприятия энергетики, химии и нефтехимии, производства минеральных удобрений, машиностроения, а также автотранспортные предприятия и цеха. Существует высокая концентрация веществ, присутствующих в выбросах автотранспорта – формальдегида, окислов азота, углеводородов, бензапирена, взвешенных веществ.

Таблица 4

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух отходящих от стационарных источников в Самарской области и в соседних регионах (тонн)

Регионы	Выбросы	1990	1995	2000	2005	2010
Самарская область	на 1000 жителей	808	415	327	321	325
	на 100 кв. км.	1233	480	551	487	457
Республика Татарстан	на 1000 жителей	593	327	279	240	266
	на 100 кв. км.	550	273	217	311	391
Ульяновская область	на 1000 жителей	183	96	50	35	43
	на 100 кв. км.	536	322	182	182	176
Оренбургская область	на 1000 жителей	1051	633	530	906	804
	на 100 кв. км.	2065	1074	562	796	756
Саратовская область	на 1000 жителей	275	165	99	182	162
	на 100 кв. км.	608	207	280	380	388

Рассчитано по источнику: Регионы России. Социально-экономические показатели [2].

На экологическое состояние земель Самарской области оказывает влияние наличие на ее территории большого числа нефте-газопроводов, эксплуатация которых определяет высокие экологические риски.

На территории области прогрессируют инженерно-геологические процессы, связанные с эксплуатацией Саратовского и Куйбышевского водохранилищ, приобретая катастрофический характер. Продолжает распространяться водная эрозия. Крупные животноводческие комплексы также оказывают негативное воздействие на окружающую среду. Вода большинства водотоков Самарской области оценивается как «грязная», а вода реки Падовки – как «экстремально грязная».

Таблица 5

Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в Самарской области и в соседних регионах (миллионов кубических метров)

Регионы	1990	1995	2000	2005	2010
Самарская область	934	679	645	465	454
Республика Татарстан	790	521	572	529	493
Ульяновская область	176	154	149	465	118
Оренбургская область	61	76	153	149	142
Саратовская область	524	345	289	237	251

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели [2].

Результаты исследования, в силу объема выборки, позволяют получить репрезентативные данные по всей Самарской области, отдельно по городскому, сельскому населению и по г. Самара и г. Тольятти.

Как и следовало ожидать в сельской местности качество воды и воздуха существенно лучше, чем в городе. В городе 75,2% жителей отменили загрязненность воздуха и 65,2% загрязненность воды. В сельской местности у жителей есть претензии к качеству воды. Ее загрязненность отметили 33,6%, однако к качеству воздуха со стороны сельских жителей нет никаких нареканий.

В г. Самара и г. Тольятти экологическая обстановка значительно хуже, чем в районах и практически одинаковая. 81,9% жителей г. Самары недовольны качеством воздуха и 70,2% качеством воды. В г. Тольятти 82,3% населения недовольны качеством воздуха и 72,4% качеством воды.

Таблица 6

Оценки населением Самарской области загрязненности воздуха и питьевой воды (% от числа опрошенных, 2011 г.)

Оценка воздуха	Всего	Город	Село
Достаточно чистый	36,2	20,6	84,6
Часто загрязнен	40,7	48,8	15,4
Обычно сильно загрязнен	19,9	26,4	-
Затруд. ответить, отказались отвечать	3,1	4,2	-
Оценка воды	Всего	Город	Село
Достаточно чистая	38,1	29,4	65,2
Загрязнена	43,0	49,0	24,7
Сильно загрязнена	14,4	16,2	8,9
Затруд. ответить, отказались отвечать	4,4	5,4	1,2

Источник: результаты опроса (2011 г., вопрос №3, №4).

Таблица 7

Оценки населением загрязненности воздуха и питьевой воды (% от числа опрошенных, 2011 г.)

Оценка воздуха	Самара	Тольятти
Достаточно чистый	11,5	17,7
Часто загрязнен	52,3	54,2
Обычно сильно загрязнен	29,6	28,1
Затруд. ответить, отказались отвечать	6,6	-
Оценка воды		
Достаточно чистая	22,5	26,3
Загрязнена	50,0	60,9
Сильно загрязнена	20,2	11,5
Затруд. ответить, отказались отвечать	7,3	1,3

Источник: результаты опроса (2011 г., вопрос №3, №4).

На основе анализа приведенных выше данных можно сделать вывод, что социальные, демографические и национальные характеристики населения Самарской области свидетельствуют о том, что между регионами Российской Федерации по данным показателям существует гораздо больше общего и схожего, чем отличий. Следовательно, для улучшения экологической ситуации в целом по стране и для каждого региона в отдельности, необходимо разрабатывать общие нормативы антропогенной нагрузки и разрабатывать мероприятия, позволяющие улучшить качество окружающей природной среды и как следствие повысить ИСС.

Список литературы

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006.
2. Электронный ресурс. URL: <http://www.gosbook.ru/node/68767>.

D. M. Shabunin, Togliatti
G. E. Kudinova, Togliatti

SOCIAL WELLBEING AND ASSESSMENT OF THE REGION'S ECOLOGY THE RESIDENTS OF THE SAMARA REGION

The index of social health, calculated as the medium from the sum of the coefficient of security, the rate of satisfaction with life in General and the coefficient of optimism defines the objective and subjective position and condition of the person. In the article the main problems/risk for the population of Russia and the Samara region. Conclusions on the development of measures on increase of the index of social health.

Key words: social health, environmental situation, environment.

УДК 316.334.2

Н. К. Шамсутдинова, Тюмень

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящей работе автор основе разных социологических данных показывает взаимосвязь показателей модернизации и уровня социального благополучия. Обосновывается вывод, что для Российской Федерации в целом, и для Республики Башкортостан, в частности, остается одной из острых проблема сокращение разрыва условий жизни между сельским и городским населением, смягчение социальных последствий модернизации. В связи с этим подчеркивается важность учета при анализе показателей модернизации внутрирегиональных различий, включая уровень социального самочувствия населения.

Ключевые слова: модернизация, социальное самочувствие, ценности самовыражения, ценности выживания.

Составление социокультурных портретов регионов России по методике, разработанной Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой, дает обширный сопоставимый материал для сравнительного анализа непохожих друг на друга регионов страны. Комплексность, что является одним из главных преимуществ программы, позволяет учитывать социальные, экономические, политические, демографические, культурные и другие факторы модернизации. Важной составляющей программы «Социокультурный портрет региона России» является социальное самочувствие населения. В этой связи представляет интерес обращение к отражению процессов модернизации в социальном самочувствии населения.

Социальное самочувствие находит отражение в разных инструментариях анализа уровня счастья. В этой связи представляет интерес оценка возможности учета результатов данных исследований в составлении социокультурных портретов регионов. Показатель уровня счастья весьма сложно поддается исчислению, но, тем не менее, недавно были разработаны разные методики его анализа. В частности, в исследовании Международного центра изучения общественного мнения Gallup International «Глобальный барометр надежды и отчаяния» 2011 г., респондентам задается вопрос об их субъективных ощущениях счастья. Чувствующих себя счастливыми (53%) на планете Земля оказалось в 4 раза больше, чем несчастливых. Россия отличалась относительно меньшей долей счастливых (39%) благодаря значительной представленности (42%) не определившихся («ни счастливы, ни несчастливы»), а доля несчастливых меньше. При этом страна в этом исследовании оказалась в списке стран «несчастливых пессимистов» [4].

Сопоставление данных показало, что большая представленность в населении счастливых и оптимистичных совсем не обязательно более характерно для населения экономически развитых стран, которые, соответственно, находятся на информационной стадии модернизации. Региональные обследования также показали, что в идущих впереди по показателям модернизации мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге жители не отличаются особым оптимизмом и высокой долей чувствующих себя счастливыми [3]. Снова приходится возвращаться к известному риторическому вопросу, делает ли людей счастливее материальное благополучие, являющееся, согласно упомянутой методике – основой для одного из критериев успешности модернизации?

К 2010 г. во вторичную (информационно-когнитивную) фазу модернизации вошла и Российская Федерация. По расчетам специалистов, этому способствовало снижение доли аграрного сектора в ВВП, а также сокращение относительной численности занятых в нем, что повлияло на миграционной активности селян в города [6, с. 19].

Конечно, формально именно эти процессы способствовали изменению показателей модернизации в сторону повышения. Однако такой результат явно неоднозначен. Упомянутые

процессы приводят к росту социального напряжения в обществе, ставя в противоречие с целями и результатами модернизации ее средства и последствия.

В частности, для одного из регионов Российской Федерации, Республики Башкортостан сельское хозяйство была и остается в настоящее время важной отраслью экономики, соответственно, здесь относительно высока и доля сельского населения. В нашем распоряжении есть репрезентативные для городского и сельского населения региона данные республиканского социологического опроса «Здоровье и продолжительность жизни населения Республики Башкортостан» (Институт социально-политических и правовых исследований РБ, 2008), отражающего субъективные оценки счастья: респондентам был задан вопрос, чувствуют ли они себя счастливыми. Ответы «Очень счастлив» и «Скорее счастлив, чем несчастлив»; «Скорее несчастлив, чем счастлив» и «Очень несчастлив» были сгруппированы в две группы соответственно «Счастлив» и «Несчастлив». Доля ощущающих себя счастливыми среди горожан оказалось 76,4%, среди сельских жителей – 77,7%.

Имея в виду их изменчивость, сложности изучения субъективных ощущений населения, мы считаем, что на небольшие отличия в ответах можно не обращать внимания. Нужно отметить значительную разницу между городскими и сельскими «несчастливыми» в чувствах, которые сопровождали их во время опроса: жители села значительно чаще испытывали деструктивные чувства – особенно в их ряду от одиночества до уныния. Отметим и следующий итог исследования: 54,5% ощущающих себя несчастливыми сельских жителей являлись работниками физического труда, а для городских жителей это фактор оказался не столь значимым [1]. В сельском хозяйстве все еще остается высокой доля тяжелого физического труда, сохраняются факторы, тормозящие реализацию человеческого потенциала. Во многом это было обусловлено характером реформирования сельского хозяйства, принявшего вид разрушения материально-технической базы и усиления отставания технологий. Формально же выходит, что данные деструктивные процессы, которые привели к сокращению доли аграрного сектора в ВВП, занятости населения в сельском хозяйстве, способствовали вышеупомянутому повышению показателей фазовых значений модернизации России. К тому же сокращение занятости в сельской местности приняло вид массовой безработицы, привело к возникновению целого пласта социокультурных проблем как в масштабах России, так и в Республике Башкортостан.

Проблема сохраняющегося отставания аграрной сферы в развитии материально-технической базы как одной из важных составляющих модернизации находят отражение и в социальном самочувствии населения. Кризисное состояние аграрной экономики, принявшее систематический характер, в свою очередь, отражается и в социально-демографических показателях – в частности, для сельского населения Республики Башкортостан характерны относительно высокие показатели младенческой смертности и низкой продолжительности жизни, высокий уровень безработицы, низкое качество жизни, массовое распространение алкоголизма. Реформирование аграрного сектора носило характер ломки, которую вряд ли возможно назвать необходимой ценой в процессе модернизации страны, поскольку, в первую очередь, ухудшилось качество жизни и, в свою очередь, социальное самочувствие населения.

Все вышесказанное, с одной стороны, показывает влияние показателей экономического развития на уровень социального самочувствия. Но тогда мы входим в противоречие с нашим же тезисом, в котором объявили о том, что связи между долей считающих себя счастливыми (как одним из показателей социального самочувствия) и ощущающих оптимизм жителей стран и показателями их экономического развития связи прямой не наблюдается. Объяснение данному обстоятельству находим, в частности, в исследовании Р. Инглхарта и К. Вельцеля: эти государства вступили в постиндустриальную фазу развития, в котором преобладают ценности самовыражения. В странах, не достигнувших высокого уровня модернизации, господствуют традиционные ценности и ценности выживания (Армения, Египет, Индия, Танзания и др.). В странах с высоким уровнем дохода, находящихся на высших стадиях

модернизации, упрочились секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения (Швеция, Норвегия, Германия, Дания и др.) Исследователи показали, что переход от преимущественно аграрного производства к постиндустриальному сопровождается распространением таких ценностей, однако на первых порах индустриализация к такому результату не приводит [2, с. 91–95]. Судя по этому исследованию, Россия находится среди стран с относительно высоким душевым доходом, к тому же мы знаем, что к 2010 г. она перешла на вторичную стадию модернизации. Для нее, как и для большинства посткоммунистических стран, характерны секулярно-рациональные ценности наряду с ценностями выживания. Резкие экономические изменения, в результате которых Россия оказалась на пороге вторичной модернизации, пожалуй, способствовали упрочению такого расклада. По результатам других исследований (ВЦИОМ и другие), для взаимосвязи ощущения счастья россиян с доходом существует, подтверждает это и упомянутое башкортостанское исследование: нестабильность экономической ситуации способствовала упрочению ценностей выживания. Тем временем, именно распространение ценностей самовыражения «превращает процесс модернизации в процесс человеческого развития». В то же время, в свою очередь, он зависит от уровня экономического развития [3, с. 92, 219].

С другой стороны, повышение материального благосостояния как важный фактор модернизации не может и не должно стать самоцелью, поскольку это только средство для улучшения социального самочувствия. В-третьих, для Российской Федерации в целом, и особенно для Республики Башкортостан, сохраняющей значительный аграрный сектор, остается одной из острых проблем сокращение разрыва условий жизни между сельским и городским населением, а также смягчение социальных последствий модернизации. В связи с этим важно при анализе показателей модернизации учитывать внутрорегиональные различия, включая уровень социального самочувствия населения.

Список литературы

1. Данные социологического исследования «Здоровье и продолжительность жизни населения Республики Башкортостан». ИСППИ РБ, 2008. Рук. Р.М. Валиахметов. Объем выборки 1200 чел.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 91–95.
3. Индекс счастья российских городов. Российской информационное агентство «Регионы России». URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927/>.
4. Исследование Gallup International: глобальный индекс счастья в 2012 году // Центр гуманитарных технологий гуманитарные технологии и развитие человека экспертно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/02/03/4013>.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013. 416 с.

N. K. Shamsutdinova, Tyumen

THE REFLECTION OF PROCESSES OF MODERNIZATION IN PSYCHOLOGICAL WELLBEING OF POPULATION

The paper demonstrates interrelation of indicators of modernization and indicators of psychological wellbeing based on various sociological data. It is argued that the task of diminishing of negative consequences of modernization and of cleavages in the wellbeing of rural and urban populations remains one of the gravest issues in the Republic of Bashkortostan, as is in the Russian Federation in general. The importance of considering psychological wellbeing among other regional indicators of modernization is stressed.

Key words: modernization, psychological wellbeing, survival values, self-expression values.

Круглый стол №5

**Политико-культурные факторы
неравномерного развития процессов
модернизации в регионах России**

УДК 316.334.3

Т. Б. Витковская, Пермь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕСТНЫХ ЭЛИТ И МСУ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

(Работа выполнена в рамках программы исследований №12-П-6-1007
«Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века» (2012–2014))

Устойчивые локальные политические практики, связанные со спецификой местного самоуправления, а также с особенностями локальных элит как особых социальных групп в составе местных сообществ, исполняющих функции управления, играют особую роль в формировании социально-политического контекста модернизационных преобразований. Их влияние способно тормозить модернизационные процессы в регионах или исказить их направление. Негативное влияние оказывает распространенность партикуляристских политических практик, клиентелизма, nepотизма и коррупции в среде локальных элит, низкий образовательный и профессиональный уровень муниципальных чиновников, которые реализуют региональные инициативы в муниципалитетах, фрагментированность и несбалансированность региональной государственной политики в отношении муниципалитетов.

Ключевые слова: модернизация, муниципальная политика, местное самоуправление, локальные элиты.

Целесообразно выделять несколько уровней факторов, определяющих характер и успешность процесса модернизации в современной России. Эффективность и стабильность процессов модернизации в субъектах Российской Федерации определяется не только факторами, значение которых очевидно, но и тем контекстом модернизационных преобразований, который формируется под влиянием социально-политической ситуации в отдельных муниципалитетах в пределах региона. Устойчивые социальные и политические практики локального уровня могут тормозить или трансформировать модернизационные процессы, идущие в регионах.

Прежде всего необходимо обратиться к практикам бытования локальных политических элит. Важно подчеркнуть, что в современном российском обществе экономические, социальные, политические трансформации не завершены, поэтому речь может идти лишь об элите в ее чисто функциональном значении¹. Опираясь на определение, данное авторитетным исследователем современных местных элит А.Е. Чириковой, под локальной политической элитой мы понимаем социальную группу, выступающую субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в своем муниципалитете, и выполняющую функцию согласования этих решений с другими субъектами политического процесса, как в пределах данного муниципалитета, так и на уровне региона [6, с. 12].

Дополняя данное определение, необходимо указать на то, что локальные элиты исполняют еще одну важную функцию – транслируют решения, принятые региональной государственной властью, местным сообществам, и реализуют их на территории муниципалитетов.

Таким образом, инициативы региональной власти, в том числе осуществляемые в рамках модернизационных программ, могут быть трансформированы на местах непосредственными исполнителями, на первом этапе – представителями локальной элиты, на следующем – рядовыми муниципальными служащими. При этом представители муниципалитетов, на которых возложена задача реализации данных инициатив, будут осуществлять их в соответствии со своими представлениями о практической целесообразности. Несомненно, они также будут учитывать возможные политические последствия их реализации для себя как представителей публичной власти.

¹ Классические теории элит основываются на изучении стабильных обществ, в основе трансформационных процессов в которых лежит принцип исторической и социально-культурной преемственности. Модернизационные процессы в регионах современной Российской Федерации базируются на иных основаниях.

Например, местные администрации могут тормозить реализацию в муниципалитетах региональных инициатив, которые могут негативно сказаться на местной социально-экономической ситуации, и по этой причине спровоцировать общественный протест [2, с. 76]. С другой стороны, они могут развить отдельные перспективные региональные инициативы с привлечением местных ресурсов (финансовых, организационных и прочих), таким образом упрочив собственную роль как посредника между местным сообществом и органами региональной государственной власти, и как лоббиста интересов муниципалитета в региональном центре.

С учетом сказанного выше, принципиально важным представляется качество человеческого капитала в муниципалитетах, которое, однако, остается невысоким.

Во-первых, проблемой является то, что локальные элиты зачастую используют публичные ресурсы, как муниципальные, так и переданные в их распоряжение регионом, в своих групповых или даже частных интересах. Российский политолог П.В. Панов справедливо отмечает, что в условиях отсутствия необходимого контроля над расходованием бюджетных средств и деятельностью муниципальных администраций эта ситуация остается достаточно распространенной. Кроме того, во многих муниципалитетах публичные ресурсы распределяются на основе сложившейся системы персональных связей между отдельными политиками, чиновниками и собственниками местного бизнеса. Глава местного самоуправления может лично распоряжаться публичными ресурсами, при этом их персонифицированное распределение ведется на основе критериев личной преданности, политической лояльности. [4, с. 26–28]

Во-вторых, низкий профессиональный уровень высших муниципальных служащих и рядовых работников местных администраций отрицательно сказывается на качестве муниципального управления, на способности реализовывать передовые, новаторские инициативы, внедрять их в повседневную практику. Образовательный уровень местной бюрократии остается низким, даже среди глав МСУ есть люди без высшего образования, среди рядовых работников – без среднего специального. Местные администрации нуждаются в специалистах с профильным юридическим и экономическим образованием. Средний уровень образования депутатов локальных legislatures также остается низким, несмотря на то что они задействованы в нормотворческом процессе. [5, с. 90–91]

Ситуация осложняется тем, что во многих регионах нет ни системы мониторинга местного кадрового потенциала, ни эффективной системы повышения квалификации муниципальных служащих.

Кроме того, профессиональный опыт высших должностных лиц – глав МСУ, председателей локальных legislatures, – не всегда адекватен сложности их работы. Только у части из них занятие этих высоких постов стало очередным шагом в развивающейся политической карьере, многие до избрания не имели опыта публичной политической деятельности, или опыта административной работы на таком уровне [3, с. 60–62]. В муниципалитетах в настоящее время все еще высок уровень случайности попадания на самые высокие ступени властной иерархии. Ротация в элитной среде сама по себе может быть позитивным процессом, однако она не решает проблему низкой компетентности.

В-третьих, несмотря на то, что локальная политическая элита остается размытым социальным образованием (в силу того, что отсутствуют жесткие критерии отбора и четкие правила ротации), она не является достаточно гибкой, не может динамично трансформироваться сама, реагируя на трансформации внутрирегионального политического пространства. Между тем, модернизационные процессы, идущие в российских регионах, требуют от местных элит более гибких, динамичных реакций на происходящие в обществе сдвиги.

Локальные элиты, за отдельными исключениями, достаточно инертны и ориентированы на воспроизводство существующих практик. Для того, чтобы они могли полноценно включиться в модернизационные процессы, необходимы изменения не только в их политических ориентациях, но и в их отношении к происходящим изменениям, в понимании ими

своей роли в них, в их представлениях о смысле их деятельности [4, с. 27]. Альтернативой кардинальным изменениям ориентаций и сознания правящих групп, которые сегодня находятся у власти в муниципалитетах, является радикальная смена персонального состава местной элиты, приход к власти и включение в систему управления новых кадров, ориентированных на инновации. Однако если реализация данного варианта на практике будет возможна, то только в долгосрочной перспективе, поскольку в муниципальных образованиях сейчас фактически нет кадрового резерва.

В-четвертых, проблемой является отсутствие инициативы на местах, что связано как с характером сложившейся в муниципальных образованиях политической и управленческой культуры, так и с особенностями муниципальной политики органов государственной власти. Политика региональной власти в отношении муниципалитетов допускает инициативу с мест, но только касательно определенного ей круга вопросов, преимущественно исполнительного, управленческого характера. Частое проявление инициативы в решении стратегических политических вопросов во взаимодействии с региональной властью может иметь негативные последствия для местного лидера, такие, например, как утрата поддержки региональной администрации в период перевыборов. В большинстве регионов муниципальная политика остается фрагментированной, в отдельных – сводится к режиму «ручного управления»; другими словами, в регионах либо нет муниципальной политики как политического курса, либо она не сбалансирована. Кроме того, играет свою роль специфика действующего российского законодательства о местном самоуправлении, которое можно охарактеризовать как рестриктивное и в отдельных вопросах – репрессивное.

В-пятых, практики меж-элитных взаимодействий: практически отсутствует межмуниципальное сотрудничество, даже на уровне постоянного диалога глав самоуправления, на местном уровне не сформирована система взаимодействий сетевого типа. Представители самоуправления не ориентированы на кооперацию или обмен ресурсами. Напротив, прослеживается тенденция к четкому разграничению полномочий, ответственности за их исполнение, и ресурсов для их реализации между муниципалитетами, в том числе между муниципальными образованиями разного типа и уровнями публичной власти (районы/округа/поселения).

Распространены конфликты по линии городское поселение /муниципальный район, которые могут носить затяжной характер и воспроизводиться даже после смены главы самоуправления одного из уровней, поскольку в основе конфликта лежат претензии на распоряжение ресурсами «общей» территории [1, с. 23].

В-шестых, определенные проблемы для дальнейшего развития территорий в едином поле региона создает отсутствие комплексных стратегических планов развития, которые учитывали бы местную специфику и потенциал. Для локальных элит, как и для местных сообществ, это означает прежде всего отсутствие видимых перспектив развития муниципалитетов. В подобных условиях они воспринимают себя вне контекста общерегиональных модернизационных процессов и ориентируются лишь на решение тактических задач местного значения.

Таким образом, в силу высокой степени субъективизации и персонализации локальной политики, особую роль в формировании внутререгионального контекста модернизационных преобразований играют практики бытования локальных элит, внутри-элитных и меж-элитных взаимодействий, и локальные практики, связанные со спецификой местного самоуправления.

Список литературы

1. Витковская Т.Б., Подвинцев О.Б. Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Свердловской и Кировской областей) // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2014. №1. С. 22–29.

2. Витковская Т.Б. Местное самоуправление и потенциал общественного протеста в моногороде. // Современный муниципалитет: фабрика услуг или платформа для гражданского общества. Пермь: ПНИПУ, 2013. С. 75–78.

3. Витковская Т. Б., Махмудова Е. А. Главы городов: социометрический портрет // Современный город: власть, управление, экономика. Пермь: ПНИПУ, 2012. С. 55–67.

4. Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях. // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 2008. Вып. 3. С. 9–31.

5. Подвинцев О.Б., Витковская Т.Б. Муниципальная политическая элита Пермского края: уровень образовательной подготовки и возможности его совершенствования. // Высшее профессиональное образование, бизнес, власть: опыт и перспективы взаимодействия в подготовке управленческих кадров, ориентированных на инновации. Пермь, 2009. С. 89–93.

6. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН РАН, 1999. 192 с.

T. B. Vitkovskaya, Perm

EFFICIENCY OF LOCAL ELITES AND LOCAL GOVERNMENT AS A FACTOR OF MODERNIZATION

Stable local political practices related to specifics of local governments, as well as to the peculiarities of local elites as specific social groups in local communities, performing management functions, play a special role in shaping the socio-political context of modernization transformations. Their influence is capable of inhibiting the processes of modernization in the regions or distorting their direction. Negative influence comes from the prevalence of particularistic political practices, clientelism, nepotism and corruption among local elites, low educational and professional level of municipal officials who implement regional initiatives in the municipalities, the fragmented and unbalanced character of regional state policy towards municipalities.

Key words: modernization, municipal policy, local government, local elites.

УДК 002: 316.34/35

Н. В. Власова, Ульяновск

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Актуальность информационной социализации молодежи определяется сложностью современной российской общественной ситуации. Проблема функционирования СМИ связана с тем, что молодежь, как более технически «продвинутая» аудитория, является потребителем информации, поступающей преимущественно через новейшие технические средства. В современном мире трансформируются функции телевидения. Виртуальное пространство компьютерной сети становится пространством зарождения новых сообществ, объединенных общими убеждениями и интересами.

Ключевые слова: масс-медиа, медиаобразование, телевидение, интернет.

В современном мире средства массовой информации взяли на себя значительную часть функций по формированию сознания людей, воспитанию их вкусов, взглядов, привычек и предпочтений. Человек, ранее сам лично не сталкивавшийся с той или иной проблемой, благодаря возможностям средств массовой информации (далее СМИ), смог познакомиться с самыми разнообразными проявлениями общественной жизни, составить о них определенное представление и сформировать к ним соответствующее отношение.

СМИ традиционно влияют на общественное сознание и поведение людей, побуждая их к достижению тех или иных целей. В периоды эволюционного развития структура и функции СМИ, как правило, вносят вклад в устойчивое функционирование общества в целом. Однако в переходную эпоху развития общества отдельные структуры СМИ обретают иные темпы жизни, они могут развиваться вне софункционирования друг с другом и обществом в целом, что проявляется в выражении идей и интересов, иногда далеких от общественных потребностей. Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаём через масс-медиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаём о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: «люди говорят то-то и то-то». С другой стороны, о самих масс-медиа мы слышали такого, что не можем доверять этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из масс-медиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга [1].

Эти слова Н. Лумана воспринимаются сегодня как аксиома. Влияние СМИ на культуру и мышление оценивается по-разному, но признается всеми. Наиболее радикальная точка зрения заключается в том, что реальность, продуцируемая СМИ, полностью подменила и вытеснила действительную реальность.

Однако, волна насилия, захлестнувшая общество, рост немотивированной агрессии, разрушение традиционных общечеловеческих ценностей, отсутствие у молодежи нравственных ориентиров, духовных лидеров, снижение порога чувствительности – все это не в последнюю очередь обусловлено современным состоянием средств массовой коммуникации (в дальнейшем СМК). Кроме того, определенное воздействие средства массовой информации способны оказать на формирование личности молодого человека.

В связи с этим общественные организации и движения обеспокоены проблемами формирования личности молодого поколения, его мировоззрения и ценностей. Молодежь, как наиболее мобильное и восприимчивое поколение ко всякого рода новациям, более других, подвержено ценностным и мировоззренческим перестройкам. В ряде случаев дистанция, которая отделяет старшее поколение и молодежь, становится критической.

Актуальность информационной социализации молодежи определяется сложностью современной российской общественной ситуации. Распались ранее созданные молодежные объединения и организации, молодые люди оказались предоставлены самим себе, начался процесс десоциализации, приведший к значительному росту числа молодежи с девиантным поведением. Сегодня ситуация жизненного самоопределения молодежи неоднозначна. С одной стороны, представители молодого поколения составляют значительную долю в составе новых социальных слоев – это предпринимателей, менеджеров, банковских работников. Увеличилось число молодых людей, возглавляющих общественные движения и политические партии. С другой стороны, молодежь оказалась одной из самых незащищенных социальных групп, значительно ухудшилось ее материальное положение, замедлилось социальное продвижение, наблюдается глубокое противоречие, вызванное несоответствием новых социально-экономических требований и качеств личности молодого человека, традиционно формируемых социальными институтами российского общества.

Современный подросток, молодежь оказываются включенными в новую как для него, так и для общества реальность, которую он осваивает спонтанно, часто без целенаправленной помощи наставников. Эту роль «наставников» в медиатизированном обществе берет на себя различного рода посредники в виде средств массовой коммуникации: прессы, телевидения, радио, интернета, мобильной связи. Они становятся сегодня для молодежи естественной средой обитания и имеют большое значение в социализации личности [2, с. 182].

Безусловно, не все, что предлагают СМИ, положительно влияет на молодое поколение. Возникает проблема содержания предоставляемой СМИ информации. Особую обеспокоенность вызывает информация, которая несет негатив (демонстрирующая насилие, порнографию) и, тем самым, формирует у потребителя (аудитории) в дальнейшем не вполне адекватное, а зачастую, девиантное поведение. Проблема функционирования СМИ связана с тем, что молодежь, как более технически «продвинутая» аудитория, является потребителем информации, поступающей преимущественно через новейшие технические средства. В то же время коммерциализация средств массовой информации не всегда ориентирована на молодежную аудиторию. Поэтому СМИ в значительной степени утратили воспитательную функцию, сменив ее на функции развлечения и удовлетворения потребительских интересов.

В связи с этим В.О. Нафталиева формулирует проблему реформирования не СМИ, а молодежной аудитории: «медиаобразование – вот одна из важнейших задач, стоящих перед медиасообществом и гражданским обществом в целом. Медиаобразование, как набор средств и методов для обучения молодежи осознанному восприятию средств массовой коммуникации, сегодня как никогда актуально. С помощью медиаобразования молодежь сможет, критически оценивая работу журналистов, отличая миф от реальности, понимая природу манипуляций, осмыслить свои мироощущения, сформулировать отношение и профессионально предъявить запросы медиаотрасли» [2, с. 183].

Наиболее востребованными каналами СМИ для молодежи являются телевидение и Интернет. Телевидение (самое распространенное из современных СМИ) оперирует в основном, зрительными образами. Способность без принуждения приковывать к себе внимание людей а их повседневных практиках и формирует властный потенциал экранных медиа. Властные интенции современных аудиовизуальных медиа состоят, по мнению Ж. Бодрийяра, в том, что «...они предстают в качестве антироводника, что они нетранзитивны, что они антикоммуникативны. ...Самим своим существованием ТВ представляет социальный контроль над самим собой. Нет нужды и вообразить его себе в качестве шпионящего глаза режима в частной жизни каждого гражданина; телевидение куда больше, чем все это: это уверенность в том, что люди больше не разговаривают между собой, что они окончательно изолированы – перед лицом слова, лишеного ответа».

Просмотр телепрограмм – один из основных способов проведения досуга. Человек привыкает видеть мир через экран. События, мелькающие на этом экране, – это, прежде всего, «зрелище». Они утрачивают свой собственный смысл. Репортажи из зон боевых действий

или мест стихийных бедствий уподобляются художественным фильмам. Размывается грань между «реальностью» и «спектаклем» – в «спектакль» превращается всё. Эта тенденция проявляется, например, в склонности воспринимать вымысел как правду, и наоборот.

Нагляднейшим образом тенденция превращать реальность в спектакль проявляется в политической жизни. Ведущие политики сегодня более озабочены созданием "имиджей" и поддержанием интереса к своей персоне, нежели детальной разработкой политических программ. Проблема формирования общественного мнения озабочены не только политики, но и представители бизнеса, для которых СМИ также становится эффективным механизмом воздействия на сознание людей, формирование их предпочтений и потребительских идеалов.

Телевидение сегодня стало своего рода манипулятором сознания большинства людей. В частности, российское телевидение построено так, что включая телевизор, человек сразу становится свидетелем насильственных сцен, преступлений и т.д. Реакция молодых людей на такие телесюжеты может быть разной. В данном случае важно понять, имеется ли у современной молодежи способность к критической оценке телевидения, кто формирует информацию для нас и в каких целях.

Телевизионный поток и Интернет-контент насыщены визуальной риторикой и предлагают переизбыток эмоционально насыщенных визуальных образов и повествований, дифференцированных в соответствии с растущей фрагментацией интересов публики. Привлекательность графического дизайна становится значимым ресурсом в борьбе за внимание публики, а это означает рост профессиональной компетентности создателей визуальных медиа-ресурсов в знании о визуально-эстетических пристрастиях зрителей. Вместе с тем, избыточная, профессионально сделанная, навязываемая виртуальная образность опережает создание внутренних образов людей, вытесняет способность к самостоятельному их конструированию и оставляет лишь право на желание, поиск, выбор и эмоциональную реакцию.

За последние 20 лет в системе отечественного телевидения произошли существенные изменения. Телекомпании были разделены по типу деятельности (на вещательные и программнопроизводящие), появились новые формы собственности (коммерческое, общественное телевидение), новые технологические способы передачи сигнала (кабельное телевидение, спутниковое, цифровое), выросло число региональных и местных вещателей. Стал использоваться новый для отечественной телевизионной системы сетевой принцип распространения программ. Меняется специфика программной политики компаний, на которую большое влияние стали оказывать федеральные телевизионные каналы. Происходит унификация содержания, подачи материалов, дизайна «картинки».

На наших глазах трансформируются функции телевидения: на первый план выходят информационная и рекреационная, а также появляются новые, такие как электоральная (управление общественным мнением), медиаобразовательная.

Исторически сложилось так, что телевидение, более других СМИ, служит политическим, социальным и экономическим интересам тех, кто сегодня ими владеет. Но одновременно, используя весь свой арсенал интеллектуальных, творческих, организационных, экономических, технических и технологических средств, оно воздействует на общественное сознание, формируя общественное мнение, определенные идеи, ценности, нормы и образцы поведения. При этом телевидение обладает большими преимуществами: оно доступно, привлекает внимание наличием звука, видеоизображения, оперативностью, массовостью.

В России разработана Федеральная целевая программа развития телерадиовещания до 2015 года, которая предусматривает переход на цифровое вещание [3]. Переход на «цифру» открывает большие возможности развития многоканальности, а вместе с ней тематической дифференциации телеканалов, повышения качества телевизионного зрелища. Цифровое ТВ позволяет пользоваться услугами интерактивного телевидения, подключаться к Интернету. Это те формы коммуникации, которые сегодня наиболее привлекательны для молодежной аудитории.

При анализе приведенных данных следует понимать, что активная, мобильная, «продвинутая» молодежь быстро осваивает медиaprостранство и из всего спектра медиапрограмм выбирает то содержание, которое соответствует уровню ее медиакомпетентности. В этой связи вариативность предложений – главный вопрос медиаобразования – должен решаться в плоскости социальной ответственности средств массовой информации и их медиаобразовательной деятельности. При этом очевидно, что подчас СМИ в погоне за прибылью не оставляют молодому человеку выбора, массово предлагая однообразно пошлый и уныло безвкусный информационно-развлекательный продукт.

Молодежная аудитория сегодня выступает в роли своеобразного индикатора, по которому можно судить о нравственном, психологическом, социальном здоровье общества. С одной стороны, проблема насилия, которой обеспокоено общество, рост немотивированной агрессии, разрушение традиционных общечеловеческих ценностей, отсутствие у молодежи нравственных ориентиров, духовных лидеров. Все это во многом обусловлено состоянием медиасреды. С другой стороны, та же среда порождает новое медиаповедение молодежной аудитории, когда она, используя современные технологии, проявляет супермобильность, высокие коммуникативные способности, интеллект, креатив. Вопрос дня: какая из тенденций будет превалировать в будущем?

Для завоевания молодежной аудитории СМИ используют новые медиатехнологии. Телевидение с его клиповой структурой и техническими возможностями прибегает к различным приемам соединения информации с развлечением. Традиционные жанры «мутируют», рождая оригинальные телевизионные формы. Порой это воспринимается как «художественный скандал».

В стремлении привлечь молодежную аудиторию телевидение использует ее современные установки на легкий успех, развлечения, гламур, эротику. Многочисленные игры и конкурсы («Свидание вслепую», «Холостяк», «Пляж»), эксплуатирующие тему сексуальных увлечений, рассчитанные на примитивного зрителя и дурной вкус, видоизменяясь, вновь и вновь появляются на экране. Более успешные «Кандидат», «Офис» делают ставку на стремлении молодых людей выделиться любой ценой, занять более высокий статус в обществе.

Самым молодым средством массовой информации является компьютерная сеть Интернет. Интернет позволяет преодолеть многие недостатки традиционных СМИ – радио и телевидения. Аудитория телевидения и радио – пассивна. Существует лишь две возможности проявить свою активность по отношению к воспринимаемой информации: выключить телевизор или радиоприемник, либо переключиться на другую программу. Аудитория вынуждена довольствоваться той информацией, которую для неё подобрали и скомпоновали другие. Пользователь глобальной сети сам ищет и отбирает необходимую информацию – Интернет представляет собой, фактически, неиссякаемый её источник. Пользователи сети имеют возможность вступать в диалог между собой, обмениваться мнениями и информацией. Любой пользователь может создать собственный сайт – и стать творцом собственного, пусть и небольшого, СМИ, поддерживая при этом активный диалог с единомышленниками. В сети возрождается то пространство «публичных дискуссий», об утрате которого говорил Ю. Хабермас. Интернет позволяет преодолевать культурные и территориальные границы с ещё большей легкостью, чем традиционные СМИ, при этом пользователь сам участвует в этом процессе, в то время как вместо представителя телевизионной аудитории это проделывают другие. Виртуальное пространство компьютерной сети становится пространством зарождения новых сообществ, объединенных общими убеждениями и интересами, при этом новые сообщества потенциально не имеют границ и могут включать людей, как живущих на соседних улицах, так и на разных континентах. Интернет позволяет людям проявлять себя более свободно, чем повседневное общение, перегруженное условностями, ролевыми ожиданиями, культурными стереотипами. В сети каждый пользователь формирует собственный образ по своему желанию, а если хочет – даже несколько «образов».

Однако позитивные стороны Интернет «уравновешены» негативными сторонами. Часто насыщенная жизнь в виртуальном мире служит средством ухода от реального мира. Активные связи с собеседниками в сети могут сопровождаться ослаблением социальных связей с реальным, а не виртуальным социальным окружением. Кроме того, информация, которую индивид находит в сети – самого разного характера и зачастую недостоверна или просто вредна. Исследование, проведенное среди студентов Ульяновского государственного университета также подтверждает факт наличия в Интернете отвлекающей и негативной информации. Участники фокус-групп неоднократно отмечали, что, посещая интернет-сайты, можно столкнуться с видеороликами, демонстрирующими насилие, порнографию и другую информацию. (*Марина, 20 лет: «Я часто посещаю сайты, которые нужны для подготовки к занятиям в университете, но порой попадаю на видеосюжеты, которые меня шокируют и я сразу стараюсь «уйти» с этих сайтов», Валентина, 21 год: «Очень часто сижу в социальных сетях, чего там только нет!... Если бы был принят закон о цензуре, я была бы только «за»!»*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, чтобы плодотворно использовать ресурсы Интернет, необходима предварительная подготовка, определенный уровень знаний. Как и информация, транслируемая традиционными СМИ, информация, содержащаяся в памяти бесчисленных компьютеров, фрагментирована и мозаична. С другой стороны, она выражена, преимущественно, в текстовой форме, а поэтому требует чтения и осмысления, работы мышления, – в отличие от пассивного восприятия зрительных образов.

Список литературы

1. Луман Н. Реальность массмедиа // Отечественные записки. 2003. №4.
2. Нафталиева В.О. Влияние современных СМИ на молодежь // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. №2. 2011.
3. Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы. URL: <http://ртс.рф/program/>.

N. V. Vlasova, Ulyanovsk

PROBLEMS OF MODERNIZATION OF MASS MEDIA AND THEIR INFLUENCE ON YOUNG GENERATION: REGIONAL ASPECT

Relevance of information socialization of youth is defined by complexity of a modern Russian public situation. The problem of functioning of mass media is connected with that youth as more technically equipped audience, is the consumer of information arriving mainly through the latest technical means. In the modern world television functions are transformed. The virtual space of a computer network becomes space of origin of the new communities united by the general belief and interests.

Key words: mass media, media education, television, Internet.

УДК 332.1: 330.322.013

Н. А. Галактионова, Тюмень

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ БРЕНДЫ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

В статье рассматриваются популярные территориальные бренды российских регионов. Автор считает, что в основе территориального брендинга должны лежать не только символические, но и экономические обоснования.

Ключевые слова: регион, территория, бренд, имидж территории.

Во времена СССР на государственном уровне развивались бренды союзных республик. Лозунг «15 республик – 15 сестер» требовал оформления автономизации и узнаваемости каждой республики на общей союзной карте, каждая республика прочно ассоциировалась с чем-то – Узбекистан – хлопок, Грузия – страна песен и шашлыков, Молдова – зеленая виноградная долина и т.д. Выпускалась широкая сеть иллюстрированных альбомов, красочные полиграфические издания о столицах СССР, детские атласы с рисунками людей в национальных костюмах; в праздничных концертах должны были участвовать представители всех республик, поэтому телезрителям всего союза были известны Роза Рымбаева, Тынис Мяги, Надежда Чепрага и т.д. Филологи изучали предмет «Многонациональная советская литература», да и собственно литературный процесс развивался как общий, и произведения национальных мастеров, даже если они творили не на русском языке, как Чингиз Айтматов, мгновенно становились общим достоянием благодаря разветвленной сети качественных переводческих кадров, журналу «Дружба народов», различным литературным Ежегодникам. Произведения, написанные в советское время, становились общими, и воспринимались как свои – и Нодар Думбадзе, и Энн Ветемаа, и Василь Быков, и Ион Друце писали для всех, не замыкаясь в рамках национальных литератур и в узких территориальных границах. Внимание республиканским брендам естественно сдерживало развитие внутрироссийских территориальных брендов, за исключением глубоко укорененных и узнаваемых, которые являлись лицом России – Палех, Гжель, Хохлома, собственно они представляли собой Россию в символическом поле общесоюзной мозаики. С распадом Советского союза и неоднократного административно-территориального перестроения внутри России, возникли идеи о внутрирегиональном брендинге. В основе идеи брендинга и закрепления собственной автономии, узнаваемости, выделения самости на общей карте лежит не только общеидеологический замысел, но и логичная экономическая подоплека. Развитие внутрирегиональной мобильности, налаживание широкой сети внутрироссийских контактов, поощрение внутреннего туризма требует внедрения и популяризации привлекательных локусов, способных привлечь инвестиционный капитал, ресурсы, людей [6].

Разработка таких внутрирегиональных брендов – недавнее дело, но весьма интенсивно развивающееся. В 2009 г. в очередном Послании к депутатам и жителям региона об этом прямо заявил губернатор Тюменской области Владимир Якушев [1], в стране проходят многочисленные конференции, посвященные идее продвижения российских территорий через уникальные бренды [2; 4].

Кто должен выступить инициатором создания бренда, какие символические основания должны лежать в основе брендинга, и должен ли этот бренд иметь исключительно символическое наполнение или экономическую платформу? Наиболее известные территориальные бренды имеют давнюю историческую традицию, и связаны с трудовыми достижениями, местными мастерами-умельцами (Палех, Иваново, Вологда), с героическими событиями прошлого (Курск, Севастополь), значимой линией выстраивания имиджа становятся чрезвычайные (Челябинск) и трагические события (Нагасаки, Хатынь). В отдельных регионах су-

ществуют предпосылки для выстраивания нескольких линий брендинга: у Курска это легендарный курский соловей и курская танковая битва, Иваново – знаменитые ситцы, и ставший популярным благодаря песне мем «Иваново – город невест», у Вологды – масло и кружева. Территориальные мифы вследствие изменившихся условий, идеологических трансформаций могут подвергаться ребрендингу – так, в Ульяновске (Симбирске) несколько десятилетий была актуализирована линия Ульянова-Ленина, после распада СССР коммунистический миф советского бренда волжского городка потускнел, и несколько лет назад в городе стал реализовываться новый миф: «Ульяновск – родина Колобка»: «Краевед, доцент Ульяновского государственного университета Сергей Петров, предложил сделать сказочным символом области собственное открытие – колебятку, симбирского колобка. Согласно словарю Даля, колебяткой в Ульяновской губернии называли хлеб из остатков теста. Это и есть колобок, муку для которого наскребали по сусекам. Причём слово это было как в женском, так и в мужском роде: “колебятка” обозначает женскую особь, а мужскую называют “колебятко”. Ну, а раз эти колебятки “двуполые”, то, значит, это целый род, и Симбирск, а ныне Ульяновск им – родина». [5] Идея, реализовываемая в Ульяновске, укладывается в популярный тренд формирования образа волшебной России. Существует всероссийский проект “Сказочная карта России”, в рамках которого создаётся географическая карта страны с указанием мест рождения или «проживания» самых известных сказочных героев, и таких географических объектов уже 18. Среди наиболее полно воплотившихся – Великий Устюг – вотчина Деда Мороза, Кострома – царство Снегурочки, Москва – родина Чебурашки, Тула – резиденция Левши. Огромный потенциал «сказочных» брендов – важный имиджевый ресурс, за который идут битвы, так, на статус родины Деда Мороза претендовал Мончегорск, чьей главной достопримечательностью является Лапландский государственный природный биосферный заповедник, занимающий одну из крупнейших охраняемых природных территорий в Европе и известный как пристанище Деда Мороза [3].

Удачно создан и развивается бренд Мышкина, идея которого была поддержана фондом Сороса. Мышкин осваивает мотив родины русского валенка и единственного города с музеем мыши, в бренде Мышкина наблюдается тщательно проработанная символическая сторона и грамотная технология «раскрутки» туристического объекта, включая функционирование различных вариантов автобусных туров выходного дня, остановок круизных теплоходов, музейных программ, что приносит ощутимые финансовые выгоды для существования маленького провинциального городка. В центре России уже оценили возможности технологий создания паблисити.

Города юга Тюменской области, в распоряжении которых нет возможности эксплуатировать миф о нефтегазоносных месторождениях, пытаются находить другие ориентиры для выстраивания имиджа. Так, Ишим, с населением менее 65 тысяч человек, ежегодно устраивает праздник сибирского валенка, и год за годом пытается зафиксировать рекорд для книги Гиннеса по выпеканию самого большого блина. Проблема формирования имиджа столицы области, Тюмени, связана с тем, что другие города юга области перетягивают на себя внимание, обладая большим, чем Тюмень, символическим капиталом – так, древняя столица Сибири Тобольск, города Ишим и Ялуторовск связаны с именами атамана Ермака, композитора Алябьева, автором знаменитого романса «Соловей», П. Ершова, автором «Конька-горбунка», декабристами, отбывавшими здесь сибирскую ссылку (однокашник А. Пушкина В. Кюхельбеккер похоронен в Тобольске), с химиком Д.И. Менделеевым. В Тюмени нет имен, приближающихся к ним по масштабу.

В Тюмени реализуется символическая идея «Тюмень – сердце России». «Тюмень – звезда Сибири и сердце России», «Тюменская область – сердце России» – наиболее популярные тюменские лозунги, в области проходил форум «Тюменская область – энергетическое сердце России», а весной 2014 г. в центре Тюмени появилась скульптурная композиция в виде абриса области, и в ней, как и в десятках плакатов, очертания Тюменской области на географической карте намеренно предстают в виде стилизованного сердца, это сердце может

быть окрашено в цвета российского флага. Такая ментальная карта демонстрирует вариант использования географии в качестве идеологического приема. В основе этой идеи лежит то, что очертания Тюменской области действительно напоминает анатомический рисунок сердца, географическое расположение в центре России усиливает этот символический смысл, а идущие из области нитки нефтегазопроводов напоминают артерии и вены, снабжающие весь организм России и наполняющие ее животельной энергией, несут свет, тепло и благополучие и т.д. Итак, символическое обоснование нового тюменского бренда логично и привлекательно, но символы территорий должны иметь не только мифоидеологическое обоснование, но и устойчивую экономическую платформу, иными словами, бренд должен продаваться. В отношении других территорий, где бренд имеет не только имиджевое, но и укорененное в художественных или ресурсных традициях обоснование, удачно сошлись и символическая и экономическая платформа – например, в Оренбурге путешественник стремится купить на память тончайшую шаль, в Дулево каждый найдет себе фарфоровую чайную пару по душе, из Астрахани каждый мечтает привезти баночку настоящей икры и знаменитую вяленую воблу и т.д. Какое значение для Тюмени может иметь развиваемый и популярный символ сердца? Пока не очень внятное. Для успешной инвестиционной привлекательности следует развивать и акцентировать нечто уникальное и вместе с тем практикоориентированное. Например, в том же символе сердца-мотора стоит обращать внимание не только на наполненность тюменских недр нефтью и газом, но и актуализировать успешно развивающиеся в Тюмени лечебно-оздоровительные и досуговые центры, расположенные в зонах горячих источников. Тюмень – это «русская Исландия и близкодоступная Камчатка» – в районе столицы региона функционируют не менее девяти прекрасно оборудованных, широкодоступных круглый год и по месту дислокации и по цене сеть водолечебниц под открытым небом – из недр земли бьют горячие струи минеральной воды. Горячие источники – вот «источник» ресурсной и инвестиционной привлекательности региона для массового туризма.

Таким образом, Тюменская область, часть сложносоставного российского региона, куда входят ХМАО И ЯНАО, чью основную инвестиционную привлекательность составляют нефтегазоносные месторождения, может развивать свою собственную уникальность, базирующуюся на горячих источниках, это и есть база ценности и значимости этого региона, что даст ему возможность привлекать туристов.

Таким образом, популярные идеи создания имиджа российских территорий через оформление и популяризацию с помощью многоканальной коммуникативной сети уникальных региональных брендов, должны опираться не только на обоснованную символическую базу. Важную роль в устойчивости бренда и его закреплённости играет экономическое обоснование и продуманная маркетинговая технология его продвижения. В России есть немало примеров успешных ассоциативных связей территории и бренда: Тульский самовар, тульский пряник, каслинское литье, уральские самоцветы. Помимо символического наполнения важную роль играет «вещественность» и «осязаемость» бренда, разрабатываемые территориальные символы должны ориентироваться на ставшие известными образцы, имеющие давние традиции.

Список литературы

1. Губернатор Тюменской области обратился с посланием к региональному парламенту. URL: http://old.uralpolit.ru/urfo/polit/vlast/id_159229.html.
2. Имидж в стратегии инновационного развития регионов России: всеросс. науч.-практ. конференция (19–21 июня 2014, Волгоград) / отв. ред. Ю.А. Дроздова, А.А. Огарков. Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО РАНХиГС Волгоградский филиал, 2014. 356 с.
3. Мончегорск. URL: <http://tonkosti.ru>.
4. Продвижение территории через культурные бренды: использование новых коммуникационных технологий: материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. (26 марта 2010 г.) / под

ред. М.С. Штерн, Н.А. Мельниковой, Т.Н. Скок, Н.В. Вегенляйтер. Омск: Изд-во «Образование Информ», 2010. 396 с.

5. Ульяновский колобок. URL: <http://www.idamaster.ru/novosti-mira-rukodeliya/ulyanovskiy-kolobok.html>.

6. Шилова В.А. Проблемы и перспективы развития малого российского города // Малый российский город: коммуникативное пространство, ресурсы и перспективы развития / отв. ред. В.А. Шилова. М., 2010.

N. A. Galaktionova, Tyumen

TERRITORIAL BRANDS AS A FACTOR OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGION

The article discusses popular territorial brands of Russian regions. The author believes that the basis of territorial branding should be based not only symbolic, but also economic justification.

Key words: region, territory, brand, image territory.

УДК 324

В. С. Ковин, Пермь

РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВНИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

В докладе рассматриваются различия в отношении российских избирателей к федеральным региональным и местным выборам. Раскрывается влияние прошедших в стране местных, региональных и федеральных выборов на формирование электоральной идентичности россиян. Рассматривается незавершенность процесса политической модернизации России на национальном и субнациональном уровнях. Анализируются причины незначительной роли региональных и местных выборов в формировании политической идентичности россиян, а также причины их недостаточного влияния на электоральное поведение избирателей. Выявляется потенциал региональной и локальной политики в развитии процесса политической модернизации страны.

Ключевые слова: политическая модернизация, идентичность, выборы, избиратели.

Принято считать, что политика выделяется в самостоятельную сферу общественной жизни в т.н., эпоху Модерна – в эпоху создания национальных государств (nations-states), и происходит это выделение, прежде всего, на национальном уровне. В рамках западных модернизированных обществ «подсистемы политики выполняют функцию коллективного целеполагания в смысле определения общих для всей социетальной системы, т.е. публичных целей» [8, с. 10]. Модернизация политики предполагает создание современных политических институтов, норм и правил, обеспечивающих достижение этих публичных целей, и вовлечение в политику (участие) достаточно широких масс населения (развитие политической культуры гражданского типа). Согласно работам Г. Алмонда, Д. Пауэлла, Л. Пая, С. Хантингтона к основным признакам политической модернизации относятся: политическая централизация на общенациональном уровне; дифференциация (разделение властей) и специализация политических институтов (политические партии, общественные движения, группы влияния, СМИ и др.); развитие многопартийности; расширение политического участия масс; приход к власти модернизаторских элит; формирование гражданской политической культуры и др. Данный подход также предполагает появление политики и на субнациональных уровнях (региональном и локальном), поскольку на этих уровнях, на тех же самых принципах существует организованная публичная власть, которая также занимается решением общественно-значимых вопросов и поэтому ее деятельность приобретает политическое значение. Причем данная деятельность тем более политизирована, чем больше самостоятельность (автономия) региональных и местных властей при конкретизации способов решений тех общих чрезвычайно сложных и разнообразных социально-экономических задач, которые перед ними ставит Центр или подбрасывает жизнь.

Сама по себе, конституционная система России создала предпосылки для политической модернизации на национальном и субнациональном уровнях, но, вместе с тем, ее очевидная незавершенность проявляется в явном недостатке политической дифференциации и политического участия, прежде всего, на субнациональном уровне. Конституционное распределение полномочий и предметов ведения между федеральными, региональными и местными властями институционально формально закрепляет их самостоятельность в определенных сферах. Конституция также гарантирует их выборность, т.е. получение доступа к этим полномочиям в результате публичной конкурентной борьбы за голоса избирателей, а также осуществление и иных форм политического участия. Таким образом, само наличие регионального и местного уровней выборной публичной власти, даже в условиях «сверхцентрализации», уже само по себе создает площадку для политики. Чем больше объем тех ресурсов,

которые распределяют данные органы власти, тем острее борьба политических акторов, в том числе и через институт выборов, за контроль над этими органами [8, с. 13–14]. Формальное наличие централизованной власти, дифференцированных политических институтов, многопартийности, без изменения субъективного отношения граждан к политике, не может свидетельствовать о существенном продвижении в процессе политической модернизации.

Осознание ограниченности классического институционального подхода к политике как к отдельной сфере общества, стимулировало изучение природы человеческой субъективности и ее проявлений в политике. Как отмечает И.С. Семененко, «внимание к мотивации деятельности субъектов общественных изменений вводит в предметное поле знаний о политике ее субъективное восприятие и проекцию такого восприятия в политическое действие» [12, с. 8]. Политику также можно рассматривать как социальный конструкт, как «результат придания тем или иным признакам окружающего мира (социальной реальности) особого, политического значения – такого, которое является решающим для поддержания социального порядка, которое производит интеграцию индивидов в некую целостность» [8, с. 18, 27]. В этой связи, конструктивистский подход позволяет считать политической любую деятельность акторов, направленную на конструирование политического значения административно-территориальных образований регионального и субрегионального уровня, распространение представлений о политическом значении практически любых социальных процессов соответствующего уровня, придание им политического смысла. И наоборот, отсутствие представлений о политическом значении или политических последствиях, казалось бы очевидно политической деятельности, лишает ее политического статуса, как это зачастую происходит с неконкурентными региональными и местными выборами.

Между тем, результаты различных социологических исследований мнения россиян о современной политике свидетельствуют, что, их политическое сознание в значительной части соответствует скорее неотрадиционалистской системе. В привычном для западного модернизированного общества понимании, политическая сфера в России на сегодняшний день как таковая отсутствует [5, с. 6]. Для российского обывателя характерен полный отказ от участия в политике, абсолютное разделение политической сферы и сферы обыденной жизни. Политика для него не является областью солидарных отношений, участия и активности, а лишь «сферой проявления коллективной идентичности, общих символов» [3, с. 28]. Политика – это, почти исключительно, область присутствия власти. При этом, неоднократно фиксировалось значительное расхождение между тем, как россияне оценивают реальную политическую практику, и тем, какой бы они хотели ее видеть (представление о политическом идеале), причем в вполне модернизационном ключе [3; 4; 5].

В целом общая тенденция такова, что внимание россиян к политике, особенно внутренней неуклонно снижается, отчуждение от политики растет. За вторую половину 2000-х гг. общая доля россиян интересующихся политикой снизилась примерно на 10%. Общий эмоциональный фон российской политики – отрицательный. У большого числа россиян она вызывает негативные чувства (усталость, безразличие, раздражение и др.) – 64%, и лишь у 29% положительные эмоции (уважение, надежда, уверенность) [6, с. 29].

При данном критическом отношении россиян к политике, лишь выборы, особенно федерального уровня, как всеобщее коллективное политическое действие способны ненадолго актуализировать политику. Сами выборы, безусловно, трудно отнести к тем общественным проблемам, которые остро интересуют россиян, по поводу которых они постоянно рефлексируют. Как правило, при проведении общероссийских, региональных и местных опросов, вопросы, связанные с выборами и политическими предпочтениями, вызывают наибольшее затруднения респондентов, именно по ним наиболее высока доля «неопределившихся», тех, кто затруднился ответить [10, с. 56]. Данные социологических опросов, проводимых в частности, «Левада-центром» на протяжении многих лет [2; с. 15, 8–19] показывают что, доля россиян, интересующихся политикой, возростала именно в период проведения федеральных электоральных кампаний (и достигало порядка 45%), а между ними снова снижалось (на 10-

15%)). По мнению россиян, в 2011 г. выборы в Государственную Думу вошли в пятерку важнейших событий года, а в следующем году выборы Президента заняли второе место по степени важности. Уже в 2013 г. интерес россиян к внутренне политическим событиям заметно упал [6, с. 9].

Таким образом, политическая идентичность актуализируется именно в период выборов, в ходе участия в которых и осуществляется это отождествление, но изначально происходит самоопределение в качестве избирателя вообще, когда принимается осознанное решение «ходить» или «не ходить» на выборы. В этой связи можно говорить об электоральной идентичности как соотнесении себя с группой избирателей на данных выборах и организация своего поведения в связи с этим событием. Электоральная идентичность может рассматриваться в качестве одного из аспектов дробной «матрешечной» «политической макроидентичности» [12, с. 28; 7, с. 5–28].

Степень рефлексии и осознанности поведения российских избирателей не велика. Россияне скорее идентифицируют себя как избиратели вообще, а не в качестве избирателей каких-либо партий или кандидатов. Такое отношение к выборам соответствует представлениям о политике в целом, как сфере проявления самых общих коллективных интересов и общенациональных символов, имеющих отношение к общенациональной идентичности. Через голосование происходит соотнесение себя с определенным формализованным политическим или локальным сообществом, проявляется коллективная идентичность, включающая, комплекс представлений, «образующих согласованную, солидарную позицию индивидуального и группового поведения» [12, с. 9].

Как уже отмечалось, в сознании россиян причудливым образом смешиваются традиционные, советские и модернистские представления о демократической политике и выборах. Россияне готовы видеть в выборах и некую надежду на будущее, как возможную перспективу, но только в том случае если им будет из кого выбирать, а также рассматривают выборы как легальную форму выражения индивидуального мирного протеста в случае несогласия с действиями властей. Патриархальное по своей природе, представление о том, что демократия подразумевает заботу государства о своих гражданах, предполагает ответную благодарственную реакцию с их стороны, своего рода вознаграждение за эту государственную заботу в виде проявления «гражданской ответственности» и выполнения некоего «гражданского долга». Применительно к выборам, это проявляется в распространенном убеждении в том, что голосование – это долг российского гражданина. Так, например, среди тех респондентов, которые приняли участие в региональных и местных выборах в сентябре 2013 г., 36% (больше всего) объяснило свое участие в голосовании как проявление гражданского долга, т.е. как участие в некоем коллективном обязательном государственно-значимом действии. Для сравнения, лишь 11% избирателей участвовали в голосовании, чтобы выразить свою политическую позицию, заявить о себе, еще меньше оценили свое голосование как возможность проявить участие в жизни страны [1].

Выборы в глазах россиян это не более чем, процесс обеспечивающий формирование определенных органов власти. Отсюда именно от осознания значимости, реальной самостоятельности этих органов власти, представлений об их влиянии на повседневную жизнь обывателей и зависит степень участия граждан в конкретных выборах. Неслучайно, что и по явке избирателей и по опросам общественного мнения наиболее «популярными» являются выборы наиболее значимого и обладающим наибольшим доверием органа власти – Президента страны [5, с. 137]. Можно предположить, что голосование на федеральных выборах имеет больше отношение к «базовой» политической идентификации избирателя, к национальной (в смысле общегражданской) идентичности, которая соотносит индивида с макроколлективом и в рамках которого воспроизводится некая картина мира [9, с. 47–51]. При этом, по сравнению с общенациональной политической идентичностью, значительно более слабо выражены субнациональные формы идентичностей (региональные, локальные, конфессиональные и др.), что заметно снижает интерес к региональной и местной политике (и политикам), и соот-

ветственно участие в региональных и местных выборах. Голосование на местном уровне, переводит акцент на политическую идентичность в смысле определенного политического поведения/участия в политическом процессе, т.е. в своеобразное «чистое» электоральное действие [13, с. 237–239].

Острота, конкурентность региональных и местных выборов, активность на них избирателей зависят от того, как воспринимается избираемая власть. Если региональные главы и главы МСУ воспринимаются как фигуры, встроенные в «вертикаль» и не обладающие возможностями к самостоятельному распоряжению ресурсами, то вряд ли следует ожидать активной борьбы за эти посты. Соответственно, их политический потенциал будет слабо реализован на практике. Но, вместе с тем, выборы – фактически единственная форма сопричастия граждан с политикой и как только возникает угроза «потери» самой возможности выбирать, граждане совершенно не собираются с этим правом расставаться, даже если речь идет о выборах не самых значимых органов власти. Россияне так и не смирились с отменой выборов губернаторов, а когда в конце 2013 – начале 2014 гг. прозвучали предложения об очередном реформировании МСУ, лишь 20% россиян оказалось готово согласиться с отменой прямых выборов глав крупных городов, а около 50% – высказались против этой отмены [6, с. 123]. То же самое происходит когда звучат предложения отменить прямые выборы в конкретных городах [10, с. 190].

С другой стороны, выборы, при определенных условиях способны стимулировать и развивать региональное и локальное самосознание, т.е. региональную и локальную политику в смысле конструирования политического значения территориальных сообществ современного типа. Повышение политической активности на региональном и местном уровне возможны в самых различных социальных сферах, намного более разнообразных, чем во время федеральных кампаний [8, с. 30]. Достаточно сильно развитая региональная или локальная идентичности, способствующие актуализации противостояния «мы – они» («местные» – «варяги»), осознание местного сообщества в качестве целостной единицы, могут содействовать большей политической активности в случае возникновения угрозы этой целостности и самостоятельности или искусственного раздувания (конструирования) этой опасности предприимчивыми политиками. Политизация «местного» может проявляться в противостоянии с вышестоящими органами власти, в лоббировании локальных интересов на региональном уровне и региональных на федеральном, в защите «местных» интересов, инициатив, ресурсов от внешнего воздействия и пр. [8, с. 23].

На региональных и муниципальных выборах нередко политическая оппозиции «провластный – оппозиционный» приобретает характер своего рода «территориального» противостояния между «местными» и «варягами», «федералами» и «регионалами». Происходит своеобразная региональная фрагментация политических предпочтений на прямую с политическими партиями несвязанная. Так пермская идентичность слабо сопрягается в сознании жителей с политическими партиями, партийная идентичность остается вторичной или даже третичной. [10, с. 53–58]

Как отмечалось, доверие избирателей к выборам как демократическому институту стабильно находится на достаточно низком уровне [4, с. 25]. Соответственно, значительной части избирателей приходится искать дополнительную мотивацию и прилагать дополнительные усилия для своего участия в общественно непопулярном институте. Отношение граждан к различным органам и уровням власти, уровень доверия и интереса к ним существенно отличаются, [11, с. 73] поэтому потенциальному избирателю не только каждый раз заново приходится принимать решение об участии в выборах вообще, но и мотивировать себя на голосование именно на данных выборах. В этом аспекте стимулирование, осознанного и рационального участия в региональных и муниципальных выборах можно рассматривать как один из механизмов политической модернизации, через формирование «локальной идентичности» [13, с. 237–239; 12; 11].

Своеобразная «регионализация и локализация политики», отчетливо проявившийся тренд на перенесение ее с федерального, на региональный и на местный уровни становятся новым вызовом российской политической системе. Тем более, что за последние два года выросли число тех россиян, которые видят Россию как государство с широкими правами местных властей, при координирующей роли центра, причем доля так считающих превысила долю тех, кто заинтересован в дальнейшей централизации государства [6, с. 36, 47]. Поэтому, можно предположить, что постоянство электоральной идентичности россиян, активизация из участия в политике вообще, как одно из условий политической модернизации, в перспективе может быть связано, прежде всего, с актуализацией интереса граждан к участию именно в региональных и местных выборах. Хотя необходимо помнить, что интерес граждан к любым политическим процессам весьма неустойчив. И если на протестной волне 2011–2012 гг. интерес граждан к участию в разрешении местных проблем несколько возрос, то не получив вовремя должного удовлетворения он вновь пошел на спад [6, с. 41].

В любом случае политикам и политическим институтам еще только предстоит формировать свои региональные и местные повестки, стать по настоящему «своими», «местными» для избирателей. В целом, учитывая активизацию процессов формирования региональной и локальных идентичностей, для придания нового импульса политической модернизации, необходимо развивать своеобразную политику формирования региональной и локальной электоральных идентичностей, придания местным выборам большей политической значимости.

Список литературы

1. 07.10.2013. Общественное мнение о голосовании на региональных и местных выборах. URL: <http://www.levada.ru/07-10-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-golosovanii-na-regionalnykh-i-mestnykh-vyborakh/>.
2. 16.12.2013. Интерес к политике. URL: <http://www.levada.ru/16-12-2013/interes-k-politike>.
3. Гудков Л. «Доверие» в России: смыслы, функции, структура. // Вестник общественного мнения. Данные. Анали. Дискуссии. 2 (112) апрель-июнь 2012. Левада-центр / отв. ред. Б.Ф. Дубинин. С. 8–48.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад М., 2011.
5. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива». Научно-аналитический доклад / под рук. С.В. Патрушева. Отдел сравнительных политических исследований (ОСПИ) Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН. М. 2013.
6. Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М: Левада-центр, 2014. 252 с. С. 9. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf>.
7. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. №1. С. 5–28.
8. Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров, гл. ред. и др. М., 2008. №3: Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт / ред.-сост. вып. Л.Н. Верченев, В.А. Ковалев, П.В. Панов. 254 с.
9. Панов П.В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования мира // Идентичность как предмет политического анализа. М., ИМЭМО РАН, 2011.
10. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. ст. О. Л. Лейбовича. Пермь: ПГГПУ, 2013. 240 с.

11. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Институт социологии РАН. М., 2007. Раздел 6. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян. С. 68–69. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html.

12. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. М., ИМЭМО РАН, 2011.

13. Сулимов К.А. Гражданская идентичность и политическое участие на локальном уровне // Идентичность как предмет политического анализа. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 237–239.

V. S. Kovin, Perm

CAPTION REGIONAL AND LOCAL LEVELS OF ELECTORAL IDENTITY AS FACTORS OF POLITICAL MODERNIZATION OF THE REGION

This research explores the differences in attitudes of russian electorate towards federal, regional and local elections. The article reveals the influence of past local, regional and federal elections on the formation of the russian electoral identity. The incompleteness of the process of political modernisation of Russia on the national and sub-national levels is explored. The reasons of insignificant role of regional and local elections in the formation of russian electoral identity alongside with the reasons of their insufficient influence on the electoral behaviour of russian voters are analysed. The article reveals the potential of regional and local politics in the course of the development process of the political modernisation of the country.

Key words: political modernization, identity, elections, electorate.

УДК 321: 352/351

О. Б. Подвинцев, Пермь

ФАКТОРЫ ОТТОРЖЕНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ-«ВАРЯГОВ» В СУБЪЕКТАХ РФ

Губернаторы-«варяги», занявшие свои должности по решению Кремля, – одна из основных составляющих корпуса глав субъектов РФ на современном этапе. Эксперты сходятся в признании политической и управленческой неэффективности большинства из них. Одним из основных факторов отторжения «варягов» в регионах является их неспособность в должной мере учитывать политико-культурные особенности региона. Практика продвижения на губернаторские посты «варягов» продолжится до тех пор, пока в Кремле будут рассматривать региональные элиты, как потенциально опасную силу, требующую усилий по сдерживанию.

Ключевые слова: губернаторы-«варяги», региональные элиты, федеральный центр, политическая культура, региональная идентичность.

Термин «варяги» прочно вошел в современный российский политический лексикон. Причем, если в советские времена словом «варяг» в переносном значении часто именовали руководителя или специалиста, привлеченного из другой сферы или учреждения, то в постсоветской России этот термин, как правило, применяется выходцам из другого региона. Неудивительно, что главы субъектов РФ – одна из тех групп, в отношении которой слово «варяги» употребляется как ключевая характеристика одной из ее частей.

Уже в 2010 году именно проблема «варягов» накалила политическую в ситуацию в нескольких регионах и вернула в политическую повестку дня вопрос о прямых губернаторских выборах. При этом недовольство вызывали, как итоги как итоги деятельности губернаторов-«варягов», (прошедших через фактическое назначение в числе первых Г. Боос в Калининградской области, Н. Шанцев в Нижегородской и др.), так и наделение полномочиями новых подобных глав субъектов РФ (Наталья Комарова в Ханты-мансийском автономном округе).

Возвращение к прямым выборам глав субъектов РФ предвещалось в 2012 г. новой широкой волной направления федеральным центром «варягов» на губернаторские посты в регионы. Однако и в отношении «варягов», наделенных полномочиями в этот период экспертами вскоре был сделан вывод об их политической и управленческой неэффективности [3,5]. Тем не менее, пользуясь оставшимися у него решающими возможностями для подбора кадров на губернаторские должности Кремль продолжил практику продвижения «варягов» в отношении целого ряда регионов и в 2013, и в 2014 г. По нашей оценке о приходе в регион в регион «варяга» или «полуваряга» можно говорить в 52 случаях из 103 смен глав субъектов РФ, которые приходятся на период с 2005 по середину 2014 г.

Значительная часть губернаторов-«варягов», особенно тех, что заняли свои посты в первые годы после отмены прямых выборов глав субъектов РФ, пытались жестко, не считались с местными элитами и традициями утвердить свою власть. Это неизбежно приводило к противостоянию, даже, если первоначально их оппоненты были ослаблены внутренней борьбой или настроены примирительно. В определенных условиях этот конфликт довольно быстро перерастал в открытое противостояние. Так произошло, в частности, в Иркутской области с Александром Тишаниным. Однако, чаще в тот период конфликт развивался по сценарию «скрытой конфронтации». При этом представители местных элит зачастую оказывались в состоянии дискредитировать «варяга» перед лицом федерального центра, в т.ч. опосредованно через формирование общественного мнения в регионе.

Особое недовольство местной элиты и осуждение со стороны общественного мнения всегда встречало имевшее место в большинстве случаев стремление «варягов» окружить себя земляками и прежними соратниками, расставив их на ключевые посты в новом регионе. Чем беззащитнее это практиковалось, тем большее сопротивление вызывало. При этом

такое окружение нового губернатора, оказываясь уязвимым для местных силовых структур (вероятно, поощряемых той же недовольной элитой), что компрометировало его уже в глазах Кремля. Так, ставший губернатором Амурской области Николай Колесов в числе других привлек из Татарстана нового заместителя председателя правительства области Гузалию Минкину, нового министра здравоохранения Рамиля Тураева, нового министра строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства области Андрея Белова. В отношении всех троих вскоре были возбуждены уголовные дела по фактам мошенничества и злоупотребления должностными полномочиями [4]. Привлечение прибывшим из вне губернатором новых «чужаков» может вызывать и массовый протест, что произошло, в частности, в ХМАО после наделения полномочиями Натальи Комаровой.

В ряде случаев отсутствие опыта публичной политики и способности к ней приводит ощущающего себя «чужим» в регионе губернатора к неуклюжим попыткам защитить сам принцип выдвижения «варягов» и в отношении себя самого, и в отношении своего окружения. Так, губернатор Орловской области Александр Козлов в начале 2013 г. высказался в своем личном блоге: «Помню, как любила оппозиционная пресса меня в то время называть “варягом”, “временщиком”. Избитый штамп. Я с ним не боролся. Просто честно и с полной отдачей делал свою работу. Все мы на госслужбе, по большому счету, “временщики”, никто высоких должностей пожизненно не получает». И далее: «С большим удовольствием поставил бы на все ключевые посты в Правительстве области коренных орловцев. Но достойных кандидатур не так много. Очередь не выстраивается». «Искренность губернатора – это, конечно, сильный ход. Но высказывание по поводу нехватки “достойных” среди орловцев слишком уж опрометчиво. Складывается впечатление, что Александр Козлов не просто недооценивает жителей региона, которым ему выпало поруководить. Кажется, он вообще нас не знает и даже не пытается узнать...» – прокомментировал эти слова орловский журналист [10].

Более продуманной тактикой со стороны губернаторов-«варягов» следует считать попытку снять, по крайней мере на какое-то время, опасения местного политического сообщества по поводу возможного наплыва управленцев «со стороны». Так, при вступлении в должность губернатора Самарской области имеющий большой опыт руководства соседним регионом Николай Меркушкин заявил, что «Никакого мордовского десанта в Самаре не будет. Из республики сюда переедет 2–3 человека»[2]. Впрочем, подобные заявления, в менее категоричной форме, первоначально делал и Александр Козлов.

Столь же негативное отношение у местного сообщества вызывает противоположный факт – отказ перевезти в регион – если речь идет о семье губернатора-«варяга». Обвинения в том, что за годы своего губернаторства они так и не перевезли свои семьи звучали, в частности, еще в адрес Александра Хлопонина в Красноярском крае [9], затем Владимира Артякова в Самарской области [8], Андрея Турчака в Псковской области [7] и др. С другой стороны, в отношении ряда «варягов» переезд семьи в регион рассматривался в качестве важного позитивного момента.

Раздражение у местной общественности (в данном случае в немалой степени пересекающейся с элитой региона или оказывающей влияние на нее) вызывают попытки «варягов» на уровне региональной политики собственные спорные вкусы и пристрастия, в т.ч. художественные. Подобные обвинения, зачастую обоснованно, звучат и в отношении «своих» губернаторов, однако, со стороны «варяга», действия, рассматриваемые, как «нарушение традиций» и «деградация культуры» воспринимаются особенно болезненно. Сразу два губернатора-«варяга», например, вызвали негативную реакцию у большей части местной общественности своими действиями по поддержке жанра шансона, поклонниками, которого являлись: в Екатеринбурге с подачи Александра Мишарина художественным руководителем местного Театра Эстрады был назначен известный представитель данного жанра Александр Новиков, а в историческом центре Иваново по благословию Михаила Меня был установлен памятник одному из его классиков Аркадию Северному, а также стали проводиться фе-

стивали его памяти¹. Тому же Мишарину в результате акций протеста не удалось реализовать свои планы по перестройке центральной площади Екатеринбурга и возведению на ней новой церкви[6].

В других случаях назначенные в регион из вне губернаторы просто отказывались от проведения какой-либо резонансной политики в культурной и символической сферах. Так, В.С. Авдонин отмечает в отношении Рязанской области: «Для нового губернатора области Олега Ковалева – назначенного из центра “варяга” – проблематика историко-культурных особенностей и развития региональной культурной идентичности явно не является приоритетной. Он не стал поддерживать ни амбициозные планы по возрождению исторических традиций региональной власти, ни усилия аграриев по культивированию почвеннических традиций “родной земли”. Судя по всему, как для “внешнего управленца” в регионе, все это ему было глубоко чуждо, тем более что его приход к руководству областью, практически совпал с началом экономического кризиса, повлекшего спад производства и обострение финансовых проблем. В этих условиях вся культурная программатика оказалась на втором плане» [1, с. 11]. В данном случае, когда тормозились лишь прошлые начинания, но не выдвигались новые инициативы, степень раздражения местного сообщества, очевидно, не была такой сильной. Косвенным подтверждением этого может служить и успешное избрание в 2012 г. Ковалева губернатором Рязанской области на новый срок.

Итак, несмотря на то, что «варяги», назначаемые в регионы, в целом стали пытаться вести себя сдержаннее и в большей степени учитывать местную специфику, чем их предшественники в середине 2000-х гг., они все же, за некоторым исключением, не в состоянии в полной мере соответствовать сложившимся в регионе политическим традициям, найти оптимальную линию поведения в отношении местных политических акторов (что бы они собой не представляли) и эффективно задействовать имеющиеся политические механизмы (какими бы они не были). Не в состоянии они, в большинстве случаев, и обрести региональную идентичность, превратиться из «варяга» в «своего». Все это создает значительный конфликтный потенциал между губернаторами-«варягами» и местным сообществом.

Тем не менее, вероятно, что практика продвижения на губернаторские посты «варягов», основным источником которой является в настоящее время политика федерального центра, будет продолжаться до тех пор, пока в Кремле будут по-прежнему рассматривать региональные элиты, если не как враждебную, то, по крайней мере, как потенциально опасную, требующую усилий по сдерживанию, силу, и не находить других способов для такого сдерживания. При этом, под давлением обстоятельств, связанных с неэффективностью большинства «варягов» и стремясь придать им большую степень легитимности, федеральный центр, вполне вероятно, сам будет создавать дополнительные препятствия для такого продвижения, а потом сам же их будет успешно преодолевать.

Список литературы

1. Авдонин В.С. Проблемы формирования региональной культурной идентичности в депрессивном социально-экономическом контексте (случай Рязанской области) // Вестник Пермского университета. 2011. Спец. вып. «Культурная политика в регионах и борьба за идентичность». С. 7–14.
2. Задачи от президента. Николай Меркушкин вступил в должность губернатора Самарской области / Волжская коммуна. 14.05.2012. URL: <http://www.vkonline.ru/article/177413.html>.
3. Либман А. Какие губернаторы эффективны в России? / Экономическая политика. Экспертный канал. 2 апрель 2013. URL: <http://ecpol.ru/syuzhety/633-kakie-gubernatory-effektivny-v-rossii.html>.

¹ Особое недовольство ивановцев вызывало то обстоятельство, что памятник Северному был установлен у самого старого каменного здания в городе и при этом было вырублено дерево, возраст которого насчитывал несколько сот лет.

4. Медведев сместил губернатора Амурской области. URL: <http://www.lenta.ru/news/2008/10/16/kolesov/>.

5. Губернатор Олег Кожемяко меняет команду. URL: <http://www.governors.ru/?regmode=regions®ion=0&okrug=&razdel=main&statja=34332>.

6. Минченко Е. Доклад «Политические стратегии губернаторов-новичков, назначенных на свои посты в конце 2011–2012 гг. 23 апреля 2013 г. URL: http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_32.html.

7. На митинг за сохранение площади Труда пришло порядка 6 тысяч жителей Екатеринбурга. Такой акции протеста в истории города еще не было. Фоторепортаж. URL: <http://www.ura.ru/content/svrd/10-04-010/news/1052112904.html>.

8. Оппозиция мифологизирует Турчака / Клуб регионов. 10 июля 2014 г. URL: <http://www.club-rf.ru/60/detail/640>.

9. Самарский губернатор Артяков летает к семье в Москву как в командировку, признал суд // NEWSru.com 25 марта 2010 г. URL: <http://www.newsru.com/russia/25mar2010/artiakov.html>.

10. Соболева Т. 200 дней губернатора Льва Кузнецова / Деловой квартал – Красноярск. 13.09. 2010. URL: <http://www.dela.ru/articles/200-dney-kuznecov/>.

11. Числов В. Орловский губернатор объяснил, «чем хорош варяг», и почему в его команде мало орловцев / Орелград.ru 22 февраля 2013 г. URL: <http://www.orelgrad.ru/blog/2013/02/22/orlovskij-gubernator-obyasnil-chem-horosh-varyag-i-pochemu-v-ego-komande-malo-orlovcev/>.

О. В. Podvintsev, Perm

FACTORS OF REJECTION OF “VARIAG” GOVERNORS IN SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION

“Variag” governors, who took their positions on the decision of the Kremlin, is one of the main components of the corps of Heads of subjects of the Russian Federation at the present stage. Experts agree in recognizing the political and managerial inefficiency of most of them. One of the major factors of rejection of “variags” in the regions is their failure to take due account of the political and cultural features of the region. Practice of promoting of “variags” to governors posts will continue as long as the Kremlin will consider regional elites as potentially dangerous force that requires containment efforts.

Key words: “variag” governors, regional elites, federal center, political culture, regional identity.

УДК 316.334.3 (470.43)

Д. В. Прохоров, Самара

**ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РАЗВИТИЯ СОЦИОСТРАТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В докладе обосновывается целесообразность изучения социально-классовой идентичности в современном российском обществе для разработки эффективной социально-экономической государственной политики. На примере исследования среднего класса Самарской области показана научная и практическая значимость изучения социально-классовых групп в современном российском обществе как объекта социальной идентичности и как концепта, наполняемого целым комплексом субъективных смыслов.

Ключевые слова: российское общество, социальная стратификация, социально-экономическая политика, средний класс, Самарская область.

Изучение социально-классовой идентичности в современном российском обществе необходимо для разработки эффективной социально-экономической государственной политики. Выявление приоритетных символов для обозначения социостратификационной самоидентификации призвано способствовать закреплению основных целей данной политики в массовом сознании. В первую очередь, это относится к рефлексивным процессам представителей тех социальных групп, без активности которых принципиально невозможна реализация модернизационной стратегии: массовых групп специалистов, имеющих высокий образовательный и квалификационный уровень; владельцев малого и среднего бизнеса – тех, кто уже на сегодняшний день благодаря, пользуясь терминологией П. Бурдье, своему «культурному» капиталу могут обеспечить себе достаточно высокий уровень материального благосостояния.

С каждым годом растет число публикаций, посвященных изучению среднего класса в российском обществе, не ослабевают споры о границах, численности, о самом факте его существования. Высказываются полярно противоположные точки зрения: одни авторы утверждают, что в России среднего класса нет вообще или что в лучшем случае имеются лишь его эмбрионы, другие – что он представляет собой вполне сложившееся социальное образование. Ключевыми в исследовании российского среднего класса нам представляются следующие вопросы: существует ли в нашей стране в период продолжающейся общественной трансформации средний класс как социальный слой, представители которого в целом удовлетворены своим положением и имеют для этого достаточно оснований; осознают ли его представители собственное специфическое место в социальной структуре и, в конечном счете, можно ли говорить о формировании социальной идентичности российского среднего класса? Поиск ответов на эти вопросы предполагает смещение акцентов в сторону исследования социальной идентичности, мировоззрения и ценностей представителей среднего класса.

Говоря о региональном аспекте исследования, необходимо отметить следующее: на общероссийском уровне проведено множество исследований среднего класса – данные исследования в основном проводились на основе репрезентативной выборки, хотя есть и несколько феноменологических. В то же время на сегодняшний день известно крайне мало региональных и местных исследований, в которых средний класс изучался бы в качестве объекта социальной идентичности [1; 2; 3; 4]. Несмотря на сбор информации о финансовом положении средних слоев общества различными областными структурами (в первую очередь, территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Самарской области) и некоторых сравнительных межрегиональных исследований общих стратификаци-

онных признаков среднего класса [5], в Самарском регионе изучение среднего класса как объекта социальной идентичности и субъективных смыслов данного концепта проводилось впервые.

Изменения в социальной структуре, характерные для России в целом, в полной мере имеют место и в Самарской области. Самарская область является одним из ведущих регионов России с высоким уровнем социально-экономического развития. Социально-экономические, а также демографические характеристики (многонациональный состав населения, соотношение городского и сельского населения) говорят об объективных условиях формирования и развития в регионе таких социальных страт как «старый» и «новый» средний класс, что, в свою очередь, позволяет не только провести в ходе исследования региональный срез, но и экстраполировать результаты исследования в Самарской области на территорию всей страны.

Таким образом, особый интерес представляет изучение среднего класса в современном российском обществе как объекта социальной идентичности и как концепта, наполняемого целым комплексом субъективных смыслов, так как в данном случае мы обращаемся к проблеме восприятия политического и экономического пространства страны – дальнейшее развитие российского общества и государственности в существенной мере зависит от того, какие представления о среднем классе реально закрепляются в сознании россиян и насколько вообще значима для них самоидентификация с этой социальной группой.

Результаты социологического исследования (2009–2012 гг.), проведенного автором в два этапа и основанного на применении качественного и количественного подходов в их параллельном сочетании, позволяют в существенной мере ответить на поставленные выше вопросы. На первом, качественном, этапе автором проведена серия глубинных интервью среди представителей среднего класса по объективным критериям: уровень дохода и образовательный уровень. Всего на данном этапе было опрошено 32 человека¹.

На втором, количественном, этапе сотрудниками кафедры государственного и муниципального управления и кафедры управления Тольяттинского филиала СамГУ с участием автора в 2011–2012 гг. был проведен опрос населения Самарской области. Выборка составила 1013 человек. Использовалась четырехступенчатая выборка².

К сожалению, в объеме одной статьи невозможно изложить все данные, полученные в ходе исследования, поэтому ниже приведем основные его выводы. Более подробно с полученными данными и с отдельными аспектами проведенного исследования можно ознако-

¹ В качестве представителей среднего класса в рамках качественного этапа исследования мы определили людей с личным доходом не менее 25 000 рублей в месяц, имеющих образование не ниже среднего специального, выполняющих в качестве наемных работников деятельность, связанную преимущественно с интеллектуальным трудом, занимающих должности не ниже специалиста и имеющих, как правило, соответствующее должности определенное число подчиненных, либо имеющих собственное дело (малые и средние предприниматели).

² На первой ступени использовался стратифицированный отбор, где в качестве критерия выделения страт использовался тип поселения – по данному критерию генеральная совокупность была поделена на городское и сельское население. Вторая ступень – стратифицированный отбор по критерию «размер населенного пункта», где были выделены следующие страты: город с населением более 1 млн. чел., город с населением от 500 тыс. чел. до 1 млн. чел., города с населением от 100 тыс. чел. до 500 тыс. чел., города с населением до 100 тыс. чел., поселки городского типа, села. На третьей ступени проведен типологический отбор в рамках каждой страты, в результате чего были определены следующие типологические объекты: город с населением более 1 млн. чел. – Самара; город с населением от 500 тыс. чел. до 1 млн. чел. – Тольятти; города с населением от 100 тыс. чел. до 500 тыс. чел. – Сызрань, Новокуйбышевск; города с населением до 100 тыс. чел. – Чапаевск, Отрадный, Похвистнево; поселки городского типа – Волжский, Суходол; села – Дубовый Умет, Воскресенка, Николаевка, Рождествено (Волжский район), Сергиевск, Красносельское, Кармало-Аделяково, Черновка (Сергиевский район), Большая Глушица, Александровка, Новопавловка, Тамбовка (Больше-Глушицкий район), Шигоны, Усолье, Малячкино, Муранка (Шигонский район), Алькино, Большой Толкай, Старый Аманак, Савруха (Похвистневский район). На четвертой ступени использовался квотный отбор по критериям пола и возраста. Квоты рассчитывались на основе данных ФСГС РФ по Самарской области. Опрос проводился в рамках исследования «Социально-культурный портрет Самарской области» при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-03-00281-а).

миться в предыдущих публикациях автора, в том числе и в недавно вышедшей с участием автора коллективной монографии «Самарская область. Социокультурный портрет» [6; 7; 8].

Исследование определенно показало, что при анализе российского среднего класса невозможно ограничиваться только объективными критериями, необходимо использовать субъективные критерии, в число которых входят социальная идентичность, субъективные смыслы, ценности. Критерий самоидентификации со средним классом является многокомпонентным и означает выявление того, насколько значим концепт «средний класс» для изменяющегося сознания россиян, какие смыслы вкладывают люди в этот концепт, насколько важно им осознавать себя представителями среднего класса.

Выделяются следующие эмпирические классы самоидентификации с российским средним классом у его представителей, выделенных по объективным критериям: полноценная (уверенная) и частичная (ограниченная, усеченная) самоидентификации. Отдельно выделено отсутствие самоидентификации со средним классом у его объективных представителей. Основаниями выбора «полноценной» самоидентификации являются уровень материального благосостояния, потребительские возможности, идентификация своего ближайшего окружения как представителей среднего класса. Основаниями, определяющими формирование усеченной самоидентификации со средним классом, являются рассогласованность «объективных» критериев, по которым можно отнести себя к среднему классу, дифференциация самоидентификации в зависимости от типа населенного пункта и региона проживания. Субъективная оценка невозможности самоотнесения к среднему классу базируется на следующих основаниях: отсутствие чувства стабильности своего социального положения, «непрестижность» осознанного самоотнесения к среднему классу в условиях продолжающейся трансформации социальной структуры современного российского общества, отрицание или непонимание какого-либо субъективно значимого содержания социостратификационных терминов, в том числе и концепта «средний класс».

Концепт «средний класс» в российском общественном сознании наделяется следующими субъективными смыслами: 1) группа, ассоциирующаяся с определенным уровнем материального благосостояния; 2) группа, представители которой характеризуются качественным образованием высокого уровня, квалифицированным трудом, являющимися источником для стабильного и «этичного» материального достатка; 3) группа, качество жизни которой характеризуется стабильностью, уверенностью в завтрашнем дне; 4) носитель особого «здорового» этоса: созидательное мировоззрение; основа для само- и уважения со стороны других людей, ценности честного труда, любви к своему делу, профессионализма, саморазвития, доверия, дружбы, довольства (удовлетворенности) жизни, семья, воспитание, уважительное отношение к другим, уверенность в себе, своих силах; социальное, психологическое и физическое благополучие; 5) группа, чей образ жизни может выступать в качестве жизненного стандарта, нормы: гармоничное сочетание работы и досуга, семья, красивая жизнь; 6) ближний социальный круг; 7) социальная основа государства и продукт государственной политики; 8) феномен западного общества, несвойственный российской социальной реальности; 9) условная социальная группа, представители которой характеризуются среднестатистическими показателями, средним уровнем жизни. Отдельно как субъективная позиция выделяется отрицание какого-либо содержания и смысла в словосочетании «средний класс».

Наиболее ярко выраженную самоидентификацию со средним слоем демонстрируют жители городов с населением до 100 тысяч человек. Среди сельских жителей современной России наиболее распространено отстраненное отношение к вопросу о социостратификационном самоопределении. Для жителей мегаполиса с численностью населения более 1 млн. чел. более характерна гармония объективного и субъективного отнесения в средний класс.

По результатам количественного этапа проведенного исследования принадлежности к среднему классу в современном российском обществе, исходя из соотношения объективных

и субъективных критериев, выделены следующие типологические группы: 1) СК-1: «полноценный» («гармоничный») средний класс – те, кто объективно относится к среднему классу и одновременно осознает себя его представителями (26,3% от общего количества респондентов); 2) СК-2: «объективный» («не признающий себя») средний класс – те, кто по объективным признакам принадлежит к среднему классу, в то же время субъективно себя к нему не причисляет (18,6%); 3) СК-3: «субъективный» («не признаваемый исследователями») средний класс – те, кто лишь субъективно ощущает себя в составе среднего класса, не попадая в него по объективным критериям (22,4%). В первых двух группах (СК-1 и СК-2) отмечается преобладание мужской доли над женской; в СК-3, напротив, количество женщин явно превосходит мужскую долю. В «полноценном» среднем классе (СК-1) существенно преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 39 лет, а также резко снижается представительство людей старше 60 лет. Для среднего класса, определяемого по объективным признакам (СК-2), также характерна повышенная доля лиц молодого возраста – однако здесь наибольшая доля приходится на возраст от 18 до 29 лет и заметно представительство возрастной группы от 40 до 49 лет. В составе СК-3 возрастное распределение отличается от предыдущих двух групп: для этой группы характерно меньшее представительство самых молодых категорий (от 18 до 24 лет) и больше представителей более старшего возраста. Наименьшая доля сельчан и максимальная доля городского населения наблюдается в составе СК-1. В СК-2 несколько больше сельского населения (преимущественно, это жители рабочих поселков). В СК-3 соотношение населения по типу расселения почти повторяет общее квотирование по массиву с крайне незначительным преобладанием городского сегмента.

Субъективное осмысление концепта «средний класс» в современном российском обществе показывает противоречивость и незавершенность процесса формирования среднего класса в современном российском обществе как реальной социальной группы. В современном российском обществе не сформирована позитивная ценность социальной идентичности среднего класса, что, в свою очередь, объясняется сохраняющимся переходным характером современного российского общества. Более того, исследование показало, что социально-экономическая ситуация в современной России не позволяет положительной мотивации самоотношения к среднему классу закрепиться в общественном сознании.

Говоря о научной и практической значимости и применимости результатов представленного исследования, можно отметить следующие наиболее существенные моменты:

Во-первых, результаты проведенного исследования дают возможность выделить общее и особенное в происходящих в современном российском обществе социостратификационных процессах в сопоставлении с общемировыми тенденциями через понимание идентификационных предпочтений, фиксируемых в российском общественном сознании;

Во-вторых, анализ субъективных признаков, определяющих «средний класс», позволяет широко использовать данный концепт в средствах массовой информации в целях консолидации массовых сегментов российского общества, представители которых обладают высоким инновационным и гражданским потенциалом для реализации успешной политики модернизационного развития России;

В-третьих, полученные результаты исследования могут быть использованы в деятельности органов государственного и муниципального управления, а также различных общественных организаций в аспектах определения ориентиров социально-экономического развития и разработки эффективной идеологии как на общенациональном, так и на региональном уровнях;

В-четвертых, разработанная и использованная методика, может применяться не только относительно среднего класса, но и для исследования субъективных признаков других социальных групп современного российского общества.

Список литературы

1. Бакштановский В.И. Этнос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. 272 с.
2. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
3. Кучканов В.И. Проблематика концептуализации феномена среднего класса в современной российской социологии // Философия. Наука. Культура. Вып. 8: сб. кафедры философии ИППК МГУ. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 169–178.
4. Сафиуллин М.Р. Социальное самочувствие и самоидентификация среднего класса в Татарстане / М.Р. Сафиуллин, М.Ю. Ефлова, А.М. Нагимова // Социологические исследования. 2012. №10. С. 28–33.
5. Власова Е.М. Состояние и тенденции развития среднего класса в регионах Среднего Поволжья [Электронный ресурс] // Регионология. 2010. №4. URL: <http://regionsar.ru/node/615>.
6. Прохоров Д.В. Самоидентификация представителей российского среднего класса: эмпирический анализ // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №4. С. 47–52.
7. Прохоров Д.В. Эмпирический анализ самоидентификационных признаков современного российского среднего класса // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №3(23). doi: 10.12731/2218-7405-2013-3-5. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/45/pdf_24.
8. Самарская область. Социокультурный портрет: монография / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунин. Самара: Изд-во «Глагол», 2012. 320 с.

D. V. Prokhorov, Samara

THE SIGNIFICANCE OF SUBJECTIVE INDICATORS OF SOCIO-STRATIFICATIONAL PROCESSES IN RUSSIAN SOCIETY FOR PUBLIC ADMINISTRATION (ACCORDING TO EXAMPLE OF THE SAMARA REGION MIDDLE CLASS STUDIES)

The report explains the advisability of studying the social class identity in contemporary Russian society to develop effective social and economic public policy. According to example of study of the middle class of the Samara region it shows a scientific and practical importance of the study of social-class groups in Russian society as an object of social identity and as a concept which is filled with complex of subjective meanings.

Key words: Russian society, social stratification, socio-economic policy, middle class, Samara region.

УДК 321 (470.344)

Н. Г. Семедова-Полупан, Чебоксары

ИНСТИТУЦИОННО-РЕГУЛЯТИВНАЯ СФЕРА ЧУВАШИИ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье приводятся результаты социологических исследований в рамках реализации инициативной Программы «Социокультурная эволюция России и регионов на примере Чувашии». Данные представлены по результатам двух волн 2006, 2012 гг. Рассмотрена институционно-регулятивная сфера Чувашии, ее основные характеристики, приведены показатели.

Ключевые слова: институционно-регулятивная сфера, органы власти, уровень доверия.

Институционно-регулятивная сфера региона является важнейшей в модернизационном реформировании общества. На сегодня Чувашия по уровню вторичной модернизации оказалась в нижней трети среднеразвитых регионов и относится к типу 2 состояний модернизованности российских регионов. Важнейшей характеристикой эффективности и потенциала институционно-регулятивной сферы в регионе является оценка жителями республики уровня доверия к региональным институтам власти. Анализируя результаты социологических опросов 2006 и 2012 гг., можно заметить тенденцию к снижению уровня доверия населения Чувашской Республики к региональным институтам власти. Рост недоверия наблюдается по отношению к большинству институтов власти. Но самыми значимыми явились изменения в уровне доверия к милиции (полиции: 2006 г. – 40%, 2012 г. – 48,4%), парламенту (2006 г. – 26%, 2012 г. – 40,1%), СМИ (2006 г. – 34%, 2012 г. – 43,5%), президенту (2006 г. – 18%, 2012 г. – 32,6%).

Важнейшей характеристикой эффективности и потенциала институционно-регулятивной сферы в регионе является оценка жителями республики насущных проблем, решение которых зависит от органов государственного управления. Важными, на взгляд респондентов, являются проблемы безработицы (53,4%), алкоголизма (51%), качества дорог (45,7%), уровня медицинского обслуживания (40,6%).

Показателем эффективности государственного регулирования, способности региональных властей выстраивать отношения с населением является уровень протестного потенциала. По данным опроса, жители Чувашии готовы принять участие в акциях протеста. Причем, готовность в 2012 г. по сравнению с 2006 возросла и составила 36%, среди городского населения готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека не намного выше, чем среди сельских жителей (город – 36,6%, село – 35,5%). Необходимо отметить, что уровень протестного потенциала чуть ниже среднероссийского показателя (37%).

Показателем эффективности деятельности органов власти является инновационный потенциал. Значение интегрального индикатора инновационного показателя Чувашии (в линейной нормированной шкале) в анализируемом периоде находилось в диапазоне ниже среднего, демонстрируя при этом повышательную динамику. Его уровень последовательно повышался с 25 до 33 и 33,5% соответственно в 2000, 2005 и 2008 гг. При этом было два выброса: вниз до 15% – в 2002 г. и вверх до 42% – в 2007 г. В среднем значение интегрального индикатора инновационного потенциала Чувашии в анализируемом периоде составило 28%.

Одним из важнейших показателей состояния институционно-регулятивной сферы является оценка населением уровня коррупции. По результатам опроса наблюдается некоторое снижение уровня коррупционного поведения. Так, в 2012 г. 68,4% населения не сталкивались с фактами вымогательства, взяток и коррупции (2006 г. – 68,9%); часто сталкивались с фактами коррупционного поведения 4,3% (2006 г. – 4,0%). Нельзя не заметить, что в 4 раза уве-

личилось количество респондентов, отказавшихся от ответа (2006 г. – 0,7%, 2012г. – 2,8%), возросло и количество затруднившихся ответить (4,9% и 6,3%, соответственно).

Рассматривая проблему социальной защищенности от социальных опасностей, больше всего жители выражают обеспокоенность уровнем преступности. Более половины опрошенных (54,5%, а в 2006г. – 50,4%) считают себя незащищенными от этой социальной опасности. Высокой продолжает оставаться и социальная незащищенность от бедности (2006г. – 47,1%, 2012г. – 52,5%).

В республике, несмотря на заметное снижение уровня бедности, по мере роста средней заработной платы и душевых денежных доходов, ускоренными темпами (относительно страны в целом) усиливается неравенство в их распределении. Пока в республике уровень экономического неравенства ниже, чем в среднем по стране, но уже несколько превышает рациональный уровень.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что институционно-регулятивная сфера в республике испытывает некоторое напряжение. По оценкам респондентов, наблюдается снижение эффективности деятельности региональных органов власти, проявляющееся возрастающим уровнем незащищенности населения от социальных опасностей, снижением уровня доверия региональным институтам власти, повышением уровня протестного потенциала.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН. М.: Academia, 2013. 413 с.
2. Тарасов В.Т. Рост индустриальной модернизации в приволжском регионе (Чувашская Республика) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М.: Academia, 2013. С. 204–217.

N. G. Semedova-Polupan, Cheboksary

INSTITUTIONAL AND REGULATIVE SPHERE OF CHUVASHIA. THE CURRENT SITUATION AND PERSPECTIVES

The results of sociological research in the framework of the initiative program “Socio-cultural evolution and Russian regions on the example of Chuvashia”. Data are presented on the results of the two waves in 2006, 2012. Considered institutionally-regulatory sphere Chuvashia, its main characteristics, indicators are given.

Key words: institutional and regulatory sphere, the authorities, the level of trust.

УДК 316.334.3/52

О. К. Яковлева, Пермь

СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТНОШЕНИЙ «РЕГИОН – ЦЕНТР»

Отношения «регион – центр» рассматриваются через анализ проблем обострения социально-экономических, политических и социокультурных противоречий, выходящих за рамки национальных государств. Внимание акцентируется на проблеме создания баланса отношений «центр – регионы» предполагающего конкуренцию двух политических институтов – централизованного контроля и регионального участия, что есть суть и содержание социально-территориальной политики. Доказывается, что отмеченные явления приводят к изменению социальной структуры современных обществ, порождают системные трансформации, которые носят долговременный и институциональный характер. Исследование отношений «регион – центр» в новом ключе предлагается рассматривать через основные положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, которая служит своего рода синтезом концепции рациональности социального действия и концепции интеракции.

Ключевые слова: «центр – регионы», мир-системы, регионализация, мир-экономики, социология региона коммуникативное взаимодействие, актор, жизненный мир.

Изменения в состоянии современных социально-территориальных (региональных) процессов, острота вновь возникающих проблем делают неизбежным исследовательский интерес к данной теме. Процессы формирования мир-системы, ко второй половине XX столетия привели к беспрецедентному росту социально-экономической дифференциации государств и макрорегионов и появлению мир-экономики, а также выделению внутригосударственных регионов ряда стран.

В начале XXI в. это вылилось в крайнее обострение социально-экономических, политических и социокультурных противоречий, вышедших за рамки национальных государств, породило «риски», несущие новые вызовы всему человечеству, сейчас это ярко демонстрирует ситуация на Украине. Мнения ученых относительно ближайших последствий этого явления разделились. Одни утверждают о наступающей «детерриториализации» физического пространства планеты [1], другие – о возникновении дихотомии глобализации и регионализации как разных сторонах одного явления. На наш взгляд, все эти процессы в равной мере имеют место в современном мире, продуцируя в совокупности тот узел проблем, который сложно даже изначально «диагностировать». Так, например, современная теория федерализма представляет собой концептуализацию «двойной государственности». Традиционные определения федеративного государства называют его союзным государством, указывают, что государство состоит из «государственных образований», а эти образования обладают определенной степенью самостоятельности. Однако, если рассматривать эти отношения с точки зрения выявления социально-территориального (регионального) контекста, то баланс отношений «центр – регионы» всё равно предполагает конкуренцию двух политических институтов – централизованного контроля и регионального участия. Ситуация должна быть относительно симметричной, тогда можно говорить о поддержании баланса, а поддержка и управление этим равновесием и есть суть и содержание социально-территориальной политики. Отмеченные явления приводят к изменению социальной структуры современных обществ, порождают системные трансформации, которые носят долговременный и институциональный характер. Поскольку их воздействие зачастую проявляется латентно и имеет синергетическую природу, они требуют к себе самого пристального внимания социологов.

Концептуализация категории «регион» предполагает обращение к ряду смежных дисциплин, прежде всего, социальной географии, социальной психологии, пространственной экономике, но при этом позиционируется в последнее время и в парадигмальных рамках со-

циологии региона. Диспозиция проблематики анализа «регион – центр» находится на пересечении предметных областей перечисленных наук, но закономерно требует обеспечения междисциплинарного подхода для последующего анализа.

Анализ дефиниций категории «регион» важен для того, чтобы выделить, как наиболее «смысловую», позицию социологов. Есть, например, экономико-географическая интерпретация термина «регион» как крупной территориальной единицы, – природной, экономической, политической). В современном российском политико-правовом лексиконе регион – территория субъекта Российской Федерации, часть территории субъекта РФ, требующая в силу особых условий специального государственного регулирования, территориальный комплекс из нескольких субъектов РФ, объединившихся для обеспечения общих экономических и социально-политических интересов. Такая характеристика понятию «регион» дана в Основных положениях региональной политики в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. №803. Интересно, что понятие «регион» в Конституции РФ нет, зато региональная политика признана одним из основных направлений государственной политики. Вообще, само понятие «регион» давно уже «плывет» и по меткому замечанию Г.Е. Зборовского, в последние 10–15 лет превратилось из социально-экономического в социально-политическое [2]. Можно согласиться с его мнением, что понятие «регион» в условиях переходов в России многих областей и республик из традиционных для них в прошлом структур в другие, претерпело сейчас, при необходимости создания новых экономических и иных связей и отношений и неизбежной при этом утратой уже сложившихся взаимодействий, дальнейшую трансформацию с неясно выраженными экономическими и социально-политическими последствиями, Ряд исследователей, не без основания, усматривает в этом переделе регионального социального пространства «определенные политические намерения федеральных властей, связанные с тем, чтобы не давать усиливаться местной региональной политической элите, а наоборот, ослабить ее традиционные связи»[2, с. 23]. Сейчас общепринятой считается та точка зрения, что регион является социальной экономически-политически-культурно-территориальной целостностью, выступающей на уровне государства субъектом социально-экономических отношений, выполняющей определенные функции во внутрисубъектном разделении труда и формирующей (как социально-политический субъект) определенные политические отношения с Центром и другими регионами, не сводящиеся к дихотомии господство – подчинение [4, с. 143]. Сложнее, но с точки зрения достижения идеального состояния, «регион» должен концептуализироваться как динамическая самоорганизующаяся, самовоспроизводящаяся и саморазвивающаяся система (автопоэсис), включающая территорию, дислоцированную на ней социальную общность, социально-экономическую инфраструктуру и органы местного (само-) управления, как субъект социально-экономических и политических отношений в пределах государства. Центр тогда пониматься должен не только как синоним центральной государственной власти, как политический и географический центр страны, или, как центр системы управления регионами, но и как организатор и регулятор отношений, в основе которых лежит сложное коммуникационное взаимодействие с регионами как субъектами. При такой трактовке дефиниций проблема анализа качества взаимодействия в отношениях «регион – центр» приобретает общественно-гуманитарную значимость и в качестве методологических постулатов изучения требует обращения к теории коммуникативного действия рассматриваемой в рамках экономической социологии. Коммуникация в данном случае мыслится наполненной смыслом целерационального поведения акторов коммуникативного взаимодействия, какими являются центр и регион. Регион в качестве объекта социологии региона, как междисциплинарного направления, начал изучаться в России ещё в 80-е гг. Были введены новые понятия и категории, подвергшиеся глубокому теоретико-методологическому анализу и эмпирической верификации, в частности введена категория «регион» как «пространство» (физическое и социальное). Пространство социологией изначально рассматривалось дуалистически в единстве физического и социального пространств, взаимосвязанных, но конфигурально и сущностно не сов-

падающих между собой. Основание традиции такого двойственного подхода принадлежит Э. Дюркгейму, впоследствии ее успешно продолжили П. Сорокин, Э. Гидденс и другие исследователи. Несколько по иному к анализу пространства подошел Г. Зиммель, который исходил из утверждения о том, что оба его проявления (физическое и социальное) для социологии релевантны лишь в качестве продуктов рефлексии человеческого сознания, а потому должны анализироваться только в связи с последним. Эта идея также получила развитие в трудах таких социологов как Э. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман, А. Лефевр. Попытку объединить обе эти традиции предпринял П. Бурдьё, по мнению которого, физическое пространство (в т ч территория, как одно из его воплощений) является более или менее точной проекцией пространства социального и в таком виде репрезентирует его.

Перевод проблематики, наполнение её новым содержанием, исследование отношений «регион – центр» в новом ключе связан с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, которая служит своего рода синтезом концепции рациональности социального действия и концепции интеракции. Взяв за основу концепции социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, он на основе понятия социального действия разрабатывает оригинальную концепцию общества. Хабермас указывает, что понятие социального действия охватывает четыре аспекта: телеологическое действие (актор достигает цели, надлежащим образом применяя подходящие средства; телеологическое понятие действия, расширенного до «модели стратегического действия» (соотносится не с отдельно взятым актором, но с членами какой-либо социальной группы, ориентирующими свои действия в зависимости от общих ценностей); «драматическое действие» (связанное с участниками интеракции, которые друг для друга являются зрителями) и понятие коммуникативного действия связанное с интеракцией по меньшей мере двух владеющих речью, способных к действию субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностное отношение (понятие консенсуса) [1]. Хабермас противопоставил инструментальному действию, ориентированному на успех, действие коммуникативное – такое взаимодействие индивидов, которое упорядочивается согласно обязательным нормам и благодаря достижению консенсуса. В более поздних работах он выделяет четыре типа действия: стратегическое (частью его становится инструментальное действие), норморегулирующее, экспрессивное (драматургическое) и коммуникативное [3]. Идею рационализации в области действий, ориентированных на согласование, Хабермас воспринял из веберовского анализа протестантской этики и ее связи со становлением капитализма. Однако в отличие от Вебера он интерпретирует процесс рационализации как результат коммуникативного, а не целерационального действия. Легитимация через действие может совершиться, исходя не из традиции, а из принципа свободного согласования, рационального консенсуса, а также из основного принципа коммуникативного действия – понимания. Хабермас признает, что процессы общественного воспроизводства нельзя достаточно полно объяснить с помощью коммуникативной рациональности, но можно объяснить «символическое воспроизводство жизненного мира социальных групп, увиденного из внутренней перспективы» [1]. Понимая общество на двух уровнях: с одной стороны, как жизненный мир, т.е. символическое самовоспроизводство или самоинтерпретация, а с другой – как «система» действий, каковой общество кажется постороннему наблюдателю. Общества должны рассматриваться одновременно и как система, и как жизненный мир.

Основной проблемой и спецификой современности, согласно Хабермасу, является разъединение системы и жизненного мира, выражающееся в процессе овеществления современных жизненных миров и все большей их провинциализации. Жизненный мир становится достоянием частной жизни и выпадает из социальной системы, включающей в себя деньги и власть.

Общественная эволюция в наше время характеризуется изменением зависимостей между жизненным миром и системами. Если первоначально системы определялись жизненным миром, то впоследствии они развили растущую самостоятельность, утратили свою первоначальную зависимость от связей жизненного мира и выработали собственную динамику. По-

добное овеществление общества представляет собой перемещение центра тяжести на не зависящие от языка и коммуникации среды – как деньги и власть, что означает поглощение жизненных миров системами.

На стыке системы и жизненного мира возникают новые конфликты (проблематика окружающей среды, сверхсложность, перегруженность коммуникативных структур и т.п.). Поэтому проблемы современного общества нельзя понять только с помощью анализа системных процессов: необходима их критика на основе противоположной системному рассмотрению концепции, и это может быть анализ коммуникативного действия с позиций жизненного мира.

Характерной чертой современности, по Хабермасу, является фрагментация обыденного сознания и колонизация его системами. Следствием распада общего понимания жизненных миров выступает конец идеологий; место «ложного сознания» занимает фрагментарное сознание. Точно так же устаревшим является понятие классового сознания, поэтому критическая теория общества должна обратиться к критике культурного обнищания и исследованию условий для воссоединения рационализированной культуры с повседневной коммуникацией, основанной на витальной передаче от поколения к поколению. Критике же надлежит всякий раз анализировать общество, чтобы отличить свободную коммуникацию от коммуникации, находящейся под воздействием отношений господства – подчинения [4].

Необходимо подчеркнуть, что применение коммуникативного подхода в анализе состояния коммуникативной рациональности действия в развитии отношений «регион – центр» в его российском варианте чрезвычайно плодотворно. В современных российских политико-экономико-социальных реалиях, в позициях жизненного мира россиян отражена история становления особого варианта российского консенсуса – через преодоление глубокого конфликта с властью, связанное с неумением и нежеланием обеих сторон производить коммуникативное действие. Для понимания ситуации необходимо рассмотреть ту роль, которую играла российская государственность во взаимоотношениях с регионами. Многовековой период развития русской государственности характерен тем глубоким содержанием конфликтом, время от времени приводившим к расколу жизненного мира, который всегда был обусловлен преобладанием геополитических интересов над экономическими и социальными. Регионам отводилась роль следования той политике центра, которая всегда была непрозрачна, формально объявленные цели не обладали коммуникативной рациональностью, не учитывали «самодействие» регионов и, строго контролируя незыблемость властных позиций центра, пресекали всякие попытки самостроительства своих, отличных от предложенных моделей, отношений. Государство (Центр), взяв на себя инициативу в проведении экономических преобразований, определяет направления производственной деятельности в различных регионах, рассредоточивая их группами. На развитие именно этих регионов и делалась ставка, а укрепление этих предприятий (финансирование, кадровое обеспечение) стало рассматриваться как важнейшая предпосылка для создания индустриальных зон. Интересно, что со временем и регион (власть в нём) «втягивается» в отношения зависимости и начинает извлекать из этого подчинения особую пользу и без особой ответственности и, практически, без наказания за промахи. Однако результат подобной практики, проводившейся годами, сказывается на состоянии экономики, в которой за последнее время наметился крен в ориентации на внешний рынок (внутренний развивается очень медленно и сильно протекционирован). Но, главная проблема состоит в том, что, ни экономический, ни административный аппараты как функционально замкнутые и специализирующиеся на выполнении частью очень функциональных задач, не могут быть трансформированы извне – они являются порождением коммуникативной среды особого порядка и устройства. Именно коммуникативное действие имеет потенциал сложения, сращивания, воссоздания, передачи, варьирования, селекции смыслового воссоздания общества, а оно при данном способе управления жизненным миром сообщества региона не использует свой ресурс.

Хотя смысловая нагрузка статьи была направлена, главным образом, на раскрытие содержания проблем взаимодействия центра и регионов, пространственной поляризации, пространственному разделению труда, на выявление общих закономерностей регионального процесса, хотелось бы обратить внимание и на необходимость проведения анализа кросс-региональных взаимодействий между ними.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные процессы (процессы интеграции, социализации, институционализации) с необходимостью протекают в проинтерпретированной культурно-коммуникативной сфере. Каждое действие индивида в обществе сопровождается сопоставлением возникающих смыслов и смыслов, уже зафиксированных в культуре. Социальный порядок при этом характеризуется системой ценностей, норм, традиций, обычаев, складывающихся в рамках той или иной коллективной (коммуникативной) социальной общности, закрепленных в её, так называемом, коллективном сознании. Он является закономерным результатом формирования устойчивых паттернов социального рационального взаимодействия на данной территории, в условиях данной социокультурной среды, которые интернализуются всеми (или большинством) представителями социальной общности и систематически воспроизводятся ими во времени и пространстве.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер с англ. под ред. В.И. Иноземцева М.: Логос, 2004.
2. Зборовский Г.Е. Социология в регионах – проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2008, №6.
3. Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. Ю. Хабермас. М., 1992.
4. Толковый словарь по управлению. М., 1994.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность М.: Academia, 1995. С. 103–113.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. №4. С. 43–63.

O. K. Yakovleva, Perm

SOCIAL RATIONALITY AS AN INDICATOR OF QUALITY OF “REGION – CENTER” INTERACTION

“Region – Center” interaction is considered in the analysis of issues of aggravation of social, economic, political and cultural discrepancies that cross the boundaries of nation states. The paper is focused on the task of balancing “Center – Regions” interaction that implies competitiveness of institutions of central control and regional participation. It is argued that the current trends change social structure and other systemic transformations of long-term character. A new approach to the study of “center – region” interaction can be enhanced with basic propositions of J. Habermas communicative action theory allowing the synthesis of conceptions of rationality of social action and of interaction.

Key words: “center – regions”, world-systems, regionalization, sociology of region, communicative action.

Круглый стол №6

**Новые компоненты инструментария
«Социокультурный портрет региона России»**

УДК 316.37

А. И. Винокуров, Смоленск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИИ: КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье предлагается дополнить раздел 4 Программы-перспективы портрета региона подразделом 4.3 «Использование объектов культурного наследия туристами». Аргументируется предложение важностью анализа связи между структурой культурного потенциала и его использованием населением региона в качестве своего культурного капитала.

Ключевые слова: портрет региона, культурный капитал, культурный потенциал.

В последнее время роль культуры в мировом экономическом развитии стала объектом пристального внимания. Известно, что культурная политика Европейского Союза в настоящее время представляет собой самостоятельный элемент в системе его интеграционных стратегий. Один из идеологов и инициаторов объединенной Европы Жан Монне как-то сказал, что если бы предстояло вновь переосмысливать весь европейский интеграционный процесс, то он посоветовал бы начинать с культуры, а не с угля и стали. [1, с. 112–122].

Диалог культур стал одним из самых сложных культурных и политических вопросов в Европейском союзе. Возросло значение культуры в целях развития: культуру в Европейском союзе стали использовать даже как инструмент давления на Россию; управленцы все больше стали сталкиваться с экономическими следствиями культурной деятельности; важным становится использование ресурсов культуры – культурного потенциала и капитала. Считаем, что сейчас, для оценки степени модернизированности регионов России, важно показать в какой мере компоненты культуры приобретают практическое значение, становятся культурным капиталом регионов. Эта идея была заложена в проблематике Портрета [2, с. 14]. Для России сейчас необходим тщательный анализ вопросов управления ресурсами, потенциалом культуры регионов, повышение ответственности и заботы о культурных активах страны, прямого использования их в патриотическом воспитании, туристической индустрии.

Актуальной становится выявление характера связи между структурой культурного потенциала и его использованием населением в качестве своего культурного капитала в управлении регионом. В связи с чем, предлагаем раздел «Культурный потенциал и культурный капитал населения» сделать центральным элементом портрета и вокруг него сгруппировать всю остальную информацию. Идея выявления характера связи между структурой культурного потенциала и его использованием населением в качестве своего культурного капитала получила поддержку в Могилеве (Республика Беларусь) на международном круглом столе, приуроченном к празднованию Дня единения народов России и Беларуси на тему: «Российско-белорусское единство в историческом, экономическом и геополитическом контексте». Тематикой исследований связи между структурой культурного потенциала и его использованием населением в качестве своего культурного капитала заинтересовались коллеги из Университета в Белостоке (Республика Польша), объединяющего сеть университетов пограничья (Международный консорциум учебных заведений из Польши, Литвы, Беларуси, Украины, России).

Модернизация российского общества привела к усложнению социальной дифференциации. Стало очевидной недостаточность макромоделей расслоения общества, малые сообщества становятся важной социокультурной реальностью. Потребность выявления характера связи между структурой культурного потенциала и его использованием малыми сообществами в качестве своего культурного капитала актуализирует четвертый раздел Программы-перспективы портрета региона.

Список литературы

1. Водопьянова Е.В.. Культурная политика и вызовы времени // Современная Европа. 2008. №4. С. 112–122.
2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: Ин-т философии РАН, 2010. С. 14.

A. I. Vinokurov, Smolensk

**SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF RUSSIA:
THE CULTURAL DIMENSION**

The author of the given article offers to add to the section 4 of the Program circular of the region portrait the subsection 4.3 “Usage of the cultural heritage objects by tourists”. As the forcible argument the author advances the importance of the analysis of the communication between cultural potential structure and its usage by the population of the region as its cultural capital.

Key words: a region portrait, the cultural capital.

УДК 316.334.52

А. Е. Кузнецов, Пермь

РЕГИОНЫ СТАНОВЯТСЯ «НАЦИЯМИ»

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00155)

В сообщении обсуждается возможность расширения методологии проекта «Социокультурный проект региона». Предлагается использовать модели изучения ценностей, имеющие прогностический потенциал. Определения и операционализация ценностей в этих моделях, однако, должны быть пересмотрены – возможно, в свете некоторых идей этнометодологической программы.

Ключевые слова: ценности, функционализм, этнические идентичности.

Недавние события в дальнем и ближнем зарубежье показали, как быстро и спонтанно социально-экономические кризисы оформляются в этнокультурные конфликты. Региональные сообщества вдруг «вспоминают» о своем особенном, отчетливом этнокультурном облике и исторической роли. (Разумеется, «исконность» такого облика является обязательной частью рассказа о собственной «вспомянутой» этничности.) Обращает на себя внимание общность такого сценария для совершенно разных регионов мира. Новые региональные идентичности не считаются с границами: одни возникают внутри национальных государств, другие в масштабах мировых регионов. Иногда большая держава обнаруживает миллионы «соотечественников» или «исторически и культурно близких» людей в границах другого национального государства. Новая (или «новая старая») этнокультурность отнюдь не является *интерпретацией* исходного, базового социально-экономического конфликта – не «заслоняет» его. Участники и свидетели сохраняют осведомленность о последнем. С другой стороны, такой сценарий нельзя игнорировать в духе ложно понятого «конструктивизма» – как сосуществование двух параллельных реальностей: реальности фактов и реальности «рассказов». Этнокультурная политика (от законов о языке до этнических чисток) является способом трансформации вненарративной действительности – социально-экономических конфликтов и реальностей.

Возможность прогнозировать подобную динамику социокультурного развития может быть одним из ценных расширений программы изучения социокультурных портретов регионов. Постсоветское пространство (не исключая РФ) «заряжено» большим потенциалом этнокультурных революций. Вопрос, вероятно, состоит в том, какого рода социальная информация может служить эмпирической базой такого прогноза. Очевидно, что явные («номинальные») этнокультурные признаки (например, к какой этнической или конфессиональной группе относит себя респондент) отнюдь не возникают вместе с нарративом о собственной *новой* этнокультурной роли. С другой стороны, с момента, когда такой «этнокультурный нарратив» становится для участников воплощаемой реальностью, возможность для прогноза трансформации социально-экономического противоречия в этнокультурное противостояние можно считать упущенной. Следовательно, «материалом» вновь обретенной этнокультурной идентичности могут и должны быть признаки, *номинально не являющиеся этнокультурными*, но могущие однажды стать текстом нового рассказа о старом «народе» (в религиозном, светском или ином понимании этого слова).

Не без оснований в качестве материала для такого анализа привлекаются отчеты респондентов о *ценностях*. Одно из классических определений указывает на предполагаемую *прогностическую* роль ценностей: «Эксплицитная или подразумеваемая, характерная для индивида или группы – концепция желаемого, влияющая на выбор доступных способов, средств и целей действия» [5, с. 395]. Зная ценности индивида или группы, можно полагать известным их поведенческий выбор в *будущих ситуациях*. Прогностический потенциал исследования ценностей, по-видимому, нельзя отрицать. Однако, *что именно* позволяют спро-

гнозировать отчеты (ответы, сообщения и пр.) о ценностях? Ресурсы и методология проекта «Социокультурный портрет» – и вообще требование экономности инструмента и модели – обращают внимание на возможность применения одной из разработанных систем изучения ценностей. В рамках настоящего сообщения мы ограничимся ответами на вопросы:

1) какие исследовательские системы релевантны задаче прогнозирования этнокультурных процессов (мы ограничиваемся характеристикой только двух из них – Клакхон – Стродтбека и Шварца)?

2) какого рода выводы можно сделать по данным, полученным в рамках таких систем?

Обе системы прошли апробацию в проектах межкультурных (межнациональных) исследований. Система Флоренс Клакхон и Фред(ерик)а Стродтбека постулирует наличие «ограниченного числа общечеловеческих проблем, для которых все общества во все времена должны найти некоторое решение... То, как группа расположена понимать, означивать и решать эти общие проблемы, составляет внешнее проявление ее сокровенных ценностей..., ее ценностных ориентаций» [Цит. по: 3].

Ценностные ориентации по [Bales & Strodbeck, 1961]

Аспекты (dimensions) ориентаций	Категории			5 основных человеческих проблем
	Прошлое	настоящее	Будущее	
Время	Прошлое	настоящее	Будущее	Каков темпоральный фокус жизни?
Деятельность	действие	становление	Бытие	Какова модальность человеческой деятельности?
Отношения	индивидуальные	параллельные	линейные (основанные на иерархиях)	Какова модальность отношения человека к другим в группе?
Человек – Природа	Человек господствует	гармония с Природой	Природа господствует	Каково отношение людей к природе?
Человеческая природа	Хорошая	Смешанная	Злобная	Какова врожденная человеческая натура?

Ответы респондентов ранжировались. Различия в паттернах ранжирования позволяли отличить одну культуру от другой. Система Клакхон – Стродтбека (как и ряд других) использовалась для разработки более известной системы Шаломы Шварца. Она узнаваема в его схеме ориентаций культурного уровня [7, с. 7]. В настоящее время система Шварца применяется в исследовании ценностей европейцев и россиян [1]. Вопросник построен по образцу «Насколько похож на вас человек, который (называется образ поведения)». В последней версии 21 такой вопрос, соотнесенный с 10 ценностями [Напр.: 2].

Шварц называет 5 составляющих концептуального определения ценностей, по которым имеется согласие разных авторов: «Ценность – это (1) убеждение (2) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое (3) выходит за рамки отдельных ситуаций, (4) направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и (5) упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [8, с. 20].

Насколько усовершенствованный набор вопросов модели Шварца реализует это определение? В мае 2014 г. пермской группой проекта была проведена серия интервью (13 респондентов в возрасте между 20 и 70 годами, принадлежащих к 4 группам: учащиеся, пенсионеры, наемные работники, предприниматели). Вопросы интервью задавались по схеме: (1) вопрос в формулировке модели, (2) вопрос «Отвечая на этот вопрос, какие ситуации вы представляете?», (3) вопрос «В каких ситуациях для вас наиболее характерно (поведение по формулировке вопроса)», (4) «В каких ситуациях для вас наименее характерно...?», (5) «В

этих ситуациях могли бы вы вести себя иначе?», (6) «Можете ли вы объяснить, почему вы предпочли поступать именно таким образом?»

Итак, было решено восстановить связь с реальными или гипотетическими конкретными ситуациями с тем, чтобы оценить степень узнаваемости ценностной ориентации через способность респондентов локализовать ее в каком-либо жизненном контексте. Вопросы модели Шварца, напомним, не соотносили предпочитаемый способ поведения с ситуациями. Составляющая 3 определения «выходит за рамки отдельных ситуаций» означает, что поведенческий выбор *повторяется* в *различных* ситуациях. Ответы респондентов позволяют усомниться в возможности интерпретировать ответы так, как предполагает исследовательская модель. Вспоминание реальных (или полагание гипотетических) ситуаций вызывало существенные затруднения у респондентов, и нередко они прибегали к тактике референции к абстрактным ситуациям и контекстам, – скорее, заимствованным из «научного» словооборота: «работа», «дома» или «в быту», и т.д. Это – ограничение модели по составляющим 2 и 3. Качество ответов по составляющей 1 «убеждение» ухудшалось, по-видимому, *формулировкой* вопросов, постоянно менявших модальность отношения гипотетического человека к предпочитаемому поведению: «он любит», «ему важно», «он думает, что», «он верит, что», «он хочет», «пытается», «надеется». Это разные определения; пусть, и относящиеся к общей категории «предпочтение». Нередко респонденты заявляли о непонятности вопроса, неоднократно указывали на то, что в одном и том же вопросе речь шла о разных когнитивных событиях. Вводная часть вопросов «Насколько вы похожи на человека, который...» также воспринималась по-разному. Одни и те же респонденты изменяли модальности на континууме от «быть похожим» до «быть таким человеком» при ответах на вопросы с одинаковой преамбулой.

Выполняются ли составляющие 4 и 5 определения «ценности»? Вероятно, эти составляющие описывают не сами ценности, а *теорию*, в рамках которой было сформулировано определение «ценности». Функция управления выбором и оценками является презумпцией функционалистской теории. Упорядочение ценностей также является частью исследовательского подхода. Мы не видим оснований считать эти составляющие частью *содержания* или *объема* понятия «ценности». Это лишь частные убеждения относительно «ценностей». Они могут входить в состав определения с таким же основанием, что и сомнение в существовании каких-либо ценностей.

Возможно, модель Шварца нечувствительна к ограничениям по составляющим 1–3. Однако исследует ли она *ценности*? Возможно, затруднения респондентов с поиском неких референтных ситуаций для предъявляемых ценностных выборов были связаны с тем, что не способы поведения, а уже сами *описания* их были культурными объектами – объектами оценивания в *ситуации* опроса? Понимали ли респонденты, ценностную нагрузку формулировок «ему важно помогать людям», «важно быть преданным своим друзьям» и «он верит, что люди должны делать то, что им говорят»? Могли ли респонденты считать, что преамбула «похожи ли вы на такого человека» превращает оценку суждений с некое самоописание? Если респонденты были чувствительны к этим моментам опроса, то они оценивали предъявляемые суждения, руководствуясь конвенциями самоописания, принятыми в их обществе или группе. Не удивительно, что модель Шварца могла «обнаружить» международные различия в этих конвенциях. Не подлежит сомнению, что такие предпочитаемые способы самохарактеристики также руководствуются ценностями. Но они, по-видимому, не исследуются моделью. «Доброжелательность», «Власть», «Универсализм» и иные «ценности» модели остаются тогда только тематическими рубриками, под которыми группируются суждения.

Система категорий Клакхон – Стродтбека представляется нам более предпочтительной (хотя она и не пользуется внушительным авторитетом модели Шварца). Старая модель использовала более интуитивно понятные и однозначные суждения.

В защиту обеих систем следует оспорить критику *абстрактности* используемых ими категорий. Такого рода сомнения в валидности наблюдений высказываются давно. Например, Джеймс Спэйтс говорит: «пока мы не знаем, действительно ли ценностные категории,

использованные для классификации, присущи изучаемому населению – т.е. пока мы не можем быть убеждены, что ценности, претендующие на описание населения, действительно принадлежат ему, а не являются просто плодом воображения (figment) теоретика – мы не можем знать, адекватно ли описание или нет» [9, с. 35]. Спэйтс забывает, что все основные системы ценностных категорий (Шварца, Тромпенорса, Холла и пр.) разрабатывались как универсальные или «общечеловеческие». Замечание об абстрактности (неспецифичности категории для изучаемой культуры или группы), следовательно, справедливо, но нерелевантно задачам исследователей. Задача кросскультурного сравнения требует формулировать именно такие категории.

Клайд Клакхон, как кажется, ближе стоял к пониманию недостатка ценностных моделей еще в 1951 г. Цитируя статью Р. Лепли «Тождество факта и ценности» (1943 г.) и Дж. Лундберга «Семантика и проблема ценностей» (1948 г.) он пишет: «Привычка смотреть на личные и общественные события с внутренней, субъективной точки зрения... породила представления о том, что отношения средств-целей и причин-следствий – неотъемлемо разные отношения, и потому фактуальные и оценочные суждения суть неотъемлемо различны, поскольку они обозначают эти два предположительно разного рода отношения» (Лепли) и «Слово 'Ценности' относится к виду оценивающего поведения и как таковое может научно изучаться, как любое другое поведение. Большая часть нашей статистики цен, зарплат, занятости, миграции, потребления и... всего т.н. 'произвольного' или 'избирательного' поведения есть исследование человеческих 'Ценностей'» [5, с. 391, 393]. Итак, заблуждением функционалистской программы исследования ценностей является стремление выразить ценности *в особом роде суждениях* – текстах о принципах предпочтения и выбора, универсалиях, которые пронизывают и организуют всю массу реальных человеческих ситуаций и действий. Этот недостаток указанных систем этнометодологи усмотрели в ошибочности исходного функционалистского предположения о «руководящей роли» ценностей. (Справедливость этой критики следует признать с той важной оговоркой, что «ценностями» в функционалистских построениях часто называются не средства оценивания, а оцениваемые средства; в последнюю категорию этнометодологи относят разного рода предписания, включая и суждения о долженствованиях – «ценности» Шварца, Клакхонов и пр.). «Упорядочение мира не происходит посредством следования правилам или ролям или иным абстрактно сформулированным предписаниям. Такие предписания сами являются употребляемыми ресурсами «делания» доступных именованию деятельности (resources for "doing" nameable activities) и мер видимой, осязаемой среды» [6, с. 392]. Итак, предписание «Россия – для русских» может возникать для мобилизации этнокультурного ресурса в разрешении совсем не этнокультурного противоречия в распределении бюджетных средств – «Хватит кормить Кавказ» (многонациональный и многоконфессиональный регион). Этнокультурная революция – «открытие» народов «кавказской национальности», Каталонии, Киренаики или Новороссии – является только частным случаем трансформации конфликтов. Однако это наиболее разрушительный (и все более распространенный) способ разрешения социально-экономических противоречий. В какой момент и при каких условиях актуализируется старое знание группы для конструирования новой этнокультурной ситуации?

Гарольд Гарфинкель в работе, посвященной вопросу о том, как неявная и негласная упорядоченность дискурса ученых помогает им осознать открытие феномена, неименованного и неопишуемого в наличных терминах и понятиях («Работа открывающей науки», 1981 г.), вспоминает диалог, послуживший одним из толчков к этнометодологической программе. В 1954 Школа права Университета Чикаго поручила Фредерику Стродтбеку провести анализ аудиозаписей заседаний присяжных. «Эдвард Шилз был в составе нанявшего его комитета. Когда Стродтбек предложил применить категории анализа взаимодействия Бейлза, Шилз посетовал: «Применив анализ процесса взаимодействия Бейлза, я уверен, мы узнаем, что в рассуждениях присяжных делает их малой группой. Но мы хотим знать, что в их рассуждениях

делает их присяжными”. “Вы задаете неправильный вопрос”, – ответил Стродтбек Шилзу» [2, с. 96–97].

Этот социологический анекдот может иллюстрировать заявленную здесь проблему прогнозирования социокультурной динамики. Гарфинкель четко обозначает события разного уровня и содержания: (1) сообщество (присяжных или жителей региона) создается по внешним и случайным основаниям – методом случайного отбора в одном случае, методом административно-территориального членения – в другом, (2) задача, стоящая перед сообществом (принять решение о мере ответственности подсудимого или о направлении развития региона), решается в переговорах и с привлечением культурного опыта участников, (3) определение этого процесса и этого сообщества (как коллегии присяжных или, скажем, как титульной нации) наделяет его функцией и властью, имеющими далеко не лингвистические последствия – для подсудимых индивидов и подсудимых народов. Внимание к этноконфессиональной стороне социокультурной динамики мы связываем с опасностью возвращения страны к парадку сепаратизма 1990-х гг. Риторика «исконной территории», «исторической справедливости», «оккупации», «конкуренции за природные ресурсы и рабочие места» – не вполне забыта и время от времени актуализируется. Существующие модели изучения ценностей обладают прогностическим потенциалом. Однако в рамках явно устаревшей функционалистской традиции рассмотрения предписаний как «ценностей» эти модели не могут этот потенциал реализовать. Недавний и близкий пример (близкий исторически, культурно и пространственно – Украины) побуждает задать «неправильный вопрос» еще раз: что в рассуждениях граждан регионов о собственных ценностях может однажды дать основания назвать эти ценности объединяющими людей определенной этнической или конфессиональной группы? Полагаем, что распространенная («функционалистская») догма о солидаризирующей роли близких социокультурных моделей может быть обманчивой. Действительно, если доминирующая (культурно или политически) нация приступает к истреблению представителей, традиций, языка другой нации – то в каком социокультурном контексте этого следует ожидать: 1) когда ценностно-культурные модели обоих этносов настолько *различны*, что становится невозможным их мирное сосуществование, либо 2) эти модели настолько *сходны*, что в условиях сжимающегося жизненного пространства только вспомнутые этнокультурные идентичности оправдывают репрессивную политику как средство борьбы за одинаково ценные ресурсы?

Список литературы

1. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia. 2009. 384 с.
2. Davidov, Eldad; Schmidt, Peter ; Schwartz, Shalom H.: Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. // Public Opinion Quarterly 72 (2008), 3, pp. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692>.
3. Gallagher T. Understanding other cultures: the value orientations method. URL: <http://www.leadershipeducators.org/Resources/Documents/Conferences/Minneapolis/Gallagher.pdf>.
4. Garfinkel, H. (2002). Ethnomethodology's program: Working out Durkheim's aphorism. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
5. Kluckhohn, C. (1951) Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification. In T. Parsons & E. A. Shils (eds.) Toward a general theory of action. Cambridge, MA: Harvard University Press. URL: <https://archive.org/details/towardgeneral-the00pars>.
6. Maynard D.W. and Clayman S. E. The Diversity of Ethnomethodology // Annual Review of Sociology, Vol. 17 (1991), pp. 385–418. URL: <http://www.jstor.org/stable/2083348>.
7. Nardon L., Steers R.M. (2009) The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture In: Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work. Eds. Rabi S. Bhagat and Richard M. Steers. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002>.

8. Schwartz S. H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of Social Issues*, Vol. 50, No. 4, 1994, pp. 19–45.

9. Spates J.L. The sociology of values // *Ann. Rev. Sociol* 1983. 9:27-49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf.

A. E. Kuznetsov, Perm

REGIONS GO NATIONS

The paper proposes an extension of the methodology of the project “Social and cultural portrait of a region”. It is suggested that functionalist models of study of values could become such an extension and add some prognostic potentials, but definition and operationalisation of values within the functionalist tradition should be revised. It is argued that some insights from ethnomethodological tradition might serve this revision.

Key words: values, functionalism, ethnic identities.

УДК 331.101

О. В. Скворцова, Новосибирск

ПОРТРЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ С РАЗНЫМ ТИПОМ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

Представлена методика выявления групп респондентов с разным типом трудовой мотивации, в том числе пострыночной (творческой). Зафиксированы различия в портретных характеристиках этих групп. Сформулированы предложения о внесении изменений в типовую методику, связанные с выявлением трудовых мотиваций респондентов.

Ключевые слова: трудовые мотивации, портретные характеристики, методика измерений.

На основе материалов, собранных в Новосибирской области в 2010 г., в рамках проекта «Социокультурный портрет регионов России», мы проанализировали вопрос о выявлении трудовых мотиваций экономически активного населения с помощью типовой методики. В результате выяснилось, что типовая методика не позволяет фиксировать пострыночные стратегии трудовой деятельности, т.е. не выявляет респондентов с доминирующими потребностями в творческих действиях. В связи с этим мы сформулировали предложения о внесении в типовую методику изменений и представили наш опыт выявления мотивов [1, с. 331–338]. В предлагаемой нами шкале доминирующими мотивами трудовой деятельности являются потребности индивида в творческих действиях или самореализации, в признании и уважении, в общении, в безопасности и в материальном благополучии. Доминирующая потребность, по нашим представлениям, и определяет тип трудовой мотивации индивида. Свою методику выявления типов трудовой мотивации мы апробировали на независимом репрезентативном материале, полученном в ходе социологического обследования 2008–2009 гг. студентов-старшекурсников г. Новосибирска, организованного ИЭиПП СО РАН, в котором приняло участие около 2000 респондентов, представителей семнадцати вузов г. Новосибирска и их филиалов.

Анализируя ответы участников обследования на вопрос анкеты «Почему Вы выбрали именно эту профессию, чтобы по ней учиться?», мы выявили шесть групп респондентов с разными типами трудовой мотивации. Первая группа (14%) – это респонденты с доминирующей потребностью в творческих действиях, или *креативные*, выбравшие вариант ответа «профессия исследовательская, творческая». Вторая группа (29%) – это респонденты с доминирующей потребностью в признании и уважении, или *руководители*, выбравшие варианты «профессия престижна, уважаема» и «профессия дает перспективы роста, карьеры», но не выбрал вариант «профессия исследовательская, творческая». Третья группа (12%) – респонденты с доминирующими потребностями в общении и сотрудничестве с людьми, или *сотрудники*. Это те, кто выбрал варианты «профессия нужна людям, обществу» и «профессия связана с общением с людьми», но не выбрал варианты, являющиеся доминантными для первой и второй групп. Четвертая группа (22%), *специалисты*, – респонденты, указавшие из предложенных только варианты «профессия интересна, мне нравится» и/или «привлекала работа с техникой». Пятая группа (15%), *исполнители*, – респонденты с доминирующими материальными потребностями и потребностями в безопасности, выбравшие один из вариантов: «профессия дает хороший заработок», «по ней легко найти работу», «по ней работали родители, родственники», «относительно легко поступить», «по ней легко учиться», «более высокая стипендия, льготы», но при этом не выбравшие варианты, являющихся доминантными для первых четырех групп. Шестая группа (8%) – немотивированные респонденты, те, для которых выбор профессии был случайным.

Опишем портреты первых пяти групп.

Креативные – это в основном жители больших и малых городов Новосибирской области и за ее пределами (80%), более половины из них жители г. Новосибирска (46%), закончившие как обычные школы (52%), так и лицеи, гимназии или спецшколы (48%). Их родители преимущественно с высшим образованием (45% – отец, 55% – мать), 6% матерей, и 7% отцов, имеют ученую степень (в остальных группах этот процент не выше трех).

Им нравится учиться по специальности, около половины (46%) уверенно намерены по ней работать и еще 42% в зависимости от обстоятельств. Учатся, как правило, хорошо и отлично, не имеют задолженностей. Более всего учебу *креативных* стимулируют перспектива получения достойного места работы (57%), интерес к получаемым знаниям (47%). Творчески активны: имеют творческие работы (36%) и пытаются их создавать (27%), участвуют в научных конференциях (39%), имеют публикации в научных изданиях и СМИ (24%). Ориентированы на научно-исследовательскую деятельность: около трети (28%) хотят заниматься ею *безусловно* и более половины (53%) *при определенных условиях* (вместе – около 80%), в то время как в других группах желающих *безусловно* заниматься научной деятельностью – не более 15%, а *при определенных условиях* – не более 37%. Ориентированы продолжение образования (90%).

Креативным, по их собственной оценке, более свойственно, в отличие от представителей всех других групп, справляться с решениями нестандартных задач (60% против 40%). Они отличаются от остальных ранжированным списком качеств и возможностей, которые получают к окончанию вуза. *Креативные* чаще по сравнению с остальными отмечают наличие у себя широкого кругозора (84% против 79–69%), умения нестандартно мыслить (73% против 63–53%), навыков аналитического мышления (78% против 70–66%), качественной подготовки, отвечающей современным требованиям (77% против 63–76%).

Среди приоритетов жизненного успеха таких как – дружная семья, дети; материальный достаток; хорошее здоровье; интересная любимая работа; хорошие друзья, характерных для большинства респондентов, в отличие от остальных выделяют также хорошее образование (46%), интересный досуг (40%) и путешествия (47%); высокую квалификацию и профессионализм (41%). Около трети *креативных* надеются, что после получения высшего образования и устройства на работу лично смогут что-либо сделать, или изменить, для нормального развития российской экономики. *Креативные* предпочитают делать карьеру по специальности (67%), а не менять специальность в зависимости от конъюнктуры рынка. Они ориентированы на участие в конкурсах на получение должности или контракта (68%). В выборе подходящей для себя карьеры *креативные*, в отличие от всех остальных, ориентируются на возможность иметь ученую степень (29%, у остальных не больше 10%), государственные награды и звания (10%, у остальных от 1% до 6%). В трудовой деятельности для *креативных* более значимо, чем для остальных, применять свои способности (70% против 36–58%), быть самостоятельным в работе (57% против 35–47%), работать творчески (57% против 14–30%), стать высоко квалифицированным специалистом (64% против 44–58%), чтобы нравилась работа (64%, против 38–60%).

Креативных от остальных (в особенности от *специалистов* и *исполнителей*) отличают представления о требованиях, которым они должны соответствовать с точки зрения работодателя. Это – умение отслеживать и отбирать новую, нужную для работы информацию (47% против 29–21%); инициативность, способность воплощать в жизнь новые идеи (46% против 30%); способность генерировать новые идеи (43% против 29–16%); способность быстро переучиваться на другой вид деятельности (36% против 25%); хорошо знать факты, положения теории по специальности (48% против 39–36%); способность быстро осваивать и применять в работе последние достижения научно-технического прогресса (58% против 40%). Для *креативных* специфичен выбор сферы деятельности: наука исследовательские организации (42% против 20%).

Успешное начало трудовой карьеры более половины *креативных*, связывают не только со своим трудолюбием, работоспособностью, возможностью набраться опыта на рабочем месте, как это делают большинство респондентов, но и с постоянным самообразованием (49% против 37–24%). На выполнение их жизненных планов в большей степени, по сравнению с другими, может повлиять уровень образованности и культуры (33% против 17–12%), честность и принципиальность (28% против 17%), т.е. условия, зависящие то них самих, а не от случайностей или внешних обстоятельств.

Креативным не свойственно стремление к богатству, но, вместе с тем, иметь высокий доход для них предпочтителен (63%). Семья для них, как и для других, очень важна, но в то же время важна и реализация себя в трудовой деятельности (52%). Не приверженцы собственного дела или бизнеса (18%), но в работе и трудоустройстве более рассчитывают на себя и свои способности (85%).

Итак, *креативные* – это в основном лица, закончившие лицеи гимназии или спец. школы, дети высоко образованных родителей, творчески активные, ориентированы на научно-исследовательскую деятельность и работу в сфере науки, ориентированы на продолжение образования и самообразование. Считают, что хорошее образование – гарант жизненного успеха. В трудовой деятельности для них особенно важно применять свои способности, быть самостоятельным в работе и работать творчески.

Руководители – это лица как мужского, так и женского пола, жители как г. Новосибирска (39%), так и больших и малых городов Новосибирской области, а также рабочих поселков (34%), окончившие в основном обычные школы (73%). Их родители в равных долях имеют как высшее, так и средне специальное образование. *Руководители* по сравнению с другими выглядят чуть более обеспеченными: 18%, оценивают доход родительской семьи выше среднего (в других группах этот процент не выше 15%) и 19% отмечают, что имеют доход 15000 рублей и выше на одного человека в месяц (в других группах доля таковых – не выше 13%).

Также как и *креативные*, считают, что совершили правильный выбор профессии (90%), им нравилось по ней учиться (49%) и они намерены по ней работать (55%). Более всего стимулирует учебу *руководителей* понимание того, что получаемое образование связано с перспективами получения достойного места работы (59%), интерес к получаемым знаниям для них является гораздо менее значимым, чем для *креативных* (24% против 47%). Среди *руководителей* также имеются желающие заниматься научно-исследовательской деятельностью, но их в два раза меньше, чем *креативных*: 15% – безусловно хотят ей заниматься и 37% при определенных условиях. По количеству имеющихся творческих работ, по участию в научных конференциях они на втором месте после креативных: имеют творческие работы – 23% и пытаются их создавать 18%, участвуют в научных конференциях – 31%. На продолжение образования *руководители* ориентированы в меньшей степени, чем *креативные*.

Среди качеств и возможностей, полученных к окончанию вуза, самым значимым для *руководителей* является наличие у них умения контактировать с другими людьми (86%), затем идут широкий кругозор (75%), качественная подготовка (76%) и умение работать в команде (72%).

Также как и *креативные*, жизненный успех связывают в первую очередь с дружной семьей, детьми; материальным достатком; хорошим здоровьем; интересной любимой работой; хорошими друзьями. Но хорошее образование как условие жизненного успеха оценивают ниже *креативных* (35%) и ставят после возможности путешествовать (43%). Для *руководителей* важнее, чем для других групп, престиж профессии (36% против 21–30%); желание иметь свое дело, бизнес (37% против 29–21%); занять высокое положение в обществе (37% против 25–19%). Около трети *руководителей* рассчитывают влиять на развитие российской экономики. Как и *креативные*, предпочитают делать карьеру по специальности (67%), а не менять специальность в зависимости от конъюнктуры рынка. Не исключают участие в конкурсах на получение должности или контракта (57%).

В выборе подходящей для себя карьеры *руководители*, вслед за *креативными*, ориентируются на возможность стать высококвалифицированным специалистом (55%), но также, в отличие от всех остальных, на зарабатывание больших денег (50%, остальные 32–42%), на руководящую должность (в органах управления, органах власти, на предприятии, в фирме) (48%, остальные не выше 37%) и на возможность иметь свое дело, бизнес (40%, остальные 25–32%).

В трудовой деятельности для *руководителей* менее значимо, чем для *креативных*, применять свои способности (58%) быть самостоятельным в работе (47%); работать творчески (28%); стать высоко квалифицированным специалистом (58%), и более значимо сделать карьеру (80%, остальные – не больше 65%); иметь высокий доход, заработок (76%, остальные – не больше 63%); занять высокое положение в обществе (37%, остальные – меньше 25%).

Руководители предпочитают (практически в равных долях) выбирать работу в финансовых или коммерческих структурах (38%), в управленческих структурах (34%), в сфере услуг (33%), в материальном производстве (промышленность, строительство, транспорт, с/х, и т.п.) (32%).

Успешное начало трудовой карьеры *руководители* связывают в первую очередь с возможностью набраться опыта на рабочем месте (58%), со своим трудолюбием, работоспособностью (52%), а также с высокооплачиваемым рабочим местом (50%). При этом постоянное самообразование для них менее значимо, чем для *креативных* (37% против 49%).

Итак, *руководители* – это лица достаточно хорошо образованные, самостоятельные и ответственные, стараются занять высокое положение в обществе, сделать карьеру, иметь высокие доходы, при этом они не боятся риска, ориентированы на собственное дело, готовы много работать, но чаще для собственного блага, ориентированы на руководящие должности.

Сотрудники – это в основном лица женского пола (две трети), жители не только городов, но и сел (ок. 30%), закончившие преимущественно обычные школы (70%). Их родители, особенно отцы, имеют преимущественно средне специальное образование (60%).

Демонстрируют те же приоритеты жизненного успеха, что и *креативные* и *руководители*, но при этом несколько выше ставят возможность приносить пользу людям и обществу (27% против 24–12%). *Сотрудникам* характерны сомнения в правильном выборе профессии, среди них меньшая доля по сравнению с *креативными* и *руководителями* тех, кто намерен работать по профессии (34%). Треть *сотрудников* проявляет желание заниматься научно-исследовательской деятельностью (12% безусловно и 21% при определенных условиях) и столько же имеют творческие работы или пытаются их создавать (37% против 63% *креативных*).

Среди качеств и возможностей, полученных к окончанию вуза, самым значимым для *сотрудников* является наличие у них умения контактировать с другими людьми (96%), затем идут широкий кругозор (79%), умение работать в команде (76%) и умение быть терпимым, толерантным (76%). *Сотрудники* ориентированы на продолжение образование, также в меньшей степени, чем *креативные*.

Среди *сотрудников* меньше, чем среди *креативных* и *руководителей*, доля тех, кто предпочитает делать карьеру по специальности (56% против 68%). Успешное начало трудовой карьеры *сотрудники*, также как и *руководители*, связывают со своим трудолюбием, работоспособностью (54%), возможностью набраться опыта на рабочем месте (52%) и высокооплачиваемым рабочим местом (46%), но еще выделяют адаптацию к любому коллективу (39%). *Сотрудникам*, как и *руководителям*, свойственно желание быть богатым.

Сотрудники чаще остальных связывают перспективы трудовой деятельности с постоянным общением с людьми (45% против 39–21%) и возможностью быть полезным обществу (41% против 39–17%). Среди них больше доля тех, кто руководствуется принципом «Работать преимущественно для общего блага, а не на личный успех» (35% против 20–27%). В выборе сферы деятельности *сотрудники* ориентируются на сферу услуг (36%) и отрасли социальной сферы (здравоохранение, образование, культура) (34%).

Итак, сотрудники – это лица в основном женского пола, ориентированные на работу в социальной сфере и сфере услуг, отличаются более ярко выраженной направленностью на такие перспективы в трудовой деятельности как общение с людьми, приносить пользу людям.

Специалисты это в основном лица мужского пола (две трети), закончившие преимущественно обычные школы (70%), проживающие за пределами г. Новосибирска, в основном в малых городах (62%). Их родители приблизительно в равных долях имеют как высшее, так и специальное образование.

Демонстрируют похожие с предыдущими группами приоритеты жизненного успеха (дружная семья, дети; материальный достаток; хорошее здоровье; интересная любимая работа; хорошие друзья). Но все эти ценности являются для них менее значимыми.

Считать хорошее образование одним из условий жизненного успеха характерно только для 26% *специалистов*, это меньше, чем в предыдущих группах. Иметь высокую квалификацию и профессионализм (29%), приносить пользу людям и обществу (17%) *специалистам* менее свойственно, чем *сотрудникам* (42%, 27%) и *креативным* (41%, 24%), но больше, чем *исполнителям* (22%, 12%). Престиж профессии им менее важен, чем *руководителям*, *креативным* и *сотрудникам* (21% против 36%, 30%, 32%); желание иметь свое дело, бизнес, как и *креативные*, выражают реже остальных (21% против 37%).

Самым значимым стимулом в учебе для *специалистов* является скорее получить диплом и начать работать (40%), такие стимулы как интерес к знаниям и возможность применить способности являются для них гораздо менее значимыми, чем для *креативных* (27% против 47%, 18% против 37%). *Специалисты* менее активны в общественных делах, концертной и сценической деятельности, чем *креативные*, *руководители* и *сотрудники*. Творческая активность у них не выше, чем у *сотрудников*. Среди качеств и возможностей, полученных к окончанию вуза, самым значимым для *специалистов* является наличие у них умения контактировать с другими людьми (81%), затем идут широкий кругозор (76%), качественная подготовка (74%) и навыки аналитического мышления (72%). Чуть большая доля *специалистов* по сравнению с *креативными* подчеркивает приобретение ими в вузе организационно управленческих навыков (57% против 49%) и нужных полезных связей (51% против 43%). В отличие от остальных большая доля *специалистов* предпочитает «быть хорошими исполнителями» вместо того, чтобы «проявлять свое "Я", быть лидером, брать ответственность на себя» (50% против 42%). Среди специалистов меньшая доля тех, кто считает себя способным влиять на развитие экономики страны по сравнению с *креативными* и *руководителями* (четверть против одной трети). Участвовать в конкурсах на получение должности или контракта *специалисты* планируют реже *креативных* (52% против 68%). Как и *креативные*, *специалисты* предпочитают делать карьеру по специальности (64%), однако для них менее значимы самостоятельность в работе (39% против 57%), возможность работать творчески (28% против 60%), применять свои способности (55% против 70%), стать высоко квалифицированным специалистом (53% против 64%), чтобы нравилась работа (46% против 64%). В трудовой деятельности *специалисты* в основном рассчитывают на перспективы сделать карьеру (60%) и иметь высокий доход, заработок (53%). Из сфер деятельности *специалисты* выбирают материальное производство (29%) и финансовые или коммерческие структуры (25%).

Подчеркнем, что для *специалистов* соответствие таким качествам, как умение отслеживать и отбирать новую, нужную для работы информацию, инициативность, способности генерировать и воплощать в жизнь новые идеи, быстро переучиваться на другой вид деятельности, быстро осваивать и применять в работе последние достижения науки, не так значимо как для *креативных*.

Представленный портрет *специалистов* дает основания считать, что они отличаются от *креативных*, и не только творческой активностью, но и ценностными установками, приоритетами в трудовой деятельности. Следовательно, тот факт, что респондент выбирает работу или видит причины сохранения и/или смены ее только в том, что эта работа интересная, не

дает оснований причислять его в группу *креативных*, как это предполагалось в описании результатов исследований по типовой методике в 2006–2009 гг.¹.

Исполнители – это в основном лица как мужского, так и женского пола, закончившие преимущественно обычные школы (74%), живущие за пределами г. Новосибирска (70%). Их родители приблизительно в равных долях имеют как высшее, так и специальное образование.

Исполнителям, как и *сотрудникам*, характерны сомнения в правильном выборе профессии, среди них меньше по сравнению с остальными доля тех, кто намерен работать по профессии (36%). *Исполнители* менее всех остальных склонны считать хорошее образование одним из условий жизненного успеха (22% против 46%). Менее остальных стремятся иметь высокую квалификацию и профессионализм (22%), приносить пользу людям и обществу (12%). Интерес к получаемым знаниям является для *исполнителей* самым малозначимым стимулом в учебе (11% против 47% у *креативных* и 28% у остальных). *Исполнители*, как и *специалисты*, менее активны в общественных делах, концертной и сценической деятельности. Среди *исполнителей* меньшая доля по сравнению с остальными тех, кто имеет творческие работы и пытается их создавать (19%). *Исполнители*, как и *специалисты*, предпочитают «быть хорошим исполнителем» вместо того, чтобы «быть лидером, брать ответственность на себя» (51%). Среди *исполнителей* еще меньше, чем среди *специалистов*, доля тех, кто считает себя способным влиять на развитие экономики страны (менее одной пятой). Они реже всех планируют участие в конкурсах на получение должности или контракта (43% против 68% *креативных*) и более остальных ориентированы на смену специальности в зависимости от конъюнктуры рынка (49% против 33% у *креативных*).

В трудовой деятельности *исполнители* в основном рассчитывают на высокий доход, заработков (62%) и перспективы сделать карьеру (60%). Для них еще менее значимы по сравнению со *специалистами* самостоятельность в работе (36%), возможность работать творчески (14%), чтобы работа нравилась (44%).

В выборе сферы деятельности *исполнители* отдают предпочтения финансовым или коммерческим структурам (36%) и материальному производству (31%).

Если успешное начало трудовой карьеры более половины *креативных*, *руководителей* и *сотрудников* связывают со своим трудолюбием, работоспособностью, возможностью набраться опыта на рабочем месте, то среди *исполнителей* таковых только треть. *Исполнители* в воплощении своих жизненных планов больше ориентируются на удачу, везение, нужные полезные связи, чем на собственные возможности и качества.

Итак, *исполнители* – в основном лица, ориентированные на высокий заработок, но не слишком стремятся занять высокое положение в обществе, наименее творчески и общественно активны; скорее исполнители, чем лидеры, не склонны считать образование высокой ценностью. Для них важно, чтобы профессия помогала приносить им гарантированный заработок, не требуя от них самих больших материальных и моральных усилий.

Полученные портреты респондентов с разным типом трудовой мотивации позволяют сделать следующие выводы.

1. Наша методика выявляет группы респондентов с разными типами трудовой мотивации, том числе с доминирующими потребностями в творческих действиях.

2. Для фиксации пострыночных мотиваций трудовой деятельности экономически активного населения необходимо в список предлагаемых ответов на вопрос о причинах выбора/смены профессии обязательно включать вариант «творческая, исследовательская».

3. Респонденты, выбирающие при ответе на вопрос о причинах выбора/смены профессии вариант «профессия интересна, мне нравится», или *специалисты*, имеют гораздо более

¹ При выявлении трудовых мотиваций по типовой методике авторы респондентов делили на четыре группы: «Меркантильные», «Жертвы обстоятельств», «Инертные» и «Креативные». В группу «Креативные» зачисляли именно тех, кто при ответе на вопрос о причинах сохранения и/или смены работы выбирал вариант «работа интересная».

Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, 2009.

общих черт с исполнителями и сотрудниками, чем с креативными. Они, как и исполнители, мотивированы в большей степени на гарантии, чем на творчество, статус или общение, но, в отличие от исполнителей, гарантией их стабильности и безопасности является приобретаемая профессия.

Список литературы

1. Скворцова О.В. К вопросу о выявлении трудовых мотиваций экономически активного населения в условиях реформирования российского общества // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа: 2012. 472 с.

O. V. Skvortsova, Novosibirsk

PORTRAIT CHARACTERISTICS OF THE ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION WITH A DIFFERENT TYPE OF MOTIVATION

A technique to identify groups of respondents with different types of motivation, including creative. Documented differences in portrait characteristics of these groups. Proposals to amend the standard procedures relating to the identification of labor motivation of respondents.

Key words: human motivation, portrait characteristics, measurement technique.

УДК 338.48: 379.45

А. А. Чернега, Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ

Основное внимание в рамках данной работы уделяется проблеме социального конструирования туристических достопримечательностей. Данный процесс рассматривается автором, прежде всего, в качестве источника развития территории. Туристические достопримечательности выступают в роли социальных ресурсов, вокруг которых происходит структуризация разнообразных социальных практик. Само конструирование достопримечательностей – сложный и многоплановый процесс. Автор ставит акценты на таких важных вопросах как этапы, технологии и механизмы конструирования. В заключение автор приводит тезис о том, что рассматриваемый процесс служит одной из форм актуализации социокультурного потенциала территории.

Ключевые слова: социокультурный потенциал территории, конструирование достопримечательностей.

Проблема развития социокультурного потенциала является одной из наиболее острых и дискуссионных в современной социальной науке. Маргинальное положение данной проблемы в структуре знания отражает, с одной стороны, ее междисциплинарную специфику, с другой – слабую и «разрозненную» изученность.

В литературе встречается несколько подходов к пониманию категории социокультурного потенциала в целом. Т.И. Заславская предлагает такое определение: «социокультурный потенциал – это комплексная характеристика сравнительной силы и жизнеспособности крупных социальных общностей (государств, регионов, наций), их положения на глобальной шкале развития и их способности адаптироваться к вызовам внешней – мир-экономической, геополитической и природной – среды и преобразовывать ее в собственных интересах» [3, с. 16]. Социокультурный потенциал – это комплексное понятие, с точки зрения разных авторов включает социальный и культурный потенциалы, социально-экономический, духовный, человеческий, инновационный и другие формы потенциала. Введение категории социокультурного потенциала в поле регионалистики позволяет первому приобретать новый оттенок, связанный с отражением специфики развития конкретных территорий.

Социокультурный потенциал территории операционализируются через ряд «дочерних» категорий. Если говорить о социальном поле туризма, то в данном случае такой категорией выступает туристическая достопримечательность. Туризм можно рассматривать как разновидность устойчивой социальной практики, разворачивающейся вокруг конструирования туристических достопримечательностей, отражающих в объективной реальности сущностные черты географических мифов [5]. Центрообразующий элемент туризма – это туристическая достопримечательность. Под ней понимается элемент социального пространства (место, объект, явление), притягивающий устойчивый интерес туристов к месту своей номинации. Туристическая достопримечательность является социальным конструктом, т.е. продуктом взаимодействий различных акторов, существующим благодаря тому, что поддерживается этими акторами в ходе социальной деятельности. Идея туристической достопримечательности первостепенна по отношению к ее материализации. Вместе с этим туристическая достопримечательность выступает и структурным элементом общества. Вышесказанное позволяет использовать деятельностно-структурную методологию по отношению к исследованию туристических достопримечательностей. В рамках данной методологии не умаляется значение социальных структур, а обосновываются механизмы их формирования за счет учета роли социальных действий. Зарождение такого направления социальной мысли обязано идеям У. Томаса, П. Бергера и Т. Лукмана, а развитие – научному творчеству зарубежных и отечественных ученых, таких как М. Арчер, Ф. Барт, П. Бурдьё, Э. Гидденс, В.Л. Глазычев, В.И. Ильин, Л.Г. Ионин, П. Штомпка и некоторым другим.

Процесс формирования туристической достопримечательности движим логикой ее социального конструирования, т.е. «превращения географических названий в географические мифы, которые затем трансформируются в туристическую инфраструктуру и устойчивые туристические практики, привязанные к данному объекту» [4, с. 329]. Структурный анализ социального конструирования туристических достопримечательностей позволяет выделить этапы и технологии этого процесса, а также механизмы, его сопровождающие.

Рассмотрим подробнее этапы конструирования. Процесс конструирования начинается с номинации и позиционирования места. В первом случае речь идет о простой географической локализации будущей достопримечательности. Достопримечательность должна быть привязана к конкретному участку географического (физического) пространства, поскольку туризм, притом как местный, так и дальний, предполагает логику пространственной мобильности. Во втором случае речь идет об описании места и связанной с ним достопримечательности. Данный процесс предполагает сравнение места с другими, а также интеллектуальное и институциональное оформление ответа на вопрос, почему именно этот феномен, именно это событие должны быть достопримечательными в поле туризма. Здесь мы можем проследить логический переход достопримечательности из одного социального поля (например, из поля истории) в поле туризма. Достопримечательность (даже если это просто участок физического пространства) описывается с позиций ее историко-культурных, географических, экологических и других репрезентаций. Особое для туризма значение имеют описания с использованием слов «самый», «лучший», «уникальный» и т.п. Для позиционирования места и достопримечательности вовлекаются разнообразные средства: от научных исследований до вымысла возможных и невозможных фактов.

Благодаря позиционированию начинает складываться имидж достопримечательности, т.е. присущие ей особые, уникальные черты, отличающие ее от других объектов. Этот имидж необходимо внедрить в массовое сознание, т.е. диссеминировать его. Происходит это посредством различных способов, например, при помощи рекламы. Следующий этап – это организация инфраструктуры. Появляются дороги, гостиницы, кафе, другие точки обслуживания туристов, музеи и другие достопримечательности. «Мифическая» сила достопримечательности материализуется в виде этих проявлений. Появляются кадры, способные транслировать сложившийся миф далее.

Важным этапом становится показ достопримечательности. В определенном смысле это переломный момент, поскольку эффективность коммуникации с туристами в целях оправдания представления последних о географических мифах влечет за собой либо успех, либо неудачу процесса конструирования туристической достопримечательности в целом. Одним из этапов является формирование индустрии сувениров, которые призваны поддерживать материальную память туристических практик в пространстве и во времени.

Совокупность обозначенных выше этапов приводит к цепной реакции социального конструирования. Она имеет место в благоприятных ситуациях, когда туристы, посетив достопримечательное место, начинают распространять информацию об этом по собственным каналам.

Наконец, в качестве заключительных этапов рассматривается приобретение достопримечательностью символической ценности и превращение ее в статусный символ. В первом случае речь идет о том, что та или иная достопримечательность начинает рассматриваться в качестве визитной карточки местности (например, Красная площадь в Москве), во втором случае принадлежность к кругу потребителей достопримечательности означает ее особое положение в социальной иерархии туристов, т.е. начинает работать принцип: «если вы там не были, то многое потеряли».

Этапы конструирования скрепляются технологиями, под которыми понимаются траектории конструирования достопримечательностей, возникающие как общая инструментальная картина реализации этапов. Представленный ранее перечень этапов является классическим, однако он может иметь изменения. В одних случаях имеют место все этапы, а в других – лишь некоторые. Притом их реализация во времени может быть отличной. Это и является причиной нашего обращения к технологиями конструирования.

Наиболее распространенной технологией является брендинг. Данная технология базируется на основе символической капитализации достопримечательности. В результате вырастает бренд достопримечательности, как правило, функционирующий и в качестве территориального бренда – популярного способа актуализации социокультурного потенциала регионов [2].

Туристическая достопримечательность образуется в точке пересечения взаимодействий между условно называемыми «конструкторами» и «потребителями», образуя тем самым социальное поле. Под «конструкторами», начиная от политиков и заканчивая продавцами сувенирной продукции, стоит понимать социальных акторов, принимающих непосредственное и опосредованное участие в конструировании туристических достопримечательностей сверху. Напротив, «потребители» – это туристы, готовые воспринимать тот или иной продукт как достопримечательность и совершать физические перемещения различной дальности к месту локализации достопримечательности в целях ее потребления (осмотра, участия в мероприятии, покупки и т.п.). В результате туристическая достопримечательность может рассматриваться нами в качестве социального ресурса (главный элемент поля), вокруг которого и происходит структуризация социальных практик. За счет них образуются социальные институты (например, институт экскурсионного обслуживания, гостиничного бизнеса и т.д.) и институциональные отношения, как подчеркивает британский социолог Э. Гидденс [8, р. 83].

Общество – это совокупность бесчисленного количества социальных полей. Если вокруг конкретной достопримечательности образуется социальное поле, то оно, безусловно, сталкивается и пересекается с другими полями, в одних случаях меньших (индивидуальные), а в других – больших по сравнению с первым (поля политики, образования, информации и т.д.). На стыке этих полей с силовым полем, образующимся вокруг туристической достопримечательности, рождаются механизмы конструирования достопримечательностей. Если технологии отвечают на вопрос о том, каким образом формируется достопримечательность (как выстраиваются этапы), то механизмы указывают на то, за счет чего это становится возможным (кто/что этому способствует и почему это происходит). Технологии и механизмы – это теоретические конструкторы, в реальности они не существуют независимо друг от друга.

Наиболее распространенными механизмами являются информационные, политические и экономические. Работу любого механизма можно представить в виде совокупности социальных микропрактик с определенной логической структурой, включающей акторов (т.е. действующих лиц), средства деятельности, условия деятельности, способы деятельности.

Известность места – важный фактор наращивания капитала в его границах. Французский социолог А. Лефевр доказывает тезис о том, что «социальное пространство мыслится и проживается через пространственные репрезентации, являющиеся символами, способствующими включению индивида в это пространство» [9, р. 139]. Без информационного сопровождения туристической достопримечательности не существует самой достопримечательности. Информационные механизмы приобретают различные оттенки (историческое, географическое, актуальное и т.п. позиционирование достопримечательности). Основным средством в рамках информационных механизмов является реклама.

Политические механизмы конструирования туристических достопримечательностей работают на месте перекрестка политического поля с полем, образуемым вокруг достопримечательности. Политическое продвижение, лоббирование интересов государства – составляющие данного механизма. Достопримечательность может выступать в роли «пешки» в процессах взаимодействия между «сильными» публикациями. Актуальным может послужить пример с позиционированием села Изборск Псковской области как места, «откуда пошла земля русская» и соответственным восстановлением Изборской крепости. Не стоит забывать о том, что Изборск находится неподалеку от границы, разделяющей Псковскую область с Евросоюзом. Укрепление российской государственности вблизи пограничных территорий – одна из главных целей конструирования данной достопримечательности и яркий пример работы политических механизмов.

Экономические механизмы конструирования туристических достопримечательностей находят свое место, в основном, в пространстве предпринимательской и бизнес-деятельности, а также в качестве значимого фактора пополнения бюджета. Социологическое

исследование по стратегии развернутого кейс-стади, проводимое автором в нескольких малых городах России, претендующих на статус туристических центров, позволяет выявить особенности экономической эффективности развития туризма. Так, на примере двух малых городов Вологодской области – Кириллова и Великого Устюга – это явственно прослеживается. В первом случае известная достопримечательность Кирилло-Белозерский музей-заповедник (бывший монастырь – один из самых крупных в Европе) является градообразующим предприятием города – бюджет района пополняет на 4,7%, что на 0,7% больше, чем все расходы района на сферу культуры (стоит учесть, что сам музей имеет статус государственного учреждения) [7]. Во втором случае, как подчеркивает в интервью эксперт, конструирование Великого Устюга как Родины Деда Мороза положило начало активному включению местных предпринимателей в гостиничный бизнес – число гостиниц выросло до более чем двадцати (на начало работы проекта была лишь одна гостиница) [6]. П. Бурдьё определяет это в качестве эффекта пространственных прибылей локализации [1]. Туристические достопримечательности выполняет системообразующую функцию – их конструирование является первым звеном большой цепочки, включающей строительство дорог, появление гостиниц, точек питания и других форм обслуживания туристов, формирование новых рабочих мест, косвенной занятости и т.п.

Таким образом, социальное конструирование туристических достопримечательностей является одной из форм актуализации социокультурного потенциала территории. Территориальная идентичность вплетается в технологию брендинга за счет различных механизмов. Социально-конструктивистская природа достопримечательностей обрамляет тот потенциал, который содержит любая территория (регион). Туристическая достопримечательность выступает фактором притяжения туристических потоков в определенные участки пространства, следовательно, развитие туризма служит способом развития территории.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология политики: гер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993. 336 с.
2. Визгалов Д.В. Брендинг города. Москва: Фонд «Институт экономики города». 2011. 160 с.
3. Заславская Т. И. О социально-трансформационной структуре современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. 2000. №1. С. 15–19.
4. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008. 446 с.
5. Ильин В.В. Товар как социальный конструкт // Телескоп: наблюдения за жизнью петербуржцев. 2004. №2. С. 14–19.
6. Интервью с экспертом; июль 2014 г; г. Великий Устюг Вологодской области.
7. Интервью с экспертом; июль 2014 г; г. Кириллов Вологодской области.
8. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press. 1979.
9. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell. 1994. 464 p.

A. A. Chernega, St. Petersburg

SOCIAL CONSTRUCTING OF TOURIST SHOWPLACES AS A FORM OF ACTUATION OF TERRITORIAL SOCIOCULTURAL POTENTIAL

The paper is focused on the issue of social constructing of tourist showplaces as a factor of territorial development. Showplaces are social resources that facilitate the structuration of variety of social practices. The social construction of showplaces is a complicated and multi-faceted process. The paper stresses the importance of considering stages, technologies and mechanisms of social construction. In conclusion the author argues that the constructing of tourist showplaces serves as a factor of actuation of territorial socio-cultural potential.

Key words: territorial socio-cultural potential, social constructing of showplaces.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ «ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ»

От составителей

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН подготовил развернутый перечень аннотаций социологических исследований и публикаций их результатов по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» на основе материалов, представленных руководителями 25 региональных проектов. Поводом стали две совпавшие в 2014 году даты: **25 лет проведения мониторинга и 10 лет подготовки социокультурных портретов регионов.**

Основная задача перечня – стать библиографической базой, во-первых, для изучения процесса становления и эволюции **социокультурной компаративистики регионов** как нового научного направления в России; и, во-вторых, для углубленного, критического и конструктивного, не только внутрирегионального, но и **кроссрегионального, а также регионально-странового** анализа фактов, их оценок, обобщений и выводов относительно состояния, проблем и перспектив социокультурной эволюции России и ее регионов.

Этот анализ могут осуществлять не только исследователи высокой квалификации (кандидаты и доктора наук), но и студенты, магистранты, аспиранты при подготовке курсовых, дипломных, диссертационных работ по заданиям своих научных руководителей и по своей инициативе.

Поэтому считаем важным обеспечить достаточную полноту перечня исследований и публикаций (кроме совсем малозначимых, – по оценкам руководителей проектов, осуществивших отбор при подготовке исходных данных). **Этот перечень включает краткие аннотации около 70 социологических исследований (опрошены почти 80 тысяч респондентов и свыше 1500 экспертов) и более 1170 публикаций, в том числе свыше 100 коллективных монографий и сборников, авторами которых являются исследовательские коллективы 24-х регионов.**

Подчеркнем, что это отнюдь не все публикации участников, а только те, которые имеют прямое отношение к тематике проектов по нашей Программе.

Тем не менее, полный их перечень получился объемом свыше 9 п.л. Поэтому нет возможности опубликовать его в сборнике материалов Конференции-2014. Полностью он будет представлен в виде отдельного издания, которое сотрудники ЦИСИ презентуют участникам конференции в качестве подарка в связи с двойным юбилеем. Полностью он уже размещен на странице ЦИСИ сайта Института философии РАН: http://iph.ras.ru/soc_cult_changes.htm

Ниже приведен **сокращенный перечень**. Он содержит: а) справки-аннотации о формальных характеристиках социологических исследований; б) монографии, коллективные труды и сборники (кроме сборников материалов конференций, которые представлены в разделе 1 (п. 1.7), сведения о них даются в западной традиции – сначала фамилия ответственного редактора (составителя, с указанием этой его функции в скобках) – как важный ориентир для пользователя; затем – название, выходные данные. Перечни статей отсутствуют, приведено общее их число по регионам.

Н.И. Лапин, Л.А. Беляева

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ

Инструментарий всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России»

ЦИСИ Института философии РАН осуществляет мониторинг с 1990 г., каждые 4 года. Инструментарий мониторинга одновременно служит базовым для инструментария «Социокультурный портрет региона России», обеспечивая сопоставимость данных портретов с данными мониторинга (около 60% вопросов портрета воспроизводят вопросы мониторинга, в том числе полностью – блок вопросов о ценностях). Отметим, что за четверть века многие вопросы Мониторинга стали широко использоваться в инструментариях ряда других исследований, – уже как стандартные.

Мониторинг возник как одноименный исследовательский проект, который стал победителем первого конкурса Российского общества социологов, которое было создано в сентябре 1989 г. по инициативе Н.И. Лапина, избранного по итогам конкурса первым президентом РОС. Это обеспечило мониторингу организационную поддержку подразделений РОС, без которой исследование не могло состояться (иных ресурсов для его проведения не было).

Инструментарий создан в первой половине 1990 года, в результате интенсивной работы семинара творческого коллектива, в составе: Г.М. Денисовский, А.Г. Здравомыслов, П.М. Козырева, В.Ю. Копылова (Бойко), Н.И. Лапин (руководитель проекта), М.А. Макаревич, Н.Ф. Наумова, С.В. Туманов, В.А. Ядов, при участии ряда аспирантов и студентов. Ниже приведены публикации инструментария.

1. *Лапин Н.И.* Теоретико-методологические предпосылки и методические аспекты всероссийского исследования «Наши ценности сегодня» [первоначальное название мониторинга] / Тот же автор. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы). Приложение // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том I. М., 1992, №1. С. 29–37.

2. *Лапин Н.И.* Программа Всероссийского исследования «Наши ценности сегодня» (1990 г.) // Н.И. Лапин. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. Приложение 1. С. 176–184.

Второй опрос в рамках мониторинга проведен весной 1994 г., т.е. после распада СССР. При его подготовке потребовалась существенная доработка инструментария (кроме ценностного блока, который остается неизменным до настоящего времени); активное участие в его доработке приняла Л.А. Беляева. В приведенной ниже публикации содержится бланк интервью «Наши ценности сегодня», модифицированный для второго опроса респондентов. В последующих опросах сделаны минимальные изменения.

3. Бланк интервью «Наши ценности сегодня» // См.: Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: УРСС, 1996. Приложение. С. 176–221.

Инструментарий «Социокультурный портрет региона России»¹

1. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы: материалы [I] конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Ин-т философии РАН. 27 июня – 1 июля 2005 г.; М.: ИФ РАН, 2006. С. 11–84.

2. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России (Модификация 2010)». М.: ИФРАН, 2010. 112 с.

¹ Социологические исследования в регионах выполнены в соответствии с этим инструментарием. Поэтому в справках-аннотациях об этих исследованиях опущены ссылки на данный инструментарий.

С помощью специализированной **экспертизы** контролируется точное следование правилам заполнения **баз данных** (БД) каждого опроса в регионах. Это обеспечивает формальную идентичность БД всех портретных регионов и возможность обмена БД между регионами по их взаимному согласию. Обмен БД исключен, если не проведена экспертиза заполнения БД.

Индикаторы и индексы модернизации

(для анализа в контексте социокультурных портретов регионов России)

1. *Чжан Фэн*. Методы и индикаторы оценки всемирной модернизации // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. *Хэ Чуаньци*. М.: Изд-во «Весь мир», 2011. С. 59–67.

2. *Лапин Н.И.* Индикаторы и индексы модернизации [адаптированы к условиям российской статистики]. Приложение 1 // Тот же автор. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 22–25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исслед. Республики Башкортостан; редколл., предисл. Н.И. Лапин. Уфа: АН РБ, «Гилем», 2012. С. 14–18.

3. *Лапин Н.И.* Индикаторы и индексы модернизации [адаптированы к условиям российской статистики]. Приложение 1 // Тот же автор. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. М., 2012, №9. С. 6–9.

Коллективные монографии,

обобщающие результаты исследований по Программе в целом

1. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (сост., отв. ред.). Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте: коллект. монография. М.: Academia, 2009. 807 с.

2. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (сост., отв. ред.). Проблемы социокультурной модернизации регионов России: коллект. монография. М.: Academia, 2013. 415 с.

Сборники материалов ежегодных всероссийских

научно-практических конференций по результатам Программы

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы: материалы [I] конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / под ред. *Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой*. М.: Ин-т философии РАН. 27 июня – 1 июля 2005 г. М.: ИФ РАН, 2006. 282 с.

2. Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: сб. материалов [II] Всеросс. науч.-метод. конф. 14–16 сентября 2006 г. / отв. ред. В.В. Мельник. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2006. Ч. 1. 212 с. Ч. 2. 184 с.

3. Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай; КГУ. Курск, 2007. 259 с.

4. Социокультурные портреты регионов: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всеросс. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г. / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Чебоксары: Чебоксар. гос. ин-т гуманитар. наук (ЧГИГН), 2008. 304 с.

5. Социокультурные основания стратегии развития регионов России: сб. материалов V Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 6–9 октября 2009 г. Смоленск, Смоленский филиал ОРАГС / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Смоленск: Смоленск. филиал ОРАГС, 2009. 296 с.

6. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всеросс. науч.-практ. конф. Ульяновск, Ульяновск. гос. ун-т. 7–9 октября 2010 г. / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Ульяновск: Изд-во УЛГУ, 2010. 384 с.

7. Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сб. материалов VII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12–15 октября 2011 г., Казан. нац. исслед. технол. ун-т / редколл., предс. Н.И. Лапин. Казань, КНИТУ, 2011. 444 с.

8. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 22–25 октября 2012 г. Ин-т социально-политических и правовых исслед. Республики Башкортостан. Уфа / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Уфа: АН РБ, «Гилем», 2012. 472 с.

9. Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Вологда, Ин-т социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН), Вологда. 23–26 октября 2013 г. / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013 г. Части 1, 2, 3; 380, 232, 252 с.

10. Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 15–17 октября 2014 г. / редколл., предисл. Н.И. Лапин. Пермь, ПГНИУ, 2014.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

1. Город Москва

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН

Общая характеристика социологических опросов по программе мониторинга

Программа и методика исследования разработаны, анализ его результатов осуществлен Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН; руководитель ЦИСИ – член-корреспондент РАН *Николай Иванович Лапин*, заместитель руководителя – доктор социологических наук *Людмила Александровна Беляева*. Опросы выполнены методом интервью по месту жительства. Выборка репрезентативная по показателям: пол, возраст, населенный пункт, образование. Проведено 6 опросов через каждые четыре года (1990, 1994, 1998, 2002, 2006, 2010 гг.). По техническим причинам в 2014 г. опрос по программе мониторинга не был проведен, его выполнение планируется в 2015 г.

Финансирование опросов осуществлялось за счет грантов РГНФ на экспедиционные исследования, в 1990 г. – гранта РФФИ.

Опрос 1990 г.

Опрос проведен с середины июня до середины июля 1990 г. сотрудниками, аспирантами и студентами старших курсов социологического факультета МГУ (организаторы – С.В. Туманов, Б.Г. Григорьев), при поддержке ряда региональных отделений Российского общества социологов. Репрезентативность выборки обеспечили научные сотрудники Института социологии РАН (руководители – Г.М. Денисовский, П.М. Козырева). Квотная районированная выборка включала все виды населенных пунктов, вплоть до глухих деревень (до 300 км. от станции железной дороги). Опрошены 1000 респондентов из 12 регионов, расположенных по «кресту параллель-меридиан» (Москва, Санкт-Петербург, 7 областей и 3 автономных республики); а также, дополнительно – 450 респондентов в трех «горячих точках»: Новокузнецк, Норильск, Красноярск. После контроля были отобраны 1418 качественно заполненных бланков интервью. Математическая обработка данных на ЭВМ была выполнена в

вычислительном центре Института социологии АН СССР под руководством А.О. Крыштановского, И.Я. Миндлина.

Опросы 1994–2012 гг.

В каждой волне исследования проводилась корректная доработка инструментария с целью учета социально-экономических и политических изменений в обществе, а также для оптимизации числа вопросов в связи с объемом получаемого финансирования. В 1994, 1998 и 2002 гг. полевые работы по репрезентативной квотной выборке были выполнены Центром социального прогнозирования и маркетинга (директор Ф.Э. Шереги). 1994 г. n = 1062; 1998 г. n = 1054; 2002 г. n = 1006.

В 2006 и 2010 гг. опросы проведены Институтом сравнительных социальных исследований (директор к.ф.н. В.Г. Андреенков, руководитель опроса – кандидат политических наук Андрееenkova А.В.). 2006 г. n = 1200; 2010 г. n = 1163.

Во всех опросах обеспечена статистическая погрешность не более 3%.

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия.

1. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (отв. ред.). Ценности социальных групп и кризис общества. М.: ИФ РАН, 1991. 152 с.

2. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (сост., отв. ред.). Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 245 с.

3. *Лапин Н.И.* (рук.), *Беляева Л.А.* (отв. ред.), *Здравомыслов А.Г., Наумова Н.Ф.* Динамика ценностных ориентаций населения России. М.: Центр комплексных исследований и маркетинга, 1995. 65 с.

4. *Беляева Л.А.* (отв. ред.). Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995. 92 с.

5. *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., ИФРАН, 1997. 173 с.

6. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (сост., отв. ред.). Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 221 с.

7. *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.

8. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: десять лет постсоветского развития. М., 2001. 286 с.

9. *Андрееenkova А.В., Беляева Л.А.* (сост., общ. ред.). Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М.: Academia, 2009. 384 с.

10. *Калюжная (Касавина) Н.А.*, (соавт. *Бочарникова И.С., Кулибаба С.И.*) Народная культура в современных условиях: стратегия сохранения национальной идентичности. Астрахань, Издательство Астраханского государственного университета, 2010. 265 с.

11. *Калюжная (Касавина) Н.А.* (соавт. *Винокурова Л.И., Доду Я.И.*). Экзистенциальные основания и социально-психологические аспекты адаптации коренного населения к миграционной ситуации. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та. 2010. 218 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 107 названий.

2. Брянская область

Публикации

Статьи, тезисы докладов, главы в монографиях: 4 названия.

3. Владимирская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Эмпирическое исследование выполнено под руководством *Евгения Александровича Плеханова* (Владимирский филиал РАНХиГС) в марте – мае 2012 г. (кафедра социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС) по репрезентативной региональной выборке. Всего методом интервью по месту жительства опрошено 1000 жителей Владимирской области. Выборка квотная по полу, возрасту и месту жительства. Статистическая погрешность не более 3,4%.

Опрос проведен при поддержке РГНФ, грант № 12-13-33004.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Плеханов Е.А.* (общ. ред.). Социокультурная сфера Владимирской области: опыт активной дескрипции. Владимир: Изд-во Владимир. филиала РАНХиГС, 2012. 250 с.

2. *Плеханов Е.А.* (отв. ред.), *М.В. Калмыкова, Д.И. Петросян* Социокультурные ценности жителей Владимирской области. Владимир: Владимир. филиала РАНХиГС, 2013. 276 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 23 названия.

4. Курская область

Справка-аннотация о социологических опросах

В рамках социологического мониторинга сотрудниками кафедры социологии и политологии, научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета (руководитель проектов – зав. каф. социологии и политологии КГУ, д.филос.н, проф. *Евгения Анатольевна Когай*, руководитель полевых исследований – к.соц.н., доц. *Юлия Михайловна Пасовец*) проведены три массовых социологических опроса населения региона в 2007 г. (N=1128 человек), в 2009 г. (N=1000 человек) и 2012 г. (N=1000 человек). Ошибка выборки по одному контролируемому признаку в каждом из опросов не превышает 3%.

Опросы населения проводились в 2007, 2009, 2012 годах – в мае-июне.

В 2007 г. проведены три экспертных опроса, В 2012 г. – еще один опрос. Проведение социологического мониторинга в Курской области поддержано (РГНФ).

Публикации

Монографии, сборники научных работ, аналитические отчеты

1. *Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А.* Опыт построения социологического портрета региона. Курск, 2006. 102 с.

2. *Когай Е.А., Пасовец Ю.М.* Социокультурный потенциал развития Курской области: аналитический отчет по результатам социологического исследования. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 61 с.

3. *Когай Е.А.* (ред.) Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Курск, 25–28 сентября 2007. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 259 с.

4. *Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А.* Социокультурный портрет Курской области. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. 227 с.

5. *Когай Е.А., гл. ред.* Настоящее и будущее регионов Центральной России: материалы Всеросс. науч.-практ. конференции. Курск: Курск. гос. ун-т, 2009. 262 с.

6. *Когай Е.А.* Социальное самочувствие и гражданская активность населения региона: аналитический отчет. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. 68 с.

7. *Пасовец Ю.М.* Социальные ресурсы и ограничения развития региона в контексте общероссийских изменений. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2010. 151 с.

8. *Когай Е.А., Горемычкин Р.С., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А.* Курская область в динамике социокультурных измерений. – Курск: ООО «Учитель», 2011. 260 с.

9. *Когай Е.А.*, (ред). Позиционирование имиджа региона в пространстве коммуникаций: Курская область. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2012. 171 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 173 названия.

5. Смоленская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования – *Винокуров Александр Иванович*, кандидат психологических наук, доцент (первый заместитель директора Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы (Смоленский филиал ОРАГС; в настоящее время – и.о. проректора по научной работе Смоленского государственного института искусств).

Опрос проведен в 2006-2007 гг.; N=1008, статистическая ошибка – до 3%. Проведен опрос 30 экспертов. Исследование проведено при поддержке РГНФ.

Публикации

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 27 названий.

6. Тульская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования *Василий Иванович Мосин* – кандидат философских наук, генеральный директор Тульского социологического центра (кафедра философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого). N=516, статистическая погрешность 1%. При финансовой поддержке РГНФ.

Экспертные опросы: 10 опросов, 2008–2014 гг.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Социологический портрет Тульской области: монография / В.И. Мосин, М.С. Журавлев, Ю.В. Назарова, А.В. Романов; под общ. ред. В.И. Мосина. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008. 104 с.

2. Социокультурный портрет Тульской области: монография / В.И. Мосин, М.А. Загибалова, Ю.В. Назарова, А.В. Романов; под общ. ред. В.И. Мосина. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. 125 с.

3. Тульская область в условиях финансово-экономического кризиса: монография / В.И. Мосин, М.А. Загибалова, Ю.В. Назарова, А.В. Романов, А.В. Слобожанин; под общ. ред. В.И. Мосина. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 187 с.

4. Социокультурный потенциал развития Тульской области в условиях финансово-экономического кризиса: монография / В.И. Мосин, М.А. Загибалова, Ю.В. Назарова, А.В. Романов, А.В. Слобожанин; под общ. ред. В.И. Мосина. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 179 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 47 названий.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

7. Город Санкт-Петербург

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования – *Любовь Александровна Лебединцева* кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии социологического факультета Санкт-Петербургского университета.

Проведен опрос населения города Санкт-Петербурга в период с марта по апрель 2014 года в соответствии с Типовой методикой ЦИСИ ИФ РАН. N=1000. Данные находятся в процессе обработки. Экспертный опрос планируется осенью 2014 г.

Публикации

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 7 названий.

8. Республика Карелия

Справка-аннотация о социологическом опросе

Руководитель исследования – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Петрозаводского государственного университета *Василий Михайлович Пивоев*. Получены 956 заполненных бланков интервью. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия.

1. *Пивоев В. М.* Этнос и нация: проблемы идентификации. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 112 с.

2. *Пивоев В. М.* Социокультурный портрет Республики Карелия: По результатам социологического исследования / В.М. Пивоев, В.Н. Бирин, Л.П. Швец, Н.В. Ижикова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 156 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 34 названия.

9. Вологодская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководители исследования: зам. директора, зав. отделом, д.э.н. *Александра Анатольевна Шабунова*, зам. директора, ученый секретарь, д.э.н. *Константин Анатольевич Гулин* (Институт социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), отдел исследований уровня и образа жизни населения).

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Социологические опросы приводились в 2008 г. (N=1516), 2010 г. (N = 1519), в 2012 г. (N =1325) типовая анкета-опросник была незначительно изменена в соответствии с новым техническим заданием (ИСЭРТ РАН). В 2009 г. проведено углубленное интервью (N=75) Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между группами «руководителей», «экспертов», «реалистов» и «низкостатусных»; половозрастной структуры взрослого населения региона. Исследование проходило при поддержке РГНФ.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 131 с.
2. Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева // Тенденции и проблемы развития региона : научные труды : в 4 т. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. Т. 3. Ч. 2. С. 292–412.
3. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.
4. Эволюция регионов России и стратегия их социокультурной модернизации. Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов»; редколл, предисл. Н.И. Лапин (г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.): в 3 ч. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 42 названия.

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

10. Астраханская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования – кандидат социологических наук, доцент *Екатерина Владимировна Каргаполова* (лаборатория социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института). Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600) (руководители: кандидат политических наук, доцент А.Ю. Арясова, Е.В. Каргаполова), за счет средств внутривузовского научного гранта (проект 94-2012-Н «Социологический мониторинг как технология управления регионом»). Погрешность выборки – 3%.

Экспертный опрос проведен в сентябре-октябре 2011 г. (N = 20).

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Каргаполова Е.В.* Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Л. А. Лебединцева, Ю.И. Убогович. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2010. 307 с.
2. *Каргаполова Е.В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / под общ. науч. ред. проф. Н. В. Дулиной. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. 375 с.
3. *Арясова А.Ю. и др.* Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / А.Ю. Арясова, Д.П. Ануфриев, Л.В. Боронина, Е.С. Дегтярева, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, Н.А. Овчар, В.В. Токарев. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012.
4. *Арясова А.Ю. и др.* Регион: пространство смыслов и содержание / А.Ю. Арясова, Д.П. Ануфриев, Е.О. Беликова, Н.В. Дулина, И.Н. Наумов, В.А. Парамонова, М.А. Симоненко, В.В. Токарев; под общ. ред. Н.В. Дулиной, Е.В. Каргаполовой. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. 294 с.
5. *Аксютин И.В. и др.* Образование в современном российском регионе: качество, состояние, проблемы, тенденции / И.В. Аксютин, И.В. Беседина, Ю.Л. Дмитриева,

Е.В. Каргаполова, Н.М. Качуровская, С.Б. Медведев, М.А. Семенова, С.А. Таран, Ю.А. Шуклина; под общ. ред. Е.В. Каргаполовой. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. 194 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 57 названий.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

11. Чеченская республика

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель регионального проекта и организатор социологического исследования – кандидат социологических наук, доцент *Муса Мовлиевич Юсупов* (кафедра теории и истории социальной работы Чеченского госуниверситета). Проект выполнен при финансовой поддержке РГНФ. Опрос проводился в октябре-ноябре 2009 г. N=1000. Выборка имеет допустимую погрешность – 3–4%.

Опрос экспертов, N=27.

Публикации

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 9 названий.

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

12. Республика Башкортостан

Справка-аннотация о социологических опросах

1. «Развитие человеческого потенциала в Республике Башкортостан». Организатор исследования: Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (ИСППИ РБ). Руководитель проекта: директор Института, кандидат социологических наук *Рим Марсович Валиахметов*, N= 3000. Сроки полевых работ: 2 июля – 2 августа 2007 г.

2. «Демографическое развитие Республики Башкортостан». Организатор исследования: ИСППИ РБ. Руководители проекта: Валиахметов Р.М., к. соц. н., Хилажева Г.Ф., к. и. н. N=1000 чел. Сроки полевых работ: ноябрь – декабрь 2007 г.

3. Экспертный опрос «Семья и семейная политика в Республике Башкортостан». Организатор исследования: ИСППИ РБ. Руководители проекта: Бурханова Ф.Б., д.соц.н., Валиахметов Р.М., к. соц. н. Объект исследования: эксперты в области семьи и семейной политики. Выборка: стратифицирована по сферам деятельности экспертов. N=309. Срок проведения проекта: июль 2010 г.

4. «Семья и семейная политика в Республике Башкортостан». Организатор исследования: ИСППИ РБ. Руководители проекта: Бурханова Ф.Б., д. соц. н., Валиахметов Р.М., к. соц. н. N=721 чел. Объект исследования: домохозяйства с детьми РБ. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Срок проведения проекта: август-сентябрь 2010 г.

5. «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан». Организаторы исследования: Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН), Башкирский филиал Института социологии РАН (БФ ИС РАН), ИСППИ РБ. Руководитель проекта Валиахметов Р.М., к. соц. н., Мажитова А.Р., к. филос. н., Хилажева Г.Ф. к. и. н. N= 1 292 чел. Сроки полевых работ 23 мая – 20 декабря 2011 г.

6. «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан». Организаторы исследования: Институт социологии РАН (ИС РАН), Башкирский филиал Института социологии РАН (БФ ИС РАН). Руководитель общероссийского проекта Горшков М.К., академик РАН, руководитель башкортостанской части проекта Валиахметов Р.М., к. соц. н. N=2014 чел. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Сроки полевых работ: апрель – май 2011 г.

7. «Социально-экономическое и национально-культурное развитие РБ». Организаторы исследования: Институт социологии РАН (ИС РАН), Башкирский филиал Института социологии РАН (БФ ИС РАН), ИСППИ РБ. Руководитель общероссийского проекта Дробижеева Л.М., д. и. н., руководитель башкортостанской части проекта Валиахметов Р.М., к. соц. н. N= 1026 чел. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Срок проведения проекта: сентябрь-октябрь 2011.

8. «Трудовые ресурсы, занятость и человеческое развитие». Организатор исследования: ИСППИ РБ. Руководитель проекта: Валиахметов Р.М., к. соц. н. N=1 001 чел. Объект исследования: экономически активное население РБ от 18 до 72 лет. Сроки полевых работ: июль-сентябрь 2012 г.

9. Республиканский социологический мониторинг «Социально-политическое и экономическое развитие Республики Башкортостан», 8 волн. Организатор исследования: ИСППИ РБ. Руководитель проекта: Валиахметов Р.М., к. соц. н. N= от 1000 до 1500 человек в разных волнах исследования. Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Этапы волн: 2010–2014 гг. Исследования выполнены при поддержке РГНФ:

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2009. 352 с.

2. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исслед. РБ. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012.

3. Социокультурный портрет Республики Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. 228 с.

4. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2013. 283 с.

5. Демографический потенциал Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития / отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева; сост. Н.К. Шамсутдинова. Уфа: АН РБ, Гилем, 2013. 320 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 16 названий.

13. Республика Татарстан

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследований профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии *Александр Леонидович Салагаев* (Центр аналитических исследований и разработок, кафедра социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета).

2007 г. – интервью по месту жительства (N=1516). Статистическая ошибка – 3,5 %. Финансовая поддержка РГНФ.

2009 г. проведен опрос методом интервью по месту жительства. N=1625, статистическая ошибка – 3,5 %. Финансовая поддержка РГНФ.

Экспертный опрос проведен в мае и сентябре 2010 г. N= 25: 8 журналистов, 8 чиновников государственного и муниципального уровней, 9 ученых.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Салагаев А.Л.* Социокультурный портрет Республики Татарстан / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева. Казань: КГТУ, 2009. 128 с.
2. Новые проблемы социокультурной эволюции регионов / Материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (12–15 октября 2011 г.). Казань: КНИТУ, 2011. 444 с.
3. *Салагаев А.Л.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева. Казань: КНИТУ, 2011. 252 с.
4. *Салагаев А.Л.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева. Казань: КНИТУ, 2011. 252 с.
5. *Салагаев А.Л.* Республика Татарстан: социокультурный портрет в динамике развития / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2012. 180 p.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 18 названий.

14. Чувашская Республика

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования – кандидат исторических наук *Валентина Григорьевна Харитоновна*. Исследование проведено Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в июле 2006 г. и в августе 2012 г. (соответственно N=998 и N= 100).

Дополнительно в обе анкеты по Чувашии были включены вопросы о родном языке; в анкету 2012 г. – об этнической, региональной и общегражданской идентичностях; о потенциальных ограничениях для приезда в Чувашию жителей из российских республик Северного Кавказа и государств Закавказья и Средней Азии; об уровне среднемесячной зарплаты в 2011 г. и о показателях отнесения себя к конкретным социальным слоям.

Опросы проходили при финансовой поддержке РГНФ.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с.
2. *Иванова Н.М.* Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 98 с.
3. Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всеросс. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН; ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2008.
4. *Семедова-Полупан Н.Г.* Общественная экспертиза эффективности государственной и муниципальной службы в Чувашской Республике. Чебоксары: Новое время, 2012. 144 с.
5. *Семедова-Полупан Н.Г.* Оценка эффективности государственной и муниципальной службы в Чувашии. Опыт социологического исследования. Изд. Дом: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 39 названий.

15. Пермский край

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования *Елена Борисовна Плотникова* – канд. ист. наук, зав. кафедрой социологии и политологии, директор Пермского центра социального партнёрства и социологических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

Первый опрос проходил в мае-июне 2006 г. N=1000. Проект финансировался РГНФ – грант №05-03-82302 а/У).

Вторая волна опроса проходила в марте-апреле 2011 г. N=1000.

Методология и типовой инструментарий Программы послужили основой для разработки четырех самостоятельных научных проектов, получивших финансовую поддержку РНГФ и Министерства образования и науки РФ.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Борисова Н.В. и др.* Межсекторное взаимодействие / К.А. Воронова, И.А. Германов А.Е. Кузнецов, К.А. Петухов, Е.Б. Плотникова, Е.В. Плотникова, Г. Утробина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2010. 268 с.

2. *Гордеева С.С. Лебедева-Несевря Н.А.* Социология здоровья: учеб. пособие для студ. вузов / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 238 с.

3. *Лебедева-Несевря Н.А.* Социальные факторы риска здоровью населения: опыт эмпирического исследования / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 192 с.

4. *Лебедева-Несевря Н.А.* Социология здоровья: практикум / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 236 с.

5. *Плотникова Е.Б., Борисова Н.В., Германов И.А., Хачатрян Л.А., Попов В.Г.* Социологический портрет Пермского края: региональные социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций / под общ. ред. Е.Б. Плотниковой и Н.В. Борисовой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2008. 164 с.

6. *Плотникова Е.Б. и др.* Социокультурные особенности городских сообществ Пермского края: монография / Н.В. Борисова, И.А. Германов, Л.А. Хачатрян, К.А. Петухов, Н.А. Лебедева-Несевря, К.В. Ворнова, В.С. Волегов, Е.А. Алтынцева, А.Е. Кузнецов, Е.В. Плотникова; под общ. ред. Е.Б. Плотниковой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 234 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 96 названий.

16. Самарская область

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Гладов А.В., Исупов А.М., Мартышкин С.А. Прохоров Д.В., Тарасов А.В., Тюкавкин Н.М., Цлаф В.М.* Методические рекомендации по внедрению механизма государственно-частного партнерства в социально-культурную сферу Самарской области: образование, здравоохранение, культура и молодежная политика, физическая культура и спорт, социальная защита, семейная политика. Самара: Глагол, 2008. 71 с.

2. *Ардасова О.О., Ахтямов М.К., Горбачев Н.И., Мартышкин С.А.* Проблемы обеспечения конкурентоспособности социально-экономических систем. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2009. 153 с.

3. *Исупов А.М., Карпов И.В., Мартышкин С.А., Прохоров Д.В., Цлаф В.М., Шабунин Д.М.* Самарская область. Социокультурный портрет. Монография. Самара: Глагол, 2012. 320 с. илл.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 24 названия.

17. Ульяновская область

Справка-аннотация о социологических опросах

1. Опрос выполнен кафедрой социологии и политологии Ульяновского госуниверситета. Руководитель доктор политических наук, заведующая кафедрой *Нина Владимировна Дергунова*. N = 1102. В ходе проведения исследования контролировались квоты по районам Ульяновской области, типам поселений (городское, сельское), полу и возрасту. Финансовую поддержку оказал РГНФ.

Кроме массового опроса были проведены 10 экспертных опросов и фокус-групп.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области: коллект. монография / под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. Ульяновск: УлГУ, 2008. 131 с.

2. Динамика социокультурного развития Ульяновской области: 1991–2008 годы: коллект. монография / под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. Ульяновск: УлГУ, 2009. 179 с.

3. Ульяновская область: социокультурный портрет: материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2009. 196 с.

4. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всеросс. науч.-практ. конф. 7–9 октября 2010 г. Ульяновск: УлГУ, 2010. 383 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 87 названий.

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

18. Свердловская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования доктор социологических наук *Иван Адамович Кох* (кафедра теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАН-ХиГС). N= 1200. Опрос был проведен в трех городах – муниципальных образованиях: Заречный, Североуральск, Камышлов, по 400 человек в каждом городе по репрезентативной выборке.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Кох И.А. Управление социокультурными изменениями в регионе. Екатеринбург, УрАГС, 2011.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 36 названий.

19. Тюменская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководители исследования: доктор социологических наук, профессор, заместитель директора финансово-экономического института Тюменского государственного университета **Гульнара Фатыховна Ромашкина** и доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии, профессор, зав. кафедрой **Владимир Александрович Давыденко** (Тюменский государственный университет).

Опрос проводился методом поквартирного интервью, выборка квотная по территории, типам населенного пункта, половозрастной структуре с контролем по уровню образования. В целом по Тюменской области в 2006 г. опрошено 4000 человек, а также 90 человек по анкете эксперта.

В 2009 г. опрошено 4510 человек по массовой анкете и 60 человек по анкете эксперта.

В 2011 г. всего опрошено 5567 человек, в том числе: юг области – 2335, ХМАО – 2264, ЯНАО – 968 респондентов;

В 2013 г. всего опрошено 3054 человек, в том числе: юг области – 1271, ХМАО – 1301, ЯНАО – 482 респондентов.

Выборка репрезентирует население юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) по половозрастной структуре сельского/городского населения с ошибкой не выше 3%.

Стандартная ошибка выборки в целом по области по формуле Паниотто $\Delta = 1,8 \%$. В разрезе субъектов Российской Федерации ошибка выборки – 2,8%, 2,8 % и 4,5% по Югу, ХМАО и ЯНАО соответственно. Структура выборки по полу, возрасту, типу населенных пунктов соответствует структуре населения Тюменской области в разрезе трех субъектов Федерации, ошибка выборки не превышает 3%.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007. 92 с.

2. Социокультурный портрет Тюменской области: коллект. монография / под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная дума, 2009. 92 с. URL: [http:// old.duma72.ru/Files/izd/sozportret1.pdf](http://old.duma72.ru/Files/izd/sozportret1.pdf).

3. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области // Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллект. монография / науч. ред. А.А. Давыденко. Тюмень: ООО «Вектор Бук», 2011. 148 с. URL: [http:// www.utmn.ru/?showdoc=7747](http://www.utmn.ru/?showdoc=7747).

4. Социокультурный портрет Тюменской области: коллект. монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин; авторский коллектив: В.А. Давыденко, Е.В. Андрианова, Е.П. Данилова, А.И. Ковальчук, Т.В. Комбарова, Г.С. Корепанов, Т.В. Манокина, И.Ф. Печеркина, Г.Ф. Ромашкина, А.Н. Тарасова, М.В. Худякова, А.Л. Чеблаков, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та. 2011. 403 с.

5. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона / Е.В. Андрианова, И.Я. Арбитайло, Р.М. Ахмедзянова, В.А. Давыденко, Я.Н. Дашина, Т.В. Комбарова, Н.В. Красовская, И.Ф. Печеркина, Г.Ф. Ромашкина, М.В. Степанова, А.Н. Тарасова, Л.М. Ужахова, М.В. Худякова. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, Тюменская областная Дума, 2013. 330 с. URL: <http://www.duma72.ru/ru/library/publications/>.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 46 названий.

20. Челябинская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования *Сергей Григорьевич Зырянов*, доктор политических наук, профессор, директор Челябинского филиала РАНХиГС. Исследования проведены Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС.

Июль–август 2011 г. – стандартизированный опрос населения Челябинской области по методике ЦИСИ ИФ РАН; n= 1000 человек. Метод – интервью по месту жительства. Критерии репрезентативности – пол, возраст, образование, тип поселения; стат.погрешность $\pm 3\%$;

Июль–август 2012 г. – серия глубинных интервью (n=120) на трех территориях Челябинской области: г.Челябинск (крупный промышленный центр), г. Миасс – средний город горнозаводской зоны, с.Аргаяш – центр аграрного района, концентрация татаро-башкирского населения; при поддержке РГНФ (проект №11-03-00655а «Социокультурный портрет Челябинской области»);

Июль–август 2012 г. – экспертный опрос в Челябинской области (n=150) среди представителей органов власти, бизнеса, преподавателей и научных работников, общественных организаций и политических партий, СМИ;

Все опросы проведены при поддержке РГНФ.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия.

1. *Зырянов С.Г. и др.* Челябинская область: социокультурный портрет: коллект. монография / С.Г. Зырянов С.Р. Абрамкина, О.Р. Абрамовская, Д.В. Аверьянова, О.С. Буторина, К.С. Иголкин, С.В. Нечаева, С.С. Смирнов, Е.А. Терещук, Н.З. Торгай, Ю.Н. Хмара. 2013. [Эл. вариант] // Официальный сайт РГНФ. URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/rezultaty/nauchno-populyarnye-izdaniya/298-scipor2013>.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 29 названий.

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

21. Красноярский край, Республики Хакасия

Справка-аннотация о социологических опросах

Опросы выполнены научным коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора, заведующего отделением социологии и общественных связей *Валентина Геннадиевича Немировского* (Красноярск, Сибирский федеральный университет), в рамках реализации в регионах Программы ЦИСИ ИФ РАН «Социокультурная эволюция регионов России».

В 2010–2014 гг. проводились опросы населения методом формализованного интервью в двух регионах СФО: в Красноярском крае и Республике Хакасия. Опросы проводились по месту жительства респондентов.

1.1. Опросы населения Красноярского края:

1. В 2010 г. n = 1000 респондентов, исследование выполнено при поддержке РГНФ.
2. В 2012 г. n = 1300 респондентов, исследование выполнено при поддержке РГНФ,
3. В 2014 г. n = 1000 респондентов, исследование выполнено при поддержке РГНФ.

1.2. Опрос населения Республики Хакасия:

1. В 2010 г. n = 600 респондентов, исследование выполнено при поддержке РГНФ,
2. Три экспертных опроса.

3. Опросы населения методом полужормализованного интервью:

1. 2012 г. (весна) полуформализованные интервью с населением Красноярского края – 192 чел. Исследование выполнено при поддержке РГНФ.
2. 2012 г. (лето) Красноярск, полуформализованные интервью с населением, 100 чел.
3. 2013 г. полуформализованные интервью с населением Красноярского края – 520 чел.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Социокультурный портрет Красноярского края: монография. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 264 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
2. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.): монография / отв. ред. А.В. Немировская. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2011. 206 с. URL: <http://publications.hse.ru/books/76303734>.
3. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2011. 158 с. URL: <http://publications.hse.ru/books/76303886>.
4. *Немировская А.В.* Социокультурный портрет студентов Красноярского края. Эмпирические аспекты (на материалах социологических исследований в 2008–2010 гг.): монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2012. 142 с. URL: <http://publications.hse.ru/books/76304182>.
5. *Немировский В.Г.* Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.): монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2012. 212 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
6. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе в 2010–2012 гг.): монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2012. 248 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
7. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Социокультурная модернизация регионов Сибири: монография. Санкт-Петербург: Петрополис, 2013. 250 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 42 названия.

22. Новосибирская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководитель исследования доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного технического университета **Владимир Игоревич Игнатьев**.

2009–2010 г. Опрос жителей городских поселений Новосибирской области. N= 500 чел. Статистическая ошибка 5%.

2012 г. Опрос сельских жителей Новосибирской области. N= 521 чел. Метод-стандартизованное личное интервью.

2013 г. Опрос студентов вузов Новосибирска. N= 500 чел.

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Шурбе В.З., Пузиков В.Г.* Молодежная политика и качество жизни молодежи / Омск. гос. пед. ун-т. Омск: Наука, 2010. 143 с.
2. *Шурбе В.З., Лопуха А.Д.* Молодое поколение и молодое пополнение. Новосибирск: НВВКУ, 2010.

3. Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: коллект. монография / отв. ред. В.И. Игнатъев; научн. ред. Е.Б. Мостовая. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. 264 с. (Сер. «Монографии НГТУ»).

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 9 названий.

23. Омская область

Публикации

Монографии, сборники научных работ, учебные пособия

1. *Безбородова Т.М.* Социальные и трудовые практики регулирования внешней трудовой миграции в России. Омск: Омскбланкиздат, 2012.
2. *Кузменков Р.А.*, *Половинко В.С.* Управление персоналом в российском филиале международной компании. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2011 188 с.
3. *Половинко В.С. и др.*, Социокультурный портрет Омской области / В.С. Половинко К.И. Богомазов, В.А. Давыденко, А.В. Денежкина, Г.М. Чердынцев / сост. и общ. ред. В.С. Половинко; Омск. гос. ун-т. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. 411 с. <http://WWW.SocRegion.OmEco.Ru/Publications>.
4. *Половинко В.С. и др.*, Социокультурный портрет Омской области / С.Н. Апенько, О.Н. Бибик, К.И. Богомазов, А.В. Денежкина, А.М. Киселева, С.Н. Кужева, М.А. Миллер, И.Б. Соловейкина, Г.М. Чердынцев, В.Б. Яшин. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011 396 с. URL: <http://socregion.omeco.ru/Publications/OmSU/2011/Monograph-2011>.
5. *Чижик В.П.*, *Половинко В.С.* Современная роль профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений в организации. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2011. 368 с.

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 49 названий.

24. Томская область

Справка-аннотация о социологических опросах

Руководители проекта: от Томского государственного университета – доктор социологических наук, проф. **Артем Юрьевич Рыкун** (кафедра социальной работы Томского государственного университета, кафедра социологии ТГУ); от Томского государственного педагогического университета – кандидат медицинских наук, доцент **Татьяна Алексеевна Булатова** (кафедра рекламы и связей с общественностью ТГПУ).

Социологические опросы были проведены с июня по декабрь 2011 г. N=750.

3 экспертных опроса

Опросы проводились при поддержке РГНФ.

Публикации

Главы в монографиях, статьи, тезисы докладов: 8 названий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Владимирская область

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Плеханов Евгений Александрович – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Курская область

Когай Алексей Аркадьевич – аспирант Курского государственного университета.

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета.

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент Курского государственного университета.

Яцкова Дарина Сергеевна – студент 3 курса Курского государственного университета.

Смоленская область

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств.

Тульская область

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент генеральный директор Тульского социологического центра.

Слобожанин Алексей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Москва, город федерального значения

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Касавина Надежда Александровна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, председатель Научно-координационного совета «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Секции ФПСПП Отделения общественных наук РАН.

Пялясов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики СОПС.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Вологодская область

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН.

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом Института социально-экономического развития территорий РАН.

Санкт-Петербург, город федерального назначения

Козлов Владимир Александрович – кандидат экономических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук, доцент Санкт-петербургского государственного университета.

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института «Высшая школа экономики».

Чернега Артем Андреевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Астраханская область

Беккалиева Анара Романовна – студент 5 курса Астраханского инженерно-строительного института.

Каргаполова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и лингвистики Астраханского инженерно-строительного института.

Каргаполов Станислав Викторович – магистрант кафедры культурологии Астраханского государственного университета.

Волгоградская область

Дроздова Юлия Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета.

Токарев Василий Владимирович – кандидат технических наук, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Чеченская Республика

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент, директор Центра социально-стратегических исследований.

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Республика Башкортостан

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, заведующая сектором социального проектирования Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, доцент, докторант кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник Башкирского филиала ИС РАН.

Мажитова Альфира Раисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан.

Сарваров Ленир Венерович – кандидат технических наук, магистрант Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Ягафарова Дилара Гафуровна – магистр социологии, научный сотрудник сектора социального проектирования Центра изучения человеческого потенциала Института социально-политических и правовых исследований республики Башкортостан.

Чувашская Республика

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социальных технологий Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, доцент Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Харитонов Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Пермский край

Витковская Татьяна Борисовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН.

Воронова Ксения Андреевна – ассистент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Германов Игорь Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ковин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН.

Кузнецов Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Игнатьева Оксана Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического колледжа.

Лысенко Олег Владиславович – кандидат социологических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Петухов Константин Алексеевич – кандидат политических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Маркова Юлия Сергеевна – аспирант, ассистент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Михалева Альбина Викторовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского научного центра УрО РАН.

Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, профессор, заведующий Отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН.

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Прокофьева Алена Викторовна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Стегний Василий Николаевич – доктор социологических наук, профессор Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хачатрян Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Яковлева Ольга Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Самарская область

Прохоров Денис Викторович – старший преподаватель Самарского государственного университета.

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, руководитель группы «Экономика природопользования» Института экологии Волжского бассейна РАН.

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой управления Тольяттинский филиал Самарского государственного университета.

Саратовская область

Логинова Лариса Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии.

Хачатрян Гаянэ Альбертовна – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента и логистики Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.

Ульяновская область

Власова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Свердловская область

Кох Иван Адамович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой философии и культурологии, руководитель социологической лаборатории Уральского государственного горного университета.

Тюменская область

Андреанова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного университета.

Арбитайло Ирина Яновна – ассистент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета.

Ахмедзянова Рузилья Маратовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Тюменского государственного университета.

Галактионова Нелли Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и социально-культурных дисциплин Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий.

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета.

Комбарова Татьяна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета.

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора финансово-экономического института по научной работе Тюменского государственного университета.

Степанова Мария Вячеславовна – аспирант Тюменского государственного университета.

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета.

Шамсутдинова Наиля Кадымовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Тюменского государственного университета.

Челябинская область

Терещук Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Красноярский край

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета.

Новосибирская область

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Скворцова Оксана Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.

Омская область

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Иванов Дмитрий Сергеевич – преподаватель кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Научное издание

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ
СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
РЕГИОНОВ РОССИИ**

Материалы
X Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
г. Пермь, 14–17 октября 2014 г.

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *Л.С. Нечаевой*
Дизайн обложки *Т.А. Абасовой, Л.Г. Писорогло*

Подписано в печать 10.09.2014. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 53,47. Тираж 100 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «А Принт»
614007, г. Пермь, ул. Горького, 76